ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА В СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ТРУДАХ

1917·1940

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА В СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ТРУДАХ

(1917—1940 гг.)

— ☆ —

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1965

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА В СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ТРУДАХ (1917—1940)

Такой сборник издается впервые. Он знакомит читателя с основным содержанием наиболее значительных трудов видных советских военно-научных деятелей и полководцев по вопросам стратегии и оперативного искусства Советской Армии и Военно-Морского Флота за 1917—1940 гг.

Труду предпослано обширное предисловие начальника Генерального штаба, Маршала Советского Союза **М. В. Захарова** о развитии советской военно-теоретической мысли до Великой Отечественной войны.

Труд рассчитан на генералов, адмиралов и офицеров Советских Вооруженных Сил.

Труд подготовили к печати: доктор исторических наук полковник в отставке **А. Б. Кадишев** (руководитель); кандидат военных наук полковник запаса **А. С. Бегишев**; кандидат военных наук полковник запаса **Я. М. Горелик**; профессор полковник в отставке **Г. С. Иссерсон**; заслуженный деятель науки, доктор военных наук, профессор генерал-лейтенант **С. Н. Красильников;** полковник в отставке **И. П. Мариевский**; доцент генерал-майор авиации в отставке **Б. Ф. Свешников**; полковник запаса **Н. С. Фрумкин**; кандидат военных наук полковник в отставке **С. Н. Шишкин.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.)» знакомит читателя с наиболее значительными работами, раскрывающими содержание и развитие стратегии и оперативного искусства Советской Армии и Военно-Морского Флота до Великой Отечественной войны.

Такой сборник издается впервые. Многие из научных работ, помещенных в нем, современному поколению офицеров малоизвестны, поскольку в годы культа личности Сталина были уничтожены или сохранились в единичных экземплярах. Между тем в них наиболее четко сформулированы основные положения советской военно-теоретической мысли.

Необходимо подчеркнуть, что советская военная теория находила свое отражение не только в военно-научных трудах. Она развивалась в практике выдающихся советских полководцев и военных деятелей, которые научных трудов в области стратегии и оперативного искусства не оставили. Из них особенно заметную роль играли И. Э. Якир, В. К. Блюхер, А. И. Седякин, Р. П. Эйдеман и другие.

Ряд инструкций, наставлений, директив и уставов, в которых излагались основы ведения боя и операции, были разработаны при участии и этих видных военачальников, занимавших высокие посты в армии и на флоте. Разборы маневров и военных игр, предложения и указания военных руководителей — все это развивало теоретические положения по использованию вооруженных сил на войне.

Для более глубокого понимания читателем материалов данного сборника хотелось бы коротко рассмотреть общий ход развития советской военно-теоретической мысли до Великой Отечественной войны.

Перед Коммунистической партией и Советской страной на следующий же день после победы Великой Октябрьской социалистической революции встали практические задачи по организации защиты завоеваний пролетарской революции от внешних врагов и внутренней контрреволюции. Старая русская армия для этого не годилась. Необходимо было орга-

низовать новые вооруженные силы, которые по своему классовому составу и идеологической подготовке соответствовали бы целям пролетарской революции и были бы способны защитить Советское государство. Потребовалось разработать и принципиально новые теоретические основы строительства армии, ее боевой подготовки и ведения боевых действий. Эти трудные задачи решались Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным не сразу, а в ходе войны, на ее опыте в соответствии с насущными потребностями обстановки.

По-новому встали тогда не только организационные вопросы строительства Советских Вооруженных Сил. Руководство боевыми действиями требовало не меньшего внимания. На способах и формах ведения вооруженной борьбы сказывались особенности военно-политической обстановки, комплектование, снабжение, ограниченные материальные возможности Красной Армии, недостаток в опытном командном составе, невысокий уровень боевой подготовки войск и многое, многое другое. Таким образом, в огне гражданской войны не только создавались Советские Вооруженные Силы, но и вырабатывались новые основы военного искусства.

В ходе гражданской войны полностью подтвердились и получили свое дальнейшее развитие важнейшие положения, теоретически разработанные В. И. Лениным еще до Октября, о природе и характере современной войны и факторах, обеспечивающих победу в войне. Творчески развивая учение Маркса и Энгельса о войне и армии, В. И. Ленин обосновал ряд решающих особенностей современных войн.

Исходным моментом марксистско-ленинского учения о войне и армии является ленинское положение о социальной сущности войны и ее классовой природе, содержащее в себе коренное отличие от известной формулировки Клаузевица: война — продолжение политики насильственными средствами. Война, учил В. И. Ленин, есть продолжение не только внешней, но и внутренней политики государств, обусловленной их социальным строем и классовыми интересами. Этим определяется место и роль политики и стратегии в войне, ее подготовке и руководстве ею. Политика не только ставит цель войны, но и руководит войной на всем ее протяжении. Военная стратегия призвана вооруженными силами добиться поставленной ей цели.

Но современные войны не ограничиваются вооруженной борьбой. Они охватывают все области деятельности государства. В том или ином виде в войне участвуют широкие массы населения. Борьба ведется и в области экономики, дипломатии, идеологии и т. д. Очевидно, что только объединение в одном органе руководства всей деятельностью государства в ходе войны даст возможность вести ее наиболее успешно

(Совет рабоче-крестьянской обороны в гражданской войне, Государственный комитет обороны в Великой Отечественной войне).

Практически это единство руководства войной было осуществлено Центральным Комитетом партии во главе с В. И. Лениным в ходе гражданской войны и Центральным Комитетом партии в Великой Отечественной войне. Еще в 1918 г. ЦК партии установил, что вся «политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем».[1] Это положение о руководящей роли партии в военном строительстве армии и ее боевой деятельности, вытекающее из марксистско-ленинского учения о войне и армии, имело первостепенное значение для достижения победы и после гражданской войны стало одним из важнейших принципов советской военной науки. Последующий многолетний опыт строительства Советских Вооруженных Сил и руководства их боевыми действиями полностью подтвердил правильность этого положения.

В программе партии, принятой XXII съездом, записано, что «основой основ военного строительства является руководство Коммунистической партии Вооруженными Силами, усиление роли и влияния партийных организаций в армии и на флоте»[2].

Марксизм-ленинизм рассматривает не только социальную сущность войны, но и то, что отличает войну от других форм борьбы. В. И. Ленин писал: «...вооруженное восстание есть *особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство»[3]. Изучению и овладению этим искусством как одним из важнейших факторов победы в войне Коммунистическая партия всегда придавала большое значение. Еще в 1905 г. В. И. Ленин указал, что «ни один социал-демократ, знакомый хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений»[4].

---

[1] КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. «Сборник документов» (1917—1958). Госполитиздат, М., 1958, стр. 47.

[2] Программа Коммунистической партии Советского Союза, изд. «Правда», 1961, стр. 112.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 151.

[4] В. И. Ленин. Соч., т. 10, 5-е изд., стр. 340.

И в дальнейшем В. И. Ленин неоднократно возвращался к этой теме, подчеркивая необходимость использовать весь опыт и военную науку прошлого, критически их переработав и восприняв. Без военной науки, без использования военных знаний, говорил В. И. Ленин, победить нельзя.

В этой связи одной из важнейших проблем стало использование военных специалистов старой армии в интересах новой Красной Армии. Старая интеллигенция, с одной стороны, была носителем достижений и опыта буржуазной науки, с другой, она была обременена мелкобуржуазным мировоззрением и консерватизмом, созданными воспитанием и всем прошлым укладом жизни. А в Советских Вооруженных Силах роль руководителя, командира особо ответственна. Следовательно, проблема создания подготовленных и опытных офицерских кадров стала исключительно важной.

Необходимо отметить, что полное непонимание проблемы использования военных специалистов, их военных знаний и боевого опыта было характерно для «военной оппозиции», выступившей перед VIII съездом и на самом съезде. Преодоление этой «оппозиции» создало необходимые основы для укрепления обороноспособности армии, ее строительства и успешной боевой деятельности. Решения VIII съезда партии по военному вопросу сыграли в этом отношении исключительную роль. В основу их были положены ленинские указания о том, что наша армия должна быть обучена, вооружена и организована по последнему слову военной науки и техники. Только в этих условиях она сможет выполнить свои задачи по защите социалистического Отечества. Использование опыта современных войн, запаса знаний буржуазной военной науки, критическая переработка их без ослабления борьбы с буржуазной идеологией — все это требовало строгого применения марксистско-ленинского метода в области военно-научных знаний.

Придавая огромное значение научному подходу к решению стоявших перед партией задач во всех областях строительства Советского государства, в том числе и военной, В. И. Ленин настойчиво требовал от военных работников, чтобы они по-настоящему учились военному делу и всемерно повышали качество военного руководства. С развитием военного дела возрастает в нем и роль науки, усложняются и совершенствуются методы руководства. И только те военные руководители способны успешно решать свои задачи, которые будут обладать прочными военными знаниями, широким кругозором и правильно применять марксистско-ленинский метод.

Эти ленинские установки, записанные в решениях VIII съезда партии, стали принципиальными требованиями

в строительстве нашей армии, подготовке ее кадров и в развитии советской военно-теоретической мысли.

Определяя характер и сущность военного искусства, Энгельс, а вслед за ним и Ленин указывали, что способы ведения войны меняются и зависят от уровня производства, развития техники и что каждой эпохе соответствует свое военное искусство, свои способы ведения войны. Но и в пределах данной эпохи нет единой стратегии, общей для всех стран и народов. Стратегия определяется политикой, она конкретна и зависит от уровня экономики данного государства, его социального строя, географического положения, состояния вооруженных сил, населения и материальных возможностей, а также от тех же особенностей государств вероятных противников. Развитие советского военного искусства в свою очередь определялось всеми этими данными.

Гражданская война протекала на слабой экономической базе, при отсутствии новых военно-технических средств и огромном недостатке подготовленного командного состава. В условиях разрухи, голода и холода советские войска испытывали огромные трудности, обучались на полях сражений, на опыте успешных боев и неудач. Вместе с тем раскрепощение Великой Октябрьской социалистической революцией творческих сил трудящихся не могло не сказаться на ходе военных действий, на развитии советского военного искусства. Революционный энтузиазм трудящихся масс придал старым формам боевых действий качества, присущие борьбе пролетариата,— решительность, смелость и активность, основанные на глубокой вере в свои силы и величии целей пролетарской революции. Не случайно поэтому с невиданным ранее подъемом развертываются в ходе гражданской войны маневренные и решительные формы боевых действий Советских Вооруженных Сил — фланговые удары, охват, окружение и др. В ходе гражданской войны советское военное искусство вышло на широкий простор маневренности, которая, как справедливо отметил М. В. Фрунзе, была результатом не только чисто объективных условий гражданской войны, но и внутренних свойств Красной Армии, ее революционного духа, ее классовой природы.

Большой опыт гражданской войны, критически затем обобщенный, послужил основой для последующего развития советской военной теории. Решающую роль при этом сыграли непосредственное руководство В. И. Лениным обороной Советской республики, сделанные им теоретические обобщения опыта прошлых войн и особенно гражданской войны, его высказывания и директивы по важнейшим вопросам обороны и строительства Вооруженных Сил.

Условия гражданской войны не давали возможности для больших теоретических обобщений, опыта ведения боевых

действий. Однако и тогда военно-теоретические проблемы, хотя и в ограниченном виде, все же изучались. При этом исследователи стремились проанализировать и теоретически обобщить все то новое, что внесли в область военной науки Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война. В 1919 г. 5-я армия (командовал ею М. Н. Тухачевский) на Восточном фронте выпустила свой первый сборник «Гражданская война», который содержал «Сообщения по стратегии гражданской войны, читанные сотрудниками штаба 5-й армии»[1]. В этом сборнике рассматривались вопросы подготовки и ведения операций в гражданской войне. Почти все фронты в 1919—1920 гг. издавали свои военно-научные журналы. В конце 1919 г. М. Н. Тухачевский выступил в Военной академии с лекцией по стратегии[2], в которой обобщался опыт гражданской войны в этой области. В 1920 г. эта лекция была издана отдельной брошюрой в Ростове-на-Дону.

В период гражданской войны научные изыскания и обобщения не могли получить своего оформления в виде официальных документов — уставов, инструкций и наставлений. Уставы и наставления, которые в то время были изданы, по существу являлись перепечатанными с небольшими изменениями уставами старой русской армии.

По окончании гражданской войны представилось возможным шире развернуть военно-теоретическую работу. Главным содержанием ее явилось всестороннее изучение и обобщение опыта гражданской и первой мировой войн с учетом предполагаемых условий будущих войн империалистов против Советской республики.

Особое воздействие на развитие советской военно-теоретической мысли в первой половине двадцатых годов оказали практическая деятельность и печатные труды М. В. Фрунзе. Талантливый организатор и полководец гражданской войны, а затем руководитель военного ведомства, М. В. Фрунзе теоретически обосновал важнейшие проблемы строительства вооруженных сил и подготовки страны к обороне. Решающим условием высокой боевой мощи страны и ее вооруженных сил М. В. Фрунзе считал достижение единства взглядов по основным вопросам военного строительства, методам боевой подготовки и способам ведения боевых действий. Эти мысли М. В. Фрунзе изложил в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» и в «Докладе на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма в марте

---

[1] Этот сборник хранится в личной библиотеке В. И. Ленина в Кремле. На титульном листе книги имеется надпись: «Экземпляр В. Ленина. 24/IV—1920 г.».

[2] См. помещенную в настоящем Сборнике статью М. Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая».

1920 г.»[1]. Высказанные в этих статьях положения вызвали острые и горячие споры. Это было естественно. Установление единства взглядов по основным вопросам строительства армии и военного искусства имело огромное воспитательное значение, стало жизненной необходимостью, основой для проведения военных реформ 1924—1928 гг. Вместе с тем в процессе дискуссии выявились и ошибочные выводы о возможности уже тогда, в той обстановке, создать новую теорию пролетарского военного искусства. В. И. Ленин выступил против несвоевременности таких выводов, предупредив об опасности впасть в комчванство.

Касаясь характера будущей войны, М. В. Фрунзе говорил, что война будет классовой и неизбежно вызовет обострение классовой борьбы внутри враждебного капиталистического государства, начавшего агрессию против Советской республики. Не отрицая возможности молниеносных ударов, он считал также, что будущие столкновения приведут к затяжной войне.

В оценке характера операций будущей войны М. В. Фрунзе исходил из предположения ее высокой маневренности, однако не исключал возможности применения и позиционных форм ведения борьбы на отдельных участках. Настойчиво культивируя идею маневренности, он усматривал в этом один из путей преодоления военно-технического преимущества наших возможных противников.

В тесной связи с маневренностью М. В. Фрунзе ставил оборону и наступление. Он приходил к следующим выводам: наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны; оборона имеет своей задачей обеспечить успешный переход в наступление; Красную Армию надо воспитывать в наступательном духе.

Взгляды М. В. Фрунзе оказали большое влияние на развитие советской военно-теоретической мысли в середине двадцатых годов. Они нашли отражение и в официальных наставлениях, в частности, в Полевом уставе 1925 г., в наставлении «Высшее командование», утвержденном М. В. Фрунзе и изданном в 1924 г., а также в боевых уставах пехоты и других родов войск, вышедших в 1924 г. Издание этих документов имело огромное значение для установления единства взглядов в области оперативно-тактической мысли.

Большая работа была проведена при непосредственном участии М. В. Фрунзе и по реорганизации наших Вооруженных Сил, вошедшей в историю под названием Военной реформы. Эти мероприятия коснулись всех сторон военного организма. Основное внимание было направлено на мобилизационную готовность, увязку оперативно-стратегических

---

[1] Эти статьи приводятся в настоящем Сборнике.

предположений с реальными возможностями государства, на поднятие обороноспособности страны в целом.

В первую очередь была произведена реорганизация центрального военного аппарата. Из Штаба РККА были выделены все несвойственные ему функции. При этом М. В. Фрунзе указывал, что разработка оперативных вопросов и мобилизационных планов должна проводиться с учетом экономических, политических и стратегических возможностей Советского Союза. По его мнению, этот оперативный штаб должен стать «не только мозгом Красной Армии,— он должен стать военным мозгом для всего нашего Советского государства и должен поставлять тот материал, который ляжет в основу работы Совета обороны»[1].

В 1925 г. в составе Штаба РККА было создано Управление по исследованию и использованию опыта войны. За короткий срок оно выпустило много ценных военно-исторических работ, создав этим прочную базу для возможности развития военной теории. Существенное значение имело также омоложение центрального аппарата Военного ведомства. В Штаб РККА и главные управления пришли молодые кадры с опытом гражданской войны, окончившие Военную академию и Высшие академические курсы (ВАК). Они принесли с собой свежесть, пытливость и смелость мысли, волю и энергию в работе, горячую преданность Советской власти. Привлечение молодых офицеров с одновременным широким использованием опыта старых кадров позволило удачно сочетать в работе центрального аппарата теорию с практикой и придать ей целеустремленный характер.

В тот период армия строилась по милиционно-территориальному принципу. В 1926 г. территориальные формирования составляли 65% всех Советских Вооруженных Сил. Это полностью отвечало требованиям программы партии и резолюции по военному вопросу, принятых VIII съездом партии. В основу строительства Вооруженных Сил была положена смешанная система кадровых и милиционных формирований. Практически смешанная система обусловливалась военным бюджетом, соображениями надежного оперативного прикрытия страны, расчетами мобилизационного плана по обеспечению развертывания необходимого количества первоочередных дивизий и по созданию достаточного запаса военно-обученного контингента людей в стране. Учитывались и нужды народного хозяйства: короткие сроки боевой подготовки в территориальных частях Красной Армии не отрывали людей от их хозяйственной деятельности.

В двадцатых годах видное место в военно-научной работе получило созданное при Военной академии Генерального

---

[1] М. В. Фрунзе. Собрание сочинений, т. II, стр. 32.

штаба 13 октября 1920 г. Военно-научное общество. Оно ставило своей задачей изучение и использование опыта классовой войны эпохи пролетарской революции.

Создание этого общества диктовалось, в частности, и тем, что академическое преподавание было в значительной мере оторвано от действительности, носило абстрактный характер. Профессорско-преподавательский состав, состоящий почти целиком из военных специалистов старой армии, не смог еще перестроиться. В 1920 г. не читался еще курс истории гражданской войны и даже истории первой мировой войны на русском фронте.

Между тем слушательский состав академии резко изменился. В нем было свыше 50% рабочих и крестьян и до 80% коммунистов, имевших большой боевой опыт гражданской войны и отчасти первой мировой войны, они нуждались в практической подготовке к военной деятельности в новой обстановке на основе всестороннего осмысливания опыта последних войн с новых марксистско-ленинских методологических позиций. Вот почему Военно-научное общество получило широкое признание, его деятельность была весьма полезной. Вместе с тем оно олицетворяло собой борьбу нового со старым, прогрессивное стремление согласовать теорию с революционной практикой и развивать военное дело и искусство на основе марксистско-ленинского учения о войне и армии. Эти обширные задачи выводили молодые военно-научные кадры на широкий путь творческих обобщений опыта прошлого и научного поиска нового в соответствии с изменившейся социальной обстановкой в Советской республике.

Военно-научное общество создало свои периодические органы печати, выпускало сборники и другую литературу. Зародившись в Академии Генерального штаба, оно вскоре охватило своими отделениями и организациями другие военные академии и войска по всей территории Советской республики. В целях объединения и руководства деятельностью ВНО в мае 1925 г. состоялось Всесоюзное совещание отделений этого общества, на котором был создан временный Центральный совет ВНО во главе с М. В. Фрунзе. Общество стало широкой массовой организацией, и к 1926 г. насчитывало в своих рядах до 300 тыс. человек. В 1926 г. состоялся Всесоюзный съезд этого общества. На нем с докладами выступили М. Н. Тухачевский — «Вопросы современной стратегии», В. К. Триандафиллов — «Размах операций современных армий», С. С. Каменев и Р. С. Циффер — «Основные вопросы современной тактики», С. А. Пугачев — «Основы подготовки страны к обороне». Эти и другие доклады отражали успехи советской военно-теоретической мысли. Съезд не только подвел итоги военно-теоретической работы прошлого, но и наметил перспективы ее дальнейшего развития.

К тому времени вышло уже много военно-теоретических трудов, которые дали возможность полнее обобщить богатый опыт последних войн. Такими были труды В. Новицкого, И. Вацетиса, А. Базаревского, А. Зайончковского, Б. Шапошникова, А. Коленковского и других по первой мировой войне и труды М. Тухачевского, А. Бубнова, С. Гусева, В. Меликова, Н. Какурина, Г. Гая, Е. Шиловского, Н. Варфоломеева и других — по гражданской войне.

Одним из важнейших результатов изучения опыта предшествовавших войн была теория ведения последовательных операций. В своей работе «Поход за Вислу», изданной в 1923 г., М. Н. Тухачевский так ее обосновал: «невозможность при современных широких фронтах уничтожить армию противника одним ударом заставляет достигать это рядом последовательных операций... Ряд последовательно введенных уничтожающих операций, соединенных непрерывным преследованием, может заменить собой уничтожающее сражение, которое было лучшим видом столкновения в прежних армиях» [1].

Эта теория последовательных операций получила дальнейшее развитие в ряде военно-научных работ двадцатых годов, особенно в трудах Н. Н. Мовчина [2], Н. Е. Варфоломеева [3], В. К. Триандафиллова [4] и других. Авторы работ считали, что последовательные операции всегда имели и будут иметь преимущество, поскольку позволяют переходить от одной частной цели к другой, сохраняя в то же время единство общей цели. Они считали также, что при средней в тот период продолжительности в 6—7 суток армейская операция может иметь глубину 75—90 км, а фронтовая — в пределах до 200 км. Высказывалось мнение о том, что группировка армейских операций должна непосредственно вытекать из замысла фронтового командования. Изучение проблемы ведения последовательных операций в известной мере явилось предпосылкой для последующей (в тридцатые годы) разработки глубокой операции.

Весьма существенным явлением, содействовавшим успешному развитию военно-теоретической мысли в двадцатых годах, стало выделение из области стратегии оперативного искусства и оформление его в самостоятельную область военной теории. Господствовавшая до начала двадцатых годов двухчленная формула «стратегия — тактика» получила деле-

---

[1] М. Тухачевский. Поход за Вислу. Смоленск, 1923, стр. 25—27.

[2] Н. Мовчин. Последовательные операции по опыту Марны и Вислы. М., 1928.

[3] Н. Варфоломеев. Ударная армия. ГИЗ, М., 1933 (часть этой книги помещена в сборнике).

[4] В. Триандафиллов. Характер операций современных армий. ГИЗ, М., 1929.

ние на три части: «стратегия — оперативное искусство — тактика». Это сказалось самым благоприятным образом на всей методике преподавания и изучения назревших проблем военного искусства. В 1924 г. в Военной академии создается отдельная кафедра «Ведение операций». Ранее лекции о ведении операций составляли лишь часть общего курса ведения войны, т. е. стратегии в прежнем понимании. Создание же такой самостоятельной учебной дисциплины позволило углубленно подойти к всестороннему изучению подготовки и проведения операции. Предметом изучения оперативного искусства того периода была система последовательных операций.

По словам Н. Е. Варфоломеева, она характеризовалась следующей схемой: цели операции — сокрушение, полный разгром живых сил противника; метод действий — непрерывное наступление; средство — длительное оперативное преследование, избегающее пауз и остановок и осуществляемое рядом последовательных операций, из которых каждая является промежуточным звеном на пути к конечной цели, достигаемой в последней, завершающей, решительной операции [1].

Другой составной частью исследования современной операции стало изучение ее материального обеспечения. Этому особенно содействовало усвоение опыта советско-польской кампании 1920 г. А в системе последовательных операций, не терпящей пауз и остановок, материальное обеспечение приобретало особое значение. Однако как в академической учебе, так и в оперативных задачах и играх материальный расчет в проведении операции не получил еще заслуживаемого внимания. Опыт же прошлых войн показал все более возрастающую роль тыла в войне. Проблема организации тыла и его особое значение в подготовке обороны страны и в боевых действиях стали одними из важнейших задач стратегии и оперативного искусства. М. В. Фрунзе в своем выступлении в Военной академии в 1924 г. обратил на это особое внимание и потребовал включить в стратегию изучение вопросов организации тыла и снабжения. С этой же целью по указанию М. В. Фрунзе в 1924 г. в Военной академии был создан особый факультет снабжения. Он был призван готовить высококвалифицированных работников оперативного тыла с большим стратегическим кругозором, способных также руководить подготовкой и мобилизацией народного хозяйства в интересах обороны страны.

Теоретическая разработка вопросов организации и ведения операции в последующем своем развитии совершенство-

---

[1] Н. Варфоломеев. Стратегия в академической постановке. «Война и революция», 1928, № 11, стр. 88.

валась в полном соответствии с изменяющейся материально-технической базой и условиями строительства Вооруженных Сил Советского государства. Наиболее полно проблемы оперативного искусства конца двадцатых годов нашли отражение в работе В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий»[1], вышедшей в 1929 г. Характерной особенностью этой книги является стремление автора избежать общих рассуждений. Свои теоретические обобщения и выводы автор обосновывал конкретными практическими данными — материальным состоянием Красной Армии, армий вероятных противников и возможными в тех условиях тактическими и оперативными нормами. Автор в своих теоретических выводах стремился показать, в каком направлении развивается военное дело. В этом заключалась научная ценность книги.

Уставы и наставления, вышедшие в тот период, являлись практическими пособиями по обучению и боевой подготовке войск, отражали соответствующий уровень их материальной обеспеченности, но в то же время в своих принципиальных положениях исходили из прогноза возрастающего влияния техники и ее роли в будущих войнах. (В новом Полевом уставе 1929 г. много внимания уделялось роли танков и авиации в будущих войнах. Вводится танковая группа дальнего действия, подчеркивается значение массированной авиации, ставятся задачи противовоздушной, противотанковой и противохимической обороны.)

Но если в области становления и развития оперативного искусства в двадцатых годах наблюдалось известное единство взглядов и суждений по основным его проблемам, то в области военной стратегии этого не было. Причин тому много. Среди них наиболее существенно то обстоятельство, что после Октябрьской революции и создания Советского государства соотношение социальных сил на международной арене и внутри государства, а также возможных военных группировок глубоко изменилось, и стратегия в широком ее понимании нуждалась в коренной переработке на основе марксистско-ленинской методологии. Здесь один только учет опыта прошлого был недостаточен. В качестве примера можно привести курс «Стратегии», который профессор А. А. Свечин читал в Военной академии (а затем выпустил отдельной книгой). В той части, где рассматривался вопрос ведения вооруженной борьбы на фронтах, автор давал полезный материал, но, как только приступал к рассуждениям о подготовке и ведении войны в целом, впадал в схоластику. Активный последователь известного немецкого историка Ганса Дельбрюка, сторонника преимуществ «стратегии из-

---

[1] Основная часть этой книги приведена в Сборнике.

мора», идеалист А. А. Свечин не смог уйти дальше обобщений опыта последних войн и стратегических теорий своих предшественников. Он не смог понять новых явлений в нашей общественной жизни, строительстве Советского государства и его Вооруженных Сил, не усмотрел перспектив их развития, а следовательно, и возможного развития военного искусства. Он пытался дать общую абстрагированную стратегию, годную для любой страны. Его мышление, хотя и было подчас оригинальным, по своему духу оставалось консервативным. Между тем книга А. А. Свечина по существу была тогда единственной открытой серьезной работой по стратегии[1]. Она имела большое распространение и оказала положительное воздействие на развитие вопросов военной теории хотя бы тем, что давала большой материал для размышлений и дискуссий, порой очень острых и длительных, в процессе которых вырабатывалось и оформлялось правильное марксистское понимание и толкование подлинной сущности и задач военного искусства.

Больше всего споров возникло вокруг вопроса о «стратегии измора» и «стратегии сокрушения».

По определению А. А. Свечина, стратегия сокрушения стремится единым порывом достигнуть поставленной цели и ряд последовательных операций рассматривает как единое целое. Стратегия сокрушения добивается решающих побед путем сокрушительного разгрома живой силы противника. Она оперирует элементами быстроты и прямолинейности действий и массивностью удара. Генеральное сражение рассматривается не как средство ведения войны, а получает самодовлеющее значение. Все подчинено основной идее стратегии сокрушения, которая должна обеспечить решающий успех. И этим определялась стратегическая линия поведения.

«Стратегия измора» основана на постепенном изматывании и ослаблении противника. Она сочетает последовательное решение ограниченных задач с гибкой тактикой маневрирования для создания необходимого превосходства в интересах последнего, решающего удара. При этом преобладающее значение имеет не уничтожение живой силы противника (это лишь часть задачи вооруженного фронта), а всемерное ослабление противника в политическом и экономическом отношении. И этим определялась линия поведения стратегии измора в войне.

По существу эти категории в определении А. А. Свечина представляли собой своеобразную трактовку известных положений Клаузевица о войнах с решающей и с ограниченной целями применительно к новым условиям двадцатого века. Однако в широко развернувшейся дискуссии они получили

---

[1] Наиболее интересные разделы этой книги помещены в Сборнике.

иное освещение и стали рассматриваться в свете характера будущих войн и задач революционных армий. В этом аспекте основные возражения против стратегии измора сводились к тому, что она направлена против решительных революционных наступательных войн, которые будут поддержаны взрывом обостренных классовых противоречий в стане противника. Но сторонники стратегии сокрушения должны были все же признать, что в тех условиях ведения войны необходимо было ориентироваться не на молниеносные сокрушительные удары, а на длительную, упорную войну, которая не всегда могла быть маневренной и в которой задачи истощения противника должны были играть немалую роль.

Вообще говоря, противопоставлять указанные категории стратегии одну другой неразумно. Одноактные наполеоновские сокрушительные удары уже давно отошли в область истории. Современные войны не знают единого способа ведения войны, и «сокрушение» и «измор» как стратегические формы могут и дополнять друг друга, и меняться в ходе войны. Но все же эта дискуссия, принявшая тогда широкий характер, в итоге содействовала укреплению наступательного начала в советской военной доктрине и убеждала в его преимуществе перед обороной. Она привела к дальнейшей разработке взглядов, высказанных еще М. В. Фрунзе, о необходимости воспитывать кадры армии в духе маневренной стратегии, активности, инициативы и решительности действий в наступательных операциях.

Были и выступления о выгодах оборонительного образа действий как способа вооруженной борьбы при недостатке в силах и слабой организации тыла. Но эти взгляды не встретили большой поддержки. С таким положением выступил, например, А. И. Верховский. Объединив разные по своему содержанию понятия — оборону как форму боевых действий и оборонительную войну в политическом отношении, он пришел к выводу, что оборонительное сражение дает крупные политические выгоды и позволяет наращивать силы. С этой точки зрения, заключал он, нам выгоднее в первых боях отдать Минск и Киев, чем взять Белосток и Брест. Сильный избирает «Канны», слабый — «Полтаву». Такая стратегическая концепция, находившаяся в резком противоречии с духом советской военной доктрины, была, конечно, решительно отвергнута.

Буржуазная военная наука переживала тогда тяжелый кризис. В поисках целесообразных форм строительства вооруженных сил буржуазные военные писатели исходили из двух положений: стремления максимально использовать растущую военную технику и боязни создания и вооружения массовых армий. На этой основе возникли распространенные тогда теории де Голля, Секта, Зольдана и других о целесо-

образности организации малых профессиональных отборных армий, хорошо вооруженных и могущих быть опорой буржуазии и основной силой для развертывания массовой армии в будущей войне. Другие теории, например, Дуэ, Фуллера преувеличивали значение техники в будущих битвах. Они правильно отмечали большую роль крупных авиационных и танковых соединений в будущей войне, но совершенно неверно полагали, что авиация и танки в состоянии в короткий срок самостоятельными действиями решить исход войны.

В действительности ни одно из капиталистических государств не пошло по пути этих модернистских теорий, а в нашей военно-теоретической мысли они вообще не нашли себе места. Но некоторые видные военные писатели, стоявшие не на марксистских идейных позициях, все же пытались обосновать возможность замены в будущих войнах массовой армии небольшой, технически оснащенной и в классовом отношении отборной армией «рыцарей»[1].

Базируясь на развитии военной техники двадцатых годов за рубежом и на оснащении ею Красной Армии, наша военно-теоретическая мысль правильно ориентировалась на то глубокое воздействие, которое новая военная техника могла оказать на структуру армии и на военное искусство. Но в то же время она не отказывалась от принципа массовости армий. Следует отметить, что уже к концу двадцатых годов армия значительно усилилась новыми и модернизированными образцами артиллерийского вооружения, что резко увеличило ее огневую мощь.

Принятый XVI партийной конференцией в 1929 г. пятилетний план индустриализации страны позволял предвидеть реальную возможность в ближайший период реорганизовать армию на началах ее широкой механизации и оснащения авиационной техникой. Начавшееся техническое перевооружение армии сыграло исключительную роль в развитии советской военной теории, приведшей затем к широкой разработке глубокой операции.

Зачатки тактики глубокого боя можно видеть уже в выступлениях в конце двадцатых годов М. Н. Тухачевского, в работах В. К. Триандафиллова, статьях И. П. Уборевича. М. Н. Тухачевский и В. К. Триандафиллов в особых докладных записках обосновывали потребность Красной Армии в оснащении ее танками и авиацией в целях наиболее успешного ведения боевых действий. Триандафиллов считал целесообразным иметь три эшелона танков (НПП, ДПП и ДД), которые позволяли бы атаковать противника на всю глубину его боевого порядка. В 1929 г. И. П. Уборевич, оценивая

---

[1] См. в настоящем Сборнике раздел в работе А. И. Верховского «Характеристика сражения будущего».

тактико-технические свойства танков, указывал на возможность смелого и быстрого поражения боевого порядка противника в возможно короткий срок и на наибольшую глубину[1]. Так советская военно-теоретическая мысль, опережая развитие экономики Советского государства, вооружила армию целеустремленной перспективой.

Значительным явлением в развертывании советской военно-научной работы в тот период стало создание военной секции при Коммунистической академии, которая начала свою планомерную работу в 1929 г. и сыграла заметную прогрессивную роль. Возглавлял ее видный партийный и военный деятель А. С. Бубнов, в ее президиум вошли М. Н. Покровский, Я. Б. Гамарник, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдеман. К. А. Мехоношин, А. М. Вольпе. Военная секция ставила своей задачей объединить научные марксистские кадры различных специальностей, работающие над военно-теоретическими и военно-историческими проблемами.

Два основных фактора оказали в те годы непосредственное воздействие на развитие советской военно-теоретической мысли. В стране успешно стали развиваться мощная социалистическая промышленность и коллективизированное сельское хозяйство, что создало для Советских Вооруженных Сил новую, более широкую материально-техническую и социальную базу. В то же время нарастала угроза нового военного нападения на Советский Союз. XVI съезд КПСС, собравшийся в 1930 г., подчеркнул усилившуюся подготовку империалистов к войне против СССР. Все это требовало новых широких военно-теоретических исследований. М. Н. Тухачевский тогда писал: «...мы, конечно, не можем остаться на прежнем уровне нашего военно-теоретического мышления..., мы не можем не учитывать в теории военного дела Красной Армии пятилетнего плана..., не реагировать на него соответствующим перестроением военно-теоретических положений»[2]. Военно-теоретическая мысль исходила тогда из следующей общей политической установки, записанной в Полевом уставе 1936 г.: «Всякое нападение на социалистическое государство рабочих и крестьян будет отбито всей мощью Вооруженных Сил Советского Союза с перенесением военных действий на территорию напавшего врага. Боевые действия Красной Армии будут вестись на уничтожение. Достижение решительной победы и полное сокрушение врага являются основной целью в навязанной Советскому Союзу войне».

---

[1] См. приведенную в Сборнике статью И. П. Уборевича «Оперативное использование танков».

[2] М. Н. Тухачевский. О характере современных войн в свете решений VI конгресса Коминтерна. Записки, т. I, Комакадемия, 1930, стр. 20.

Советская военно-теоретическая мысль представляла себе будущую войну как вооруженную борьбу огромных миллионных армий, в которой воюющие стороны преследуют решительные цели — полное сокрушение противника. Война достигает колоссального размаха и напряжения. Она не может быть молниеносной, т. е. окончиться одной, хотя бы и гигантской, стратегической операцией. Считалось, что вооруженная борьба будет складываться из ряда последовательных ударов, которые образуют систему последовательных операций крупного стратегического значения. Советская военная мысль пришла к выводу, что массовые армии, развернувшись, образуют сплошной стратегический фронт, упирающийся флангами в недоступные районы (моря, нейтральные государства и т. д.).

Из всего этого следует, что испытанные формы и методы вооруженной борьбы, основанные на опыте прошлых войн и старой материально-технической базе, даже если модернизировать старую технику, нельзя без изменения использовать для достижения победы. Возникла необходимость применить такие формы и методы вооруженной борьбы, которые позволили бы преодолеть сильный огонь сплошного фронта и уничтожить оперативные группировки противника в интересах достижения стратегического успеха. «Главная и основная задача военного искусства,— писал начальник Штаба РККА А. И. Егоров,— не допустить образования сплошного фронта, придавая операциям и бою сокрушительный удар и быстрый темп» [1]. Это означало стремление придать вооруженной борьбе маневренный характер и избежать позиционной войны. Советская военная мысль признала наиболее эффективным способом решения этой задачи тот, при котором противнику будут наноситься удары огромной пробивной силы по всей глубине его построения. Нанесение таких ударов возможно только с помощью глубокого эшелонирования массы взаимодействующих стрелковых войск, танков и артиллерии, поддерживаемых авиацией. Этот способ боевых действий получил название глубокой операции.

Глубокая операция как процесс включала несколько стадий: прорыв совместными усилиями пехоты, танков, артиллерии и авиации тактической обороны и образование в ней бреши; развитие тактического успеха в оперативный путем ввода через эту брешь массы танков, мотопехоты, механизированной конницы, а также путем высадки воздушных десантов (разгром резервов и ликвидация оперативной обороны противника); развитие оперативного успеха (оперативное преследование) до полного разгрома группировки про-

---

[1] См. помещенную в Сборнике статью А. И. Егорова.

тивника, избранной в качестве объекта операции, и занятие выгодного исходного положения для новой операции. Первая стадия является основанием глубокой операции, так как без прорыва тактической обороны она вообще могла не состояться, т. е. срывалась. Но сущность ее заключалась в том, что взаимодействующие между собой артиллерия, танки (несколько эшелонов), авиация и пехота наносят одновременное поражение боевому порядку противника на всю его глубину и как бы одним внезапным глубоким и мощным ударом проламывают его оборону, образуя в ней бреши, и стремятся выйти на оперативный простор. При этом все рода войск действуют в интересах пехоты.

Главное в этом способе наступательного боя — отказ от линейных форм борьбы, поражение противника не на линии непосредственного соприкосновения с выталкиванием его назад, а глубокое воздействие, выражающееся в одновременном уничтожении, подавлении, сковывании главной группировки противника, ее окружении и полном разгроме.

Вторым условием успеха глубокой операции являлся выход подвижных войск (танки, мотопехота, механизированная конница, воздушные десанты) в оперативную глубину обороны противника. Только при этом условии можно было взломать неподвижный фронт изнутри и, используя стрелковые войска и танки НПП и ДПП, придать вооруженной борьбе маневренный характер.

Соответственно этому считалось, что оперативное построение ударной группы должно всегда включать: эшелон прорыва, состоящий из стрелковых войск (усиленных стрелковых корпусов); эшелон развития прорыва, образуемый подвижными войсками (танками, мотопехотой, моторизованной конницей), обладающими большой подвижностью и ударной силой; авиационную группу и группу воздушно-десантных войск. На главном направлении рекомендовалось создать ударные армии (корпуса), обильно оснащенные боевой техникой, транспортом и средствами связи. Другим важнейшим условием успеха главной операции считались завоевание господства в воздухе, изоляция района сражения от подходящих резервов противника и воспрещение подачи материальных средств его атакованным войскам.

Теория глубокой операции утверждала такой способ ведения операции, при котором действия ударных, сковывающих и других групп, эшелонов прорыва и развития прорыва [1], тактически не связанных между собой, объединяются по фронту и в глубину, на земле и в воздухе в ударный меха-

---

[1] В Великой Отечественной войне эшелон развития прорыва включал в себя подвижные войска — танковые армии, танковые и механизированные войска и конницу.

низм, обеспечивающий одно целеустремленное воздействие на оперативную группировку противника до полного ее разгрома. При этом возможными формами оперативного маневра в наступательных операциях могли быть: фронтальный удар, удар по сходящимся направлениям (двойной прорыв с использованием благоприятной конфигурации фронта), комбинированный удар — организация нескольких ударов различной мощности на широком фронте (так называемые дробящие удары), обход (одного или обоих флангов), окружение. Все эти формы оперативного маневра нашли широкое применение впоследствии, в годы Великой Отечественной войны.

Такова в общих чертах теория глубокой операции, или, иначе, теория глубоких форм вооруженной борьбы. Реальность ее обеспечивалась материально-технической базой, создаваемой быстро развивавшейся индустрией Советского Союза.

Техническая реконструкция армии во всех областях строительства достигла больших успехов. Общий ее итог к 1939 г. выразился в следующих показателях, которые были приведены в докладе Народного комиссара по военным и морским делам на 4-й сессии Верховного Совета в 1939 г.: количество танков с 1930 г. возросло в 43 раза, самолетов — в 6,5 раза, тяжелой, средней и легкой артиллерии — в 7 раз, противотанковой и танковой артиллерии — в 70 раз, пулеметов — в 5,5 раза. Если в 1930 г. на одного бойца приходилось 3,7 механической лошадиной силы, то в 1939 г. — 13, несмотря на то, что за это время общая численность армии возросла в 3,5 раза.

Одновременно была пересмотрена и система строительства Вооруженных Сил. Законом о всеобщей воинской повинности 1 сентября 1939 г. был осуществлен отказ от милиционно-территориальных формирований и полный переход к кадровой армии. К 1936 г. численность кадров армии составляла 1300 тыс., к 1937 г. — 1433 тыс. человек. Большинство составляли рабочие и колхозники, получившие общее образование и знакомые с техникой народного хозяйства.

Таким образом, советская военная теория, отражая практику строительства Вооруженных Сил, оставалась теорией массовой армии, оснащенной всеми новейшими техническими средствами борьбы.

Теория глубоких форм вооруженной борьбы заняла в тридцатых годах видное место в научной подготовке офицерских кадров. Оперативный факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе, а затем в Академии Генерального штаба, а также Управление боевой подготовки уделяли много внимания систематизации ее положений, прикладному и расчетному оформлению (применительно к фронту и армии).

В феврале 1933 г. Красная Армия получила уже официальное руководство — «Временные указания по организации глубокого боя». Оно было выпущено под руководством начальника Управления боевой подготовки А. И. Седякина и издано Генеральным штабом.

В 1936 г. вышел новый Полевой устав (Временный ПУ — 36), в котором уже полностью отражались тактика глубокого боя и некоторые элементы глубокой операции. Полевой устав был разработан под непосредственным руководством М. Н. Тухачевского и А. И. Егорова. Тогда же готовилось оперативное наставление, которое так и не увидело света в связи с начавшимися вскоре массовыми репрессиями в армии, порожденными культом личности Сталина.

Репрессии 1937 г. и последующих лет принесли армии, как и всей стране, огромный вред. Они лишили Красную Армию и флот наиболее опытных и подготовленных в военно-теоретическом отношении кадров, талантливых исследователей и высококвалифицированных военачальников. Это отрицательно сказалось на дальнейшем развитии военно-теоретической мысли. Глубокое изучение военно-научных проблем, разработка принципиальных вопросов вождения войск стали заменяться узким, чисто прикладным их решением — ползучим империзмом. А стратегия как наука и учебная дисциплина в военных академиях вообще не стала изучаться. Все это явилось результатом не только необоснованных репрессий, но и того тупика, в котором оказались общественные науки, в том числе и военные. Военная теория сводилась по существу к составлению мозаики из высказываний Сталина по военным вопросам. Теория глубокой операции стала подвергаться сомнению на том основании, что о ней нет высказываний Сталина, что ее создатели — «враги народа». Такие ее элементы, как, например, самостоятельные действия мотомеханизированных и кавалерийских соединений впереди фронта и в оперативной глубине противника, назывались даже «вредительскими» и по этой вздорной причине отвергались.

Перечисленное выше, а также неправильно понятый ограниченный опыт войны в Испании в 1936—1939 гг. привели к расформированию в конце 1939 г. всех механизированных корпусов — этих ударных сил глубокой операции. Одновременно были попытки резко изменить и задачи авиации, сведя их в сущности к действиям только над полем боя в тесной тактической связи с наземными войсками, ведущими этот бой.

Такие мероприятия свидетельствовали о повороте военной теории назад — к линейным формам борьбы в оперативном масштабе.

Вследствие этих же причин советская военно-теоретическая мысль не смогла должным образом обобщить и опыт боев в районе оз. Хасан, у р. Халхин-Гол и в войне с бело-

финнами. Особое значение имел опыт прорыва линии Маннергейма, успех которого был достигнут построением глубоко эшелонированных боевых порядков войск и непрерывным наращиванием удара резервами из глубины. Все это подсказывало необходимость новых организационных форм и методов использования при этом артиллерии, танков и авиации, которые не были претворены в жизнь.

Вторая мировая война показала, что фашистская Германия использовала разработанные нами ранее методы глубокой операции. Немцы позаимствовали достижения советской военно-теоретической мысли и не без успеха применяли их в войне с Польшей и на Западе.

Учитывая опыт уже начавшейся второй мировой войны, летом 1940 г. было начато восстановление механизированных корпусов. Однако время было упущено. К тому же к началу войны не удалось перевооружить армию новой материальной частью усовершенствованных конструкций. Большинство танков, самолетов, противотанковых и зенитных орудий в приграничных войсках было еще старого образца. По своим тактико-техническим данным они уступали технике германской армии. Особо остро обстояло с автотранспортом и средствами механической тяги, что резко сказывалось на маневренной способности войск.

Все это создавало определенное несоответствие между практическими возможностями войск и теоретическими и учебными рекомендациями по их оперативному и тактическому использованию.

Наши оперативно-стратегические взгляды накануне Великой Отечественной войны наиболее полно были изложены на совещании, проведенном Главным военным советом в декабре 1940 г. Основные их положения были сформулированы в заключительной речи Народного комиссара обороны СССР на этом совещании. Указывалось, что наши вооруженные силы должны быть подготовлены как к действиям в маневренных условиях, так и к прорыву современных сильно укрепленных оборонительных полос. Особо подчеркивалось последнее. В этих указаниях сильно сказывалось влияние опыта прорыва линии Маннергейма в 1940 г. и делался вывод, что при современном техническом оснащении армий и средствах для организации долговременной обороны основным видом наступательной операции является прорыв, завершаемый окружением и полным разгромом противника. Как пример организации прорыва укрепленных районов приводился опыт прорыва линии Маннергейма. Это положение о необходимости организации прорыва укрепленных районов противника распространялось и на начальный период войны. Исходя из того обстоятельства, что границы государств, особенно на важнейших направлениях, заблаговременно

сильно укреплены и что обход их не всегда будет возможным, считалось, что военные действия с начала войны не будут иметь характера встречного сражения, а потребуют с самого начала войны организации прорыва фронта вплоть до укрепленных районов.

Проблема начального периода ведения войны с его высокой динамичностью боевых действий и борьбой за овладение оперативной и стратегической инициативой осталась в тени. Теория маневренных операций в начальный период ведения войны не была разработана, хотя к этому времени имелся уже достаточно большой опыт маневренных действий начавшейся второй мировой войны на Западе, в том числе и опыт позиционной борьбы французской армии за линию Мажино, на которую возлагалось много надежд и которая, как известно, не смогла выполнить поставленной ей задачи.

В разработке вопросов советской военной теории в нашей печати широкие маневренные операции и их особенности недооценивались, не получили должного освещения. Считалось, что маневр может получить свое развитие в оперативной глубине противника после прорыва его сплошного фронта. Мало было уделено внимания отработке способов ведения оборонительных операций, в особенности стратегической обороны, и в связи с этим способов ведения боевых действий в условиях отхода, окружения и выхода из окружения. Сам процесс проведения глубокой операции ограничивался определенно установленной схемой, но действительность, как мы затем убедились, оказалась разнообразнее и сложнее, а главное требовала от всего командного состава снизу доверху высокой подготовки, твердых навыков и большой гибкости в планировании и управлении маневренными операциями и действиями войск, в особенности в начальном периоде войны.

Война подтвердила правильность взглядов на ведение глубоких операций и в первую очередь на использование эшелонов оперативного развития успеха, особенно с 1943 г., когда наши наступательные операции в соответствии со складывавшейся обстановкой начинались с прорыва обороны противника, в который в последующем вводились подвижные войска, танковые армии, танковые и механизированные корпуса.

Великая Отечественная война показала, что основные принципиальные положения советской военной теории оказались правильными. Они основывались на верном прогнозе характера будущей войны и в соответствии с этим на правильной системе организации Вооруженных Сил и обороны Советского Союза.

Маршал Советского Союза М. ЗАХАРОВ

★★★

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящем Сборнике помещены основные материалы по вопросам стратегии и оперативного искусства из военно-научных работ М. В. Фрунзе, М. Н. Тухачевского, С. С. Каменева, И. П. Уборевича, И. И. Вацетиса, Б. М Шапошникова, А. А. Свечина, А. И. Верховского, В. К. Триандафиллова, С. М. Белицкого, А. М. Вольпе, А. И. Егорова, Г. С. Иссерсона, Н. Е. Варфоломеева, С. Н. Красильникова, Е. Н. Шиловского, В. А. Меликова, М. Р. Галактионова, а также ряда авторов, известных своими исследованиями в области оперативного применения мотомеханизированных войск, военно-воздушных и военно-морских сил: К. Б. Калиновского, Ф. И. Кузнецова, В. П. Крыжановского, С. Н. Аммосова, В. В. Фавицкого, И. П. Сухова, А. Н. Лапчинского, В. В. Хрипина, Е. И. Татарченко, А. С. Алгазина, Б. Л. Теплинского, Б. Б. Жерве, И. М. Лудри, К. И. Душенова, А. М. Якимычева, А. П. Александрова, И. С. Исакова, Ю. А. Пантелеева, В. А. Белли.

В Сборнике даются также имена наиболее известных авторов и краткая характеристика их военно-научных трудов по вопросам стратегии и оперативного искусства, которые не использованы в настоящем издании.

В подборе и расположении публикуемых материалов учитывались, во-первых, хронологический порядок их выхода из печати (причем, так как многие авторы выступали на протяжении ряда лет, в основу положено начало их военно-литературной деятельности) и, во-вторых, их место в развитии советской военно-теоретической мысли. Этим составители стремились, чтобы настоящее издание представляло собой не разрозненное изложение материалов, а в пределах возможности отражало последовательное развитие советской военной теории.

Материалы по оперативному использованию мотомеханизированных войск и авиации, а также по развитию искусства Военно-Морского Флота в интересах сохранения целостности теоретических исследований по этим вопросам выделены в отдельные разделы.

Помещенные в Сборнике материалы подобраны по следующей основной тематике:

а) теоретические взгляды на войну;

б) характер войны современной эпохи;

в) вопросы подготовки страны и вооруженных сил к войне;

г) характер и способы ведения современных операций;

д) организация и обеспечение операций;

е) управление войсками в операции.

При этом публикуется только принципиальное содержание теоретических трудов, имеющее исследовательский характер. Исторический материал, встречающийся у многих авторов и относящийся главным образом к первой мировой войне, в основном опущен как не отвечающий задачам Сборника.

При чтении помещенных в Сборнике материалов следует учитывать, что они создавались в условиях военно-политической обстановки того времени. Многие конкретные стратегические и оперативные вопросы ставились и решались тогда иначе.

Официальные материалы по вопросам стратегии и оперативного искусства: инструкции, наставления, директивы и другие, принадлежащие к категории специальной документации, не могли войти в данное издание. Также не публикуются здесь официальные работы учебно-методического характера и ведомственные доклады, за некоторым исключением, о чем сказано в тексте.

* * *

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА

— ★ —

★ ★ ★

М. В. ФРУНЗЕ

Михаил Васильевич Фрунзе *(1885—1925) — выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства и Советских Вооруженных Сил, крупнейший военный теоретик.*

В годы гражданской войны М. В. Фрунзе командовал армиями и фронтами. После окончания гражданской войны (с конца 1920 по 1924 г.) М. В. Фрунзе занимал пост командующего вооруженными силами Украины и Крыма и уполномоченного Революционного Военного Совета Республики на Украине. С марта 1924 г. был заместителем Председателя Реввоенсовета СССР и Народного комиссара по военным и морским делам. С января 1925 г. М. В. Фрунзе — Народный комиссар по военным и морским делам и Председатель Революционного Военного Совета СССР.

Основные труды. *«Единая военная доктрина и Красная Армия», 1921; «Фронт и тыл в войне будущего», 1925; «Европейские цивилизаторы и Марокко», 1927; «На новых путях», сборник статей и речей по вопросам военного строительства и высшего военного образования, изд. «Военный вестник», М., 1925.*

ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И КРАСНАЯ АРМИЯ

Публикуемый текст представляет из себя сокращенную статью «Единая военная доктрина и Красная Армия», которая была помещена впервые в журнале «Армия и революция», № 1, в июле 1921 г.

В ней М. В. Фрунзе поставил исключительно важную в тот период задачу обобщения опыта первой мировой империалистической и гражданской войн и разработки с учетом этого опыта с позиций марксизма-ленинизма единой системы взглядов по основным вопросам ведения войны и военного строительства Советского социалистического государства. Следует учитывать сложность обстановки того времени. Наша страна только что разбила основные силы внутренней контрреволюции и отбила первый натиск международного империализма. Она была единственной социалистической страной, окруженной капиталистическим миром. Мы отставали тогда от капиталистических стран в экономическом и техническом отношении. Налицо была угроза нового нападения империалистов. М. В. Фрунзе, исходя из этой обстановки, считал тогда неизбежным в ближайшем будущем новое военное нападение на Советскую Республику.

Одним из наиболее важных вопросов, приковывающих внимание нашей современной военной мысли, является вопрос о так называемой «единой военной доктрине».

Предметом оживленного обсуждения служил он в статьях, помещенных рядом военных специалистов на страницах ныне уже не существующего журнала «Военное дело»;

к нему же вплотную подходит мысль армейских работников, о чем свидетельствуют протоколы многих военных совещаний, посвящавшихся вопросам реорганизации Красной Армии.

Все это говорит о наличии глубокого теоретического и практического интереса, возбуждаемого данным вопросом. Но, к сожалению, дальше простого интереса дело пока вперед не двинулось, ибо до сих пор мы не только не имеем попыток систематизации учений о нашей военной доктрине, но и само содержание этого понятия является в достаточной степени смутным и неопределенным...

Предлагаемая вниманию читателей статья является попыткой поставить вопрос о «единой военной доктрине» с точки зрения интересов рабочего государства и революции и наметить тот примерный путь, которым, как нам кажется, должна идти разработка вопроса.

II

Прежде всего, что представляет собою само понятие «единая военная доктрина»? В чем практический смысл этой идеи?

Ответ на этот вопрос уже намечается при самом поверхностном взгляде на сущность современных войн, характер нынешних боевых задач и условий их разрешения.

Войны текущего исторического периода в сравнении с предшествующей эпохой носят целый ряд характерных особенностей. В то время как прежде исход боевых столкновений зависел от сравнительно небольших групп населения, или образовывавших постоянные отряды, считавшие войну своей профессией, или же временно привлекавшихся в ряды войск для этих целей, теперь участниками войны являются почти поголовно целые народы, сражаются не тысячи или десятки тысяч людей, а целые миллионы,— самые войны втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы. Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия и т. д. и т. д.

При этих условиях основному требованию военного искусства и науки — цельности общего плана и строгой согласованности при его проведении — грозит величайшая опасность повиснуть в воздухе. В то время как в прежних войнах момент непосредственного руководства вождей отдельными частями боевого организма составлял обычное явление, теперь об этом не может быть и речи. Между тем это единство,

цельность и согласованность нужны теперь более, чем когда-либо. И они нужны не только в период уже развертывающихся боевых операций, но и тогда, когда идет предварительная подготовка к ним, ибо, как общее правило, эта подготовительная работа как государства, взятого в целом, так и его военного аппарата сама играет решающую роль. Государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии.

Что касается военного аппарата, то, основываясь на общегосударственной программе, он должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самих военных задач, так и на способы их разрешения.

Эта работа по выработке единства мысли и воли в рядах армии является делом чрезвычайно сложным и трудным и может успешно протекать только тогда, когда она совершается планомерно, на основе отчетливо сформулированных положений и санкционированных общественным мнением руководящего страной класса.

Из сказанного ясно, какое огромное практическое значение для всего дела военного строительства Республики имеет учение о «единой военной доктрине». Оно должно прежде всего указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние. В зависимости от того или иного решения этого вопроса военной политики определяется и весь характер строительства наших вооруженных сил, характер и система подготовки одиночных бойцов и крупных войсковых соединений, военно-политическая пропаганда и вся вообще система воспитания страны.

Учение это должно быть обязательно единым, являясь выражением единой воли стоящего у власти общественного класса.

Вот примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач, который должен быть охвачен понятием «единой военной доктрины».

Выше уже было отмечено, что более или менее общепринятой и точной формулировки этого понятия нет в нашей военной литературе. Но при всем разнообразии мнений, высказанных по поводу содержания понятия «единой военной

доктрины», основные моменты у большинства определений приблизительно совпадают. Основываясь на изложенном выше, моменты эти можно свести к двум группам: 1) технической и 2) политической. Первую образует все то, что касается организационных основ строительства Красной Армии, характера боевой подготовки войск и методов разрешения боевых задач. Ко второй же относится момент зависимости и связи технической стороны строительства вооруженных сил с общим строем государственной жизни, определяющим ту общественную среду, в которой должна совершаться военная работа, и самый характер военных задач.

Таким образом, можно было бы предположить такое определение «единой военной доктрины»: «единая военная доктрина» есть принятое в армии данного государства учение, устанавливающее характер строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск, их вождение на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и определяемые уровнем развития производительных сил страны.

Формулировка эта отнюдь не претендует на конструктивную законченность и полную логическую безупречность. В конце концов вопрос совершенно не в этом. Важно основное содержание понятия; что же касается окончательной кристаллизации его, то это дело дальнейшей практической и теоретической разработки вопроса...

V

Какие же основные элементы должны лечь в основу военной доктрины нашей рабоче-крестьянской Красной Армии?

Чтобы ответить на это, обратимся прежде всего к анализу нашего государства.

По своему характеру, по своей сущности наша Родина представляет собой государственное образование совершенно нового типа. В отличие от всех остальных государств, существующих сейчас на земном шаре, РСФСР является единственным в мире государством, где господство принадлежит труду. Начиная с октября месяца 1917 г., когда рабочий класс России, поведя за собой широкие массы трудового крестьянства, вырвал власть из рук крупной и мелкой буржуазии, мы живем в рабоче-крестьянском государстве, где руководящая роль у рабочего класса.

Основная идея и смысл пролетарской диктатуры сводятся к задаче уничтожения капиталистических производственных отношений и замены их строем, основанным на началах общественного владения средствами производства и планомерного распределения продуктов этого производства. Идея эта

находится в непримиримом противоречии с основами существования остальных государств мира, где пока всюду царит капитал.

Диктатура пролетариата означает самую беззаветную, самую беспощадную войну класса трудящихся против класса властителей старого мира — буржуазии, которая, опираясь на силу всего международного капитала, на силу и прочность своих международных связей, наконец, и на стихийный консерватизм мелкобуржуазных масс, является грозным и могучим врагом вновь нарождающегося мира. Между нашим пролетарским государством и всем остальным буржуазным миром может быть только одно состояние долгой, упорной, отчаянной войны не на живот, а на смерть; войны, требующей колоссальной выдержки, дисциплины, твердости, непреклонности и единства воли. Внешняя форма этих взаимоотношений в зависимости от меняющихся условий и хода борьбы может видоизменяться; состояние открытой войны может уступить свое место какой-либо форме договорных отношений, допускающих до известной степени мирное сожительство враждующих сторон...

Отсюда получается следующий вывод: сознание каждого рабочего, каждого крестьянина, каждого красноармейца и в первую очередь каждого члена руководящей государственной жизнью коммунистической рабочей партии должно быть пропитано той мыслью, что наша страна по-прежнему находится в положении осаждаемой крепости и будет в нем находиться, пока в мире царит капитал, что энергия и воля страны должны быть направлены по-прежнему на создание и укрепление нашей военной мощи, что государственная пропаганда идеи неизбежности активной борьбы с нашим классовым врагом должна подготовить ту психологическую среду всенародного внимания, заботливости и попечения о нуждах армии, в атмосфере которой только и может идти успешно дело строительства наших вооруженных сил.

Этот момент всенародного сознания неизбежности и важности военных задач, лежащих перед государством, является первым и самым важным элементом в будущей единой военной доктрине рабоче-крестьянской Красной Армии.

Здесь следует отметить еще одну особенность, отличающую доктрину армии рабочего государства. Так как буржуазии всех стран приходится навязывать трудящимся массам, по существу, чуждые им военные цели, то это достигается при помощи всевозможных ухищрений, строящихся либо на возбуждении низких инстинктов толпы (жажда мести, самый дикий национальный шовинизм и пр.), либо на массовом обмане...

Для рабочего государства, каковым является Советская Россия, никакой необходимости в этих средствах обмана нет.

Классовая заинтересованность трудящихся в победе революции и идея их международной солидарности как средство обеспечения победы являются вполне достаточными для создания крепчайшей связи для целей общей борьбы. Имеются ли налицо данные для того, чтобы этот элемент стал живою составною частью мировоззрения широких трудящихся масс России? Несомненно, да. Запасов духовной энергии у борющегося за свое освобождение рабочего класса вполне достаточно; необходимо лишь, чтобы затрата их производилась в соответствующем направлении и с достаточной планомерностью и систематичностью. Средством для достижения этого должна быть организованная в государственном масштабе военная пропаганда.

Органом, разрабатывающим все связанные с этим вопросы, должен стать ПУР, а проводником в жизнь их — все органы народного образования под общим руководством Главполитпросвета. Только такая постановка работы может создать такую же благоприятствующую укреплению военной мощи Республики среду, которая имелась в Германии [1]) *. Роль германской школы в этом деле достаточно хорошо известна. Стоит лишь вспомнить ставшую знаменитой фразу о том, что «честь победы под Садовой и Седаном [2]) принадлежит германскому школьному учителю». Надо, чтобы честь победы мировой революции, совершающейся на наших глазах, тоже досталась нашему школьному и внешкольному учителю и пропагандисту.

Что касается конкретного — общественно-политического содержания этой части будущей нашей доктрины, то оно целиком дано нам в готовом виде в идеологии рабочего класса — в программе Российской коммунистической рабочей партии. Прежняя формула царской армии «православие, самодержавие и народность» уступила свое место идеям революционного коммунизма, Советской власти как специфической формы пролетарской диктатуры, международного братства и солидарности трудящихся. Трехгодичная деятельность политических отделов и коммунистических ячеек Красной Армии принесла уже достаточно осязательные результаты в смысле политического воспитания в новом духе широких красноармейских масс и, продолжаясь дальше в этом же направлении, должна нам подготовить единую, крепко спаянную сверху донизу единством политической идеологии вооруженную силу.

Основной задачей текущего дня в этом отношении, наряду с углублением и расширением политической работы на низах, стоит работа по приобщению к общей красноармей-

---

* Все примечания, помеченные в тексте цифрами, помещены в конце книги.

ской массе нашего командного состава. Государство должно всем весом своего влияния в кратчайший срок покончить с теми остатками политической разъединенности, которые до сих пор наблюдаются в Красной Армии. Люди с идеологией, враждебной идеям труда, должны быть оттуда изъяты. Это отнюдь не означает необходимости для всего командного состава Красной Армии стать членами Коммунистической партии. Но это значит — добиться такого положения, чтобы командный состав стал фактически советским, чтобы исчезла всякая почва для каких бы то ни было подозрений политического порядка по его адресу, чтобы у него с низами, с рядовой красноармейской массой, чувствовались полная спайка и взаимное понимание.

VI

На вопрос о характере военных задач, могущих встать перед нами, т. е. должны ли они быть строго оборонительного характера или Красная Армия Республики должна быть готова в случае нужды к переходу в наступление, из всех предшествующих соображений вытекает совершенно определенный ответ.

Общая политика рабочего класса, класса активного по преимуществу, класса, стремящегося к победе над всем буржуазным миром, не может не быть активной в самой высокой степени. Правда, если считаться с материальными ресурсами только своей страны, то пределы этой активности становятся довольно узкими и определяются для настоящего времени тем уровнем экономического развития и общего нашего положения, на котором мы стоим сейчас. Возможно поэтому, что определенный промежуток времени активно революционная энергия рабочего класса не будет направлена на достижение целей нынешнего порядка. Но этот факт не меняет существа дела. К политике в полной мере применим тот принцип высшей стратегии, который говорит: «Победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать; сторона, только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение». Самим ходом исторического революционного процесса рабочий класс будет вынужден перейти к нападению, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Таким образом, в этом пункте мы имеем полное совпадение требований военного искусства и общей политики. В отношении же материального обеспечения возможности проведения этой наступательной линии следует учитывать то обстоятельство, что базой нашего наступления может быть не одна Россия, а целый ряд и других стран. Все зависит от степени созревания революционного процесса внутри этих стран и способности

их рабочего класса выступить на открытую борьбу со своим классовым противником.

Классовый характер предстоящих столкновений, обеспечивающий содействие нам в интересах общего дела всех пролетарских элементов, в значительной мере уничтожает отрицательное значение приведенного выше указания на тяжелое экономическое положение нашей страны. Стало быть, пролетариат может и будет наступать, а с ним вместе как главное оружие будет наступать и Красная Армия.

Отсюда вытекает необходимость воспитывать нашу армию в духе величайшей активности, подготовлять ее к завершению задач революции путем энергичных, решительно и смело проводимых наступательных операций.

Если мы обратимся к имеющемуся уже в Красной Армии боевому опыту, то увидим, что, по существу, она уже давно действует именно в этом духе. Почти все значительные операции времен гражданской войны носят следы проявления духа активности и инициативы с нашей стороны. Можно сказать даже, что порой эта активность у нас, переливаясь через край, граничит с неумением учесть данные конкретной обстановки настоящего дня и не подвергнуться опасности чрезмерного риска.

Все это совершенно естественно, ибо в армии, создаваемой и руководимой пролетариатом, иного настроения, кроме активного, и быть не могло.

Указанный выше активный характер грядущих военных столкновений предъявляет целый ряд практических требований нашему Генеральному штабу. Необходимо поставить работу высших штабов так, чтобы Красная Армия могла выполнить свои задачи на любом операционном направлении и в любом участке возможного грядущего фронта. Границы же этого фронта в ближайшую очередь определяются пределами всего материка старого света.

Между прочим, подготовка нашего командного состава должна включать в себя знание не только чисто военных, но и экономических и политических условий возможных театров военных действий. Здесь перед военным аппаратом вообще раскрывается огромная по своим размерам и значению перспектива подготовительной работы.

Анализируя вероятную обстановку наших грядущих военных столкновений, мы заранее можем предвидеть, что в техническом отношении мы, несомненно, будем слабее наших противников [3]). Обстоятельство это имеет для нас чрезвычайно серьезное значение, и мы, помимо напряжения всех сил и средств для достижения технического совершенства, должны искать путей, могущих хотя бы до известной степени уравновесить эту невыгодную для нас сторону.

VII

Некоторые средства для этого имеются. Первым и важнейшим из них является подготовка и воспитание нашей армии в духе маневренных операций крупного масштаба.

Размеры наших территорий, возможность отступать на значительное расстояние, не лишаясь способности к продолжению борьбы, и пр. представляют благоприятную почву для применения маневров стратегического характера, т. е. вне поля боя. Наш командный состав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования, а вся масса Красной Армии должна обучаться искусству быстро и планомерно производить марш-маневры. Опыт минувшей империалистической войны в ее первоначальной стадии, а равно весь опыт нашей гражданской войны, носившей по преимуществу маневренный характер, дает в этом отношении богатейший материал для изучения.

В связи с этим в общей экономии наших военных средств инженерная оборона и нападение, играющие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии должны отойти на задний план. Вспомогательная роль, которая должна быть отведена этому роду оружия, сводится к тому, чтобы служить вспомогательным средством для операций полевого характера. Пользование местностью, широкое применение ее искусственного укрепления, создание искусственных временных рубежей, обеспечивающих выполнение общего марш-маневра,— вот область приложения сил и средств этого порядка. В частности, роль и значение крепостей в будущих наших операциях будут совершенно ничтожны. За счет крепостей гораздо целесообразнее будет усилить полевые войска.

Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» [4]) будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником.

Опять-таки опыт нашей гражданской войны в этом отношении дает нам богатейший материал. Действия партизан в Сибири, борьба в казачьих областях, «басмачество» в Туркестане, «махновщина» и вообще бандитизм на Украине и пр. представляют необъятное поле для изучения и получения

соответствующих обобщений теоретического порядка. Но обязательным условием плодотворности этой идеи «малой войны», повторяю, является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих успех ее широкого развития. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи «малой войны» в ее применении к нашим будущим войнам с противником, технически стоящим выше нас.

В связи с тем же маневренным характером наших будущих операций стоит вопрос о пересмотре под этим углом зрения роли и значения в современном бою кавалерии. Позиционный характер минувшей империалистической войны в умах у многих создал представление о том, что конница как самостоятельная активная сила особой роли играть уже не может и должна отойти на второстепенное место.

Правда, опыт гражданской войны вновь дал блестящие образцы самостоятельных действий конницы как с нашей стороны, так и со стороны нашего противника и вернул ей былое значение, но известно, что опыт только гражданской войны не всеми считается достаточно убедительным, а поэтому вопрос еще далеко не может считаться ясным для всех.

По нашему глубокому убеждению, в будущих операциях красной коннице будет принадлежать чрезвычайно важная роль, а посему забота о ее подготовке и развитии должна являться одной из первейших наших обязанностей.

В целях же наилучшей подготовки ее к выполнению боевых задач должно быть обращено особое внимание на изучение колоссального опыта гражданской войны и выработку на основе этого изучения специальных наставлений для старших кавалерийских начальников [5]).

VIII

В организационном отношении основой наших вооруженных сил для ближайшего периода может быть только постоянная Красная Армия. Это вытекает из всего, что говорилось об общем характере наших боевых задач. Вопрос этот в настоящее время может считаться окончательно решенным в связи с соответствующим постановлением X съезда Российской Коммунистической партии и последующими правительственными декретами. Переход к милиционной системе [6]) на основе Всеобуча допустим лишь в той мере, в какой он позволяет достигнуть определенных сбережений в расходовании государственных средств, не подрывая способности Красной Армии к разрешению активных целей.

Что касается внутреннего быта Красной Армии, то он должен строиться в направлении максимального приближения к идеалам коммунистического общежития. Конечно, при данном уровне развития производительных сил пропаганда полного уравнения командного состава с рядовой массой неосуществима и может вестись лишь теми, кто заинтересован в уничтожении крепости и мощи Красной Армии. Это ясно огромному большинству красноармейцев; но все же внутренний строй и распорядок армии рабоче-крестьянского Советского государства должен быть свободен от всяких привилегий, не вызывающихся потребностями службы и не вытекающих из ее характера. Только на этой почве мыслимо создание той товарищеской спайки и взаимного понимания армейских верхов и низов, которые являются главнейшим залогом физической и духовной мощи Красной Армии.

При строевом обучении элемент муштры в Красной Армии должен отойти на самый задний план; при этом самое понятие «муштры» совершенно должно быть изменено. О муштровке в старом смысле этого слова, т. е. в смысле чисто механического, с присоединением суровых мер воздействия, обучения элементам строя, не может быть и речи. Нам не к чему стремиться к достижению такой выучки строевиков, которая являлась идеалом для всякого рода любителей парадов и показной стороны. Достаточно добиться известной стройности, быстроты и правильности при выполнении определенных построений. Механичности при этом вовсе не требуется; необходимо все строить на достижении этих эффектов путем максимального развития личной инициативы и самостоятельности каждого красноармейца. В этом отношении характерные особенности нашего государства и нашей армии открывают самые широкие перспективы. Мы имеем полную возможность строить единство армии не путем палочной дисциплины, а путем максимального умственного развития красноармейцев. В то время как всякое буржуазное государство должно опасаться приобщения к знаниям и развития духовной деятельности рабов капитала, для нас это самое развитие является вернейшим залогом победных достижений. Применительно к этому требованию должен быть приспособлен весь аппарат нашего обучения одиночного бойца.

Поддержание служебной дисциплины в рядах армии является обязательным и необходимейшим условием ее мощи, и в этом отношении требования Советского государства самые решительные. Но опять-таки между современным пониманием дисциплины и тем, что имело место в царской армии, лежит целая пропасть. Дисциплина в Красной Армии должна базироваться не на страхе наказания и голом принуждении, а на добровольном, сознательном исполнении каждым своего

служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав.

Чем должна поддерживаться дисциплина? Во-первых, сознательностью передовой части красноармейской массы, ее коммунистических ячеек, ее политруков и всего командного состава, их выдержкой, преданностью революции, героизмом и самопожертвованием. Во-вторых, умением командного состава связаться, сблизиться, до известной степени слиться с широкой красноармейской массой. В-третьих, правильностью его политического и технического руководства, укреплением веры красноармейской массы в полное соответствие начальников своему назначению. Вне этих условий поддержание дисциплины в армии революционной, каковой является наша Красная Армия,— дело безнадежное. Конечно, абсолютно без всяких элементов принуждения обойтись нельзя, но применению их должны быть положены самые узкие пределы. Только тот может быть признан настоящим красным командиром, кто без всяких принудительных мер добьется полного подчинения своей воле.

Таковы в общих чертах должны быть основные элементы той военной доктрины, на основе которой должно происходить развитие и укрепление мощи Советской федерации. Для выполнения своего назначения идеи доктрины должны проникнуть, пропитать собой все наши военные уставы, наставления и пр., должны стать органической частью мировоззрения красноармейской массы, и особенно ее командной части. Мне кажется вполне целесообразным основные практические положения, вытекающие из существа доктрины, изложить особо в отдельном уставе, который являлся бы основным катехизисом Красной Армии.

Вот примерный круг общих идей, которые, мне кажется, должны стать близкими всем, занимающимся разработкой вопросов военной теории в ее общей части. Несомненно, изложенное является лишь попыткой поставить вопрос и вызвать к нему соответствующее внимание. Что же касается его разрешения, то это может явиться лишь результатом длительной и упорной работы военно-теоретической мысли на основе коллективного опыта.

Остается выразить самое горячее пожелание, чтобы разработка вопроса о доктрине Красной Армии заняла и в нашей литературе, и в нашей практической деятельности такое место, которое по праву должно ей принадлежать в силу особого ее значения для дела строительства Вооруженных Сил Республики.

(М. В. Фрунзе. Избранные произведения. Воениздат, 1957, том II, стр. 4—22. Из статьи «Единая военная доктрина и Красная Армия»).

О ХАРАКТЕРЕ ОПЕРАЦИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР И БУДУЩИХ ОПЕРАЦИЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ

Публикуемый текст представляет собой сокращенные доклад «Военно-политическое воспитание Красной Армии» и заключительное слово на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черного и Азовского морей 1—7 марта 1922 г.

В этом выступлении М. В. Фрунзе развивал положения, высказанные им в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия», о характере операций гражданской войны и будущих операций Красной Армии. В заключительном слове им изложены в форме тезисов взгляды, на основе которых должен был обучаться и воспитываться командный и рядовой состав Советских Вооруженных Сил.

... Гражданская война, как вы все знаете, характеризуется наличием в ней ряда моментов, резко отличающих ее от войн минувшей империалистической эпохи. Наиболее характерными из них являются величайшая маневренность и величайшая подвижность всех операций гражданской войны. В области тактики широкое применение имела практика образования ударных массированных кулаков. Затем проявлялось яркое стремление искать решения путем энергичных наступательных операций. Эти моменты, наряду с теми особенностями внутреннего быта и организации Красной Армии, которые вытекают из изменившегося существа нашего государства, дают многим повод думать, что и в области методов боевых действий нами создано что-то новое, еще невиданное и неизвестное миру, что мы создали в процессе нашей борьбы новую тактику и стратегию, что мы опрокинули принципы старого военного искусства.

Нужно сразу же сказать, что такая оценка является совершенно неверной. Конечно, в принципе правильно то, что раз в известном государстве произошел радикальный переворот, раз у власти стал новый общественный класс, раз изменилась природа внутренних общественных взаимоотношений, то этот переворот должен найти свое отражение во всех других областях жизни, и в частности в области военного дела. Из сказанного выше о природе и характере нашей Красной Армии уже видно, как сказался этот переворот в военном деле. Если мы посмотрим на общую физиономию Красной Армии, на сплоченность верхов и низов, командного состава с рядовой красноармейской массой, на существующую в ней систему дисциплины и пр., то мы ясно увидим всю разницу между ней и армией любой буржуазной страны. Что же касается области стратегии и тактики, то здесь, по моему мнению, мы не можем отметить наличия каких-либо глубоких, радикальных изменений. Я думаю, что в случае укрепления пролетарского государства, в случае полной эмансипации рабочего класса, конечно, будут неизбежные изменения и в

этой области. На это указывали наши великие учителя Маркс и Энгельс.

Между прочим, я должен заметить к вашему сведению, что Энгельс, который был одним из основателей научного социализма, был также и крупным военным и всегда живо интересовался вопросами военного дела. В наследство от него нам достался целый ряд трудов, к сожалению, плохо нам известных, так как небольшое лишь количество из них переведено на русский язык. Энгельс указывает, что в результате социального переворота произойдет переворот и в военной науке, что рабочий класс, взяв власть в свои руки, сумеет дать новое содержание военным взглядам и сумеет создать новые методы в области тактики и стратегии. Но все это возможно лишь на почве колоссального расцвета техники. На первых же порах существования пролетарской власти рабочий класс должен будет пользоваться всем тем наследством, которое достанется ему от старого режима, и будет бороться его методами и приемами.

Мы знаем все, что тактика и стратегия в своей прикладной части менялись с изменением рода оружия. Всякая тактика соответствует определенной исторической эпохе; если изменяется род оружия, вводятся новые технические усовершенствования, то вместе с этим меняются и формы военной организации и методы вождения войск. Имеет ли это место в применении к Советской России?

В настоящий момент — ничего подобного. Напротив, мы имеем перед собой не рост нашей техники, а даже некоторый регресс; не расцвет и увеличение наших производительных сил, а некоторое, несомненно временное, но все-таки их ослабление.

Поэтому ничего принципиально нового Красная Армия в области тактики и стратегии не внесла и вынуждена пользоваться в своей борьбе теми методами, той техникой и теми приемами, которые существуют и существовали в прежнее время.

Но вместе с тем явившийся результатом революции ряд особенностей в методах борьбы Красной Армии, несомненно, есть. Я имею в виду изменение самого человеческого материала в рядах Красной Армии. Революция чрезвычайно сильно изменила его состав и характер. Мы имеем сейчас в Красной Армии руководство за пролетарским элементом, мы имеем армию действительно рабоче-крестьянскую. Это изменение солдатского и особенно командного материала должно было сказаться и сказалось и в способах боевых действий, применявшихся Красной Армией.

Рабочий класс представляет собой класс по преимуществу революционный, класс в величайших размерах активный, класс, который стремится к совершению невиданного миром

переворота. Эта классовая особенность проявляется в величайшей активности, инициативности, в способности к организации, объединению и к действиям большими организованными массами как у отдельных его представителей, так и у всей пролетарской массы, взятой в целом. Здесь имеется существенная разница между психологией рабочих, с одной стороны, и крестьян — с другой. Эта разница резко сказалась в боевой практике нашей Красной Армии.

В противоположность рабочему классу, способному к организованным массовым действиям, крестьянство, живущее совершенно в других социальных условиях, не может похвалиться этим качеством. Крестьянство, распыленное, разбросанное по отдельным уголкам, привыкшее действовать либо в одиночку, либо совершенно небольшими массами, выявило соответствующие черты в методах военных действий. Крестьянство — отец партизанщины. Партизанщина же есть не что иное, как военное выражение психологического уклада нашего крестьянства. Крестьянин выступает на поле брани потому, что он борется против опасности контрреволюции, но крестьянин не может по своей внутренней природе, по своему внутреннему укладу быть сторонником методов борьбы, требующих массового объединения, массовых организаций.

И мы видим, как на всем протяжении существования Красной Армии шла борьба этих двух начал. Мы знаем, как трудно было рабочему классу при его слабой численности преодолеть партизанские настроения и подготовить основу для новой тактики. Но в отношении Красной Армии, как она отлилась в итоге нашего боевого опыта, нужно сказать, что крестьянская идеология руководящей роли не имеет. Внутри Красной Армии в полной мере царит дух пролетариата. Организация, методы борьбы, цели — все пропитано чувствами и настроениями рабочего класса, хотя он в рядах армии далеко не составляет большинства.

Этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется в значительной мере то, что маневренность с ее величайшей подвижностью нашла такое широкое применение в боевом опыте Красной Армии. Правда, мы не должны переоценивать это обстоятельство; ясно, что маневренный характер операций зависел не от этих внутренних качеств классовой природы пролетарских элементов, руководящих армией, но и от ряда чисто объективных условий. Ведь маневренность операций наблюдалась не только с нашей стороны, но и со стороны наших противников! Это объясняется чисто объективными моментами: величиной театров военных действий, безграничностью наших земельных пространств и т. п. Армии той и другой стороны не соответствовали по своей численности территории, и, конечно, уже это одно принуждало воюющие стороны прибегать к подвижным действиям и искупать недо-

статок количества маневренностью действий ударных групп. Но, повторяю, наряду с этими чисто объективными условиями здесь, несомненно, роль, и притом очень крупную, играли моменты, вытекающие из классовой природы Красной Армии, из духовных свойств руководящих ею пролетарских элементов.

Следует отметить, что в самой природе гражданской войны как войны классовой уже существуют данные, требующие максимального развития решающих операций маневренного типа. Это вытекает из того, что гражданская война как война классовая должна быть решающей по преимуществу. В случае национальной войны государства, стремясь к полному разгрому, на худой конец могут примириться и с половинчатыми результатами. Они могут ограничиться достижением определенных преимуществ и заключить соглашение, устанавливающее возможность дальнейшей мирной связи. Совсем не то при войне классовой, при войне гражданской,— исходом ее может быть только полный разгром одной стороны, половинчатые решения, раз война началась, невозможны. Это обстоятельство, несомненно, точно так же нашло свое отражение в стремлении обеих сторон добиться цельного и законченного решения. Здесь нельзя было остановиться на полпути. Нужно было победить полно и всеобъемлюще.

Вот те моменты, с одной стороны, чисто объективные, а с другой,— вытекающие из существа классовой, гражданской войны и самой природы участвующих в ней сторон, которые должны были сказаться на общем ходе наших операций и методах борьбы. Спрашивается: насколько этот принцип маневренности, так ярко сказавшийся в гражданской войне, может найти применение в будущих наших революционных войнах?

На этот вопрос мы должны дать ответ, исходя из тех же самых предпосылок, которые я излагал. Мы должны вспомнить, что революционная война, хотя и не будет точной копией войны гражданской, но в значительной степени будет приближаться к ней.

Момент объективный в виде наличия большой территории сохраняет и здесь свое значение почти полностью. Таким образом, рисуя объективные условия будущей войны, мы должны сказать, что все то, что сказывалось на определенном характере операций Красной Армии в минувшую гражданскую войну, в той или иной степени будет оказывать свое действие и впредь. Поэтому, даже отвлекаясь от вопроса о том, насколько целесообразен с чисто военной точки зрения маневренный характер операций, мы должны сказать, что такой характер для будущих операций будет неизбежен, ибо он определяется основными, решающими моментами, лежа-

щими вне нашей воли и вне нашего воздействия. Но и с точки зрения военной целесообразности, по моему мнению, не может быть ни малейшего сомнения в том, что маневренность должна войти в плоть и в кровь нашей Красной Армии. На обучении и подготовке Красной Армии и ее командного состава к быстрому и смелому проведению марш-маневров должно быть построено дело нашего боевого воспитания. Следует иметь в виду, что только маневренность позволит нам искупить недостаток нашей техники. Мы должны всегда помнить, что, несмотря на все стремления к достижению технического совершенства, сравняться с нашими противниками в этом отношении мы будем не в силах, и здесь принцип маневренности, подвижности и активности в значительной степени даст нам возможность уравновесить наши шансы. Таким образом, и с точки зрения целесообразности, и с точки зрения объективной необходимости Красная Армия, готовясь к будущей войне, должна будет особенно культивировать свои маневренные качества.

Но и здесь нельзя пересаливать через край. В нашей среде встречаются лица, которые думают, что, утвердившись на принципе маневренности, мы можем совершенно махнуть рукой на все то, что связано с так называемой позиционностью, что вытекает из опыта империалистической войны. Такой вывод, конечно, является величайшим заблуждением и чреват большими опасностями для Красной Армии. Такое голое и такое резкое противопоставление этих принципов вообще является неправильным. Никакая наиманевреннейшая война никогда не обходится без элементов позиционности. Самое обеспечение маневра требует уже в известной обстановке и при известных условиях применения позиционных приемов. Поэтому ознакомление Красной Армии с этими формами борьбы является настоятельной необходимостью для каждого красного командира.

Правильным будет лишь тот вывод, что позиционные формы войны с характерным для них длительным состоянием неподвижности и устойчивости линий фронта ни в коем случае не могут быть основными, преобладающими формами наших ближайших столкновений.

В самом деле, если мы посмотрим, на какой почве и почему выросли позиционные формы войны, то мы увидим, что такой почвы в условиях наших будущих войн не имеется.

Позиционность создалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух

моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линий фронта.

Поэтому и с точки зрения объективной возможности, и с точки зрения военной целесообразности принцип позиционности как преобладающая форма военных операций для нас является исключением. Но, повторяю, это отнюдь не служит поводом для командира Красной Армии отказаться от необходимости в полной мере ознакомиться с этими способами борьбы. На нашей западной границе, где театр военных действий будет менее значительным по размерам и где в случае необходимости нам придется обеспечить маневренные действия неподвижным стоянием и защитой на определенных позициях, нам весьма и весьма пригодятся те знания, которые дает опыт минувшей империалистической войны.

Таким образом, вывод получается такой, что основной, преобладающий характер наших будущих операций будет маневренный. Но вместе с тем эта самая маневренность потребует широкого и полного знакомства с позиционными формами ведения войны. Вообще здесь нужно каждому красному командиру твердо усвоить, что самым опасным делом для нас является рутинерство, увлечение какой-нибудь определенной схемой и каким-нибудь определенным методом. Красный командир должен научиться в полной мере владеть тем методом мышления, тем искусством анализа явлений, который дан марксистским учением. Сущность этого метода сводится к тому, что для нас не может быть ничего абсолютного и закостенелого; все течет и изменяется, и всякое средство, всякий метод может найти свое применение в известной обстановке. Искусство командира проявится в умении из многообразия средств, находящихся в его распоряжении, выбрать те, которые дадут наилучшие результаты в данной обстановке и в данное время.

Другим моментом, характеризующим действия нашей Красной Армии, является их наступательность. Я уже отмечал причины, вызывающие необходимость при известных условиях наступательного характера наших операций. Сейчас я буду говорить лишь об относительной целесообразности наступления и обороны с точки зрения чисто военной. Существует взгляд, что и с этой точки зрения наступление на основании опыта империалистической войны не представляет преимуществ перед обороной и что не следует культивировать духа наступательности как составной части военного мировоззрения каждого командира и каждого рядового. Такого рода взгляды особенно стали развиваться в результате минувшей империалистической войны. Так, во Франции колоссальные потери в результате первоначальных наступательных операций французской армии заставляют многих представителей военного мира Франции, а также и гражданского мира

поднять вопрос о пересмотре старых взглядов в этом отношении. Упорно стала проводиться и выдвигаться идея, что оборона, если ее только проводить планомерно и сознательно, имеет даже преимущества над наступлением.

Вопрос этот для нас чрезвычайно важный и коренной; от ответа на него зависит весь характер боевого воспитания нашей Красной Армии. Я лично принадлежу к числу тех, которые не согласны с только что охарактеризованными мною настроениями и взглядами. Уже Маркс в своей брошюре о гражданской войне во Франции говорил, что наступление является самым лучшим видом обороны. Не правы те, кто думает, что наступление может действовать на психологию противника, лишенного средств или очень слабого, а на противника, сознающего свою силу, атака не производит угнетающего впечатления. Каждый из нас на своем личном опыте знает, как инициативный, хотя гораздо более слабый, противник путает все расчеты врага, расстраивает его планы и одерживает победу.

Поэтому я считаю необходимым со всей решительностью бороться с такого рода настроениями. Я считаю, что нападение действует всегда на психологию противника тем, что уже одним этим обнаруживается воля более сильная...

Конечно, никакого догматизма у нас быть не может. Те выводы, которые получаются из нашего опыта, не являются чем-то абсолютным. Всегда может создаться такая обстановка, при которой отступление неизбежно или даже необходимо и полезно. Поэтому наши красные командиры должны воспитать себя и людей, подчиненных им, так, чтобы они рассматривали отступление как один из моментов в общем ходе наступательных операций. Отступление может оказаться нужным для того, чтобы создать лучшую обстановку для подготовки нового и решительного наступления. Здесь нужно считаться с сущностью дела, а не с внешними формами. Нужно считаться с основной целью операции. Что касается способов и приемов ее проведения, то здесь все комбинации в конечном итоге дают определенный и решительный результат.

Из следующих докладов вы познакомитесь с тем, какими средствами располагает современная техника. Я хочу лишь отметить то действие, которое технический момент должен оказать на самые принципы тактики и стратегии. Многое здесь, несомненно, придется пересмотреть под новым углом зрения. Многое должно предстать перед вами в новой обстановке, и с этой точки зрения наши старые уставы, наставления и т. д. должны подвергнуться самому коренному пересмотру. Это первое. Второе, что вытекает отсюда,— это необходимость укрепления еще в мирное время самой тесной связи Красной Армии со всем тылом страны. Армия является

только передовой, вооруженной частью всего народа, который должен быть подготовлен к ведению борьбы всей своей массой. Это положение вытекает из всего опыта гражданской и империалистической войн и сохраняет всю свою силу для всех операций, предстоящих нам в будущем. Для того чтобы страна была готова к этому, необходимо заранее провести целый ряд предварительных работ; необходимо выработать соответствующие мобилизационные планы для нашей промышленности, для сельского хозяйства; нужно мобилизовать для военных целей научную деятельность и т. д. Только при наличии этих условий Красная Армия может рассчитывать на одержание решительных успехов в своих будущих войнах. В отношении связи с наукой у нас чувствуется особенно большой пробел. Представители науки в будущем будут играть, может быть, более важную роль, чем все мы, взятые в целом. К открытиям в области химии, механики нужно относиться как к решительным поворотным моментам в общем ходе военных действий. Сейчас наше внимание должно быть направлено к тому, чтобы с людьми науки установить самую тесную связь, чтобы эта связь являлась подготовительной силой в период нашей мирной деятельности и чтобы в момент новой войны все практические выводы были нами использованы в полной мере.

Есть еще и другие выводы. Я указывал вам здесь на маневренность и подвижный характер наших будущих операций; крупная роль будет принадлежать в этих условиях партизанским действиям, для чего надо организовать и подготовить их проведение в самом широком масштабе, а отдельные группы войск планомерно и систематически воспитывать в духе подготовки к этим действиям. Другое средство, могущее пригодиться в борьбе с техникой,— это широкая подготовка войск к ведению ночных действий. Ночные операции считались всегда важным моментом в общем ходе боевых действий; при новых завоеваниях техники роль ночных действий должна возрасти еще больше. Действия ночью позволят нам ослабить значение нашей технической отсталости. Если мы не ограничимся теми указаниями, которые существовали до сих пор в деле подготовки войск к ночным действиям, и если мы разработаем тщательную программу воспитания и обучения войск, если, наконец, мы сумеем провести в жизнь эти начала, то на театре будущих военных действий мы сумеем создать выгодную для нас обстановку и с большей надеждой на успех будем бороться с техническим превосходством нашего противника.

Я уже отметил необходимость заняться пересмотром наших программ, наших наставлений и уставов военного обучения. Эта работа и должна привести к созданию того самого единства в области методов ведения войны, которое сейчас

настоятельно необходимо. Нам нужно будет эти наставления и уставы переработать на основе коллективного опыта Красной Армии, пересмотреть под новым углом зрения, создавшимся на почве изменившихся условий борьбы, и тогда эти уставы явятся систематизацией всего нашего опыта и спаяют армию в единый организм...

Свою точку зрения я попытался сейчас набросать в следующих положениях, которые предлагаю вашему вниманию. Работу эту я проделал наспех, и, может быть, здесь будут некоторые неудачные формулировки, но это вещь поправимая, а существо дела, мне кажется, изложено мною более или менее правильно.

Тезисы мои следующие:

1. Минувший год был годом сокращения и реорганизации армии. Эта работа, требовавшая колоссальных затрат сил и энергии военных работников, почти не оставляла возможности заниматься качественным улучшением армии. Только теперь, с окончанием в основных чертах реорганизационной работы, открывается возможность подойти вплотную к «учебе», т. е. воспитанию и обучению наших бойцов.

Это воспитание и обучение должны производиться на основе единых, проникающих всю толщу армии взглядов по основным вопросам, касающимся задач Красной Армии, основ ее строительства и методов ведения боевых операций. Совокупность этих взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений и преподаваемых Красной Армии в уставах, приказах и наставлениях, и дает армии необходимое ей единство воли и мысли.

2. Это единое военное мировоззрение не должно рассматриваться как окаменелая догматическая система, устанавливающая раз навсегда определенные положения. Это есть не что иное, как систематизация военного опыта определенной исторической эпохи и с точки зрения интересов определенного класса. Выводы этого опыта имеют лишь относительную ценность и только в свойственных данной эпохе экономических и социально-политических условиях.

3. Выработка этого единого мировоззрения рабоче-крестьянской армии началась уже с первых шагов ее существования. В ходе дальнейшей практической работы выкристаллизовались и определились все основные элементы военной системы пролетарского государства, вытекающие из его специфической классовой природы. На основной вопрос: «для какой цели и какую армию мы строим» — дан исчерпывающий и проверенный опытом ответ: «мы строили и строим классовую армию трудящихся для защиты пролетарской революции от буржуазно-помещичьей контрреволюции, натиска

мирового империализма и для поддержки грядущей социалистической революции в Европе».

4. Факт глубокого принципиального противоречия между строем пролетарской государственности, с одной стороны, и окружающим буржуазно-капиталистическим миром — с другой, делает неизбежным столкновение и борьбу этих двух враждебных миров. В соответствии с этим задачей политического воспитания Красной Армии являются поддержание и укрепление ее постоянной готовности выступить на борьбу с мировым капиталом. Это боевое настроение должно закрепиться планомерной политической работой, проводимой на основе классовой пролетарской идеологии, в живых и общедоступных формах.

5. В связи с этим характером поставленных перед нею целей Красная Армия будет выполнять в дальнейшем свое боевое назначение в условиях революционной войны, либо защищаясь против нападения империализма, либо выступая совместно с трудящимися других стран в совместной борьбе. И в той и в другой роли Красная Армия будет являться орудием защиты пролетарских интересов не только своей страны, но и всего мира. В этом ее сила и мощь.

Указанный характер возможных грядущих столкновений диктует Красной Армии необходимость быть готовой к выполнению своих задач на любом оперативном направлении, на любом участке возможного будущего международного фронта.

6. Обладая полной ясностью и определенностью в отношении политических элементов своего мировоззрения, Красная Армия имеет неотложную задачу переработать опыт гражданской войны, а равно и войны империалистической под углом зрения новых, материальных факторов войны и преследуемых рабоче-крестьянским государством общеполитических целей.

До сих пор нашей революции приходилось вести борьбу теми же основными методами военной тактики и стратегии, которые практиковались и в армиях буржуазных стран. Но произведенное революцией изменение характера и живой силы Красной Армии, передавшее руководящую роль внутри ее пролетарским элементам, нашло свое отражение в характере применения общих приемов тактики и стратегии.

7. Наша гражданская война носила по преимуществу маневренный характер. Это являлось результатом не только чисто объективных условий (огромность театра военных действий, относительная малочисленность войск и пр.), но и внутренних свойств Красной Армии, ее революционного духа, боевого порыва как проявлений классовой природы руководящих ею пролетарских элементов и самой природы классовой войны как таковой.

8. Условия будущих революционных войн будут представлять ряд особенностей, приближающих эти войны к типу гражданских. В связи с этим основной характер этих войн, несомненно, будет маневренный. Поэтому наш комсостав должен воспитываться преимущественно на идеях маневрирования и подвижности, а вся Красная Армия должна быть подготовлена и обучена искусству быстро и планомерно производить марш-маневры.

9. Маневр — не самоцель. Он лишь одно из средств к достижению основной цели — победы путем уничтожения организованной вооруженной силы врага и овладению его жизненными базами.

10. Маневренность отнюдь не исключает позиционных форм войны. Напротив, правильное маневрирование немыслимо без широкого использования позиционных средств борьбы на определенных, особо важных рубежах. Объективно маловероятным, а по существу, невыгодным для нас явилось бы лишь увлечение позиционными методами как основной формой борьбы. Этот метод при характерной для него устойчивости и неподвижности линии фронта даст всегда перевес стороне, обладающей более мощной техникой. Поэтому основными чертами маневренной стратегии должна быть не формальная наступательность, а инициативность и активность, обеспечивающая успешный исход наступательной операции в ее основном существе. В работу воспитания войск должна входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает и стратегическое отступление, вызываемое стремлением либо сохранить живую силу, либо сократить фронт, либо глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить.

11. Тактика Красной Армии была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций. Это вытекает из классовой природы рабоче-крестьянской армии и в то же время совпадает с требованиями военного искусства. «Наступление при прочих равных условиях всегда выгоднее обороны, ибо тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли более сильной, чем воля последнего» (Полевой франц. устав 1921 г.).

12. В связи с вышеизложенным в общей системе наших военных средств инженерная оборона и нападение, игравшие такую колоссальную роль в империалистической войне, в нашей армии отходят на второстепенное место. Их назначение — быть вспомогательным средством для операций полевого характера.

13. При воспитании и обучении командного состава, а также в организации всего аппарата управления мы должны стремиться к тому, чтобы обеспечить за нашими методами и

аппаратом максимальную упругость и гибкость, делающие возможным применение всех доступных средств и форм борьбы. Все может быть хорошо в свое время и на своем месте, и искусство военачальника должно проявиться в умении из множества разнообразных методов и средств избрать в каждом данном случае наиболее подходящий. Военная теория не может дать ему никакого готового шаблонного решения; она может служить лишь руководящим, направляющим началом.

14. В связи с развитием военной техники, явившимся результатом империалистической войны, насущной задачей текущего дня является поэтому пересмотр всех наших уставов, программ и наставлений на основе систематизированного коллективного опыта Красной Армии и появления на сцене новых материальных средств борьбы.

Вместе с этим, наряду со стремлением достичь возможно большего технического совершенствования и сравняться в этом отношении с нашими врагами, мы должны использовать и подготовить все другие средства борьбы против превосходящей техники противника. Такими средствами, наряду с маневренностью и подвижностью, должны явиться: во-первых, широкое применение партизанских действий, заранее подготовленных и обеспеченных соответствующей организацией мирного времени, и, во-вторых, обучение и подготовка наших войск к ночным действиям в самом широком масштабе.

15. Конкретная программа воспитания и обучения Красной Армии на ближайший период времени сводится:

1. К полной и наискорейшей ликвидации безграмотности...

2. К превращению каждого красноармейца в сознательного гражданина, знающего свое место в Советской Республике и свои задачи в отношении окружающего нас мира врагов.

3. К достижению максимальной военной квалификации бойцов.

4. К закреплению духовной связи командного состава армии с ее низами.

5. К окончательному устранению деления командного состава на спецов и неспецов путем создания единой семьи верных пролетарской государственности военных работников.

Вот те положения, которые вытекают из существа сделанного мною доклада и которые, как мне кажется, могут быть нами приняты как руководящие начала в работе при рассмотрении наших наставлений, приказов, положений, изучая которые наша Красная Армия получит то единство взглядов, то понимание обстановки, которое превратит всю ее в мощный, крепко сколоченный единой мыслью и волей аппарат.

(М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том II, стр. 41—51, 57—61. Из доклада «Военно-политическое воспитание Красной Армии» и заключительного слова на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма и флота Черного и Азовского морей 1 марта 1922 г.).

О ПРИНЦИПАХ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КРАСНОЙ АРМИИ

Публикуемый текст представляет собой сокращенные доклад и заключительное слово М. В. Фрунзе на совещании военных делегатов XI съезда РКП(б), вышедшие в свет под названием «Основные военные задачи момента».

В своем выступлении против Троцкого М. В. Фрунзе характеризовал принципы стратегии и тактики Красной Армии, значение опыта гражданской войны и говорил о своем отношении к так называемой пролетарской стратегии и тактике.

...Перехожу теперь к нашим принципам стратегии и тактики. Прежде всего несколько слов о так называемой пролетарской доктрине. Я не являлся и не являюсь сторонником той идеи, что мы создаем особую пролетарскую стратегию и тактику. Когда на страницах покойного «Военного дела» появилось несколько статей товарищей-коммунистов, которые заявили, что мы произвели в военном деле полный переворот, что нами опрокинуты все старые принципы и создана новая стратегия и тактика, то для меня это было только смешно. Я никогда не стоял и не стою на этой позиции, поэтому все возражения в эту сторону идут мимо цели. Дело не в этом. Правда, вообще говоря, пролетариат, взяв власть в руки и организовав пролетарское государство, по моему мнению, должен наложить неизбежно известный отпечаток на способы ведения войны. Троцкий, по-видимому, считает это вряд ли возможным вообще. По крайней мере, так он написал мне в записке, которыми мы обменялись на вчерашнем нашем совещании. На это я могу ответить следующей цитатой из одной статьи Фридриха Энгельса под заглавием «О перспективах войны Франции против Священного союза». Энгельс говорит:

«Современная военная тактика, таким образом, предполагает эмансипацию буржуазии и крестьянства и составляет военное выражение эмансипации. Эмансипация пролетариата также будет иметь свое военное выражение и создаст новый метод ведения войны. Это ясно, можно даже определить, какой характер материальных основ будет лежать в основе новой системы ведения войны. Но столь же далеко, как голые завоевания политического господства современным пестрым, частью составляющим хвост других классов, пролетариатом,

отстоят от действительной эмансипации пролетариата, состоящей в уничтожении всяких классовых различий, так же далеко будут отстоять начальные попытки нового ведения войны, ожидающейся революции от военной тактики эмансипировавшегося пролетариата» (стр. 13).

И дальше на стр. 14 мы читаем:

«...величайшей важности открытия Наполеона[7]) в науке военного дела не могут быть устранены путем чуда. Новая военная наука должна быть в такой же степени необходимым продуктом новых общественных отношений, как созданная революцией и Наполеоном представляла результат данных революцией новых условий. Но как и в пролетарской революции по отношению к индустрии речь идет не о том, чтобы уничтожить паровые машины, а о том, чтобы увеличить их количество, так то же самое в системе ведения войны задача заключается не в уменьшении подвижности и массового характера армии, а в их усложнении».

Я с Энгельсом вполне согласен, поэтому я и думаю, что так как наш пролетариат в сугубой степени носит в себе те недочеты, о которых упоминает Энгельс, т. е. что он слаб, дезорганизован, что он действует в крестьянской стране и пр., то, разумеется, никакого переворота в смысле создания самостоятельной пролетарской тактики и стратегии быть не может, ибо для этого нет основы — улучшения производства, развития производительных сил. Поэтому считаю в принципе эту вещь в будущем не только возможной, но и неизбежной. Для настоящего момента, при настоящих условиях, об этом нам говорить не приходится. И поэтому в основном мы вели войны теми же методами и способами, которыми действовали и буржуазные армии.

Но все-таки мне кажется, что факт создания новой пролетарской государственности... не мог не отразиться на всем нашем военном деле, и в частности на ведении войны. Взять хотя бы организацию нашей Красной Армии и ее политотделов, их роль как особого рода оружия, порой более мощного, чем винтовки и пушки. Наконец, внутреннюю структуру армии, новые идеи о дисциплине, отношение командного состава и рядовых и пр. и пр. — во всем этом ярко отразился тот факт, что во главе Красной Армии стояли пролетарские элементы. Что касается стратегии и тактики, то в основе они те же самые, мы ничего принципиального, нового дать не могли. Мы брали старое и брали не по-ученому, а просто из практики и учились у наших специалистов под их руководством. Но в отношении характера применения методов было кое-что и новое, не в том смысле новое, что оно не бывало никогда и нигде, но новое сравнительно с тем, что было в старой российской армии предшествующей эпохи.

МАНЕВР — ОСОБЕННОСТЬ БУДУЩИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙН

Троцкий говорит, что маневренность, подвижность, так ярко проявившиеся в нашей гражданской войне, не могут быть связываемы с тем, что во главе Красной Армии оказались пролетарские элементы. По-моему, это не совсем так. Возьмем старую царскую армию. Кто стоял во главе ее? Российское дворянство. Что такое было наше дворянство? Распавшийся экономически класс: дезорганизованный, выбитый из классовой позиции, он не мог ничего сделать. Возьмем теперь германское юнкерство. Это был класс крепкий экономически, державший бразды правления в своих руках. А теперь, что такое мы, наша большевистская партия — партия рабочего класса? Мы — партия класса, идущего на завоевание мира; мы — такие же юнкера, только навыворот, во всем, что касается твердости, решительности, последовательности. В нашей политической борьбе — кто может быть нашим достойным противником? Только не слюнтяй Керенский[8]) и подобные ему, а махровые черносотенцы. Они способны были бить и крошить точно так же, как на это были способны мы.

Что такое война? Продолжение политики... Поэтому мы можем сказать, что вхождение в Красную Армию пролетарских элементов, красных командиров отразилось на характере ведения наших операций, и если вспомнить некоторые наши операции с их нередкими случаями расхождения красного командного состава и специалистов, то мы увидим, что красный комсостав внес в армию смелость, инициативность и решительность. Поэтому я полагаю, что эти черты маневренности, решительности, наступательности были связаны не только с объективными условиями военных действий, чего никто не отрицает, но с тем, что во главе Красной Армии оказались элементы, пропитанные активной идеологией рабочего класса. Еще несколько слов о маневренности. В резолюциях украинского совещания командного состава делается попытка подвести итоги войны, обобщить опыт гражданской войны и сопоставить его с опытом империалистической войны. И в результате этого сопоставления мы видим, что в одном случае превалируют моменты маневренности, подвижности, а в другом — позиционности, неподвижности. И на основной практический вопрос о характере возможных будущих операций наше совещание дает определенный ответ: конечно, будут преобладать элементы маневренности и подвижности. Откуда это вытекает? Из самого характера наших возможных будущих войн. Они будут приближаться по типу к нашей гражданской войне. Чем обусловливалась позиционность империалистической войны? Тем,

что весь тыл представлял единое целое и две страны, как стена, идут друг против друга.

При известном равенстве сил, при большом количестве армий создается известное равновесие на более или менее продолжительное время. Может ли быть так и в настоящее время? Поскольку наш общественный прогноз считается правильным, постольку мы должны признать, что такой устойчивой линии фронта быть не может, так как у каждой страны будут союзники по ту сторону фронта, а этот факт убивает неподвижность. В доказательство возможности позиционных форм, как преобладающих, Троцкий привел Рурский бассейн и Парижскую Коммуну. Я должен сказать, что эти примеры доказывают как раз обратное. Если революция в Германии решит применить метод отстаивания в Рурском бассейне, то она неизбежно погибнет: без хлеба она вынуждена будет быстро капитулировать. Парижская Коммуна — это совершенно нехарактерный пример для большой гражданской войны. Здесь — захват одного города, правда крупного, а все остальное в руках противника. Но о чем же говорит и он? Хлеб надо было подвозить, так что с самого начала были условия, обрекающие Парижскую революцию на гибель, если только коммунары не найдут в себе решимости сразу двинуться за город.

Я не знаю, как упустил из виду Троцкий критику Карла Маркса, который говорит, что величайшей ошибкой парижских коммунаров было именно то, что они не решились наступать. Я считаю, что это, безусловно, правильно. Кто считает, что в момент гражданской войны надо окопаться, тот глубоко ошибается. Конечно, доктринером здесь быть нельзя. Может быть такая обстановка, что к восставшей стране придет другая страна на помощь, и при таких условиях оборона может стать выгодной. Но абсолютизмом, доктринерством мы вряд ли грешим и такую оборону всегда допускаем. Поэтому я полагаю, что основным характером для будущих революционных войн будут маневренность и подвижность, что отнюдь не исключает необходимости подготовки к позиционным методам. Из этого положения приходится делать и практические выводы. Возьмем роль крепостей. Понятно, при наших ресурсах и средствах говорить о развитии крепостной системы не приходится, но тем не менее мы и теперь, несмотря на ограниченные средства, кое-что выделяем для нужд крепостной обороны.

Я приготовил доклад Реввоенсовету, в котором предлагаю, кроме самых необходимых, никаких оборонительных работ не производить, а средства лучше затратить на ремонт казарм. Если бы такой взгляд был общий, мы бы тогда прямо, без Реввоенсовета, решали, а теперь мы должны идти к нему, чтобы решать подобные вопросы.

ВСЕ — ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ

Теперь о наступлении. Троцкий сказал, что мы в конце концов пришли к подражанию французскому уставу и что, чем скорее мы это место выкинем из своих резолюций и своих мыслей, тем лучше не только для нас, но и для Красной Армии. А я скажу Троцкому, что, чем скорее он выкинет из своей брошюры на стр. 25 все эти рассуждения «Journal de Dèbat», прославляющие оборону, тем будет лучше. И теперь здесь, когда я читаю такую вещь (я не знаю, чей это курсив: автора или издателя), то надо сказать, что мы боимся, что Красная Армия будет воспитана на неправильных основах. Тут говорится так: «одним фактом наступления еще не обеспечивается успех. Оно бывает успешно, когда для него собраны всевозможные средства, превосходящие средства противника, ибо в конце концов побеждает всегда тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы...». Это такие вещи, о которых смешно говорить, а тем паче подчеркивать *курсивом*. Для кого же не ясно, что всегда побивает сильнейший? Но ведь сила-то складывается из целого ряда моментов, и одним из них как раз является момент наступления, момент взятия на себя инициативы. Возьму пример наступления на германско-французском фронте, который приводил Троцкий. С первым я плохо знаком. Что же касается германских наступлений мартовского, майского и июльского, то я хорошо с ними знаком. Я очень жалею, что с собой у меня нет замечательной книги под заглавием «Три года в главном штабе французской армии». Надо прочесть там страницу, посвященную самочувствию французских штабов перед наступлением. Они знали, что немцами наступление готовится, но где и когда будет удар — не знали, и в результате и в марте и в мае немцы их поразили неожиданностью места своего удара. Немцы ударили там, где французы не ожидали. И в результате колоссальные прорывы и успехи. Что касается неудачи июльского наступления, то оно мало показательно, так как решающую роль здесь сыграл факт значительного численного и материального перевеса на стороне французов и их союзников.

Поэтому я считаю, что эта ссылка ни в малейшей степени не доказывает того, что принцип оборонительности, как таковой, может быть поставлен на одну доску с принципом наступательным. То, что я предполагаю, и то, что приняло наше командное совещание, сводится к следующему: мы отнюдь не отрицаем отступательных операций, но мы рассматриваем отступление, как часть наступления. Допущение идеи отступления, как таковой, отступления абсолютного, оторванного от идеи перехода в наступление, по нашему

мнению, быть не должно. Отступление — понятие, целиком входящее в понятие наступления. Я отступаю на 100—200 километров с тем, чтобы на известном рубеже, в известной момент, мною намеченный, перейти в наступление. Это надо сказать прямо и твердо, тем более что в этом отношении не только французский, но и наш Полевой устав говорит приблизительно то же самое. Поэтому для меня особенно удивительно, почему Троцкий считает нужным спорить по этому вопросу, зафиксированному даже нашим старым уставом...

ЕЩЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ БУРЖУАЗНОЙ СТРАТЕГИИ

Теперь я хочу рассеять недоразумения, внесенные Мураловым,— он, по-видимому, меня не понял. Я начал свой доклад с указания на то, что вопрос о военной доктрине с формально-логической стороны считаю решенным совершенно. Все то, что перечислялось в прочитанных мною местах брошюры Троцкого, является для меня составным элементом этого понятия. Для меня важно то, что ответ на эти вопросы должен быть дан командованием: и поскольку это признано — больше спорить нам не о чем. Мы можем спорить только по поводу конкретного содержания заключающихся в этих элементах понятий. Что же касается содержания, то по вопросу о политической обороне или наступлении ничего нового не было сказано. Дальше я бы хотел ответить Троцкому и Тухачевскому, указывающим на неправильность формулировки в пункте 6-м постановления украинского совещания. Этот пункт толкуют так, что, мол, прежде мы действовали методами буржуазными, а теперь будем создавать новые методы, методы пролетарской стратегии. Здесь виновата несколько неясная формулировка. Основная мысль была такова: до сих пор в основном мы дрались методами буржуазной стратегии, но уже на этой прошлой борьбе отразился пролетарский характер нашего государства. Я пояснил, как я понимаю эту связь. Это — иной характер применения методов. Я говорил, что мы приблизились к той тактике, которую проводили Суворов[9]) и германское юнкерство[10]). В Красной Армии у нас нехватало иногда, может быть, технических знаний, планомерности, выдержанности, но были решительность, смелость и широта оперативного замысла... Это наше свойство я ставлю в связь с классовой природой ставших во главе Красной Армии пролетарских элементов.

Теперь относительно условий будущих войн. На этом пункте нужно основательно остановиться. Мне кажется совершенно несомненным, что по своему основному характеру тип будущих войн будет приближаться к типу нашей граж-

данской войны. А раз так, то в целом методы позиционной войны не будут иметь широкого применения. Сейчас пролетарская революция развивается, поэтому единого сплоченного тыла быть не может; а раз единого сплоченного тыла не будет, невозможна и устойчивость линии фронта. Вот почему я считаю позиционные методы ведения войны не характерными для ближайшего будущего. Что же касается далекого будущего, то это покажет само будущее, и об этом сейчас говорить не будем.

Я должен еще раз отметить, что основные вопросы нашей доктрины я считаю разрешенными. Наше внимание должно быть направлено на внедрение их в сознание всей толщи нашей Красной Армии и ее комсостава. Считаю, что эти общие взгляды должны быть проведены через наши уставные руководства; считаю, что эту работу надо вести наряду с подготовкой наших отделенных командиров. Далее я считаю обвинение в идеализации опыта нашей Красной Армии неправильным. Никакой идеализации нет, а есть лишь желание подвести итоги этому прошлому, несомненно, ценному и важному. Повторяю, что гораздо вреднее становиться на другую точку зрения — точку зрения умаления заслуг коммунистических элементов внутри армии, умаления заслуг того командного состава, который, безусловно, вынес, и вынес с честью, тяжесть борьбы на своих плечах. Я считаю, что необходимо поставить вопрос об оживлении деятельности наших уставных комиссий как в центре, так и на местах. Только таким путем мы можем благополучно завершить нашу работу.

(М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том II, стр. 96—101, 104—105. «Основные военные задачи момента».)

О СОДЕРЖАНИИ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Приводимый ниже текст представляет собой выдержку из доклада М. В. Фрунзе «Ленин и Красная Армия» на торжественном заседании Военной академии РККА, посвященном годовщине смерти В. И. Ленина. В своем докладе М. В. Фрунзе, характеризуя В. И. Ленина как гениального политического стратега, говорил о связи между политической и военной стратегией и дал определение содержания военной стратегии и тактики.

Товарищи! В настоящем собрании, я думаю, мне нет необходимости останавливаться на доказательстве правильности того положения, что война есть продолжение политики. Опыт империалистической войны и еще больше опыт нашей гражданской войны, опыт эпохи пролетарской революции

самым наглядным, самым убедительным образом доказывают его правильность.

Когда мы вглядываемся и в положение нашего Советского Союза, и в положение других государств, мы видим, как с каждым днем область политики все теснее и теснее переплетается с областью военной деятельности. Одно переходит в другое. Стратегия в узко военном смысле этого слова является частью стратегии политической.

Поэтому нам при изучении вопросов, интересующих нас как военных деятелей, нужно быть в курсе всей совокупности проблем, составляющих существо революционно-пролетарской борьбы, и, как вывод отсюда, нам нужно окунуться во всю область политической деятельности как внутренней, так и международной. Здесь, в этой области, мы найдем ключ ко многим вопросам чисто военного порядка и найдем средства, которые нам помогут разобраться в нашей узко специальной военной деятельности.

С этой точки зрения для нас представляют колоссальнейший интерес стратегия и тактика пролетарского движения вообще, т. е. те методы, те способы, при помощи которых рабочий класс ведет свою подготовительную работу к борьбе, начинает решительный бой, захватывает власть и, наконец, после победы борется за сохранение и укрепление своего классового господства.

Стратегия и тактика пролетарской борьбы и есть, товарищи, то, что мы с полным правом можем назвать ленинизмом.

Ленинизм есть осуществление и развитие того учения, которое было создано Марксом и Энгельсом. Но ленинизм — это своеобразное применение марксистской теории; это — не голое повторение тех положений, которые были выдвинуты К. Марксом и Ф. Энгельсом, — это есть дальнейшее развитие этих положений, расширение и обогащение их как теории классовой борьбы. Ленинизм есть стратегия и тактика рабочего класса, это есть учение о руководстве борьбой рабочего класса, учение о том, как рабочий класс должен действовать, чтобы обеспечить свою победу.

Поэтому-то в силу той связи, которую я отметил, связи, существующей между областью военной деятельности и областью деятельности политической, связи, которая особенно наглядна в переживаемую нами эпоху революционной пролетарской диктатуры, нам и важно до самого основания, до самой глубины быть знакомыми с сущностью ленинизма — этой «стратегией» и «тактикой» пролетарской борьбы.

Несколько замечаний относительно самих понятий стратегии и тактики. Вам известно, что в этом вопросе среди военных авторитетов существует величайший разброд: никакого общепризнанного, бесспорного определения этих поня-

тий нет. Каждый их определяет по-своему. Это, впрочем, характерно не только для одной области нашей военной деятельности: так обстоит дело во всех вообще науках гуманитарного порядка.

Возьмем, например, юридические науки. Если вы откроете любой учебник права и остановитесь на главе, где говорится об общем учении «права», то вы, прежде всего, наткнетесь на спор о том, что же, собственно, собой представляет самое понятие «права». И каждый правовед по-своему определяет это понятие «права».

Не существует этого общепринятого определения понятий стратегии и тактики и у нас. Но, несмотря на это, эти термины употребляются в любом военном учебнике, употребляются они и в любом учебнике политического руководства. Очевидно, что при всем разнообразии пониманий, которые вкладываются в эти слова, все-таки существует нечто общее, что позволяет самым разнообразным людям в общем и целом понимать друг друга.

Мне лично кажется, что, кто попытается эти две области военного искусства разграничить, разделить непроходимой чертой, тот ошибается. Я считаю, что тактика и стратегия ни в коем случае противопоставляться друг другу не могут. Тактика и стратегия — это явления одного порядка, качественного различия между ними нет: есть только различие количественное.

В области стратегии мы имеем дело с явлениями и данными более общего и более сложного порядка. Она не занимается частностями и деталями. Ее задача — дать общую оценку обстановки, определить удельный вес основных факторов, участвующих в деле, и наметить на основании этого учета основные линии поведения (операции). Основными элементами, которыми оперирует стратегия, являются масса, пространство и время. Эти элементы рассматриваются в различных сочетаниях и в различной обстановке, причем масса охватывает как понятие массы войск и вообще людей (народ или народы), так и массы всяких средств борьбы (снабжение).

Что касается тактики, то она, имея, по существу, дело с теми же элементами или большинством их, берет их в более конкретном, а потому и более узком и ограниченном виде, имея целью решение задач частного порядка.

Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ей служащая, ею определяемая.

То же самое мы имеем и в области политической деятельности. Там тоже мы имеем свою стратегию и свою тактику.

Политическая стратегия базируется на учете основных моментов движения масс, на учете борющихся классовых сил. Она изучает соотношение между этими силами, изучает

их удельный вес и характер и, наконец, учтя моменты времени и пространства, намечает соответствующий стратегический план политической борьбы.

Для того чтобы быть хорошим стратегом, одинаково как в области чистой политики, так и в военном деле, необходимы особые, специфические качества. Самым важным из них является так называемая интуиция, способность быстро разобраться во всей сложности окружающих явлений, остановиться на самом основном и на основании учета этого основного наметить определенный план борьбы и работы.

Вот этим-то свойством, этой способностью интуиции в величайшей степени был одарен наш покойный вождь товарищ Ленин.

Когда берешь его произведения, — а я сегодня перелистал книгу за книгой все тома его трудов, останавливаясь, главным образом, на статьях, имеющих то или другое отношение к Красной Армии и военному делу, — когда даже бегло проглядываешь его речи, статьи, письма и прочее, то еще и еще раз поражаешься той колоссальной силе интуиции, тому глубокому проникновению в глубь, в самое существо всех явлений, которое характерно для товарища Ленина на протяжении всей его революционной деятельности. За самыми редкими исключениями, мы можем сказать, что его оценки и прогноз грядущих событий отличались невероятной глубиной и прозорливостью. Поэтому изучение политической стратегии товарища Ленина для всех нас должно представлять величайший интерес.

(М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том II, стр. 195—198. Из доклада «Ленин и Красная Армия» на торжественном заседании Военной Академии РККА, посвященном годовщине смерти В. И. Ленина.)

ФРОНТ И ТЫЛ В ВОЙНЕ БУДУЩЕГО

Публикуемый текст представляет собой статью М. В. Фрунзе с небольшими сокращениями. Статья была опубликована в 1925 г. в сборнике «На новых путях». В ней М. В. Фрунзе показывает возросшую взаимосвязь фронта и тыла, всеохватывающий характер будущей войны, говорит о задачах подготовки к ней населения и народного хозяйства и о советской стратегии в будущих военных столкновениях.

Основным и важнейшим выводом из опыта минувшей империалистической войны 1914—1918 гг. является переоценка вопроса о роли и значении тыла в общем ходе военных операций.

Положение, гласящее, что «исход войны будет решаться не только непосредственно на боевом фронте, но и на тех

линиях, где стоят гражданские силы страны», стало теперь ходячей аксиомой. Опыт войны показал, что достижение целей войны в современных условиях стало делом значительно более сложным, чем прежде. Современные армии обладают колоссальной живучестью. Эта живучесть целиком связана с общим состоянием страны. Даже полное поражение армий противника, достигнутое в определенный момент, не обеспечивает еще конечной победы, поскольку разбитые части имеют за собой экономически и морально крепкий тыл. При наличии времени и пространства, обеспечивающих новую мобилизацию людских и материальных ресурсов, необходимых для восстановления боеспособности армии, последняя может легко воссоздать фронт и с надеждой на успех повести дальнейшую борьбу.

С другой стороны, до невероятных размеров возросли трудности обеспечения мобилизационной готовности армий. Необходимые для этого средства определяются не сотнями миллионов, а миллиардами рублей. Таких цифр, разумеется, не сможет выдержать никакой бюджет, даже самой богатой страны.

Наконец, в этом же направлении действует и быстрый прогресс современной военной техники. То, что признается наиболее совершенным сегодня, завтра становится уже устаревшим и не обеспечивающим успеха. Отсюда — нецелесообразность и прямая опасность колоссальных финансовых затрат на заготовку мобилизационных запасов. Центр тяжести переносится на соответствующую организацию промышленности и вообще всего хозяйства страны.

Из изложенного вытекает неизбежность пересмотра и самих принципов стратегии. При столкновении первоклассных противников решение не может быть достигнуто одним ударом. Война будет принимать характер длительного и жесткого состязания, подвергающего испытанию все экономические и политические устои воюющих сторон. Выражаясь языком стратегии, это означает переход от стратегии молниеносных, решающих ударов к стратегии истощения.

Вывод этот, правильный в основном, должен быть дополнен поправкой, вытекающей из классового характера будущих войн.

Сущность этой поправки заключается в том, что при глубоком обострении классовых противоречий моральная устойчивость определенной воюющей стороны может оказаться очень слабой и не выдержать действия первого серьезного военного удара. Особенно характерным в этом отношении будет положение воюющих сторон противоположного по классовому строению типа. Например, столкновение какой-либо буржуазной страны с нашим Советским Союзом. Очевидно, что в результате сильного военного удара с нашей

стороны могли бы развязаться руки у стихии классового пролетарского движения в противной стороне, мог бы стать возможным захват власти рабочим классом, что означало бы автоматическое прекращение войны.

Несомненно, что такого же рода рассуждение применимо и по отношению к нам, поскольку внутренние враги рабоче-крестьянской государственности могут поднять голову. Этим объясняется, между прочим, тот факт, что обломки старой вооруженной белогвардейщины (врангелевцы) и прочие продолжают до сих пор пользоваться известным покровительством со стороны правительств буржуазных стран.

Таким образом, из изложенных выше рассуждений для нас отнюдь не вытекает необходимость абсолютного отказа от стратегии молниеносных ударов (эта стратегия, кстати сказать, не отметается и буржуазными государствами). Напротив, чем сильнее будет обострение классовых противоречий в стане врагов, тем больше шансов и данных на успех и выгодность именно этой стратегии. Но при всем этом необходимость подготовки к длительной и упорной войне для нас всегда сохраняет обязательную силу. Поскольку дело идет о столкновении двух различных миров, это означает схватку не на жизнь, а на смерть. Врагов у рабоче-крестьянской республики много, и поэтому борьба при всяких условиях будет длительной.

Таким образом, связь фронта с тылом в наши дни должна стать гораздо более тесной, непосредственной и решающей. Жизнь и работа фронта в каждый данный момент определяются работой и состоянием тыла. И в этом смысле центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад — в тыл.

В этом же направлении действует и другой момент, связанный с развитием военной техники и с усовершенствованием средств истребления. Превращение авиации в решающий род войск, усовершенствование химических средств войны, возможное использование инфекционных микробов и пр. и пр. — все это, по существу, опрокидывает самое представление о «фронте» и «тыле» в старом понимании этих слов.

Фронт в смысле района, непосредственно охваченного военными действиями, теряет характер прежнего живого барьера, преграждавшего врагу доступ в «тыл». Если не полностью, то, во всяком случае, в значительной своей части (в зависимости главным образом от размеров территории данной страны) тыл теперь совмещается с фронтом. Отсюда — новые задачи и новые методы подготовки обороны страны и, в частности, новая роль самого тыла, как прямого участника в деле борьбы. Раз непосредственная тяжесть ведения войны падает на весь народ, на всю страну, раз тыл

приобретает такое значение в общем ходе военных операций, то, естественно, на первое место выступает задача всесторонней и планомерной подготовки его еще в мирное время.

Подготовка эта должна иметь целью, во-первых, бесперебойное снабжение фронта всем необходимым для ведения боевых операций, во-вторых, обеспечение самого тыла всем, что нужно для поддержания на должном уровне его рабочей энергии и моральной устойчивости. Так ставится эта задача во всех современных мировых державах, стремящихся дать ей практическое разрешение.

Для нас эта проблема — проблема организации Советского государства на случай войны — представляет исключительное значение. Огромность нашей территории, сравнительная редкость населения, недостаточная железнодорожная сеть, слабое развитие промышленности, общая техническая отсталость и т. д. и т. д. — все это ставит нас в крайне невыгодное положение в смысле мобилизационной готовности по сравнению с возможным врагом [11]).

Средством, обеспечивающим планомерное проведение мобилизации страны, должна была бы быть наша постоянная армия. Но на этот счет никто в нашем Союзе не должен создавать себе никаких иллюзий. В своем стремлении облегчить для населения военное бремя мы дошли до крайних пределов. В 1924 году мы сократили армию еще на 50 тыс. человек, и, таким образом, вместо прежних 610 тыс. у нас остается всего 560 тыс. человек. А так как из этого числа значительная часть приходится на тыловой аппарат, на всяких «обслуживающих», то на долю собственно боевых элементов армии остается еще более ничтожная цифра. При таком положении ясно, что постоянной армии в истинном смысле этого слова, т. е. достаточной наличной вооруженной силы, готовой принять на себя удары врага, у нас нет. У нас есть только кадры, только остов будущей армии, да и то недостаточно сильный.

Отсюда — настоятельная, жгучая и неотложная задача: усилить общую работу по подготовке страны к обороне; организовать страну еще в мирное время так, чтобы она могла быстро, легко и безболезненно перейти на военные рельсы. Путь к этому лежит в усвоении *твердого курса на военизацию еще в мирное время работы всего гражданского аппарата*. Что это должно означать, — мы сейчас увидим.

Задача подготовки страны к обороне в современных условиях далеко не укладывается в рамки наличных возможностей армии и одного военного ведомства. Задача эта должна стать делом всей страны, всего советского аппарата.

Дело на первый взгляд может показаться невыполнимым. Это неверно. Трудности здесь, правда, очень большие, но как раз при характере нашей государственной власти преодолеть их нам будет легче, чем кому бы то ни было...

Особо важную роль в ходе военных действий играют средства связи и транспорта. По существу, вся мобилизационно-подготовительная работа в этой области лежит вне сферы действия военного ведомства. Обеспечить армию военного времени мобилизационными запасами имущества связи и транспорта за счет государственного бюджета — утопия, и утопия вредная. Все это должно быть подготовлено в процессе нормальной мирной работы соответствующих наркоматов. Работа необходимый уклон уже получает. Некоторые результаты, особенно по части связи, у нас уже имеются налицо. По целому ряду производств мы уже освобождаемся от господства заграницы. Нужно еще энергичнее, еще шире двигаться и дальше этим путем. Нужно установить и закрепить организационно еще более тесную связь между указанными комиссариатами и соответствующими отделами и управлениями военного ведомства. Эти последние должны стать мобилизационно-инструкторскими штабами в отношении первых.

Такая «военизация» вполне выполнима, но при двух обязательных условиях: во-первых, при ясном осознании тылом — и прежде всего гражданским аппаратом — своей роли в будущей войне и необходимости заблаговременной к ней подготовки и, во-вторых, при установлении живой непосредственной связи военного аппарата с аппаратом гражданским. Связь эта должна быть закреплена организационно — путем вхождения представителей армии в соответствующие гражданские органы и учреждения, применительно к специальности первых.

Особо важная роль в этом отношении падает на наших хозяйственников. Они должны помнить о том, что война вызовет мобилизацию «всех экономических ресурсов страны — промышленных, сельскохозяйственных и финансовых, которые должны быть организуемы, координируемы и управляемы такой же стратегией, какая направляет операции чисто боевых сил» [12]).

Руководители наших трестов и комбинатов, директора наших фабрик и заводов во всей своей мирной деятельности должны исходить из этих перспектив. При каждом новом начинании — хозяйственном, культурном и пр. — следует всегда задаться вопросом: а в каком соответствии результаты этого начинания будут находиться с делом обеспечения обороны страны? Нет ли возможности без ущерба для мирных потребностей сделать так, чтобы здесь обеспечивалось и достижение определенных военных задач?

С другой стороны, наши военные хозяйственники должны пересмотреть образцы принятых теперь для армии мирного и особенно военного времени предметов снабжения. Надо стремиться к максимальному использованию тех образцов, которые являются предметами широкого потребления в мирное время и, стало быть, массовое производство которых уже налажено. Здесь можно и должно поступаться всеми деталями, не имеющими решающего значения для дела. Возможность массового получения их в военное время без всяких дополнительных усилий и затрат вполне искупает второстепенные недостатки.

Понятно, нельзя требовать от всех наших хозяйственников такой подготовки, такого знания военного дела, которые бы автоматически обеспечивали выполнение этих требований. Помочь в этом, прежде всего, — задача военного ведомства. Военное ведомство обязано при помощи определенных организационных форм работы аппаратов, а также через посредство различных общественных организаций (Общество друзей воздушного флота, Доброхим, ВНО и т. п.) влиять на характер и направление работы хозяйственных органов.

Наконец, вопрос о мобилизации промышленности и вообще хозяйства страны. Опыт империалистической войны в этом отношении дал богатый материал. Наша гражданская война, в свою очередь, внесла ряд ценнейших данных, вытекающих из особенности структуры нашего государства. Приходится пожалеть, что этот наш опыт очень мало освещен в соответствующей послевоенной литературе. Работа наших снабженческих органов (чусоснабарм и опродкомармы), помимо большого исторического значения, имеет огромный практический интерес.

Сугубая важность систематической, планомерной и тщательной разработки и подготовки вопроса промышленной мобилизации ясна для всех. Между тем приходится констатировать, что в этом отношении нами сделано пока чрезвычайно мало. Работа должна быть поставлена так, как она ставится в генеральных штабах в отношении чисто боевых элементов войны. Должен быть составлен такой же оперативный план развертывания хозяйства страны во время войны, какой мы разрабатываем для войск. В этом плане должны быть точно учтены и все наши потребности и все наши ресурсы. Должно быть обеспечено правильное и бесперебойное снабжение и фронта и тыла. Эта работа невероятно сложна, но она и нужна и осуществима. Следует заметить, что осуществление ее у нас чрезвычайно облегчается государственным характером основных отраслей нашей промышленности; в этом наше огромное преимущество перед буржуазными странами, и было бы непростительно не суметь использовать это преимущество должным образом.

Труды, посвященные разработке этой важнейшей темы, у нас почти совершенно отсутствуют. Но это дольше не должно продолжаться. Следует пожелать, чтобы разработка этих вопросов заняла подобающее место в нашей военной и гражданской печати. Это, прежде всего, — дело наших снабженцев. Им я хотел бы еще и еще раз напомнить, чтобы они поскорее и порадикальнее разделались с остатками взглядов канувшей в вечность эпохи. Задача снабженцев — не только распределять между частями готовое: это дело весьма несложное, было бы только что распределять. Центр тяжести их работы — в заготовке. Заготовка находится в руках гражданских государственных органов. Забрать все это дело просто и прямо в свои руки — утопия. Нужно, стало быть, как-то иначе подойти к делу, так, чтобы не только быть в курсе всего, что «там» делается, но влиять на характер самого производства, исходя из потребностей обороны. При этом снабжение должно иметь в виду не только удовлетворение текущих потребностей армии, но ничуть не в меньшей степени обеспечение ее мобилизационными запасами. По части подготовки последних надо хорошенько усвоить ту истину, что центр нашего внимания должен быть перенесен на определенную постановку соответствующих областей промышленности. Наши довольствующие управления должны поставить себе неуклонной задачей обеспечение органической взаимной связи со всем промышленным миром страны, равно как и связи с миром научно-техническим. Эта связь не должна ограничиваться центральными органами, — она должна быть проведена и на местах. Исключительной важности роль выпадает здесь на долю наших территориальных частей. Они должны, прежде всего, не дожидаясь подталкивания сверху, прочно связаться с местным аппаратом, упорно проводя намеченную выше линию.

Всякая продуктивная работа мыслима лишь при наличии соответствующей организации, навыков, сноровки и методов. Работа того огромного масштаба, схематичный набросок которого я давал выше, требует всего этого в усиленной степени. Хорошими организаторами мы не особенно богаты. Вся практика нашей работы грешит тысячами всевозможных недостатков. При этом многое — результат отнюдь не неумения, а простой безалаберности, разгильдяйства и отсутствия систематичности. Отсюда — наши слабые успехи во многих областях, несмотря на колоссальные возможности. Осуществление намеченной выше программы весьма облегчается государственным характером основных элементов нашего хозяйства. Было бы вопиющим преступлением, если бы мы при наличии таких возможностей не сумели поставить дело обороны Советского Союза на должную высоту. Необходимо лишь наличие доброй воли как со стороны гражданских ра-

ботников, так и работников военведа, и затем — планомерная, систематическая, упорная работа.

Только при таком подходе дело мобилизации страны для нужд обороны будет и у нас поставлено как следует.

* * *

Значение «тыла», т. е. подготовки всего хозяйственного и государственного аппарата страны, ставит серьезнейшие задачи перед работниками гражданских учреждений — в смысле учета потребностей будущей войны и приспособления производства к запросам последней — и перед работниками военного ведомства — в деле установления теснейшей связи с соответственными гражданскими ведомствами. Вместе с тем эта исключительно важная роль тыла ни в коем случае не уменьшает, а, напротив, во много раз увеличивает задачи и заботы постоянных армейских кадров.

Проблема воспитания и обучения миллионных резервов при непрерывном усложнении военного дела и сравнительно коротком сроке службы; проблема наилучшей организации войск при современном состоянии техники и при наших реальных технических возможностях; задача повседневной проверки и неуклонного совершенствования основ военного дела под углом зрения будущей массовой войны; наконец, установление в Красной Армии твердого тона, четкой, систематической и безотказной работы мельчайшего винтика — все эти задачи должны быть разрешены не кем иным, как самой Красной Армией, для того, чтобы будущая мобилизация дала возможность с наименьшей затратой энергии создать сильную, стройную армию войны.

Вот почему на постоянный состав Красной Армии — прежде всего, конечно, на командный, политический, административно-хозяйственный состав — ложится особенно большая ответственность. Каждая ныне существующая частица Красной Армии в случае войны имеет довольно значительный множитель, который, будучи приведен в действие, во много раз увеличит и ее достоинства и ее недостатки. Это должен учесть начальствующий состав Красной Армии и работать усердно, работать творчески, ибо от его работы в очень и очень значительной мере зависит победа наша, победа международного пролетариата в нашем грядущем столкновении с капиталом.

(М. Ф. Фрунзе. Избранные произведения, том II, стр. 133—136, 139—143, «Фронт и тыл в войне будущего».)

РОЛЬ ОРГАНИЗАТОРСКОЙ РАБОТЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАЦИЙ

Помещаемый текст представляет собой выдержку из статьи М. В. Фрунзе «Вопросы высшего военного образования», написанной для сборника «На новых путях», вышедшего в 1925 г. В основу статьи были положены выступления М. В. Фрунзе на открытии учебного года в Военной академии 1 октября 1924 г. и на открытии Курсов усовершенствования при Военной академии 15 ноября 1924 г. М. В. Фрунзе в своей статье, наряду с необходимостью овладения командным составом методом марксизма-ленинизма, подчеркнул важность приобретения организаторских навыков при проведении операций.

...Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций, без самого точного учета перевозок, обеспечивающих тыловое снабжение, без организации эвакуационного дела немыслимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций. Между тем эта область вопросов до сих пор нами изучалась в цикле административных наук, хотя по своей природе в условиях ведения большой войны она должна быть тесно связана со стратегией.

Если мы посмотрим вообще на те уклоны, которые создаются в области военного дела в современных условиях, то мы должны будем признать, что центр тяжести мало-помалу от оператора переходит к организатору. Я лично думаю, что теперь уже удачный исход военных операций, исход войны в гораздо меньшей степени зависит от правильного оперативного руководства, чем от правильной постановки организации тыла и всего того, что подготовляет ведение военных операций. По крайней мере на три четверти все дело решается предварительной работой, строго продуманной на основании совершенно точных данных. Конечно, вся эта работа при плохом оперативном руководстве результатов не даст, но центр тяжести все же переносится все больше и больше сюда. Вот почему это новшество — перенесение вопросов организации тыла в цикл стратегии — нами должно быть признано совершенно своевременным, правильным и вполне отвечающим всему тому уклону, который мы сейчас имеем в области военного дела...

(М. В. Фрунзе. Избранные произведения, том II, стр. 177—178, «Вопросы высшего военного образования».)

***

★ ★ ★

М. Н. ТУХАЧЕВСКИЙ

Михаил Николаевич Тухачевский *(1893—1937) — видный советский военный деятель и теоретик, Маршал Советкого Союза, член КПСС с 1918 г. В гражданской войне командовал армиями и фронтами. После гражданской войны командовал военными округами, был начальником Военной академии РККА, заместителем начальника Штаба РККА, заместителем Наркома по военным и морским делам. М. Н. Тухачевский был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г.*

Основные труды. *«Стратегия национальная и классовая», 1920; «Поход за Вислу», 1923; «Вопросы высшего командования», 1924; «Вопросы современной стратегии», 1926; «Война как проблема вооруженной борьбы», 1928; «Новые вопросы войны», 1932; «Военные планы нынешней Германии», 1935.*

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ И КЛАССОВАЯ

Впервые отдельные главы работы М. Н. Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» были опубликованы в сборнике статей инспекции военно-учебного дела 5-й армии Восточного фронта в 1919 г. Отдельной книгой вся работа вышла в 1920 г. в Ростове-на-Дону в штабе Кавказского фронта. В последующем она была опубликована в сборнике «Война классов» в 1921 г.

I. ВВЕДЕНИЕ

Новое в гражданской войне

...Мы впервые столкнулись с гражданской войной в большом масштабе, а потому, вполне понятно, лишь на опыте можем сознать и теоретически обосновать те формы, которые явились как следствие борьбы класса с классом, а не государства с государством. Эти последние имели совершенно определенные между собой границы, а потому заранее могли подготовить план предстоящей войны. С момента объявления мобилизации доведенные до боевого состава регулярные части перебрасывались на театр военных действий, где производили стратегическое развертывание. Эта первая часть войны, до столкновения двух армий, разыгрывалась по вполне рас-

считанному плану. В гражданской войне мы видим другие условия. Здесь вооруженную борьбу ведут два класса. Эти два класса не разъединены между собою никакими границами. Когда вспыхивает восстание, когда порабощенный класс берет власть в свои руки и начинает создавать свою армию, тогда начинается и гражданская война. Предусмотреть, где будет это восстание, невозможно, и вообще весь ход событий подчиняется импровизации, а не заранее продуманному плану. Есть много и других характерных особенностей при ведении гражданской войны.

Новые главы стратегии

Исследовать эти особенности и является нашей задачей. Старая стратегия не отмерла, не является для нас чем-то ненужным, а просто не имеет еще нескольких необходимых ей глав о гражданской войне. Написать эти главы и является задачей момента.

Причины войны

Война всегда имеет экономические причины. Капиталистические страны ведут войны для приобретения рынков или природных богатств. Гражданская война ведется угнетенным классом против класса эксплуататоров ради прекращения эксплуатации его труда...

II. ВОЙНА

1. План войны

План войны национальной

В мирное время о каждом государстве имелись совершенно определенные данные в отношении:

а) границ,

б) сил и средств,

в) театров вероятных столкновений,

г) географических, статистических и пр. данных.

На основании этих данных составлялся план войны на всевозможные случаи, на все комбинации. План войны заключал в себе все соображения по созданию армии, по подготовке театра военных действий в инженерном отношении, по мобилизации, по перевозке войск, по избранию решающего направления, по подготовке операционного базиса и по стратегическому развертыванию.

На подготовку всех этих мероприятий приходилось затрачивать многие годы.

План войны гражданской

Гражданская война в наше время и в культурных странах возникает вместе с появлением где-либо диктатуры пролетариата, вместе с пролетарским восстанием. Пролетариат наскоро формирует армию. Вооруженные силы буржуазии начинают с ними гражданскую войну. Если даже пролетариату и удается захватить в свои руки всю страну, то все же контрреволюция не преминет поднять восстание там или тут, наскоро сформирует себе армию и тогда пролетариат опять принужден вести гражданскую войну.

Вполне понятно, что никто заранее не может предвидеть, где вспыхнет восстание, каково будет соотношение сил и средств двух будущих врагов. Так, мы не могли предвидеть восстания чехословаков. Мы не могли предвидеть, что, восставши в Пензе, они продвинутся в Самару, что они создадут там учредилку, что они пройдут дальше в Сибирь и поднимут восстание в Челябинске. Мы не могли предвидеть, что эти два контрреволюционных центра впоследствии объединятся и что, наконец, эти учредилочные государства превратятся в колчаковскую империю, которая будет простираться от Великого океана до самой Волги.

Из сказанного ясно, что план войны гражданской не может быть составлен ранее начала этой войны. Все, что в этом отношении может предвидеть диктатура буржуазии или пролетариата,— это то, что для защиты классовых интересов понадобится армия и что армия эта чем будет больше, тем лучше. Можно прибавить к этому, что главные формирования этих армий должны быть сосредоточены там, где находятся политический и экономический центры государства, так как в случае войны с враждебным классом эти центры будут снабжать свою армию.

Более подробного плана гражданской войны создать нельзя.

Вот первое, чрезвычайно важное отличие стратегии классовой от стратегии национальной.

К этому мы можем прибавить, что армия восставшего, как революционная, так и контрреволюционная, будет наскоро сколоченная, т. е. будет продуктом импровизации.

Самый план гражданской войны также является импровизацией и в этом отношении имеет сходство с планом операции.

Посмотрим теперь, какие планы возникают у борющихся сторон с начала гражданской войны.

План подавляющего восстания, как более готового к войне, должен быть стремительно наступательным. Главная задача его — оккупировать восставшую область до того, как в ней создастся враждебная армия.

Каков будет при этом характер операций? У восставшего армии, могущей оказать серьезное сопротивление, первое время нет. Поэтому при быстроте действий серьезного, организованного вооруженного сопротивления не будет. В этот период операционная линия будет направлена на жизненный центр восставшей области, а не на живую силу, так как таковой еще нет.

Если время будет упущено и армия восставшего поспеет сорганизоваться, то придется считаться с его армией, а вместе с тем объектом действий подавляющего восстание будет уже не территория, а живая сила противника. Это и будет началом полевой гражданской войны.

План восставшего первое время будет оборонительным, избегающим крупных столкновений с противником. Вместе с тем должна быть развита до крайности активность мелких отрядов, затрудняющих противнику возможность сосредоточиваться, разведывать и наступать. Главные силы будут расположены на подступах к жизненному центру.

Как только восставший доведет свою армию до мало-мальски реального вида, он немедленно перейдет в решительное наступление. Он должен помнить, что слабейший должен быть наиболее смелым. Он должен помнить, что потеря территории означает и уничтожение армии, долженствующей создастся этой территорией.

Даже с началом восстания крайне трудно бывает предусмотреть дальнейший ход событий, настолько изменчива и непостоянна обстановка в период гражданской войны... Крайне трудно рассчитать средства, потребные для комплектования и снабжения. Все, что можно сказать, это то, что надо рассчитывать на полное напряжение всех сил и средств своей области — государства и подготовить для этого соответствующий военно-административный аппарат...

3. Оборона и наступление

Гражданская война, по самому своему существу, требует решительных, смелых, наступательных действий. Революционная энергия и смелость доминируют над всем остальным.

Оборона в гражданской войне совершенно не носит того характера, какой имела она в войнах национальных или империалистических.

В этих последних к обороне прибегала слабейшая сторона, чтобы создать ударный кулак, решающий участь сражения, сэкономив для этого силы на участках пассивной обороны. Итак, идея оборонительного сражения несла в себе

прежде всего маневр. Каково было реальное значение пассивной обороны на некоторых участках для собирания маневренного резерва? В полевой войне ширину фронта корпуса устав определял в 5—6 верст (корпус 40 000 штыков). Тот же самый участок пассивно оборонять с успехом могли 5—6 тысяч штыков. Следовательно, перейдя к обороне на некоторых участках, на каждых 5—6 верстах, мы получали экономию 34—35 тысяч штыков. Таким образом, сами цифры показывают, как велико было значение участковой обороны.

Каковы же оборонительные возможности в нашей гражданской войне? Мы уже упоминали, что фронты наших армий чрезвычайно растянуты. Точно так же чрезмерно растянуты по фронту и отдельные боевые единицы. На восточном фронте нормальной шириной боевого порядка дивизии в 8 000 штыков будет 45—60 верст. Это дает 135—180 штыков на одну версту. Возможно ли при такой редкости стрелковой линии организовать огневую фронтальную оборону? Разумеется, нет. В старой войне даже сторожевое охранение имело большую плотность и тем не менее никто не рассчитывал на обороноспособность этой линии. Есть ли у нас данные полагать, что наши нынешние войска умеют упорнее обороняться, чем старые? Конечно, нет. Наши войска умеют хорошо наступать, они имеют неудержимый порыв вперед при наступлении, но к упорной пассивной обороне они не привыкли, а при указанной выше стрелковой плотности они и вовсе не смогут обороняться. Казалось бы этот вопрос ясен сам собой и говорить о нем много нечего. Но дело в том, что у нас есть взгляд, что если подготовить хорошо укрепленные позиции, то наши войска будут упорно их оборонять и, во всяком случае, они окажут сопротивление большее, чем без этих позиций. Это самое несчастное заблуждение. Для того чтобы оборонять подготовленные позиции, войскам пришлось бы занимать более узкий фронт, т. е. отказаться от маневра и на узком фронте загнать все свои войска в окопы. Конечно, это не больше, как дикий абсурд, и потому наши благоразумные войска никогда не останавливаются в заранее подготовленных для них укреплениях, за что, правда, весьма часто порицаются. В чем же может заключаться оборона в нашей войне?

Исходя из того же положения, что было принято и в национальных войнах, т. е. что оборона без маневра невозможна, мы постараемся найти те формы, которые позволят слабейшему или отступающему собирать в решающих пунктах маневренные кулаки, чтобы ими наносить поражение противнику. Оборона в национальной войне предполагает, что участковая пассивная оборона является лишь выигрышем времени. Не имея возможности выиграть время обороной,

мы его выиграем отходом слабых заслонов на неважных направлениях. Одновременно, быстро оторвав от противника главные силы, мы их сосредоточим на решающем направлении и перейдем в стремительное наступление, дабы нанести противнику решительный удар. Итак, наша оборона неразрывно связана с отступлением, заранее обдуманным и рассчитанным. Пассивная оборона, хотя бы на главных направлениях, отдельными участками бесполезна, так как противник наступает широким фронтом. Означает ли это положение отрицание инженерной подготовки тыла? Отнюдь нет. Но эта подготовка должна принять новые формы. Что может обеспечить быстроту и своевременность маневра? Хорошие дороги, а главное — связь. Итак, инженерная подготовка состоит в постройке широкой телеграфно-телефонной сети и исправлении дорог в тылу армии. Рыть укрепления имеет смысл только там, где можно рассчитывать иметь на версту не менее 500 штыков (по старым понятиям 1000 штыков) и, кроме того, еще необходимы участковые резервы. Вот руководящие данные для обороны в нашей войне.

4. Марш-маневр

В войнах массовых армий главные затруднения в организации и совершении марш-маневра заключались в нагромождении больших войсковых масс на небольших участках местности. Это нагромождение приводило к движению глубокими походными колоннами и ко всем затруднениям, сопровождающим это движение.

В нашей войне, как о том не раз упоминалось выше, мы сталкивались как раз с обратным явлением: небольшой численности войска растягиваются на очень большом протяжении фронта. Благодаря этому отпадают все затруднения, связанные с глубиной походных колонн при совершении марш-маневра, зато выступают затруднения, происходящие от ширины фронта частей.

Мы уже упоминали, что фронт дивизии зачастую равен 45—60 верстам (иногда растягивается до 100 верст). При такой ширине боевого порядка дивизии она будет иметь столько дорог, что не только бригады, но и полки имеют каждый свою дорогу. Иногда даже батальоны имеют отдельные дороги. Из сказанного явствует, что походный порядок дивизии почти одинаков с ее боевым порядком. На переход из одного в другой нужно каких-нибудь 15 минут. Если бы в нашей войне части двигались в глубоких колоннах, то, прежде чем они поспели бы развернуться, противник окружил бы и уничтожил их. Малая глубина походных колонн позволяет нашим войскам крайне легко и быстро пе-

редвигаться на большие расстояния. Наши дивизии зачастую делают переходы в 45—60 верст в сутки. Надобность в дневках почти отпадает. Для больших передвижений можно руководствоваться нижеследующей нормой, выведенной из опыта: 200 верст в неделю. При такой скорости войска не переутомляются и остаются вполне боеспособными.

Зато со стороны связи широкий фронт частей крайне неблагоприятен. Быстрота движения еще усугубляет трудности дела связи при исполнении марш-маневра.

В массовых армиях передовой авангард имел громадное значение. Он обеспечивал развертывание глубоких колонн в боевой порядок.

В нашей войне подобие походного порядка войск их боевому порядку в значительной степени умалило значение передового авангарда. Очень часто их заменяет конная и пешая разведка.

Зато большая ширина фронта частей и трудность быстро сгруппироваться к тому или другому флангу в значительной мере усилили значение боковых авангардов, обеспечивающих такую перегруппировку.

Фронт наших частей настолько широк, а самые боевые единицы настолько малочисленны, что очень часто бывает возможно перевозить пехоту на подводах. Обывательских средств для этого хватает, и скорость движения, особенно зимой, чрезвычайно увеличивается. Однако рассчитывать на это нужно очень осторожно, так как противник, отступая, очень часто уводит с собой большую часть обывательских подвод.

Мы уже упоминали, что перемена направления в нашей войне встречает серьезные затруднения благодаря ширине фронта частей. Приняв фронт дивизии в 45—60 верст, мы увидим, что наружный фланг дивизии при перемене ею направления на 90 градусов опишет дугу от 60 до 80 верст (приняв за ось вращения внутренний фланг). Следовательно, даже учитывая скорость марша наших частей, все-таки на перемену направления дивизией уйдут, в лучшем случае, сутки, а нормально двое суток...

6. Темп развития операции

Мы уже упоминали раньше о том, что операции в нашу войну развиваются стремительно. Операции массовых армий развивались значительно медленнее, во-первых, благодаря нагромождению большого числа войск на небольших участках и, во-вторых, благодаря тому, что тыловые учреждения этих армий требуют значительно больших подготовительных работ. После каждой операции производились оста-

новки, чтобы организовать тылы. Кроме того, самые войска имели значительно большее количество технических средств и, будучи лучше подготовлены, вели бои с большим упорством и с большей затяжкой. В настоящее время организовать тылы очень легко. Наиболее тяжелые виды снабжения, как-то продовольствие и фураж, войска находят на местах. Все это приводит к чрезвычайно быстрому развитию операций и к тому, что одна операция почти непрерывно следует за другой.

7. Оперативные формы наступления. Стратегические резервы

Концентрическое наступление. Этим видом наступления у нас принято злоупотреблять до крайности. Правда, концентрическое наступление может, в конце концов, привести к громадному превосходству сил над противником в пункте сосредоточения наступающих армий, но для этого необходимо еще достигнуть этого пункта. Следовательно, такое наступление можно лишь тогда предпринять, когда противник не в состоянии помешать достижению пункта необходимого сосредоточения сил. Или, если это достижение не обеспечено без боев, но тем не менее предпринимается, то на всем фронте наступления тактическая плотность войск должна быть предельной. Этой весной на южном фронте наши армии наступали концентрически, но тактическую плотность имели минимальную. Выходило, как будто пункт сосредоточения назначался армиям в тылу у противника. Деникин [13]) весьма легко разорвал всю эту сложную мудрость.

Концентрическая форма наступления дает больше выгоды, но требуется большое искусство для правильного ее использования.

Обход. Чрезвычайная быстрота марш-маневра в нашей войне делает обход одним из самых решительных средств победы. Но для успеха обход должен быть действительно стремительным. Медлительные обходы легко могут быть обнаружены противником и разгромлены быстро сосредоточенными против них силами. Это совершенно ясно, но, тем не менее, на решительные и смелые обходы, как это ни странно и ни печально, очень многие из наших начальников не решаются, а если и совершают, то совершают самые опасные обходы, т. е. осторожные, медлительные.

Прорыв. Ввиду растянутости боевых порядков в нашей войне стратегический прорыв этих кордонов очень легко осуществить. Тем не менее к этой стратегической форме у нас прибегают реже всего, так как у большинства начальников

опасения за свои фланги стоят выше всех остальных соображений. Если мы вспомним соотношение сил в гражданской войне, то значение прорыва станет особенно ясным.

Стратегические резервы. Стратегические резервы, польза употребления которых всегда была сомнительна, в нашей войне и вовсе неприменимы. Как уже упоминалось, фронты армий громадны. Пути сообщения в полной разрухе. Вместе с тем операции развиваются со стремительной быстротой. Все это делает употребление стратегических резервов с целью нанесения противнику удара в решительный момент совершенно излишним и вредным самоослаблением.

Переброски с одного фронта на другой, а также и вдоль своего фронта, конечно, должны иметь самое широкое применение.

8. Управление

Слабость наших боевых порядков, а потому необходимость действий всех частей самым точным и однообразным способом, наконец, отсутствие определенной военной доктрины — все это заставляет в нашей войне чаще пользоваться приказами, чем директивами. Часто приходится приказы развивать инструкциями.

Особенностью нашей гражданской войны является то, что штабы армий представляют из себя крайне грузные аппараты. Сверх полевой работы они производят формирования, подготовку пополнений, многие виды военных заготовок и пр. Эти условия делают штармы настолько грузными, что они могут передвигаться только по железным дорогам. При этом в период переезда штаб на долгое время теряет способность работать. Поэтому командармы очень часто принуждены выезжать вперед с несколькими ответственными оперативными работниками, составляющими их полевой штаб, в то место, где они могут преодолеть трудности связи.

Это же явление мы часто замечаем даже в штадивах и штабригах. Оно объясняется тем, что наше наступление бывает иногда так быстро, что обозы не поспевают за войсками, а потому начальники с легким штабом выезжают вперед.

9. Преследование

В национальной войне. В национальной войне тактическое преследование давало бо́льшие результаты, чем стратегическое. Сбитые и отступающие войска на поле или за полем сражения принуждены бывали свертываться в походные колонны. Ввиду того что колонны эти были глубоки, времени на их свертывание уходило очень много. Преследующий, настигая эти скопления отступающего, частью рассеивал их, частью брал в плен.

Преследование стратегическое не могло давать таких результатов. Главные массы отступающего, выделив небольшие арьергарды, могущие создать оборонительную линию, выигрывали на этой обороне арьергардов достаточно времени для того, чтобы вывести из-под ударов противника свои разбитые силы. Эти силы, отойдя в тыл и приведя себя в порядок, могли вновь с успехом вступить в единоборство с противником.

В гражданской войне. В нашей войне значение преследования приняло обратные формы. Выход из боя для отступающего противника и переход его в походный порядок чрезвычайно для него легок благодаря небольшой глубине колонн. Поэтому преследующий мало чем может поживиться в тактическом преследовании на поле сражения.

Зато стратегическое преследование, проведенное энергично и стремительно, дает обильную жатву. Разбитые и отступающие войска не могут прикрыться и выиграть время арьергардами, так как оборона не может быть осуществима не только арьергардами или авангардами, но и главными силами, как о том упоминалось выше. Наконец, главные силы и без того невелики и разбросаны на таких широких пространствах, что совершенно не представляется возможным выделить необходимые арьергарды. Сами главные силы слабее тех арьергардов, которые здесь были бы нужны. Таким образом, главные силы в продолжении всего отступления находятся под непрерывными и непосредственными ударами стратегически преследующего неприятеля. Под этими ударами противник быстро разваливается. Единственно, чем может спастись отступающий, это оторваться от противника, делая стремительные переходы.

Выше уже упоминалось, что характерной особенностью штабов в нашу войну является их неспособность к частым перемещениям. Стратегическое преследование, заставляя эти штабы перемещаться с места на место, вконец разрушает всю организационную и созидательную работу в армии. Это обстоятельство, в связи с непрерывным поражением отступающей армии, может превратиться в полную катастрофу для последней.

Эти соображения подтверждаются тем необычайно малым количеством добычи, захватываемой в упорных боях даже и у разбитого противника. Зато разбитый противник, непрерывно преследуемый нашими войсками на большом протяжении, оставляет нам в конце концов массу пленных и массу военного имущества...

(М. Н. Тухачевский. «Стратегия национальная и классовая». Ростов н/Д, 1920 г.)

ВОПРОСЫ ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ

Книга М. Тухачевского «Вопросы высшего командования» была опубликована в 1924 г. Она явилась как бы теоретическим обоснованием официального руководства для командующих и полевых управлений армий и фронтов «Высшее командование», утвержденного М. В. Фрунзе и изданного в том же году. Главным содержанием этого руководства были такие вопросы, взятые в оперативно-стратегическом масштабе, как разведка, охранение, связь, военные сообщения, снабжение, укомплектование, санитарная служба, ветеринарная служба, инженерное дело и администрация тыла.

Ниже помещаются извлечения из труда «Вопросы высшего командования», характеризующие главное содержание работы.

УНИЧТОЖАЮЩАЯ ОПЕРАЦИЯ

Операции ведутся для уничтожения живой вооруженной силы врага, что необходимо для достижения целей войны. Наиболее выгодное уничтожение достигается путем пленения противника, так как, помимо ослабления неприятельской армии, пленные экономически укрепляют тыл победителя. Если пленение затруднительно или не удается, операция должна достигнуть уничтожения — путем физического истребления врага.

На активности, изобретательности, на решительном стремлении к уничтожению армии противника должны быть воспитаны командиры всех степеней.

Стремление к уничтожению живой силы врага заставляет начальника, ведущего операцию, мало или вовсе не считаться с приобретением или сохранением территории. В войне первые операции отличаются от последующих тем, что стратегическое развертывание войск производится тогда, когда еще нет соприкосновения с противником. Оно производится под прикрытием особой завесы. В последующих же операциях перегруппировки и сосредоточения производятся под прикрытием фронта армий.

Насыщенность фронтов армий не должна быть равномерной.

На важных направлениях силы уплотняются максимально, до предельной степени, разрешаемой строевыми уставами. На второстепенных участках, наоборот, оставляются разреженными.

ОСНОВАНИЯ РАСЧЕТА

В маневренной операции для достижения победы необходимо предусмотреть последовательное развитие боевых действий. Этот расчет и является основанием плана операции.

Наметив уничтожение армии противника, нет надобности атаковать ее по всему фронту. Для этого намечается после-

довательно расчлененная операция (на основе частной победы). Противник подвергается разгрому, уничтожается на решающем направлении и из этого района, используя создавшееся превосходство положения, главные победоносные массы развивают дальнейшую операцию по окружению (уничтожению) оставшихся сил врага.

Таким образом, в течение одной и той же операции решающее направление может меняться, например: при прорыве оно будет перпендикулярно фронту, а при дальнейшем обходе, для окружения, параллельным ему и т. п.

Направление для главного удара избирается такое, чтобы, учитывая расположение противника, местности и своих сил и средств, можно было наилегчайшим и наикратчайшим путем достигнуть уничтожения неприятельской армии.

Необходимо отметить, что само по себе уничтожение противника в районе главного удара еще не означает выигрыша операции. Только соединенное с дальнейшим развитием операции по уничтожению оставшихся сил противника это уничтожение части их переродится в уничтожение всей армии врага.

Для того чтобы предусмотреть ход развития последовательных расчленений операций, необходимо, прежде всего, знать исход первого труднейшего акта: атаки главных сил. Если быть уверенным в ее успехе, то дальнейшее развитие можно предусмотреть со значительной долей вероятности.

Заранее предусмотреть победу в атаке главных сил можно с тем большей вероятностью, чем легче будет поставлена задача самим главным силам. Не на героизм войск надо рассчитывать. *Стратегия должна обеспечить тактике легко выполняемые задачи.* Это достигается в первую очередь сосредоточением к месту главного удара во много раз превосходных над противником сил, не только пехотных, но и артиллерийских и авиационных и прочих технических войск.

Должен быть создан всесокрушающий таран.

Кроме того, для тактики задача облегчается соблюдением внезапности, постройкой хорошей сети связи, военных сообщений и пр.

Технические войска на главном направлении точно так же должны получить легкие задачи, для чего число их должно быть даже больше, чем это требуется средними расчетами по военно-урочному положению.

Словом, для уверенности в выполнении поставленных задач требуется постановка как отдельным людям, так и войсковым частям таких задач, которые требовали бы минимальных затрат усилий и энергии. Надо так задумать и организовать операцию, чтобы каждая частная ее задача на главном направлении была проста и нетрудна.

Обеспечив стратегическую вероятность победы в первом решающем столкновении, можно рассчитывать, при условии энергичного, смелого, стремительного развития маневра по окончательному уничтожению противника, достигнуть полного успеха.

Если отдельные этапы этих действий будут хорошо организованы и не будут содержать в себе необходимости наличия элементов «высокого героизма», то операцию часто можно предусмотреть до самого ее конца.

При этом не надо смешивать трудностей физических с трудностями моральными. Например, для пехоты легче сделать самый форсированный переход, чем выдержать лишний бой, и т. п. В войсках же технических (связь, железнодорожные, мостовые и т. п.), которым нормально не приходится участвовать в боях, легкость задачи определяется количеством затраты потребного физического труда.

Для облегчения задач на решающих направлениях приходится рисковать на прочих направлениях, *оставляя там слабые силы*. Чем больше будет риск, тем более обеспеченным будет успех решающего столкновения, а это делает риск основным элементом осторожного решения.

Успех операции будет тем больше, чем упорнее противник будет сопротивляться, так как это заставит его сохранить прежнее расположение значительной части войск. Однако на больших фронтах противник обыкновенно старается и поспевает начать отступление до окончательного своего уничтожения. В таком случае достигнуть этого окончательного уничтожения можно только в ряде последовательных операций. При таком способе действий армия противника тает от потерь в сражениях и от развала, неизбежно сопровождающего отступление.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

В сочетании операций должна быть проведена та же последовательность, что и в проведении отдельных расчленений одной операции.

Разгром противника на решающем направлении и отступательная поколебленность его остальных сил делают наступающего господином положения, что позволяет ему предусматривать дальнейшее развитие событий со значительной долей вероятности.

План ведения последовательных операций должен учитывать состояние и расположение сил противника и возможные их перегруппировки в тесном соответствии с характером театра военных действий, главным образом с наличием естественных препятствий и сетью сообще-

ний. Направление наступления наших главных таранных сил должно отвечать возможности разгрома (с последующим уничтожением) на каждом из рубежей остановившихся сил противника как при данной их группировке, так и после возможной их перегруппировки.

Остановка противника для боя выгодна наступающему. Она дает ему, наконец, возможность закончить уничтожение выскользнувших из-под удара сил противника. Поэтому новая уничтожающая операция должна вестись прямо с похода без малейшей потери времени.

В зависимости от обстановки направления движения таранных масс могут переменяться, точно так же как и состав их, путем перегруппировок.

Необходимо иметь в виду, что обычно последовательно веденные операции составят как бы расчленения одной и той же операции, но рассредоточенные в силу отступления противника на большом пространстве.

В этом случае таранные массы сохранят большее однообразие направлений, если этому же будут отвечать и географические условия. Обеспечивая, с одной стороны, неотступность наседания и постоянную готовность к действиям, с другой стороны, это имеет и свои недостатки. А именно: таранные массы резко обнаруживают свое движение и тем облегчают противнику производство контрудара. Но несмотря на это, при правильном соотношении и сочетании сил, сковывающих противника и наносящих главный удар (таранных масс), контрудар противника будет более всего выгоден победоносно наступающему, ибо дает последнему возможность сломать и уничтожить контрнаступающие силы.

Необходимо помнить, что, достигнув в первой операции даже не уничтожения, а только разгрома, наступающий находится по отношению к разбитому в самом выгодном положении. Он является господином положения, но при непременном условии, что постоянным преследованием он не даст противнику свободы действий и неотступным наседанием будет добиваться окончательного уничтожения всех его сохранившихся сил.

В общем, последовательно веденные операции открывают для таранных масс такой же простор действий, какой они имеют и непосредственно после прорыва. Если противник после таранного прорыва на прочих направлениях будет упорствовать, то с ним будет покончено одним ударом. Если он начнет отступление, то покончено с ним будет в ряде операций, покуда он не будет приперт к какой-либо преграде или к району, который он не может оставить.

Постоянное преследование и наседание, связанное с возрастающей дезорганизацией отступающего, чрезвычайно по-

вышают дух войск наступающего, доводя его до состояния, способного на высокий героизм. Наоборот, у отступающего, даже при условии сохранения дисциплины, боеспособность постоянно уменьшается.

Отказ от последовательно веденных операций до полного уничтожения армии врага делает победителя уже не господином положения. Остановка ставит его перед необходимостью нового сражения, где шансы на успех для обеих сторон будут более или менее равны, подобно тому, как и в первой операции. Такая остановка чаще всего вызывается нерешительностью командования, а также неподготовленностью службы военных сообщений, связи и снабжения.

ОПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ

Выгоднее всего вести наступательную операцию против неприятеля, стоящего на месте. Однако активный противник не будет сидеть сложа руки и постарается сам предпринять наступление.

Чем энергичнее и изобретательнее противник, тем труднее предусмотреть дальнейшее развитие событий. Только еще большей смелостью и быстротой действий можно с уверенностью достигнуть разгрома на главном направлении и оттуда повести дальнейшее стремительное наступление. Только таким способом можно спутать карты противника и остаться диктатором положения.

Основными формами уничтожающих операций являются прорыв и обход. В современной войне обход редко возможен без прорыва. Зато и прорыв сам по себе не имеет смысла без дальнейшего применения обхода. Обе эти формы служат для осуществления окружения противника, т. е. для самого сильного средства из всех средств уничтожения.

Это касается маневренной войны. В позиционной же можно и легче всего достигнуть уничтожения врага широким прорывом. Чем шире будет фронт прорыва, тем большее уничтожение будет нанесено противнику.

При подготовке операции должен быть тщательно продуман и обеспечен переход от прорыва к обходу. Эти удары должны следовать один за другим без всяких перерывов как во времени, так и в напряжении боя и в организации связи и подвоза.

Надо так строить операцию прорыва, чтобы таранные массы по его исполнении не рассосались бы по всем сторонам, а неослабленными двинулись бы для совершения обхода. Обеспечение этого движения, которое должно развиваться с предельной стремительностью, должно быть особо продумано и подготовлено.

Окружение легче всего осуществить при общем превосходстве сил, совершая обход с двух сторон. Можно совершить его и с одной стороны, если есть к чему припереть противника (нейтральная граница, озера, болота и пр.). Иногда приходится ограничиваться окружением лишь части сил противника.

Если противник, вовремя заметив обход, начнет ускользать от него и окружение окажется невозможным, то таранным массам следует, не теряя времени, организовать параллельное стратегическое преследование, давя на своем пути всякое сопротивление и не давая обходимым войскам противника выходить из-под непрерывно нависающего удара.

Оборонительные операции предпринимаются для обеспечения сосредоточения и подготовки к боям армии, для устройства отступающих войск путем выигрыша времени и пространства. В маневренной войне трудно сорганизовать сплошной фронт обороны, когда войск для этого недостаточно или когда они потрясены неудачей. Поэтому надо стремиться прочно занимать и укреплять особо удобные для обороны районы (болота, группы озер и пр.), приходящиеся на флангах главных группировок противника и своим расположением прикрывающие сообщения обороняющегося. Для дальнейшего продвижения противнику понадобится перегруппироваться к этим районам и взять их с бою. На этом можно выиграть необходимое время. Далее можно или повторять вновь ту же систему, или, если армия изготовилась, самим перейти в наступление.

Не следует смешивать с оборонительной операцией участковой обороны (иногда на большом протяжении), применяемой зачастую в наступательных операциях.

Оборона выгодных районов на флангах противника очень часто может поставить свои гарнизоны в условия окружения их противником. Такая операция (для каждого из районов) очень трудна, так как малейшая тактическая неудача может повести к пленению гарнизона. Действия этих последних должны отличаться крайним упорством. Если наши главные силы к этому времени перейдут в наступление, то гарнизон должен ударить по тылам противника, играя роль как бы заблаговременного прорыва. Отступить гарнизон может только по приказанию свыше.

Отступательная операция должна прежде всего стремиться вывести свои войска из-под ударов противника, оторваться от него своими главными силами. Это производится под прикрытием арьергардов. Если отступающие войска деморализованы, то сразу же делается большой и очень быстрый отход, желательно за какое-нибудь характерное местное препятствие.

При совершении отхода надо иметь в виду, что переход от отступления к наступлению очень труден ввиду постоянных наседаний противника. Поэтому для выигрыша времени в план отступления заранее должен быть заложен план перехода в наступление. Войска, оторвавшись от противника, должны быстро и скрытно отойти в район будущего главного удара, что должно маскироваться арьергардами. В этих районах заранее должно быть подготовлено пополнение, снабжение и все необходимое для восстановления боеспособности войск. Переход в наступление должен быть заранее подготовлен в отношении восстановления коммуникаций и связи, ибо, отступая, войска разрушат все эти средства.

В маневренной войне громадное значение имеют самостоятельные действия больших конных масс. Они предпринимаются только во взаимодействии с главными силами фронта, не должны чрезмерно отрываться от них.

Конные массы необходимо подкреплять сильными авиационными и броневыми средствами.

В связи с развитием авиации придется зачастую предпринимать самостоятельные воздушные операции по разрушению железнодорожных узлов, мостов, складов, баз и пр.

Общевойсковые операции, как правило, всегда включают в себя могучие авиаэскадрильи, действующие совместно с другими родами войск.

Операции на стыках войсковых соединений бывают очень сложны. Поэтому, если противник стремится прорвать таковой, то стык в этом месте упраздняется и создается новое участковое объединение.

ПОДГОТОВКА ОПЕРАЦИЙ

Задуманная операция должна быть рассчитана и материально обеспечена на все протяжение ее, вплоть до уничтожения противника, по крайней мере на главном направлении, если средств недостаточно на весь фронт.

Первой задачей в этом отношении будет связь. Все войсковые соединения должны прочно сидеть на телеграфных проводах, для чего к каждому подчиненному штабу ведется отдельный провод. В силу больших расстояний эти телеграфные линии будут комбинироваться из постоянного тяжелого и полевого провода и дублироваться всеми прочими видами связи.

Войск и средств связи должно быть сосредоточено за каждым штабом столько, чтобы связь поспевала за ними устанавливаться при всякой обстановке и при максимально возможных переходах.

Кроме линейных проводов, должна строиться еще и широкая сеть их, которая позволит в любой момент давать

частям какие угодно направления без перебоев управления, путем переключения проводов в узлах связи.

Следующим решающим элементом операции являются военные сообщения. Каждая армия, каждая часть должна иметь свою военную дорогу, которая даже при самом быстром продвижении войск должна бесперебойно снабжать их всем необходимым для боя и для существования.

В условиях ведения войны в Восточной Европе обычно на каждую армию будет приходиться не более одной железной дороги. Поэтому нормально в армиях не будет сложных железнодорожных перебросок. Дело будет исчерпываться только головным участком ж. д. Вся остальная сеть ж. дор. будет находиться во фронтовом распоряжении. Таким образом, сообщения армии чаще всего будут состоять из головного участка ж. д. и грунтового (шоссейного) его продолжения или разветвления. Иногда могут включаться участки водного транспорта. В основном задача армии — это своевременное восстановление разрушенной жел. дор. и сочетание с этим восстановлением движения автомобильных и гужевых транспортов.

Для обеспечения непрерывности работы сообщений на каждом направлении должно быть сосредоточено такое количество восстановительных и эксплуатационных средств, которое бы позволяло восстановление со скоростью намечаемого наступления на этом направлении.

Снабжение должно быть обеспечено на все время операции, а при ведении последовательных операций и на все их время как за счет местных средств, так и за счет подвоза недостающего с тыла. Должна точно согласоваться доставка всего необходимого с органами военных сообщений.

Чрезвычайно важно хорошо продумать и точно рассчитать санитарную эвакуацию больных и раненых, а также и ветеринарную эвакуацию. Необходимо согласовать четкую работу санитарных транспортов с возвращающимися пустыми армейскими и автомобильными и с вновь открываемыми головными станциями ж. д. Часто может потребоваться широкая организация санитарных этапов. При правильно налаженной санитарной эвакуации вывоз далеко не всегда будет производиться сразу в тыл, а иногда будет комбинироваться с оставлением раненых в санитарных этапах (полевых госпиталях) на предполагаемых к открытию станциях ж. д. и даже с движением за войсками вперед к станциям ж. д., долженствующим открыться.

Только тесное общение с органами военных сообщений позволит разрешить эту труднейшую задачу.

Необходимо также предусмотреть и обеспечить постоянное питание войск пополнениями, что возможно производить

даже во время операций, вливая пополнения в части, выводимые в резерв.

Необходимо предусмотреть и заранее обеспечить постройку тех или других инженерных сооружений, которые могут встретиться по плану и по ходу операции.

Словом, операция или последовательно веденные операции должны быть на 100% материально обеспечены, хотя бы на решающем направлении. Командование, предпринимающее операции, составившее план их, но не согласовавшее его с материальной подготовкой, является преступным. Только на основе всех материальных ресурсов как в виде вооруженных сил, так и в виде всей материальной службы можно составить правильный, обоснованный план операции. Вот почему всякий командир обязан лично руководить не только оперативными замыслами, но и всей материальной стороной дела.

Все вышеизложенное, конечно, не означает, что раз мы имеем мало средств, то не должны быть смелыми и активными. Решаться приходится и тогда, когда абсолютное количество средств недостаточно. Но в этом случае на помощь должен прийти маневр техническими средствами, т. е. сосредоточение на главном направлении всего необходимого за счет второстепенных участков.

Подготовляя и выполняя операцию, необходимо учесть возможность появления новой дальнейшей операции и заранее приступить к ее подготовке...

ОПЕРАТИВНЫЕ ФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ

Кроме постоянных войсковых соединений, для целей оперативного руководства составляются особые группы войск: армии, группы и фронты.

Для удобства управления каждая группа должна иметь только одно направление ударных действий. Таким образом, для выполнения операции групп надлежит иметь столько, сколько основных ударных направлений предполагает план операции.

Самостоятельные действия по нескольким направлениям хотя бы и на одном театре чрезвычайно трудны и обыкновенно поручаются фронтам или отдельным армиям. Таким образом, фронтовая операция выразится в распределении и в создании армий на каждом направлении. При этом надо заметить, что на одном главном направлении всегда бывает несколько частных направлений, которые также необходимо поручать или армиям или особым группам.

В армии то же самое будет делаться по отношению к корпусам.

Давая задачи группам на каждом из направлений, необходимо в приказе указать конечные задания для каждого из

них по времени и месту. Иногда требуется указать промежуточные рубежи для достижения их также к известному сроку.

Каждое направление должно быть так избрано, чтобы позволяло действующей на нем группе войск с наименьшей затратой сил выполнить поставленную задачу при условии, конечно, сохранения идеи самого движения.

Районы для движения войсковых групп обозначаются разграничительными линиями включительно или исключительно для одной из групп.

Смело и разумно задуманная операция, будучи занесена на карту в виде разграничительных линий и поставленных группам задач по рубежам, сразу даст ясную и простую картину действий.

Расплывчатость задания, отсутствие смелости и твердости сразу выдаст себя в схеме, которая будет непонятна и непоказательна. Занесение на карту решения в виде схемы и поверка такового на схеме являются обязательными.

Командующий и его штаб должны тщательно проверить, каким образом в различных положениях и на разных рубежах будут обеспечены низшие штабы связью, а войска их — подвозом и эвакуацией (военные дороги). В этом деле не может быть никаких непредвиденностей...

(М. Н. Тухачевский. «Вопросы высшего командования», Госвоениздат, М., 1924.)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Статья М. Н. Тухачевского «Вопросы современной стратегии» представляет собой обработанную стенограмму его доклада на Первом Всесоюзном съезде Военно-научного общества в 1926 г.

РАЗВИТИЕ ФОРМ ВОЙНЫ И СТРАТЕГИИ

Вопросы стратегического исследования нельзя рассматривать отдельно от той эпохи, к которой они относятся. На всем протяжении истории мы видим, как формы войны, вооруженные силы, методы ведения войны, ведения операций и т. д. — все это постоянно изменяется по мере развития производительных сил и общественных отношений.

Если в период родового быта мы замечаем отсутствие постоянной вооруженной силы, ибо в родовом быту обычно все общество является вооруженной общиной, которая выступает целиком и полностью на войну, то по мере классового расслоения мы замечаем рост государственной власти и вместе с тем рост постоянной вооруженной силы, которая отрывается от всего общества и на которую государство — господствующий класс — опирается для обеспечения своего классо-

вого господства. А вместе с параллельным развитием производительных и вооруженных сил меняются и формы ведения войны. Таким образом, рассматривая ведение войны и соответствующую ей стратегию, мы должны внимательно оценивать все те условия, которые относятся к данной эпохе.

Формы войны меняются также и в зависимости от задач, характера и целей войны. Например, мы знаем войны, которые ведутся народами, ведутся государствами из-за своих основных экономических интересов, для сохранения своей территории и т. д.

Знаем мы также формы войны активной, захватнической, когда помимо сохранения своей собственной территории, достигается еще отторжение от противника той или другой части его территории или захват тех или других промышленных источников. В этом смысле мы знаем войны двух категорий: наступательные и оборонительные. Я должен предупредить, что это термины — не совсем точные, но они до известной степени характеризуют основные положения.

Наконец, мы отмечаем еще формы войны гражданской и внешней. Когда государственная власть в том или другом государстве крепка, когда это государство ведет войну с другим государством для достижения тех или других целей господствующего класса, мы имеем форму войны внешней, и наоборот, в том случае, когда положение господствующего класса начинает шататься, мы замечаем возникновение гражданской войны, которая, по существу, является борьбой за государственную власть. В зависимости от развития производительных сил формы внутренней войны принимают различный характер...

В общем, характер войны изменяется в зависимости от эпохи, в зависимости от той ступени общественного развития, на которой находится данная страна. Поэтому говорить о стратегии, как о чем-то таком, что относится ко всем эпохам, что было всегда присуще военному делу, совершенно не приходится. Наоборот, даже оставив в стороне вопросы широкого ведения войны, войны как крупного общественного явления, оставив в стороне ту роль, которую эти вопросы могут играть в настоящее время, когда подымаются многомиллионные массы, когда до 10% всего населения страны выходит на театр военных действий, оставив в стороне все эти сложные вопросы, развивающиеся соответственно развитию самого общества, мы замечаем, что в различные эпохи и самые принципы, на которых основаны узко военные действия на театрах войны, *меняются*. Если, скажем, в эпоху Наполеона мы видели, что в основном стратегическое искусство заключалось в том, чтобы сосредоточить на поле сражения возможно большее количество войск для придания им глу-

боких массированных построений, то теперь мы видим явления обратные. Русская армия во время русско-японской войны [14]) была постоянно бита именно из-за стремления к массированным группировкам на узких фронтах. Эти массированные группировки, дававшие победу Наполеону, в эпоху русско-японской войны являлись основным источником поражений царской армии. Таких примеров можно привести немало.

Вот почему нужно к поставленному вопросу о стратегии отнестись, не как к вопросу стратегии вообще, не как к исследованию основных ее принципов, пригодных на все времена и для всех народов, а надо наметить те основные пути стратегического мышления, основные пути стратегического руководства, по которым нам придется идти в нашу эпоху, тогда, когда нам приходится отстаивать завоевания Октябрьской революции от нападений окружающего нас капитализма и когда во всем мире назревает социалистическая революция.

Вот направление, которое я должен взять в своем докладе для того, чтобы основные вопросы стратегии, которые я в нем затрону, имели практически деловой, а не абстрактный характер...

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ИЗ ОПЫТА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Таким образом, мы должны выделить в современной войне первый период, в который эта война завязывается. В течение этого периода слагаются и противопоставляются основные силы, при чем в таких формах и размерах, которые могут быть предвидены еще в мирное время, если не вполне точно, то приблизительно. Мы должны отличать этот первый период от дальнейших. Надо сказать, что империалистическая война и после первого периода (1915, 1916, 1917 и 1918 гг.) также не представляла чего-либо одинакового. Каждый год изменялась обстановка всей войны. Каждый год изменялось соотношение сил. Каждый год изменялись достижения в деле вооружений и т. д. Если в 1914, 1915, 1916, 1917 гг. Германия имела против себя Россию, Францию и Англию, то в 1918 г. Россия вышла из антантовской коалиции, зато ее заменяет Америка, и т. д. Таким образом, империалистическая война не представляет собой чего-либо неизменного, цельного. Она изменяется как по своим формам, по своим размерам, так и по участвующим в ней странам. Это, конечно, резко меняло обстановку и накладывало печать на всю стратегию. Нужно сказать, что в последующие периоды войны, а эти периоды обычно для мировой войны совпадали с годами, ни одна армия не руководствовалась теми военными положениями и уставами, с которыми она

вышла в 1914 г. Каждый год армиям приходилось изменять свои уставы, создавать новые инструкции, приходилось переобучать и различные роды войск и свои штабы по этим новым инструкциям. Каждый год видоизменялись и планы войны.

Таким образом, различные периоды войны не могут пользоваться одними и теми же военными положениями, одними и теми же военными доктринами. Эти доктрины постоянно колеблются в зависимости от тех средств и сил, от той степени мобилизации и военизации страны, которые слагались в указанные периоды. Новые ресурсы, новые средства истребления и защиты кладут сильнейшую печать на характер наступления и обороны и самой войны. Достаточно вспомнить и проследить по различным периодам империалистической войны, какое значение имело состязание в могуществе, состязание в авиационном превосходстве, состязание в танковом могуществе и т. д. Все эти моменты, создававшиеся военизацией страны, милитаризацией производства, клали резкую печать на различные периоды войны, и военные доктрины постоянно менялись в зависимости от характера этих периодов.

Далее, из опыта войны 1914—1918 гг. мы видим, что войны в эпоху империализма ведутся коалициями [15]) и, наконец, что борьба ведется за последовательный разгром, ликвидацию членов неприятельской коалиции.

Вот те основные выводы, которые мы можем сделать из империалистической войны. Я не задаюсь целью критиковать те или другие стратегические планы сторон на протяжении этой войны. В задачу настоящего доклада это не входит. Это отвлекло бы меня слишком далеко. В данном случае нам интересно проследить лишь те основные моменты, те характерные стратегические черты, которые лежали в основе империалистической войны и развивались на всем ее протяжении.

ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Оценивая таким образом империалистическую войну, разлагая ее на составные части, по отношению к которым условия постоянно изменялись, мы, естественно, должны поставить вопрос: а в каких же условиях будет вестись война будущего, которая, безусловно, нам предстоит, несмотря на всю политику мира и обороны Советской власти? Нас, конечно, не столько интересуют условия войны империалистических стран друг с другом, сколько главным образом интересно знать, какие формы войны предстоят нам, в какой войне нам придется участвовать, к чему нам нужно непосредственно и конкретно готовиться.

Прежде всего, нужно сказать, что ответить на вопрос, какой характер будет иметь *вся* будущая война, невозможно, ибо по мере своего развития война меняет свои формы, свой характер и предугадать их заранее нельзя. Например, в период маневренных сражений в 1914 и даже в 1915 гг. никто не мог сказать, какие формы в конце концов примет оборона и атака в 1918 г.

Мы можем предугадать, предусмотреть формы будущей войны лишь для ее первого периода на основе характера развития вооруженных сил, подготовки и милитаризации промышленности стран, вступающих в войну, и т. д. Мы можем на основе постоянного изучения этих основных факторов сделать заключение, дать приближенную фотографию характера первого периода войны. Но нет никакого сомнения в том, что формы войны в дальнейшие периоды ее будут, развиваясь и вытекая друг из друга, изменяться. Кроме того, не нужно забывать, что при будущих столкновениях с империалистическими государствами мы неизбежно столкнемся с таким серьезным фактом, как социалистическое рабочее движение во враждебных нам государствах. Мы не ждем, конечно, что это движение скажется сразу после объявления нам войны каким-либо империалистическим государством. Наоборот, обстановка говорит за то, что капиталистические государства и через свою Лигу наций, при которой, кстати сказать, проектируется уже создание своего рода генерального штаба и которая поддерживается социал-предательскими партиями, и прочими путями сумеют создать такую обстановку, при которой на нас можно будет двинуть достаточно крупные вооруженные силы. Возможно, что западноевропейский капитал не двинется сам непосредственно против нас, но он благоразумно заранее предусмотрел необходимость создания и создал по нашим границам целый ряд государств, которые воспитываются и через капитал и через религию в том духе, что, мол, сущность Советского государства не социалистическая, а российская, великодержавная. Это особенно проповедовал Ллойд-Джордж[16]). На этом раздувается шовинизм этих государств, которые хорошо помнят царское «великодержавие». В общем, не исключена возможность того, что против нас будет двинуто кое-какое из этих государств.

В общем, слагается обстановка, при которой мы должны будем встретиться с большой, тяжелой войной, с многомиллионными армиями, вооруженными по последнему слову техники. Конечно, мы должны в этих условиях очень ясно, очень трезво и четко разобраться. Мы не должны понимать наступление против нас капитала как что-то неделимое целое. Мы должны разобраться и в роли, и в значении наших соседей, и в той помощи, которую им могут оказать западноевропей-

ские капиталисты, и т. д. Только после изучения всей суммы этих фактов и каждого факта в отдельности мы сумеем правильно действовать и защищать наши интересы. Я думаю, что, несмотря на абсолютное превосходство капитализма в экономическом отношении, мы все-таки имеем достаточно оснований рассчитывать на то, что в этой войне не будем биты, а сумеем выйти победителями... Мы должны теоретически обосновать, теоретически наметить для себя те пути, по которым будет развиваться предстоящая война...

СТРАТЕГИЯ КОАЛИЦИЙ

Мы должны готовиться к длительной войне. Если война была длительной у империалистов при их столкновении друг с другом, то нет никакого сомнения, что и между нашим Советским Союзом и капиталистическим окружением борьба будет длительной, упорной и ожесточенной. Эта борьба может сопровождаться и отдельными революциями, иногда, быть может, неудачами в революции, отдельными неудачами нашего Советского Союза и т. д. В этой обстановке наши войны будут, по всей вероятности, так же длительны, так же упорны и кровопролитны, как длительно, упорно и кровопролитно может развиваться все движение пролетарской революции в Европе.

Учитывая это, нам интересно теоретически предугадать формы борьбы двух коалиций. Наш Советский Союз не представляет собой расплывчатой коалиции капиталистических государств, но мы тоже будем расширяться в социалистическую коалицию, когда будут вспыхивать новые социалистические революции или когда нам придется занимать тот или иной район, находящийся под владычеством капитала. Против себя мы будем иметь капиталистическую коалицию.

Существование коалиции не обусловливает собою равноценного, равномерного распределения всех ресурсов по всей коалиции. Одни имеют хлеб, другие — крупную промышленность, третьи — топливо и т. д. Поэтому, ведя войну против коалиции, нужно уметь построить план ликвидации не всей коалиции сразу, а по частям, последовательно и планомерно. Умение оценить таким образом обстановку, разложить ее на составные части, подметить значение одного, другого, третьего члена этой коалиции и правильно построить план их последовательной ликвидации, пока не создастся выгодное, подавляющее в нашу пользу соотношение сил,— все это является основной трудностью и вместе с тем основой искусства современной стратегии. Борьба в наших условиях должна распадаться на целый ряд периодов войны.

Современная стратегия знаменует собою борьбу за соотношение сил, и вооруженных и экономических.

Германия была поставлена в безвыходное положение фактом проигрыша первого периода войны. Почему же она сумела продержаться так долго? В значительной степени благодаря тому, что она захватила целый ряд продовольственных районов: Румынию, Польшу, Прибалтийский край и т. д. Она захватила, кроме того, целый ряд районов с топливом, железом и т. д. Все это увеличило ее возможности по ведению войны. Таким путем — путем последовательного ведения войны, путем трезвого решения тех частных задач, которые встают в каждый данный момент перед тем или другим государством, — охватывается сущность и вся трудность современной войны.

Если только эти отдельные сочленения войны правильно намечаются, то в конце концов и слабейшие страны могут прийти к выгодному соотношению сил.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ НИГИЛИЗМ И НАША СТРАТЕГИЯ

Мы сейчас переживаем такую эпоху, когда после развала капитализма, последовавшего за империалистической войной, в военной мысли наблюдается очень много сумеречных настроений. Это имеет место во французской литературе, коегде можно встретить и у нас. Мы встречаемся с теми упрощенными и мрачными выводами, что войны в современных условиях выдвигают настолько грандиозные силы, что нельзя говорить ни о военных победах, ни о военных достижениях, что вопрос сводится к экономическому состязанию и дальше этого не идет. Экономическое состязание ведется и в мирное время. Но если дело дойдет до войны, то одним экономическим состязанием ничего сделать нельзя. Очевидно, требуются вооруженная сила, военные методы, которые должны внести новый коэффициент в те экономические соотношения, которые существуют. Эти упадочные военные настроения характерны сейчас для всего капиталистического мира. Повторяю, они имеют отдельные проявления и у нас. Однако, если это является вполне понятным для отживающего капиталистического Запада, то для нас эти настроения совершенно непонятны, ибо не имеют под собой почвы и лишь только неверие в социализм, в наше будущее развитие может привести к тому военному нигилизму, который отрицает возможность военным путем изменить соотношение сил, слагающееся в настоящее время.

Германский империализм лопнул под давлением английского империализма. Но мы видим, как и английский импе-

риализм, не умевший побеждать на войне и затянувший её, стоит сейчас у разбитого корыта, так как он находится в подчиненном положении к империализму Соединенных Штатов. Таким образом, стратегия достижения крупных результатов является необходимейшим условием экономного ведения войны. Наша страна, которая в достаточной степени бедна и не настолько сильна, чтобы могла затягивать свою войну до бесконечности, должна смотреть на военное дело, как на применение такого мощного средства, которое должно доставить победу наиболее быстрым, экономным путем, наиболее планомерным, наиболее целесообразным и наиболее выгодным. Это ничуть не противоречит тому, что предстоящая нам война будет длительной и упорной.

Уж такова мировая обстановка, что будущая война не может быть разрешена одним махом. Но в отдельные периоды войны, в отдельные моменты напряжения наша страна должна стремиться к тому, чтобы наиболее экономным, быстрым и решительным путем разрешать те частные военные задачи, которые будут перед ней вставать. Тут не до сумеречных настроений. Мы имеем полное право рассчитывать на то, что, применяя такие методы, мы выдержим длительную и упорную борьбу. Я говорил уже о том, что силы и средства, которые против нас будут двинуты, будут гораздо больше наших, что нам придется вести с нашими противниками самую ожесточенную борьбу, что капитал обладает гораздо большими средствами, чем мы. Но мы должны учитывать и то, что наше социалистическое строительство идет вперед. Мы должны помнить постановления XIV партсъезда, которые ставят перед нами задачи индустриализации страны, превращения ее в такой организм, который не являлся бы придатком мирового капиталистического хозяйства, а представлял бы собою самостоятельное экономическое целое. А если наш Союз будет представлять собою самостоятельное целое, то его обороноспособность поднимается. Эти моменты мы должны учитывать, хотя, конечно, и не должны принимать будущие достижения нашего социалистического строительства за реальные данные сегодняшнего дня. Мы должны реально учитывать то, что у нас есть сейчас, но должны предугадывать и будущее.

РАСШИРЕНИЕ БАЗИСА ВОЙНЫ

В современных войнах, упорных и длительных, мы постоянно сталкиваемся с фактами захвата той или другой территории, захвата, который раньше обычно сводился к завоеванию, а сейчас, благодаря своему экономическому и политическому значению, является более сложным и более

важным фактом. В современных условиях, как иногда и в прошлых войнах, захват новой территории интересен не только как голый факт завоевания. Он прежде всего интересен с такой точки зрения: послужит ли он средством или причиной стратегического истощения наших вооруженных сил или источником увеличения ресурсов для ведения войны? В империалистической войне 1914 г. мы видим, что Германия сумела использовать все свои территориальные приобретения как расширение базиса войны (я не касаюсь 1918 г., когда немцы занимались авантюрами на Украине). Этим были пополнены и хлебные, и топливные, и прочие ресурсы страны. Немцы ухитрились благодаря хорошей правильной организации достигнуть того, что занятие территории вызывало не растяжку тылов, не истощение на этих тылах, а, наоборот, приращение сил и средств. Германский капитализм не мог, конечно, использовать захваченные театры для мобилизации там людских ресурсов, для продолжения войны на фронтах. Но зато он полностью сумел использовать и выкачать все то, чего не хватало в его стране, и использовать людские мобилизации в военно-хозяйственных интересах.

В наших советских условиях эта задача представляется еще более важной, ибо мы имеем гораздо больше возможностей в виде расширения социалистического базиса войны. Ведь каждая занятая нами территория является после занятия уже советской территорией, где будет осуществляться власть рабочих и крестьян. Мы таким образом расширяем нашу территорию и вместе с тем расширяем не только наш базис войны, но и социалистический базис вообще. И вот эти основные моменты должны быть нами учтены. Они, с одной стороны, облегчают нашу военную задачу, но, с другой стороны, выдвигают перед нами сложную политическую задачу, ибо нам нужно справиться с национальными моментами, нужно суметь построить Советскую власть и т. д. Этот вопрос расширения социалистического базиса тоже является одним из основных вопросов, которые мы должны изучать и умело и толково применять. В нашей практике 1920 г. нельзя сказать, чтобы мы всегда толково и искусно применяли этот метод расширения базиса. Мы захватывали территории, но делали миллионы ошибок. Только тогда, когда правильно будут решаться все эти вопросы, мы сумеем охватывать большие пространства, по которым нам придется проходить, и достигать того, чтобы это не истощало армию, а увеличивало ее силы и средства. Конечно, не так интересно здесь увеличение людских ресурсов, которых у нас и так достаточно. Но нужно достигнуть, чтобы при захвате новых районов мы не теряли нашей живой силы на укрепление тыла и умели использовать местные промышленные ресурсы. Это — задача чрезвычайно трудная и сложная.

ВОЕНИЗАЦИЯ СТРАНЫ

Теперь о военизации. Военизировать всю страну, всю экономику надо так, чтобы, с одной стороны, дать возможно бо́льшие ресурсы для ведения войны, а с другой стороны, чтобы эта мобилизация не разрушала основного хозяйственного костяка. Вы видите результат, которого достиг английский империализм. Он отмобилизовал все свои силы, но на этой мобилизации он прогорел и потерял свои прежние позиции.

Задача целесообразного проведения военизации промышленности чрезвычайно трудна и сложна и в различных условиях государственного существования решается по-разному. Капиталистические государства в силу самой природы анархического капиталистического хозяйства не могут справиться с этой задачей планомерно и целесообразно. Благодаря *абсолютной* численности сырьевых и промышленных ресурсов они сумеют выставить больше нас, но зато мы *относительно* можем достигнуть бо́льших результатов. Наше централизованное хозяйство позволяет нам планомерно подготовить мобилизацию, позволяет, с одной стороны, выжать больший процент военной продукции, а с другой стороны, благодаря планомерности нашего хозяйства достигнуть более экономного, более целесообразного подхода к разрешению основных хозяйственных вопросов, с тем чтобы война этого хозяйства не разрушила. Задача планомерной военизации в современных условиях является одной из основ нашей стратегии, и в ней необходимо достигнуть такой же гибкости, какой мы умеем достигать в маневрах на театрах военных действий. Генеральные штабы привыкли обращаться с готовыми вооруженными силами, маневрировать искусно и быстро на театрах войны. Но маневрировать всеми ресурсами страны никто еще не умеет, а этот маневр наши работники должны знать так же хорошо, как они знают полевое вождение войск.

ТЕАТРЫ ВОЙНЫ

Вместе с развитием экономики и подготовкой всей страны организация современных театров войны значительно усложняется. Раньше она охватывала железнодорожную и телеграфную подготовку, постройку крепостей и тех или иных оборонительных рубежей. Сейчас эта подготовка значительно расширяется. Приходится охватывать воздушно-химическую подготовку края, ибо самолеты проносят опасность глубоко в тыл. Далее, электрификация, питающая промышленность энергией на значительные расстояния через электропередачи, совершенно меняет в военном отношении каждый район. Вполне понятно то значение, которое в борьбе за оборону Ленинграда имеет Волховстрой. Расширение электрификации, использование ее на захваченной территории,

разрушение электрифицированной промышленности неприятеля — все это имеет чрезвычайно важное, исключительное значение. Изучение этих вопросов в военном деле еще недостаточно углубленно. В общем, подготовка театров войны сейчас усложняется и тесно и плотно соприкасается со всем хозяйственным укладом страны.

КАМПАНИИ И ОПЕРАЦИИ

Теперь скажу несколько слов о кампании и операции. Кампании потеряли тот характерный облик, который они имели раньше. Они могут характеризовать то целый период войны, то часть его, то совпадать с рядом последовательных операций.

Особенное внимание надо обратить на операции. Если современные войны ведутся большими силами и если они затягиваются на большое время, то это нисколько не означает, как я уже говорил раньше, что мы не должны обращать внимания на искусство уничтожения вооруженных сил противника.

Это искусство является одним из основных искусств, которому военное дело и наша стратегия должны уделять внимание. Эта область должна изучаться полностью и охватываться всецело. Надо опять сказать, что империалистическая война с ее катастрофическими для капитализма последствиями внесла в этот вопрос немало неустойчивости. Сейчас мы часто встречаемся с сомнениями: Можно ли уничтожить вооруженную силу в настоящее время? Надо ли задаваться такими задачами? Является ли это необходимым? Не является ли это легкомыслием?.. Конечно, нет. Война была бы бессмысленной, войну нельзя было бы вести, если бы не было вооруженных сил, если бы они не были готовы громить противника. Эти вооруженные силы необходимы для защиты каждого государства, даже и в том случае, когда война ведется всем народом. Отсутствие решающих вооруженных сил может стать гибельным для всякого государства. Чем искуснее войска в деле уничтожения вооруженных сил врага, тем экономнее будет ведение войны. Это — основа основ боевого воспитания. И мы должны обучать нашу Красную Армию и воспитывать ее на этих основах, и она этими идеями пропитана насквозь. По опыту гражданской войны, мы привыкли к активным действиям, но мы должны продолжать работу, углублять ее, совершенствоваться в этом искусстве уничтожения врага. И это искусство, повторяю, воплощается в операции или в ряде последовательных операций.

Операции не должны вестись анархически, безыдейно. Мы должны проникнуться одним общим методом. Наше утверждение не есть бесплодный крик о необходимости создания единой военной доктрины. Такая доктрина из года в год все

больше и больше проникает в толщу нашей Красной Армии. Мы имеем уставы, в которых черным по белому проводятся совершенно определенные методы как оперативного, так и тактического искусства. Поэтому мы готовимся, мы совершенствуемся и должны продолжать эту работу и дальше

Надо иметь в виду, что в современных условиях ведения войны очень часто одной операцией достигнуть уничтожения врага не удается. Противник зачастую ускользает из-под удара. Поэтому приходится вести операции одну за другой с тем, чтобы доконать противника хотя бы у последней черты его сопротивления. А эта черта находится там, где начинаются районы, непосредственно питающие войну. Мы должны совершенствоваться в этом искусстве ведения операций, постоянно тренироваться и учиться последовательно их проводить.

Вот в основных чертах те замечания и те основные моменты, на которых я в своем кратком докладе по вопросам современной стратегии хотел остановиться. Теперь я кратко резюмирую.

Мы должны считаться с тем, что нам предстоят тяжелые длительные войны, мы должны уметь различать периоды войны, уметь последовательно, расчлененно ликвидировать коалиции капитала.

Первый период войны должен быть еще в мирное время правильно предвиден, еще в мирное время правильно оценен, и к нему нужно правильно подготовиться.

Мы должны помнить, что искусство уничтожения вооруженных сил врага является основным условием экономного и успешного ведения войны, и в этом искусстве, как и во всем искусстве стратегии, мы должны постоянно совершенствоваться.

(М. Н. Тухачевский. «Вопросы современной стратегии», изд. «Военный вестник», М., 1926.)

ТАКТИКА И СТРАТЕГИЯ

Статья М. Н. Тухачевского «Война» была опубликована в 1926 г. в сборнике Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе (книга 1). Автор ставил целью показать, что с огромным ростом вооруженных сил и громадным увеличением роли страны в ходе и исходе войны нельзя уже довольствоваться старым представлением о стратегии как учении о военных операциях, а надо создать науку о войне в целом.

Ниже помещаются извлечения из этой статьи, характеризующие ее основное содержание.

Формы войны на протяжении всей исторической жизни народов постоянно изменялись в соответствии с развитием производительных сил, социальных отношений и политических

форм общественной жизни. Ниже об этом будет говориться более обстоятельно; в данном же случае указать на это явление необходимо с той целью, чтобы само собой стало понятным и то, что терминология, применяемая в военно-научных вопросах, и самая сущность военно-научных положений, точно так же не могла оставаться постоянной и неизменяющейся. Если бы нам удалось рассмотреть военно-научные сочинения, в письменной или устной форме, относящиеся ко всем известным нам историческим временам, то мы увидели бы громаднейшее обилие и различных тактико-стратегических форм, и различной терминологии. К сожалению, конкретного материала по этим вопросам, относящегося и к самым отдаленным временам, в нашем распоряжении не имеется. Но если даже взять развитие военной науки только в новейшие времена, то и здесь мы увидим, на протяжении каких-либо полутораста лет, основательное развитие и форм, и содержания, и терминологии в военной науке.

Еще несколько десятилетий тому назад тактика означала учение о бое или о сражении. Стратегия наша была учением в объеме «тактики театра военных действий», т. е. ограничивалась теорией использования сил действующих армий вне поля сражения. Особенно ясно и четко такое содержание вкладывалось в эти два основных термина в наполеоновскую эпоху, хотя уже к концу этой эпохи, а тем более в дальнейшем эта ясность прогрессивно нарушалась. Но, как и всегда бывает, терминология далеко не так своевременно применяется к новым условиям и постоянно отстает от жизни. Это привело, в конце концов, к тому, что сейчас термины «стратегия» и «тактика» всеми трактуются по-разному и зачастую противоречиво.

Тактика предполагает в своей прежней трактовке учение о сражении. Однако в современной войне сражения развертываются на колоссальных фронтах. Сражение является боевой границей между двумя враждебными театрами войны. Совершенно очевидно, что в таких условиях стратегия далеко не кончает своего дела, когда завязывается сражение. Маневрирование на театре военных действий возможно не только до, но и во время сражения.

В первый период деятельности Наполеона, особенно до 1813 г., тактика действительно полностью охватывала учение о сражении. Армии были не слишком многочисленными, сосредоточивались к бою на столь незначительных по фронту участках, что на всем поле сражения возможно было взаимодействие различных родов войск всей армии в совокупности. Главнейшими условиями наполеоновского гения являлось именно это обстоятельство, когда он не упускал из своих рук управления сражением, руководил не только общей постановкой задачи, но и сочетанием удара живой массы пехоты и

кавалерии с могущественной и централизованной подготовкой этого удара артиллерией. То, что в настоящее время осуществляет на поле сражения командир корпуса или командир дивизии, то Наполеон осуществлял на всем поле сражения.

В этом заключались боевые преимущества главнокомандующих того времени по сравнению с сегодняшним днем. Одно и то же лицо подготовляло тогда и общестратегические условия для вступления в сражение и непосредственно руководило им. В настоящее время положение командующего крупного стратегического масштаба гораздо труднее. Правда, он подготовляет общие условия для завязки сражения; он может оказать, до известной степени, стратегическое влияние на ход боев благодаря ширине фронта и возможности коекаких перегруппировок в период сражения, но, вместе с тем, самое выполнение боя и взаимодействие различных родов войск, т. е., по существу, практическое разрешение стратегических мероприятий, он должен передоверить общевойсковым командирам очень большого числа единиц. В современной обстановке командующий не может личным искусством повлиять на быстрый выигрыш боя, а это требует от него создания условий, при которых выигрыш боя будет наиболее вероятным даже и при среднем решении и среднем руководстве многочисленно подчиненного ему командного состава, ибо нельзя требовать таланта и гения от всех без исключения командиров, профессионалов военного дела. Разумеется, это значительно затрудняет дело и требует от современного стратегического командования еще большей предусмотрительности и подготовленности.

Что же остается общего между тактикой сегодняшнего дня и тактикой наполеоновской? Совершенно ясно, что современное сражение своим содержанием превышает объем тактики, но зато бой или взаимодействие различных родов войск, с целью разгрома противника на ширине участков, не превышающих возможности огневого взаимодействия в современных условиях, по существу, и является той тактикой, объемом которой довольствовался Наполеон. Современная тактика есть учение о бое различных родов войск во взаимодействии, но не учение о сражении. Формы войны времен Наполеона позволяли этим двум понятиям — «сражение» и «бой» — совпадать по своим границам. В настоящее время формы войны резко разграничили эти понятия, и, естественно, тактика должна быть охарактеризована более точно.

Взаимодействие различных родов войск осуществляется ныне в войсковом соединении не свыше стрелкового корпуса. Командир современного корпуса является тем решителем исхода боя, коим раньше был сам главнокомандующий. Это, конечно, не означает, что столь ответственное значение кор-

пусной единицы должно ее поставить выше тактической. Как раз наоборот. Корпус, ведя бой и выигрывая таковой, создает основные элементы, необходимые для выигрыша всего сражения, но он не может повлиять на исход сражения больше, чем размером победы на своем участке. Конечно, от частных побед могут происходить и более крупные, но на современных грандиозных фронтах лишь победа на достаточно широком фронте и достаточно мощными силами, т. е., во всяком случае, многими корпусами, может оказать решительное влияние на исход сражения.

Очень часто корпус характеризуют как низшую стратегическую единицу. Такой взгляд ведет к тому, что корпус, направляя всю силу своих устремлений к стратегическим перспективам, открывается и слабеет в вопросах решения общевойсковых тактических задач, которые, по существу, являются его основной целью. Конечно, корпус, являясь высшей тактической единицей, тем самым становится и первой расчетной стратегической единицей. В процессе работы таковыми единицами очень часто бывают даже и дивизии, но быть расчетной единицей в общем стратегическом плане еще не означает быть единицей, способной к самостоятельному разрешению стратегических задач.

Если мы обратимся и к организационным формам стратегической и тактической единицы, то увидим, что в этом отношении между корпусом и более высокими объединениями также лежит резкая граница. Корпус является единицей штатной, с постоянным обозом, с определенным устройством своего войскового тыла. Все более высокие объединения (армии и фронты) не имеют штатного состава своих боевых сил, не имеют штатного состава транспорта и организацию своего тыла осуществляют путем согласования железнодорожного и автогужевого транспорта. Именно благодаря такому характеру организации тыла и главным образом наличию в своем распоряжении железнодорожного транспорта армия как стратегическое объединение может целым рядом стратегических мероприятий вмешиваться в ход развития сражения. Но боя армия не ведет. Корпус же ведет и руководит таковым.

Итак, современная тактика характеризуется прежде всего организацией боя, предполагающей взаимодействие различных родов войск. Современная стратегия охватывает и прежнее понятие, т. е. «тактику театра военных действий». Однако это последнее усложняется тем, что стратегия не только подготовляет, но и участвует и влияет на исход сражения. Современная операция заключается в сосредоточении необходимых сил для нанесения удара и в нанесении этими силами противнику постоянных и непрерывных ударов на протяже-

нии весьма глубокого пространства. Характер современного оружия и современного сражения заключается в том, что разбить живую силу неприятеля одним ударом в однодневном бою является делом невозможным. Сражение в современной операции растягивается на ряд боев не только по фронту, но и в глубину до тех пор, пока или не будет нанесен противнику окончательный уничтожающий удар, или же пока не выдохнутся наступающие силы. В этом отношении современная тактика театра военных действий гораздо сложнее наполеоновской и еще более усложняется она тем, упомянутым выше, неизбежным положением, при котором стратегический руководитель не может лично организовать боя.

Но всем вышеизложенным не исчерпывается развитие и усложнение современного военного дела. Общее развитие производительных сил, рост финансового капитала — все это повлекло за собою столь огромное возрастание вооруженных сил и столь огромный рост участия всей страны в ведении войны и отдельных ее кампаний, что явилась необходимость теоретически обосновать эту сторону военного дела. Современные условия настоятельно требуют науки о войне, которой до сих пор не существовало. Отдельные сочинения, касавшиеся этого вопроса до империалистической войны, лишь указывали на его важность, но не давали ему конкретных форм. Все государства Антанты и центральные державы, вступившие в империалистическую войну 1914—1918 гг., не были подготовлены к этой войне, не были подготовлены к ее размерам и формам и лишь в период ее развития на ощупь развили свои боевые возможности.

Эта новая отрасль военной науки до сих пор еще не имеет определенного термина. Ее называют и стратегией, и высшей стратегией, и высшим учением о войне, и пр. Однако все эти термины не слишком хороши. Стратегия происходит от греческого слова **стратега**, что означает: армия, военный поход, операция, т. е. стратегия, примерно, характеризует собою «тактику театра военных действий». Высшая стратегия, высшее учение о войне и т. п., по существу, не являются терминами. Очевидно, таковой должен народиться. Если его брать от слова **полемос**, что по-гречески означает «война», то напрашивался бы термин «полемика», однако вовсе неподходящий, как имеющий совершенно другой смысл. Быть может, лучше будет произвести термин и от **полемос**, и от **стратега**, т. е. что-нибудь вроде «полемостратегия».

(М. Н. Тухачевский. Из статьи «Война». Сборник Военной академии им. М. В. Фрунзе, книга 1, М., 1926.)

БОЙ И ОПЕРАЦИЯ

Эта статья М. Н. Тухачевского посвящена оценке и роли Полевого устава 1929 г.

Вышел из печати утвержденный наркомом Полевой устав РККА 1929 г. (ПУ-29). Он представляет собой завершение всей совокупности нашей тактической работы за последние годы. Он построен на положениях, заложенных в БУсП27 и БУсА27, а также на основании нашего учебного общевойскового опыта и соответствующих приказов наркома.

Классовая природа Красной Армии отражена во всем построении и содержании устава. Тактическое искусство наших войсковых частей развивается на стержне высокого политико-морального уровня, на базе подвижности, смелости и напора. Сила классового воспитания, проводимая нашей партией, является могучей силой, и притом силой только Красной Армии: «Боевая спайка и политическая устойчивость своих частей, дезорганизация (разложение) боевой мощи противника и привлечение на сторону пролетарской революции рабоче-крестьянских масс его армии и трудового населения театра военных действий являются важнейшим условием победы над врагом».

Моральные силы Красной Армии являются решающим средством в деле организации современного боя. Его сложность, техническая насыщенность и напряженность требуют обязательной и величайшей самодеятельности и проявления героизма от самых мелких частей и отдельных бойцов. Без этого условия даже наилучшим образом подготовленная атака может сорваться. То же самое касается и обороны. Групповой боевой порядок предполагает самодеятельность каждого отделения пехоты. В период прорывания оборонительной полосы противника это особенно ясно. Только самостоятельным проникновением между уцелевшими или временно замолкшими под действием артиллерии наступающего огневыми точками противника можно успешно прорвать весь его боевой порядок. То же самое касается атаки противника во встречном столкновении, удара и обтекания его оборонительного фланга и пр. Характер современного боя требует ярко выраженной расчлененности, а это обстоятельство требует высокого морального уровня войск. В этом отношении мы имеем громадные преимущества по сравнению с армиями буржуазными. Классовый отбор, классовый принцип воспитания армии и классовые цели войны пролетарского государства делают Красную Армию несравнимой силой в политико-моральном отношении. Однако мы должны считаться с тем, что наши буржуазные враги, несмотря на все встающие перед ними на этом пути затруднения, все же смогут не только

объявить нам войну, но и выставить боеспособную массовую армию, использовав для этого всю силу своего государственного аппарата, прессы, лживой пропаганды социал-предательских партий, реформистских профсоюзов и пр. и т. п.

В ходе войны положение капиталистических армий будет ухудшаться. Война империалистическая будет превращаться в войну гражданскую. Хотя никто не может предсказать масштабов кривой этого развития, но тем не менее такая кривая неизбежна, и Красная Армия может ее сделать еще более крутой путем, во-первых, нанесения противнику жестоких поражений и, во-вторых, путем всей системы агитации и пропаганды, которую будет проводить через армию наша партия. Необходимо одновременно помнить, что боеспособность, политико-моральный уровень армии наиболее высоки тогда, когда она одерживает победы. Тактическое искусство облегчает поражение врага и обеспечивает боеспособность, стойкость и мужество бойцов своей армии.

Необходимо отметить, что решительное разложение противника и возможность наиболее действительного применения классовой пропаганды среди его масс обычно начинаются после того, как противник потерпит ряд жестоких поражений.

Самодеятельность, предприимчивость, самостоятельные действия, героизм самых мелких боевых звеньев и особенно в длительном процессе войны для нас являются объективно обеспеченными при условии твердо проводимой в армии политики партии и всей системы нашей методики боевой тактической подготовки, которая должна развиваться и совершенствоваться вместе с ростом наших тактических успехов. Одна сторона боя тем самым разрешается. Другая сторона боя, находящаяся с первой в значительном противоречии и требующая плановости, методичности, централизованного твердого руководства боем, должна быть также разрешена во всем своем объеме и вместе с тем гибко увязана с первым требованием.

Почему нужно твердое управление? Потребность в нем, т. е. в твердом, методичном и плановом управлении, вырастает вместе с ростом военно-технических средств. Этот рост, с одной стороны, резко повышает обороноспособность современных войск, а с другой — предъявляет во много раз бóльшие требования к взаимодействию как различных войсковых частей, так и различных родов войск. Если мы посмотрим на уставы прежнего времени, то увидим, что основное внимание уделялось взаимодействию с соседом. Взаимодействие различных родов войск декларировалось, но не обеспечивалось всей системой и теорией построения боевого порядка. Уже империалистическая война заставила поплатиться многие армии за эту «недоделку». В настоящее время

потребность в тактическом взаимодействии различных родов войск, как говорилось уже выше, возросла во много раз. Вопрос стоит так, что возросшая обороноспособность войск требует от наступающей стороны выжимания из своей техники всего того максимума эффективности, который она способна дать. Всякое снижение эффективности угрожает преобладанием обороны над наступлением. Эффективность же, помимо отличного огневого действия, требует еще безотказного взаимодействия родов войск, их взаимной боевой поддержки тогда и там, где и когда это именно необходимо. При этом экономия в расходовании боеприпасов имеет первостепенное значение (о ней речь будет еще впереди). Само собой понятно, что только плановость, методичность, твердое руководство могут обеспечить выполнение этих условий.

Трудность современного маневрирования и взаимодействия возрастает еще потому, что процесс боя значительно удлинился во времени и растянулся пространственно в глубину. Если в 1914 г. дело атаки сводилось в основном к прорыву оборонительной линии противника, то теперь речь идет о прорыве оборонительной полосы не менее 3 километров глубиной и в 10—20 раз более сильной пулеметами. Это говорит, с одной стороны, о том, что взаимодействие на такую глубину требует самой тщательной подготовки, а с другой — что глубина, напряженность и маневренная неравномерность развития боя чрезвычайно затрудняют и плановое взаимодействие, и управление боем.

Выше говорилось уже о том, что это противоречие требует активности, напористости и способности к смело самостоятельным действиям от самых мелких частей и отдельных бойцов. Но однобоко вопрос решен быть не может. В развитии боя должны быть практически увязаны оба требования. Это совершенно неоспоримо потому, что даже самая способная и героическая пехота не может с полным успехом прорвать, прогрызть оборонительную полосу противника, если хотя бы в основном пулеметный костяк этой полосы не будет нарушен артиллерией или танками. А это требует организации, плановости и управления.

Необходимо усвоить при этом, что требуется не только подавить противника, но и подавить его с наибольшей эффективностью использования и израсходования боеприпасов. Конечно, бой требует не жалеть снарядов на необходимые задачи, но в мере действительной потребности. Если бой рассматривать изолированно от глубины развития операции, то можно прийти к выводу «засыпать противника снарядами без счета, но выиграть бой». Если же рассмотреть значение боя во всем процессе развития операции, то, не говоря уже об интересах экономики войны, мы сталкиваемся с громадными трудностями подвоза и возможностью срыва боев в

глубине операции, где зачастую и решается ее исход. Ведение боя с неограниченным расходованием снарядов тактически дает неоспоримое разрешение проблемы боя, но оно вырастет иногда, или даже обычно, в непреодолимые трудности во всем масштабе глубокой и решительной операции. Это положение требует от войсковых частей высокой технической и тактической подготовки, максимального искусства во взаимодействии. Практически взаимодействие родов войск заключается в том, чтобы пехота указывала артиллерии (танкам) те цели (но не противника вообще), которые в данный момент или промежуток времени мешают ей продвигаться, чтобы артиллерийская увязка с пехотой (связь, наблюдение) позволяла немедленное выполнение требований пехоты, чтобы артиллерия немедленно израсходовала ровно столько снарядов и истратила на это столько времени, сколько требуется для потрясения сопротивляющихся целей и сколько допускается маневром пехоты, чтобы пехота по «горячим следам» артиллерийского подавления инициативно, бесстрашно и стремительно штыком и гранатой поражала противника и быстро развивала дальнейшие удары и преследование.

Чем ближе действия войск подойдут к осуществлению этих требований, тем большее поражение будет нанесено противнику, тем меньше будет потерь в людях и меньше израсходовано боеприпасов и тем быстрее будет достигнута развязка боя. Все эти требования имеют совершенно решающее значение с точки зрения развития глубокой и сокрушающей операции. От быстроты развития всей сложной цепи боев и степени разгрома противника зависит возможность выдержки, осуществления основного замысла операции. О значении экономии боеприпасов, при условии достижения необходимой эффективности в поражении противника, говорилось уже выше. К этому надо еще добавить те затруднения, которые встречает операция в деле питания людским составом войсковых частей на всем ее протяжении. Не говоря уже о политико-моральном значении напрасных потерь, надо учитывать и крупнейший вопрос укомплектования «на ходу».

ПУ-29 учитывает все эти положения и находит разрешение противоречий, родящихся в процессе боя, в соответствующей организации и проведении его. Плановая организация и руководство опираются на самодеятельность и мобильность всего войскового организма.

Небезынтересно будет указать на ту критику нашего Временного полевого устава 1925 г., которую в «Беллоне» [17]) дал польский офицер подполковник С. Ровецкий [18]). Он не может понять, как могут быть совмещены в бою методичность, самодеятельность и решительная маневренность. Его метафизическое мировоззрение считает эти положения непри-

миримыми противоречиями, и потому он занимается самыми фантастическими измышлениями, объясняя наличие в уставе этих элементов величайшим вздором, тем, что-де Троцкий отстаивал стратегию «сокрушения», а Фрунзе — стратегию «измора», что эта борьба и отразилась на содержании устава. Конечно, Временный устав страдал многими дефектами и, в частности, иногда противоречиями, что объясняется, с одной стороны, пестротой состава (по тактическим взглядам) комиссии, его составлявшей, а с другой — тем, что в то время мы еще не закончили выработку нашей тактической доктрины. Но во всяком случае устав не страдал противопоставлением методичности и самодеятельности войск, как это представляется подполковнику Ровецкому. ПУ-29 дает этому вопросу законченную разработку...

(М. Н. Тухачевский. Полевой устав 1929 г. «Красная Звезда», № 162, 18 июля 1929 г.)

РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕНИЙ И ФОРМ БОЯ

Публикуемая статья М. Н. Тухачевского была помещена в журнале «Большевик», № 9, 1937 г., под заголовком «О новом Полевом уставе РККА, вышедшем в 1936 г.».

Утвержденный Народным комиссаром обороны Временный полевой устав РККА 1936 г. (ПУ-36) является огромной важности документом, который определяет методы боевой подготовки Красной Армии и отражает определенную систему взглядов на характер современного боя.

Численное развитие и качественное усиление современной военной техники прогрессировали за последние годы исключительными темпами. Воинствующий империализм, бешено готовящий новую войну за новый передел мира, развивает и совершенствует свои вооружения в небывалых до сего времени масштабах. В настоящий момент гонка империалистических вооружений не является уже секретом. Ее уже не прячут, как раньше. О ней говорят открыто.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ

Само собой понятно, что развитие вооружений сказалось и в значительном развитии новых форм боевых действий, новых форм тактики. Однако военная мысль, если обратиться к капиталистическим странам, отличается на сегодняшний день необыкновенным разнобоем. Имеются существенные расхождения между взглядами различных армий, имеются

огромные расхождения во взглядах на современный бой и между различными представителями одних и тех же армий.

Всем, например, известна теория, проповедующая ведение войны малыми и предельно подвижными механизированными армиями, которую в Англии представляют Фуллер[19]) и Лиддель Гарт[20]). Однако английская армия развивается далеко не в соответствии с этой теорией, которую в Европе считают английской. Французская армия, строящая бой на сугубо методическом использовании пехоты, артиллерии и танков, далека от предложений одного из ярких французских военных писателей — де Голля[21]). Итальянская армия, где доктрина генерала Дуэ[22]) получила, несомненно, широкое признание, на фронтах гражданской войны в Испании[23]) совершенно не следует заветам этого генерала и пытается искать решения в боевых действиях пехотных соединений и т. д.

Немало дискуссий по вопросам современного боя наблюдали мы и на теоретическом фронте нашей красноармейской жизни. Определенная система взглядов вырабатывалась постепенно, путем отсеивания неверных, необоснованных выводов и путем углубленной проработки разумных, жизненных, теоретически обоснованных установок.

Прежде всего пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения как в руках наших возможных врагов, так и в руках советского бойца, а на одних лишь уроках гражданской войны, на взглядах, более навеянных героикой гражданской войны, чем обоснованных ростом могущества, культуры, ростом крупной индустрии социалистического государства, а также ростом вооружений армий наших возможных противников из капиталистического лагеря.

Когда тов. В. Триандафиллов выступил со своей книгой «Характер операций современных армий», то он подвергся большим нападкам со стороны товарищей, придерживавшихся этой теории. Его обвиняли в проповеди позиционной войны. Сторонники этой теории видели в новом человеке, в советском рабочем и колхознике, все необходимое и достаточное для того, чтобы обеспечить ведение маневренной войны. Как преодолевать пулеметное могущество боевого порядка современного противника, этому теория не учила. Приверженцы этой теории больше мечтали, чем доказывали. Находились товарищи, которые, например, утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи. Эта теория несовместима с

тем требованием, которое тов. Ворошилов предъявляет к боевой подготовке: учиться побеждать «малой кровью».

Ход развития вооружений Красной Армии опрокинул теорию «особенной» маневренности. Быстрый рост нашей авиации, танков и механизированных соединений вначале также вызывал кое у кого теоретический загиб фуллеровского порядка. Появилась новая «маневренная» теория, которая считала, что быстроходность танка не позволяет ему продуктивно действовать совместно с пехотой. Отсюда росло стремление к полной самостоятельности танковых соединений, к их отрыву от основных общевойсковых армейских масс, к пренебрежению противотанковым огнем противника и непониманию того обстоятельства, что в современном бою танки, как и пехота, не могут успешно действовать без могущественной артиллерийской поддержки.

Тактические установки на гибкое и прочное взаимодействие различных видов войск, которыми был пронизан Полевой устав 1929 г., а также практика совместных учений пехоты, конницы, артиллерии и танков опрокинули эти вредные взгляды.

С другой стороны, часть товарищей очень настороженно встретила внедрение в армию массового танкового вооружения. Их пугали дожди, снег, осень, весна и т. д. Некоторые товарищи говорили, что при наших дорожных и климатических условиях танки смогут действовать «каких-нибудь полтора месяца в году». Однако живая действительность опрокинула опасения этих робких теоретиков. Танки отлично действуют и летом, и зимой, и весной, и осенью.

Непонимание роли и значения новых быстроходных танков, вооруженных скорострельной артиллерией, выразилось также и в том, что некоторые товарищи не соглашались отвести танкам в современном бою более решительную роль, чем та, которую они играли в 1918 г. в боях французской и английской армий против германской армии. Эти товарищи утверждали, что танки имеют значение лишь как средство непосредственной поддержки пехоты. Они не видели возможности по-новому организовать взаимодействие танков и артиллерии в общевойсковом бою стрелковых соединений. Поэтому они отрицали возможность прорыва танков в глубину оборонительного расположения противника для захвата путей его отхода. Как мы увидим дальше, эти сомнения оказались необоснованными.

Сила обороны в современной войне непрерывно возрастает: растет количество и качество пулеметов, вводятся на вооружение автоматические винтовки, и все это обращено своим острием против наступающей пехоты.

Против танков, поддерживающих и защищающих атакующую пехоту от пулеметов противника, направляются быстро

растущие количественно и качественно противотанковые пушки. Сила обороны растет и создает условия, в известной степени благоприятствующие появлению позиционных форм войны. Позиционные фронты тем более могут иметь место, чем менее развиваются основные средства сухопутного наступления — танки и артиллерия.

Преимущества оборонительного оружия заключаются в простоте использования и в его большем числе. Средства наступательные, или средства подавления, к которым в первую очередь относятся артиллерия, танки, авиация, химия, требуют очень большого искусства в организации их взаимодействия. Простота в использовании основных средств обороны — пулеметов и противотанковых орудий — конечно, действует в направлении перевеса обороны над наступлением.

Война итальянцев в Абиссинии[24]) подчеркивала легкое торжество артиллерии и танков над обороной. Однако это объяснялось технической бедностью Абиссинии, в частности ничтожным количеством пулеметов и противотанковой артиллерии. Война в Испании, наоборот, подчеркивает значение и мощь оборонительного оружия. Артиллерия и танки с трудом успевают накапливать достаточные силы для преодоления пулеметов и противотанковых средств.

Даже наиболее крайние сторонники механизации армий учитывают значение современных средств обороны. Так, например, Лиддель Гарт в январском номере американского журнала «Форейн аферс», рассматривая пути моторизации и механизации, принятые во французской армии, указывает на странный, с первого взгляда, факт создания мотомеханизированных частей для «усиления обороны путем более быстрого направления огня на угрожаемый участок и более быстрого развития контрнаступления». Далее Лиддель Гарт пишет:

«Этот «оборонительный» взгляд на значение механизированных частей может показаться многим странным. Однако он технически обоснован. Несмотря на явный рост наступательной силы, в результате развития механизированных войск, время, быть может, покажет, что оборонительная сила растет косвенным путем еще быстрее. Оглядываясь назад, можно даже сказать, что такова была общая тенденция роста механизации войны в течение столетий».

Это заявление Лиддель Гарта очень примечательно, хотя он и продолжает по-прежнему отстаивать теорию необходимости иметь лишь малые механизированные армии.

Рост оружия, усиливающего оборону, несомненен. Однако было бы неправильно считать, что позиционная война необходима и неизбежна. Позиционный период империалистической войны объясняется не его неизбежностью, а тем, что воюющие стороны не были обеспечены необходимыми сред-

ствами подавления, начиная с артиллерийских снарядов, в результате громадных ошибок, допущенных в подготовке к войне всеми ее участниками. Точно так же и в будущей войне позиционные фронты вполне возможны, если будут недооценены средства современной обороны, если не будут созданы в необходимых размерах наступательные средства борьбы и если войска не будут достаточно обучены сложному искусству современного наступательного боя.

Выше уже говорилсь о том, что боевое использование оборонительных средств проще и легче, чем использование средств наступления. Однако за наступлением по-прежнему остаются преимущества, заключающиеся в возможности подавляющих концентраций на направлениях организованного удара и нанесения обороняющемуся тяжелых поражений. Мало того, современные средства наступления позволяют организовать бой с гораздо большей эффективностью, чем это было возможно раньше, даже при наличии сплошных фронтов у неприятеля.

РАЗВИТИЕ ФОРМ БОЯ

Каковы те основные черты, которые характеризуют на протяжении последнего времени развитие элементов боевой обстановки и самого боя?

Авиация все больше и больше воздействует на передвижение войск и на работу тыла. Опыт войны в Испании показывает, какие потери несет от авиации живая сила сухопутных армий и какой моральный эффект производит авиация, если войска не умеют организовать противовоздушной обороны.

Оборона пехоты благодаря быстрому росту пулеметного вооружения становилась все более и более мощной. Пехота, окопавшаяся на поле боя, становилась трудно одолимой даже при условии поддержки наступающего сильным артиллерийским огнем. После перенесения артиллерийского огня в глубину оборонительного расположения противника всегда находились отдельные пулеметчики, которые успевали поднять голову и вовремя открыть убийственный огонь по атакующему.

Танки резко изменили это положение и увеличили силу атаки пехоты. Двигаясь впереди пехоты, танки подавляли пулеметные очаги противника, т. е. своим огнем не позволяли пулеметчикам поднять головы, а наступающая за ними пехота доканчивала поражение оборонительной полосы.

Беспомощность пехоты в борьбе с танками вызвала быстрый рост противотанковых средств борьбы, и в первую очередь малокалиберной противотанковой артиллерии. Еще несколько лет назад в европейских армиях пехотная дивизия

имела десяток, в лучшем случае два десятка, противотанковых пушек. В настоящее время пехотные дивизии имеют многие десятки этих орудий. Создается, таким образом, плотность насыщения обороны противотанковыми средствами, достаточная для массового вывода из строя наступающих танков. Скорострельность и бронепробиваемость противотанковых средств непрерывно растут. На смену полуавтоматическим пушкам все больше и больше появляются автоматические пушки.

Атакующие танки ищут помощи в организованной поддержке общевойсковой артиллерии и эту поддержку находят. Но для этой поддержки артиллерия должна обладать мощными гаубицами и должна быть многочисленна. Эти требования осуществляются сейчас почти во всех армиях.

Артиллерия и танки действительно могут обеспечить полный успех атаки при условии достаточно массового их применения. Если пехота, атакующая противника, в период артиллерийской подготовки не может очень близко подойти к противнику, так как ей опасны осколки своих снарядов, то танки не боятся осколков и потому почти вплотную могут подходить к рубежу артиллерийских разрывов. Если отдельные пулеметчики противника и поднимут головы после переноса артиллерийского огня перед атакой, то они будут задавлены танками, не боящимися пулеметного огня. Противотанковых орудий значительно меньше, чем пулеметных, а артиллеристы, даже сумевшие вовремя поднять голову, все же будут уничтожены, так как танки подойдут к ним слишком близко. Танк беспомощен в борьбе с противотанковой пушкой на дистанциях от трехсот метров и дальше, но на близких дистанциях танк уже хорошо видит и становится опасным даже для противотанкового орудия. Если же учесть, что на одно противотанковое орудие выйдет несколько танков, то соотношение станет еще более выгодным для танков.

Опыт боев в Испании учит тому, какую гигантскую роль играет в современном бою артиллерия и какое исключительное значение имеет правильная организация взаимодействия различных родов войск.

Рост дальнобойности артиллерии, развитие авиации и танков усложняют современный бой, но и позволяют сделать его еще более уничтожающим.

Рост и качественное усложнение современной военной техники предъявляют громадные требования к качеству бойца, к качеству командира, к качеству управления боем.

Победа социализма в нашей стране, создание первоклассной индустрии обеспечили снабжение Красной Армии вполне современным, мощным вооружением. Работа нашей партии в армии политически воспитывает и закаляет бойцов, превра-

щая войсковые части в непобедимые организмы, состоящие из партийных и непартийных большевиков...

(М. Н. Тухачевский. О новом Полевом уставе РККА, «Большевик», № 9, 1937, стр. 46—50.)

НОВЫЕ ВОПРОСЫ ВОЙНЫ

Помещаем три главы из неопубликованной рукописи трехтомного труда М. Н. Тухачевского «Новые вопросы войны», начатого им в 1931 г., а также главу «Управление», напечатанную в «Военно-историческом журнале», № 2, 1962 г. В октябре 1932 г. М. Н. Тухачевский закончил первый том — «Вооруженные силы и их использование». Во втором томе предусматривалось исследовать базис войны СССР, капиталистических стран и империалистических коалиций; в третьем томе — рассмотреть борьбу против империалистических коалиций.

В сохранившейся рукописи первого тома труда, объемом в 15 авторских листов, имеются одиннадцать глав: «Вооружение»; «Кадры»; «Организация»; «Мобилизация армии»; «Бой»; «Сражение»; «Оперативное сковывание»; «Разведка»; «Операции»; «Организация тыла»; «Управление». В предисловии к этому тому М. Н. Тухачевский писал: «Весьма возможно, многим покажется, что я в этой книге забегаю слишком вперед, но тем не менее, это будет своего рода обманом зрения. Человек не легко отделывается от привычных представлений, но теоретическая работа, базируясь на техническом развитии и социалистическом строительстве, упорно выдвигает новые формы...»

СРАЖЕНИЕ

Правило «Врозь идти — вместе драться» проникает многие самые блестящие операции Наполеона, и в частности насквозь им пронизана Ульмская операция[25]). В движении к Ульму фронт армии Наполеона с двухсот километров в двадцатых числах сентября непрерывно сокращается, 3 октября он занимал не более 100, а накануне окружения Мака уже 70 км. На случай сражения под Ульмом все основные силы Наполеона были в сборе. Эта схема движения и выражается формулой «Врозь идти — вместе драться». Другими словами, ведя операцию, Наполеон стремился сочетанием разного рода движений закончить ее генеральным сражением. Исход сражения определял и исход операции.

Стратегия Мольтке[26]) развивала те же самые положения.

Что же происходит после Мольтке? Армии в несколько сотен тысяч человек заменяются многомиллионными. Государственных границ, не защищенных фортами, не хватает уже для их развертывания и маневрирования, и Шлиффен[27]) ищет прохода своих ударных армий через нейтральное государство. Армии для сражения уже не сужают своего фронта. Наоборот, пограничное сражение между Германией и Францией захлестывает территорию Бельгии. Где же здесь старая формула «Врозь идти — вместе драться»? Эту формулу в современных условиях, если ее повторять, можно понимать

только в том смысле, что врозь идти — означает движение глубокими эшелонами по всей железнодорожной сети страны. Но конкретно содержание формулы будет уже иное, а именно в ней не останется места для стремления к выигрышу наиболее выгодных флангов генерального сражения, так как фронт равняется сумме государственных границ, нейтралитет которых перестает существовать. Другими словами, пограничное сражение принимает формы фронтального столкновения. Выигрыш фланга может иметь лишь случайный характер. Для частных операций на тех или иных участках фронтов в разные периоды войны возможности выигрыша открытых флангов могут иметь гораздо большую вероятность.

Рассмотрим и другое положение из взаимной связи операции и сражения.

Наполеоновская операция в большей своей части предшествовала уничтожающему генеральному сражению. Сражение венчало операцию. Шлиффеновская же операция, по существу, только начиналась генеральным пограничным сражением. Отсюда вытекает следствие, что если во время Наполеона и Мольтке генеральное сражение являлось основным средством уничтожения вооруженных сил противника, то в замысле Шлиффена оно не являлось таковым, наоборот, оно играло лишь промежуточную, содействующую роль.

Решительной цели на уничтожение не только на деле, но и по замыслу не ставило перед собой ни пограничное, ни фактически последовавшее за ним сражение. Уничтожение французской армии намечалось лишь после прижатия ее к швейцарской границе. Следовательно, ряд генеральных сражений по самому их замыслу и значению преследовал лишь задачу оттеснения, но не уничтожения противника.

Что же произошло в вооружении и организации армий? Почему так решительно противопоставились возможности Наполеона возможностям Шлиффена. Основной причиной этого явилось развитие производительных сил и военной техники. Многомиллионные армии вызвали на сцену фронты протяжением в сотни тысяч километров, а пулемет, поступивший на их вооружение, сделал их очень живучими и цепкими.

Оказалось, что сила сопротивления даже слабейшего противника чрезвычайно возросла, благодаря чему темп наступления развивающегося сражения не нарастал, а, наоборот, снижался.

Далее оказалось, что железнодорожная система страны гибка, что открытый фланг не может безнаказанно описывать дугу посреди ее территории. Цепкий фронт обороняющегося находит в себе достаточно сил и средств, чтобы удержать фронт наступающего и обеспечить создание угрозы его открытому флангу. Начинается «бег к морю»[28]), что влечет к еще большему удлинению сплошного фронта.

В общем и целом, ни довоенная теория, ни практика империалистической войны не давали ответа на то, каким образом в генеральном столкновении двух армий, т. е. в сражении, раскинувшемся на многие сотни километров, следует добиваться уничтожения противника. Мало того, эта задача уничтожения выхолащивалась из сражения и вкладывалась лишь в конечную цель операции. Почему могло произойти такое явление? Во-первых, потому, что никто не видел реальных средств для уничтожения врага во фронтальном столкновении генерального сражения, и, во-вторых, консерватизм военной мысли всегда склонен пользоваться старыми формами, а в данном случае не укладывалось в рамках старого воспитания представление об уничтожении противника, не окруженного со всех сторон. Если стратегия времен Тюренна [29]) старалась избегать генеральных сражений, ограничиваясь маневрированием, то в данном случае получилась иная картина, когда все силы страны бросались в сражения для того, чтобы заведомо не дать окончательного решения, хотя стремление к таковому в конечном счете операции и не могло подлежать сомнению.

Итак, период начала империалистической войны характеризуется положением, когда генеральное сражение превращалось в свою противоположность. Из средств уничтожения армий противника оно стало средством оттянуть решение или, вернее, средством промежуточным, подготовляющим уничтожение на каком-то удаленном, но не на данном рубеже.

Как говорилось уже выше, операция в стиле Наполеона предполагала сначала беспрепятственное движение врозь, а затем беспрепятственное сосредоточение в генеральное сражение в наивыгоднейших условиях. В период империалистической войны беспрепятственное движение врозь оказалось невозможным. Движение армий встречало на своем пути одно генеральное сражение за другим и до последнего решающего уничтожающего сражения дело ни разу не дошло, т. е., другими словами, не разрешенные в полной мере сражения не позволяли довести до конца уничтожающей операции и, наоборот, операция, в свою очередь, не могла создать такого положения, чтобы произошло уничтожающее генеральное сражение.

Привычное академическое мышление представляло себе по-старому уничтожающее сражение лишь как результат завершающейся операции. Поэтому к полному разгрому противника в том сражении, которое реально представлялось возможным осуществить, никто во время империалистической войны не стремился. Так, например, французы, имея против себя сплошной неподвижный фронт, занятый основными силами немцев, не стремились уничтожить их в сражении. Эти сражения представлялись французам лишь как

средство для пробития сравнительно узкой бреши в сплошном фронте, бреши, через которую можно будет устремиться для завершения операции в давно знакомом и излюбленном наполеоновском стиле. Но до этой операции дело не доходило, а сражение выливалось хотя и в громадные, но с точки зрения войны в комариные укусы.

В самом деле, для того чтобы нанести массовым армиям противника решительное поражение, очевидно, необходимо ввести в дело столь же мощные и даже еще большие силы, а это влечет за собой расширение фронта удара. Представим себе армию, состоящую из 100 дивизий, готовящуюся к нанесению противнику решительного поражения. Положим далее, что для главного удара выделяется 60 дивизий и для вспомогательных боевых действий (сковывание) остальные 40 дивизий, причем фронт наступления ударной дивизии в маневренной войне 2 км. Тогда мы получим фронт главного удара равным 120 км, т. е. удар не в точку, а по очень широкому фронту. Французы в течение почти всего периода позиционной войны, избирая узкие участки для прорыва, следовали старым традициям, вытекавшим из форм организации прорыва времен Наполеона, которые требовали бить в одну точку, для чего и сосредоточивалась к этой точке большая часть армий. Но то, что было целесообразно в сражениях Наполеона, в которых в большинстве случаев мы не видим армий много более 100 000 человек и при наличии оружия, не обладавшего достаточной дальнобойностью, то стало совершенно неверным и рутинным в условиях империалистической войны. Избирая узкий фронт прорыва, французы нагромождали мощные эшелоны один за другим. В результате такого эшелонирования немцы всегда поспевали заткнуть образовавшуюся брешь и не давали прорваться в глубину своего тыла не только вторым, но и первым эшелонам французов. Вследствие этого, обычно обладая общим превосходством в силах, при организации своих прорывов французское командование не умело реализовать этого превосходства, создавая ему льготные условия для обороны. Для того чтобы реализовать свое превосходство в силах и нанести противнику действительно решающее поражение, необходимо ввести эти силы в бой на широком фронте, т. е. с точки зрения старой теории «разбросать» их. Широкий фронт необходим для того, чтобы поражению подвергнуть большую или, во всяком случае, значительную часть сил противника, а также для того, чтобы иметь возможность ввести в бой еще большие подавляющие свои силы...

В итоге рассмотрения сражений империалистической войны нельзя не прийти к тому выводу, что проблема уничтожения армий врага встречала в эту войну колоссальные затруднения. Сражение вступило в противоречие с операцией

в том смысле, что сражением было трудно нанести противнику решающее поражение — он ускользал, а с другой стороны, маневренная операция, обеспечивающая конечное решающее поражение, исключалась, поскольку не достигалось уничтожающее сражение в начале операции.

Новые средства борьбы, и в первую очередь авиамотомеханизация, создают и новые возможности в вопросах уничтожения вооруженных сил противника. Нарождаются формы глубокого сражения, создающего предпосылки для нового этапа военного искусства, обеспечивающего возможность нанесения противнику решающих, непоправимых для него поражений. Организация и ведение глубокого сражения будут изложены в главе об операциях.

ОПЕРАТИВНОЕ СКОВЫВАНИЕ

Формы оперативного сковывания противника на широком фронте имеют многогранный характер. При подготовке наступательной операции в целях сковывания противника вне фронта главного удара организуется целая система частных ударов тактического и местного оперативного значения с тем, чтобы противник не мог снять здесь хотя бы части своих сил для переброски их на главное направление. Выполняя такую задачу, мы должны, помимо производства более или менее глубоких внедрений в оборонительную полосу противника, уметь использовать и те возможности сковывания, которые вытекают из организации некоторыми армиями полос охранения. Представим себе, что на второстепенных направлениях обороняются друг против друга дивизии, занимая фронты одинаковой ширины. Положим далее, что каждый из трех полков противника, занимая свой главный участок фронта, в полосу охранения выдвигает по одному батальону. Таким образом, полосу охранения дивизии противника составят три батальона, поддержанные батальонной, частью полковой артиллерией и лишь дальним огнем с артиллерийских позиций полосы главной обороны. В целях отвлечения внимания противника от фронта главного удара и усиления у него уверенности в том, что и на данном, второстепенном направлении подготовляется решительное наступление, командир нашей дивизии имеет вполне достаточно сил и средств для того, чтобы решительно атаковать полосу охранения противника, использовав для этого все свои 9 батальонов и всю свою артиллерию, и в соответствии с требованиями нашего Полевого устава это охранение уничтожить. Эти действия были бы вполне обеспечены потребными нормами подавления. Помимо того, что оборонительный фронт противника, не совпадающий с фронтом нашего главного удара, тем самым был бы чувствительно ослаблен, командование противной стороны, несом-

ненно, было бы встревожено масштабом подготовляющихся и начавшихся событий и практически могло бы разбросать и не перебросить необходимой части резервов на направление нашего главного удара. Подобного рода действия, оперативно носящие характер демонстративных, несмотря на то, что тактически они могли бы иметь и самый решительный характер, должны и могут развиваться на всем фронте, не совпадающем с участком главного удара. Для этого достаточно сил обороняющихся войск. Нужны только искусство и смелость. Совершенно очевидно также, что уничтожением охранения не кончается еще роль оперативного сковывания противника на второстепенных фронтах. После уничтожения охранения действиями дивизий и корпусов должны быть подготовлены и искусно проведены частные атаки по захвату отдельных участков основных позиций противника, принуждающих его к подготовке ряда контратак или, во всяком случае, к подтяжке своих резервов. Вполне понятно, что такие частные атаки должны быть подготовлены в артиллерийском отношении настолько, чтобы они не влекли напрасных потерь для наступающих частей. Сил и средств для таких частных атак, даже в обороняющихся корпусах и дивизиях, всегда будет достаточно при наличии инициативы и тактической изобретательности. Главное при этом будет заключаться в том, чтобы глубина и ширина атакуемого участка не были слишком велики.

Оперативное сковывание фронта противника может быть, в известной обстановке, достигнуто и путем отхода с боями на некоторых участках, причем в процессе такого отхода противник может быть наведен и на хорошо подготовленный укрепленный район, усиленный небольшими, но прочными железобетонными сооружениями, и может быть значительно задержан хорошо поставленной и проведенной службой заграждения. Для быстрого продвижения противнику будут необходимы дополнительные силы и средства на преодоление заграждений и иногда, не достигая больших темпов продвижения, он может оказаться принужденным подтягивать добавочные ресурсы на те фронты, где мы, сознательно отдавая территорию, не наносим решающих ударов.

О новых формах оперативного сковывания, в связи с ростом и совершенствованием авиации и танков и новыми формами организации, уже говорилось выше. Оно может носить характер совершенно непривычный для устоявшихся представлений. Сковывание на большом протяжении переносится в неприятельский тыл и им сдерживается, парализуется все то, что противник эшелонировал в глубину. Старые формы оперативного сковывания могли пригвоздить многочисленные части противника по всем участкам передового фронта, но они не могли стеснить действий противника из глубины.

Только поэтому большинство фронтальных ударов в период империалистической войны не кончалось катастрофой для противника. Нет никакого сомнения в том, что если бы немцы могли сковать французские тылы в период их наступления в Пикардии в марте 1918 г.[30]), то французская армия не могла бы оказать своевременной поддержки своему стыку с английской армией и катастрофа для Антанты во Франции могла бы стать неизбежной. Новые формы сковывания позволяют стремиться к тому, чтобы пригвоздить противника как по всей линии фронта, так и в глубину его эшелонирования на основных направлениях, а именно на тех направлениях, по которым он может сосредоточить резервы для противодействия подготовленному решающему удару. Само собой понятно, что, как и раньше, вовсе не обязательно, чтобы каждая операция, предпринятая с целью сковать противника по всему фронту и в глубину, вплоть до армейских и фронтовых его тылов, должна кончаться успешно. Борьба будет двухсторонняя, и многое будет зависеть от степени подготовленности, материальной вооруженности, искусства сторон, и в особенности от размеров внезапности. Это совершенно очевидно, но все же факт новых форм заключается в том, что появляются такие возможности, каких раньше не было. Эти новые возможности вызываются появлением новой техники, и, с другой стороны, эти новые формы толкают технику еще дальше для удовлетворения ряда появившихся тактических нужд. Они требуют также новых форм организации и новых видов боевой и оперативной подготовки.

Сковывание тыла, всей гармоники расчленения сил противника в глубину должно осуществляться путем авиационных десантов между районами расположения его резервов корпусных, армейских, фронтовых. Захватывая и разрушая железные дороги и шоссе, можно легко, даже небольшими силами, создать очень глубокие зоны заграждения, для преодоления и восстановления которых противнику понадобится много времени.

Совершенно свободно авиационные десанты могут атаковать самые крупные войсковые части, переброшенные по железным дорогам. В самом деле, пехотная дивизия в эшелонах растягивается в глубину на 300—450 км, причем каждый отдельный эшелон не бывает сильнее батальона. Вполне понятно, что для дезорганизации движения всей дивизии достаточно высадить три отряда, из которых каждый был бы достаточно вооружен для атаки батальона, погруженного в эшелон. Высадившись на расстоянии километров ста друг от друга, эти отряды разбили бы несколько эшелонов, порвали бы связь вдоль железной дороги, взорвали бы несколько мостов, и дивизия была бы надолго выведена из строя. Если бы полки и тылы дивизий, даже при условии успешной даль-

нейшей борьбы с десантами, захотели бы сосредоточиться походным порядком в одном месте, пока железная дорога будет восстановлена, то на это потребовалось бы 10—15 дней.

Сила десантных отрядов заключается не только в силе каждого из них в отдельности, но главным образом в том, что они высаживаются там, где противник будет заведомо слабее их, а поэтому они свободно могут атаковать эшелоны в движении, могут разрушать железные и шоссейные дороги, линии связи, закладывать фугасы замедленного действия и т. д. Если же к этому добавить возможность применения стойких ОВ, то значимость их станет еще более наглядной.

Выполнив свою роль до конца, десантный отряд может по воздуху возвратиться обратно. Действия таких отрядов будут сказываться значительно пагубнее подводных лодок на водных коммуникациях морских держав.

Масштаб применения таких отрядов, вооруженных пулеметами, легкими пушками и гранатометами, будет громадным. Многие не могут еще этого себе представить, но это неизбежно будет так. Если взять любую европейскую страну и ее гражданский воздушный флот, то станет ясно, что за несколько рейсов каждая из них может наводнить тылы своего врага десантными отрядами, а на приведенном выше примере борьбы десантных отрядов с пехотной дивизией в эшелонах было ясно видно, насколько это опасно для прифронтового и более глубокого тыла.

Высадки моторизованных отрядов будут иметь особо опасное и деморализующее значение.

Боевой воздушный флот будет поддерживать с десантными отрядами постоянную связь и будет снабжать их огнеприпасами. Вместе с тем бойцы таких отрядов должны быть обучены владению оружием своего противника с тем, чтобы они могли широко пользоваться оружием и патронами, захваченными в тылах.

При наличии в районе десантов населения, специально враждебного буржуазному государству и революционно настроенного, значение авиадесантов вырастает в еще более значительный и решительный оперативный фактор.

Новые формы сковывания сказываются не только в непосредственных действиях против вооруженных сил противника. Они касаются и борьбы с мобилизацией промышленности и военным производством, а также с подвозом материального снабжения. Успехи современной техники, развитие централизованного энергетического хозяйства, и в первую очередь электрификации, наиболее передовые методы организации производства, кооперирование заводов различных специальностей и т. д. — все это создает предпосылки к тому, что борьба с промышленностью, железными дорогами и пр. будет вестись не столько в виде бомбометания и уничтоже-

ния отдельных объектов, сколько в форме борьбы с отдельными процессами производства и эксплуатации. Так, например, в стране, где энергетическая база представляет собой централизованную и хорошо организованную систему электрификации, выгоднее бороться не с отдельными военными заводами, хотя бы и имеющими крупнейшее значение, а с системой электропередач и пр. Поражение трансформаторов, подстанций, линий высоковольтных передач и т. д. гораздо легче осуществить, так как невозможно защитить все эти объекты надежными средствами обороны. В то время как каждый отдельный завод, каждая электрическая станция будут надежно защищены зенитной артиллерией и пулеметами и будут покрываться дымами во время налетов, участки и элементы электропередач, о которых говорилось выше, столь надежно не могут быть прикрыты. Точно так же может оказаться более выгодным бороться с угольными железнодорожными потоками, доставляющими топливо на электрические станции, чем с этими последними. Атаковав с воздуха угольный маршрут и разбив его, например, в железнодорожной выемке, можно надолго задержать восстановление движения. А придав таким налетам характер систематической блокады основных каменноугольных или торфяных электростанций, можно, в конце концов, дезорганизовать энергетическое хозяйство военной промышленности и тем самым лишить ее возможности своевременно обслужить боевой фронт. В теоретической военной литературе по этим вопросам мы не находим каких-либо практических указаний. В этом сказывается или косность подготовки генеральных штабов, или же засекречивание своих новых методов борьбы. Поучительно в техническом отношении подошли к разрешению этой проблемы наши классовые враги — руководители «промышленной партии». Их план дезорганизации угольных потоков из Донбасса в Центрально-промышленный район заслуживает, с военной точки зрения, самого пристального внимания и тщательного изучения...

Возьмем другой пример борьбы с военным производством противника. Положим, что мы желаем лишить нашего врага его пороховой базы. Обязательно ли для этого необходимо бомбить пороховые заводы и склады? Очевидно, нет. Во-первых, эти заводы по сравнению с прочими будут надежно обеспечиваться зенитными средствами, а может быть, и истребительной авиацией. Во-вторых, той же самой цели можно достигнуть напряженными боевыми действиями, направленными против кооперированных с пороховыми заводами других заводов и фабрик, поставляющих сырье и отдельные элементы производства. Можно указать на разрушение заводов, поставляющих целлюлозу, спирт, аммиак, азотную кислоту и т. п. Разрушив основные заводы, поставляющие сырье для

порохового производства и борясь с железнодорожными потоками этого сырья, можно в значительной степени дезорганизовать пороховое производство, не трогая самих пороховых заводов.

Возьмем третий пример — производство снарядов. Дезорганизовать это производство можно путем нарушения изготовления отдельных деталей, отдельных процессов. Так, например, разрушая частные заводы, изготовляющие стаканы, можно нанести снарядному делу значительный ущерб, и вместе с тем, очевидно, что все эти заводы не смогут быть защищены так, как будут защищены специальные военные заводы. Борьба с процессами снарядного производства, помимо того, может направляться как против заводов взрывателей, или трубок, или против сборочных заводов и т. д. Нет смысла поражать все заводы, достаточно нарушить производство отдельных деталей и тем самым внести диспропорцию в производство снарядов.

Подвергая бомбардировке какой-либо большой завод, нельзя ставить задачи бомбардировать его «вообще». Надо выяснить, где, в каком цеху находится его самое уязвимое место, и против него направить свой основной удар. В орудийных заводах, например, особенно важно поразить мартены высококачественных сталей и кузницы и т. д.

Методы инженерного разрешения военных задач по парализации тыла противника необходимо внести и в борьбу с его железными дорогами. В прошлом генеральные штабы планировали такую борьбу главным образом против основных объектов: крупных железнодорожных узлов. Совершенно очевидно, что эти узлы будут надежно защищены, и здесь точно так же встает вопрос о борьбе не против отдельных объектов, а против определенных процессов железнодорожного передвижения. Конечно, все это не означает, что исключается разгром крупных железнодорожных узлов и т. п., но это говорит о том, что такие задачи могут вставать лишь как составное звено в общей системе плана нарушения процессов работы железных дорог. Например, систематический порыв железнодорожной связи между станциями, поддерживаемый круглые сутки, может очень существенно дезорганизовать движение, если дороги не будут оборудованы радиосвязью. Представим себе, что для исправления разрушенной телеграфной линии между станциями требуется 2 часа. В этом случае необходимо сделать 12 повреждений линии в сутки для того, чтобы железная дорога совершенно не могла продуктивно работать. Такие задачи по разрушению можно ставить попутно каждому разведывательному самолету, а можно установить и систематическое курсирование самолетов.

Дезорганизация работы железных дорог может быть достигнута и путем внесения диспропорции между работой по-

движного состава и водоснабжением. Вовсе не обязательно поражать мощные водоемы при узловых станциях. Разрушив водоемы на перегонах, можно создать напряжение в водоснабжении. Конечно, противник будет иметь средства для смягчения водного кризиса путем организации подвоза воды в цистернах и т. д. Но, во-первых, полностью справиться с этой задачей все же трудно, и, во-вторых, это будет сокращать полезную, с военной точки зрения, провозоспособность дороги. Точно так же, нарушая работу депо не в основных железнодорожных узлах, а в наименее защищенных, можно создать напряжение и в ремонте паровозов и подвижного состава и тем создать затруднения на железных дорогах. В общем и целом, в борьбе с железнодорожным движением противника хороший путевой инженер или передвиженец сможет найти зачастую лучшие методы, чем наиболее подготовленный генштабист старого типа.

Само собой понятно, что планирование борьбы по дезорганизации железнодорожного транспорта, телеграфно-телефонной сети страны, военного производства и т. д. должно избегать бесцельной разброски авиационных сил и средств. Из всего комплекса самых разнообразнейших процессов, организующих жизнь тыла противника, необходимо наметить такие, которые при их нарушении, с одной стороны, вносили бы решительную диспропорцию, создавали натяжение и кризисы и, с другой стороны, чтобы они были сопряжены с минимальным риском для воздушного флота. Такое планирование, такие инженерные, я бы сказал, методы борьбы воздушного флота могут оказаться самыми решительными союзниками современной армии.

Авиамотомехборьба в тылу у противника должна преследовать и задачу облегчения нашего наступательного движения. Как известно, служба заграждения при отходе противника будет стремиться оставить нам от железных дорог, шоссе и т. д. лишь одни развалины, трудно поддающиеся восстановлению в короткий срок. Работа авиации: бомбардировщиков, штурмовиков, разведчиков и авиамотодесантов — должна быть организована так, чтобы она нарушила систематическую работу органов противника по разрушению железных дорог и шоссе. Невозможно рассчитывать на полный срыв этой работы, но если вместо капитального мы будем встречать перед собою хотя бы среднее разрушение, то и это уже будет колоссальным достижением.

Необходимо учесть, что в будущей войне разного рода диверсии в тылах армий будут иметь самое разнообразное и очень широкое применение. Интервенции против СССР, защита рабочим классом капиталистических стран своего международного социалистического отечества, батрачество и беднота деревни — все это будет создавать широкую базу для

революционного повстанческого движения в тылу у наших врагов. Но мы должны считаться с тем, что отживающие свой век, но ожесточенно сопротивляющиеся классовые враги — кулачество и прочие элементы у нас в стране — точно так же могут явиться некоторой базой для развития диверсионных действий в наших тылах. Мобилизация против них всех усилий советской деревни: совхозов и колхозов, создание сопротивления колхозной среды проявлению диверсионных актов в нашем тылу являются нашей насущной задачей...

ОПЕРАЦИИ

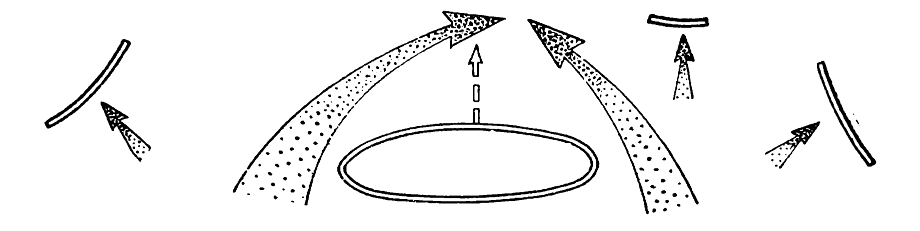
Рассмотрим, прежде всего, те формы операций, которые развиваются в условиях вооружения и организации армий типа прошлой империалистической войны, а также в условиях стремления осуществить старую формулу: уничтожить противника в сражении, заканчивающем операцию, о чем говорилось в главе «Сражение».

Прежде всего приходится учитывать распределение сил противника на широких фронтах, как вдоль самого фронта, так и между его основной боевой полосой и глубоким тылом. Этот учет дает ключ к оперативному решению.

Наибольшие результаты в условиях старых форм операции достигаются при окружении группировки противника с двух флангов. Участки противника, разгромленные и раздавленные на флангах обходимой группировки противника, создают широкие проходы для обходящих колонн, сдерживать которые в первое время операции зачастую некому. Эшелонированные противником резервы подходят из глубины пачками, частично терпят отдельные поражения и лишь по прошествии более или менее длительного промежутка времени вокруг пролезающих в прорыв и одновременно обходящих ударных масс начинает создаваться завеса накапливающихся и закрепляющихся в обороне частей. Осуществляя дальнейшее продвижение, обходящие войска будут встречать все большее и большее сопротивление, во-первых, потому, что противник постепенно будет на этих направлениях усиливаться, и, во-вторых, потому, что затруднения в восстановлении путей обычно влекут за собой сокращение норм расходования огнеприпасов и других средств подавления. Таким образом, темп развития прорыва в глубину с целью обхода фланга постепенно замедляется. Чем больший фронт противника намечен к уничтожению, тем глубже должна развиваться операция и тем больше времени она будет продолжаться, причем количество потребного времени увеличивается непропорционально, а прогрессивно, в силу изложенных выше обстоятельств. Само собою понятно, что, чем больше времени проходит между началом операции и ее завершением, тем больше контрмероприятий может провести

противник. К этим контрмероприятиям относятся: создание вокруг прорывающихся войск внеуплотняющейся оборонительной завесы; отход главной группировки, которой угрожает основная опасность; создание новых активных контрударных группировок на флангах обходящих групп; широкое применение службы заграждения и действия авиации по нарушению тыла и службы восстановления наступающих войск. В течение одной — полутора декад сочетание условий: внезапности, растерянности противника, запаздывания его транспорта и т. п. — сохраняют еще условия, необходимые для быстрого продвижения ударных группировок. В дальнейшем может начаться всепрогрессирующее замедление наступления.

Совершая обходные операции, приходится вставать перед очень сложным вопросом о том, насколько далеко в глубину следует делать обходный замах.

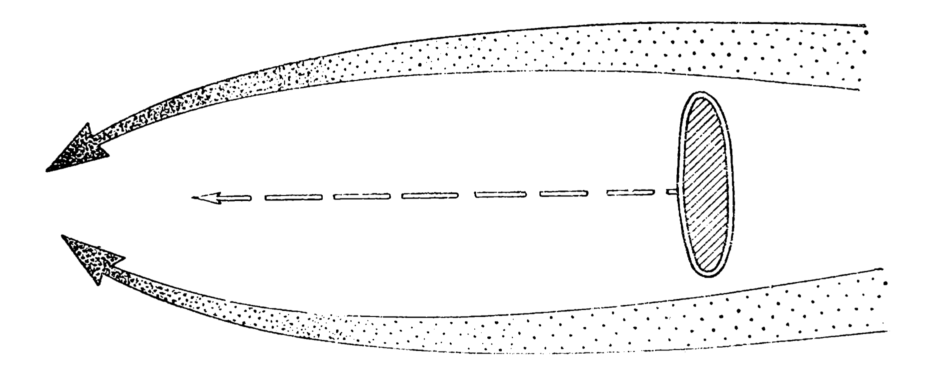

Из приведенной схемы мы видим, что если направление обоим обходам дать весьма крутое, то оно обещает наиболее быстро сказаться на флангах и тылах противника, подвергнуть силы его, еще до окружения, ряду поражений и ударов, но это лишь при условии, что фронт противника будет настойчиво и упорно обороняться, что управление им будет находиться в ненадежных руках, в условиях нарушения связи и т. п. Если же противник, которому угрожают с обоих флангов, вовремя оценит серьезность положения и пожелает вывести свои войска из замыкающегося кольца, то ему вывести их будет гораздо легче, чем наступающим войскам замкнуть клещи. Как ясно видно из схемы, путь для отступления непосредственно в тыл в этом случае будет гораздо короче, чем пути обхода из-за флангов...

Приводимая схема показывает, что, чем менее круто ведется загиб обхода, тем меньше будет разница по преодолению пространства между обходящими и обходимыми. Однако это преимущество далеко не всегда будет реальным. Требуя большой глубины развития действий, оно наталкивается на развитие событий и более длительный, прогрессивно возрастающий промежуток времени, и тем самым вы-

растают противоречия, облегчающие выход из-под ударов обходимому и застопоривающие действия обходящего.

Каковы теоретические предпосылки создания наибольшей вероятности поражения противника путем его окружения? Сюда относятся сковывание фронта на всем его протяжении и нанесение главных или главного удара по той части фронта, которая открывает ворота к окружению. Подготовка участков прорыва должна быть осуществлена в величайшей тайне с тем, чтобы прорыв и дальнейшее обходное движение явились полной неожиданностью для противника. Но и этого мало. Необходима еще такая тщательная подготовка удара, чтобы атакуемые участки противника были не сбиты, а уничтожены, упразднены. Только при том условии, если обходные

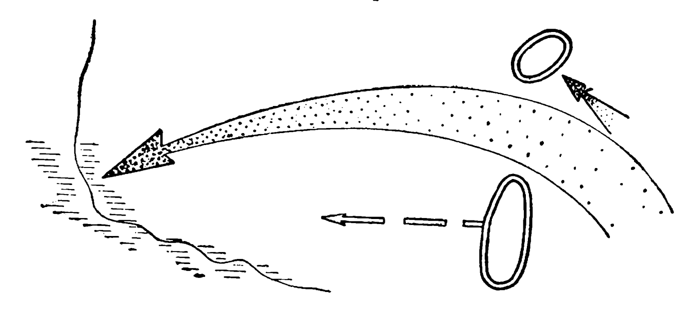
колонны после первых ударов с громадным перевесом материальных и живых сил смогут безостановочно и быстро развивать свой успех, практически возможно достигнуть окружения противника. Ударные группировки должны быть снабжены высокими нормами средств подавления. Расчет таких сил и средств для армий артиллерийского типа прекрасно изложен в книге тов. Триандафиллова «Характер операций современных армий», и по этому вопросу повторяться нет смысла. Необходимо учитывать, что сила ударной группировки должна быть рассчитана не только на прорыв, но еще в большей степени на обход. План обхода должен считаться с противодействием не только остатков разбитого фронта, не только с огибанием и обороной обойденных флангов, но и с противодействием эшелонированных в глубину резервов противника. Даже учитывая последовательность в поражении войск противника, т. е. сначала поражение его фронта на участке прорыва и в дальнейшем последовательное поражение прибывающих резервов, все же силу обходных группировок необходимо предусмотреть такой, чтобы она могла быстро разбить даже сорганизовавшийся фронт подходящих резер-

вов и, вместе с тем, обходя, нанести окончательное поражение войскам, занимающим обходимый фронт.

Обходные действия ударных группировок должны быть поддержаны атаками с фронта, причем эти последние должны реально угрожать противнику новым прорывом, если он только попытается ослабить этот фронт. Лишь при тесном и согласованном взаимодействии фронтальных и фланговых сил можно задержать и захватить в плен окружаемую группировку противника. Вышеизложенные соображения говорят о том, что обход двух флангов обещает большие выгоды, но он требует и больших сил, так как каждая из группировок должна не только иметь возможность прорвать фронт, но и быть способной к самостоятельному обходу и поражению подходящих резервов противника. Если это условие не соблюдается, то искусно маневрирующий противник, создавая полосы заграждения перед одной из наступающих группировок и облегчая ее оборонительным полукольцом, может в то же время подготовить решительный контрудар во фланг другой обходящей группировке и подвергнуть ее отдельному поражению.

Чем больше обходимый фронт противника, тем прогрессивно больше должны возрастать потребные для его разгрома силы. С уменьшением фронта эта потребность несколько уменьшается, так как сам обход может быть совершен в более короткий промежуток времени, в который противнику трудно снять своевременно и перебросить необходимые резервы.

Значительно проще выглядит уничтожение группировки противника, если ее можно атаковать и обойти с одного из флангов и припереть к какой-либо непроходимой преграде, будь то море, болото, нейтральная государственная граница и т. п., как это показано на следующей схеме.

Принцип развития такой операции примерно тот же, что и при обходе двух флангов: строгая тайна в подготовке, внезапный прорыв и начало обхода, соединенное с настойчивыми атаками с фронта. Когда противники примерно равны

в силах, то такой способ действия обычно является наиболее выгодным и часто применяемым. Хорошо пользуясь местностью, можно наносить противнику очень тяжелые поражения.

Само собой понятно, что применением авиамоторизованных средств и даже просто авиации обходным действиям можно придать значительно более решительный характер, чем это было раньше. Использование механизированных соединений, способных к быстрому и сокрушительному обходу флангов, о которых речь была в главе «Организация», можно придать при соблюдении внезапности трудноотразимый характер таким обходным операциям, причем нельзя не отметить того исключительного значения, которое должно иметь в этих условиях наличие карты строения почвы театра военных действий.

В тех условиях, когда имеющихся в распоряжении сил и средств не хватает для нанесения противнику решительного поражения, все же можно значительно ослабить его силы путем повторного и внезапного нанесения ему ударов накоротке и на различных участках фронта. Обходя и уничтожая отдельные группировки в короткий промежуток времени, можно сократить общую численность противника, поколебать его уверенность в себе и подготовить выгодные условия для более решительных столкновений.

Если мы обратимся к анализу войны 1914—1918 гг., то увидим, что все перечисленные выше методы расчета операции применялись, но жизнь, развитие вооружения и организации очень часто опрокидывали их, даже в маневренный период войны.

В гражданской войне в силу крайне слабой в пулеметном отношении плотности фронтов маневренное развитие операции в глубину осуществлялось гораздо легче и увереннее. Теория вероятности победы была ясна.

В настоящее время дело стало сложнее и прежние методы расчета уже не годятся. Та сторона, которая не сможет от них отрешиться, попадет во власть непонятных для нее событий и явлений. Главы «Вооружение», «Бой», «Сражение», «Оперативное сковывание» исследуют элементы расчета, заставляющие пересчитывать и перестраивать прежние методы.

Как теоретически может мыслиться вероятность нанесения поражения противнику в связи с новыми средствами борьбы?

В первую очередь необходимо учесть то положение, о котором говорилось уже выше, а именно, что основные силы противника в большинстве случаев находятся на линии фронта. Отсюда следует, что, чем шире будет протяжение фронтальной атаки, чем тщательнее будут подготовлены средства подавления, чем внезапнее будет начата атака, тем

больший процент поражения охватит обороняющиеся войска противника и тем более одновременный удар он потерпит.

Если бы в марте 1914 г. немцы повели атаку на еще большей ширине фронта, обеспечив ее необходимой артиллерией и минометами, то разгромленный фронт вряд ли мог бы быть восстановлен англо-французами. В самом деле, с 21 по 29 марта англо-французы увеличили свои силы на атакованном немцами фронте с 22 до 74 дивизий, т. е. ввели дополнительно 52 дивизии из 63, имевшихся в резерве. С другой стороны, немцы с первых дней операции ввели в дело 62 дивизии и к концу операции довели их до 91 дивизии. Совершенно очевидно, что если бы немцы сразу же ввели 91 дивизию, увеличив фронт атаки, то первая линия фронта французов и англичан понесла бы такие потери и была бы дезорганизована на таком протяжении, что положение вряд ли могло бы установиться при введении в дело всех наличных резервов англо-французов. 63 дивизии резерва могли восстановить прочное положение на 80 км разбитого фронта, но они не могли бы его удержать, если бы фронт был поражен на протяжении 110—120 км.

Но одновременно надо отметить, что поражение, которое немцы нанесли англичанам 21 марта 1914 г., не было обязательным. Применяя более глубокую тактику, такую, какую французы применяли в дальнейшем у Шмен-де-Дам [31]), англичане могли бы сохранить свои дивизии. Таким образом, успех фронтального сражения в условиях империалистической войны не был неизбежной необходимостью. Передовая полоса пулеметов могла предохранить основные силы на основной оборонительной полосе от внезапного артиллерийского поражения и дальнейшего уничтожения. Только появление мощных танковых и авиационных сил позволяет организовать одновременное сражение на всю глубину расположения боевого фронта противника.

Таким образом, с учетом нового вооружения и организации, исходным пунктом расчета глубокой операции является широкая фронтальная атака, надежность ее подготовки и достаточное количество средств подавления, позволяющее не сбить, а уничтожить соединения противника, обороняющие фронт, причем все это должно быть осуществлено в условиях максимальной тайны и начато ошеломляюще внезапно. Ширина фронта первого генерального сражения определяет собой масштаб возможного поражения противника. Разгромленный фронт противника должен быть приперт к полосе огневого заграждения, созданного в районах дивизионного, корпусного и армейских его резервов, танковыми и авиационными десантами, вооруженными пулеметами и артиллерией. В главе «Вооружение» приводились расчеты, указывающие, что на фронте атакующей дивизии может быть выбро-

шен в тыл противнику десант, в огневом отношении равный стрелковому батальону. Мы знаем, что для успешной атаки обороняющегося батальона в среднем необходимо применение артиллерии целой дивизии. Учитывая, что обороняющаяся дивизия противника, атакованная двумя — тремя наступающими дивизиями, будет дезорганизована в ее тылу двумя — тремя «десантными батальонами», вряд ли можно рассчитывать, чтобы соединенные усилия корпусных и дивизионных резервов могли вовремя уничтожить или в достаточной степени прорвать эти пулеметные заграждения в собственном тылу. А это говорит о том, что быстрое и решительное развитие атаки с фронта может во много раз повысить уничтожающую действительность современного наступательного сражения и что войска первой линии противника при благоприятных условиях могут быть полностью уничтожены.

Таким образом, первым условием расчета вероятности победы является ширина фронта наступательного сражения. Чем шире будет фронт атак, тем больший, при прочих равных условиях, будет и успех операции.

Вторым условием расчета является задача последовательного разгрома эшелонов противника, расчлененных им в глубину. Эти эшелоны должны быть поражены с таким расчетом, чтобы основные силы неприятеля в ближайших эшелонах были разгромлены раньше, чем его глубокие резервы смогут сорганизовать решительные действия против десантов, разъединивших и сковавших его тыл. Существенным элементом расчета в этом случае является время, потребное глубоким резервам противника не только для уничтожения самих десантов, но и для восстановления разрушенных ими путей, а это при хорошо налаженной десантной работе может потребовать больших сроков.

Надо учесть, что могут иметь место и отдельные, далеко заброшенные в глубь территории противника временные десанты, которые могут взрывами мостов и т. п. затруднить своевременное использование глубоких резервов.

Уничтожение расчленений противника, эшелонированных в глубину, как общее правило, осуществляется главными силами армии, и в первую очередь ее механизированными соединениями. В этом и заключается последовательность уничтожения. Однако совершенно не исключена и такая возможность, что при наличии достаточных десантных средств уничтожение отдельных расчленений может быть возложено на соответствующим образом организованные десантные соединения.

Старая и новая вероятность победы очень резко отличаются одна от другой. Сближает их метод последовательности. Прежде наносился в первую очередь удар где-нибудь

в районе фланга главной группировки противника, после чего удар последовательно переносился уже во фланг и тыл главных сил. Теперь расчет точно так же должен вестись на последовательное поражение, но уже в совершенно ином порядке. Раньше в первую очередь начиналось как бы второстепенное поражение неприятеля, с тем чтобы в дальнейшем к концу операции закончить его окончательным разгромом противника. Теперь же в первую очередь, в первом же генеральном сражении, наносится основной, решительный удар, а на дальнейшее относится последовательное поражение более слабых эшелонированных подразделений (если не говорить о возможных сильных группировках глубоких резервов).

Не исключена, конечно, под давлением обстановки перестройка оперативных порядков, когда основные силы будут относиться в глубину, а пограничные или прифронтовые зоны будут заниматься разрезанными главным образом противотанковыми средствами. Однако надо учесть, что эти методы могут оказаться очень опасными для государств с ограниченными территориальными ресурсами.

Новые фронтальные, с первого взгляда, как бы линейные оперативные формы во многих вызывают недоброжелательный «прием», так как в этих формах видят отказ от маневров. На самом деле такое мнение очень поверхностно. Новые формы операции дают и новые, гораздо более разнообразные и действительные формы маневра. Если раньше надо было скрытно и внезапно развернуть главные силы где-нибудь на фланге или в месте прорыва, то теперь развертывание становится еще более сложной и трудной задачей. Надо сосредоточить, скрыв от противника и внезапно для него развернув на широком фронте, громадные силы, причем одновременно необходимо наполовину завладеть его тылом, выбросив туда авиа- и мотомехдесанты. После этого маневр комбинируется из последовательных ударов главных сил, сначала по главным силам и далее по эшелонированным в тыл силам противника, и из новых перебросок и использований ударных средств и авиамотомехдесантов. В условиях этого маневрирования широкий фронтальный удар бесконечно обогащается старыми маневренными формами: охватами, обходами, выходами в тыл и т. д. Величайшей подвижностью и маневренностью должны быть проникнуты все эти действия. Для военной изобретательности и организаторских способностей новые формы открывают значительно более широкое поле проявления.

Под флагом «охрана маневренности» у сторонников старых форм проглядывает, по существу, консерватизм, который с трудом расстается со старыми формами.

Новые средства борьбы требуют полной и коренной пере-

стройки методов борьбы, и тот, кто эту перестройку проспит, тот может и не проснуться.

Рассчитывая и планируя главную операцию, следует строго соразмерить масштаб действий со своими ресурсами.

В первую очередь приходится определить ширину фронта удара. Обычно живой силы имеется больше, чем технических средств подавления. Поэтому эти последние и определяют допустимую ширину фронта атаки. В среднем для атаки необходимо обеспечить против одного центра сопротивления, т. е. обороняющегося батальона противника, танковый батальон и артиллерийский полк. В общий расчет должны входить как дивизионные средства, так и соответствующие им части резерва главного командования. Можно допустить, что не все центры сопротивления должны быть атакованы одновременно. Оставшиеся, но скованные батальоны противника ликвидируются дополнительно.

Таким образом, ширину фронта сражения определяют как силы, выдвинутые противником в первый эшелон, так и наличие средств подавления у наступающего.

Далее и вместе с тем одновременно необходимо оценить характер расчленения противника в глубину и определить количество средств подавления, т. е. авиации, танков и артиллерии, а также пулеметов, потребных для прочного сковывания эшелонированного тыла противника.

В первую очередь надо определить число и численность десантов, выбрасываемых в дивизионные тылы первого эшелона дивизии противника. Количество пулеметных средств, усиленных артиллерией, в десанте в каждой наступающей дивизии должно, в общем, соответствовать огневой силе батальона.

Если среднюю огневую силу батальона учесть в 50 пулеметов и 2 орудия, то, очевидно, что для переброски этого числа пулеметчиков и легких орудий потребуется около 6 танков — транспортеров или такое же число пассажирских самолетов типа К-5 или АНТ-9 (учитывая малый запас потребного горючего). Выгодно сочетать оба способа выброски десантов. Далее должны быть рассчитаны десантные средства для сковывания корпусных резервов, армейских и т. д. Метод расчета тот же, но, учитывая, что более глубокие десанты не так скоро получат поддержку от главных сил фронта, их по возможности следует усиливать. Особенно важна плановая, закономерная связь с ними авиации.

Десантные отряды должны быть дополнены целой системой десантно-саперных отрядов, задачей которых будет организация службы заграждения между различными боевыми эшелонами противника. Химические самолеты могут сыграть громадную роль, усиливая службу заграждения, путем отравления стойкими ОВ наиболее важных теснин, дорог и т. п.

В общем и целом, необходимо соразмерить ширину фронта удара и последовательность в поражении эшелонов противника с наличными средствами подавления и средствами десантного сковывания тыла. План операции намечает последовательность и пути уничтожения неприятельских сил. Внезапность, т. е. скрытность и быстрота действий, качество войск и их механизация являются верным залогом успеха современной операции.

Несколько слов о пограничных операциях. Все отдают себе отчет в том, насколько опасна авиация противника в период сосредоточения армии по железным дорогам. Для борьбы с этой опасностью увеличивается железнодорожный факультатив, устанавливаются зенитные средства борьбы и т. д. Вместе с тем, все отлично понимают, что все эти средства не могут гарантировать бесперебойного сосредоточения, а просчеты в этом отношении могут закончиться катастрофой. Уже одно это говорит о том, что могут и должны появиться новые формы пограничных сражений. И такие формы действительно можно себе представить. Например, если в пограничных театрах содержать в штатах военного времени механизированные соединения, а авиацию спарить с заранее подготовленными десантами, то можно было бы сорвать не только сосредоточение, но даже мобилизацию противника в приграничных театрах. Все его гарнизоны в штатах мирного времени могли бы оказаться скованными авиадесантами и последовательно уничтоженными механизированными соединениями. Тем самым система аэродромов противника оказалась бы отнесенной назад и его борьба с сосредоточением армии по железным дорогам была бы значительно затруднена. Наконец, если бы даже и произошла затяжка в этом сосредоточении, то при условии разгрома пограничных театров противника это обстоятельство уже не могло бы иметь прежнего значения.

Развитие в глубину операции против главных сил противника может быть очень сложным.

Направление движения в глубину отдельных участков ударного фронта не должно быть обязательно параллельным. Идея последовательного удара с фронта может сочетаться с действиями на отдельных участках с флангов по сходящимся направлениям и тем самым увеличивать вероятность и размеры поражения противника. Таким образом, этот новый вид стратегического процесса может сочетаться с целой системой различных форм маневренных действий.

Разнообразие и сложность обстановки, степень вооружения сторон, степень их авиамотомеханизации, главные и второстепенные фронты — все это будет решительным образом влиять на характер планирования операций. Оперативные формы должны базироваться на реальных материальных

и организационных возможностях, на уровне вооруженности и организованности противника, на всем разнообразии, сложности и противоречивости стратегической обстановки.

Подготовляя для нападения все современные средства авиамотомеханизации, надо ставить одновременно и вопрос об обороне против армий, вооруженных по последнему слову техники.

Усиленное развитие противотанкового оружия позволит наиболее уверенно обороняться первому эшелону борьбы. Необходимо стремиться вывести из строя группу танков, провозящих десанты. Самое верное противотанковое средство — это артиллерийские танки.

Танковые и механизированные соединения в войсковом и армейском тылах должны быть расположены с таким расчетом, чтобы иметь возможность немедленно атаковать всякий высадившийся десант противника. Отсюда следует, что должны быть тщательно изучены районы наиболее вероятных десантов и те объекты действий, которые могут привлечь к себе эти десанты.

Очень важно для командующего армией иметь в своем распоряжении противотанковый авиамотодесант, который мог бы атаковать в районе высадки любой десант противника.

Необходимо так наладить авиадействия, чтобы десанты противника после их высадки были отрезаны от снабжения их огнеприпасами с воздуха. Этим путем десантные отряды могут быть значительно ослаблены.

Решительным средством борьбы явится и современная атака аэродромов противника, с которых наиболее вероятна отправка десантов.

Тщательная организация разведки и наблюдения имеет исключительно важное значение.

Тыловой аппарат должен быть организован, вооружен и обучен так, чтобы он был способен в своих различных звеньях к борьбе с авиамотодесантами противника.

Возможная порча телеграфных линий и дорог требует в тылу наличия хорошо налаженной радиосвязи и дорожно-мостовой службы. В случае если обороняющемуся удастся ликвидировать пробки, организованные у него в тылу, он нарушит основу расчета наступающего противника на последовательное поражение его вооруженных сил.

Несколько выше говорилось о том, что в целях борьбы с возможностью одновременного поражения в глубину боевого порядка обороняющегося может быть выдвинуто мероприятие, ослабляющее первый эшелон обороны и усиливающее более глубокие эшелоны. Это затруднит действия авиамотомехдесантов и не даст главным силам наступающего богатой добычи в борьбе с первыми эшелонами. Этот метод

затруднения поражения главных сил вместе с тем облегчает захват противником территории.

В случае если обе стороны значительно механизированы и одинаково энергично работают по нарушению тыла друг друга, то не исключена возможность появления своего рода «позиционных фронтов». В самом деле, для ввода в дело главных сил армии требуется мощный, бесперебойно работающий тыл. Если этот последний будет непрерывно нарушаться, то могут создаться условия практической невозможности его целесообразного применения для решительной атаки.

Однако в обстановке первоначального развития авиации и механизации больше всего места остается для неожиданностей и широких маневренных возможностей.

Помимо объединенных действий сухопутных, морских и воздушных сил, могут и будут иметь место самостоятельные операции воздушного флота. Воздушные самостоятельные операции могут быть двух видов:

1) воздушно-бомбардировочные и

2) бомбардировочно-десантные.

Целый ряд писателей, как, например, Дуэ, Гельдерс[32]) и др. считают, что войну можно выиграть, применив только одни воздушно-бомбардировочные действия. Конечно, не исключена такая политическая обстановка, когда то или другое государство может пойти на уступки и т. п. под давлением трудно отразимых для него воздушно-бомбардировочных операций противника. Но в основном, как правило, воздушно-бомбардировочные операции будут иметь главным образом вспомогательное значение. Нужны какие-то дополнительные силы, которые могли бы использовать результаты бомбардировки.

Значительно более самостоятельное значение могут иметь бомбардировочно-десантные операции. Результаты бомбардировки могут быть немедленно и непосредственно использованы десантной силой. В период гражданской войны или обостренных классовых боев этот вид действий может иметь иногда решающее значение.

Достижения современной техники, обеспечивающие автоматическую стабилизацию самолета в воздухе, открывают новые возможности в проведении внезапных и мощных воздушных операций в плохую погоду. Соединение автоматической стабилизации, телевизии и использование инфракрасных лучей скоро позволят четко совершать сложные операции, несмотря на облака и туман. В этой области искания всех современных армий носят самый интенсивный и настойчивый характер.

(Из неопубликованной рукописи М. Н. Тухачевского «Новые вопросы войны».)

И бой, и операция являются развитием сложного процесса, определяющегося вооруженным противодействием сторон. Этим процессом и создаются трудности управления в бою. В самом деле, в целом только та сторона действительно руководит своими действиями, которая добивается развития их в соответствии со своим планом, а это означает, что действительное управление боем должно было бы быть управлением всем процессом боя, т. е. не только своими действиями, но в какой-то степени и действиями противника, навязанными ему нашими действиями. Так, например, при параллельном преследовании движения противника до известной степени «управляются» наступающим, так как противник принуждается отступать в определенной последовательности, и т. д.

Искусство управления боем требует понимания этого сложного противоречивого процесса. Наступающий, например, должен усвоить оборону противника, должен выбивать те звенья обороны, которые не допускают наступательного продвижения, и так должен строить и расчленять свой боевой порядок, чтобы сочетанием объединенных и частных усилий добиться сначала поражения этих отдельных звеньев обороны и далее достигнуть общего поражения обороны. Точно так же при встречном наступлении нужно уметь сопоставить свои боевые порядки с боевыми расчленениями наступающего противника и стремиться к их последовательному поражению.

В связи с этим еще в период подготовки в мирное время необходимо и теоретически, и практически уметь сопоставить свои боевые приемы с тактическими методами военных противников. Нельзя мыслить свою наступательную или оборонительную тактику «вообще». Вооружение, организация и тактическая доктрина противника должны составить неотъемлемую слагаемую в обучении войск.

Царская армия страдала чрезвычайной односторонностью в изучении боя. «Русский дух», «прославленные русские штыки» и т. п. основания подменяли собою изучение боя в сопоставлении русской обороны и немецкого наступления и т. д. Наступательные или оборонительные методы абстрагировались, рассматривались «вообще», сами по себе, вне взаимодействующего процесса с боевыми положениями противника.

Плохая постановка управления боем в царской армии объяснялась неумением изучать бой в его динамике, в его развитии в глубину. Старое представление сводилось к какой-то застывшей схеме обстановки, и бой планировался лишь до момента штыковой атаки окопов противника, как бы

«омертвляемого» этой схемой. То, что могло произойти после этой атаки, планированию не подвергалось. Процесс боя в глубину представлялся делом как бы «потустороннего мира». В этом мертвом схематизме заложены многие корни поражения царской армии, которая умела развертываться к бою, но не знала процесса наступления в глубину, не знала взаимодействия родов войск, не знала связи и управления по этапам боя в глубину. В 1926—1927 гг., когда мы ломали старую «неподвижную» методику обучения бою, однажды в полемике с представителями старой школы тов. Триандафиллов очень метко заметил, что царская методика обучения исчерпывалась подведением бойцов к штыковому удару, а после такового следовало традиционное: «по отступающему, часто, начинай». Бой заканчивался тогда, когда он, по существу, только еще развертывался в полной и наиболее решительной мере.

Само собой понятно, что для того, чтобы охватить управлением весь процесс боя, необходимо, чтобы начало не отсекалось искусственно от конца, т. е. план боя может иметь разумное основание только в том случае, если он додуман до конца, если замах увязан с конечной задачей боя. Разумеется, это не должно означать другого типа закостенелой схемы, втискивающей будущее развитие процесса в искусственные, противоречащие его сущности жесткие рамки. Но в правильном представлении развития боя и операции надо искать и жизненные формы плана боя, в которых начало и конец связываются в одно закономерное целое.

План, увязывающий бой в целом, даже разумный и обеспеченный ходом событий может быть опрокинут наголову. Этого нельзя не учитывать, но все же нельзя иметь план, не увязав начала с концом. А для того, чтобы увязать начало с концом, надо наметить последовательность поражения расчленений боевого порядка противника, т. е. сочетать фронт и силу общевойскового удара с последовательностью движения по рубежам и выходом в тот район, овладение которым определяет поражение противника. Общевойсковое управление должно обеспечить взаимодействие войск на всех этих этапах боя.

Но нельзя представлять себе боя и бесперебойным конвейером сочетания различных технических средств борьбы. Бой сложен, изменчив, и потому управление должно быть готово к резким изменениям обстановки, а иногда и к коренному перестроению намеченного ранее плана.

План боя должен в первую очередь считаться с реальными фактами и с теми факторами, которые играют решающую роль на различных этапах боя.

Характер вооружения и организации пехоты, о чем уже достаточно говорилось выше, создает неизбежность слома

общего фронта противника лишь при условии совершенно самостоятельных, никакими планами не предусмотренных действий самых мелких пехотных единиц. Мелкие части не могут и не имеют права «ждать распоряжений». Надо действовать смело, инициативно, решительно, и, опираясь на эту самодеятельность, на это самодвижение, командир, планирующий бой, будет распоряжаться и управлять боем. Отсюда ясно, как это ни парадоксально, что управление боем является своего рода сочетанием «управления» и «самоуправления». Доктринер, не понимающий жизненной природы современного боя, хочет «строго планировать» действия «своих войск». Но эти действия определяются не только приказами, но и действиями стрелков, бойцов, пулеметов и танков со стороны противника. И доктринеры эти, хотя и «командуют», но не управляют ходом событий и беспомощно плетутся в хвосте.

«Твердое» управление своими войсками далеко не всегда означает действительное управление боем. Зачастую «твердое» управление становится даже в противоречие с процессом боя. Те начальники, которые хотели бы «твердо», «на вожжах» управлять всем своим боевым порядком, в период прорывания или преследования фактически сдержали бы наступление и дезорганизовали бы свой успех.

Долгое время способность к самостоятельным действиям мелких подразделений пехоты была нашим самым слабым местом. «Жду распоряжений», а по существу, «бездействую» было действительным бичом наших действий в поле. Но в этом вопросе за последние годы достигнуты значительные сдвиги. Пехота усваивает шаг за шагом, что самодеятельность, частный почин — это не исключение, а правило, без которого нельзя осуществить планового общего руководства.

В воспитании самодеятельности бойцов и малых подразделений мы имеем неимоверно мощные ресурсы. Партийные организации армии, вся система партийно-политического воспитания командирских и красноармейских масс позволяют нам быстро и решительно ломать старые традиции, изживать «ротозейство» и обучать действительно активным, сознательно смелым и самостоятельным действиям. Только благодаря этому фактору мы можем сделать формулу «жду распоряжений» одиозной, несовместимой с боевым ударничеством.

Управление, действительно организующее бой или операцию, сосредоточивает силы и средства на одной определенной, ясно выраженной цели. Если данные сочетания сил и средств не помогают и цель не достигается, то в задачу управления входит не «понукание», а новая организация усилий или поправка к старому сочетанию. Между тем командиры, плохо понимающие суть маневра, т. е. сочетание усилий, больше всего любят равномерно поделить между подчинен-

ными частями район своего маневра и от всех потребовать одинаковых действий. Беда быть в подчинении у такого «коридорного» начальника.

Совершенно обратная картина создается при хорошем, четком командном руководстве. Ясно поставленная цель, внутренне увязанный план мобилизуют все силы и средства, все настроения и энтузиазм в одном усвоенном, понятном и организующем направлении.

Хорошее управление, умея сосредоточить все свои силы и средства на достижении главнейшей в данное время задачи, должно быть способно быстро перестроить это сосредоточение на новом направлении, если этого потребует обстановка. Упорство и гибкость одинаково необходимы.

Управление боем и операцией должно преодолеть массу всякого рода непредвиденных осложнений и трений. Современная техника создает еще более широкое поле для такого рода трудностей. Достаточно упомянуть хотя бы о налетах авиации или прорывах танков. Если же к этому добавить усложнение современного тыла, то напряженность работы в этом направлении станет еще более понятной.

Восстановление капитально разрушенных железных и шоссейных дорог, постройка новых автомобильных путей, ремонт дорог и организация бесперебойного подвоза и эвакуации — все это должно быть неразрывно связано между собой и согласовано с передвижениями боевых частей.

Усложнилась теперь и оперативная сторона управления.

Развитие подвижности повлекло за собой значительные разности в скорости движения и боевых действиях различных родов войск. Авиация, механизированные соединения, моторизованная пехота, конница, стрелковые войска. Это обстоятельство, т. е. разность в сроках движения, заставляет очень сложно сочетать походные движения колонн, а также боевое взаимодействие различных эшелонов ударных сил или групп ближнего и дальнего действия, а также эшелонов обороны. Управлять глубоким боем и глубоким сражением или операцией очень трудно, и вопрос не только в сложности связи: радио, авиация и автомобиль могли бы дать выход из затруднений. Но управлению практически сложно увязать столь разнородные действия, как бой авиамотодесантов, танковые прорывы, авиабомбардировки, бой артиллерии, пехоты и т. д. Только широкая практическая тренировка может позволить усовершенствовать аппарат управления и подготовить его к новым задачам.

Управление должно найти и необходимое соразмерение намечаемых задач с имеющимися силами и средствами. Ширина фронта удара, глубина размаха, размеры последовательного развертывания операций в глубину территории противника, усиление или приостановка нажима — все это должно

быть четко и трезво увязано с действиями, реальными возможностями.

Тактическое и оперативное управление базируется на поражении расчлененных боевых и оперативных порядков противника по частям путем сосредоточения против отдельных частей своих превосходных сил и средств. В этом заключается основная сила управления. Но, кроме внутренней увязки задач и исполнения, тактическому и оперативному управлению необходимо еще разрешить целый ряд организационных вопросов: создание органов руководства — командования и штабов — на самостоятельных направлениях, организация руководства десантными отрядами, укрепление стыков, организация военных дорог и пр. — все это требует большой предусмотрительности, твердости и расторопности.

Если в общевойсковых соединениях организация руководства имеет стандартные формы, т. е. полки, дивизии и т. д. имеют постоянный состав и постоянные штабы, то в армейском и фронтовом масштабе организация управления требует продуманной импровизации. В зависимости от значимости направления состав корпусов и армий меняется.

Ни в коем случае не следует давать одному корпусу или армии двух или нескольких направлений. Задача командования и штаба заключается в том, чтобы сделать задачу каждого подчиненного соединения возможно более легкой, упрощенной. Чем проще будет такая задача, тем больше шансов на то, что она будет выполнена успешно. Поэтому каждое самостоятельное направление, обеспеченное необходимыми силами и средствами, должно быть объединено отдельным командованием и его штабом. В зависимости от важности направления подбираются по способностям и командующие и штабы, причем надо стараться не разделять командующих и сработавшихся с ними штабов. Чем важнее направление, тем более следует оснащать штаб средствами связи, транспорта и т. д.

Практическая работа по организации управления ложится на войсковые и оперативные штабы. Поэтому задача отбора личного состава и боевой подготовки штабов является одной из решающих в деле подготовки армии к войне.

Штаб должен быть четким и гибким аппаратом управления в руках общевойскового командира. Внутри штаба должна быть налажена уверенная, слаженная работа с четким разделением труда. Это касается не только работы внутри данного штаба, но и его взаимной работы как со специальными штабами данного соединения, так и со штабами младших соединений. В силу этого в области штабной работы, т. е. в области оперативной, связи, разведки, внутреннего распорядка дежурства и пр., должна быть проведена строгая соподчиненность и ответственность штабов.

Растянутость современных тылов и их постоянная уязвимость с воздуха требуют от штабных и политических органов усиления организационной работы тыла, организации самообороны против авиадесантов и прорывающихся танков, а также общих мероприятий противовоздушной обороны, в мобилизации местных рабоче-крестьянских масс на укрепление тыла, на восстановление путей, на создание укрепленных районов, зон заграждения и т. д.

Борьба за повышение боеспособности в предстоящих операциях ставит перед командованием и политическими органами одну очень сложную задачу. Политическая работа, для того чтобы она развернулась в полном объеме, диктует широкое применение методов агитации и пропаганды. Между тем оперативная обстановка постоянно требует скрытности, строжайшей военной тайны. Успешность оперативных действий зависит от проявления внезапности. Все эти обстоятельства должны быть строго взвешены в каждом отдельном случае и должны быть найдены формы, гарантирующие боевой подъем масс и сохранение скрытности и внезапности. Мало того, действительное сохранение тайны может иметь место лишь при условии, что партийно-политические органы будут мобилизованы для разрешения этой сложной задачи в условиях действий массовых армий.

Подготовляя политически бой или операцию, не следует забывать о дезинформации противника.

Из опыта гражданской войны мы знаем, какое громадное значение имела подготовка партией страны к обороне на фронтах, причем лозунги «Все на Восточный» или «Все на Южный фронт» ни в какой степени не раскрывали планов действий наших фронтов. Зато мобилизации членов партии и профсоюзов создавали условия к укреплению фронтов для их предстоящих побед.

(М. Н. Тухачевский. «Новые вопросы войны», «Военно-исторический журнал», № 2, 1962, стр. 73—77.)

С. С. КАМЕНЕВ

Сергей Сергеевич Каменев *(1881—1936) — полковник генерального штаба старой русской армии. В Красную Армию вступил в 1918 г. Командовал войсками Восточного фронта. С июля 1919 по 1924 г. был Главкомом Вооруженных Сил Советской Республики, затем главным инспектором Красной Армии, заместителем Народного комиссара по военным и морским делам, заместителем Председателя РВС СССР и начальником Управления противовоздушной обороны Красной Армии.*

Основные труды. *«Очередные военные задачи». Лекции и статьи, изд. Высшего военного редакционного совета, М., 1922; «Основные вопросы современной тактики» (написано совместно с Р. Циффером), М., 1925; «Подготовка пехоты в иностранных армиях», М., 1927; «Военная подготовка населения» (написано совместно с К. А. Механошиным), М., 1926.*

ОПЕРАЦИЯ

Ниже приведены с некоторыми сокращениями главы из книги С. С. Каменева «Очередные военные задачи», изданной Высшим военным редакционным советом в 1922 г. и включенной в сборник избранных статей С. С. Каменева «Записки о гражданской войне и военном строительстве», выпущенный Воениздатом в 1963 г. В книге «Очередные военные задачи» С. С. Каменев на основе опыта мировой и гражданской войн анализирует те глубокие изменения в военных действиях, которые произошли под влиянием новых социальных условий, появления массовых армий и усовершенствования военной техники.

Особый интерес представляют характеристика наиболее важных операций Красной Армии во время гражданской войны и выводы автора по вопросам оперативного искусства.

РЕШИТЕЛЬНЫЕ БОИ В ОПЕРАЦИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ

Генеральное сражение, т. е. такое, в котором одна из борющихся сторон проигрывает всю кампанию, в борьбе массовых армий обратилось в целый период боев, причем этот период проходит для непосредственно дерущихся частей иногда совершенно незамеченным, и только много спустя удается определить, какие же из схваток решили исход всей кампании.

Однако и теперь не исключен такой ход операции, при котором совершенно ясно видно, что данная схватка является решительной и, несмотря на все выигранные перед

этим сражения, участь кампании будет решена именно в этой последней схватке.

Последний ход операции надо признать наиболее тяжелой и рискованной формой, требующей от командования и войск наибольшего напряжения и внимания.

Если сравнить операции Восточного, Южного фронтов и Крымскую, то особенно рельефно будут видны оба эти варианта.

На Восточном фронте решительный период борьбы закончился боями, после которых наша южная ударная группа вышла на пути к Екатеринбургу. После этих боев противник уже не мог собрать своих северных сил, где у него были лучшие войска и под лучшим командованием, а что самое существенное — в этих боях у него сорвалась возможность остановить наше движение на Челябинск. В тылу же у него поднялись красные партизаны, совершенно сковавшие его волю.

Эти, по существу, генеральные бои ничем не отличались от целого ряда боев перед ними и после них.

Почему для Красной Армии они прошли совершенно незамеченными и только теперь можно о них говорить, как о боях большего значения в общем ходе всей операции?

Оценивая именно этот период борьбы в общем ходе операции как решительный, после которого было начато ослабление сил Восточного фронта для переброски их на другой фронт, я не удивлюсь, однако, если кто-либо будет оспаривать, что не этот, а другой период имел большее значение. Спорность вопроса при определении этих периодов лишний раз только подтвердит, что в борьбе массовых армий генеральные сражения, как общее правило, утратили свой острый характер.

Несколько иначе сложилась обстановка на Южном фронте. Здесь по самому ходу операции решительный период разыгрался в самом конце, почему не замеченным для командования и войск он пройти не мог, и, как частный случай, этот момент заслуживает быть отмеченным.

Чтобы оценить общую обстановку к моменту этого решительного периода, надо напомнить, что под нашими ударами у Орла и в районе ст. Касторная сломалась добровольческая армия Деникина и начала свой общий отход на юг.

После этого для нас открылась возможность отбросить разбитую добровольческую армию Деникина на запад, отделив ее таким образом от казачьей армии, и начать разгром этой последней.

С этой целью конница Буденного и 8-я армия должны были нанести резкий удар в южном направлении, отрезая на своем пути добровольцев от казаков.

Одновременно Юго-Восточный фронт начал свое общее наступление, имея две ударные группы: одну — на правом фланге 9-й армии, действующую в полной связи с соседней 8-й армией, и другую — на левом фланге 10-й. Последней помогала 11-я армия.

Первой задачей 10-й армии было разбить противника в районе Царицына, после чего 10-я и 11-я армии должны были захлестнуть противника своим левым крылом, глубоко охватывая правый фланг противника.

Все эти задачи в общем были выполнены.

Но нам не удалось в полной мере отрезать добровольцев от казаков, и лучшая часть добровольческих сил — их Корниловская дивизия — успела отойти на Кавказ и соединиться с казаками.

Что касается казаков, то донские части сумели отступить, сохранить боеспособность и главную массу своих сил. Кубанские части были разбиты и разложились, почему реальной силы не представляли.

Этот победоносный для нас период борьбы сильно утомил, истрепал и обессилил в числе штыков Красную Армию. К этому надо еще добавить те кошмарные санитарные условия, которые Деникиным были нам оставлены. Наши части попали в сплошную заразу тифом и не могли уберечься от повальных заболеваний.

Железные дороги, совершенно разрушенные противником, встали. Между Красной Армией и центром образовалась пропасть в 400 верст, через которую ни подвезти пополнения, ни произвести эвакуации, ни организовать санитарную помощь было невозможно.

При этих условиях и победители и побежденные оказались одинаковой ценности.

При малейшей передышке побежденная сторона, имея в своем распоряжении тыл с работающими железными дорогами, получала полную возможность привести свои силы в порядок, усилить их и стать сильнее нас, победителей.

Эту передышку, которая давала много преимуществ противнику и для нас была губительной, Деникин получил. Части Красной Армии, достигнув р. Дона, в силу чрезмерной усталости даже не обеспечили за собой переправ через эту реку. Эта наша оплошность была быстро использована противником, который, приведя в порядок части, зацепился на противоположном берегу Дона, успешно отражая наши попытки переправиться на неприятельский берег. Наступившая оттепель и близкая возможность вскрытия Дона совсем осложнили обстановку.

Противник, учитывая складывающуюся обстановку и ободрившись успехами своей обороны, перешел мало-помалу от пассивной обороны к активным действиям, причем 21 фев-

раля ему удается даже овладеть Ростовом, но удержать Ростов за собой противник не мог. Вслед за этим казаки намечают захват Новочеркасска, и кое-какие успехи в этом направлении им удаются.

Таким образом, перед Красной Армией начинает намечаться ряд неблагоприятных для нее признаков, могущих свести к нулю все ее блестящие успехи...

...Обе стороны одинаково оценили серьезность положения, и шансы на благоприятный исход у обеих сторон, вероятно, были равны. Существенная разница оказалась в воле командования, и на то, на что не смог решиться Деникин, смогло без колебаний пойти кавказское командование. 14 февраля Красная Армия начала решительный период, закончив его 27 марта овладением Новороссийском и полным разгромом деникинской армии.

Приведенная справка позволяет отметить еще одно обстоятельство, долженствующее быть поучительным для высшего командования. У противника низы были готовы дать решительный бой, но верхи не решились. У нас низы готовы были сделать переоценку положения, но верхи остались твердыми. Это наглядный пример того, как мысли о поражении в первую очередь находят себе место в сердцах высшего командования.

Беспримерная выносливость Красной Армии, крепкие нервы и решимость кавказского фронтового командования с честью вывели Красную Армию из испытаний при исключительно невыгодных для нас условиях. Проиграй Красная Армия этот период — кампания для нас была бы потеряна, в особенности при тучах, которые уже нависали на западе...

Заканчивая на этом оценку самого тяжелого периода борьбы Красной Армии, коснусь еще некоторой своеобразности условий периода решительных боев в операциях по ликвидации врангелевского фронта.

По выработанному плану в этой операции была поставлена задача разбить Врангеля[33]) в Северной Таврии и на плечах разбитого противника проникнуть в Крым. Очевидно, при таком задании решительный период боев должен был произойти в начале операции, почему Красная Армия была заинтересована, чтобы Врангель не оттянул своих сил за перешейки, не приняв боя.

Начало нашей операции было предупреждено Врангелем, который нанес нам удар в районе Александровска и Никополя, вероятно имея целью сорвать группировку наших сил в районе Каховки, но в этих боях противник был опрокинут и связан нами, потеряв, таким образом, свободу в отводе своих сил на перешейки. Вслед за этим началась наша операция с главным ударом от Каховки на Перекоп и с направлением Конной армии Буденного также от Каховки по тылам

противника, приведшая к разгрому главных сил Врангеля севернее перешейков.

В каком из этих боев Врангель проиграл кампанию? Мне думается, что проигрыш был в районе Никополя, и он предопределил дальнейший разгром его сил там, где этого хотела Красная Армия.

Характерной особенностью здесь является то, что эти бои никоим образом не входили в расчеты и планы Красной Армии, почему даже и не предусматривались командованием. Получается, что решительный период явился как бы внеплановым и, как таковой, тем более прошел незамеченным.

ЧАСТНЫЕ ПОРАЖЕНИЯ

Характерной чертой войн при массовых армиях являются крупные разгромы больших войсковых соединений (корпусов, армий и фронтов), причем эти разгромы, несмотря на свои иногда даже катастрофические размеры, все же не несут за собой ни решительного поражения, ни решительных побед соответствующим сторонам. Борьба после таких разгромов продолжается с тем же упорством и напряжением. Самые же разгромы, как бы они ни были серьезны, впоследствии рассматриваются как «частные эпизоды». Чтобы судить о размерах этих «частных эпизодов», достаточно вспомнить разгром, нанесенный немцами нашим 1-й и 2-й армиям в 1914 г., когда наша 2-я армия была совершенно выведена из строя. Не меньший разгром в том же году был — уже нами — нанесен австрийцам. Затем та же участь постигла французов, когда немцы оказались в непосредственной близости к Парижу. Тем не менее война продолжалась, и перечисленные разгромы ни в коем разе не предопределили победы и поражения.

Мы, очевидно, имеем дело с некоторым отступлением от принципа «частной победы». Это отступление объясняется особой чертой массовых армий, при которой принцип «частной победы» под влиянием массы войск, большой длины занимаемых ими фронтов и богато развитой военной промышленности принял другие очертания.

Теперь для решительной победы недостаточно на одном каком-нибудь участке колоссального фронта произвести разгром. Этот разгром отнюдь не скажется на противоположном фронте. Разгромленный же участок будет легко восстановлен новой армией и новой материальной частью, после чего игра начнется заново. В войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужна сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте борьбы, последовательно дополняющих одна другую и связанных между собой во времени. Только при помощи такой цепи побед

можно рассчитывать сокрушить волю противника, не позволив ему использовать имеющиеся в его распоряжении живые и материальные средства для восстановления разгромленных участков. Число же слагаемых суммы частных побед пропорционально величине фронта, массам сил, средств и моральной стойкости противника. Но ясно, что указанные выше отдельные разгромы, произведенные разовым порядком, не могли иметь решительных результатов и действительно остались эпизодами в общем ходе всей борьбы.

Ту же картину крупных разгромов мы наблюдали и в пору гражданской войны.

Здесь так же, как и в последней империалистической войне, эти разгромы достигали катастрофических размеров. Наша 5-я армия была почти сведена на нет адмиралом Колчаком [34]). Деникин произвел чуть ли не разгром всего правого фланга Южного фронта. Врангель растрепал до последнего нашу 13-ю армию. И все же победа осталась не за Колчаком, не за Деникиным и не за Врангелем. Победила та сторона, которой удалось суммировать свои удары, нанося таковые непрерывно и тем самым не позволив противнику залечить свои раны.

Мы не будем здесь заниматься разбором вопроса, почему морально сильнейшей стороной оказалась наша Рабоче-Крестьянская власть с ее Красной Армией, боровшейся при условии материальной бедности против врага, у которого была солидная помощь Антанты с ее неисчерпаемыми материальными богатствами. Причину нашего морального превосходства уразумели в последнее время даже наши закоренелые враги. Мы вышли бы из рамок статьи, если бы вздумали здесь подробно остановиться на рассмотрении вопроса, каким образом Красной Армии удалось суммировать свои удары и сохранить непрерывность операции. Мы ограничимся только указанием, какие меры Красной Армии приходилось принять в целях ослабления последствий частных поражений, получивших в операциях массовых армий право своего существования.

Очевидно, что необходима была исключительная быстрота в деле восстановления разгромленных участков. Ограничиться обычной посылкой пополнений маршевыми ротами, конечно, не приходилось по той простой причине, что после этих разгромов в частях обычно оставались лишь штабы, тыловые учреждения, обозы и ничтожные боевые кадры с невероятно ослабленной материальной частью. Путь обычных пополнений затянул бы дело в то время, когда быстрота восстановления разгромленных организаций (полков, бригад и даже целых дивизий) являлась главнейшим условием успеха в дальнейшей борьбе. Заменить разбитые части свежими частями перегруппировкой на фронте было для нас непосильно

вследствие вообще недостатка сил. К тому же эти перегруппировки были и принципиально неприемлемы для Красной Армии, избегавшей системы использования резервов для затычки дыр и всяких прорех. Оставалось одно: создать такую «фабрику», откуда можно было бы получать сразу готовые части для восстановления разгромленных частей на фронте. С этой целью и были образованы запасные армии, в которых формировались боевые единицы в составе целых батальонов, батарей, полков, бригад и дивизий. Эти новые формирующие аппараты позволяли восстанавливать в возможно минимальный срок разгромленные участки армий и фронтов.

На организацию такого рода аппаратов формирований нас толкали и другие мотивы, из коих главнейшими надо признать нашу материальную бедность, с одной стороны, а с другой — наше твердое желание перейти в деле формирований от кустарных приемов к более организованным, скажем, «фабричным». На запасные армии в этом последнем отношении было обращено особое внимание в смысле обмундирования, продовольствия, вооружения, обучения и воспитания.

Для того чтобы правильней оценить эти новые приемы формирования, достаточно указать, что одна запасная армия, состоящая в непосредственном подчинении центру, с июля 1919 г. по декабрь 1920 г., в период важнейших операций на Южном, Западном и врангелевском фронтах, дала следующие формирования:

Пехота	Кавалерия	Артиллерия	Инженерные войска
Стрелковых дивизий — 1 Стрелковых бригад — 26 Стрелковых полков — 3 Батальонов — 203 Команд — 2 Пулеметных команд — 12	Дивизий — 2 Бригад — 4 Полков — 12 Эскадронов — 53	Артиллерийских дивизионов — 20 Артиллерийских батарей — 15	Саперных рот — 1 Понтонных батальонов — 1

Все эти части были отправлены на фронты...

...Наиболее боевые фронты на 40% были укомплектованы запасной армией; в общем же запасная армия дала всем фронтам 34% пополнений.

Работа запасных армий еще далеко не исчерпывала всех мер для восстановления разгромленных участков фронта или части. Принимались и другие меры, исключительно ценные

по своей могущественности. Я имею в виду политическую революционную работу вообще и мобилизации рабочих и коммунистов в особенности, которые неизменно производились при катастрофических разгромах в угрожаемые районы. Вот эти волны коммунистов и рабочих, которые докатывались до угрожаемых участков, и являлись той моральной силой, которая охватывала необстрелянные, свежие части и укрепляла нравственно и физически разбитые остатки частей, подымая их подчас до той высоты, когда от них можно было требовать новых героических усилий и побед.

Мощность указанной выше поддержки не поддается обычному учету. Но она получила свое выражение в результате боев — в победе.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ОПЕРАЦИИ

Непрерывность ведения операции является главнейшим условием победы.

Старый принцип, что на «периоды затишья» уходит большая часть времени — «дерутся недели, а пережидают месяцы»,— должен в корне быть изменен уже по одному тому, что все причины, требующие передышки, должны и могут быть устранены.

Нельзя считать нормальной приостановку операции из-за понесенных потерь на одном каком-либо участке всего фронта.

Очевидно, что уставшие части можно сменить или хотя бы только частично усилить свежими частями. Если усиление и смена затруднительны, можно развивать начавшуюся операцию на соседних участках. Еще хуже остановить операцию из-за недостатка боевых и прочих припасов. Такие случаи бывали, но возвести их в правило, по меньшей мере, неправильно. Оборудование баз, налаживание подвоза, организация сообщений и прочие хозяйственные соображения тоже не раз служили основанием для длительных «периодов затишья». Но все-таки эти причины, безусловно, устранимы, если подготовка операции будет охвачена в масштабе, предусматривающем всю операцию, стоящую перед армией, а не один какой-либо ее этап.

Учитывая новый опыт, я полагаю, что бесконечные примеры, которые имели место в прежних империалистических войнах, никоим образом не должны послужить основанием для признания тех положений, кои установились по этому вопросу в нашей старой школе. В особенности эти положения должны измениться теперь, когда мы стоим перед периодом войн в новых условиях. Одно только перенесение базы с ее живыми и материальными запасами из глубокого тыла в голову (на боевую линию) борющихся сил отметает почти все

причины, требующие передышки в ходе операции. В этом отношении операции Красной Армии представляют довольно любопытную картину...

...Период подготовок к решительным операциям был довольно длителен и занимал в среднем от 2 до 3 месяцев. Однако эти подготовки начались задолго до конца ликвидации очередного фронта, почему общая картина непрерывности операции по линии всех фронтов вполне удалась. Периоды затишья были невелики, и, как общее правило, дрались целыми месяцами и отдыхали неделями. Исключение составляет только период борьбы на Южном фронте в операции по овладению Крымом, где по старой теории дрались неделями и пережидали месяцами и операция до самого последнего момента была безрезультатна.

Бесспорно, что беспрерывному ходу операции во многом способствовали общие условия гражданской войны. Достаточно указать, что на Восточном фронте после овладения районом Уфы Красная Армия в общем не нуждалась ни в каких тыловых базах, так как она питалась, снабжалась и пополнялась исключительно за счет местных средств. Более того, после победы она приобрела себе союзников в лице красных партизан, работавших в тылу у Колчака. Такая же картина, только несколько в меньшей степени, наблюдалась и на других фронтах. Очевидно, что колоссальная помощь, которую Красная Армия получила при своем движении от местного населения, предоставлявшего армии перевозочные средства, играла огромную роль (на Восточном фронте целые дивизии преследовали противника на местных подводах; та же картина, только в несколько меньших размерах, наблюдалась и на других фронтах).

Помимо этих своеобразных условий гражданской войны, чрезвычайно способствовавших непрерывному ходу операции, можно отметить и другие условия, кои не в меньшей степени способствовали удержанию до самого конца непрерывного темпа борьбы. Сюда в первую очередь должен быть отнесен тот революционный подъем коммунистов и всех сил страны, который ни на минуту не ослабевал до последнего, уже салютного выстрела на внешнем фронте.

Вслед за этим должна быть поставлена работа железных дорог Республики. Размер работы железных дорог, который был предъявлен командованием в отношении стратегических перебросок, при осуществлении решения ликвидировать каждый фронт по очереди оказался очень большим и длительным по времени. Достаточно указать, что ко времени принятия указанного решения перед Красной Армией стояла задача ликвидировать фронты: Колчака, Деникина, Северный и Западный. Кроме того, к этим фронтам — в порядке эпизодическом — противник добавил рейд Мамонтова[35]), а Антанта —

Юденича[36]) под Петроградом и Врангеля в Крыму. (Рейд Мамонтова приходится выделить из общей операции Южного фронта только потому, что он оставил слишком скверные воспоминания именно у работников железных дорог благодаря своим разрушениям, с одной стороны, и усиленной с нашей стороны гонке за противником по тем же железным дорогам — с другой.)

Картина произведенных перебросок может быть до некоторой степени обрисована, если принять во внимание, что всего находилось в переброске до 70% всех сил Красной Армии. Перебрасывать же приходилось не на два, а на пять фронтов (некоторые дивизии перебрасывались до 5 раз).

Из общего подсчета выходит, что число дивизий, воевавших:

на 1 фронте у нас	30%
„ 2 „ „ „	52%
„ 3 „ „ „	14,3%
„ 4 „ „ „	2,6%
„ 5 „ „ „	2,6%

Общая картина всех произведенных перебросок показана на прилагаемой схеме *.

...Если переложить эту схему на таблицу, расшифровав число переброшенных эшелонов, то получится ясная картина всей оперативной работы, произведенной нашими железными дорогами.

В таблице вертикально обозначены те перевозки, которые не имели бы места в общем плане, если бы не вводные задачи тех эпизодических фронтов, на которых противник всемерно стремился нарушить выполнение наших плановых операций. Здесь главным образом фигурирует авантюра Юденича с его попыткой овладеть Петроградом, вынудившая нас подвести к этому району 107 эшелонов, а также Врангель, который развернулся в конечном результате в серьезного противника.

Приведенная таблица интересна, как показатель напряженной работы железных дорог и характера этой работы. Она показывает, что средняя норма, потребованная стратегией минувшего периода, равна 173,1 эшелона в месяц, что для одного дня выразится в 5,4 эшелона.

Обе цифры, особенно последняя, кажутся на первый взгляд небольшими. Но это только на первый взгляд. Перевозки проходили через центральную часть Республики, где жизнь не могла быть остановлена. Стало быть, железные до-

* Не прилагается.

	1919 г.						1920 г.												
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь		Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь		
Кавказский фронт	39	62	—	124	44	269	61	40	—	—	—	—	32	—	—	24	—	157	426
Юго-западный фронт	—	64	55	113	—	232	108	—	49	32	95	—	—	—	—	62	65	411	643
Западный фронт	—	—	85	—	14	99	56	—	83	203	282	190	—	30	59	—	—	903	1002
Петроград	—	—	54	53	—	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		107
Северный фронт (6-я армия) . .	—	—	—	—	—	—	—	17	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	17
Южный фронт .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	244	35	262	45	—	586	586
	39	126	194	290	58	707	225	57	132	235	377	190	276	65	321	131	65	2074	2781

роги имели и свои обычные задания. В указанную таблицу не внесены все прочие военные перевозки (пополнение, продовольствие, общее довольствие, боевые припасы, санитарные и пр.), что в сумме сильно отражалось на транспорте. Наконец, самый период революции, конечно, отозвался на общем состоянии нашей слабой железной дороги и на ее хозяйстве. К сказанному прибавим и те затруднения, которые дорога испытывала от постоянных эвакуаций и порчи железных дорог противником, сопровождавшейся подчас полным уничтожением железнодорожного хозяйства. Из сказанного ясно, что цифра, выделенная для стратегических перевозок, была достаточно высокой. Внимательный анализ таблицы покажет: 1) что интенсивность перевозок не понижалась, а, наоборот, значительно повысилась во втором периоде борьбы и 2) что работа железных дорог не была эпизодической, а, наоборот, велась непрерывно в соответствии с непрерывностью операции.

Такая непрерывная работа должна быть характерной чертой стратегической работы железных дорог при борьбе массовых армий. Дело в том, что в борьбе массовых армий нельзя ограничиться одной основной группировкой, исходя из которой можно было бы довести дело до конца. Приходится производить несколько ударных группировок в течение операции, почему необходимо уже при самом развитии операции продолжать подвоз сил для последующих группировок. Запоздание этих последних группировок обычно особенно тяжело отражается на общем ходе операции и неминуемо ведет к периодам затишья.

Заканчивая на этом рассмотрение приведенной таблицы, считаю нужным отметить, что Красная Армия, потребовав для своих стратегических перевозок большого напряжения железных дорог, в то же время своей работой исключила нужду в обратных перевозках, что могло бы поставить наши дороги в безвыходное положение.

Попытаемся теперь только резюмировать сказанное в отношении железных дорог.

1) Обрисованная картина железных дорог поучительна тем, что она выпукло выявляет непрерывность работы в стратегических перевозках. Обычно стратегическая работа железных дорог носит эпизодический характер, что и понятно при длительных передышках. Если же период передышек свести на нет, то стратегическая работа железных дорог автоматически должна выразиться в виде непрерывных перевозок, что и наблюдалось в период борьбы Красной Армии.

2) Исключительного внимания заслуживает постоянное повышение интенсивности работы железных дорог в полном соответствии с ростом напряженности борьбы Красной Армии, что в свою очередь свидетельствует о полной боевой

связи Красной Армии с могущественным источником победы, каковым в массовых армиях, бесспорно, является железная дорога.

К указанным выше моментам, влиявшим на сокращение периодов затишья,— подготовка операции в целом, использование сочувствия населения, общий революционный подъем и напряженная работа железных дорог — надо еще присовокупить правильное решение вопроса о группировке сил или, точнее, о приемах этой группировки. Но об этом вопросе необходимо поговорить особо.

МАНЕВР КАК ПРИЕМ БОРЬБЫ

Опыт гражданской войны дал Красной Армии широкое понимание маневров в *стратегическом масштабе*. Такого рода маневры обычно отличаются ясностью замысла: обход во фланг или тыл противника или же его окружение, после чего последний без боя вынужден бросить занимаемый им район и признать себя побежденным. Конечно, и при такого рода маневрах, даже в случае их успеха, не исключена необходимость больших сражений. Но эти сражения, как общее правило, служат лишь этапом для достижения намеченной цели; важны же при этом не сражения, а самый факт осуществления задачи маневра.

Значение таких маневров как главнейших факторов победы вполне понятно широкой массе армии. Тем доступнее оно Красной Армии, которая в своей истории может насчитать их буквально десятки. Назову некоторые из них: 1) на Восточном фронте — удар групп тов. Фрунзе от Самары, положивший начало разгрому армии Колчака, 2) на Южном фронте: а) удар 8-й и 9-й армий и конкорпуса Буденного от Воронежа, б) удар 14-й армии в районе Орла, в) удар 10-й и 11-й армий от Царицына и г) удар конной и 10-й армий в районе Великокняжеская. Еще более цельной по замыслу является последняя наша операция на врангелевском фронте, которая поставила своей целью полное окружение армии противника. Число подобных маневренных операций в истории Красной Армии велико, что показывает, насколько Красная Армия широко пользовалась маневром как могущественнейшим средством для осуществления своих побед.

Такое широкое применение этого средства борьбы Красной Армией, конечно, не случайность. Оно имеет свое объяснение прежде всего в той обстановке, в какой протекала гражданская война: грандиозность пространства борьбы, жидкие фронты сторон, заманчивость задачи уязвить коммуникацию противника, упиравшего свои тылы в моря, и т. д. К этому надо присовокупить решимость комсостава и рево-

люционный подъем всей армии. Коротко говоря, сама обстановка гражданской войны создала возможность такого рода операций, а молодой командный состав сумел их с успехом выполнить.

Вместе с тем, нет оснований умозаключать, что такая возможность будет всегда налицо. Наоборот, имеется достаточно данных предположить, что обстановка гражданской войны не повторится вовсе или же повторится только как частный случай. Вполне своевременно поэтому подумать и о маневре в других условиях, при которых он из могучего средства победы обратится всего лишь в один из приемов борьбы. Для этой цели необходимо сейчас же попытаться учесть те новые требования, кои выдвигаются массовыми армиями, могущими образовать сплошной фронт, усиленный техникой. Густота такого фронта определится численностью борющихся сторон. Богато развитая техника поможет сгустить непрерывную линию, а равно и углубить ее, причем последнее — углубление линий, — естественно, будет главнейшей задачей командования. Будут или не будут укрепленные полосы, как это было в последней германской войне,— вопрос второстепенный. Думаю, что таких укрепленных полос Красной Армии видеть не придется. Но более или менее сомкнутые и глубокие фронты неизбежны. Маневр же в этих необычных для Красной Армии условиях приобретает несколько иной смысл, сохраняя вместе с тем свою исключительную важность.

Сплошные сомкнутые фронты, углубленные до возможного предела, чрезвычайно затруднят свободу маневрирования. В первую очередь сомкнутый фронт ставит задачу прошибить его и затем глубоко вклиниться в произведенный прорыв. Задача «прошибания» ляжет главным образом на технику. Второй же акт «углубления» и явится тем маневром, который будет решать судьбу фронта на данном участке.

Маневр «углубления» по своему выполнению, очевидно, в первой стадии своего развития будет в общем масштабе чрезвычайно груб и даже шаблонен. Первоначально он будет лишен эластичности. Он сможет принять гибкие формы, напоминающие маневры стратегического характера, лишь после достаточного углубления. В этой обстановке первая стадия маневра по углублению не явится более решающим средством победы — она скорее будет одним из важных приемов борьбы.

Маневр как прием борьбы, к сожалению, далеко не всем понятен. Тут больше всего и будут возникать спорные положения. А между тем мы имеем дело с задачей колоссальной важности, главная сущность которой заключается в том, что маневр как прием борьбы должен быть усвоен самыми мелкими организационными единицами, начиная с роты. Приме-

ром такого рода маневра могла бы служить работа германских частей в последнюю империалистическую войну. Здесь часто приходилось наблюдать работу мелких единиц, производимую упорно и систематически. Постоянное охватывание флангов наших рот, батальонов, полков и пр. было результатом этого рода маневра. Доходило дело и до захвата таким порядком приближенных к нашей боевой линии батарей. Сущность этих приемов сводилась к тому, что противник самыми мелкими частями, начиная с отделений, взводов, иной раз рот, а при особенно благоприятных условиях даже батальонов, просачивался во все свободные промежутки боевого расположения фронта. Противник продолжал эту операцию до тех пор, пока ему не удавалось производить охвата флангов наших частей, занимающих передовую линию. Многие наши роты не выдерживали охвата и не только утрачивали занимаемое положение, но и попадали частично в плен. Естественно, что первоначальные «промятости» фронта впоследствии расширялись. Пользуясь этим расширением, противник сейчас же продвигал свои более крупные части, которым представлялась уже более легкая задача — использовать наши частичные неудачи, в результате чего у нас нередко образовывались небольшие прорывы, которые давали основание противнику уже более серьезными маневрами развивать начатый успех.

Этот прием просачивания является первичной стадией маневра как приема борьбы. Такой способ действий абсолютно необходим при встрече с мало-мальски плотным фронтом. Основан он исключительно на инициативе младшего комсостава, который один только может усмотреть те свободные промежутки, в которые во что бы то ни стало должно проникнуть. Следующие за этими младшими начальниками командиры должны *немедленно* использовать выгоды совершившегося просачивания мелких частей для углубления маневра. Не подлежит никакому сомнению, что такого рода просачивания требуют чрезвычайной гибкости в действиях мелких единиц. Это положение отнюдь не противоречит сказанному выше, что в общем масштабе маневр по углублению груб и не гибок. Представляя собой в общем простой шаблон, этот маневр может вместе с тем быть образцом филигранной работы в руках опытных младших начальников — его исполнителей.

Изложенными приемами маневрирования Красной Армии не приходилось пользоваться. И это вполне понятно, так как обстановка, в которой происходила борьба, не выдвигала их необходимости. Но нам надо не только знать прошлое, но пытаться понять будущее. А в будущих столкновениях новая обстановка потребует от нас умения пользоваться маневром как способом борьбы. К этому надо подготовиться...

ГРУППИРОВКА И ПЕРЕГРУППИРОВКА СИЛ

Вопросом о ходе группировок и перегруппировок сил в период операции старая теория не особенно занималась; она ограничивалась лишь теоретическим исследованием принципа сосредоточения сил. Между тем этот вопрос занимает видное место в практической работе управления и вождения войск, почему на нем следовало бы остановиться особенно теперь, когда мы обращаем сугубое внимание на прикладной метод обучения делу. Необходимость сосредоточения сил для нанесения удара чрезвычайно ясна, но вопрос, как сосредоточить их при современных фронтах, уже несколько сложнее. Не менее сложным вопросом будет также, как нанести этими силами удар с целью выжать из них наибольшую полезность. Для ясности приведу две схемы — 1 и 2. На одной из них собранные силы наносят перпендикулярный удар, на другой — несколько вкось. Нетрудно доказать, что первый удар очень быстро иссякнет, так как его силы быстро расплывутся для образования увеличивающегося с каждым днем фронта. Во втором случае этот кулак будет дальше сохранен, так как, теряя известную часть своих сил на заполнение растягивающегося фронта, он все же будет восполняться теми частями, которые имеются на ударном участке, а ударные участки с каждым разом будут новые (для ясности ударные участки перенумерованы). Последний прием немцы применили при своем наступлении на нас в 1915 г. после овладения ими Варшавой.

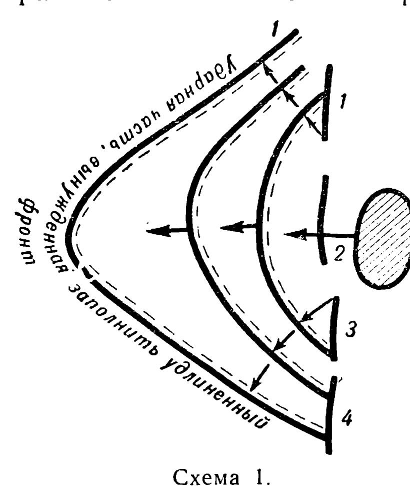

Схема 1.

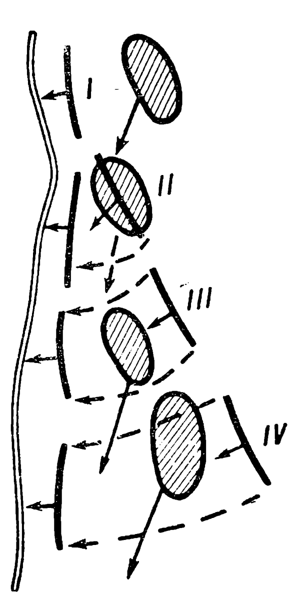

Схема 2.

Из приведенных примеров ясно, что даже одно механическое изменение направления удара дает известную долю по-

лезности. Идя дальше в этой области исследования, нетрудно убедиться, что при нынешних фронтах сосредоточение ударного кулака, хотя бы даже и очень крупного, в одном районе даст менее полезные результаты, нежели удар нескольких кулаков меньших по численности размеров, так как в последнем случае легче получить те изломы неприятельского фронта, которые в дальнейшем позволят уже строить стратегические планы по уничтожению известной части противника. Обширность этой стороны дела требует особого внимания, почему мы пока остановимся лишь на вопросе о группировках сил.

На практике удавалось наблюдать три основных приема группировок: 1) группировку сил в момент осуществления самой операции, так сказать, на ходу операции, 2) концентрацию сил путем подачи их с тыла и, наконец, 3) стихийную группировку, образующуюся вне воли командования, под давлением складывающейся обстановки.

Первый вид группировки наиболее трудный, потому что он получается лишь при действительно планомерном развитии задуманной операции. Принимая же во внимание, что абсолютная или хотя бы близкая к этому планомерность операции весьма редко удается и чаще всего такая планомерность нарушается, то ясно, что примеры рассматриваемого вида группировки наблюдаются чрезвычайно редко. Сущность такой группировки заключается в том, что при каждом этапе операции получается та рассчитанная массировка сил, при которой дальнейший ход операции не требует никаких дополнительных перегруппировок. При этих условиях отпадает всякая нужда во времени для подготовки нового удара, и сама операция может развиваться без всяких передышек.

Пояснением рассматриваемого случая может служить уже приведенная схема удара, наносимого вкось. Здесь силы, собранные для удара на первом участке, при успешном выполнении своей задачи автоматически создают такую массировку сил на втором и последнем участках, которая позволяет немедленно приступить к следующему удару, а равно сигнализируют начало действия своему левому соседу. Удар этих сил и развитие маневра создают вновь еще более сильную массировку, позволяя безостановочно продолжать операцию дальше. Примерно по такому приему группировки и была разыграна Красной Армией операция на Восточном фронте...

...Первая группировка была достигнута снятием частей фронта Южной группой, тов. Фрунзе и вновь прибывшей 2-й дивизией (небоеспособной) из центра. Успешное развитие маневра Южной группой автоматически создало еще более мощное сосредоточение сил в районе Бугульма-Уфа, после чего мог начаться маневр всего северного участка Восточного фронта. Успешное наступление здесь создало не менее мощ-

ную группировку сил в районе Красноуфимск — Уфа, а дальнейшее наступление создало чрезвычайно выгодное положение, сосредоточив значительные ударные силы между двумя железнодорожными магистралями: Екатеринбург — Омск и Челябинск — Омск.

Таким образом, каждый шаг развития операции давал новую предусмотренную группировку сил, позволяющую безостановочно развивать наступление, не теряя времени на сосредоточение сил для дальнейшего удара. Этот же прием группировки позволил командованию фронта выделять дивизии в период хода самой операции на другие фронты.

Второй вид группировки — это когда массировка сил получается путем подвоза частей с тыла. Этот вид группировки никакой сложности не представляет, если в наличии имеются требуемые силы, а равно когда имеется возможность их подвезти. При такого рода группировке сил не страшно, если общая планомерность задуманной операции нарушается обстановкой боевых действий, так как известная расчетная планомерность на данный ближайший период всегда может быть создана с помощью концентрации подвозимых с тыла сил. Цельность же идеи задуманной операции в этом случае будет сохранена лишь в общих чертах. Примером такого рода группировок могут быть операции Красной Армии на Южном фронте, где общую идею удалось сохранить, но в ходе самой операции произошло много отклонений.

Под стихийной же группировкой нужно понимать то неблагоприятное течение операции, когда инициатива в руках противника и вы, находясь во власти той случайной обстановки, которая давит вне вашей воли, изыскиваете возможность использовать каждый благоприятный момент или оплошность противника, чтобы выравнять положение. Использование этого рода группировки зависит от находчивости и решимости. Как прием борьбы при такой обстановке можно указать на необходимость для командования всех рангов в этом случае отыскивать новые средства и силы для борьбы, считая, что все, что сделано и придумано, недостаточно. Особенно опасно в этом случае рассуждение, что та или другая мера запоздает и потому окажется ненужной. Еще того хуже предположение, что, дескать, того, что сделано, достаточно. Смею заверить, что достаточно средств и сил для боя никогда не бывает,— всегда в них чувствуется недостаток, а потому принимаемые для борьбы меры никогда не должны быть ограничены. При группировках, складывающихся стихийно, должно хватать решимости видоизменять таковую путем вывода частей из боя с целью образования резервов, с помощью которых можно резко изменить общую обстановку, а равно путем новых формирований из тыловых частей произвести наращение сил на своем участке.

Гражданская война богата такого рода примерами. Само собой разумеется, что стихийная группировка сама собой никаким нормам и учету не поддается, почему строить на ней какую-либо планомерность абсолютно нельзя. Но знать и помнить о ней все же следует.

ПЛАНОМЕРНЫЙ ОТХОД ФРОНТА

Маневренная война требует от войск умения маневрировать не только при успешном ходе операции, но и при неудачах. А этого Красная Армия не умела; во всяком случае, такого рода маневры ей не удавались. Не умела маневрировать при неудачах и старая армия. Маневры, коими широко пользовалась в подобных условиях старая армия, обычно сводились или к затыканию дыр, или к планомерному отходу. В этих же случаях к планомерному отходу была склонна и Красная Армия.

Однако вряд ли допустимо признать, чтобы затыкание дыр и планомерный отход были удачными в таких условиях маневрами. Неудачными эти маневры должны быть признаны хотя бы только потому, что в идее их конечных достижений нет никаких решительных результатов и что даже в самых положительных случаях весь успех их сводится только к временному парированию неудач. Отрицательных же сторон в такого рода маневрах очень много. Достаточно указать на моральную сторону планомерного отхода. Частое пользование указанным маневром вместе с тем говорит за то, что среди командного состава всех рангов имеется много лиц, являющихся их поклонниками.

Не принадлежа ни в коей степени к числу этих лиц, считаю, что широкое использование этого рода маневров при неудачах до некоторой степени имеет свое объяснение, с одной стороны, в чисто психологическом стремлении заткнуть образовавшуюся дыру и, с другой — в оптимистической надежде командования, что якобы, планомерно отходя, можно уклониться и даже оторваться от противника и этим самым дать возможность терпящим поражение частям несколько вздохнуть и опомниться. Но это глубоко ошибочное и совершенно абстрактное предположение на практике редко оправдывается. Его неверность особенно сказывается в отношении планомерного отхода. Оторвать от противника и вывести из боя можно сравнительно небольшую часть; оторвать же целый фронт — задача весьма трудная, и она в гораздо большей степени зависит от противника, чем от нас.

Ясно, что применение этого маневра прежде всего ограничивается величиною войсковых соединений, и если применение его допустимо для бригады или даже дивизии, то для

армии польза его весьма сомнительна, а для более крупного соединения он просто вреден.

Исходя из сказанного и оставляя в стороне маневр «затыкания дыр», о котором я уже имел случай высказаться подробнее, я прихожу к выводу, что планомерный отход, как таковой, начиная с армии, не должен иметь места. Армия, не говоря уже о более крупных войсковых соединениях, должна при неудачном ходе операции пользоваться более сложным и более осмысленным по своим конечным достижениям маневром, имея своей задачей контрудар с переходом в решительное контрнаступление.

Последняя задача может быть достигнута лишь при резком изменении обстановки. Резкого же улучшения можно достигнуть перегруппировкой сил. Отсюда перегруппировка сил и связанный с этой перегруппировкой маневр есть единственный прием, к которому надлежит прибегать при серьезно невыгодной для нас обстановке. Характер перегруппировки и способ ее организации определяются условиями данной обстановки.

Однако несомненно, что часть сил для требуемой группировки командованию всегда придется получать за счет войск, находящихся и терпящих известные неудачи на фронте. Вот почему при обстановке, вынуждающей к общему осаживанию фронта, прежде всего следует вывести годные для контрудара части из боя и переместить их в соответствии с принятым планом новой группировки. Положение на фронте станет еще тяжелее. Тем не менее части, которые останутся на фронте, должны знать, что их задача — держаться до последнего и мужественно выполнить свою задачу. Нет сомнений, что в действительности эти части будут осаживаться противником. Но столь же бесспорно, что противник будет испытывать хотя бы и очень слабое сопротивление, что даст командованию некоторый выигрыш времени, с одной стороны, и затруднит перегруппировку сил противника — с другой. К этому надо прибавить, что только при этих условиях не будет утрачена связь с противником, а следовательно, будет сохранена разведка, которая именно в этот момент особенно нужна.

Оба последние обстоятельства чрезвычайно важны, так как, приступая к контрудару, для нас особенно важно застичь противника врасплох и не позволить ему заблаговременно изготовиться к встрече нашего контрудара.

Таким образом, у нас наметились два основных решения, которые ставят задачу, с одной стороны, сохранить возможно более сил для контрудара, для чего снять их с того участка, где обстановка наиболее благоприятна для нас, с другой стороны, выиграть время, сдерживая натиск противника еще более ослабленными частями.

Оба эти решения ценны именно тем, что по замыслу они резко противоположны старым решениям о «затыкании дыр» и о «планомерном отходе». Что же касается практического их осуществления, то тут и «планомерный отход» (правильнее: «вывод части из боя»), и «затыкание дыр» в известной мере будут иметь место, но только в той степени, в какой это будет нужно для задуманной перегруппировки.

Вся трудность перегруппировки заключается главным образом в трудности принятия решения, так как достаточно ясно, что при таком решении общая обстановка на фронте временно еще усугубится. Но для принятия такого решения есть громадный побудитель: без него дело обычно кончается катастрофично. Что же касается самой трудности выполнения, то надо помнить, что вывод нужной части из боя в действительности вовсе не так сложен и обычно делается в одну ночь. Решить же, какую именно часть легче вывести,— задача более сложная, так как прежде всего надо решиться, а кроме того, свое решение втолковать тем низшим начальникам, которые вынуждены будут остаться без тех войск, которые будут выведены. Естественно, что последние будут сильно сопротивляться, доказывая, что эта операция невозможна. Необходимо проявить твердость.

Решаясь выводить часть или части, нужно иметь готовый план новой группировки; иными словами, весь вопрос в целом должен предварительно получить вполне оформленное решение. В противном случае легко возможно и такое положение, когда только что выведенная из боя часть завтра вновь будет брошена на «затычку».

В заключение еще отмечу, что всю перегруппировку за счет своих сил получить очень трудно, почему высшая командная инстанция, в свою очередь, должна помочь группировке силами, находящимися в ее распоряжении. Отсюда очевидно, что вся задача является делом не только местного командования, а и всех следующих высших инстанций. Укажу еще, что в боевой обстановке это решение принимается и даже вырешается детально в кратчайший срок разговорами по прямым проводам соответствующих командных инстанций...

(С. Каменев. «Очередные военные задачи». Лекции и статьи. Высший военный редакционный совет, 1922, стр. 5—54.)

* * *

И. П. УБОРЕВИЧ

Иероним Петрович Уборевич *(1896—1937). Член КПСС с марта 1917 г. В старой русской армии был командиром артиллерийской батареи. С начала гражданской войны организовал отряды Красной Армии. Командовал бригадой, дивизией, армиями, был Главкомом Народно-революционной армии Дальне-Восточной Республики. По окончании гражданской войны был командующим военных округов, членом РВС СССР, Начальником вооружений и заместителем Народного комиссара по военно-морским делам. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1930 г.*

Основные труды. *«Значение маневра в гражданской войне», «Военный Вестник» № 4, 1921; «Принципы ведения боя и значение их в деле воспитания и обучения Красной Армии», «Красная Армия на Востоке», № 8, 1922; «Подготовка комсостава РККА (старшего и высшего)»; Полевые поездки, ускоренные военные игры и выходы в поле 1928; «Оперативно-тактические и авиационные военные игры», М., 1929; «Тактическая подготовка войск летом», «Война и Революция», № 6, 7, 1929.*

ЗНАЧЕНИЕ МАНЕВРА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Помещаемая статья И. П. Уборевича взята из его доклада «О значении маневра в гражданской войне» на окружном съезде командного состава Киевского военного округа, напечатанного в «Военном вестнике», № 4, 1921 г.

...Когда мы условимся, что маневрирование играет такую роль, что дает возможность, по принципу частной победы, бить противника, постепенно уничтожая его, когда мы к этому подойдем, то нам легко будет рассуждать о следующих вопросах. Все операции нашей Республики производились по внутренним операционным линиям — уничтожение сначала одного, потом другого противника. Главком тов. Каменев это проводил с чрезвычайной методичностью, добивая каждого противника до конца. Такой принцип отражался на армии. На врангелевском фронте не могло быть речи ни о каком искусстве, а было просто превосходство сил. Укажу на

некоторые операции: на одном участке Юго-Западного фронта (командующий тов. Егоров) — 12, 14, 1-я Конная армии и восьмая червонная дивизия, оперирующие против поляков, не превосходящие силами противника, выиграли победу доведением до мельчайших подробностей военного искусства приемов маневрирования нашей конницы. Маневрирования крупными войсковыми соединениями в некоторых армиях у нас не было: целые дивизии, растянувшиеся в нитку, сбивают противника, толкают, но без полного разгрома живой силы; было применение линейной стратегии, которая хороших результатов не дает. На маневрированиях отражалось отсутствие конницы в дивизиях и специальной тяжелой артиллерии...

Я коснусь операции под Орлом. Под Орлом 14-я армия, силы которой превосходили противника, не могла разбить его сразу, а приходилось уничтожать его по кускам. Только после трех сильных ударов можно было перейти к Дмитриевско-Льговской операции, где уже части армии концентрическим наступлением стремились нанести окончательный разгром противнику. Применение ударного кулака заключалось в сосредоточении крупных сил, создавая его на одном участке за счет других участков фронта. Мы оголили фронт на 30 верст, оставив там бригаду, на участке 5 верст сосредоточили две бригады и всю кавдивизию, прорвали фронт, бросили конницу и добились разгрома противника, причем оказалось, что не нужно было уничтожать всю дивизию, а достаточно было разгрома лишь батальонов, полков — и противник подался. Когда мы вывели из строя эту часть, противник стал отступать. Этим операция еще не оканчивается: приходится новым ударным кулаком бить его в другом месте. Эта сторона говорит о значении ударного кулака, которое заключается в уничтожении противника по частям; приходится также рассчитывать на контрудар противника, в котором решающую роль играет конница.

Но ударный кулак не всегда уместен. Нужен еще резерв, и если такового не найдется, то нужно заменить его быстротой маневрирования. Если не принять мер против контрудара противника для обеспечения операции, может случиться катастрофа. Нужно только высказать пожелание, чтобы начдивы, которые имеют возможность подходить к организации ударных кулаков, умели решить, где важный, а где пассивный участок и где бить противника. Затем нужно выбрать место для ударного кулака. Обыкновенно мы делаем это в направлении железной или шоссейной дороги, где противник ждет удара; если отнести его на 8—10 верст от железной дороги и там ударить, это будет очень выгодно, так как оборона так уже устроена, что главным образом защищает пути противника по важнейшим железнодорожным или шоссей-

ным направлениям. Нужно брать ключи позиции соответствующим маневром, уничтожать их там, где меньше всего противник ожидает и меньше окажет сопротивления. Здесь вопрос стоит так, чтобы все сосредоточить на развитии ударного кулака.

Не всегда можно найти при современной ширине фронта фланг противника. Для обхода приходится сделать прорыв, чтобы получить возможность действовать во фланг и тыл. Имея дело с германской военной доктриной, основанной на огневом действии широким фронтом, когда как будто резерв не нужен, здесь нужно прорывать фронт противника и для этого прорыва нужны резерв, конница и армейская тяжелая артиллерия. Конница в ударном кулаке гарантирует развитие операции; конница может быть использована и в дивизии. Атакуя при прорыве противника, мы несем большие потери только морально. После атаки нельзя еще считать противника разбитым, его нужно преследовать и уничтожать, и при этом главную роль играет конница. Пехотные дивизии не могут похвалиться такими операциями, так как не имели конницы. На эту сторону прорыва надо обратить внимание, так как после преследования мы выходим во фланг противника, и нужно подчеркнуть, что обходящий будет обойден, а прорывающий будет окружен. Здесь нужно правильно учесть, в какую сторону бить противника и где выставить заслон. Операция эта, одним словом, более сложная и в результате она дает обход фланга противника.

Для маневра всегда нужны соответствующий начальник и подготовленные войска и затем имеющиеся в наличии средства для использования успешного прорыва. Прежде всего нужна решимость начальника, так как не все соглашаются взять на себя такое рискованное дело, как обход и создание кулака за счет ослабления других участков, и люди нерешительные и не имеющие сильной воли, конечно, на это не пойдут, а поэтому никогда не будут иметь полного успеха, а только половинный. Здесь я хочу указать на то, что мы часто не можем похвалиться тем, что после прорыва, когда была пускаема в тыл противника конница, противник уничтожался. Не всегда было использовано положение: конница не била противника, а обыкновенно уходила далеко в тыл и била по штабам, а не по флангам. Так вышло немного нехорошо и с рейдом тов. Примакова[37]), хотя бы на проскуровском направлении; тут не было нужной при этом быстроты загиба. Мы обычно давали противнику возможность сконцентрироваться в большие колонны, как, например, было с 12-й дивизией и 3-й польской армией, и эти отступающие колонны не всегда были доступной жертвой. Иногда приходилось наскакивать на эти колонны и также быстро отскакивать. В этих сражениях самое большое значение имеет дивизионная кон-

ница, которая должна сделать обход и забрать артиллерию противника на протяжении 10 верст. Это тоже в большинстве случаев зависит от начальников дивизий.

Что касается значения резервов при наступлении, отступлении и обороне, то сказать, что германцы были правы, не имея резервов, я не могу. Это было доказано на деле некоторыми сражениями, как, например, Марнское[38]) и др. Я сторонник резерва и особенно в тот момент, когда мы уже сбили противника и когда нужна организация операции в дальнейшем, когда противника нужно преследовать и ждать контрудара. И вот в таких случаях организация главнейшей операции может базироваться только на резервах, так сказать, стратегических, которые должны быть вполне подготовлены. Интересно было во время сражения под Орлом. Как только мы направляли удар в одно место, деникинцы начинали сейчас же давить на другой фланг, и если бы мы не могли поворачивать нашу конницу в другую сторону, то оказались бы в очень скверном положении. Для того чтобы исход таких операций был благоприятен, нужно иметь начальника, который мог бы решить в каждую данную минуту, что нужно для главной операции и что нужно для второстепенной, и в соответствии с этим расчетом и действовать. Что касается отступления, то при отступлении откатывается волна морально надорванных людей, и вливать в нее пачками — это то же самое, что увеличивать панику отступающих. Тут при отступлении самое главное — уловить, когда можно использовать резерв, где нужно пожертвовать некоторыми политическими пунктами и где выпустить некоторые части.

Еще подчеркну, что в маневрах наших сказался сначала недостаток конницы, а потом и слабость ее. Сначала у нас была неважная конница, а потом не умели использовать наличные средства в полной мере. Не лучше обстояло дело с пехотой: вокруг нее группируются все рода оружия, а между тем она не знает хорошо ни свойств артиллерии, ни конницы, чтобы уметь их вовремя использовать. Эта прикладная сторона и составляет нашу слабую сторону.

При маневренных операциях самое важное — это проведение операции до конца, до уничтожения противника. Вот эта задача — «уничтожение до конца противника» — должна быть достигнута во что бы то ни стало. Полное уничтожение противника является, по-моему, обязательным для всякой правильно действующей армии.

(И. П. Уборевич. «Значение маневра в гражданской войне». «Военный вестник», № 4, 1921, стр. 8—9.)

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ БОЯ

Настоящая статья И. П. Уборевича представляет собой часть его доклада на съезде комполитсостава Сибири 3 июня 1922 г. на тему «Принципы ведения боя и значение их в деле воспитания и обучения Красной Армии по опыту мировой и гражданской войн». Доклад напечатан в журнале «Красная Армия на Востоке», № 8, 1922 г.

После усвоения принципов ведения боя, переходя к их применению в жизнь, мы, по существу, подходим к прикладной и основной части военного дела и, по-моему, самой трудной.

Она касается форм и способов ведения боя, которые находятся в тесной зависимости от изменения материальных средств и обстановки (2 и 3 элементов боя)...

...*Бой* по внутреннему содержанию *является борьбой* с обеих сторон *материальных и моральных сил,* причем *моральные факторы* играют решающее значение.

Со времени Наполеона бой по внутреннему содержанию делится на *подготовку* и *решительный* удар (по принципу частной победы). Естественно, что психологически важно усвоить момент, именуемый кризисом боя, когда воля одной из сторон признает себя побежденной. Всем должно быть ясно, что в современном бою (сражении) этот кризис боя является производной от целого ряда частных боев.

Решительный удар и кризис боя внешне выражаются в том моменте, когда нашу непреклонную волю к победе мы доносили до груди противника на кончике штыка или клинка сабли или настолько поражали огнем, что противник считал сопротивление бесцельным (сдается, бежит и т. д.). В современной войне мы знаем, что именно так бой и решался.

При современном развитии огнестрельного оружия и других средств борьбы, прежде чем дойти до груди противника, необходимо преодолеть глубокую смертоносную зону, поражаемую огнем противника (с развитием дальнобойного оружия эта зона увеличивается),— преодолеть всякие препятствия...

Средством для подготовки и удара служит *маневр* и *огонь,* включая в последнее понятие и *технику.* Без комментарий это всем, конечно, понятно. В современном бою из материальных факторов огонь имеет решающее значение для изучения влияния огня на формы и способы ведения боя. Разберем простейшие формы боя, на которые может быть разложено любое современное сражение. Это будет: первая форма — *фронтальное столкновение* (иногда его совершенно неверно называют параллельным). Вторая — *фронтальное с наступным флангом атаки и фронтальной обороной* (без уступного фланга) и третья — *фронтальное с наступным флангом атаки и уступным флангом обороны.*

Разбирая первую форму боя при современном огнестрель-

ном оружии и значении использования местности и ее усиления средствами фортификации, мы должны определенно сказать, что при всех остальных равных технических средствах фронтальная атака слабее обороны. Только исключительное превосходство моральных сил и вообще качества войск могут сделать атаку сильнее обороны. Военная история случаев таких знает весьма мало. Только превосходство огня и техники или редкий случай внезапной атаки может сломить такую оборону. На этом были построены все прорывы в мировую и гражданскую войны.

Из имеющихся по сему поводу исторических примеров хочу особенно подчеркнуть, что фронтальное сражение в огромном большинстве случаев не может дать полных результатов ликвидации противника — на основании силы огня обороны затруднено преследование даже сбитого противника.

Буквально величественными картинами боев мировой войны доказано, что и прорыв, подготовленный сильной техникой, не давал полных стратегических результатов до тех пор, пока противник имел возможность противопоставить фронтальную оборону. Однако в дальнейшем мы увидим, что фронтальная атака при уже изложенных ее свойствах в современном бою является неизбежной.

Не лишне указать, что принципы частной победы, проводимой Наполеоном путем удара кулаком часто с фронта, при нынешнем развитии огня стали уже под большим сомнением. Это я говорю, чтобы подчеркнуть всю глубину влияния переменных величин, как оружие, на применение принципов военного искусства.

Внимательное изучение современных боев начиная с 1870 г. привело к выводам, что наилучшие результаты современное огнестрельное оружие дает, действуя во фланге (ружейный фланговый огонь сильнее в пять раз фронтального), а отсюда преимущество второй формы боя — наступательный фланг или попросту охват и обход. Естественно, что оборона, если вспомним, что было сказано про первую форму боя, стремилась противопоставить наступному флангу (обходу и охвату) новый фронт, т. е. уступный фланг (третья форма боя).

В общем развитие огня, сила его действия во фланг требуют искать решения на флангах и в идеальном случае — удар с тыла, что в свою очередь требует развертывания на широком фронте. Идеалом является окружение противника. Эти схемы важны для выявления в дальнейшем всех форм и способов ведения боя. Еще раз заметим, что при современном развитии огня, являющегося важнейшим средством подготовки и решительного удара, необходимо добиваться охвата, обхода и полного окружения противника. В этом заключается и все задание маневру.

Ко всему вышесказанному мировая война внесла ценнейшее дополнение, которое назовем четвертой формой боя, а именно — через несколько месяцев мировая война вылилась в *растянутые фронты от моря и до моря:* не было флангов и фронтальная атака стала неизбежной. В связи с такой задачей в течение мировой войны техника сделала решительный скачок вперед. Теперь благодаря массам разнокалиберной артиллерии, танкам, газам, авиации, минометам и специальной выучке войск фронтальная атака стала легко выполнимой.

Вернее будет сказать, всякая пассивная оборона осуждена на полное крушение ввиду особенно сильного развития орудий активного нападения. Захват первой линии и вообще позиций, видимых и досягаемых артиллерией, стал делом возможным. В связи с этим возможен и прорыв, дающий выход во фланг и тыл, т. е. дающий возможность добиться полных результатов уничтожения противника. В эту интересную форму боя — прорыв — жизнь внесла не менее существенную поправку, настолько важную, что для наилучшего запоминания мы назовем ее пятой формой боя. Это — эластичная оборона. Оказалось, что для подготовки прорыва сосредоточить необходимые технические средства — дело весьма сложное, требующее времени, специально оборудованных путей, огромного количества снарядов и пр. И далее, что эта техника своим могучим действием полностью не может сопровождать двинутые в прорыв войска. На этом основании противодействие прорыву такой могущественной атакой найдено — своевременно отводят главные силы на другую линию обороны, чтобы удар техники противника был произведен по пустому месту, а бой живой силы, главным образом пехоты, разыгрывается по возможности тогда, когда техника противника ее в полной мере не может поддержать. Особенно большие результаты можно получить, если оборона подготовит контрудар с солидной техникой. Эластичная оборона — это значит преднамеренный отход с контрударом.

Не лишне будет отметить еще одно явление в прогрессе техники, а именно — желание придать ей такую *подвижность,* чтобы она всей своей могучей силой могла все время сопровождать живую силу до полного прорыва. После войны все изобретения направлены главным образом в сторону подвижности и быстрого эффекта (действия), чтобы свести на нет и все плюсы эластичной обороны. Для конкретного суждения о достижении последнего времени материалами, конечно, никто из нас не располагает.

Чтобы закончить с вопросом о влиянии огня и техники на формы и способы ведения боя, отмечу, что маневрирование войск в зоне действительного артиллерийского огня стало весьма трудным. Особенно труден выход из боя. Это важно, чтобы нам раз навсегда отказаться от французской доктрины,

требующей принятия решения по выяснении точных данных обстановки главным образом боями авангардов. Я подчеркиваю, что старший начальник, ведущий в бой несколько колонн, должен принять решение до вступления частей в бой, т. е. зону действительного огня, и что эластичная оборона ценна, когда отход преднамеренный и главные силы войск еще не подверглись губительному удару техники.

Еще одно существенное замечание — действие современного огня весьма губительное, несет весьма значительные потери — для развития операции важно, чтобы не получилось так называемого стратегического изнурения, т. е. нужны частные поддержки, нужны резервы, нужна правильная смена частей и без отказа действующая система пополнения, что в одинаковой мере относится как к живой силе, так и материальным средствам.

(И. П. Уборевич. Журнал «Красная Армия на Востоке», № 8, 1922, стр. 10—12.)

ОПЕРАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАНКОВ

Публикуемый отрывок взят из статьи И. П. Уборевича «Тактическая подготовка войск летом», помещенной в нескольких номерах журнала «Война и революция» в 1929 г. Статья печаталась в порядке обсуждения и была посвящена исследованию методики проведения тактических учений и боевой подготовки войск в свете развития современных армий и оперативно-тактической мысли.

...Дополнительно к артиллерийским средствам современные армии получили в лице танков и шестиколесных бронеавтомобилей (вездеходных) огромный прирост наступательных сил в тактическом и оперативном отношении. Заслуживает внимания взгляд, проводимый в западноевропейских армиях, что мало-мальски серьезное сражение будущего будет проходить при участии танков. Нужно в этом отношении рассеять все сомнения и те ложные взгляды, которые грешат неправильной оценкой значения и технических возможностей современных танков. Одно дело — танки, относящиеся по своим техническим данным к эпохе мировой войны, и совершенно другое — танки современные, воплотившие огромные технические достижения и могущие быть широко применены в условиях ведения маневренной войны.

Приведем несколько показателей. Если взять современный английский танк типа Виккерса I, II и сравнить с танками 1918 г. марки У, то получим следующее соотношение: вес танка сейчас 11 т, в мировую войну — 30 т, т. е. танк стал легче в 3 раза; современная скорость движения — 17—30 км, в мировую войну — от 1 до 6 км, улучшение получаем в

5—6 раз; радиус действия сейчас 216—250 км, в мировую войну — 40—50 км, опять улучшение в 5—6 раз. Если продолжительность службы гусениц в мировую войну определялась покрытием расстояний в 250 км, то сейчас гусеница танка требует замены лишь после 3000 км. Ко всему этому нужно добавить, что вооружение огневыми средствами танка типа Виккерса I, II в малой степени уступает вооружению танка мировой войны.

Кроме средних танков, в период после мировой войны мы наблюдаем во всех армиях создание в большом количестве так называемых малых танков с весьма ценными оперативными, тактическими и техническими свойствами. Вес малого танка колеблется от 2—3 до 7 т, скорость по дорогам достигает до 30 км, радиус действия опять же не менее 250—300 км.

Если принять во внимание современное вооружение пехоты — винтовку, гранату, станковый пулемет, то танки, как малые, так и средние, будучи защищены броней от поражения даже бронебойными пулями указанных видов пехотного вооружения, представляют собой страшное оружие против пехоты (окопавшейся) и кавалерии.

По сравнению с артиллерией и пехотой танки являются носителями сильнейшей концентрации огня и средством широкого маневрирования как в тактическом, так и в оперативном отношении.

Один батальон танков типа «Виккерс» в составе 300 человек и 30 машин имеет огневую мощь, равную 30 пушкам 57-мм или 75-мм и 150 пулеметам, т. е. его артиллерийские средства равняются артиллерийским средствам целого артполка стрелковой дивизии плюс огромная огневая мощь 150 пулеметов. 30 танков, обладающие такой сильной концентрацией огневых средств, могут быть применены тремя волнами на 1 км фронта, и вполне ясно, какой может быть результат от такого быстро двигающегося огневого и механического катка.

Оперативное значение и возросшие возможности современных танков мы должны, по-моему, оценить по двум показателям: радиусу действия и технической выносливости машины.

Имея радиус действия 200—250 км, танки, естественно, могут оторваться на это расстояние от железной дороги и всюду сопровождать дивизии. Отрыв войскового тыла современных дивизий или корпуса без ввода в действие армейского звена подвоза равняется всего $2^1/_2$ переходам, а у танков он может доходить до 8 переходов.

Вторым обстоятельством, облегчающим широкое оперативное использование танков, является их сравнительно небольшой вес, дающий легким и средним танкам возможность

проходить нормальную систему мостов на шоссейных и больших (почтового типа) дорогах при минимальном укреплении некоторых мостов. Не меньшую роль в оперативном отношении имеет техническая выносливость современных танков; это особенно важно с точки зрения развития и размаха современной операции.

Берем для сравнения данные о последовательном участии танков в сражении и развитии операции 8 августа 1918 г. (так называемое сражение на старо-римской дороге).

День операции	Число участвовавших танков	Предположительный расчет на участке современных танков, более технически выносливых
8 августа	415 (из 430 назначенных)	415
9 „	155	Около 300
10 „	85	225
11 „	38	175
12 „	6	120

На каждый день операции приходилось в среднем 25% танков, выбывших из строя от артиллерийского огня противника. Таким образом, из выбывших в день из строя 250 танков нормальная убыль от артиллерийского огня противника составляла всего около 100 танков, больше же — около 160 выбыло по техническим условиям, т. е. из-за порчи гусениц, мотора и т. д.

Если принять, что процент потерь от артогня остался бы и в будущую войну для современных танков тот же, то количество участвовавших современных танков (выносливость гусениц и моторов которых во много раз лучше, чем в мировую войну) получилось бы изо дня в день, примерно, указанное в 3-й графе таблицы. На 5-й день операции осталось бы 120 танков, т. е. такое количество, которое дает возможность развивать и в дальнейшем операцию. Если же к этому добавить, что операция 8 августа 1918 г. протекала в условиях позиционной войны, когда плотность артиллерийского огня у немцев была весьма большой и танки имели скорость движения в несколько раз меньшую, чем теперь, то нужно признать, что в условиях маневренной войны современные танки будут нести потерь много меньше и участие их, таким образом, во всем ходе операции для нанесения последующих ударов будет весьма длительным, вплоть до решительного разгрома значительных участков фронта противника, и на большую глубину.

Говоря о тактическом значении современных танков, мы

уже указывали на их большую огневую силу, возможность с их помощью создать огневой каток величайшей концентрации. Прибавим еще пару деталей. Танки разрушают в течение нескольких минут проволочные заграждения противника и создают, таким образом, тактическую внезапность при прорыве даже укрепленной позиции противника.

Артиллерийская подготовка при массовом применении танков может быть сокращена до минимума — 15—30 минут.

Укажем еще на одну тактическую деталь работы современных танков при взаимодействии их с артиллерийским тараном.

Если нам приходится прорывать укрепленную полосу противника, предположим на рубеже «А» — «Б», то мы должны считаться с ее глубиной — от 6 до 8 км.

Артиллерийский таран при максимальном напряжении всех средств авиации и звукометрии без перемен артиллерийских позиций может поддержать наступление пехоты без перерыва не более чем на глубину 4 км (я беру нынешние артиллерийские возможности). Всем известно из опыта войны, что самый критический момент даже удачно начатого наступления возникает тогда, когда артиллерия наступающего не может поддержать пехоту, продвинувшуюся на 4 км и более.

Наступает кризис боя, в котором обороняющийся, особенно если он имел эшелонированную в глубину артиллерию и подвел резервы, получает возможность приостановить, иногда с большими потерями, развитие успеха наступающего. Имея достаточное количество современных танков, мы можем провести развитие наступления пехоты без особых задержек и в тот момент, когда масса артиллерии отстает.

Радиус действия, скорость движения на поле боя, запас горючего современных танков дают возможность им вести бой беспрерывно в течение 8 часов и прорваться, таким образом, на значительную глубину расположения противника вместе со следующей за ними кавалерией и пехотой.

В связи со всеми изложенными тактическими и техническими свойствами танков вполне естественно, что у тактиков западноевропейских армий уже рождаются тактические идеи смелого и быстрого поражения боевого порядка противника в возможно короткий срок и на наибольшую глубину.

Если линией «А» — «Б» — обозначить передний край обороны, линией «В» — «Г» — район артиллерийских позиций, то организация ввода значительной массы танков обычно строится таким путем: первые волны, проходя пехотную зону, атакуют район артиллерийских позиций, следующие волны атакуют пехотную зону, и часть танков имеется наготове для броска в глубокий тыл противника. Такая операция

вполне возможна при тесном взаимодействии с артиллерией, авиацией, пехотой и кавчастями, но тут нужно не забывать, однако, того обстоятельства, что подобная операция под силу на широком фронте и для массы танков, исчисляемых двумя — тремя сотнями. Когда же оперативный начальник и тактик имеет дело с количеством танков в 2—3 раза меньшим, решающая роль танков в операции уменьшается и сводится к сопровождению и поддержке пехоты, и вряд ли в этом случае будет целесообразно распылять танки, атакуя одновременно и район артиллерийских позиций, и пехотную зону расположения противника.

В заключение тактической и оперативной оценки танков укажем на перспективы, которые открываются в данном случае для конницы.

Если при нынешней плотности и насыщенности огневыми средствами фронта без сильного подавления огневых средств мало можно надеяться на успех конных массовых атак, то при вводе в бой десятков и сотен танков, быстро подавляющих пулеметы противника, можно вполне и широко применять конные массовые атаки, следующие за танками. В этом отношении получается еще и тот плюс, что подвижность кавалерии заполнит тот разрыв, который образуется между скоростью танка на поле боя (которая в среднем будет, судя по опыту мирного времени, 10—12 км) и медленностью наступления пехоты.

В наше время, когда многие подвергают сомнению установку на темп наступления пехоты — $1^1/_2$ — 2 км в час, при условии достаточного подавления огневых средств противника, нужно указать на тот факт, что, например, в сражении 8 августа 1918 г. темп наступления пехоты достигал 2—3 км в час; почти такой же темп наступления пехоты был и в сражении при Виллер-Котре[39]) 18 июля, когда французские армии с приданными 560 (преимущественно легкими) танками Рено выиграли решающее сражение.

В заключение нужно сказать, что вопрос массового производства танков не является уже столь не разрешенным для страны, которая будет иметь большую тракторную и автомобильную промышленность.

В 1918 г. Франция и Англия послали на фронт 6600 танков, а в 1919 г. союзниками заказано было вместе с Америкой уже 25 000 танков и механизированных повозок. В будущей войне, безусловно, придется считаться с количеством танков, значительно большим, чем в 1918 г.

(И. П. Уборевич. «Тактическая подготовка войск летом». Журнал «Война и революция», книга 7-я, 1929, М., стр. 27—32.)

* * *

И. И. ВАЦЕТИС

Иоаким Иоакимович Вацетис *(1873—1938) — полковник старой русской армии. Окончил Военную академию Генерального штаба в 1909 г. В Красной Армии — с начала ее организации. В 1918 г. командовал Восточным фронтом; с 8 сентября 1918 г. до июля 1919 г. был Главкомом Вооруженных сил Советской Республики, позднее — профессором Военной академии РККА.*

Основные труды. *«Боевые действия в Восточной Пруссии в начале сентября 1914 г.», 1923; «О военной доктрине будущего», 1923; «Человек и война», Очерки по военно-общественной психологии, 1925; «Операции на восточной границе Германии в 1914 г.», 1929.*

О ВОЕННОЙ ДОКТРИНЕ БУДУЩЕГО

Книга И. И. Вацетиса «О военной доктрине будущего» была издана в 1923 г. Автор анализирует сущность военной доктрины, считая, что она является учением о государственной военной готовности, и определяет те требования, которые она предъявляет к государству и к военному делу. Работа включает интересный материал и некоторые обобщения, но, построенная на идеалистической основе, имеет крупные недостатки в оценке сущности стратегии, роли полководца в современной войне и некоторых других вопросах. Стратегия, заявляет автор, есть свободное творчество полководца и его воли на театре военных действий. Оно индивидуально и покоится на вечных, неизменных принципах стратегии.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Особенности двух современных групп государств

...Первая группа[40]), как всемогущая в экономическом отношении, как держащая в своих руках океанский транспорт, может вести войну весьма продолжительно, обращая экономический элемент в фактор стратегии, решающий исход кампании.

Вторая группа[41]), составившаяся из континентальных государств, при весьма скромных экономических богатствах, но при сильнейшем людском материале вынуждена базировать свой успех преимущественно на стратегии. Группа этих государств не приспособлена к ведению продолжительных

международных войн,— она должна стремиться решить международную вооруженную борьбу в наиболее кратчайший срок оружием.

Задача военной доктрины как учения о государственной военготовности и заключается в том, чтобы поставить определенное credo на роль данного государства в будущей войне. Здесь неуместна ни туманная романтика, ни схоластика. Здесь нужны тезисы, основанные на реальных данных.

Военная доктрина должна в высшей степени серьезно отнестись к экономическим вопросам на тот случай, если стратегия вынуждена будет действовать в состоянии окружения данного государства. Здесь экономика может оказаться в таком положении, когда те элементы, которые определяют регулярную мощь и силу данного государства, както: вооруженные силы и военная техника, дойдут до той степени, когда они начнут действовать на убывающей базе, после чего регресс дойдет до состояния конвульсий, причем экономика этих государств тоже может оказаться в таком же роковом положении. В общем результате обоих этих слагаемых без каких-либо эквивалентов международного свойства страна доходит до того краха, свидетелями которого мы были при конечной стадии борьбы Германии со своими многочисленными врагами.

Из только что изложенного мы видим, что вряд ли возможно готовиться к будущей войне только или чисто военным ученым или военным стратегам, т. е. чисто специалистам военного дела.

Стратеги должны быть в одно и то же время и государствоведами. Они должны глубоко проникать во внутреннюю жизнь государства и определять экономическую мощь данной и всех прочих стран и, исходя из того базиса, который кладет для государства стратегия и экономика, определить все те возможности, которые могут постигнуть государство в предстоящую войну.

Будущая война потребует участия в ней всех физических сил народа, и мысли, и духа, что называется, придется обобрать и колыбели, и могилы, и кафедры. Будущие войны могут носить только лишь мировой характер в силу мощи тех алиансов, которые сложатся.

Как уже выше сказано было, мир в настоящее время поделен между победителями и побежденными на две части. Побежденные ограничены и стеснены как в политическом развитии государственной и международной жизни, так и в особо подавляющем значении этого слова стеснены в экономической жизни. Побежденные государства обратились как бы в данников своих победителей. Победители для эксплуатации своих побед будут стремиться к самому беспощадному использованию экономических богатств побежденных.

Для политической обороны, а равно и для активных целей этого рода победители будут действовать сообща, так как этого требуют их экономические интересы.

Что же касается побежденных, то опять-таки в силу разрозненности их экономических интересов они будут действовать врозь, цепляясь за благорасположение наиболее сильного из победителей. Такая рознь еще более на руку эксплуататорам.

Будущая война будет носить характер как бы классовой мировой войны, вызванной состязанием на чисто экономической почве. Следовательно, в своих достижениях будущая война будет представляема массами как борьба за реальные классовые интересы.

Следовательно, мы можем смело сказать, что будущая война по своему характеру будет весьма близкой к только что закончившейся нашей гражданской войне, т. е. воюющие стороны будут проливать свою кровь и жертвовать жизнью или за сохранение преобладающего значения в эксплуатации земных благ, или же во имя лучшего, более светлого будущего для сотен миллионов тех обездоленных, которые из великой мировой войны вышли побежденными.

Отсюда логически необходимо допустить, что как по своей жестокости, так и по колоссальности жертв будущая мировая война в весьма значительной степени превзойдет только что закончившуюся великую мировую войну, а равно и нашу гражданскую...

Для того чтобы народные массы знали, что от них потребует будущая война, какие жертвы придется им нести на боевом фронте, они должны знать характер предстоящей борьбы и должны быть к ней подготовлены. Скрывать от масс тяжелую действительность будущей войны вряд ли будет целесообразным. Если это делалось раньше, во время империализма, то это ни в коем случае не может служить оправданием в современную эпоху, когда мы готовимся воевать вооруженным народом. Только зная определенно, каким роковым случайностям идет навстречу государство, объявившее войну, массы будут с спокойствием и самоотвержением отдавать Молоху то, что от них потребуется.

Из всего вышеизложенного мы имеем полное право прийти к тому заключению, что центральное место тех взаимоотношений, из которых складывается государственная военготовность, занимает экономический элемент как фактор стратегии. К этому вопросу необходимо подойти с точки зрения стратегических особенностей территории данного государства и ее военно-географических особенностей и политического уклада государственной жизни, а равно и группировки природных богатств страны.

Как мы уже говорили выше, военная доктрина, апеллируя к государственной власти, выдвигает те требования, выполнение которых необходимо для создания благоприятной обстановки для стратегии в будущем вооруженном столкновении. Стратегия создает план *кампании* для осуществления целей, поставленных государством, и осуществляет этот план в течение того времени, в которое данное государство в состоянии выдержать войну. В зависимости от этого стратегия определяет и объем живых и материальных средств и технической мощи, которые государство должно мобилизовать для достижения в будущем вооруженном столкновении победоносного конца кампании.

План кампании должен быть создан и разработан детально, но из этого обстоятельства еще не вытекает то, что этого плана необходимо держаться, «как слепой стены». Главнокомандующего, который так поступает, ни в коем случае нельзя назвать стратегом,— это ремесленник своего дела, выполняющий механически свою работу по заученной указке. Для полководца-стратега в полном смысле этого слова заранее разработанный план кампании должен быть ни более, ни менее как элементарным пособием в начале войны. В дальнейшей творческой работе стратег должен, пользуясь этим элементарным пособием, уметь творить и властвовать над событиями на театре военных действий, в противном случае эти события поглотят его волю и он из стратега превратится в жалкого ремесленника, растерявшегося перед вырвавшейся из его повиновения машиной. Стратег должен быть настолько велик и свободен в своем творчестве, чтобы быть в состоянии самому создавать на театре военных действий желаемые события и дирижировать этими событиями по своей воле, стремясь, безусловно, в конце концов, к той главной цели, какая намечена планом войны.

Вот какого простора требует стратегия для творчества военного гения. После этого вполне понятен становится тот факт, что фельдмаршал Суворов на требование австрийского гофкригсрата в 1799 г. предъявить ему точный план кампании, развернул перед советом чистый лист бумаги. Этот чистый лист бумаги и есть эмблема свободной внутренней сущности стратегии.

Творчество стратега должно покоиться на тех принципах, которые заложены им самим в основании его стратегии. Полководец сам создает свою стратегическую линию поведения. Это не будет означать нарушение принципов военного искусства, которые остаются вечными; один из таковых гласит, по словам Суворова: полная мочь главнокомандующему.

В правдивости этого обстоятельства мы убеждаемся,

изучая историю военного искусства, причем убеждения этого достигаем не только из общности признаков победоносности, но и из общности признаков поражений.

Если мы ознакомимся с 10—15 историческими операциями, то увидим, что к победе в каждом отдельном случае стратег шел оригинальными индивидуальными путями, к поражению же все полководцы шли по одинаковому пути. Общий признак однородности отрицательных явлений в области стратегии доказывает, что нарушен один важнейший или несколько однородных устоев фундамента, и если бы не произошло этого нарушения, то не произошло бы также и поражения...

Как видит читатель, во всех приведенных нами здесь операциях видна общность причин катастрофы, а именно: нарушение принципа стратегии, требующего обеспечения коммуникации. Указанная общность причин есть убедительный свидетель той аксиомы, которая гласит, что принципы стратегии вечны и неизменны, а раз так, то они должны явиться для стратега непреложным законом в его творчестве и нарушение этого закона грозит стратегу катастрофой.

Без постоянных точек опоры нельзя совершить никакой работы.

Конечно, это не следует понимать в узком смысле. В частности, например, под соблюдением принципа обеспечения коммуникации надо понимать широкую и всестороннюю организацию тыла: 1) для своевременного пополнения убыли в войсках; 2) для исправного снабжения армии жизненными и боевыми припасами; 3) для целей эвакуации; 4) для сохранения в войсковой массе чувства тыла и т. д. Встречаются, правда, военные мыслители, которые, основываясь на словах Суворова «идешь в бой — снимай посты, опорожняй коммуникации» и на кампаниях Густава-Адольфа [42]), утверждают, что стратег должен ограничить до крайности свои заботы о коммуникации. Но мы сомневаемся в том, что Наполеон мог быть доволен своей коммуникацией во время кампаний в 1812 г. против России и в 1813—1814 гг. против коалиции. В этих кампаниях у него не было коммуникации, и это обстоятельство послужило причиной его разгрома.

Само собой разумеется, что мелкие операции могут быть выиграны по правилу «здорово живешь». Но это исключение, это дар богов, это сюрприз прежде всего для самих победителей. Успешное же завершение серьезных операций, а тем более выигрыш всей кампании всецело зависят от величия творчества полководца-стратега и от степени его власти над событиями на театре военных действий.

Как мы уже сказали, стратегия есть свободное творчество полководца на театре военных действий. Как бы ни был тщательно и всесторонне разработан план будущей кампании,

он при фактическом своем осуществлении во время войны наверняка подвергнется изменениям, даже, быть может, коренным изменениям, в зависимости от тех событий, которые будут происходить на театре военных действий по воле стратегов противника, и, безусловно, конечный успех будет на стороне того стратега, который окажется более велик и свободен в своем творчестве и сумеет взять власть над событиями.

История военного искусства свидетельствует, что предполагаемой в подготовительный период планомерности в операциях предстоящей кампании фактически не получается. Генеральный штаб и все сознательно трудящиеся над предвидением планомерного развития будущей кампании часто оказываются работающими всуе: какой-то deus ex machina[43]) зачастую вершит все дела по-своему...

Поэтому военная доктрина категорически заявляет, что современный стратег должен в совершенстве понимать настоящее и обладать способностью правильно предвидеть возможное грядущее, дабы быть совершенно свободным в своем творчестве и властвовать над грядущими событиями. В этом случае стратег поднимается гораздо выше толпы и является как бы пророком для современников и для ближайшего потомства.

Но раз военная доктрина предъявляет к стратегу такое требование, то мы должны прийти к заключению, что область военного будущего сейчас снова нуждается в своих пророках, так как для нашего обыкновенного человеческого ума эта область остается совершенно недостижимой, задернутой какой-то туманной завесой, за которую способен заглянуть только гениальный ум и возвестить нам все то, что скрыто за этой завесой.

Суворов и Наполеон дали свои пророчества на сотню лет, и теперь их предсказания проверены на опыте в высшей мере. Они как бы достигли сейчас зенита своего культа, из которого мы должны только усвоить имманентный разум, прикладная же сторона теперь совершенно изменилась. В настоящее время явились новые факторы в области стратегии, как-то: экономика и бесконечный прогресс военной техники с ее колоссальными завоеваниями в воздухе, на земле и под землею, на воде и под водою. Прямой провод. Радио. Появилось химическое оружие. Пространство побеждено на земле, в океане и в воздухе. Будущая большая война будет происходить в пределах всего земного шара. Следовательно, можно смело сказать, что мы находимся накануне новой эпохи — эпохи *стратегии и тактики будущего,* которые ожидают только своего пророка.

Для обыкновенного человеческого ума остается пока скрытым приложение всего нового к делу. С того момента, когда все приготовленные в мирное время орудия истребления

на войне по решению полководца-стратега получают движение, для заурядного человеческого ума все становится темным. Признаки будущего улавливаются и признаются только гениальными стратегами, людьми глубокого ума и беспредельной фантазии, основанной на предвидении грядущих событий. Такие люди должны быть свободны в своем творчестве, и поэтому никакие предварительно разработанные планы кампаний для них не обязательны. Аллегория незаполненного листа белой бумаги — вот что будет храниться у такого стратега в качестве плана грядущей войны, т. е. вместо детально разработанного плана кампании он будет только хранить старые вековечные истины, а именно:

1) Выигрыш сражения и боев — одно, а выигрыш кампании — другое. Можно выиграть все сражения и бои, но кампанию проиграть (Наполеон, Японо-Китайская война 1900 г.[44]), Германия 1914—1918 гг.).

2) Кампанию выигрывает тот, кто к концу войны сильнее, нежели был в начале ее.

3) Приращение силы можно создать путем радикального уничтожения противника, путем заключения соответствующего союза и пр. Усиление же своей боевой мощи — исключительно за счет истощения своей страны — ведет к проигрышу кампании (Наполеон 1814 г., Германия 1914—1918 гг.).

Помня эти непреложные истины и руководствуясь неизменными принципами стратегии, гений полководца грядущей войны будет свободно творить и властвовать над грандиозностью этих событий.

Военная доктрина ждет такого стратега-гения, так же как стратегия и тактика будущего ждут своего пророка.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА И ЕДИНАЯ ВОЕННАЯ ШКОЛА

Как нами уже указывалось в предисловии, многие лица понятия «единая военная доктрина» и «единая военная школа» смешивают в одно общее понятие, полагая, что указанные понятия означают одно и то же. По нашему же мнению, эти два понятия являются совершенно различными и смешивание их есть простое недоразумение, выросшее исторически и продолжающее еще существовать и в настоящее время в виде какой-то неразгаданной формулы.

Военная доктрина, как мы уже говорили, есть учение о государственной военготовности. Военная доктрина апеллирует к государственной власти и вследствие этого является функцией государственной, она совершенно не вмешивается в житейские передряги. Единая же военная школа к государственной власти не апеллирует, а следовательно, и функцией государственной не является. Единая военная школа есть понятие, вытекающее из сущности военной доктрины, у

которой она, как было уже выше сказано, является помощницей как в деле боевой подготовки армии, так и в особенности на поле сражения, и притом помощницей активной, здравомыслящей, проявляющей неисчерпаемую инициативу, проводящей требования военной доктрины в жизнь, применяя эти требования на практике и совершенствуя их в зависимости от разнообразных условий современной эпохи.

Военная доктрина покрывает единую военную школу, первая, если можно так выразиться, является доктором, а вторая — аптекарем, претворяющим рецепты этого доктора в реальные целебные лекарства.

Какое понятие родилось раньше: военная доктрина или единая военная школа? По нашему мнению, понятие «военная доктрина» появилось одновременно с мыслью о необходимости государству иметь вооруженную силу, т. е. в тот момент, когда государство обзавелось вооруженной силой в руках центральной власти; вооруженная сила является фактором государственного характера с тех пор, как явилась необходимость оборонять данное государство. Понятие же «единая военная школа» появилось в то время, когда данное государство уже обзавелось регулярной вооруженной силой...

Во всех современных армиях единая военная школа шагнула столь далеко, что *строевая часть* представляет собою строгую единую школу своей армии. *Строевая часть* во всех армиях выделена и проводится через уставы, которые утверждаются высшей государственной властью. Команды и сигналы во всей армии данного государства совершенно одинаковы и для всех обязательны, изменять их по своему личному усмотрению никто не имеет права. Следовательно, в современных армиях в области строевой, чисто фронтовой, единая военная школа выдержана до высшей степени.

Теперь обратимся к области стратегии и к области тактики.

Как стратегия, так и тактика являются делом интеллекта и воли. Как в сфере деятельности интеллекта, так и в сфере деятельности воли единая военная школа выставляет определенные принципы, которые усваиваются всеми в *совершенно одинаковом понимании.*

Относительно воли можно сказать вкратце, что единая военная школа требует и в области стратегии, и в области тактики непреклонного и настойчивого проведения в жизнь раз принятого разумного решения. Воля должна быть непоколебима, но, для того чтобы она была непоколебимой, она должна быть свободной, а для этого в свою очередь необходимо, чтобы решения и в области стратегии, и в области тактики принимались единолично.

Непреклонное проведение в жизнь раз принятого решения является наилучшим решением. Правда, мы знаем, что

бывали натуры среди военных начальников, которые в погоне за лучшим решением разбрасывались и кончали тем, что даже хорошее решение не успевали провести в жизнь. Но такие начальники являются неудачниками, и они всегда проигрывали сражения.

В сфере деятельности воли не встречается споров, но споров много встречается в области, касающейся интеллектуальной деятельности, в вопросах определения понятия об единой военной школе.

В чем она заключается?

Главной целью единой военной школы является стремление добиться во что бы то ни стало *одинакового понимания военного дела.* Некоторые утверждают, что единая военная школа есть результат одинакового понимания военного дела. Однако же под влиянием каких факторов создается одинаковое понимание военного дела?

По нашему мнению, одинаковое понимание военного дела создается под влиянием военного образования, а последнее только тогда приведет к одинаковому пониманию военного дела, когда будет неуклонно и однообразно проводиться в определенном направлении.

Единая военная школа есть категорический, саморазумеющийся универсал в пределах армии данного государства.

Единая военная школа есть понятие самодовлеющее, самодержавное, а никак не понятие, вытекающее частично из какого-либо другого понятия.

Возьмем область стратегии.

Можно ли утверждать, что в области стратегии военная доктрина раз навсегда может поставить категорический императив «наступать во что бы то ни стало»? Может ли стратегическая доктрина быть непременно только нападательной?

Мы должны дать отрицательный ответ, так как, по нашему мнению, в стратегии каждого отдельного государства должна быть своя военная доктрина, которая вытекает из склада данного государства и его стратегического положения...

Что же касается области тактики, то здесь военная доктрина дает камертон, одинаковый для всех армий, невзирая на свойства государства, на количество его живой и материальной силы. «Ничего, кроме наступления». Военная доктрина властно говорит тактике: «Идите к победе военной техникой».

Исходя из всего сказанного, задача единой военной школы и заключается в том, чтобы этот взгляд провести в жизнь, т. е. чтобы весь командный состав и вся вооруженная масса были обучены и воспитаны в соответствующем духе, чтобы все понимали, что стремиться к победе необходимо посред-

ством военной техники. Это значит, что надо стремиться к бою в такое время суток, когда военная техника может найти наибольшее применение и использование, т. е. надо стремиться к дневным боям.

Развивая эту мысль полнее, единая военная школа должна учить, что в области техники наибольшую силу среди дневного боя должна иметь артиллерия. Следовательно, вся армия должна быть обучена и воспитана в соответствующем духе, в сознании необходимости контактировать свои действия с артиллерией.

В общем, единая военная школа должна категорически установить свое определенное credo на все вопросы, вытекающие из требований военной доктрины, и неуклонно проводить эти вопросы в жизнь в требуемом направлении и в соответствующем духе.

Теперь является вопрос: при помощи чего все это проводить в жизнь, т. е. каким образом можно создать единую военную школу в армии данного государства?

Добиться одинакового понимания военного дела среди командного состава всех рангов можно только соответствующим образованием и военным воспитанием.

Военное образование в настоящее время не должно быть достоянием одной какой-либо категории лиц в виде офицеров Генерального штаба, как то было сравнительно очень недавно. Такое жречество совершенно недопустимо. В настоящее время каждый строевой начальник должен владеть познаниями наравне с штабными руководителями. Только тогда они взаимно будут понимать друг друга. Если же Генеральный штаб будет с высшим военным образованием, а строевое командование с низшим, то, разумеется, понимать они друг друга не будут.

Следовательно, первейшим условием достижения одинакового понимания военного дела служит распространение среди армии в самых широких размерах высшего военного образования. Задача высшего образования — дать критерии, дать способность уразуметь, что полезно, что когда приложимо к делу.

Правда, военная академия не в состоянии выработать гениальные стратегические способности, но академия может их развить в каждом человеке.

Выдающиеся командиры сплошь и рядом появляются не оттуда, откуда их ожидают, а поэтому в интересах армии необходимо принять все меры к тому, чтобы возможно большее число командного состава получило высшее военное образование, тогда только рядовые начальники способны будут быстро понимать друг друга, а таланты получат возможность ярче проявить свои выдающиеся способности.

Единая военная школа должна установить свой правильный взгляд на боевой труд в пределах суток. Как раньше, так и теперь в ночном бою победа достигается посредством действия холодным оружием, т. е. штыком, ибо военная техника ночью не способна проявить свою активную силу. Кроме того, при нынешних средствах воздушной разведки нет никакой возможности делать днем скрытные передвижения, даже в глубоком тылу, и такие боевые действия, как походное движение, перегруппировка войск на фронте, должны быть отнесены на ночь, а дню должны принадлежать такие боевые действия, в которых преобладающее значение имеет техника.

Что же касается обороны, то при обороне могут быть допущены ночью всякие технические средства до самых сильнодействующих включительно.

Но если сказанное нами сейчас о разделении боевого труда в пределах суток справедливо, то, следовательно, можно допустить, что и тактика боя днем и ночью будет совершенно различна. Да, это так, и об этом мы будем говорить ниже.

Как уже выше было нами сказано, вооруженная сила является фактором в руках государственной власти для решения задач международного характера. Государственная власть создает единый устав, и этот устав является обязательным для всей армии данного государства. Следовательно, *уставы являются средством создания в армии единой военной школы.*

Единая военная школа стремится к достижению в рядах армии одинакового понимания военного дела. Одинаковое же понимание военного дела до боя и в бою достигается посредством высшего образования. Но теперь спросим: что же нужно, чтобы все поступали одинаково? Ответ: у всех должна быть одинаково воспитана воля.

Говоря «у всех должна быть одинаково воспитана воля», мы имеем в виду некоторого среднего человека, обладающего средними способностями. Мы имеем в виду человека со средними способностями, взятого из войсковой массы. Для людей же с высокоразвитыми способностями, для талантов, такое толкование не годится. Почему? Да потому, что они есть двигатели прогресса военного дела. Они являются теми именно людьми, которых ждет военная доктрина как своих пророков. Связывать таких людей по рукам и по ногам определенными лозунгами совершенно безрассудно и нецелесообразно, ибо они способны всегда и всюду дать творческую работу и оставлять следы своего творчества в назидание массе.

Следовательно, в эпоху современных массовых армий единая военная школа должна трудиться над развитием и культивированием способностей среднего человека, дабы создать

из него разумную и отважную коллективную личность — роты, эскадроны, батареи, полки, дивизии, армии, много армий... послушных разуму и воле талантливого полководца...

(И. Вацетис. «О военной доктрине будущего», ГИЗ, М., 1923, стр. 49—74.)

* * *

Б. М. ШАПОШНИКОВ

Борис Михайлович Шапошников *(1882—1945) — Маршал Советского Союза. Окончил Военную академию Генерального штаба в 1910 г. В годы гражданской войны был начальником Оперативного управления полевого штаба РВС Республики. После гражданской войны командовал военными округами. Был начальником Военной академии им. М. В. Фрунзе, начальником Генерального штаба, заместителем Наркома обороны и начальником Высшей военной академии. Член КПСС с 1930 г., кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1939 г.*

Основные работы. *«Конница», Кавалерийские очерки, М., 1923; «На Висле», К истории кампании 1920 г., М., 1924; «Мозг армии», книга I, М., 1927; «Мозг армии», книга II, М., 1927; «Мозг армии», книга III, М., 1929; «Варшавская операция», М., 1933.*

МОЗГ АРМИИ

Обширный труд Б. М. Шапошникова «Мозг армии» состоит из трех томов. На основе подробного и глубокого анализа научных трудов и деятельности начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада [45]) до первой мировой войны Б. М. Шапошников разбирает проблемы работы генерального штаба в современных условиях. Ниже приводится с сокращениями одна глава из книги I и две главы из книги III.

ЭКОНОМИКА И ВОЙНА

Характер будущей войны. Экономический план войны. Оперативное прикрытие промышленной мобилизации. Генеральный штаб и экономическая подготовка к войне

...Если Клаузевиц [46]) предупреждал, что война захватывает все области жизни, то после изменения характера войны уже во времена Мольтке (старшего) можно было бы прийти к выводу, что руководство подготовкой и ведением самой войны не является уже делом одного генерального штаба. Ныне все согласно говорят, что это должно находиться прежде всего в руках правительства. Только оно, взвесив все факторы экономического развития своей страны и стран вероятных противников, может правильно поставить *прогноз характера будущей войны.* Только одно правительство определяет применение стратегии *сокрушения* или стратегии *измора.*

Мы с удовлетворением прислушивались к поучениям гражданских участников совета министров Австро-Венгрии, которые предлагали начальнику генерального штаба в его денежных требованиях учитывать обстоятельства *внешней и внутренней политики* и ступени *экономического* развития монархии Габсбургов [47]), справедливо отмечая, что для успеха одна военная готовность будет мало значить, если экономически страна не готова.

Ныне мы можем с полной определенностью сказать, что *характер* будущей войны определяется *экономикой.*

Кончилась мировая война, и мы снова на пороге грядущей войны, характер которой должен быть определен, дабы вести правильную к ней подготовку...

Ввиду критики нами бывшего генерального штаба считаем себя обязанными внести и свое суждение по этому вопросу. Отнюдь не собираемся быть прорицателями и пророками, а отправной данной для наших рассуждений берем *экономическую силу.*

Ее развитие указывает нам на то: 1) что будущая война неизбежно повлечет за собой экономическую борьбу, которой тыл будет захвачен не меньше, если не больше, чем фронт; 2) что экономическая борьба обострит происходящий процесс классового расслоения и может естественно войну перевести в революцию; 3) что развитие производительных сил даст в руки сражающихся новые средства борьбы, более смертоносные, чем применявшиеся в наши дни.

Нас вправе спросить, *к какому же виду стратегии* мы примыкаем. Не считаем нужным уклоняться от ответа.

Развитие экономической силы дает устойчивость стороне, вступающей в борьбу, обеспечивая ее и лучшим оружием.

Но то же развитие экономики заставляет нас вспомнить поучение Ленина, что очень *важно знать, какой класс ведет войну,* ибо разгорающаяся классовая борьба понизит обороноспособность государства, вступившего в войну.

Мы не собираемся быть «пророками» или «предсказателями», так как вполне согласны с А. Свечиным, что претендовать на это в области стратегии могут лишь «шарлатаны».

Своей обязанностью лишь считаем подчеркнуть, что, вероятнее всего, *будущая война примет характер борьбы на измор*, но в зависимости от размеров страны противника, от его внутреннего состояния, от развивающейся в нем классовой борьбы не исключена возможность и стратегии *сокрушения.* Давать рецептов отнюдь не собираемся, а «дело в том,— как говорит Клаузевиц,— чтобы зорким взглядом окинуть самые выдающиеся соотношения обоих государств. В них отыщется известный центр тяжести, центр силы и движения, от которого зависит все целое. На этот центр тяжести противника должен быть направлен совместный удар наших сил»...

Слов нет, что разгром живой силы противника будет лучшим началом, как о том говорит тот же Клаузевиц, но это «сокрушение» не знаменует в наши дни еще окончательной победы. Последняя может скрываться на иной «линии поведения». Для достижения успеха мы считаем необходимой полную гармонию «всех линий поведения», хорошую подготовку к войне на каждой из них.

Таким образом, не собираемся предсказывать ни «семилетнюю», ни «тридцатилетнюю» борьбу, а советуем быть готовым *к длительному и интенсивному* напряжению в будущей войне. Если, для того чтобы поколебать серединные государства в мировой войне по «причинам разложения военного аппарата, вследствие именно влияний экономических и социальных», как предсказывал Блиох[48]), понадобилось 4 года, то в переживаемые нами дни этот срок может оказаться и меньше.

Экономическая сила и учет того, какой класс ведет войну, будут самыми верными путями в *определении характера будущей войны,* которыми мы и предлагаем следовать «стратегу» — «мужу государственному».

Выше нами показано, что перед мировой войной в Австро-Венгрии было сделано очень мало в смысле подготовки борьбы на экономическом фронте. Да и не в одной Австрии... То же было и в Германии, Франции и других странах. В Германии, правда, появилась даже литература и поднят был вопрос об «*экономическом* генеральном штабе». Во Франции на бумаге существовал «Национальный совет обороны», не функционировавший в действительности.

В наши дни, конечно, не приходится доказывать необходимость экономической подготовки войны, существования *экономического* плана войны. Это ныне осознано везде и всюду. Правда, нужно сказать, что от сознания до действительного осуществления — дистанция известного размера, которую перешагнуть еще не могут ни в одном государстве.

По размерам нашего труда не можем, конечно, развивать подробно теорию экономической подготовки войны.

Как было выше указано, определение характера будущей войны требует правильной оценки экономической мощи как своей страны, так и страны противника. Поэтому ясно, что в современных условиях органу, руководящему войной в целом, а равно и стратегу необходимо быть в курсе всех этих вопросов. Иными словами, с одной стороны, в их распоряжении должны быть полные сведения о состоянии и развитии производительных сил своей страны, а с другой — приняты меры к широкой разведке того же у противника. Экономическая разведка ныне является столь же нужной и необходимой, как и сбор сведений об остальных элементах мощи и силы враждебного государства...

Экономический план войны должен предусматривать не только подготовку к войне армии и театра военных действий, не только содержать в себе «военную сторону», в смысле питания армии всем необходимым, но затрагивать вообще «экономическую линию поведения» государства во время войны. В плане должно быть предусмотрено развитие народного хозяйства страны, должны быть продуманы и подготовлены финансовая и экономическая мобилизация и транспорт.

Нами не раз указывалось, что *запасы сырья* в Австро-Венгрии были распределены неравномерно по территории государства и развившаяся индустрия страны в этом встречала затруднения уже в мирное время. Конечно, органу, который бы ведал подготовкой к войне, над этим следовало подумать, но такового в монархии Габсбургов не было, а начальник генерального штаба так глубоко не вникал в развитие подготовки.

То же самое мы должны сказать и о *финансовой* стороне экономического плана, если бы он вообще существовал в те времена на берегах Дуная. Если в Германии в этом отношении были предприняты меры и начало войны дало устойчивость германской валюте гораздо большую, чем ее противникам, то в Австрии ничего подобного не было. Нами приводились показания Краусса об его предложениях «военных» денег, предложениях, кои не тронули косных мозгов генерального штаба и финансистов государства. Начальник генерального штаба даже заявил нам, что он не считает себя вправе и не компетентен оценивать финансовые возможности страны. Нельзя, конечно, признать правильным такое заявление «мужа государственного», получившего заслуженный упрек от других деятелей государства при обсуждении военного бюджета.

Мы не затрагивали вопроса подготовки *транспорта* к войне, так как осветим это в особой главе. Однако здесь же нами были показаны мероприятия в этой области австро-венгерского генерального штаба. В этом мы обязаны отдать ему должное по заслугам. Транспорт, как важный фактор войны, учитывался всеми генеральными штабами, и в этом Конрад не был исключением.

Обращаясь к вопросу мобилизации *гражданской* промышленности для целей войны, ныне можно сказать, что ни одно государство перед мировой войной не учло всю важность такой подготовки страны. Предъявлять суровые в этом требования к начальнику австрийского генерального штаба нельзя. Мы слышали, как он заботился о материальной подготовке армии к войне, как настойчиво указывал на необходимость накопления мобилизационных запасов, своевременного их сосредоточения и обеспечения производства на время войны.

Начальник генерального штаба, не получая данных о производительности военных заводов от военного министра, сам различными путями старался их иметь в своем распоряжении, устанавливал нормы продукции для военного времени, учитывал необходимость поддержки заводов заказами в мирное время, дабы сохранить на них нужную для войны квалифицированную силу.

Одним словом, мы не можем сказать, что со стороны Конрада не было заботы о подготовке *военной* промышленности на случай войны, обеспечения ее рабочей силой и даже сырьем для выработки нужной продукции.

Это упование на силы *одной военной* промышленности для питания войны обще всем генеральным штабам и военным управлениям перед мировой войной. Ныне, конечно, хорошо известно, что такой способ питания войны обеспечивает лишь на 10—15% ее нужды, а остальное должно быть перенесено на *гражданскую промышленность, мобилизующуюся с первых дней войны.*

Мы не вправе развертывать перед читателями полную картину всей подготовки и мобилизации гражданской промышленности, как она ныне нам мыслится. Алчущих этих познаний отсылаем к соответствующим трудам по этому вопросу, коих сейчас достаточно на всех языках.

Нам хотелось бы только отметить, что промышленная мобилизация должна быть тщательно подготовлена, увязана тесно с военными требованиями, т. е. давать в нужных размерах то, что необходимо армии и что может быть ею использовано, а не с целью накопления запасов вообще. Отнюдь не должно быть «перепроизводства» «военного материала», как справедливо отмечает А. Свечин, ибо это ведет к перенапряжению промышленности, перенапряжению всей страны и ослаблению ее обороноспособности и сопротивляемости. «Большая программа Гинденбурга»[49]) в Германии во многом способствовала внутреннему кризису страны и капитуляции перед Антантой.

Мобилизация гражданской промышленности и подготовка к ней в наши дни является столь необходимой и столь важной работой, что изучение ее основных принципов и даже деталей должно быть хорошо известно каждому государственному деятелю и ответственному военному работнику независимо от того, является ли он частицей «мозга армии» или нет. Необходимо знать продолжительность промышленной мобилизации, способы ее проведения, обеспечение необходимыми чертежами, лекалами для постановки нового производства и обеспечение соответствующей рабочей силой вообще, а квалифицированной в частности и т. д.

Те вопросы, которые возникали у начальника австрийского генерального штаба в отношении военных заводов,

ныне должны быть отнесены ко всей промышленности страны.

Кроме мобилизации гражданской промышленности, должна быть проведена вообще *экономическая мобилизация* во всей стране. Мы слышали от австрийских военных писателей, что этот вопрос совершенно не разрабатывался в Австро-Венгрии, да и не в ней одной. Ныне в теоретических трудах по стратегии мы читаем об «экономическом равновесии между городом и деревней», о необходимости продовольственной подготовки войны и т. д. 12 лет назад об этом не писали. Ценой тяжелого опыта доходят до истин, которые ныне являются откровением и кои в седые времена истории были хорошо известны деятелям страны, вступающей в войну.

На этом обрываем наше повествование о подготовке к войне экономики государства в целом, снова повторяя, что, несмотря на всю злободневность этого вопроса для наших дней, не можем пускаться в его детальную трактовку.

Мы остановим внимание читающего наш труд на том, *кто же должен руководить этой подготовкой страны.*

На протяжении нашего труда мы не раз выявляли свою точку зрения на руководство подготовкой к войне государства в целом и говорили, что ныне это составляет дело *«коллектива»,* дело правительства или же особо им созданного органа, что во всех странах или существуют различные «советы обороны», или же будут, безусловно, существовать с первых же дней войны.

Подобный орган, созданный до мировой войны во Франции, оказался «мертвым».

Как отмечалось выше, *до мировой войны ответственными за подготовку к войне, по военному законодательству, считались генеральный штаб и военное министерство.* Ни на какие другие государственные органы эта ответственность не распространялась, если не считать соответствующего обеспечения правильного хода мобилизации в смысле поставки людей, лошадей и повозок, за что было ответственно министерство внутренних дел с его органами, и соответствующего накопления денежных средств финансовыми органами государства. Экономическая подготовка сводилась к работе снабжающих органов военного ведомства, к усилению деятельности военных заводов и предприятий.

В этих рамках подготовка к войне и понималась генеральными штабами различных стран. Мы подробно ознакомили читающего наш труд с деятельностью в этом начальника австро-венгерского генерального штаба. Мы слышали, как Большой германский генеральный штаб, в принципе соглашаясь с необходимостью экономической подготовки к войне и существования для этого особого органа, не намерен был включать его в свои недра, сваливая на военное

министерство; последнее, в свою очередь, находило нужным иметь его в составе министерства внутренних дел, которое окончательно отмахнулось от него. Такова «история» «экономического генерального штаба» до мировой войны.

Ныне в отношении значения экономической подготовки войны двух мнений нет, — всюду она признана важной и необходимой. Но что касается того, кому ею ведать, существуют различные взгляды.

В главе о генеральном штабе и внутренней политике нами были приведены уже *две* точки зрения на руководство подготовкой к войне, имеющиеся в нашей литературе: П. П. Лебедева [50]) и А. Свечина. Если первый строит это на *«коллективном»* органе — *«мобилизационном комитете»,* являющемся органом, цементирующим подготовку к войне, то А. Свечин возлагает подготовку к войне на *«генеральный штаб».*

В частности, в отношении экономической подготовки к войне в своем труде «Стратегия» А. Свечин говорит: *«Экономический* генеральный штаб» является отражением современного расширенного представления о руководстве войной. Если боевые задачи предстоят в течение войны не только на фронте вооруженной борьбы, но и на фронте классовом и экономическом, то необходимо заблаговременное создание *боевых органов,* ведающих подготовкой и подготовляющих себя к руководству соответствующим фронтом. Создание же боевого экономического штаба стоит в порядке ближайших мероприятий».

«Опыт прошлого показывает, что без особого боевого органа деятельность различных высоких вневедомственных органов по общей подготовке к войне может замереть»...

«Экономический генеральный штаб, — продолжает А. Свечин,— может быть немногочислен, но квалификация его должна стоять очень высоко. Мы полагаем, что частью он должен состоять из лиц, тесно связанных своей подготовкой и службой с Красной Армией и получивших высшее военное образование, дополненное стажировкой в промышленности и отдельными работами военной экономики, а частью из выдающихся экономистов и техников с широким взглядом, специально разрабатывающих вопросы экономики, связанные с войной, и уделивших время для ознакомления с историей некоторых последних войн, стратегией и администрацией».

Может быть, читающему наш труд вспомнится Блиох с его советами до мировой войны о привлечении к работе в подготовке войны видных экономистов и социологов. Если в те времена «военные» не хотели допускать «штатских» к делу обороны страны из боязни разглашения военной тайны, то ныне, как видим, такое вхождение признается не только желательным, но даже и обязательным.

Для нас в данное время интересно определить место

«экономического генерального штаба» в системе военного управления и государственного аппарата.

Ранее мы приводили мысли А. Свечина о генеральном штабе вообще, позволим ныне их напомнить.

А. Свечин говорит, что «для упорядочения гигантской работы по подготовке к войне требуется «коллектив». «Согласовать, гармонизировать подготовку, столь емкую, столь разнообразную, направляющуюся по стольким отдельным линиям, может только генеральный штаб»...

Таким образом, если мы правильно понимаем автора «Стратегии», то для подготовки к войне *«нужно не подобие парламента ведомств, отражающих все центробежные стремления, каким намечается мобилизационный комитет, а генеральный штаб»*.

Иными словами, снова *руководство подготовкой к войне должно быть передано в генеральный штаб.*

Однако генеральный штаб наших дней, как выяснено было ранее, не является полководцем былых времен, и если мы дошли до «интегрального полководца», то также подошли вплотную и к *«интегральному* генеральному штабу». Ныне наряду с *«оперативным»* генеральным штабом должен существовать *«экономический»* генеральный штаб, а так как война ведется и на политическом фронте, то, следовательно, появится и *«политический»* генеральный штаб. Но так как какой-нибудь орган должен будет увязать работу всех трех штабов, то необходимо существование *«сверхгенерального штаба»*. Мы оговариваемся, что мысли эти наши, и отнюдь не хотим их приписать уважаемому автору «Стратегии».

Если *«оперативный»* генеральный штаб можно приравнять к прежнему *«мозгу армии»,* то *«экономический»* и *«политический»* генеральные штабы должны составить, по нашему мнению, *«мозг страны», а «сверхгенеральным штабом» может быть только одно правительство.*

Мы не возражаем, что «агенты одного целого» — представители «оперативного» генерального штаба — будут входить и даже должны быть в составе «экономического» и иных штабов для увязки работы, но присваивать «боевым органам», ведающим подготовкой к войне на фронтах «экономическом» и «политическом», наименования генеральных штабов мы бы воздержались.

Одним словом, мы считаем, что руководство подготовкой к войне на политическом и экономическом фронтах должно быть предоставлено *особым органам* государства, а не армии и *отнюдь не генеральному штабу, хотя бы* и *«интегральному»*. Генеральному штабу, как таковому, достаточно будет работы и в области оперативной подготовки.

Что должны собой представлять эти органы: «подобие ли парламента ведомств», как выдвигает это П. П. Лебедев, или

же особые государственные органы, как это мыслится А. Свечину,— это вопрос другой. Мы считаем, что без «парламента ведомств» не обойтись, но наряду с ним должны быть и государственные аппараты, которые концентрировали бы в себе подготовку к войне на том или ином фронте, как делает это «мозг армии» на фронте военном.

Справедливо нам укажут, что если до мировой войны генеральный штаб был заинтересован в надлежащей подготовке войны в области снабжения армии, то ныне он не меньше, если не больше, оказывается заинтересованным в подготовке к войне, в частности на фронте экономическом, всего государства в целом. Отнюдь не собираемся отрицать такую заинтересованность, ибо справедливо английский полевой устав возлагает на генеральный штаб «выбор такого образа действий, который с качеством подготовленной к войне вооруженной силы в кратчайший срок мог бы оказать на враждебный народ воздействие в желательном направлении». Но также справедливо тот же устав отмечает: «ввиду того что на план войны влияют различные соображения, касающиеся морских и сухопутных сил, воздушного флота и политики, ответственность за принятие, изменение или переработку этого плана падает на правительство, которое, одобрив план, в принципе берет на себя ответственность за обеспечение его выполнения необходимыми силами».

В общем и целом, войну подготовляет, ведет ее и ответственно за успех или неудачу не генеральный штаб, а правительство государства, которое или само, или через особый орган (Совет обороны) цементирует подготовку на различных «линиях».

Что же касается генерального штаба, то он через своих представителей в *«боевых органах»,* ведающих подготовкой к войне на различных фронтах, должен быть в курсе их работ, обязан вносить те или иные предложения в смысле наибольшего удовлетворения оперативных требований, но не диктаторствовать в них, памятуя, что окончательное утверждение *плана войны* — дело правительства, что перенапряжение экономической силы государства чревато угрозами проигрыша войны, как бы блестящи ни были победы на полях сражений.

Когда-то Бисмарк[51]) говаривал, что «политика — не поле сражения». Мы позволяем себе это изречение отнести ко всей войне в целом, ибо ныне война не концентрируется на одном только театре военных действий. Доказательств не приводим, так как это ясно и без них.

Итак, если Конрад не считал себя обязанным входить в обсуждение экономической мощи Австро-Венгрии, ее способности как государства к войне, но в то же время находил возможным предъявлять к ней высокие требования в тра-

тах средств на армию, то ныне подобные действия со стороны начальника генерального штаба были бы резко и решительно осуждены.

Касаясь вопросов *экономического плана войны,* кои нами были набросаны выше, мы должны указать, что во всех них современный генеральный штаб будет заинтересован, каждый из них должен быть учтен им в полной мере и каждому из них генеральным штабом должна быть оказана поддержка. Общая же ориентировка в экономическом плане войны даст генеральному штабу как вывод представление об экономической мощи государства, которое в свою очередь даст данные правительству для определения характера войны и «выбора образа действий» «вооруженной силы» в общем и целом.

Таковы наши думы о генеральном штабе и экономике государства в подготовке к войне. Они не оригинальны, они могут быть и ошибочны — мы не претендуем на их непреложность, ибо «более могучие головы» их разрешают, чем наши.

Чтобы покончить с промышленной мобилизацией, мы остановим внимание на *ее оперативном прикрытии от ударов противника.* Должны быть приняты меры: 1) к отнесению в глубь территории страны фабрик и заводов, которые будут работать на оборону, не говоря уже о чисто военных заводах; 2) приняты особые меры по прикрытию индустрии и предприятий добывающей промышленности, если таковые находятся вблизи границы (нами отмечалось, что Мольтке (младшему) [52]) пришлось пойти на изменение идеи плана Шлиффена, учитывая возможность вторжения французов в промышленные районы Германии); 3) должны быть приняты меры к защите таких центров от воздушных налетов противника, меры химической обороны и меры внутреннего охранения. Все это должно быть продумано генеральным штабом, даны руководящие основания и необходимая постоянная ориентировка в действительном осуществлении принятых мер...

Во всех армиях непосредственные заботы о материальном обеспечении армии как в мирное время, так и во время войны сосредоточивались в *военном министерстве,* а в Австро-Венгрии даже в трех (общеимперском и двух ландверов).

Генеральный штаб, однако, решительно выступал с теми или иными предложениями как в области вооружения, так и вообще снабжения армии. Мы знаем, какие непрерывные бои на этом фронте приходилось выдерживать начальнику австро-венгерского генерального штаба.

Прав ли был генеральный штаб, затевая эти бои?

Прямой обязанностью генерального штаба является подготовка армии к победам на театре военных действий. Ду-

маем, ныне ясно, что, как говорит Энгельс, победа в большинстве случаев останется за производителем лучшего, усовершенствованного оружия. Поэтому генеральный штаб не мог безучастно относиться к вопросам *вооружения армии*...

Не можем не отметить, что генеральный штаб в мирное время усиленно заботился о *бесперебойном питании армии в случае войны патронами и снарядами*. Мы не будем здесь снова повторять того, что было нами сказано об этом выше. Должны только отметить, что все генеральные штабы ошиблись в расчетах необходимых норм боевых запасов, но австро-венгерский генеральный штаб был ближе к действительности, чем другие.

Снарядный и патронный голод являет собою яркий пример того, как необходимо правильное определение характера будущей войны и в зависимости от него установление нормы нужных боевых запасов и порядка их пополнения. Мировая война с очевидностью показала, что удовлетворить потребности армии в патронах и снарядах одной военной промышленностью невозможно, необходима мобилизация гражданской промышленности. Что касается мобилизационных запасов, то они должны быть рассчитаны в таком размере, чтобы обеспечить армию до того времени, когда мобилизованная гражданская и военная промышленность заработает полным ходом, давая армии регулярный приток боевых запасов.

Мы не вправе дальше останавливаться на этом вопросе.

Наш вывод прост: в деле материального обеспечения армии генеральный штаб должен проявлять инициативу, входить в установление общих основ этого обеспечения и вообще быть всегда в курсе военного снабжения, являясь по-прежнему в этом «мозгом армии». Слов нет, что нельзя здесь строить «карточные домики», нельзя задаваться неосуществимыми идеями, все они должны быть подчинены закону развития экономической силы страны, строго сообразны действительности и быть «реальными». Думается, что не нужно доказывать всю полезность создания «реальных» родов войск, «реальных» запасов и проведения в военном деле реформ, имеющих под собой материальную базу...

Военный бюджет до мировой войны понимался как план строительства государством военной системы, как известная подготовка к войне, как «финансовое выражение» плана войны государства, и те или иные его размеры в отношении к общему бюджету знаменовали собой степень интенсивности подготовки к войне государства.

Ныне в *один военный бюджет* мы не можем включить все представления о *плане войны* государства, так как план войны должен охватывать подготовку к ней всего государства в целом, и нам мыслится, что каждое из ведомств государ-

ственного аппарата в своем бюджете должно иметь известные параграфы и статьи, предназначенные для подготовки к войне.

В наши дни *военный бюджет* «выражает» лишь подготовку вооруженных сил к войне, и с этой точки зрения считаем необходимым ныне подходить к военному бюджету.

«Военный план» или «военный бюджет», являясь показателем *военного напряжения* страны, покоится на так называемой *бюджетной численности армии*, т. е. той армии, которую государство содержит в мирное время. Известное соотношение между численностью вооруженных сил и стоимостью их содержания составляет определенную закономерность, и обычно по стоимости одного солдата определяют тяжесть налога крови. Конечно, здесь нельзя понимать именно только те расходы, кои падают непосредственно на содержание одного солдата, в смысле его пропитания и обмундирования. В *бюджетную* стоимость солдата, если так можно выразиться, включаются расходы на выполнение всей программы по подготовке армии к войне: содержание армии, накопление мобилизационных запасов и т. д.

Поскольку в мирное время вооруженные силы государства готовятся к войне, постольку военный бюджет должен содержать в себе часть расходов по самой войне, входить составной данной в *«стоимость войны»*...

...Военный бюджет есть «финансовое выражение военного плана». Придавать военному плану «финансовое выражение» составляло во всех армиях обязанность военного министерства, а в Австро-Венгрии даже трех военных министерств. На них же падала защита военных бюджетов перед представительными учреждениями как органов, ответственных за это по конституции...

В каждой армии можно было наблюдать бои за военный бюджет не только в правительственных органах, но прежде всего внутри военного ведомства. Всюду генеральный штаб выступал со «своей» программой военного строительства, даже придавая ей цифровое выражение, как мы это видели на примере австро-венгерского генерального штаба.

Отрицать какое-либо участие генерального штаба в составлении военного бюджета, конечно, нельзя и даже немыслимо. «Мозг армии» и должен оставаться таковым. Все основные предложения по военному плану не только могут, но и должны делаться генеральным штабом. Но не его обязанность подводить детальную экономическую базу под военный план, давать финансовую оболочку ему — это входит в круг ведения хозяйственных органов военного ведомства, иными словами, прежнего военного министерства...

Никогда не нужно забывать, что «военное искусство политике не указ», а военный бюджет есть дело не только чисто военное, но и политическое, и прежде всего экономическое...

(Б. Шапошников. Мозг армии, книга I, «Военный вестник», М., 1927, стр. 244—257.)

ПЛАН ВОЙНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Выбор времени для начала войны. Политическая внезапность. Гибкость плана войны. Утверждение плана войны

В современных условиях, когда война ведется всем государством в целом, в понятие плана войны уже приходится вкладывать не только одно стратегическое развертывание, но даже всю подготовку к войне вооруженных сил, ибо, как известно, война должна быть подготовлена также на фронтах экономическом и политическом.

В дальнейшем, говоря о плане войны в понимании его генеральным штабом в начале XX столетия, мы, в сущности, будем говорить о стратегическом развертывании вооруженных сил для войны на определенном фронте...

Выбор времени для начала войны должен быть согласован дипломатией с планом войны. Выбор времени зависит: 1) от политических причин и 2) чисто от природы войны.

Выше мы указывали, что некоторые современные нам стратеги требуют от дипломатии такой подготовки войны, чтобы «при наступлении дать нам выгоды политической внезапности и устранить их невыгоды при обороне»...

При современных средствах разведки одним государством военной подготовки другого нельзя говорить о какой-либо политической внезапности. В этом мы вполне согласны с начальником австро-венгерского генерального штаба, который указывал министру иностранных дел, что скрыть подготовку к войне нельзя и из-за внезапности или боязни обратить внимание другого государства не имеется никаких оснований не вести подготовку к войне.

Таким образом, мы отрицаем политическую внезапность и не хотим ставить дипломатии задачу дать нам возможность использовать выгоды этого средства.

Другое можно сказать о стратегической внезапности в наши дни. Как известно, план Шлиффена[53]) был отчасти построен на такой внезапности и в действительности смешал карты Жоффра в пограничном сражении. Мы бы не стали против этого возражать, если бы не мираж, не предвзятость

были заложены в мозги французского генерального штаба. История с очевидностью говорит, что план наступления немцев через Бельгию был давно известен и даже учитывался в плане Мишеля. Если французскому генеральному штабу времен 1914 г. угодно было заранее засорить себе мозги доктриной наступления и ложными представлениями о плане развертывания германских армий, то в этом мы видим меньше всего выгоды внезапности.

Пытливый ум Клаузевица предвидел подобную «нечаянность». Клаузевиц говорил: «Кто удивит противника неудачной нечаянностью, тот вместо успеха рискует получить заслуженную сдачу». Думая в наступлении подготовить для немцев «нечаянность», французский генеральный штаб получил «заслуженную сдачу».

Правда, в наши времена скорость сосредоточения военных сил изменилась в сторону увеличения и как будто выгоды внезапности «направления сил» возросли, но зато и улучшились средства разведки намерений противника еще задолго до войны.

Единственно какие требования начальник австро-венгерского генерального штаба предъявлял к дипломатии в отношении выбора времени — это не дать возможности противнику предупредить в развертывании, дабы не создать морального успеха и не начинать войны зимой, к которой армия Вены не была готова.

Эти требования Конрада нельзя подводить под понятие «политической внезапности». Что же касается его боязни зимы для похода австро-венгерской армии, то находим это вполне естественным...

Усложнившийся механизм современных массовых армий при их сосредоточении на границах требовал заблаговременной подготовки в соответствии с данной политической группировкой вероятных противников. При этом, чем более проста была эта группировка и заранее предусмотрена, тем проще было сосредоточение войск на известном фронте. Идеалом для каждого генерального штаба было подготовить сосредоточение армии так, чтобы оно, подобно мобилизации, шло как часы. К этому стремился каждый начальник генерального штаба, требовавший от дипломатии точного и заблаговременного выяснения, кого считать врагом, кого другом, а Конрад даже сам, с военной точки зрения, занимался подобной классификацией государств Европы...

Мы также особо не собираемся раскапывать могилы начальников генеральных штабов и ограничиваемся лишь установкой того факта, что перед мировой войной в генеральных штабах была тенденция разработки плана войны для определенной политической группировки государств, которая должна быть в наличии и к началу войны. Дипломатия должна

была стараться выдержать эту группировку и в своих действиях связывалась известной разработкой генерального штаба. Гибкости конкретных военных приготовлений почти не было, а там, где она оказывалась, была плохо соображена с чисто военной, технической стороны. Причинами таких прямолинейных планов войны являются: а) предвзятость в понимании связи политики и войны; б) господство принципа выброски всех мобилизованных сил на тот или иной фронт при отсутствии стратегических резервов и в) стремление иметь возможно меньше вариантов плана стратегического развертывания...

...План войны должен быть гибким, соответствовать различным политическим комбинациям. Часть из них можно предвидеть заранее, а поэтому можно иметь и несколько вариантов плана стратегического развертывания. Кроме того, каждый вариант должен предусмотреть возможность применения к той политической ситуации, которая слагается на внешнем фронте к моменту объявления войны.

Во всяком случае, техническими военными соображениями нельзя связывать внешней политики, ибо если война признает маневр, то такой же маневр лежит в природе самой политической борьбы...

В современном понимании плана войны прерогативы утверждения, конечно, могут принадлежать лишь одному правительству. Мы условились, что под планом войны понимаем конкретную военную подготовку или, иными словами, стратегическое развертывание.

Как известно, ежегодные «мемуары» начальника австро-венгерского генерального штаба, в коих затрагивалась и конкретная военная подготовка, разделялись на три части: 1) политическая, 2) общая подготовка и 3) конкретная военная подготовка. Если первые две части сообщались министрам иностранных дел и военному, то последняя часть докладывалась лишь верховной власти, причем внимание этих персон обращалось на особую секретность этой части соображений генерального штаба.

Аналогично утверждение планов стратегического развертывания происходило и в других странах, даже с республиканским строем, где план утверждался президентом.

Совет министров, решавший предварительно вопрос о войне или мире, точно так же лишь в выдержках посвящался в оперативную часть плана войны без занесения, конечно, в протокол происходивших по сему вопросу докладов генерального штаба.

В большинстве государств Европы перед мировой войной высшее руководство политикой и войной сосредоточивалось в руках лиц, представлявших собою верховную власть, и, таким образом, по сути дела, принятый порядок утверждения плана войны нужно было бы считать нормальным, если не

учитывать того, что фактически верховная власть была довольно ограничена и по закону, и по своим индивидуальным качествам.

Как нам известно, начальник австро-венгерского генерального штаба запрашивал министра иностранных дел об основных линиях внешней политики и на основе их составлял уже военную часть плана. Если о принимаемых к разработке вариантах плана войны министр иностранных дел им ставился в известность, то о средствах и способах выполнения этих вариантов последний не был осведомлен в обычном порядке. Ходила даже легенда, что германскому канцлеру не был известен план вторжения германских армий в Бельгию. Ныне эта легенда разрушена.

Такой порядок участия внешней политики в утверждении плана войны тем же генеральным штабом должен был постепенно нарушаться, о чем скажем несколько ниже.

План войны, представляемый на утверждение, должен был содержать в себе указание главных противников, главного театра войны, военную цель, предложения способов достижения поставленных политических и военных целей, т. е. применение стратегии измора или сокрушения, наступления или обороны, распределение сил и средств, установление срока их готовности к началу операций и план первых операций.

Не приходится много говорить о том, что во всех этих вопросах представители не только внешней, но и внутренней политики являются сильно заинтересованными. Если вспомним заседания австро-венгерского совета министров, то выступления на них Тиссы нужно признать вполне правильными и нормальными.

Поэтому считаем, что варианты стратегического развертывания должны обсуждаться и утверждаться не единоличными представителями правительства, а ответственными членами его в полном составе. Уклонение от этого начальников генеральных штабов объясняется: 1) признанием своей личной ответственности, по завету Мольтке (старшего), лишь перед королем, т. е. высшим представителем власти; 2) меняющимся частым составом кабинетов и нежеланием вследствие этого ставить в известность о планах войны широкий круг лиц...

Если первый довод как атрибут власти «полубогов» мы должны отвергнуть, то вопрос о сохранении в тайне конкретных военных приготовлений, конечно, имеет большое значение. Чем меньше лиц будет в них посвящено, тем лучше. Но, с другой стороны, нельзя лишить не только ориентировки, но и обсуждения плана войны представителей внешней политики да и других членов правительства, ответственных за подготовку войны в том или ином направлении...

В каждой ориентировке министра иностранных дел или совета министров начальником генерального штаба мы находим, прежде всего, указания о силах и сроках готовности армий к открытию военных действий. То же — в отношении вероятных противников.

Затем отсюда уже делался тот или иной вывод о желательности или ускорить начало войны, даже преднамеренно вызвать ее, или, наоборот, затянуть...

Военная цель также освещалась генеральным штабам, представителям дипломатии и советам министров, правда, в урезанных размерах. Частично затрагивался даже самый план операций, но в строго доверительном порядке.

Детали же плана стратегического развертывания начальниками генеральных штабов держались в тайне, и мы знаем, как резко реагировал Конрад на всякие попытки министерства иностранных дел заглянуть в эту область работы генерального штаба. Инцидент на итальянской границе с захватом наблюдательных пунктов и запрос по этому поводу министра иностранных дел, не делается ли это по плану войны, встретили резкую отповедь начальника австро-венгерского генерального штаба. А между тем, в сущности, вопрос был вполне уместен, ибо улаживать пограничные инциденты приходилось все же министерству иностранных дел. Наконец, уже отправляясь на фронт, Конрад усмотрел со стороны Берхтольда[54]) вторжение в права главнокомандования в ведении операций и снова протестовал.

Одним словом, военная часть плана войны считалась неотъемлемой принадлежностью генерального штаба и кругом его непосредственного ведения. Если им и делались откровения в этой области, то в силу необходимости, дабы получить от политики помощь, но никак не для того, чтобы согласовать военные требования или даже подчинить их политическим.

Нужно сказать, что как ни щепетилен в этих вопросах был Конрад, но он все же больше посвящал воинских дипломатов в свои конкретные военные соображения, нежели это делали другие начальники генеральных штабов. Представители политики Германии, России и Франции были менее осведомлены в планах войны своих генеральных штабов, поэтому, естественно, получался тот клубок противоречий и недоразумений, какие происходили между ними и создавали лишние трения, заставляя одних нервничать по поводу ложных шагов политики, а других считать военные круги излишне воинственно настроенными. Более или менее откровенные беседы этих органов управления происходили уже в водовороте нараставших событий, т. е., иными словами, отправляясь на охоту, кормили собак. Естественно, что при таких условиях появились «гражданские канцлеры» и полный разлад поли-

тики со стратегией, что не знаменовало собой хорошего конца и даже начала.

До сих пор еще некоторые убеждены, что германская политика оказалась несостоятельной на пороге мировой войны и поставила стратегию в тяжелые условия. Приходится вспомнить Клаузевица, который в этом случае указывал, что говорят не то, что следовало бы сказать. Отсутствие гибкости в плане войны, нарушение нейтралитета Бельгии, чего требовала стратегия, не только не отвечали замыслам германской политики, но оказались вредными и для германской стратегии. В одном можно обвинить «гражданского канцлера» в Берлине и его помощников — это в том, что они своевременно не требовали от генерального штаба более детальной ориентировки в его замыслах и не обсудили их с политической стороны.

Во всяком случае считаем, что не только в определении основных направляющих линий внешней политики для плана войны должна участвовать дипломатия, но для более правильной ее работы она должна быть введена в «святая святых» генерального штаба. Конечно, это лишний раз подчеркивает необходимость твердой устойчивости дипломатического языка в сохранении военной тайны. Если представителям внешней политики доверяется хранение дипломатических тайн, то нет оснований лишать их права хранить и военные секреты...

...Конечно, не приходится много говорить о том, что совет министров должен быть полнее посвящен в план войны, дабы принять решение, вполне соответствующее обстановке. Вполне естественно, если на нем подвергнутся обсуждению даже чисто оперативные вопросы, ибо не нужно забывать, что войну ведут не генеральные штабы с их армиями, а все государство в целом, высшим органом управления которого в капиталистических странах и является совет министров.

Современная эпоха военного искусства уже с достаточной четкостью передала дело подготовки и ведения войны в руки правительства, а поэтому таковое вправе требовать от генерального штаба и отчета в его военных замыслах, не ограничиваясь одним чтением писем, подобных тем, кои посылались Жоффром [55]), или полутаинственными намеками Конрада и других начальников генеральных штабов об их планах стратегического развертывания.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, *нужно ли знание войны для политических деятелей,* составляющих правительство, и в частности для представителей внешней политики государства — дипломатов.

Нами не раз указывалось, что война как общественно-историческое явление — больше политический акт, нежели военное действие. Мы, может быть, даже злоупотребляли

ссылками на различных авторитетных в этом лиц для подкрепления своих суждений. Ныне это уже твердо установлено.

Раз война есть орудие политики, то ясно, что деятели последней должны знать основы использования этого орудия, его природу...

Мы совершенно не хотим сказать, что лучшим политиком или дипломатом будет «солдат», но, что известный круг военных познаний должен иметь каждый государственный деятель, оперирующий на политическом поле,— это является неопровержимым. Не желаем погружать его с головой в тайны стратегии, тем более тактики, но считаем, что понимание природы войны не должно быть чуждо политике, ибо нельзя хорошо действовать орудием, не зная условий его применения...

Если война должна быть понятна для политика, то, с другой стороны, последняя не должна быть чуждой для стратега, начальника генерального штаба.

...Без правильного понимания экономических и политических соотношений как внутри государства, так и на внешних его путях нельзя составить и верных военных предначертаний. Это хорошо должно быть усвоено полководцами наших дней...

(Б. Шапошников. Мозг армии, книга III, ГИЗ, Отдел военной литературы, М., 1929, стр. 259—280.)

ХАРАКТЕР И ЗНАЧЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ

Характер войны и мобилизация. Стратегическое развертывание и мобилизация. Виды мобилизации. Предмобилизационный период. Политическое и военное значение мобилизации

...Нельзя, конечно, рассматривать мобилизацию как военное явление особо от той эпохи военного искусства, в которой она зародилась и развивалась, от тех принципов стратегии, кои в то время являлись руководящими.

Мы не раз отмечали, что господствующими тенденциями стратегической линии на пороге мировой войны были думы и намерения вести войну по принципам *стратегии сокрушения*. Поэтому и мобилизация должна была отвечать этому виду войны.

Стратегия сокрушения требовала быстрого изготовления возможно большего числа боевых сил, быстрого их сосредоточения и почти одновременного введения в дело для дости-

жения столь же быстрого решительного успеха. Иными словами, стратегия молниеносного действия требовала и крайнего напряжения в развертывании вооруженных сил для войны. Эти требования служили отправными для мобилизации и клались в основу всех работ в этой области. Чем больше росли армии в своем численном составе, тем более усложнялась мобилизация и тем сильнее возрастало ее значение как акта, требующего большего напряжения сил и спокойной бесперебойной работы.

Нам кажется, что мы будем недалеки от истины, если скажем, что *характер будущей войны определяет и характер самой мобилизации.*

Уже самый ход империалистической войны, возродивший второй вид войны — *стратегии измора,* вызвал к жизни постепенность мобилизации, приведение в боевую готовность не использованных в начале войны сил и средств.

Ныне на основании опыта мировой войны теория устанавливает длительность и эшелонность мобилизации государства для войны. Такое понятие мобилизации вполне естественно в связи с тем размахом, какой должна принять война в переживаемое нами время. Мы не будем здесь вдаваться в подробности трактования современных условий мобилизации, захватывающей ныне все силы и средства государства в целом, а не одни только вооруженные его силы. Отметим только, что мобилизация наших дней является еще более напряженным и длительным явлением для всего государства, чем это было ранее.

Но как бы постепенна и длительна мобилизация ни была, однако и в наши дни первый ее эшелон все же должен быть достаточной силы и мощности, дабы сразу же не потерпеть решающей неудачи. Поэтому и при современных условиях вопрос о скорейшей боеготовности первого эшелона остается таким же острым, каковым он был в 1914 г. Стратегия измора также требует быстрой готовности определенного количества сил и средств, дабы дать возможность продолжать борьбу, накапливая силы, а не начать ее такой военной неудачей, которая бы не дала возможности в дальнейшем не только восстановить силы, но и получить известный, нужный для победы численный перевес над противником.

Трудно, конечно, заранее предусмотреть всю ту силу, все средства, кои будут противником использованы в войне, и в соответствии с этим определить меру наших усилий для борьбы. Однако предварительные расчеты в этом отношении не только могут, но и должны быть сделаны...

Война ведется для достижения известных политических целей, при определенной политической группировке государств. В предыдущей главе мы указывали, что реальным выражением наших намерений в достижении поставленных

войне политических целей являются план войны, конкретные военные соображения для войны на определенном фронте.

Выполнение плана войны требует *приведения* в боевую готовность нужного числа боевых сил и средств, т. е., иными словами, их мобилизации.

Таким образом, можно установить зависимость между планом войны и мобилизацией. В соответствии с тем или иным планом войны производится та или иная мобилизация. Если план войны требует крайнего напряжения сил государства, то для него необходима и общая мобилизация всех сил и средств, и, наоборот, при войне на второстепенных фронтах можно в связи с планом ограничиться частной мобилизацией вооруженных сил и средств. Наконец, частная мобилизация с изменением политической обстановки может быть переведена в общую.

Такую тесную связь плана стратегического развертывания с мобилизацией мы могли наблюдать во всех армиях на пороге мировой войны. Во Франции такой план вел к общей мобилизации [56]), в Германии он требовал известной гибкости, в России, несмотря на два варианта «А» и «Г» [57]), дело сводилось к общей мобилизации и, наконец, в Австро-Венгрии была предусмотрена как частная, так и общая мобилизация — на случай войны на Балканах и на случай европейских осложнений. Мобилизуемые части имели свое предназначение в плане стратегического развертывания, не давая возможности маневрировать ими. Особенно тесная связь между мобилизацией и стратегическим развертыванием была в пригpаничных частях, ибо каждая мобилизация требует соответствующего оперативного прикрытия. Так, например, весьма характерен в этом отношении эпизод с 16-й германской дивизией, которая по мобилизации должна была занять Люксембург и обеспечить его как район выгрузки подвозимых войск. Малейшая попытка к изменению этого довела до слез начальника германского генерального штаба, хотя, как известно, военный министр не придавал такого серьезного значения запозданию в этой маленькой военной операции.

Одним словом, известную независимость мобилизации от оперативного развертывания можно было наблюдать лишь в мероприятиях французского генерального штаба, который прикрыл границу путем индивидуального призыва под знамена резервистов в пограничных корпусах властью военного министра, не объявляя ни частной, ни общей мобилизации.

Как увидим ниже, мобилизация является настолько серьезным шагом по пути к войне, что, конечно, такая независимость мобилизации от оперативного развертывания в принципе должна быть признана желательной. Отсутствие гибкости в этом вопросе стесняет как военное, так и политическое маневрирование. Действительно, тесная связь мо-

билизации с конкретными соображениями приводила как в Германии и Австро-Венгрии, так и в России к настойчивому требованию генерального штаба от внешней политики решительных шагов в принятии ответственного решения о войне и лишала дипломатов свободы действий.

Выше мы отметили, что в зависимости от общего плана войны мобилизация приемлет вид частной или общей. Тот или другой вид ее определяется слагающейся политической группировкой к моменту объявления мобилизации и самой войны. Таким образом, выбор вида мобилизации диктуется политическими мотивами...

...Война в современных условиях настолько требует напряжения от государства, что *частная* мобилизация в наши дни действительно будет являться *частным случаем*, скорее временным ходом политики, нежели военным средством. Как таковое, она должна считаться не чем иным, как переходной ступенью к общей мобилизации. В этом отношении мероприятия французского генерального штаба следует признать поучительными.

Здесь необходимо остановить внимание *на особом виде мобилизаций*, кои мы наблюдали как в Австро-Венгрии, так частично и в России. В Дунайской монархии тот низкий штатный состав частей армий, о котором мы говорили в первой книге нашего труда, вынуждал генеральный штаб с обострением политического положения призывать под знамена часть резервистов, повышая тем боевую готовность армии. С 1909 г. такой призыв запасных сделался почти хроническим для австро-венгерской армии. В русской армии в дни обострения политического горизонта задерживался под знаменами годовой контингент, подлежащий увольнению, и, таким образом, боевая готовность в значительной мере повышалась. Такое мероприятие следует отчасти объяснить недостаточно развитой и недостаточно провозоспособной железнодорожной сетью бывшей России.

Как ни желательны были подобные мероприятия, носившие в Австро-Венгрии наименование *частных* мобилизаций, но длительность их сказывалась отрицательно на моральном состоянии самой армии. В этом отдавали себе отчет представители всех военных инстанций армии Габсбургов, и даже сам инициатор их — Конрад — изрекал истину, что организация армии как «вооруженного народа» не может быть сочетаема с длительным пребыванием запасных под знаменами в ожидании войны. Мы знаем, однако, что на этой почве у Конрада происходили недоразумения с военным министром, и если начальник австро-венгерского генерального штаба противился роспуску по домам призванных резервистов, то исключительно в силу напряженного политического положения. Приходилось изыскивать различные меры по удержа-

нию на должной высоте морального уровня армии вплоть до установления особой медали за «мирные» мобилизации. Конрад пытался использовать эти призывы даже как доказательство необходимости ведения войны, что, конечно, не может быть оправдано ни с какой стороны.

Мы останавливаем внимание на подобных мероприятиях потому, что они рекомендуются и в наши дни. Слов нет, что ими достигается усиление боевой готовности вооруженных сил, но, с другой стороны, нужно учитывать и обратную сторону подобных мобилизаций. Длительное пребывание призванных резервистов под знаменами без перспектив войны может сказаться отрицательно на их моральном состоянии, и вместо повышения боевой готовности последует ее понижение. Мы скорее склонились бы к фактической, а не призрачной мобилизации, заранее даже пойдя на известные жертвы во времени сосредоточения, но с уверенностью, что под рукой боеспособные войсковые организации, нежели пустили бы в дело части, потерявшие моральную упругость от долгого военного напряжения.

Приведение армии на военное положение создает известный подъем ее военной доблести, повышает моральный уровень всей армии. Поэтому интересно остановиться на том вопросе, который занимал на пороге мировой войны как представителей генеральных штабов, так и дипломатов: *насколько мобилизованная армия может спокойно оставаться на границе...*

При исследовании этого вопроса нужно исходить из двух положений: 1) боевой готовности армии и 2) ее повышенной воинственности.

Достижение боевой готовности армии и предупреждение в этом будущего врага настолько являлись желательными для каждого командования, что захват в свои руки почина в действиях упредившей в готовности армией следует считать вполне нормальным. Нужно признать, что закончившееся сосредоточение армии будет последним орудием в руках дипломатов, но необходимо указать на то, что при таком состоянии армии командование ее в действительности, безусловно, будет делать нажим на внешнюю политику, добиваясь скорейшего перехода к активным действиям...

Мобилизация настолько поднимает воинский дух армии, что взаимные переходы границы, столкновения мелких отрядов, известная нервность обеих сторон становятся совершенно неизбежными. Если просмотреть первые дни мобилизации под этим углом зрения, то мы можем фиксировать много различных нарушений границы, разных слухов об этом, нервирующих и без того приподнятые в своем настроении пограничные части. Одним словом, как бы ни хотело командование, а тем более дипломатия, с объявлением мобилизации

в силу чисто военных причин пушки могут начать стрелять сами.

Таким образом, нужно считать сомнительным предположение о возможности в современных условиях войны длительного пребывания мобилизованных армий в состоянии военного покоя без перехода к активным действиям. Если в наши дни состояние мира не обеспечивает границы от налета вооруженных банд, то тем более при мобилизации нельзя поручиться за то, что ни один выстрел не раздастся на границе.

Важность планомерного проведения мобилизации, с одной стороны, сложность ее — с другой, и, наконец, тяготы, вызываемые подъемом людей и конского состава, вынудили во всех государствах на пороге мировой войны установить особый подготовительный к войне или предмобилизационный период.

Мы не будем в подробностях останавливаться на его содержании, а отметим лишь, что его установлением все государства стремились выполнить из мобилизационных работ все то, что было возможно сделать без призыва людского и конского состава. Нами в своем месте даже перечислялись эти мероприятия.

По существу, предмобилизационный период являлся преддверием мобилизации, и за ним зорко наблюдали из противного лагеря. Рассчитывать на длительный его срок без того, чтобы противник не реагировал контрмерами, конечно, не приходилось. Поэтому такой период был фактически краток...

В современных условиях войны мы, конечно, встретимся с таким же положением, с наличием того же предмобилизационного периода, который существовал и до войны 1914 г. Можно ожидать, что ввиду усложнившейся мобилизации сил и средств всего государства в целом, по существу, такой подготовительный период, особенно в области экономической мобилизации, начнется гораздо раньше, чем это было перед мировой войной. Но нам думается, что скрыть такие мероприятия от глаз противной стороны едва ли удастся, а потому: 1) мы встретим такие же ее контрмеры; 2) обе стороны пойдут на сокращение этого периода и перейдут к фактической мобилизации сил и средств. Во всяком случае, известную постепенность и заблаговременность в подготовке мобилизации во всех областях жизни государства мы ныне будем наблюдать в гораздо больших размерах, нежели в 1914 г.

Кроме предмобилизационного периода перед войной 1914 г., мы видели наличие известного срока между объявлением мобилизации и первым ее днем. Срок этот всюду не

превышал суток и только в Австро-Венгрии он был установлен в двое суток. Отсрочка первого дня мобилизации против объявления ее объясняется стремлением дать закончить последние подготовительные работы, чтобы затем перейти к спокойной и планомерной мобилизации. Несмотря на то что Жоффр за каждый упущенный день в объявлении мобилизации грозил потерей Францией известной пограничной территории, но и он не пошел на изменение суточного перерыва и более раннее назначение первого дня мобилизации. Всякая спешка в этом была бы только вредна для успеха работы по мобилизации.

До сих пор мы рассматривали мобилизацию главным образом как военное явление и набрасывали в общих чертах ее военную природу.

Но так как «война — есть орудие политики», то такой ее акт, как мобилизация, имеет и большее *политическое* значение. Мы приводили мысли Клаузевица о том, что не каждое военное действие одинаково в своем удельном политическом весе, который в отношении мобилизации должен быть признан большим.

Уже на пороге мировой войны мобилизация оказывалась таким явлением, которое распространяло глубоко свое влияние на общегосударственную жизнь, не замыкаясь в одних военных рамках. Ныне с усложнившейся техникой, с громадным напряжением, какое проявляется в войне борющимися сторонами, значение мобилизации как общегосударственного явления еще более возросло. В наши дни мобилизация захватывает все области жизни государства, отражается так или иначе в жизни почти каждого его гражданина...

...Мобилизация глубоко затрагивает экономику страны, а потому представляется актом, решаясь на который, нужно основательно взвесить за и против.

В области внутренних соотношений различных слоев населения в государстве мобилизация точно так же знаменует новую ориентировку. Если вспомним, то буржуазные правительства всех почти стран беспокоились о том, как встретят мобилизацию широкие массы населения. Для успешной мобилизации необходимы были соответствующие лозунги. Даже в таком косном правительстве, как бывшее царское правительство России, и в нем, правда у отдельных его членов, возникали сомнения в устойчивости равновесия внутренних соотношений, кои существовали в дни, предшествовавшие мобилизации...

Мобилизация на пороге мировой войны являлась преддверием войны, фактическим ее объявлением и только в таком смысле и могла быть понимаема.

Начальник австро-венгерского генерального штаба не от-

делял от войны мобилизацию, а Мольтке (младший) считал, что после объявления мобилизации *официальное объявление войны* было пустой формальностью, совершенно ненужной с военной точки зрения, известной данью дипломатической вежливости и международному праву...

В наши дни политическое значение мобилизации не только не уменьшилось, но, наоборот, еще более возросло, поскольку этот военный акт захватывает все области жизни государства. Поэтому в современных условиях мобилизующееся государство должно заранее принять твердое решение о ведении войны. Если в 1914 г. никого нельзя было запугать частными мобилизациями, то тем более ныне подобные мобилизации менее всего составят действительную угрозу.

Выше мы говорили о перманентности современной мобилизации и указывали, что для первого эшелона она будет близка к мобилизации 1914 г. Поэтому и с политической точки зрения первоначальная мобилизация в наши дни будет рассматриваться, как тот же одиум войны, каким она оказалась перед мировой войной. Закрывать на это глаза не приходится, что бы ни говорилось о независимости мобилизации от политической группировки государств и оперативных соображений. К этому нужно добавить, что в наши дни нарушение границы начнется не только с объявлением войны и даже не с момента объявления мобилизации, но значительно ранее их станет фактом — путем развития деятельности диверсионных отрядов. Государства могут оказаться в *фактической* войне до формального ее объявления и даже мобилизации своих вооруженных сил. Последняя, возможно, будет проходить при наличии враждебных действий на границе, когда дипломатам уже не потребуется обращаться к генеральному штабу за подбором фактов для формального объявления войны.

Наша трактовка такого военного явления, как мобилизация, приводит к достаточно определенному выводу, что мобилизация не есть действие чисто военное, но имеет огромное политическое значение.

Поэтому на пороге мировой войны во всех государствах объявление мобилизации производилось правительственными актами. Тем более это непреложно для наших дней, когда управление войной в целом переходит в руки правительства. Двух мнений на этот счет быть не может.

В изложении исторической части мы остановили внимание читателя на вопросах: 1) срока объявления мобилизации и 2) выбора того или иного ее вида.

В обоих этих вопросах оказывались заинтересованными как дипломатическая, так и военная линии, и, наконец,

окончательное их решение исходило от верховной власти в государстве.

Поскольку мобилизация являлась актом политическим, постольку и определение срока ее объявления должно было исходить от министерства иностранных дел. Мобилизация была преддверием к войне, новому виду международных отношений, определить время перехода к которому могла лишь дипломатия, которая одна могла сказать, когда остальные виды отношений теряют окончательно силу.

С другой стороны, время объявления мобилизации было тесно связано с условиями боевой готовности вооруженных сил и прикрытием границ государства, что более всего касалось генерального штаба...

...Выбор момента объявления мобилизации должен принадлежать дипломатам, но с учетом реальных оснований к успеху мобилизации, лежащих в руках генерального штаба, а в современных условиях — и иных органов, вплотную участвующих в деле обороны государства. Если мобилизация предупреждает противника в своей длительности, то тем более остается свобода действия для дипломатии, и, наоборот, чем более продолжительна мобилизация, чем хуже она с техническо-военной стороны подготовлена, тем менее свободна внешняя политика в выборе момента объявления мобилизации, вынужденная считаться с работой своего генерального штаба.

Почти к аналогичным выводам можно прийти и при решении вопроса о выборе вида мобилизации — общей или частной...

Читающий настоящую главу нашего труда, наверное, вынес суждение, что мы не являемся сторонниками частной мобилизации. Мы можем его только укрепить в этом выводе. Поскольку в современных условиях мобилизация является не только призраком войны, но и самой войной, постольку мы считаем целесообразным ее видом только общую, как напряжение всех сил и средств, необходимых для достижения победы. Не собираемся оспаривать того, что в наши дни мобилизация будет носить эшелонный характер, но утверждаем, что приведение в боевую готовность первого эшелона должно быть: 1) вполне достаточным по силам и средствам; 2) кратковременным, дабы была возможность в дальнейшем продолжать мобилизацию следующих эшелонов, а не подчиниться военному успеху противника.

Мобилизация наших дней — одиум войны, и приказ правительства с объявлением мобилизации есть фактическое объявление войны. Можно дипломатически всячески стараться оправдать войну, выпускать какие угодно белые или иных цветов книги документов, составлять широковещатель-

ные манифесты, ноты и ультиматумы, но действительность всегда останется фактом.

Мобилизация есть война, и иного понимания ее мы не мыслим.

(Б. Шапошников. Мозг армии, книга III, ГИЗ, Отдел военной литературы, М., 1929, стр. 283—296.)

★ ★ ★

А. А. СВЕЧИН

Александр Андреевич Свечин *(1878—1938). Офицер Генерального штаба старой русской армии, участник Русско-японской (1904—1905) и первой мировой войн. В Советской Армии с марта 1918 г., был военным руководителем Смоленского района, а с августа 1918 г. — начальником Всероссийского главного штаба; затем на научно-педагогической работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе и Академии Генерального штаба профессором кафедры штабной службы, стратегии и главруком по истории военного искусства.*

Основные работы. *«Стратегия», 1923 г., 2-е изд., 1927; «Стратегия в трудах военных классиков», под ред. А. А. Свечина, 1925; «Эволюция военного искусства», 1927; «Клаузевиц», 1935; «Стратегия XX века на первом этапе», 1937.*

СТРАТЕГИЯ

«Стратегия» А. А. Свечина, из которой здесь публикуется часть, вышла вторым изданием в 1927 г. В этой работе автор обобщил и расширил курс лекций по стратегии, прочитанный им в Военной академии РККА. Из работ того времени, посвященных подробному рассмотрению и анализу стратегических проблем, она была наиболее полной и научно обоснованной.

Работа А. А. Свечина получила широкое распространение и имела положительное значение для развития военно-теоретической мысли. На основе богатого военно-исторического материала автор делал оригинальные обобщения и выводы. Вместе с тем его работа по своей концепции была в основном консервативно умозрительной и имела крупные недочеты методологического характера. «Стратегия» А. А. Свечина вызвала широкую дискуссию, в ходе которой молодые научные кадры (М. Н. Тухачевский, В. К. Триандафиллов, С. М. Белицкий и др.) вскрывали отрицательные стороны его работ. Дискуссия способствовала разработке советской военной теории.

СТРАТЕГИЯ И ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

...О п е р а т и в н о е и с к у с с т в о. Тактическое творчество в свою очередь регулируется оперативным искусством. Боевые действия являются не чем-то самодовлеющим, а лишь основным материалом, из которого слагается операция. Лишь в очень редких случаях можно рассчитывать одним приемом достигнуть окончательной цели военных действий. Нормаль-

но этот путь к конечной цели распадается на ряд операций; последние разделяются во времени более или менее значительными паузами, слагаются на различных участках территории театра войны и особенно резко различаются между собой вследствие различия промежуточных целей, к достижению которых временно устремляются усилия войск. Мы называем операцией такой акт войны, в течение которого усилия войск без всяких перерывов направляются в определенном районе театра военных действий к достижению определенной промежуточной цели. Операция представляет конгломерат весьма различных действий: составление плана операции, материальная подготовка, сосредоточение войск в исходное положение, возведение оборонительных сооружений, выполнение маршей, ведение боев, ведущихся либо непосредственным охватом, либо путем предварительного прорыва к окружению и уничтожению части неприятельских войск и к оттеснению других частей, к выигрышу или удержанию за нами определенного рубежа или географического района. Материалом оперативного искусства является тактика и администрация; успех развития операции зависит как от успешности разрешения войсками отдельных тактических вопросов, так и от обеспечения их всем материальным снабжением, необходимым для бесперебойного проведения операции до достижения цели последней. Оперативное искусство, исходя из цели операции, выдвигает целый ряд тактических задач и ставит ряд заданий для деятельности тыловых органов. Оно не может безразлично пользоваться любыми тактическими средствами. В зависимости от имеющихся материальных средств, от времени, которое может быть уделено для разрешения различных тактических заданий, от сил, которые могут быть развернуты для боя на определенном фронте, и, наконец, от характера самой операции оперативное искусство диктует тактике основную линию ее поведения. Мы не можем признать полного господства над нашей волей объективно существующих условий поля боевых действий. Боевые действия — это только часть высшего целого, представляемого операцией, и характер наших боевых действий должен быть подчинен характеру намеченной операции. Нивель [58]) в апреле 1917 года и Людендорф [59]) в марте 1918 года, решаясь предпринять на западном фронте прорыв с целью сокрушения неприятельского позиционного фронта, стремятся изменить самым резким образом и тактику своих войск в соответствии с характером намеченных операций.

Стратегия как искусство. Выигрыш отдельной операции не является, однако, последней целью, преследуемой при ведении военных действий. Немцы выиграли в течение мировой войны много операций, но проиграли последнюю, а с ней и всю войну. Людендорф, показавший выдаю-

щиеся достижения в оперативном искусстве, не сумел так сочетать ряд своих оперативных успехов, чтобы добиться хотя бы малейших положительных достижений при заключении Германией мира; все его успехи в конечном счете никакой услуги Германии не оказали.

Стратегия — это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь тыл — свой и противника, представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями. Стратег будет действовать успешно, если он правильно оценит характер войны, находящийся в зависимости от разнообразных экономических, социальных, географических, административных и технических данных.

Стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству. Характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности. Стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратега диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею.

Но, подобно тактику и оператору, и стратег не является совершенно независимым в своей области. Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство — стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики. Война является не самодовлеющим явлением, а лишь надстройкой над мирной жизнью народов. Война предпринимается в определенных политических целях и в главных своих чертах определяется, как мы увидим ниже, политикой. Вытекающим отсюда взаимоотношениям между политикой и стратегией посвящается особая часть нашего исследования.

Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т. д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками;

ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы и довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится — это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны — речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником, в обстановке колониального театра войны.

Стратегия как теория искусства. Стратегия как практическое искусство, представляющее важнейшую часть полководческой деятельности, существует с тех доисторических времен, когда человеческие общества начали вести войны. Но разработка теории стратегии началась лишь 150 лет тому назад, одновременно с научным приступом к разработке политической экономии. Ровесник Адама Смита[60]), получивший с ним одинаковое образование, англичанин Ллойд[61]), служивший в австрийской, прусской и русской армиях, приступил на основе опыта Семилетней войны[62]) к разработке вопросов, резко выходивших из пределов обычного тактического кругозора военных. Труды его открывают новейший период развития военной мысли, уже давший ряд глубоких исследований по стратегии, характеризующихся, однако, или незаконченностью, или односторонностью мышления. Много времени и внимания было затрачено на вопрос, представляет ли стратегия науку или теорию искусства. Ответ зависел, в существенных чертах, от размера требований к науке, характеризующего наше представление о ней. Клаузевиц, Виллизен[63]), Блюме[64]), рассматривавшие стратегию как искусство, исходили из требования аподиктической (неоспоримой) точности, предъявлявшегося Кантом[65]) к «собственно науке». Неоспоримой точности выводы военной теории не представляют. Но уже Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такие теории являлись как бы науками второго разряда. Чтобы сопричислить к их числу и стратегию, многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, незыблемых принципов стратегии, на которых они строили свои труды. В настоящее время наши взгляды на науку стали значительно шире. Мы

склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия...

ФОРМЫ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Исходные положения... Все существо стратегического искусства руководства военными действиями мы сводим к уяснению логики группировки операций, построенной для достижения целей войны.

Военные действия могут принимать различные формы — сокрушение и измор, оборону и наступление, маневренность и позиционность. Каждая из этих форм существенно влияет на стратегическую линию поведения. Поэтому мы начинаем наше изложение с изучения этих форм. Далее мы ознакомимся с капитальным влиянием, которое оказывают на стратегический образ действий сообщения. Затем мы бегло посмотрим, что представляют современные операции с ограниченной целью, в группировке коих заключается стратегическая деятельность. И, наконец, мы приступим к рассмотрению вопросов, входящих в понятие самой стратегической линии поведения.

Сокрушение. Говоря о политической цели войны, мы пришли к заключению, что на политическое руководство ложится обязанность ориентировать после внимательного обсуждения со стратегом действие вооруженного фронта на сокрушение или на измор. Противоречие между этими формами гораздо глубже, важнее и чревато более существенными последствиями, чем противоречие между обороной и наступлением.

Задача стратегии существеннейшим образом упрощается, если мы или неприятель стремится покончить войну сокрушительным ударом по примеру Наполеона и Мольтке. Труды по стратегии, имевшие в виду исключительно стратегию сокрушения, в сущности обращались в трактаты по оперативному искусству, и Г. А. Леер[66]) с полным правом поместил на обложке своих трудов под заглавием «Стратегия» второй заголовок — «Тактика театра военных действий». Естественно пристрастие стратегов старой школы к анализу наполеоновских походов: в последних целая кампания часто сводилась к одной лишь операции на главном театре; стратегические вопросы не представляли затруднения и заключались лишь в определении главного театра; группировка сил между главным и второстепенными театрами производилась по принципу решительного предпочтения интересов главного театра *, по-

* Идеи сокрушения, несомненно, толкают деятелей второстепенного театра на пассивность; это верно как в стратегии, так и в политике.

становка цели для единственной операции на главном театре не могла вызывать сомнений, так как она при стратегии сокрушения сводилась к уничтожению развернутых на нем неприятелем живых сил. Изучение наполеоновских походов в большинстве случаев сводилось, таким образом, к изучению оперативного, а не стратегического искусства. Естественно, что Жомини [67]) считал вопросы стратегии более простыми, чем вопросы тактики. Из сказанного отнюдь не следует, что мы не признаем за Наполеоном стратегического величия, но оно при тогдашних приемах ведения войны поглощалось политикой: войны 1805, 1806, 1807, 1809 гг. мы можем рассматривать в одной общей перспективе, как отдельные гигантские операции против выдвигаемых Англией на континенте врагов, и нас тогда поразит верная постановка цели каждой войны, верный момент для начала военных действий и чрезвычайно искусное завершение в нужный момент каждой кампании. Несомненно, и в эпоху Наполеона сокрушительная операция не всегда приводила сразу к развязке, например в войну 1796—1797 гг., 1812 г., 1813 г., и Наполеону в таких случаях приходилось решать стратегические проблемы. Однако военные историки Наполеона остаются и посейчас еще историками отдельных его операций, и лишь политическая история несколько открывает нам перспективу для охвата его стратегического искусства.

Три основных элемента операции — сила, время и пространство — при стратегии сокрушения всегда комбинируются так, что выигрыш времени и пространства является средством, а поражение массы неприятельской армии — целью. Все подчиняются интересам генеральной операции, а в последней все зависит от решительного пункта. Этот решительный пункт является для стратегии сокрушения как бы магнитной стрелкой компаса, определяющей все маневрирование. Есть только одна чистая линия сокрушения; существует лишь одно правильное решение; полководец, в сущности, лишен свободы выбора, так как его долг — понять решение, диктуемое ему обстановкой. Идея сокрушения заставляет признать ничтожными все второстепенные интересы и направления, все географические объекты. Паузы в развитии военных действий противоречат идее сокрушения. Если мы видим таковую паузу, протяжением в шесть недель, между сражениями под Асперном и Ваграмом, то она явилась уже результатом легкомыслия, допущенного Наполеоном при подготовке первой переправы через Дунай, и последовавшей неудачи. Стратегию сокрушения характеризует единство цели, времени, места и действия. Образцы ее являются действительно классическими по своей стильности, простоте и стройности. Теоретики сокрушения посмеивались над таким фехтованием стратегии XVII века. Действительно, по сравнению

с игрой стратегических уколов и защит Тюренна удары Наполеона и Мольтке напоминают оглобли, которые одним ударом размозжают черепа.

Стратегия сокрушения требует еще одной предпосылки: чрезвычайной, экстраординарной победы. Целью сокрушительного наступления географический пункт может явиться лишь тогда, когда живая сила неприятеля станет призрачной. До тех пор оно должно метить на полную дезорганизацию неприятельской живой силы, на совершенное ее уничтожение, расщепление всякой связи между уцелевшими осколками, на захват важнейших сообщений — важнейших для вооруженной силы, а не для государства в целом.

Поход сокрушительного стиля ставит наступающие армии в столь невыгодные материальные условия, так ослабляет их в пользу охраны флангов и тыла, требует таких усилий для снабжения этих армий, что от конечной неудачи становится возможным предохранить себя только путем одержания из ряда выдающихся оперативных побед. Для успеха сокрушения нужны сотни тысяч пленных, поголовное уничтожение целых армий, захват тысяч пушек, складов, обозов. Только такие успехи могут предотвратить полное неравенство при конечном расчете. Таких побед не было ни в Галиции, ни в «пограничном сражении», ни при наступлении Красных армий в 1920 г. Всюду мы имели дело с ординарными победами, с оттеснением неприятеля назад с несколько бо́льшими потерями, чем у наступающего. Этого совершенно недостаточно.

Необходимость экстраординарной победы при сокрушении предъявляет особые требования при выборе формы операции. Главная масса неприятеля должна быть окружена или приперта к морю, к нейтральной границе. Постановка такой цели связана, конечно, с риском. Если имеющиеся средства совершенно не соответствуют такой постановке, то надо вообще отказаться от сокрушения...

Сокрушительное наступление при усложнившихся условиях представляет ряд последовательных операций, находящихся, однако, в такой тесной внутренней связи, что они сливаются в одну гигантскую операцию. Исходное положение для следующей операции вытекает непосредственно из достигнутой цели операции законченной.

Мы относим в настоящее время к стратегии сокрушения последовательный ряд операций, которые имеют постоянное направление, ряд целей которых представляет одну прямую логическую линию...

Значение, которое в стратегии сокрушения отводится генеральной операции на уничтожение неприятеля, серьезно сужает перспективу стратегического мышления. На другой день после завершения операции мы будем стоять лицом

к совершенно новой обстановке; экстраординарные события операции в корне изменят положение, создадут переоценку всех ценностей. При стратегии сокрушения, придающей такое единственное и исключительное значение результату боевого столкновения с противником, обстановка получает характер калейдоскопического зрелища: один щелчок решительной операции — и создается совершенно новая, нежданная картина, загадывать о которой нет возможности. Этот завтрашний день операции является в стратегии сокрушения окутанным густыми сумерками. Только располагая таким огромным превосходством сил, как Наполеон в 1806 г. или Мольтке в 1870 г., стратег сокрушения может, ориентируясь по своей магнитной стрелке «решительного пункта», не упускать из виду и конечной цели. Вообще же «решительный пункт» операции господствует в стратегии сокрушения почти безраздельно, и всякое нарушение его велений может рассматриваться как опасный уклон, «предвзятость».

Веские обстоятельства, затрудняющие сокрушение, выдвинуты современностью. Первое из них — это недальнобойность современных операций, вынужденное возвращение к пятипереходной системе, о котором мы будет говорить в следующей главе. Приходится дробить операцию на части, приостанавливая временно продвижение фронта для починки железных дорог в тылу. Вызываемые этим паузы весьма содействуют обращению борьбы в позиционную. Второе обстоятельство заключается в том, что начало войны не является в наше время кульминационным пунктом стратегического напряжения. Военная и экономическая мобилизация выставят второй и третий эшелоны мобилизованной и снаряженной живой силы. В лице импровизированных Гамбеттой[68]) армий Мольтке старшему пришлось иметь дело со вторым эшелоном французской вовсе неподготовленной мобилизации уже в 1870 г. Постоянные армии Франции были уничтожены в один месяц, а со вторым эшелоном пришлось возиться четыре месяца. Этот опыт, как нам кажется, и лег в основу взглядов Мольтке на будущую войну Германии на два фронта, как на борьбу на измор. Одна Маренгская операция 1800 г. дала Наполеону всю Италию, а Иенская операция 1806 г. позволила ликвидировать всю Пруссию до Вислы. В наших условиях Наполеону пришлось бы вести последовательные операции с возрастающей трудностью против новых сил, собранных государством.

Целесообразность операции. Рост значения генеральной операции в стратегии сокрушения приводит к тому, что операция уже не рисуется как одно из средств ведения войны, а затмевает собой конечную военную цель и получает самодовлеющее значение. Вопрос о целесообразности операции отходит на второй план. Оперативные и тактические со-

ображения получают перевес. Все равно когда и где разбить неприятеля, лишь бы удар имел уничтожающий характер. Важно, чтобы тактические действия войск направлялись по линии наименьшего сопротивления. Поэтому с точки зрения стратегии сокрушения не следует упрекать Людендорфа за выбор для решительного удара в марте 1918 г. Амиенского, наименее важного стратегически направления на стыке французских и английских армий. Вопрос о направлении является при сокрушении второстепенным по сравнению с размахом удара. Ошибка германского управления заключалась в стремлении уменьшить долю риска, сохранить сплошной фронт, отказаться от самого причудливого перемешивания своих и неприятельских войск в один слоеный пирог, который получился бы при продвижении вперед, игнорирующем участки, которые продолжали быть занятыми неприятелем; немцам следовало стремиться к огромному увеличению площади операции, имея в виду, что все спутавшиеся на ней части и средства обеих сторон в конечном результате окажутся во власти победителя. Напротив, в дальнейшем наступательные попытки Людендорфа на новых участках, связанные с новыми развертываниями, имевшими частью демонстративный характер, уже резко противоречили стратегии сокрушения. Это уже фехтование измора, фехтование, неизмеримо менее связывающее волю противника; и насколько обстановка, в которой Германия находилась в 1918 г., могла бы оправдать наступательную попытку в стиле сокрушения, настолько проявление активности в изморе являлось несоответственным.

Нигде не сказывается в такой степени необходимость проводить отчетливую грань между стратегией сокрушения и стратегией измора, как в вопросах о целесообразности операции (раньше — генерального сражения). Г. А. Леер, все мышление которого было построено в духе сокрушения, совершает, на наш взгляд, грубую логическую ошибку, выдвигая вопрос о целесоообразности сражения, венчающего операцию; для Наполеона, конечно, этого вопроса, этих сомнений не существовало, так как генеральное сражение являлось идеалом, желанной целью, к которой он стремился. И Г. А. Лееру в подкрепление своих нарушающих стиль сокрушения соображений приходится, естественно, обратиться к мыслям теоретиков измора, к замечанию Морица Саксонского[69]), что сражения «являются обыденным прибежищем неграмотности», к поражающему его замечанию Фридриха Великого[70]), что «бой представляет средство скудоумных генералов» и что надо ввязываться в него лишь тогда, когда ожидаемый выигрыш выше того, чем мы рискуем. Леер приводит даже речь герцога Альбы[71]), полководца середины XVI века, имевшую цель остудить пыл его помощников, требовавших боя с французами, и обращавшуюся к их рассуди-

тельности и хладнокровию: нельзя ставить на карту целое королевство против одного лишь расшитого кафтана французского полководца; последний и так отступает и в бою рискует потерять лишь свой обоз. Победа может быть и бескровной; сражения следует давать: 1) чтобы выручить важную крепость; 2) если к неприятелю идут подкрепления, которые могут дать ему решительный перевес; 3) в начале войны для производства политического впечатления на союзников и тайных врагов; 4) при полном падении духа неприятеля, когда он не может больше сопротивляться; 5) когда мы так стеснены, что остается только погибнуть или победить.

Рассуждения Морица, Фридриха, Альбы весьма любопытны, но вовсе не вяжутся со стратегией сокрушения. Стратегическая теория может осмыслить вопрос о целесообразности операции, лишь установив диалектическое различие между сокрушением и измором *.

Измор. Термин «измор» очень плохо выражает все разнообразие оттенков различных стратегических методов, лежащих за пределами сокрушения. И «картофельная война» (война за баварское наследство), и кампания 1757 г. (второй год Семилетней войны) — эти оба произведения творчества Фридриха Великого относятся к категории измора, так как не заключают в себе решительного движения к конечной военной цели; идея похода на Вену в них отсутствует. Но одна кампания прошла в совершенно бескровном маневрировании, а другая насчитывает четыре генеральных сражения — Прага, Колин, Росбах, Лейтен. Для измора характерно то разнообразие, в котором он проявляется **. Один вид измора весьма близко граничит со стратегией сокрушения, что позволяет прусскому генеральному штабу, правда, весьма непоследовательно, даже утверждать, что Фридрих Великий предвосхитил наполеоновские приемы сокрушения; противоположный вид может заключаться в формуле «ни мир, ни война» — в простом непризнании, отказе подписать мир, одной угрозе возможностью действий на вооруженном фронте. Между этими крайними видами заключается целая гамма промежуточных. Стратегия сокрушения

* Существуют близорукие критики, которые рассматривают переход мировой войны на рельсы стратегии измора как следствие ошибок и непредусмотрительности генеральных штабов. Такая критика, конечно, лишена всякого «предметного сознания». Мы рассматриваем форму измора в мировой войне как историческую необходимость.

** Мы допускаем справедливость упрека, что наши категории сокрушения и измора представляют не две противоположности — не белое и черное, а белое и небелое. Однако, на наш взгляд, здесь нет никакого философского или логического ляпсуса. Изменяющееся напряжение вооруженной борьбы характеризует целый ряд градаций измора и достигает в сокрушении своего предела. Только для этого предела являются абсолютными некоторые начала стратегии; на других же градациях борьбы они становятся условными, а иногда и совершенно ложными.

едина и допускает каждый раз лишь одно правильное решение. А в стратегии измора напряжение борьбы на вооруженном фронте может быть различным, и соответственно каждой ступени напряжения имеется свое правильное решение. Уяснить степень напряжения, требуемого данной обстановкой, возможно лишь при весьма внимательном изучении экономических и политических предпосылок. Воздействию политики открываются широкие пределы; стратегия должна проявлять большую гибкость.

Стратегия измора отнюдь не отрицает принципиально уничтожения живой силы неприятеля, как цели операции. Но она видит в этом лишь часть задач вооруженного фронта, а не всю задачу. Значение географических объектов и второстепенных операций при отказе от сокрушения усиливается во много раз. Распределение сил между главной и второстепенными операциями представляет уже очень сложную стратегическую проблему; «решительный пункт» — та магнитная стрелка, которая позволяет каждый раз легко обосновать решение при сокрушении, отсутствует в стратегии измора *. Приходится обдумывать не только ориентирование усилий, но и их дозировку.

Французская стратегическая мысль очень плохо разбиралась в этих вопросах в течение мировой войны. Она оставалась в заблуждении, что и после крушения Шлиффеновского плана французский фронт являлся столь же главным и решающим и что на него все должно ориентироваться, несмотря на переход войны в рамки измора. Французы утверждали, что Германия по-прежнему является важнейшим врагом, на которого только и стоит тратить усилия. Между тем, если с точки зрения стратегии сокрушения Австро-Венгрия являлась второстепенным противником, то с точки зрения измора она являлась даже важнее Германии. Если сокрушение должно было искать оперативной линии наименьшего сопротивления для поражения главных живых сил Германии, то стратегия измора должна была искать стратегическую линию наименьшего сопротивления в союзе центральных держав, а таковая после поражений, нанесенных русскими войсками австрийцам, проходила через Австро-Венгрию. Как только в 1915 г. обозначился перенос центра тяжести германской активности на русский фронт, Англия и Франция были обязаны во всей мере, допускаемой развитием сообщений на Балканском фронте, поддержать Сербию; развертывание полумиллионной англо-французской армии на Дунае заставило бы Болгарию сохранить нейтралитет, подвинуло бы Румынию

* Однако, как мы укажем ниже, ошибочно было бы рассматривать переход от сокрушения к измору, как выход из царства необходимости в царство произвола.

на выступление, прервало бы всякие сообщения Германии с Турцией, позволило бы итальянцам дебушировать через пограничные горы, разгрузило бы русский фронт, который смог бы удержаться в Польше, в сильной степени ускорило бы развал Австро-Венгрии. Длительность мировой войны была бы сокращена, по крайней мере, на два года...

Стратегия измора так же, как и стратегия сокрушения, представляет поиски материального превосходства и борьбу за него, но эти поиски уже не ограничиваются только стремлением развернуть на решительном участке превосходные силы. Необходимо еще создать предпосылки для того, чтобы «решительный» пункт вообще мог существовать. Тяжелый путь стратегии измора, ведущий к затрате гораздо бо́льших средств, чем короткий сокрушительный удар в сердце неприятеля, вообще избирается лишь тогда, когда война не может быть покончена одним приемом. Операции стратегии измора являются не столько непосредственными этапами к достижению конечной военной цели, как этапами развертывания материального превосходства, которые бы в конечном счете лишили неприятеля предпосылок успешного сопротивления...

Действительно, в рамках стратегии измора все операции характеризуются прежде всего тем, что имеют ограниченную цель; война складывается в виде не решительного удара, а борьбы за такие позиции на вооруженном, политическом и экономическом фронте, с которых нанесение этого удара в конце концов стало бы возможным. Однако в процессе этой борьбы происходит полная переоценка всех ценностей. Главный театр, на котором при затрате громадных сил и средств борьба разыгрывается вничью, постепенно утрачивает свое господствующее значение. Решительный пункт, этот боевой конь стратегии сокрушения, обращается в дорогостоящую, но пустую побрякушку. Географические пункты, олицетворяющие политические и экономические интересы, наоборот, получают преобладающее значение. Оперативные и тактические вопросы играют в стратегии все более подчиненную, техническую роль. Вместо сокрушительной логики Париж — Берлин выдвигается логика измора Париж — Салоники — Вена — Берлин. 14 ноября 1918 г. Антанта занимала бы решительные позиции не на Лотарингском фронте, как утверждал Фош, а на Дунае.

Боксер сосредоточивает свои усилия на защите нижней челюсти рта от удара, так как такой удар может привести его к потере сознания и падению; защита от решительного удара является первым правилом всякой борьбы. Стратегия сокрушения, таящая в себе ежеминутное стремление нокаутировать * противника, связывает его движения и заставляет

* Термин бокса, подразумевающий нанесение такого сокрушительного удара, после которого противник не встанет на ноги в условленный срок.

его ориентировать свои действия по нашим. Ограниченные удары, которые наносит стратегия измора, связывают неприятеля в несравненно меньшей степени. Отдельные операции не имеют непосредственной связи с конечной целью, являются лишь обрубками, плохо подчиняющими себе волю противника. Каждый такой обрубок требует особого оперативного развертывания. Неприятель имеет полную возможность преследовать в этой игре оперативных развертываний свои цели *. «Операционная линия» Наполеона являлась единственной осью, около которой развивались события войны; операционные вожделения его противников целиком должны были подчиняться воле великого сокрушителя. При стратегии же измора вполне возможен разнобой: в 1915 г. можно было мыслить такое развитие событий, при условии задержания главных сил Германии на французском фронте, что Людендорф постепенно укреплялся бы в прибалтийских провинциях, а русские армии овладевали бы выходами из Карпат на венгерскую равнину.

В стратегии сокрушения единство действий представляется совершенно необходимым; если в первые недели мировой войны Франция становилась театром сокрушительных усилий немцев, то русские неоспоримо обязаны были приступить, не считаясь ни с какими соображениями, к вторжению в Восточную Пруссию, которое своевременно разгрузило Францию. Но если идея сокрушения отпадает, то такое соподчинение операций может быть допущено лишь весьма условно. Преследование ограниченных целей позволяет каждому оперативному обрубку в известной степени сохранить самостоятельность. Чтобы затруднить неприятелю последовательное использование его резервов, периоды проявления активности на различных театрах в общем должны совпадать. Но не было никакой необходимости связывать с обороной Вердена наше мартовское наступление в 1916 г. у озера Нарочь[72]) или, так как французы довольно успешно продолжали Соммскую операцию, рассчитанную на измор, продолжать Брусиловскую операцию. Вместо соподчинения при изморе необходимо, чтобы каждая операция сама по себе вела нас к определенным реальным достижениям.

В условиях измора генеральная операция не образует такой непроницаемой завесы, которая вовсе отрезает наше мышление от последующего развития войны. Эшелоны военной и экономической мобилизации вполне входят в стратегию измора и чужды по духу стратегии сокрушения. Измор руко-

* Мольтке младший после пограничного сражения в августе 1914 г. считал дело сокрушения уже выигранным. Но французы далеко не на всем фронте были связаны немцами и имели возможность приступить к новому оперативному развертыванию путем перевозок корпусов с правого фланга в центр и на левый фланг. Именно эта возможность нового оперативного развертывания неприятеля и исключает логику сокрушения.

водится более далекими целями, чем подготовка к ближайшей большой операции. Само ведение этой операции, не могущей дать при изморе решительных результатов, часто должно быть в случае измора предвзятым, т. е. руководство ею должно подчиняться и сообразовываться с дальнейшими задачами, которые предстоит разрешать. Стратегические проблемы при изморе в значительной степени усложняются вследствие этого роста вширь и вглубь. Стратегу для принятия правильного решения недостаточно верно оценить важнейшее направление операций, а необходимо отдать себе отчет во всей перспективе войны. Примером решения, вытекающего из такой перспективы, является, например, рассчитанная на четыре года Китченеровская программа новых формирований английской армии и ограниченная помощь Англии французам в первые годы войны.

В стратегии сокрушения разумное место находит только оперативный резерв, т. е. тот резерв, который может поспеть в решительный момент на решительный участок операции. Сокрушение, признающее за генеральной операцией решающую роль, не может признавать каких-либо стратегических резервов, не участвующих в решении в рамках времени и пространства, представляемых операцией. А стратегия измора может и должна учитывать такие резервы (азиатские русские корпуса в 1914 г., милиционные формирования, дальнейшие эшелоны мобилизации, контингенты колоний, запоздалое выступление союзников) и сообразовать с ними свою линию поведения.

Стратегия сокрушения заканчивает операции достижением конечной военной цели. При изморе же иногда создается такое положение, что наступающая сторона достигла своей ограниченной конечной военной цели, а война продолжается, так как на политическом и экономическом фронтах решение еще не достигнуто. Так было в русско-японскую войну: конечная военная цель японцев заключалась в уничтожении русского Тихоокеанского флота, в овладении его базой Порт-Артуром и в вытеснении русских войск из южной Маньчжурии. В момент поражения русских армий под Мукденом эта цель была достигнута. Однако война продолжалась еще полгода. Жизненные центры России находились вне досягаемости японских ударов, и Японии пришлось выжидать развития революционного движения в России. В такой же обстановке протекли последние полгода Восточной войны: Севастополь был очищен русскими 9 сентября 1855 г., и в этот момент союзники достигли своей конечной военной цели — уничтожения нашего Черноморского флота и его базы, а Парижский конгресс открылся лишь 13 февраля 1856 г. Эти периоды войны, очень содержательные в отношении событий на политическом и экономическом фронтах, отли-

чаются затишьем на вооруженном фронте, которое прерывается лишь жестом отчаяния (Цусима)[73]) или очень мелкими предприятиями (атака Кинбурна в 1855 г.[74], сахалинская экспедиция летом 1905 г.).

Стратегическая оборона и наступление. Каждая операция представляет непременное сочетание оборонительных и наступательных моментов. Несмотря на это, мы различаем наступательные и оборонительные операции в зависимости от того, выдвигает ли стратегия позиционную или негативную цель операции. Выдвижение ряда позитивных целей характеризует стратегическое наступление, а ряда негативных целей — стратегическую оборону.

Мы не согласны с утверждением, что всякое промедление на вооруженном фронте обязательно идет в ущерб стороне, преследующей позитивные цели. Политическая наступательная цель может связываться и со стратегической обороной; борьба идет одновременно на экономическом и политическом фронтах, и если там время работает в нашу пользу, т. е. баланс плюсов и минусов складывается в наших интересах, то вооруженный фронт, даже обозначая шаг на месте, может постепенно добиваться выгодного изменения соотношения сил. Если война имеет характер блокады — как блокировали русские Дагестан Шамиля[75]) или англичане Францию Наполеона I и Германию Вильгельма II[76]), то вооруженный фронт очень выигрывает от времени, работающего на него. Стратегическая оборона, складывающаяся из ряда операций с негативной целью, в общем может преследовать позитивную конечную цель...

Преследование негативных целей, т. е. борьба за сохранение полностью или частично существующего положения, требует в общем и целом меньшего расхода сил и средств, чем преследование позитивных целей, т. е. борьба за захват, за продвижение вперед. Удерживать имеющееся легче, чем завоевывать новое. Слабейшая сторона, естественно, обращается к обороне.

Эти утверждения являются бесспорными и в политике, и в военном искусстве, но лишь при предпосылке известной устойчивости и обороноспособности сторон в существующем положении. Как морские волны шлифуют прибрежные камешки друг о друга, так историческая борьба округляет аморфные по природе государственные образования, стирает слишком извилистые границы, растит требуемую для обороноспособности устойчивость...

Оборонительный образ действий обыкновенно связан с известными территориальными потерями. Он стремится отложить решение на позднейший момент. Следовательно, для успеха обороны нужно иметь возможность утрачивать территорию и нужно, чтобы время работало в нашу пользу. Эти

условия скорее будут соблюдены в большом государстве, которое легче может перенести временную утрату нескольких десятков, даже сотен тысяч квадратных километров территории, и которое с оттяжкой решения получает возможность использовать новую порцию своих средств, разбросанных на огромных расстояниях. Малые государства в оборонительном отношении несамостоятельны и могут существовать постольку, поскольку существует надежда на помощь извне. Но обширность размеров территории далеко еще не обеспечивает успеха обороны: необходимо решительное правительство и крепкое внутреннее положение, чтобы иметь возможность перетерпеть материальные потери, связанные с неприятельским наступлением, и заставить время работать в нашу пользу, а не в пользу неприятеля. Необходимо, чтобы руководство войной проявило достаточную твердость и не растратило для отстаивания различных географических ценностей боеспособности живой силы, которая нужна для момента кризиса.

Стратегическое наступление требует значительной затраты сил, удаляет нас от базы, заставляет выделять крупные силы на организацию и охрану сообщений с базой. Предпосылкой длительного наступления является беспрерывный приток свежих сил. Неизбежные расходные статьи наступления ведут к тому, что его развитие в нормальных условиях, когда впереди базы нет, ослабляет наступающего. Отсюда, если наступление теоретически рассматривать как беспредельное, надо признать, что его успехи должны иметь высшую кульминационную точку развития, а затем наступит его закат, вызванный материальным ослаблением. Искуснейшее стратегическое наступление ведет к катастрофе, если имеющихся средств недостаточно, чтобы счастливо достигнуть конечной цели, обеспечивающей нам мир.

Из этого свойства наступления вытекает для наступающего необходимость выбрать свою конечную военную цель не далее того рубежа, перевалив за который наши успехи пойдут под гору. Политик, устанавливая конечную политическую цель войны, должен внимательно выслушать консультацию стратега, так как из политической цели определенно будет вытекать и конечная военная цель.

На этом свойстве наступления должна быть построена и основная стратегическая мысль обороны: где тот предел, на котором можно будет положить конец успехам развития наступления? Эта мысль господствует и в стратегическом, и в оперативном, и в тактическом искусстве. Неприятель смял наши передовые цепи и распространяется в глубину нашего боевого расположения: тактик, чтобы не расходовать силы капля за каплей, должен постараться сразу отдать себе отчет в том, где и когда он успеет развернуть свои резервы, остановить неприятеля и перейти в контратаку. Если не цепи

порваны, а фронт развертывания поставлен под большую угрозу, тот же вопрос является основным для руководства операцией. Если приходится вести оборонительную войну, то опять-таки мысль стратега прежде всего должна останавливаться на том рубеже во времени и пространстве, на котором можно рассчитывать переломить ход войны, вызвать кризис, перейти от негативных целей к целям позитивным...

Наступление, перевалившее за свою кульминационную точку, очень быстро приобретает характер авантюры, и всякое дальнейшее его развитие является лишь наиболее совершенной подготовкой перехода неприятеля от преследования негативных целей к преследованию позитивных целей, которые могут получить самый большой размах...

Отсюда понятно, как важно оценить вовремя предел, за которым наступление переходит в авантюру и начинает обращаться в подготовку неприятельского контрудара. Это очень широкий вопрос, при решении которого надо учесть политическую и экономическую сопротивляемость неприятеля неудачам, имеющуюся у него возможность сохранить боеспособность армии после длительных оборонительных операций и отступлений, прирост сил, который последует для нас и противника в результате дальнейших эшелонов военной и экономической мобилизаций. При войне на сокрушение и кульминационная точка наступления, и конечный рубеж обороны определяются главным образом рубежом в пространстве: наполеоновская армия погибла, докатившись до Москвы, на две тысячи километров от границ Франции. При войне на измор этот рубеж переносится отчасти в категорию времени: в течение четвертого года войны боеспособность вооруженных сил центральных держав стала резко слабеть.

Наступающий должен помнить, что простое продвижение вперед только ослабляет его и представляет очень условный плюс: уменьшается то расстояние до кульминационной точки, на протяжении которого он может собрать урожай своих успехов. Каждый километр, который делали германские войска после пограничного сражения к Марне, не достигая заметных тактических успехов, являлся очевидным убытком.

Стратегическая оборона должна до момента кризиса тщательно дозировать свои усилия; необходимо, с одной стороны, возможно, ограничивать наши территориальные потери и заставлять продвигаться неприятеля не церемониальным маршем, а выполняя ряд крупных оперативных работ — производя перегруппировки, подтаскивая на передовые линии сотни тысяч пудов боевых припасов, форсируя трудные в оперативном отношении рубежи; а, с другой стороны, необходимо сохранить армию на известном уровне боеспособности, спустившись ниже которого, вообще придется думать только о том, чтобы выйти из соприкосновения с неприятелем; надо

обеспечить себе возможность конечного перелома. Не уходить без боя и не увлекаться боем — эта трудная задача часто окажется посильной только армиям высокой квалификации.

Позиционность и маневренность. Если обе стороны выдвигают для операции позитивные цели, то получаются крайне маневренные, часто встречные операции. Гражданская война 1918—1920 гг., представлявшая такие удобства для преследования позитивных целей, являлась и необычайно маневренной войной. Если же обе стороны выдвигают на первый план негативные цели операций, то военные действия получают позиционный характер. При ведении войны коалицией [77]) негативные цели часто имеют более широкое распространение, так как эгоистические интересы каждого союзника толкают его на то, чтобы другим предоставить честь наносить удары врагу, а самому бдительно охранять имеющееся у него и беречь свои силы к последнему часу с целью заставить при заключении мира считаться с его интересами. Поэтому коалиционные войны скорее принимают позиционный характер, чем единоборство двух государств. Франция и Англия усвоили эти простые истины еще осенью 1914 г., а Россия начала задумываться над ними лишь осенью 1916 г., почему и оказалась в весьма невыгодном положении.

Пока обе стороны преследуют негативные цели, господствует позиционное затишье. Уменьшается убыль людей и расход материальных средств на фронте, что отзывается самым благоприятным образом на последующих эшелонах мобилизации. Поэтому, если подготовка обеих сторон весьма недостаточна и в особенности недостаточны заготовленные материальные запасы, можно с большой вероятностью ожидать принятия войной позиционных форм...

Малые государства к позиционной войне мало способны. Действительно, фронты, которые им пришлось бы занимать, уменьшаются в гораздо меньшем размере, чем территория, которая своими средствами должна питать их сопротивление; при подобии очертаний двух государств, если фронт одного будет короче в 8 раз, то территория будет меньше в 64 раза; а необходимо иметь больше тысячи квадратных километров спокойно работающего тыла, чтобы содержать один погонный километр позиционного фронта. Вся эта математика очень условна, так как экономические условия территории имеют существенное значение; однако, несомненно, что для создания Великой Китайской стены нужен Великий Китай и что нельзя бронировать судно, имеющее тоннаж миноносца.

Завлекательная сила отступления весьма значительна в маневренной войне; нужна сильная воля и сознательность

управления, чтобы войска тотчас же не расплылись в очищаемый неприятелем район. В позиционной же борьбе фронт каждой стороны положительно стремится опереться на фронт неприятеля. Действительность как бы не терпит пустого пространства между передовыми частями обеих сторон; преувеличенная оценка значения местности, вытекающая из потерь, коими надо заплатить за продвижение в несколько сотен метров, заставляет фронты сближаться. В существе позиционной войны, преследующей негативную цель, лежит двухсторонняя иллюзия подготовки к наступлению; поэтому позиционный фронт в большинстве случаев тактически характеризуется как исходное положение для атаки, а не как выгоднейшее расположение для обороны. Лучшие позиции покидаются, если имеется возможность продвинуться на несколько километров вперед. Войска годами стоят в полных воды окопах, под расстрелом, на низине, иногда всего в 2—3 километрах впереди здоровой, сухой, возвышенной местности. Позиционная борьба, где техника так широко представлена, где управление жестоко централизовано, где война принимает столь материальные формы и организуется, на первый взгляд, научными методами, в действительности представляет широкое поле для стихийных явлений. Свободное от иллюзии, благоразумное высшее командование может овладеть стихийным процессом и достичь больших результатов: систематически стянув свои войска на выгодные участки, можно заставить неприятеля на протяжении сотен километров расположиться самым неудобным образом.

При отказе от маневра происходит переоценка значения различных участков; на первый план выдвигается географическая ценность прикрываемого района. Богатый промышленный центр, важный узел сообщений, близость ценной для рокировки магистрали заставляют крепче занимать участок; бедная местность, лишенная ценных географических объектов, будет прикрываться слабее; но эта разница не будет столь значительна, как в маневренной войне; второстепенные участки в общем выигрывают в своем значении. Важнейшим участком позиционного фронта во Франции и Бельгии в 1914 г. сделался прилегающий к Ламаншу, так как владение северным побережьем Франции дало бы большие выгоды немцам при организации подводной блокады Англии. Фронт в Лотарингии и Вогезах, который до войны так детально изучался французским генеральным штабом, сделался второстепенным, так как здесь не было ни важных для Франции сообщений, ни промышленных городов, за исключением Нанси.

Втянуться в позиционную борьбу легко, даже помимо своей воли, но выход из нее связан с большими затруднениями; в мировую войну это никому не удалось. Если пози-

ционный фронт имеет ограниченные размеры, то чрезвычайно выгодных результатов можно добиться посредством обхода открытого фланга. Французы еще в мирное время подготовили элементы для создания с началом мировой войны позиционного фронта на франко-германской границе; обход этого фронта через Бельгию представлял основную идею плана Шлиффена. Русская 10-я армия при своем вторжении в Восточную Пруссию заняла к началу 1915 г. позиционный фронт, но не протянула правого его крыла вплоть до Балтийского моря; отсюда для Людендорфа явилась возможность выгодного маневра в обход правого русского крыла, который привел к окружению центра 10-й русской армии в Августовских лесах. Угроза катастрофы всего позиционного фронта, которой угрожает этот маневр из-за фланга, заставляет растягивать позиционный фронт во всю ширь театра военных действий и примыкать его фланги к надежным преградам — к морю или нейтральному государству, способному вооруженной рукой обеспечить свой нейтралитет.

Таково было существо «бега к морю», операции, последовавшей в 1914 г. за Марнской. Мы видим в ней не преследование обеими сторонами позитивной цели — обхода неприятельского фланга, а преследование негативной цели — контрманевр против такого возможного обхода. «Бег к морю» лежит в русле стратегической обороны, а не наступления.

Позитивные цели, к преследованию коих переходят, устроившись и оправившись в процессе позиционной борьбы, могут быть двух родов: или они будут преследовать развитие давления на неприятеля, не выходя из рамок позиционной войны, и тогда получается позиционная операция (Верденская и на Сомме в 1916 г., Фландрская в 1917 г.), или же они будут направлены к тому, чтобы порвать с позиционной войной и перейти к маневренной. При позиционном фронте, пересекающем весь театр, последнее может быть достигнуто тремя путями: прорывом (попытки мировой войны — наступление Брусилова в 1916 г., Нивеля в апреле 1917 г.), обходом, который достижим путем нарушения нейтралитета или вступления в коалицию нового союзника (Румыния в августе 1916 г.), или, наконец, отступлением, имеющим целью достичь общего сдвига. Последний метод базируется на завлекающей силе отступления. Возможно отойти и на некоторых лишь участках, чтобы создать такой изломанный фронт, который не являлся бы обороноспособным ни для одной стороны. Некоторые участки могут быть вовсе очищены, а за удерживаемыми можно собрать посильнее резервы, готовые к переходу в наступление. Продвижение неприятеля должно выполнить функцию подготовки такого наступления. Подобные предложения неоднократно возникали в течение мировой войны, но не разделялись ответственными стратегами.

По-видимому, на богатой, изрезанной железными дорогами местности такая мысль представляется чисто теоретическим, не осуществимым в жизни положением. Отход ведет к пожертвованию слишком важными интересами экономики и сообщений. Но нельзя не отметить, что на белорусско-польском театре для такого маневра открываются наиболее благоприятные перспективы.

В будущих войнах нужно считаться с тем, что хотя бы некоторые участки позиционного фронта будут организованы уже с самого начала, в период оперативного развертывания. Если граница тянется лишь на немногие сотни километров и опирается на солидные географические рубежи, то можно ожидать уже в начале войны возникновения непрерывного позиционного фронта. Массивность требуемых для ведения войны материальных средств, необходимость выждать результатов промышленной мобилизации и последующих эшелонов военной делают в будущем, например при франко-германском столкновении, временный отказ от преследования позитивных военных целей весьма возможным. Маневренная война едва ли сразу сможет охватить и весь наш западный театр. Конечно, позиционная борьба может принимать более мягкие формы, например те, которые создались на русском фронте в зиму 1914—1915 гг. и допускали довольно значительное маневрирование в промежутках между позиционными участками, причем не всюду позиционные фронты совпадали друг с другом (например, между Наревом и границей Пруссии оставалось значительное пространство для Праснышской кадрили). Но готовиться к позиционной войне необходимо. В известных условиях нельзя помешать зародиться позиционному фронту. Возможность перейти к маневру в широком масштабе, может быть, придется еще подготовить, преодолев попытки противника создать позиционный фронт...

ОПЕРАЦИЯ С ОГРАНИЧЕННОЙ ЦЕЛЬЮ

Эволюция операции. Изучение методов ведения операции представляет задачу не стратегии, а оперативного искусства. Уделяя в нашем труде несколько страниц эскизу операции, мы имеем в виду не заполнение чувствительного пробела теории оперативного искусства: стратегия, определяющая свою задачу в ведении военных действий как группировку операций для достижения конечной цели, не только является заинтересованной в постановке цели операции, но выдвигает известные требования и к методам достижения. Все отрасли военного искусства тесно связаны между собой: тактика делает шаги, из которых складывается оперативный скачок; стратегия же указует путь.

Под операцией в военном искусстве мы разумеем сумму разнородных действий, направленных для достижения одной из выдвинутых стратегией целей. Несколько операций, объединенных временем и местом, образуют кампанию; совокупность кампаний в течение целого года называется походом. Один или несколько походов приводят к тому конечному положению, в котором обе стороны признают программу действий насилия исчерпанной и устанавливают перемирие. Оперативное развертывание представляет не самостоятельную операцию, а существенный элемент всякой операции.

Таким образом, мы отказываемся от разделения операций на главные и подготовительные. Под подготовительной операцией разумелась раньше и мобилизация, однако последняя является не актом непосредственного ведения военных действий, а одним из актов работы тыла, распространять же на этот акт оперативную терминологию нам представляется неудобным. Термин «марш — маневр» мы считаем архаическим и отбрасываем.

До конца XIX века операция отчетливо делилась на две части: маневр, имеющий целью поставить наши войска в наивыгоднейшее положение к моменту решительного столкновения, и само сражение.

Конечно, обычные теории, опиравшиеся на опыт наполеоновских войн, усматривали и третью фазу операции — преследование. Сколько в теории было сказано красивых слов об этом необходимом акте развития успеха! Трудно оставаться в пределах логики сокрушения, отказавшись от идеи преследования — колоссального расширения одержанных успехов. Однако от Наполеона исключительно и до мировой войны включительно мы не встречаем в военной истории ни одного преследования, которое бы выходило из узких тактических рамок. Войны 1853—1856 гг., 1859 г., 1861—1865 гг., 1866 г., 1870 г., 1877—1878 гг., 1899—1903 гг., 1904—1905 гг., 1914—1918 гг. не дают ни одного примера преследования; а так как мы стремимся оперировать только реально существующими понятиями, то и исключаем преследование из нашего изложения. Мы наталкиваемся при этом на ряд недоумений, вытекающих из того, что теория часто считалась не с действительностью, а с тем, что казалось ей желательным, и почти материализовала в современных умах представление о стратегическом преследовании... Преследование оказывается возможным только в атмосфере полного развала неприятельской государственности, полного ее политического банкротства, в последние минуты перед ликвидацией вооруженного сопротивления. Возросшая мощь современного государства, его огромные ресурсы, новые эшелоны мобилизации, железнодорожный маневр, телеграф — все препятствует ныне преследованию. Собирать урожай на вооруженном фронте,

пока неприятель политически еще не дезорганизован, возможно ныне лишь в пределах самой операции; преследование ныне знаменует не военную, а политическую победу.

В эпоху Наполеона маневр растягивался иногда на десяток переходов и больше (1806 г.). Широкий захват наполеоновского маневра привел к тому, что французы, создавшие свою терминологию на изучении наполеоновских походов, и сейчас еще называют операцию «маневром».

С появлением железных дорог в эпоху Мольтке маневр для первоначальных операций начал частично осуществляться железными дорогами в виде первоначального оперативного развертывания; обе стороны высаживались сравнительно неподалеку друг от друга, и часть маневра, выполняемая походным порядком, в первоначальной операции несколько сократилась. Дальнейшие же операции (Седанская)[78]) велись по типу наполеоновских.

В настоящее время каждой операции предшествует особое оперативное развертывание, в значительной степени опирающееся на железные дороги. Вследствие затруднительности отрыва армий на значительное удаление от железнодорожных станций это оперативное развертывание важно производить в возможной близости от тех районов, где может быть достигнута цель операций. Таким образом, в своей исходной части все современные операции напоминают первоначальные операции Мольтке. Но в заключительной части они совершенно разнятся от мольткевских операций, так как генеральных сражений, битв — совершенно конкретных явлений исторического прошлого — в современной реальной действительности нет, и если эти термины еще употребляются, то лишь как условность, как выражение, в котором сказывается предпочтение образности понятия перед точностью его формулирования. Генеральное сражение расплылось ныне в значительную часть операции.

Сражение XIX века образовалось рядом боев, протекавших в течение короткого времени на небольшом пространстве, в тесной близости противников друг от друга; общая длительность сражения лишь немного превосходила длительность отдельного боя. Клаузевиц мог считать со стратегической точки зрения сражение точкой во времени и пространстве. Стратегия Клаузевица с того момента, как начали стрелять пушки, отдыхала, передав все руководство тактике, до конца сражения. Войска в течение сражения не сменялись, не перегруппировывались, не пополнялись и не отдыхали; кроме них, только тактические резервы имели возможность участвовать в решении сражения. Все эти предпосылки сохраняли еще свою действительность в эпоху Мольтке, но начиная с русско-японской войны условия начали меняться.

Фронт столкновений начал расти; очаги боев раздробились и разбросались на значительном расстоянии друг от друга. Если в наполеоновскую эпоху продвижение на 2—3 километра в глубь неприятельского боевого порядка приводило уже к полному распаду последнего, то в настоящее время углубление и на 60—70 километров не всегда дает такие результаты (Галицийская операция в августе 1914 г., наступление германцев в марте 1918 г. и т. д.). Нужна целая комбинация боев, последовательность их, совершение нескольких переходов с успешным боем, чтобы сломить неприятельское сопротивление. Общая длительность этих столкновений измеряется уже не часами, а неделями. Протяжение генерального столкновения во времени уже не находится ни в каком соотношении с длительностью отдельного тактического столкновения, исчерпывающего порой всю энергию войсковой части. Является необходимость сменять войска, давать им отдых, пополнять их людьми и материальными средствами в течение самого развития столкновения; получается возможность перегруппировывать войска, подвозить издали новые резервы, дополнять и исправлять новым железнодорожным маневром первоначальное развертывание. Один удар раздробился на много ударов; одно боевое столкновение отделяется от другого иногда целыми переходами, настолько разрослась современная арена боев. Походное движение, бои, отдых, наступление, оборона, разведка, охранение, снабжение, пополнение — все эти отдельные действия чередуются между собой, составляя содержание современной операции. А раньше мы отчетливо могли провести грань между сражением, отдыхом и походными движениями.

Количество переходит в качество. Сражение раньше имело лишь еле заметные трещины, делившие его на отдельные бои. Увеличение протяжения сражения во времени и пространстве привело к тому, что сражение рассыпалось на отдельные куски, которые связываются лишь в целой операции.

Если раньше операция делилась на маневр и сражение, то теперь мы должны установить другие грани; теперь маневрируют отчасти на рельсах, а отчасти в самом водовороте боевых событий, стремясь группировать отдельные бои для достижения цели операции. Маневр отошел частью к оперативному развертыванию, а частью прослоился между отдельными боями...

Оперативная оборона и наступление. Преследование нами в операции позитивной цели и стремление использовать для достижения последней внезапность приводят нас к развертыванию наших сил и средств, получающему широкое развитие. Напротив, преследование негативной цели заставляет нас повременить с окончанием развертывания,

дабы сохранить возможность сосредоточения усилий на направлениях, которые по ходу действий окажутся важнейшими. В первом случае группировка надвигается к фронту, во втором она более эшелонируется в глубину. Не больший или меньший процент наступательных или оборонительных боев характеризует наступательную и оборонительную операции, а упреждение неприятеля в развертывании (наступление) или запаздывание развертыванием (оборона). Первым во всеоружии на полях операции является наступающий. Полное развертывание требует немедленного использования, в противном случае следует ожидать, что неприятель направит свои удары по самым чувствительным точкам нашей группировки (например, по флангам). Нерешительное, колеблющееся наступление, останавливаемое в критические моменты, дает противнику самые выгодные шансы...

Таким образом, мы устанавливаем необходимость, несмотря на то, что операция самым причудливым образом спутывает тактическую оборону и наступление, проводить строжайшую грань между оперативной обороной и оперативным наступлением и не смешивать воедино логику того и другого. Не следует принимать наступательной позы в моменты, когда наступления нет, так как она не отвечает элементарным требованиям обороны и за нее можно понести жестокое наказание.

Отсюда следует вывод, что в период перерыва между операциями, а также в момент подготовки к операции необходимо держаться оборонительной логики и соответственным образом группировать силы. Всякое наступательное развертывание до момента развития операции должно отвечать требованиям обороны. Постепенность перехода от существующей группировки войск к требуемому операцией развертыванию должна быть продумана во всех деталях. Возможность быстро, скрытно и успешно, не подвергаясь особому риску, выполнить оперативное развертывание должна быть внимательно взвешена при принятии нами решения: те мысли о прикрытии развертывания, которые мы излагали в главе о плане войны, относятся не только к первоначальному развертыванию, но распространяются и на подготовительный период каждой операции.

Чтобы судить об изменениях обороноспособности фронта в период подготовки, а также сделать рациональный выбор момента для начала операции, стратег должен располагать таблицей намеченного планом постепенного накопления войск и материальных запасов в районе оперативного развертывания. Готовность войск и тыла операции желательно выражать в процентах. Такая подготовительная работа раньше велась преимущественно в плане первоначального оперативного развертывания; несомненно, теперь всю прак-

тику подготовки этого развертывания необходимо распространить и на остальные виды последнего.

Тактическое толкование обороны ведет нас к пассивности, к представлению об отражении неприятеля на занятом рубеже. Активность обороны в тактике знаменует переход к наступательным действиям, т. е. к утрате обороной своих существеннейших признаков. Эти тактические представления об обороне и наступлении отнюдь нельзя переносить на оперативное искусство.

Оперативное наступление представляет упреждение в развертывании, намеченное для нанесения удара, рассчитанного на преодоление всякого сопротивления в определенном направлении, и осуществление этого удара. Запаздывающая в своем развертывании оборона действовала бы наименее экономным способом, нагромождая войска перед головой наступающей стороны или занимая ряд последовательных рубежей на направлении удара. Печальными являются эти оборонительные маневры, расходующие вооруженную силу пакетами в условиях, к которым противник наиболее подготовился. Всякое наступление имеет фланг; группировка сил обороны, инженерная ее подготовка, комбинация сильных и слабых участков, провоцирование обхода или прорыва в определенных направлениях должны обострить вопрос о флангах наступления; лишь в редких случаях наступающему удастся их прикрыть вполне надежными рубежами. Маневр обороны должен заключаться преимущественно во фланговом контрударе; так, направленные усилия, даже не достигнув цели, изменят в невыгодную сторону условия развития неприятельского наступления: последнее придется остановить или свернуть на другое, нежелательное и неподготовленное направление; только полное уничтожение действующих на фланге сил обороны позволит продолжить наступление так, как оно было намечено. На угрозу наступления русских в Силезию Людендорф ответил ударом от Торна-Калиша на Лодзь. Русские, перейдя к обороне, сумели ответить, хотя и слабым, ударом Варшава — Лодзь (Бржезины), который также являлся фланговым и ставил немцев в трудное положение.

Если условия временно лишают оборону возможности ответить контрманевром, то наиболее экономный способ задержки наступления, не истощающий последних наших сил, будет заключаться в отскоках, рассчитанных на тяжеловесность и массивность современных тактических приемов. Отскоки возможно производить в тактическом и в оперативном масштабе. Тактическая подготовка к атаке, разведка нашего расположения и подступов, организация артиллерии, сближение требуют много времени. Отойдя на расстояние полуперехода, мы достигаем известного выигрыша времени, за-

ставляя неприятеля повторить свою тактическую подготовку сначала. Но оперативная подготовка к атаке укрепленного фронта требует еще больше времени, вызывая необходимость в развитии сообщений и в сосредоточении в ближайшем тылу груза боевых припасов, измеряемого вместимостью десятков поездов. Отойдя на два — три перехода назад, мы заставим неприятеля повторить свою оперативную подготовку, чинить испорченные нами пути и переваливать по ним вперед гужевой и автомобильной тягой десятки и сотни тысяч тонн боевых запасов. Конечно, оперативный и тактический отскоки достигнут своей цели лишь в том случае, если они будут произведены, прежде чем неприятель успеет реализовать свою материальную подготовку к бою.

План операции. Значительное превосходство сил облегчает составление плана; детализация плана при наличии такого превосходства также может идти несколько далее. План, в котором уяснена цель операции, определена ее форма и детально продумано занятие исходного положения для операции, должен, не впадая в календарность, предусматривать, однако в известной перспективе, этапы ее развития. Последнее в особенности необходимо для составления отдельных планов работы различных служб; разумная организация работы тыла требует хотя бы примерного установления некоторых норм, касающихся времени, пространства и напряжения, определяющих необходимое оборудование путей связи, количество требуемых транспортов, запасы снабжения и укомплектований, эвакуацию раненых, устройство оккупированной территории и пр. Если развитие операции потребует особых технических средств (например, для устройства переправ через большую реку или для овладения долговременными укреплениями) или особого снабжения войск (вьюки для обоза колонн, которым предстоит переваливать через горы), или включения большого числа специалистов (лыжники при глубоком снеге зимой, политработники для организации больших центров), или особенных запасов (захват большого голодного города), то план ее должен заранее учесть все эти потребности и подготовить в возможной степени их удовлетворение.

Ближайшие шаги операции, до крупных столкновений, можно предвидеть гораздо точнее, чем дальнейшее ее развитие. Надо воздержаться, однако, от соблазна слишком углубиться в детали этих первых подготовительных действий. Даже методичность действий может быть рекомендована только в известных пределах, так как увлечение ею задерживает и подготовку, и развитие операции, обуздывает порыв, затрудняет использование благоприятных обстоятельств. Опыт свидетельствует, что слишком большое углубление в

подготовительные работы совпадает обыкновенно с медлительным темпом развития действий...

План должен установить первый этап приближения к цели операции и общую задачу достижения этого этапа расчленить на ряд частных задач, по главным подразделениям ведущего операцию фронта (или армии). При наступлении план должен отчетливо отметить решающие направления, на которых должны быть сосредоточены главнейшие усилия. При обороне, если все действия не сводятся только к выигрышу времени, а включают стремление довести борьбу до кризиса, точно так же основная задача плана сводится к указанию рубежа, на котором неприятелю должно быть оказано решительное сопротивление и где план ожидает перелома общего развития операции в нашу пользу.

Основные вопросы плана достижения поставленной для операции цели связываются с формой, в которую нужно стремиться вылить операцию, и с занятием исходного положения — того оперативного развертывания вооруженных сил и материальных средств, в достижении коего заключается материальная подготовка операции.

Формы операции. Формы операции — оперативное окружение, прорыв, охват, фланговый удар — избираются нами не произвольно, а диктуются соотношением сил и средств, существующей их группировкой, мощностью различных магистральных путей, конфигурацией театра военных действий и важнейших его рубежей. При современном стремлении к перегораживающим весь театр действий фронтам прорыв явится часто лишь вспомогательным приемом для достижения другой формы...

Форма операции должна быть согласована с качествами командования: на раздельные действия отдельных групп можно полагаться лишь в мере основательности надежд на возможность согласовать работу их начальников (Жилинский[79]), Самсонов[80]) и Ренненкампф[81]) при вторжении в Восточную Пруссию двух армий с разных сторон). Форма операции также должна отвечать особенностям данных войск: если главная сила армии (французской) заключается в массивности применяемых ею технических средств, нехорошо, если форма операции потребует длительного захождения и отнесет решительные пункты на значительное удаление от головных станций железных дорог; если армия имеет чисто позиционный характер (английская в 1916—1918 гг.) и способна выполнять лишь короткие, прямые наступления, нехорошо, если операция будет рассчитана на сложное маневрирование, с преобладанием встречных боев; если наш перевес заключается в артиллерии и кавалерии, нехорошо, если операция перенесет решение в лесистые районы и т. д.

Форма операции должна быть избрана такой, чтобы

последняя ставила наши войска по возможности в выгодное тактическое положение; если неприятель располагает целой системой подготовленных позиций и крепких рубежей, то выгодно, чтобы операция приводила не к лобовой атаке их, а к обходу, заставляла неприятеля перегруппировываться, развертываться на новом, неподготовленном фронте и вступать в бой в невыгодной для него тактической обстановке.

В то же время форма операции должна быть максимально проста. Всякая добавка боевых и маневренных наслоений к операции неприемлема не только потому, что она крайне осложняет вопросы управления: всякий лишний маневр, всякий бой, не являющийся неизбежно необходимым для достижения цели операции, таит в себе величайшую опасность — увлечь нас от цели на ложный путь. Большие авангарды, бои на передовых позициях, демонстрации, местные бои даже своими успехами могут принести нам большой вред. В операции ничего не должно быть лишнего; она должна служить воплощением целеустремленности. Форма операции по чеканности, ясности и стройности своих линий должна напоминать нам не завитушки рококо, а строгую прямолинейность очертаний греческого храма.

С этой точки зрения оборона чрезвычайно выигрывает, если конечный рубеж, намеченный для достижения решительных результатов, совпадает с нашей передовой линией, и мы, таким образом, избегаем ряда арьергардных боев, которые могут нас совершенно отвлечь от цели. Идеалом оперативной обороны является выжидание подхода неприятеля лишь для того, чтобы обрушиться на него (Аустерлиц)[82]...

Оперативное развертывание. Оперативное развертывание должно в точности отвечать намеченной цели и форме операции. Если операция преследует наступательную цель, то силы должны быть сгруппированы в соответствии с теми дорогами, которые предстоит использовать при наступлении. Участки фронта должны быть готовы перероднться в колонны соответствующих нашему решению сил. Недальнобойность современных операций заставляет занимать исходное положение возможно ближе к неприятелю: поэтому в период подготовки наступательной операции оборонительные мотивы выдвигаются на первый план. Если дело заключается в обороне, то группировка сил должна быть такова, чтобы допустить скорейшее сосредоточение главной массы усилий для отражения неприятеля на важнейших направлениях с возможно меньшей потерей территории; в то же время второстепенные направления должны быть обеспечены в такой степени, чтобы события на них не отразились на важнейших. Оборона нуждается, за исключением случаев предвзятого решения, в нескольких днях, чтобы закончить свое развертывание, которое в исходном положении до конца не доводится:

выбор направлений зависит не от нее. Внимательное наблюдение за неприятелем, широкое использование фортификации, эшелонированная в глубину группировка сил, солидные оперативные резервы, частью на рельсах, величайшие заботы, уделяемые рокировочным путям,— это естественные средства, к которым обратится оперативная оборона, пропитывающая, как мы видели, и подготовительную фазу наступления. Стремление к организации контратаки должно быть главной мыслью оперативного оборонительного развертывания и подготовительных работ. Иногда представится выгодным образовать две или больше компактные группировки, связанные лишь слабой завесой и взаимно фланкирующие друг друга (в малом масштабе — Сталюпенен[83]), август 1914 г.). Хорошо развитая сеть рокировочных путей явится лучшим обеспечением своевременного производства флангового контрудара.

Плотность оперативного развертывания может быть весьма различна...

Конечно, сосредоточение группировки на важнейших участках, в особенности там, где мы предполагаем добиваться позитивных результатов, чрезвычайно желательно; но не надо забывать, что для этого нужны известные предпосылки. Наличие солидных местных преград и фортификационных сооружений на части фронта облегчает возможность разредить здесь войска. Слабость противника и его пассивность также облегчают построение тарана...

Наступление ведется преимущественно по параллельным путям. Если представляется возможность, желательно, чтобы фронт оперативного развертывания был шире того фронта, на котором предстоит столкновение с противником; это позволит придать маршу несколько концентрическое направление; можно будет использовать большее количество железных дорог, больше грунтовых дорог, населенных пунктов и тыл сгруппируется более выгодным образом. Несмотря на краткость маршей от исходного положения до столкновения с неприятелем, характеризующую современную операцию, и при общем параллельном положении фронтов такие выгоды для ударного участка можно будет часто получить косым направлением разграничительных линий, так, чтобы фронт ударных частей по мере сближения с неприятелем суживался, а на второстепенных участках расширялся. Таким образом, ударный участок получит в свое распоряжение максимум путей и, сверх того, неприятелю будет труднее заблаговременно раскрыть направление нашего удара.

Начало подготовки операции. Вынуждаемые современными условиями дни паузы между операциями отнюдь не являются периодом бездействия. В этот промежуток времени ведется подготовка к следующей операции, зани-

мается исходное для нее положение. Заканчивая одну операцию, мы должны отдавать себе отчет в следующей. Продвижение наших войск после успешной операции и отход их после неудачной стратегия должна рассматривать под углом зрения группировки сил для новой операции. Цель новой операции, конечно, согласуется с результатами законченной. Преследуем ли мы неприятеля или неприятель преследует нас — эти действия, поскольку сопротивление ни одной из сторон не сломлено окончательно, являются лишь элементами нового оперативного развертывания и его прикрытия. Новый оперативный план поэтому начинает получать свое осуществление уже в приказе для преследования или для прекращения наступления или для отхода. Очень часто в этот момент замысел будущей операции будет намечен лишь в самых общих чертах; однако оттягивать разработку плана очередной операции на продолжительное время нельзя, во избежание растраты времени вследствие бесполезных движений войск и недостаточной ориентировки службы тыла. Отход французских армий в 1914 г. после пограничного сражения, сохранивший правое крыло примкнутым к Лотарингскому укрепленному фронту и направлявший левое крыло к востоку от Парижа, уже включал в себе значительную часть элементов Марнской операции. Исходное положение для следующей операции является и линией сбора войск, закончивших одну операцию; оно ориентирует все действия и стратег прежде всего должен уяснить себе его.

Если мы отказываемся от преследования позитивной цели, необходимо немедленно приступить к подготовке оборонительной операции: сейчас же должно быть приступлено к выводу части войск в тактические и оперативные резервы, с глубоким их эшелонированием, к возведению системы укрепленных позиций и материальной подготовке контрманевра.

Период операции характеризуется быстрым темпом расхода сил; период паузы и подготовки должен являться периодом их накопления. Необходимо не только пополнить ряды и утраченную материальную часть, но и всемерно щадить силы войск. Переходы должны совершаться самого ограниченного размера, средства транспорта должны использоваться не только для выигрыша времени при переброске войск, но и для доставления войскам максимальных удобств. Для улучшения условий размещения войск часто окажется необходимым энергичное строительство лагерей барачного типа или из усовершенствованных землянок.

Заботы о материальных удобствах войск являются в то же время и заботами о моральном элементе и о повышении авторитета командования. По предоставляемому войскам комфорту, по порядку и заботливости тыла о бойцах армия судит об организованности и предусмотрительности управ-

ления. Психология бойца, пролежавшего в цепи несколько дней или пробывшего в мокром окопе в течение недели, готова реагировать на всякий материальный пустяк, как и психология человека, оправляющегося после перенесенной тяжелой болезни.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ

Конечная военная цель и цели операций. Из политической цели войны, установленной руководящим войной органом, для действий на вооруженном фронте вытекает своя конечная военная цель, к достижению коей должны направляться усилия армий и флота. Если борьба сложилась в таких исключительных условиях, что возможно достигнуть конечной военной цели одним прыжком, то для стратегии остается немного работы: производство этого прыжка, называемого операцией,— дело оперативного искусства. Роль стратегии резко обозначается, когда конечная цель недостижима одной операцией, и надо наметить несколько этапов пути, ведущего к цели; когда охваченные войной границы обширны и образуют не один, а несколько театров военных действий и на этих театрах приходится вести самостоятельные операции. Эти одновременно ведущиеся операции необходимо согласовать так, чтобы частные цели, достигнутые ими, образовывали этапы на кратчайшем пути к достижению конечной военной цели. Указания стратегии — это вехи, обозначающие цели, к которым должны устремляться операции *. По мере изменения обстановки одни вехи должны заменяться другими; в случае достижения операцией одной цели должна быть выдвинута следующая, ориентирующая сначала оперативную подготовку, а затем и оперативный удар.

Мы, конечно, не должны обманываться в кажущейся простоте этой работы стратега. На войне приходится иметь дело с идущей наперекор волей неприятеля, с трениями в различной форме, со стихийным развитием могущественных процессов на базе и в армии. Найти в этих условиях кратчайший, удобнейший, вернейший, логический путь к конечной военной цели совсем нелегко. Выгодность и разумность постановки той или иной цели зависит от очень сложных, сплетающихся в целый клубок предпосылок. Группировка вооруженных сил обеих сторон, получившаяся на театре военных действий, представляет лишь часть соображений, которыми должен руководствоваться стратег. Ему необходимо хотя бы приблизительно уловить перспективу войны, предусмотреть задачи

---

* Оперативное искусство часто имеет дело и с демонстрациями, занимающими в нем совершенно законное место; но под понятие стратегической демонстрации можно лишь подвести ошибку, совершенную в гигантском масштабе.

ближайшего будущего, чтобы руководить настоящим. Мысль стратега должна оторваться от деталей операции и захватить важнейшие процессы, происходящие у нас на базе и в глубоком тылу противника; только уловив характер эволюции жизни воюющих государств в целом, стратег сможет несколько приподнять завесу будущего и относительно уверенно поставить задачи своим фронтам и армиям...

Выдвигая какую-либо частную цель, стратег должен учесть все следствия ее достижения и то связующее действие, которое она окажет на дальнейший ход событий...

Последовательность операций. Германия в течение первого года мировой войны произвела на русском фронте не менее 9 оперативных развертываний...

Девять раз в течение одного года германцы переносили центр тяжести своего оперативного развертывания на различные участки обширной дуги Мемель — Калиш — Ченстохов — Карпатский хребет. Очевидно, ни одно из этих развертываний не являлось достаточным для достижения конечной цели германских вооруженных сил на русском фронте. Отдельных частных целей, лежавших на пути к конечной, приходилось достигать последовательно, путем отдельных операций, требовавших каждая самостоятельного развертывания и не являвшихся поэтому непосредственным, геометрическим продолжением в пространстве одна другой.

Сокрушение характеризуется признанием достаточности одного оперативного исходного положения для достижения конечной цели. Операции сокрушения, являясь непрерывными в пространстве, почти сливаются в своем стремлении к конечной цели. Сообщения защищаются совершенно реальной угрозой уничтожения каждого неприятельского отряда, который оказался бы позади наших флангов. Цели, преследуемые неприятелем, подчиняются целям стороны, наносящей сокрушительный удар. Логика и последовательность совершенно ясны.

Но и перечисленные нами девять различных оперативных развертываний германцев на русском фронте, происшедших в первом году мировой войны, не представляют произвольного хаотического нагромождения. Несмотря на то что они лежат в плоскости мышления измора *, они находятся в известной внутренней связи между собой. Эта внутренняя связь уясняется в полной мере лишь при сопоставлении целей, которые преследовались в течение первого года операции против русских. Последовательность операций имеет место и при преследовании ограниченных целей измора. Рассматри-

* Не будем впадать в обман из-за крайней энергии Людендорфа; Фридрих Великий в 1757 г. развивал столь же яростное напряжение вооруженной борьбы и тем не менее оставался на почве измора.

вая стратегию под углом зрения определения ее, как учения о сообщениях, мы уже указали, как углубление в изучение сообщений наших и неприятельских армий переводит нас на твердую почву реальности и позволяет упорядочить, внести ясность и последовательность в преследование различных целей.

Чем более углубленно мы будем рассматривать обстановку в целом, даже в условиях измора, тем больше будет стесняться перед нами безграничное поле фантазии; наш выбор от многих возможных целей, возможных для операций, в конце нашего анализа сузится до одной-единственной, представляющей для нас необходимость; наша мысль раскроет предпосылки для последующей операции, которых надо достичь посредством первой и которые являются ее целью. Перед истинным стратегом не раскрывается равномерно бегущая линия фронта, дающая полный произвол в выборе участка, на котором можно вести очередную операцию; его конечная цель — опрокинуть всю постройку неприятельского вооруженного фронта — вынуждает его установить последовательность в своих действиях и в каждый данный момент вести подкоп под какой-то один устой этого вооруженного фронта. Сюда сосредоточиваются все его мысли, и в даваемом для этой работы импульсе сказывается вся его личность.

Кривая стратегического напряжения. При установлении последовательности в операциях, в выборе очередной цели операции и определении ее размаха стратегия в настоящее время не может руководиться простым соотношением наших и неприятельских сил на вооруженном фронте; необходимо иметь в виду перспективу изменения этих соотношений, учет возможностей пополнения и снабжения, новых эшелонов мобилизации, перебросок с других фронтов. Раньше стратегия исходила лишь из цифр первой мобилизации и времени, потребного для сосредоточения; теперь необходимо иметь в виду вероятную кривую дальнейшего роста вооруженных сил у нас и у неприятеля, связанную с возможностями экономической мобилизации или поддержки извне.

Действия на русском вооруженном фронте в первый год войны должны были ориентироваться прежде всего на то обстоятельство, что мы обгоняли австро-германцев в стратегическом развертывании наших сил.

Мы проводим различие между оперативным развертыванием — занятием исходного положения имеющимися в наличии силами — и стратегическим развертыванием, являющимся достижением кульминационного пункта мощи вооруженного фронта. Оперативное развертывание требует немногих дней, а стратегическое — месяцев...

Такие сдвиги в отношении сил, какие вызвало отпадение России или вступление в войну Америки, существенно должны были повлиять на линию стратегического поведения. Очевидно, что Франции надо было стремиться покончить с Германией до того момента, когда революция обессилит русский фронт (наступление Нивеля), а если это было невозможно, то надо было продержаться 14 месяцев, пока не будут закончены вооружения Америки (план Петена[84]) и Фоша)[85]). Германии следовало не терять это время на борьбу с русской революцией, а возможно раньше, в начале лета 1917 г. начать ломку французского фронта. В этом случае Людендорф допустил крупнейшую ошибку.

В условиях гражданской войны, когда сама военная организация создается не до, а в течение военных действий, мы видим постепенное возрастание кривой стратегического напряжения. Но аналогичные явления теперь наблюдаются и в войнах, подготовке коих уделено было много лет напряженной работы, и мы не можем по одному этому обстоятельству подводить стратегию гражданской войны под особую рубрику.

Только отдавая себе правильный отчет в изломах кривой развития сил обеих сторон, в моментах, когда каждая из них идет вверх и достигает кульминационной точки, стратег может достаточно обоснованно избирать наступательный или оборонительный образ действий, дозировать энергию фронтов, выдвигать цели операций, промежуточные по отношению к конечной военной цели.

Момент начала операции. Вопросы ведения боя представляют содержание тактического искусства, но не к последнему, а к оперативному искусству относятся вопросы о моменте вступления в бой и выходе из боя. Вопросы ведения операции относятся к оперативному искусству, но определение начального момента и заключительной точки операции является решением стратегического порядка. Точно так же вопросы о моменте вступления в войну или выхода из нее дело не стратегии, а политики.

Разумеется, необходимо согласовать момент начала операции с требованиями политики...

Момент начала операции должен быть согласован с окончанием нашего развертывания. Операция приобретает известную чеканность, проводится с молниеносной быстротой и с малыми жертвами приводит к крупным результатам, если все средства, в которых она нуждается, находятся тут же, под рукой, если все необходимые перегруппировки закончены до начала операции и сообщения в течение самой операции разгружены от подготовительных перевозок. В этих условиях работа войск во время операции может быть поставлена в

такие же условия, как фабричное производство, которое также нуждается в предварительном сосредоточении сырья и рабочей силы, подготовке последней и фабричного оборудования, чтобы фабрика могла заработать без перебоев, валовым порядком, с наименьшими издержками производства.

Однако этот момент должен быть согласован и с моментом выгоднейшего соотношения сил. Если выжидание хвоста нашего оперативного развертывания дает неприятелю время, которое позволит ему усилиться в большей степени, чем нам, или если того требует общее военное положение, то приходится приступать к операции, не выждав конца развертывания...

Мы говорим о желательности приступать к операции лишь после окончания развертывания. Но мы были бы ошибочно поняты, если под этим разумелось бы сосредоточение всех сил государства; очевидно, что здесь имеются в виду лишь силы, предназначенные для данной операции, завершение не всей мобилизации государства, а определенного ее эшелона. И затем, конечно, нет никакой необходимости выжидать, чтобы все силы и средства были выгружены из вагонов. Часть этих сил можно оставить на рельсах, как оперативный резерв для железнодорожного маневра. При учете неприятельских сил, с которыми придется иметь дело, точно так же нельзя ограничиваться подсчетом того, что неприятель имеет сейчас на фронте, а надо учитывать и то, что подвезут к нему железные дороги в течение самой операции...

Выжидание благоприятного момента для приступа к наступательной операции, конечно, связано с сохранением оборонительной группировки. Оперативное развертывание для наступления должно быть закончено лишь в последний момент.

Особенно важным является решение о моменте начала операции, если сама она представляет крупный излом в нашей линии поведения, если она, например, знаменует переход от стратегической обороны к наступлению. Фош в 1918 г. предвидел такой перелом, но не смог точно установить его дату; он относил ее на начало мая, затем на июнь; активность немцев спутывала подготовку англо-французов и заставила оттянуть приступ к контрнаступлению до июля. Еще важнее выбор момента для начала восстания, которое мы можем рассматривать как первую крупную операцию, вскрывающую гражданскую войну, до того сохраняющую подпольный характер. Очень часто цитируют следующую мысль Ленина: «восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых*

нерешительных друзей революции» *. В этом утверждении заключается мысль о выжидании окончания развертывания революционных сил и о необходимости согласовать момент с общей обстановкой, обрисовываемой неприятельскими и колеблющимися силами.

Обрыв операции. Оперативные планы приходится осуществлять в атмосфере энергичного противодействия, многих препятствий и трений. Жестокое, неумолимое стремление к заранее запротоколированной цели операции является неуместным в стратегии. Ведение операции всегда получает характер компромисса. Новые выяснившиеся данные могут привести к совершенно новому толкованию цели операции...

Каждая хорошо подготовленная операция представляет удар, начатый в выгодных условиях и отмечающий на первых шагах большие успехи. Поскольку неприятель еще в силах продолжать сопротивление, он сосредоточивает через некоторое время новые силы и средства; выгоды, вытекающие из внезапности и подготовки, наступающий постепенно утрачивает; первоначальное продвижение вперед осложняет условия его сообщений; операция получает более медленное течение, продвижение вперед дается с возрастающими трудностями; потери обороняющейся стороны начинают оказываться во все более выгодном соотношении с потерями наступающей; простое лобовое толкание равных сил — весьма невыгодная система операции; если операция не будет вовремя остановлена, наступающий может оказаться в совершенно беспомощном состоянии и контрудар обороны вызовет катастрофические последствия (наше наступление в Карпатах в апреле 1915 г.; последние месяцы Верденского наступления).

Обязанность стратегии — не допускать, чтобы наступательные операции затягивались до последнего издыхания; необходимо большое мастерство руководства, чтобы, не увлекаясь небольшими частными успехами, еще возможными, вовремя прервать наступление. Как только наступает момент потери нашими войсками тактических преимуществ, стратегия должна пересмотреть вопрос о целесообразности продолжения операции и закончить ее на соответственном рубеже, иногда, может быть, даже с отказом от части захваченной территории. Само собой разумеется, что значение поставленной цели в связи с возможностью добиться ее хотя бы ценой больших жертв может вынудить продолжить операцию и в невыгодных тактических условиях. Мы лишь отмечаем, что настойчивость и упорство, переходящее в упрямство, не являются безусловными добродетелями в военном искусстве; нужна оперативная гибкость, чтобы не расшибить себе лоб об стену...

---

* В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 242—243.

Если неприятелю удалось развернуть превосходные силы и мы вынуждены вести оборону в критических условиях, задача стратегии заключается в том, чтобы своевременно выяснить невозможность благоприятного исхода для нас борьбы и прервать ее возможно раньше перед назревающим кризисом. Здесь упорство будет также неуместно...

...Стратег должен взвесить всю дальнейшую перспективу операции, прежде чем отдать распоряжение о выходе из операции. Требуемая нами гибкость, конечно, ничего общего не имеет с принципиальным уклонением от кризиса и рискованных положений. Без последних никакие крупные успехи немыслимы. Та же мудрость, которая требует уходить от безвыигрышных положений, вполне приемлет риск, находящийся в соответствии с выигрышем.

Если раньше преследование велось после окончания боев, из которых складывалось сражение, и начиналось за пределами поля, на котором последнее имело место, то в настоящее время преследование укладывается в пределах самой операции. Войска, избегшие окружения и уничтожения в течение всей операции, ускользают, частью при помощи железных дорог, быстро перегруппировываются и пополняются; поскольку сопротивление враждебного государства не сломлено окончательно, является необходимость не в преследовании, а в подготовке новой операции.

Обрыв наступательной операции обозначается переходом к обороне. Обороняющийся, вызвав перерыв в операции, достигает уже многого. Русским армиям в начале лета 1915 г. неоднократно удавалось вызывать перерывы в развитии германских операций, т. е. достигать цели оперативной обороны. Однако критическое положение нашего снабжения оружием и боевыми припасами и громадное материальное превосходство неприятеля сводили на нет произведенные усилия: неприятель легче пополнял свои потери и свои склады и без особых усилий начинал операцию вновь; наш метод действий вел ко все более глубокому истощению наших вооруженных сил. Нам выгоднее было бы прибегать к более экономным методам выигрыша времени — отскокам.

Действия по внутренним линиям. В оперативном искусстве под действиями по внутренним линиям понимаются такие действия, с помощью которых мы последовательно переносим центр тяжести наших усилий на неприятельские силы, наступающие по различным направлениям, и бьем их порознь. Так как сторона, принимающая этот метод действий, должна поставить себя при этом во внутреннее положение, т. е. подвергнуть себя возможности ударов с различных сторон, то такие действия представляют значительную опасность. Пространство, имеющееся для развертывания тылов, крайне стесняется. По мере роста тылов и усовершен-

ствования средств связи, допускающих ныне согласование действий армий, наступающих по различным оперативным направлениям, оперирование по внутренним линиям крайне затруднилось и легко приводит к оперативному окружению. Оно дает успехи лишь при неслаженности неприятельского командования (Самсонов, Ренненкампф и Жилинский). Румыния глубокой осенью 1916 г. при направлении удара в Валахию с северо-запада Фалькенгайном[86]), а с юга Макензеном испытала все неудобства оперативных действий по внутренним линиям. Дебушировавший из Крыма Врангель успешно практиковал их только до тех пор, пока образовавшееся вокруг него полукольцо красных войск не сорганизовалось, после чего для врангелевской армии последовала катастрофа.

Действия по внутренним линиям, рассматриваемые в стратегическом масштабе, заключаются в последовательном переносе центра тяжести усилий с одного театра военных действий на другой. Предпосылкой успеха такого рода действий является наличие железнодорожных магистралей, связующих эти театры. Условия для таких действий возникают при борьбе на несколько фронтов. В этих условиях находились в мировую войну центральные державы, имевшие возможность последовательно сосредоточивать удары на Франции, России, Сербии, Италии. Выгодной предпосылкой для стратегических действий по внутренним линиям является возникновение позиционных фронтов, позволяющих ограничиться минимумом сил для обороны и выделить сильный стратегический резерв, гастроли коего на каждом театре борьбы создают выгодный перелом обстановки.

В гражданскую войну Советская Россия оказалась в выгодном внутреннем положении. Москва представляет мощный узел железнодорожных магистралей. Враги наступали со всех сторон света. Рокировочных сообщений между ними или не было (Колчак, Деникин и архангельский фронт белых), или эти сообщения не использовались для согласованной работы (поляки и Деникин, поляки и Юденич). Отсюда для красных явилась возможность последовательно противопоставить превосходные силы на каждом из фронтов.

Действия по внутренним линиям в стратегическом масштабе не стесняют оперативных тылов и не грозят привести к потере сообщений и оперативному окружению; в то же время они сохраняют выгодные условия оперативных внутренних линий. Иногда при обширном протяжении границы, охваченной войной, и наличии на нем двух театров возможно применить стратегические действия по внутренним линиям и воюя с одним противником. Так, поляки в 1920 г. первоначально центр тяжести усилий направили к югу от Полесья, затем вследствие захваченной нами к северу от По-

лесья инициативы вынуждены были начать переброску войск на север. Момент варшавской операции характеризуется новым приливом польских сил с юга, позволившим организовать удар со стороны Люблина.

Стратегическая работа по внутренним линиям выдвигает вопрос о порядке нанесения ударов различным противникам; этот вопрос часто крайне затруднял стратегов. При его решении особенное значение приобретают политические требования, которые не всегда должным образом учитываются...

Если мы находимся в окружении и боремся на несколько фронтов, то стратегия сокрушения требует, чтобы мы обратились против важнейшего врага, идущего в корню коалиции. Стратегия же измора требует, чтобы мы прежде обезопасили свой тыл и фланги и тем создали выгодные предпосылки для наступления на главном театре...

Одновременное преследование нескольких позитивных целей. Две одновременные наступательные операции удаются крайне редко...

Сосредоточение всех средств на одной большой операции, несомненно, может дать крупную экономию сил. Неприятельский фронт, могущий выдержать десятки малых ударов, может быть сломлен одним крупным ударом. В известных условиях, чтобы добиться хотя бы минимальных результатов, необходима известная массивность операции, иначе пружинность фронтов, инерция сопротивления заставят все вернуться в исходное положение. К конечной цели нужно стремиться возможно крупными этапами; перевес сил всегда желательно использовать наиболее решительным образом. Излишняя скромность не является добродетелью ни в тактике, ни в оперативном искусстве, ни в стратегии.

Однако иногда одновременное преследование двух позитивных целей диктуется политическими условиями...

Иногда одна большая операция фактически не может быть осуществлена: между отдельными театрами или нет никакого сообщения (в мировую войну — Россия, Сербия и Франция, в гражданскую — белые фронты), или рокировочные сообщения так слабы, что массы войск, развернутые на одном театре, довольно прочно связываются с ним (Франция и Италия, советские театры в Белоруссии и Украине). В коалиционной войне, однако, объединению всех средств для одной операции часто препятствует не слабость путей сообщения, а преследование каждым союзником своей особой политической цели; именно на этой почве возникло раздельное ведение операций Германией и Австро-Венгрией в августе 1914 г.; румынские войска в 1916 г. вели в Трансильвании румынскую операцию, англичане в 1917 г. вели английскую операцию во Фландрии.

Если для одной стороны слагаются возможности стратегической работы по внутренним линиям, то другая сторона оказывается вынужденной действовать по внешним линиям. Чем шире круг стратегического окружения, тем менее выгод он представляет окружающей стороне, так как шансы на обращение стратегического окружения в оперативное исчезают. Если в 1914 г. кто-либо из французов или русских представлял себе возможность, что вторгнувшиеся в Германию русские и французские армии подадут друг другу руку где-нибудь между Эльбой и Рейном, то это являлось детской мечтой.

Эти невыгоды окружения на вооруженном фронте компенсируются преимуществами, которые окружающая сторона извлекает на экономическом и политическом фронтах. В указанных условиях попытки сокрушения, направленные с различных фронтов, обречены на несогласованность и разрозненность; против опаснейшей операции сторона, находящаяся во внутреннем положении, сосредоточит центр тяжести своих усилий и сумеет остановить развитие этой операции. Нужно использовать то обстоятельство, что окруженная сторона будет политически и экономически истощаться скорее; война на всех границах вызывает более скорое достижение кульминационного пункта стратегического напряжения. Когда последнее пойдет на убыль, когда фронт неприятеля будет лишен крупных резервов, обессилен, станет мало способным к серьезным контратакам и вообще к активности и будет оказывать лишь пассивное сопротивление, в этих условиях стратегическая работа по внешним линиям окажется даже выгодной и решительный переход в наступление будет диктоваться обстановкой.

Дробные удары могут явиться даже более экономным методом, чем одна крупная операция. Они позволят избежать потери времени и усилий, представляющих всегда лишние издержки большого сосредоточения: в значительной степени отпадет работа по устройству дополнительных дорог, складов, даже помещений для войск, по сосредоточению и его маскировке. Экономятся месяцы времени, миллионы рабочих дней и является возможность шире использовать внезапность. Каждая наступательная операция представляет выгоды в своей первой половине, пока неприятель не успеет сбалансировать выгоды упреждения наступающего в развертывании. Малые операции имеют больше периодов, благоприятствуемых внезапностью, правда, не столь выгодных. Если у неприятеля резервы истощены и малые операции предпринимаются одновременно, то последние имеют шансы сохранить захваченное внезапной атакой преимущество почти так же продолжительно, как и крупные операции. Наступление Фоша во второй половине 1918 г. имело именно такой

дробный характер. С истощением неприятеля вполне допустимо и мельчание операций. Если работа стратегии по внутренним линиям имеет перевес на восходящей части кривой стратегического напряжения, то действия по внешним линиям становятся предпочтительнее на нисходящей ее ветви.

Если стратегическое окружение или охват имеют место на умеренном диаметре (русский передовой театр в 1914 г.— район Польши между Восточной Пруссией и Галицией, по меридиану всего 300 километров) и есть надежда перейти от стратегического окружения к оперативному, а также если один театр военных действий является оперативно слишком тесным для мобилизованных масс, то разделение одной операции на две может быть оправдано, так как оно позволяет достигнуть более обширных результатов...

Окружение в широком масштабе требует, если очертание нейтральной границы или морского побережья не представляет особенных удобств, вообще двух и более согласованных между собой операций. Такое окружение может являться целью не только сокрушения, но и измора...

Дозирование операций. Если не всегда приходится одновременно преследовать две позитивные цели, то почти всегда придется наряду с усилиями для достижения одной позитивной цели затрачивать силы и средства на достижение одной или нескольких негативных целей. Отсюда на стратегию выпадает чрезвычайно ответственная задача — распределять имеющиеся силы и средства, а также возможности их пополнения между различными операциями. Стратег должен выступать в роли общегосударственного или даже общекоалиционного каптенармуса, выполняя функции распределителя.

Прием стратегии сокрушения, елико возможно обделять второстепенные театры в пользу главного, при стратегии измора приводит иногда лишь к отрицательному результату — увеличению числа бездействующих войск за счет действующих...

Каждая операция, в том числе и оборонительная, должна быть обеспечена средствами, находящимися в соответствии с поставленной ею целью. Стратегия измора характеризуется тем обстоятельством, что стратег, не упуская из виду конечную цель, подбирает промежуточную позитивную цель, исходя из свободных средств, имеющихся в его распоряжении, по обеспечению им негативных целей...

Правильное решение трудной задачи — надлежащего обеспечения каждой операции необходимыми средствами — требует, чтобы стратег вполне владел и оперативным искусством; будучи дилетантом в последнем, едва ли он сумеет соразмерить выдвигаемые цели с имеющимися средствами.

Владение тонкостями оперативного искусства особенно важно для стратега, вынужденного действовать по линии измора.

Стратегический резерв. Стратег распределяет силы и средства между операциями не только в пространстве, но и во времени. Каждая, даже удачная, операция, в особенности если приходится действовать в условиях плохих сообщений, поглощает безвозвратно часть развернутых для операции сил и средств и представляет известную растрату времени и энергии. Этот пассив одной операции отражается на следующих...

Государственный резерв всегда будет иметь место в виде частей, не окончивших еще формирования и не достигших полной боеспособности, а равно и подготовленных укомплектований и запасов снабжения. Исчерпание государственного резерва заставит вскоре сокращать вооруженный фронт и ускорит окончательную развязку; так, в 1917 г. Германия исчерпала государственный резерв в отношении человеческого материала, что и определило события последних месяцев войны.

Однако, помимо государственных резервов, современный характер войны оставляет место и для стратегического резерва, т. е. вполне готовых, мобилизованных частей, не связанных еще оперативной целью. Оперативным резервом мы называем всякую дивизию, которая учитывается для достижения выдвинутой нами оперативной цели, но еще не развернута, не связана каким-либо участком. Оперативные резервы будут маневрировать преимущественно на рельсах. Стратегический резерв образуется у нас в тех случаях, когда мы будем задаваться оперативными целями, более скромными, чем допускает наличность вооруженных сил; он — стратегический жирок, естественно откладывающийся, если вооруженный фронт ведет борьбу не с полным напряжением. Он может принимать форму корпусов, находящихся в дальнем тылу, обсервационных армий, стоящих на нейтральных границах, но может представлять и части, которыми мы сгустили наше расположение на второстепенных участках с целью дать им необходимую боевую закалку, но которые можно снять и употребить на другом направлении.

Конечно, понятие стратегического резерва в корне противоречит идеям сокрушения, требующим крайнего напряжения сил для достижения успеха на решительном пункте. Но это понятие логично укладывается в рамки войны на измор. Длительная борьба вообще невозможна без стратегического резерва. Отсутствие последнего указывает на максимальное оперативное напряжение, которое, конечно, не может быть перманентным.

До момента общего максимального напряжения сил государства, что характеризуется окончанием экономической

мобилизации и основных последующих эшелонов военной мобилизации, действия вооруженного фронта мы можем рассматривать под углом зрения прикрытия этой длительной мобилизации у нас и помехи мобилизации у неприятеля. В течение самой войны вполне законными могут являться периоды накопления сил, в течение которых интересы этого накопления будут выше интересов достижения одних второстепенных, доступных нам промежуточных целей. Если мы интересы накопления принесем в жертву осуществлению второстепенных операций, то капля по капле израсходуем все, что дает на войну государство, и должны будем отказаться от возможности достигнуть крупных результатов.

Конечно, иногда удержание стратегического резерва является грубой ошибкой...

Стратегический резерв, который не был бы употреблен в нужную минуту, являлся бы лишь симптомом робости, бездействия и пассивности, указывал бы на излишнее бремя, которое несет государство на вооруженном фронте, свидетельствовал бы о скромности творческих дерзаний полководца, об излишней затяжке войны, об упущенных благоприятных моментах. Но стратегический резерв, введенный в войну в надлежащий момент, свидетельствует об успешном разрешении стратегом труднейшей задачи, о том, что стратег господствует над событиями, а не увлекается непонятными ему вихрями и течениями.

Установление позиционного фронта, допуская достижение негативных целей с меньшими силами, крайне облегчает создание стратегического резерва...

Стратегическая линия поведения. Мы остановились на нескольких важнейших вопросах стратегической логики. Стратег, опознавший требования эволюции военного дела, понимающий средства, необходимые в данный момент, отдавший себе отчет в силах и возможностях обеих сторон и в характере будущей войны, останавливается на определенном пути решения стратегических вопросов, долженствующем его привести к конечной цели действий вооруженного фронта *; намечает ряд промежуточных целей и последовательность их достижения; регулирует стратегическое напряжение и в каждый момент стремится, если не подчинить, то связать интересы настоящей минуты с интересами стратегического «завтра», будущего. В своих решениях он не является независимым, а должен согласовать решение задач войны на вооруженном фронте с ходом событий на полити-

* «Первой обязанностью Генерального штаба является выбор такого образа действий, который в соответствии с качеством подготовленной к войне вооруженной силы в кратчайший срок мог бы оказать на враждебный народ воздействие в желательном направлении». Английский полевой устав, ч. II, глава II, раздел 4, § 6.

ческом и экономическом фронтах борьбы. Каждый из вопросов, которые предстоит решать стратегу, чрезвычайно прост, но правильный ответ на него требует огромной глубины понимания обстановки борьбы в целом; теория может лишь подчеркнуть разнообразие возможных решений в зависимости от различных предпосылок. Но стратег не может ограничиваться правильным ответом на каждый вопрос в отдельности. Верным решением одного стратегического вопроса явится только в том случае, если оно гармонирует с решениями других стратегических вопросов. Мы выдвигали на первый план гармонию в подготовке государства к войне; не меньшее место она занимает и в руководстве войной, только признаки согласования здесь являются неизмеримо более тонкими. Это согласование, это достижение гармонии * является существом стратегии и заставляет нас отнести практическую работу по стратегии, безусловно, к сфере искусства.

С точки зрения стратегического руководства вооруженным фронтом, понимаемого, как группировка операций для достижения конечной военной цели, важнейшей задачей искусства является избрание такой линии стратегического поведения, которая и представляет гармонию требуемого согласования; в этой линии должен лежать ключ к толкованию требований непрерывно меняющейся обстановки; она не может дать предвидение заранее фактического хода событий на вооруженном фронте, но в каждый данный момент она должна позволить нам реагировать на военные события в соответствии с той логикой, которой в данной войне все должно подчиняться для достижения победы.

Мы особенно подчеркиваем невозможность предвидеть фактический ход событий войны, потому что в массах гениальность всегда расценивается, как точное предвидение вперед. Чем гениальнее вождь, тем более он рассматривается массой, как пророк. Эти представления очень распространены и поддерживаются порой невежественными критиками. По существу своему, они требуют от полководца предвзятости, разгадки будущего, проникновения за пределы мыслительных способностей человека. Эти заблуждения иногда склонен был поддерживать Наполеон и все те, которые позируют на гения. Реальное бытие не поощряет ни пророчества, ни предвзятости. В стратегии пророчество может быть только шарлатанством; и гений не в силах предусмотреть, как фактически развернется война. Но он должен составить себе перспективу, в которой он и будет оценивать явления войны. Полководец нуждается в своей рабочей гипотезе. Конечно, не каждый полководец даст себе труд и имеет воз-

* Эта основная задача стратега заключается, по выражению Фалькенгайна, в неустанном сведении частностей в одно целое. «Верховное командование», стр. 124.

можность проникнуть мыслью в характер будущей войны. Стратегическая посредственность, быть может, предпочтет исходить из шаблонов и рецептов. Действительность жестоко разочарует такого горе-полководца; теория стратегического искусства иметь его в виду не может.

Наши утверждения, быть может, покажутся абстрактными, висящими в безвоздушном пространстве, так как последователи войн часто далеки от того, чтобы на протяжении своих многотомных трудов уделить хотя бы несколько страниц характеристике стратегической линии поведения обеих сторон в данной войне. Но стратегическая линия поведения — это реальность, и даже не мудрый, но сколько-нибудь последовательный и честный стратег имеет свою линию поведения, свой подход к оценке обстановки. Современная же военная история, пытающаяся исходить из одной абсолютной, единственно верной линии стратегического поведения, неспособна сколько-нибудь уяснить смысл и связь в нагромождении военных событий, которое она рассматривает, как некий хаос. Грубым самозванством, жестокой подделкой, «американским золотом» звучат заглавия «стратегических очерков» той или иной кампании. Военная история представляет пока лишь оперативный протокол.

Линия политического поведения — общепринятое понятие. Всем понятно, что военный коммунизм или новая экономическая политика имеют каждый свою особую логику согласования. Найти эту логическую линию, отвечающую в данный момент условиям экономического базиса,— величайшая задача политического искусства. В стратегии также каждый вооруженный фронт имеет свою базу, и действия на вооруженном фронте являются только производными от баз обеих сторон. В глубоком анализе этих баз и лежит разгадка избрания надлежащей линии стратегического поведения. Стратегия является частью политики, известным ее ракурсом и строится на той же базе. Отсюда, в конечном счете, и подчинение стратегии политике. Стратегическая линия поведения должна являться проекцией на вооруженный фронт общей политической линии поведения.

Весь наш труд, в сущности, посвящен вопросам, связанным со стратегической линией поведения. Мы стремились теоретически очертить ее с разных сторон. Более конкретный характер нашему изложению мы могли бы придать только в форме стратегического анализа какой-либо кампании.

(А. Свечин. Стратегия. Изд. 2-е, «Военный вестник», 1927 г., стр. 14—17; 173—236.)

***

★ ★ ★

А. И. ВЕРХОВСКИЙ

Александр Иванович Верховский *(1886—1941). Офицер генерального штаба старой русской армии. Окончил Военную академию в 1911 г. В 1917 г. при Временном правительстве был военным министром. С 1919 г.— в Красной Армии. После гражданской войны — профессор Военной академии.*

Основные труды. *«Управление войсками корпуса», 1910; «Очерк по истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.», ГИЗ, 1921; «Общая тактика», 1-е изд., 1923, 2-е изд., 1924, 3-е изд., 1927; «Огонь, маневр, маскировка», изд. «Военный вестник», М., 1928.*

МАНЕВР И ЕГО ФОРМЫ

Книга А. И. Верховского «Огонь, маневр, маскировка» издана в 1928 г. Она представляет собою первую часть задуманного автором большого труда, посвященного изучению основ тактики Красной Армии. В первой части освещаются вопросы огневой борьбы, маневра и маскировки. Вторую часть книги автор намечал посвятить вопросам управления войсками и организации боя. Основой для этой книги послужил ряд ранее напечатанных А. И. Верховским статей и докладов, которые он в этой работе систематизировал и расширил. Свои выводы автор стремился делать на основе фактического материала мировой и гражданской войн с учетом современных оперативно-тактических данных. Эти выводы, представляющие наиболее интересную часть работы, здесь и помещаются. Вместе с тем с некоторыми положениями автора согласиться невозможно: они в идеологическом и фактическом отношениях неправильны и были решительно осуждены советской военной теорией.

ВЫБОР НАПРАВЛЕНИЯ ДЛЯ МАНЕВРА

Военно-научная мысль всегда уделяла и ныне уделяет крупное место значению и организации маневра. Наш устав указывает, что «...маневр предопределяет порядок, в котором войска должны будут вести боевое столкновение; ошибка в группировке войск будет сказываться до конца боя».

Французская инструкция для действия крупных войсковых соединений почти так же формулирует определение и цели маневра: «...маневр есть целесообразное применение сил и средств для исполнения поставленной задачи; началь-

ник... точно формулирует свой замысел и выражает его в плане маневра».

Мы называем маневром все передвижения войск до боя, во время и после него, цель которых — создать выгодное положение для применения оружия, а также использовать достигнутые результаты для полного уничтожения врага. Точно так же маневром мы называем передвижение войск в тех случаях, когда действия противника создали нам невыгодные условия для боя и мы выводим свои войска из-под удара противника. В чем же заключаются «выгодные условия»?

Изучая вопросы огневой борьбы, мы установили, что огонь достигает своей цели уничтожения противника лишь в том случае, если наш огонь: 1) либо превосходит своей мощью и организованностью огонь противника; 2) либо захватывает противника в невыгодном тактическом положении (охват, окружение); 3) либо в неблагоприятных условиях местности.

Достичь такого положения и есть задача маневра. Искусный маневр должен: 1) найти слабую точку противника или, если ее нет, то создать таковую; 2) сосредоточить против нее превосходные силы; 3) выполнить это в такой срок и в таких условиях, чтобы неприятель не мог помочь атакованному участку; 4) в некоторых случаях выиграть время, чтобы превзойти врага организованностью огня. С другой стороны, он должен вовремя обнаружить занесенный удар врага и уклониться от его сокрушающего действия.

Для того чтобы достигнуть указанной выше цели — наиболее выгодного использования своего оружия, начальник располагает следующими возможностями *:

1) Выбора *направлений*, по которым вести эти усилия. Довоенная германская теория утверждала, что удар по сходящимся направлениям — «Канны» [87]) — есть панацея против всех зол.

2) Выбора *точки или точек, где сосредоточить главное усилие*. В этом — вопрос принципа частной победы, т. е. сосредоточение сил к решающей точке признавалось основной руководящей линией, обеспечивающей победу.

3) Распределение последовательности усилий во *времени*. На этот вопрос довоенная теория отвечала требованием сосредоточения усилий в решающий момент операции...

Нас интересует, как в будущей войне осуществить эти основные пожелания? Какое применение эти принципы будут

---

* Та же мысль французской военной школой излагается так: «Комбинации, которые могут быть реализованы в маневре, очевидно, очень многочисленны. Тем не менее их можно разделить на три группы: комбинации направлений, распределение сил по фронту и дозировка усилий по ходу боя». См. Lemonine—„Tactique gènérale“.

иметь в обстановке будущей войны на нашем театре? Расчеты показывают нам, что сил у наших вероятных противников будет достаточно для того, чтобы весь фронт был занят войсками со средней плотностью 10 км на дивизию. Не меньшими силами располагаем и мы. Нужно ждать, что плотность будет сгущаться на важнейших направлениях до плотности мировой войны, т. е. 2—4 км на дивизию, и уменьшаться на промежутках до растяжки гражданской войны — до 30—40 км на дивизию.

Тем не менее, хотя и с промежутками, но весь фронт будет занят. Массовый характер армии и вооружение скорострельным оружием приводят теперь, как и в 1914 г., к тому, что сражение развивается на всей или почти на всей пограничной полосе, имея лишь различную плотность насыщения фронта войсками. На участках большего насыщения возможны будут лишь фронтальные удары. Но широкие разреженные участки дадут свободу маневру.

Такая плотность, подобно тому, как это было в галицийском сражении, предопределяет широкий и свободный маневр. При наличии участков, где на дивизию придется 30—40 км, трудно будет на долгий срок закрепиться фронтам в позиционной войне. Всегда, даже после временной остановки, можно будет добиться огневой победы, выполнить успешно прорыв и сдвинуть сражение с мертвой точки на свободный маневр (4 июля 1920 г.; январь 1915 г. в Мазурских озерах).

Изучим опыт недавнего прошлого, сравним его с теми исходными данными, на которых строятся наши предположения о будущем, и посмотрим, в какой мере основные принципы организации маневра: 1) удар по сходящимся направлениям; 2) сосредоточение сил к решающей точке; 3) сосредоточение их к решающей минуте — справедливо будет положить в основу нашей теории тактики.

Направление маневра имеет решающее значение для его успеха. В главе о значении огня мы показывали, какие трудности предстоят в борьбе с *организованным* фронтом огня пулеметов и орудий, стоящих на закрытой позиции.

Поэтому, чем труднее делался прорыв, тем шире разбрасывались войска в поисках свободного пространства, где можно было бы беспрепятственно выйти в тыл противника, обрушиться на участки, где у противника нет *организованного* фронта. Маневр *на сходящихся направлениях* сделался основным положением теории маневра.

Шлиффен в своем труде «Канны» стремился показать на примерах, взятых во всей мировой истории, правильность этой мысли. В своей практической работе начальника генерального штаба он проводил их в жизнь. Опыт мировой войны подтвердил его выводы.

Начиная с классических Канн далекой древности и кончая примерами армейского сражения у Сольдау (1914 г.) и боя 105-го полка у Будвейчен, сходящиеся направления в крупных и мелких боях всегда были способом одержать не «ординарный» успех, но довести дело до полной, *уничтожающей* победы. Фронтальная атака, даже после достигнутого успеха, гонит противника перед собой, оставляя ему пути отступления открытыми. Так, фронтальный удар русских нанес австрийской армии тяжелое поражение в 1914 г. в Галиции. Австрийцы потеряли орудия, пленных, обозы, но благодаря тому, что противник сохранил пути отступления свободными, он увел от уничтожения кадры своих войск; опираясь на них, австрийцы в короткий срок восстановили свою боеспособность.

Совершенно иной характер столкновения приобретает, если удастся искусным маневром добиться того, чтобы комбинировать удар на двух, а еще лучше на трех сходящихся направлениях, т. е. с фронта, фланга или тыла. XV и XIII корпуса, связанные боем на фронте и атакованные с обоих флангов одновременно, были уничтожены полностью под Сольдау и погибли, как римляне под Каннами.

Важность наступления с охватывающего фронта дала себя почувствовать особенно ярко в нашей гражданской войне. И наши, и белые армии в гражданской войне плохо владели своим оружием. Организованная победа в огневой борьбе была трудна. Только в 1920 г. мы видим дивизии, умевшие управлять своим огнем (пример — 11-я дивизия на Соше). Поэтому прорыв был труден, и обе стороны искали флангов, растягивая, как в операции апреля 1919 г. на Восточном фронте, на 700 км какие-нибудь 80—100 тыс. бойцов. В сражении под Варшавой 40—50 тыс. бойцов были растянуты на 250 км, т. е. велась борьба отрядами на важнейших дорогах с большими промежутками между ними.

Таким образом, само по себе значение удара по сходящимся направлениям не вызывает сомнения. Но можем ли мы принять его как трафарет, верный всегда и на все случаи?

Если нельзя на отдельных исторических примерах строить теорию, то поверять выработанные нами положения теории на изучение боевой действительности можно и должно. Поставленное на «лезвие ножа» действительности теоретическое положение должно сразу обнаружить свою ценность. Оно окажется либо верным, либо ошибочным. Но если оно окажется верным в одних случаях и неверным в других, давая победу в одном случае и поражение в другом, то это значит, что данное положение теории не охватило вопроса полностью. Мы считали, что действие найденного нами принципа беспредельно широко, в то время как оно ограничено. Срав-

нительное изучение боевых эпизодов, где теория оправдалась, и тех, где она не оправдалась, позволит нам расширить и углубить теоретическое положение и установить границы, за которыми оно перестает быть верным...

Изучая вопрос о выборе направлений для развития удара, нельзя не остановиться еще на одном весьма важном вопросе. Когда мы сталкиваемся с равным по ширине фронтом противника и одним ударом хотим создать выгодное исходное положение для маневра, то какое направление надо избрать для первого удара? Каменев в своем труде «Очередные военные задачи» (стр. 44) сравнивает две формы удара: перпендикулярную и обликескую. Первую он решительно отрицает. Она лишь продавливает часть фронта и потом углубляется в борьбе с подходящими резервами врага, расширяясь и... истощаясь. Обычно в борьбе на широких фронтах, а такая война неизбежно была и будет на широких пространствах России, прорыв удается, если сколько-нибудь правильно распоряжаются артиллерией. Но сосредоточиваемые с широких фронтов резервы останавливают успех...

Другой способ — это «наматывание фронта» обликеским ударом, который все время идет по флангу врага... Нужно, чтобы направление удара имело в виду не захват местности, но *поражение живой силы* ударом по ней, по ее наименее защищенному флангу. Где же будет это наиболее выгодное для удара место? Это фланг и тыл боевого порядка. Значит, удар должен быть косой, направляемый для полка на 3—5 км, для дивизии — 4—10 км в тыл расположения. В более крупных соединениях приходится иметь в виду перебрасываемые с других направлений резервы, и направление маневра должно учитывать возможность удара по ним в наивыгоднейших условиях; это будет 1—2 перехода в тылу. Нужно учесть, сверх того, еще и способность противника к маневру...

Таким образом, мы признаем полностью выгоды охвата, еще лучше двойного охвата — «Канн». Если он создался благодаря тому, что противник подставил фланг или что он не умеет маневрировать, мы им воспользуемся. Если же фронт неприятеля равен нашему, то первая цель наша будет сосредоточенным усилием нанести поражение части неприятельского фронта и завоевать себе выгодное исходное положение для обхода — это первый этап боя. Во втором этапе боя мы поведем удар по сходящимся направлениям, с тем чтобы он все время шел по флангу врага, громя его живую силу. Наконец, крайне важно, чтобы в течение этой операции весь фронт неприятеля был скован, свобода его маневра связана. Сохранив к этому моменту свободу действий хотя бы части сил, мы сможем вести маневр на окружение.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СИЛ ДЛЯ УДАРА ПО МЕСТУ И ВРЕМЕНИ

Выбор направлений, по которым должен развернуться маневр, вплотную подводит нас к вопросу о распределении сил по месту и времени. В этой области мы руководствуемся стародавним принципом сосредоточения сил к «решающей» точке и в «решающее» время.

Каким простым и ясным этот принцип представляется нам при изучении боев эпохи холодного и даже гладкоствольного огнестрельного оружия. На поле сражения у Аустерлица протяжением в 10 и глубиной в 1 км Наполеон сосредоточивает на 3-км участке, у Праценских высот, 75% своих сил и одновременно вводит их в бой; это было сосредоточение сил по месту и времени. Сейчас на фронте в 3 км ведет бой дивизия, а сражение развертывается на фронтах в 300—500 км.

В какую же форму претворяется принцип сосредоточения усилий в борьбе: 1) массовой армии; 2) на широких фронтах; 3) при глубоких построениях; 4) в боях, длящихся неделями?

Изучение борьбы за огневое превосходство со всей убедительностью показало нам значение количественного и качественного превосходства сил, необходимых для достижения победы. Мы установили, что хотя количественное превосходство не полностью решает вопрос, но является одним из важнейших факторов победы...

Мы видим, следовательно, и военная мысль всех стран одинаково это признает, что численный перевес, достигаемый сосредоточением усилий, есть один из важных способов одержать победу. Мы знаем также, что если нет возможности сразу и по всему фронту уничтожить противника, для этого нужно иметь громадное превосходство в силах, то того же самого можно достичь рядом последовательных ударов, сосредоточивая каждый раз на избранном для удара пункте такие силы, которые обеспечивали бы победу над избранной нами частью врага.

Полевой устав Красной Армии, § 13, так формулирует эту мысль: «Не следует стремиться быть сильным на всех направлениях. Для обеспечения успеха надо путем соответствующей группировки сил и маневра быть всегда сильнее противника на решающем направлении, оставляя на второстепенных участках меньше сил».

Та же мысль в разных формулировках встречается во всех уставах. Германский устав, § 15, говорит: «Особое искусство командования будет состоять в том, чтобы для решительного момента соединить все силы... Нередко начальник должен будет обойтись с кажущимся ему незначительным запасом сил. А это потребует большего проявления

бережливости в местах, не имеющих для боя решающего значения»...

Нам нет надобности доказывать правильность принципа частной победы; она ни в ком не вызывает сомнения. Нам нужно изучать другое: как достичь превосходства сил на решающей точке, имея в виду, что противник так же хорошо, как и мы, знает пользу сосредоточения сил. И как только одна сторона за счет ослабления одних участков собирает силы для атаки уязвимых точек противника, то встречный удар неприятеля может создать тяжелый кризис, вынудить нас сорвать наше сосредоточение и перейти от атаки к парированию нанесенного врагом удара. Необходимо также иметь в виду, что борьба на широких фронтах нашего театра имеет ряд особенностей. Если мы хотим получить на нескольких точках нашего армейского фронта плотность в 2—4 км на дивизию, то в других он упадет до 15—30 км. Как в этих условиях осуществлять принцип сосредоточения сил, не рискуя поражением?..

Время, потребное для поражения противника на участке главного удара, должно быть обеспечено действиями вспомогательных частей. Чем же достигается этот выигрыш времени?

Он достигается способностью частей оказывать сопротивление удару противника. Чем сила сопротивления части больше, тем длительнее время, которое она предоставляет в распоряжение командования. Рассчитывая бой, нам нужно учесть прежде всего время, в течение которого наш главный удар приведет к решению, т. е. учесть прежде всего время, в течение которого наш главный удар приведет к решению,— учесть силу сопротивления противника перед нашим ударом. Затем, установив это время, нам надо так организовать бой, чтобы на вспомогательных участках это время было нам обеспечено...

Таким образом, в связи с проведением в новых условиях принципа сосредоточения сил перед нами встают два вопроса:

1) Как наносить удар?

2) Вопрос о силе сопротивления противника перед нашим ударом, наших частей на вспомогательных участках.

Оба вопроса нуждаются в специальном исследовании. Изучим первый. При нанесении удара можно выдвинуть две основные схемы.

1) Один, но могущественный удар. Войска вводятся в бой последовательно, но так, чтобы первый удар разбил противостоящие войска врага. Вливаемые по мере хода боя резервы должны обеспечивать превосходство ударной части над всеми подходящими резервами и уничтожать их постепенно, по мере их подхода к полю сражения.

2) Комбинация ударов разной силы, одновременно вводя их в бой. Из них один — главный удар — в том направлении, где командование хочет получить наибольшие результаты, и один или, лучше, несколько вспомогательных. Такая схема сражения строит победу на том, чтобы противник не сумел вовремя определить, где ему грозит наибольшая опасность; темнота обстановки свяжет его, резервы будут удержаны вдали от места решения; тем временем наш главный удар наносит противнику решающее поражение. Кроме того, этот же вариант позволяет искать успеха в целом ряде мест, используя все слабые точки противника. Часто слабые части стоят до тех пор, пока хотя бы небольшое усилие врага не сдвинет их с места. Но даже небольшой удар разрастается в кризис, вызывая необходимость помощи от командования.

В крупном и малом масштабе приходится выбирать между этими двумя основными вариантами. Где же решение вопроса, что выгоднее? На чем остановиться при организации боя?..

Все сказанное позволяет нам со всей решительностью защищать комбинированный удар против сосредоточения сил к 1-й точке в условиях борьбы на растянутых фронтах нашего театра; но он должен отвечать следующим требованиям.

1) Во всяком случае *сковать* неприятеля на всем занятом фронте; использовать каждую ошибку врага для того, чтобы боем своих частей растянуть его фронт и образовать на нем слабые точки.

2) *Сосредоточить внезапно* для противника подавляющие силы против тех районов, из которых можно развернуть наступление по сходящимся направлениям.

3) Быстро нанести поражение тем частям противника, которые с фронта прикрывают нужные нам направления.

4) Развернуть затем наступление по тылам неприятеля, но так, чтобы охват шел не «впустую», а замыкал и связывал живую силу врага. Это — схема «Канн» и «Сольдау». Далее при расчете числа ударов и распределении усилий по времени мы ясно видим, что борьба на наших широких театрах военных действий, при массовых армиях, с эшелонированными в глубину резервами требует следующих мероприятий:

1) Один даже очень сильный удар может дать лишь частное поражение небольшой сравнительно со всем фронтом группы неприятеля; подходящие резервы противника могут ликвидировать достигнутый успех, используя время, выигрываемое путем отхода. Мало того, удар в одном месте легко разгадать. Его сильные и слабые точки очевидны с первого взгляда, контрманевр облегчен.

2) Комбинация нескольких ударов должна обеспечить успех главного удара с сокрушающим результатом. Вспомо-

гательные удары должны сковать резервы врага и обеспечить главному удару превосходство над врагом на всем протяжении боя.

3) Количество наносимых ударов связывается следующим расчетом: а) каждый из наносимых ударов должен быть способен нанести поражение противостоящим частям врага, т. е. одержать успех в первом этапе сражения; б) хотя бы один должен быть способен развернуть успех до полной победы над глубокими резервами врага.

4) Выбор направлений и место главного удара должны определяться целью: достичь не рядовую победу — оттеснения врага, а полного его уничтожения.

5) Выбор места для вспомогательных ударов определяется слабыми местами на фронте неприятеля, где выгоды местности, растяжка его сил и морально-политическое состояние его войск облегчают успех. Большое количество наносимых по слабым точкам врага ударов дает много шансов наткнуться и использовать слабые точки врага. Пока им не наносят удара, они стоят, но при самом легком ударе они разрастаются в крупное поражение.

6) При группировке ударов риск неизбежен. Когда мы хотим быть сильными в одном месте, мы неизбежно ослабим себя в другом, и это направление противник может использовать для контрманевра. Ослабленные участки должны поэтому находиться в таких местах, чтобы контрудары противника не могли оказать своего влияния ранее, чем наш главный удар даст нужный результат.

7) В ходе операции противник быстро разгадывает основную идею нашего маневра. Комбинация ударов может лишь затруднить ему понимание. Но если мы упорствуем в своей идее, она исчерпывает себя. Только новая основная идея способна создать новую внезапность и повести к окончательному крушению врага. Сохранение одной основной идеи германцами в 1914 г. от Бельгии до Парижа и нашим Западным фронтом — от Двины до Вислы — дало врагам возможность разгадать маневр в ходе операции, подготовить контрудар.

8) План операции к моменту наивысшего успеха должен предусмотреть создание новой комбинации, дабы все время держать в руках инициативу боя. Лучшим способом здесь будет предварительно проведенная группировка сил, из которых можно к переломному моменту операции создать новую группировку сил и сохранить инициативу действий в своих руках.

Снова и снова в наших условиях, больше чем где-либо, в подготовке командира стоит вопрос о развитии дерзости и осторожности: «стальной» твердости в решении и «стальной» же гибкости в управлении.

Итак, наша основная линия, как мне кажется,— это комбинация усилий и гибкий переход от одной организации или идеи к другой, а не мертвая схема.

Но в каждой комбинации мощный «таран» каждый раз наносит удар, являясь основной силой, решающей каждый этап сражения...

ОСНОВЫ РАСЧЛЕНЕНИЯ ПО ФРОНТУ И В ГЛУБИНУ

Германская военная мысль всегда уделяла внимание маневру и его изучению. Германский устав резче других отмечает и его трудности; § 16 пытается дать исходные оперативные данные при расчете длины фронтов.

«При слишком растянутом фронте существует опасность прорыва такового, а при слишком узком является опасность охвата или обхода. А между тем наличность широкого фронта часто обусловливает возможность крупного успеха. Искусство командования должно найти правильную мерку». При всей справедливости этой мысли германского устава нельзя не отметить, что она напоминает известные истины маркиза Лапалиса, со всем убеждением утверждавшего, что «если лишить человека жизни, то он умирает, но за $^1/_4$ часа до своей смерти он еще жив».

Мы должны проанализировать этот вопрос. Где пределы растяжки, и только ли в растяжке дело?

Все соображения об организации боя требуют расчленения войск по фронту и в глубину и в окончательном итоге всегда упираются в вопрос о силе сопротивления части, о том, сколько времени часть может вести бой самостоятельно, не требуя помощи. Так, сила сопротивления 25-й австрийской дивизии должна была определять способ действий, форму боевого порядка, а в особенности удаление резервов корпуса и армии так, чтобы они могли поспеть раньше ее к участку, чем гренадерская дивизия сломает ее фронт. При такой большой растяжке нужно было прежде всего такое построение боевого порядка, которое давало бы возможность не принять удара и перейти к преднамеренному отступлению; об этом речь будет в следующей главе.

Сколько же времени может сопротивляться превосходными силами наши полк, дивизия, корпус? Из каких соображений надо исходить, рассчитывая то сопротивление, которое окажет противник? Как определить время, которое должно обеспечить наши вспомогательные участки так, чтобы наши главные силы имели возможность уничтожить врага? Изучение свойств огня установило, что сопротивление противника легче всего будет сломлено *внезапным нападением* в то время, когда неприятель не готов к бою; охват и обход именно тогда особенно грозны, когда противник их не ожи-

дает. Если не удастся внезапность, победу дает либо физическое уничтожение противника, либо такое его потрясение, при котором противник отказывается от борьбы и сдается.

Таким образом: 1) физическое уничтожение; 2) моральное потрясение; 3) охват и окружение суть средства, которыми сопротивление части может быть прекращено.

Первое требует победы в борьбе за огневое превосходство и расстрела противника таким количеством снарядов, которое обеспечило бы поражение каждой цели. Второе, т. е. время, в которое последует отказ от борьбы, целиком зависит от морально-политического состояния частей войск неприятеля и каждый раз должно учитываться отдельно. Но внезапное нападение во фланг и тыл способно в короткий срок сломать сопротивление самой доблестной части. Действительно, если удастся обойти, а еще лучше окружить часть, не подготовившуюся к отпору на все стороны, то огонь делается сокрушающим, положение части, попавшей под внезапный обход, делается безнадежным; слабые духом люди отказываются от борьбы, начинается стихийное бегство...

Каковы же выводы? Как должна измеряться сила сопротивления части и сколько времени она дает в распоряжение командования?

Мы видели, что это время составляется с внешней, формальной стороны из трех данных:

а) При столкновении на марше из времени, потребного для развертывания своих огневых средств для ведения боя, т. е. перехода из походного в боевой порядок; оно зависит от глубины расчленения на походе. Дивизия требует для развертывания 3—4 часа, полк — 1—2 часа. В непосредственном соприкосновении с противником это время не входит в расчет, ибо развертывание уже выполнено.

б) Из времени, потребного для организации огня, для подавления огня переднего края боевого порядка врага. Это должно быть сделано в такой мере, чтобы не уступать организованности противника (огонь и фортификация). Для полка организация огня в полевом бою требует 1—2 часов. Для дивизии — от 1 до 4 часов в зависимости от того, нужно ли централизованное управление огнем всей дивизии или нет. Если плотность расположения артиллерии противника достаточно велика, то сверх этого нужно время на организацию борьбы с артиллерией противника (еще 3—4 часа). При хорошо разработанной фортификационной обороне, требующей пробивания проволоки, тщательной разработки и теснейшей увязки плана разных родов войск, это может потребовать и несколько суток.

в) Из времени, потребного на преодоление организованного огня и фортификационных сооружений, т. е. уничтожение той части войск, которая непосредственно подставлена

под удар. Это требует в зависимости от силы огня противника 1—3 часов. Лишь очень слабые части (поляки в 1920 г.) или артиллерийская группа атаки исключительной силы (80—100 орудий на 1 км) могут сломить врага в более короткий срок.

Победив в борьбе на переднем крае, нужно некоторое время для уничтожения сопротивления внутри боевого порядка. При достаточном превосходстве сил борьба внутри полосы идет все же не слишком быстро ($^1/_2$—2 км в час). Лишь в совершенно исключительных случаях моральной слабости и растяжки фронта можно рассчитывать на более скорое продвижение. Таково, например, продвижение 3-й белой дивизии 11 октября 1919 г. (наступление Юденича), прошедшей в первый день 20 км; 6-я красная дивизия (6 тысяч штыков, 36 орудий) отошла за 2 дня на 50 км. Но сила этой дивизии была невелика, ибо она была растянута на 70 км, имея около 80 штыков на 1 км фронта. Продвижение через боевой порядок при скорости движения от $^1/_2$ до 1 км в час требует при глубине боевого порядка дивизии от 3 до 5 часов времени, а полка — от 1 до 3 часов; оно зависит также от глубины боевого порядка наступающей части. При растянутом расположении глубина меньше, и полный прорыв займет меньше времени. При узких фронтах глубина больше, и времени на прорыв требуется соответственно больше.

Итого, не считая времени на развертывание, при средних данных уничтожение полка потребует в полевом бою 3—4 часа; уничтожение дивизии и корпуса, в котором все дивизии идут в одной линии, 5—6 часов. Каждый следующий эшелон потребует времени по приведенному расчету в дополнение к первым 5—6 часам.

Таковы исходные цифры, которые характеризуют силу сопротивления части. Но рядом с этим видим также условия, которые могут резко понизить и резко повысить время, потребное для уничтожения части. Сила сопротивления части не есть что-либо постоянное. Эти условия будут: а) морально-политическое состояние частей; б) направление, в котором части нанесен удар: если она атакована с фронта, где она готова к бою, ее сопротивление максимально, но внезапный фланговый удар может повести к катастрофе; в) наконец, громадное значение имеет соотношение сил и организованности. Чем превосходство в том и другом выше, тем быстрее падает время сопротивления части. В выгодных условиях превосходства организации полк может продержаться целый день. В невыгодных условиях превосходства сил или направлений удара корпус может сдать совершенно и разбежаться в какие-нибудь 5—6 часов. Время сопротивления в значительной степени зависит от того, сумело ли командование избрать и достигнуть той степени организованности, которая

отвечает силе и организованности врага. В столкновении с превосходными силами врага можно либо бить его встречным ударом, как бригада колониального корпуса у Невшато, т. е. избрать наименьшую степень организованности боя, либо перейти заблаговременно (за 3—4 часа) к обороне, как 27-я русская дивизия, т. е. избрать наибольшую для ведения огня и фортификации организованность. Благодаря разной степени организованности и время сопротивления было различное: 27-я дивизия, имея перед собой двойные силы врага, разбила его, а колониальная бригада после 6-часового безнадежного сопротивления на сутки перестала существовать как организованная часть. Кроме того, самая атака может быть разной степени организованности. Можно избрать атаку с марша без всякой предварительной подготовки и метод планомерной атаки. В первом случае — весь расчет на перевес силы или искусство маневра. Во втором случае на помощь привлекается организация. Это имеет существенное влияние на время сопротивления. Неорганизованная атака против неприятеля, успевшего организовать свое расположение, увеличивает его силу сопротивления. При крупном перевесе в организованности и невыгодной местности оно может просто повести к поражению. Бой бригады (84-й п, у Бодачева) является ярким примером, какой выигрыш времени даст ошибка в выборе форм боя; австрийцы выбрали наскок вместо планомерной атаки и тем дали русскому полку в состязании с силами более дивизии выиграть целый день и отойти, хотя и сильно пострадав, но не потеряв боеспособности...

Изученные нами данные дают возможность рассчитывать силы сопротивления части; они лягут в основу организации маневра, позволяя наметить то время, которое командованию потребуется для достижения своей цели, и то время, которое войска на вспомогательных участках предоставят в распоряжение командования. В течение этого времени командование должно выполнить намеченный маневр. Поэтому, собирая части для главного удара, нужно так его рассчитать, чтобы успех был достигнут скорее, чем могут быть разбиты войска на вспомогательных участках.

Мы отмечаем, что особенно тщательно должен быть сделан расчет, когда войска находятся в тесном соприкосновении с противником, и противник имеет время провести всю подготовительную работу заблаговременно. В этом случае заранее подготовленный удар оставляет командованию, со времени открытия огня противником, лишь от 3 до 5 часов. За это время нужные меры должны быть приняты под угрозой полного уничтожения части, попавшей под удар.

Нельзя не отметить, что эти цифры — цифры вчерашнего дня, когда пехота и артиллерия почти одни решали сраже-

ние: химия, танки и авиация еще более сократят срок сопротивления внезапному нападению. Ибо химический обстрел значительно быстрее поведет к нейтрализации огневых средств части; танки заменят предварительную подготовку и доведут продвижение через боевой порядок до скорости 2—4 км в час, а боевые самолеты прервут возможность помощи резервов, приковав их к месту. Сила сопротивления дивизии под ударом уже имеющихся на вооружении химии, танков и самолетов может упасть до 1—2 часов, как это уже и было у Виллер-Котэре 18 июля 1918 г. и 8 августа — на Римской дороге.

Поэтому мы стоим перед двумя противоречивыми требованиями. С одной стороны, мы должны добиваться возможно большего сосредоточения сил к точкам удара, с другой, наши вспомогательные участки нельзя ослаблять ниже определенной нормы. Мы, таким образом, подошли вплотную к вопросу: как увеличить время, которое часть дает в распоряжение командования?

МАНЕВР КАК СРЕДСТВО УКЛОНЕНИЯ ОТ УДАРА ПРОТИВНИКА

В целом ряде случаев мы видели, что успех нашего маневра в большой мере зависит от того, смогут или не смогут войска, находящиеся на вспомогательных участках фронта, обеспечить нужное для победы время. Артиллерийский огонь является такой силой, который при достаточном количестве орудий на 1 км и правильной организации способен сломить всякое сопротивление обороны, если она задается целью удержать определенную точку местности. К этому прибавилось влияние танков, авиации и химии. Действие этой могущественной техники привело к тому, что сила сопротивления войск в обороне упала и время, выигрываемое частью, сравнительно невелико. Отдельная колонна (дивизия) во встречном наступлении с превосходными силами может сопротивляться 3—6 часов. В тесном соприкосновении с противником это время при внезапном нападении еще уменьшается; для корпуса, например, до 4—6 часов. Малая сила сопротивления войск оказала решающее влияние на тактику.

Если проследить, как развивалась мировая война по мемуарам Фалькенгайна и Гинденбурга [88]), руководивших германской армией, то невольно поражает одна общая обоим жалоба: у них не хватало сил для того, чтобы использовать благоприятную обстановку. Тот и другой в своих записках жалуются, что они не могли поставить себе целью уничтожение врага и потому искали малой победы...

Мне кажется, что главная причина заключалась не в недостатке сил, а в том, что мало использовали маневр, как средство уклонения от удара врага. От войск на вспомога-

тельных направлениях требовали обороны во что бы то ни стало, подставляя их тем самым под сосредоточенный удар молота атаки. Части на растянутых фронтах давали в распоряжение командования 4—6 часов — максимум сутки (конечно, если хоть сколько-нибудь разумно организовывали атаку, а не допускали те потрясающие безграмотности, которыми изобилует Нарочь, Барановичи и т. д.). Слабость сопротивления требовала сохранения резервов для парирования результатов прорыва. Поэтому громадные силы были скованы. Но как редчайшее исключение было применение мысли, простой на первый взгляд, — не подставлять свой лоб под удар обуха, а выходить из-под удара, не давая себя разбить; вместо стабилизованной, мертвой обороны на позициях применять маневр.

На первый взгляд может показаться, что войска представляют большую силу в разработанной и укрепленной позиции. При отступлении, даже преднамеренном, дезорганизация легко охватывала части; потери отставшими увеличивались. Части, даже очень слабые, но усиленные мощной фортификацией, представляли какую-то видимость сопротивления, но, как только они покидали окопы для маневренного боя, они разбивались на слабые группы.

Все это верно лишь отчасти...

Если маневренная оборона так мало практиковалась во время прошлых войн, то объяснение этому, как мне кажется, надо искать в том, что это решение *требует риска*. Но именно в риске, в способности идти на «большое решение» могут быть достигнуты на войне крупные результаты. Если бы не было риска, «война была бы делом посредственности». Между тем этот риск совсем не так велик, как кажется с первого взгляда. Второстепенные участки не имели того значения, которое им придавалось, даже в том случае, когда войска терпели здесь решительное поражение.

В нашей гражданской войне мы видели тому примеры. Когда на второстепенных участках войска временно отступали, сдавая пространство, рубежи важнейшего стратегического характера, крупнейшие центры, — это не оказывало окончательного влияния на ход войны, если на главном участке, на главном фронте война доводилась до полной победы...

Сколько бы мы не изучали оборону будь то на позициях мировой войны, будь то на растянутых фронтах гражданской войны, — мы всегда видим одно и то же. Обороняющийся вынужден занимать длинные растянутые фронты; он всегда видит полную возможность наступающему прорвать этот растянутый фронт...

Все дело в том, что у обороняющегося, как бы он ни усиливался фортификационно, никогда не было и быть не может столько резервов и столько средств транспорта, чтобы

противопоставить атаке равные силы. Обороняющийся, прочно удерживая позицию, сознательно идет на то, чтобы принять бой с превосходными силами, и если поблизости нет сильных резервов, — быть разбитым по частям: сначала — войска, занимающие позицию, потом — подходящие резервы...

Однако, несмотря на такой способ действия, оборона не всегда бывала сломлена усилиями наступающего. Возьмем два примера атаки в двух совершенно разных обстановках, где наступающий, даже разбив подставленные ему войска первой линии, несмотря на все свои силы и искусство, потерпел неудачу. Такова атака англо-французов в 1916 г. на Сомме и наступление Юденича на Петроград. В этих сражениях, на первый взгляд, очень мало общего. Сила вооружения, количество и качество войск, влияние политических фактов, — все было различно; общее в них только одно — растянутая оборона устояла под натиском наступающего. Если мы не выясним причины этих усилий, то все значение маневра в обороне будет неясно для нас...

Чем же объясняется победа обороны в этих сражениях? Части, занимавшие оборонительную позицию на Сомме, хотя и несли страшные потери под ударами французов, но, поддержанные мощной техникой, сдерживали наступление врага столько времени, что резервы успевали подойти и сравнять силы атаки и обороны... Под Петроградом молодые и слабые технически красные части после удара врага оказывали противнику меньше сопротивления и оборонительный маневр развивался в полосе 100 км в глубину. Если в первом случае сила сопротивления войск, занимавших первую полосу, давала возможность организовать встречные удары резервов в глубине 3—8 км за первой полосой, то в борьбе с Юденичем расчет для подвоза резервов приходилось делать на десятках километров, но в обоих случаях внимательный исследователь видит, что победа обороны объясняется не гибелью передовых частей, занимавших позицию, а тем, что за счет потерянного пространства оборона выигрывала время и успевала сосредоточить достаточные силы к месту прорыва, т. е. победа обороны была достигнута маневром...

...Следовательно, там, где уступка пространства не имеет оперативного значения, расчет обороны должен был строиться не на упорстве первой линии войск — от них этого *безнадежного упорства и требовать не нужно,* там надо строить оборону на маневре, т. е. на выходе из-под первого удара; для этого принять такое эшелонирование войск в глубину, чтобы иметь возможность выйти из боя главными силами, оставляя в соприкосновении с врагом лишь сильные обеспечивающие части; при этом успехе обороны рассчитывать на то, чтобы за счет выигранного отходом времени сосредото-

чить резервы обороны на заранее подготовленной полосе и встречным ударом в тыл разбить врага. Глубина же отхода может быть сообразована с тем временем, которое нужно обороне либо для победы на главном направлении, либо для сосредоточения достаточно сильных резервов...

Маневренная оборона дает новые возможности. Не боясь поражения в короткий срок, командование может свободнее рисковать, собирая силы для главного удара...

Если стать на эту точку зрения, то мы сразу видим, что в построении боевого порядка при обороне необходимо положить какие-то новые основы. Мы не можем мириться с тем, что противник имеет возможность вцепиться в живое тело боевого порядка и в 3—6 часов создать такой кризис даже в *корпусе,* который потребует подвода резерва со стороны.

Мы должны выработать такие формы, которые позволяли бы нам безопасно перейти к преднамеренному отступлению, не дать себя разбить на вспомогательных участках в течение всего того времени, которое нужно на главном участке для одержания победы. Эти формы еще полностью не выработаны, но кое-что уже сделано, и то, что уже сделано, надлежит внимательно изучить...

Если мы хотим быть сильны в районе главного удара, мы должны уметь выигрывать время на остальных участках фронта. Так как сила сопротивления войск невелика, а особенно при непосредственном соприкосновении, выигрыш времени надо искать в маневре, в *преднамеренном отступлении.* Но для того, чтобы сохранить свободу маневра, выхода из-под удара, боевой порядок должен измениться. Его глубина должна быть такова, чтобы обеспечить возможность главным силам либо принять бой, успев сосредоточить к угрожаемому району резервы, либо, вовсе не принимая боя, медленно отходить, сдерживая натиск врага и нанося ему потери огнем и контратаками. Отсюда выдвигается требование к выдвижению *разведывающего эшелона на дальность пушечного огня, способного боем определить силу врага и сдержать его* до тех пор, пока главные силы примут нужные по ходу операции меры. Боевой порядок ныне должен быть таков, чтобы бой *не исчерпывал его силы до темноты.* Только при этом условии внезапные удары, поддерживаемые артиллерией, химией и танками, не будут создавать тех внезапных кризисов, боязнь которых ставит под угрозу каждую операцию. Части, составляющие разведывающий эшелон, должны быть в составе всех родов войск так же, как разведывающие части при наступлении.

У нас существует предубеждение против двух эшелонов в боевом порядке. Мы считаем, что он поведет к *поражению по частям* и не даст и того сопротивления, которое дали бы

те же части, ведя бой в одном эшелоне. Мне кажется, что в этой боязни звучат пережитки старых, умерших идей другой эпохи. Опасность не в том, что первый эшелон подставляется на отдельное поражение. Опасность в том превосходстве средств поражения, особенно на растянутых фронтах нашего театра, которое дает возможность быстро *сламывать весь боевой участок* и создавать кризис широкого масштаба, способный сорвать всю операцию. Борьба на трех полосах есть способ за счет возможной гибели первого эшелона разведки выиграть время и перейти к тем формам боя, которые отвечают обстановке, — например, организованная оборона вместо встречной атаки, преднамеренное отступление вместо обороны на месте, внесение внезапности в оборону и т. п. Этим путем можно *избежать кризиса на вспомогательных участках* в течение всего того времени, которое нужно для успеха главного удара. На тесных, насыщенных фронтах при мощном транспорте Запада эта мысль не выступала на первый план. У нас же, наоборот, она встает во весь рост...

ХАРАКТЕРИСТИКА СРАЖЕНИЯ БУДУЩЕГО

Без ясного представления о том, в какую сторону развивается сейчас тактика, без наметки, каким будет сражение будущего, нет никакой возможности дать правильную оценку современной тактики и вести подготовку к войне; генеральные штабы, которые во всех странах вели к 1914 г. подготовку к войне, этого не сумели сделать в нужной степени. Существовавшее к началу мировой войны представление о сражении будущего отставало от действительности, потому что в головах живых людей жила прошлая, а не будущая война. Так было и в Германии, и во Франции, и в России перед мировой войной. История наполеоновских войн, кампании 1866 и 1870 гг. владели умами. Широкие слои командного состава Германии с трудом удалось примирить с таким простым положением, что стратегия и тактика Наполеона уже не вполне применимы в наши дни. Шлихтингу [89]) после войны 1870 г. пришлось доказывать, что приемы Иены и Аустерлица устарели; что нужно принять новую теорию военного искусства, родоначальником которой он считал Мольтке. Между тем и эта теория была верна только в 1870 г., но в значительной мере устарела к 1914 г. Действительно, идея Седана настойчиво владела умами германских военных, а поэтому фронтальная атака едва признавалась. Немного было сторонников того взгляда, что ее нужно изучать (Мозер) [90]). Всякое наступательное сражение, даже атаку укрепленной позиции (см. курс тактики Болдырева) [91]), стремились разрешить не силой фронтального удара, а обходом, полагая, что место для этого обхода обязательно будет подобно сражению под Вафангоу [92]). Значение огня забылось даже по

сравнению с войной 1870 г. Не учтя возросшего значения техники, а в особенности фортификации, пулемета и тяжелой артиллерии и не приняв нужных ввиду этого мер, все армии Европы были загнаны в тупик позиционной войны.

Перед этой опасностью и мы стоим сейчас. Пережитые грандиозные события давят на сознание. Вот как, например, представляет себе сражение Эрр[93]), один из выдающихся французских артиллеристов. Бои 1918 г. решались на французском фронте на три четверти применением «массового» огня 12 000 орудий, огня, применяемого «внезапно»; огня, развертывающегося «в глубину». По окончании мировой войны эти орудия поставили в склады, бережно их хранят; но все убеждены, что с началом новой кампании этим орудиям придется сыграть такую же решающую роль. Будущее сражение в представлении Эрра — это повторение артиллерийских боев 1918 г. Французский тактик Кюльман[94]), тоже артиллерист, вполне солидарен с Эрром, а «устав крупных войсковых соединений» кладет это убеждение в основу подготовки французской армии: «огромные, обремененные артиллерией и техническими средствами армии с упершимися в море и Альпы флангами, неповоротливые, медленно, сплошным фронтом продвигающиеся вперед и назад, цепляясь за каждый клочок земли,— вот основной мотив наставления» (предисловие Белицкого к русскому переводу «Французского наставления для тактического применения дивизий и корпуса»). Французская мысль почти целиком остается в рамках победного 1918 года, и высказанное в предисловии к уставу предположение, что начало и конец войны будут иметь дело с прерывчатыми фронтами, почти не оказывает влияния на составителей устава.

Верно ли это? Ведь если война вспыхнет даже сегодня или завтра, она уже будет другой. Германия не имеет армии 1918 г. Сплошной фронт массовой армии не образуется, хотя, по-видимому, весь фронт будет закрыт завесой даже на нашем театре; война будет другая. Тем более невероятно в первые решающие бои повторение 1916 г. на наших границах. Война не сомкнется на укрепленной полосе, до тех пор пока не будут истощены военные силы, пока будет сохранена воля к войне во всем организме государства.

Но существует и другое течение военной мысли; его адепты указывают на могучее развитие техники и считают, что на наших глазах растет новая эпоха высшего искусства, так же как это случилось под влиянием изобретения пороха. Таковы Фрайс и его указания на будущую химическую войну; таковы авиаторы с таким поборником самостоятельного воздушного флота, как Жоно; таков апологет новой тактики броневых сил и использования двигателя внутреннего сгорания, каким является Фуллер. Они полагают, что все старое

должно отойти на второй план, а решающее сражение будет выиграно воздушными силами, химией и танками.

Самая лучшая армия, отставшая от своих противников на 10 лет по своему вооружению, осуждена на жестокие поражения. Потоками крови и рядом неисчислимых страданий будет она искупать свою техническую неподготовленность. Старая русская армия испытала это на себе в полной мере. В первых боях на границах Восточной Пруссии тяжелая артиллерия немцев, которой русские войска не могли противопоставить равного оружия, решила победу Германии. Командир 1-го германского корпуса генерал Франсуа пишет в своих мемуарах, что победа под Танненбергом решалась одним огнем тяжелых орудий. Та же картина наблюдается во время мировой войны с появлением каждого нового изобретения: полное бессилие англичан перед первой внезапной атакой газовых волн в Бельгии; полное бессилие немцев перед внезапной массовой атакой танков; полное бессилие кавалерии Жлобы[95]) под ударом первых воздушных атак поляков *. Техническая отсталость является каждый раз причиной жесточайших поражений.

Когда мы вдумаемся в возможность будущей войны, то перед нами ясно вырисовывается значение авиации, значение химической борьбы.

Действительно, если мы посмотрим, что собой представляет авиация даже не Англии и Франции, а только нашего ближайшего соседа Польши, то мы увидим в ней фактор, способный решительным образом повлиять на характер будущей войны...

...Мы находимся на грани полного пересмотра тактики маршей, а вслед за этим ставят под вопрос вообще возможность действия массовых армий, если развитие авиации пойдет далее в том же направлении.

На маневрах 1925 г. во Франции были применены крупные силы авиации (свыше сотен бомбардировщиков дневных и ночных) и посредники признали, что ни днем, ни ночью дивизии на земле не были бы в силах передвигаться. Пфейфер, вынужденный в своих расчетах принимать во внимание господство авиации врага, делает вывод, что двигаться можно лишь в расчлененных порядках, ведя человека от человека на 2 метра, а повозку от повозки на 100 метров. При этих условиях дивизия с ее 1500 повозок, идя по одной дороге, растянется на 150 км, а ее боевая часть — на 45 км, т. е. для развертывания в боевой порядок ночными маршами ей надо 2—3 суток.

Влияние авиации внесет также крупнейшие изменения в ведении боя.

---

* Неправильно. Надо от «воздушных атак войск Врангеля».— *Прим. ред.*

Прежде всего сфера влияния огня возрастает в громадных размерах. Кроме сферы поражения артиллерийским огнем, направляемым с земных пунктов, появляется сфера поражения орудий, направляемых с воздуха, и наконец сфера поражения авиации, распространяемая до 100—200 км от аэродрома врага...

Но есть одна область, не менее важная, чем авиация и химия, которая долго не вызывала к себе в широких кругах нужного внимания и работы. Это — значение двигателя внутреннего сгорания в земной войне. Считалось, что в условиях нашей западной границы, при нашем бездорожье, лесах и болотах этот двигатель не найдет себе сколько-нибудь серьезного применения, а потому и не играет для нас крупной роли.

В связи с этим наша автомобильная промышленность находилась в загоне, строение тракторов развертывалось очень медленно, и в этой области мы стояли прямо-таки безоружными перед всеми теми возможностями, которые имеются у наших будущих противников. Ныне произошел заметный сдвиг. Намеченные к постройке автозаводы открывают новые возможности. Мобилизация общественного мнения вокруг этого вопроса, создание общества Автодор позволяет думать, что и этот вопрос нашей подготовки найдет правильное решение...

...Переброска войск на автомобилях дает совершенно исключительную маневренную способность войскам...

На маневрах летом 1925 г. в Англии мы уже видим первые попытки использовать броневые силы так, как они, несомненно, будут использованы, когда бронесилы разовьются при достаточных материальных средствах. После короткой артиллерийской подготовки эскадра боевых машин, шедшая со скоростью 42 км в час, взяла на себя ту роль в борьбе за огневое превосходство и в маневре, которую ранее выполняли пехотинцы, артиллеристы и конница вместе взятые. Машины выполняли это с громадной скоростью, вместо прежнего медленного, по 2 км в час, движения пехоты. Следом за ними на бронированных автомобилях двигалась пехота, для того чтобы закрепить за собою уже захваченные танками участки местности.

Броневые машины, прикрывая автомобильные транспорты с пехотой, без дорог, обеспеченные сверху авиацией, перешли к стратегическому маневру, рассчитанному на 200 км в сутки. Именно это задание поставлено промышленности как английским, так и всеми остальными генеральными штабами: дать возможность вести маневр со скоростью 200 км в сутки.

Мы полагаем выполнить такие маневры при посредстве крупных кавалерийских масс, и наш расчет справедлив: эту

нашу возможность мы должны использовать, но мы не должны забывать, что если и для кавалерийского рейда скорость 70 км в сутки является предельной, то для рейда на автомобилях 200 км в сутки не будет высшим достижением.

Наконец, есть еще одна область, где двигатель внутреннего сгорания открывает совершенно исключительные возможности. Это — постройка боевой повозки или танка. В 1916 г. такие боевые повозки впервые появились на поле сражения. Они шли со скоростью 4—5 км в час, могли проходить около 25 верст, были вооружены пушкой и пулеметом и защищали от ружейной пули и осколков легкой гранаты. Ныне уже имеются образцы, которые ходят со скоростью 30—40 верст в час (английский танк Виккерс); есть машины, обеспеченные от прямого попадания легкого снаряда (тип 2 С); иные имеют защиту от газов; другие могут переправляться через водное пространство. Все признают, что танки только начали свое развитие, и дальнейшее усовершенствование их ничем не ограничено.

С XVI века броня вышла из употребления на поле сражения, ибо сила человека и лошади не была в состоянии передвигать такую броню, которая защищала бы от появившегося огнестрельного оружия, но с появлением двигателя внутреннего сгорания все меняется и боец снова получает возможность одеться в броню, и тем самым превосходство бронированного человека против беззащитного бойца возвращается к обстановке рыцарской поры, когда один хорошо защищенный рыцарь был в состоянии справляться с неограниченным количеством небронированных бойцов. Фактически бой тогда становился состязанием между рыцарями, после которого невооруженные бойцы должны были принять результат сражения, как окончательный. Только гражданские войны и влияние изменившейся политической обстановки позволили массам вновь принять участие в борьбе за свое существование.

Многие считают, что пехота, вооруженная противотанковым оружием, достаточным количеством мелкокалиберной артиллерии, может свободно бороться с танками. Но если возможности пехотинца ограничены весом носимого оружия, то для танков этой границы нет. Против тяжелого оружия пехоты конструктор танка возьмет более тяжелую броню, а для передвижения ее возьмет более мощный двигатель.

Старые рода оружия — артиллерия и пехота — должны будут уступить свое место новым силам, где решающее значение будет иметь двигатель внутреннего сгорания. Было время, когда огнестрельное оружие вытеснило рыцаря с поля сражения. Мы стоим сейчас на грани новой эпохи, когда «рыцари» вытеснят огнестрельное оружие. Только вместо 1 лошадиной силы у него будет 400-сильный мотор, вместо

панциря и щита — броня, которую не пробивает пуля, а вместо пики — скорострельная пушка. Артиллерийские массы сегодняшнего дня и пехота, сражающаяся с обнаженной грудью, окажутся такими же бессильными пережитками древности, какими сейчас кажутся воины в звериных шкурах эпохи Нибелунгов.

Появление танка на поле сражения обращает в ничто всю хитрую механику позиционной войны, и уже в 1918 г. укрепленные позиции не существовали там, где танки применялись в массовом масштабе.

Если мы посмотрим, куда идет эволюция пехоты, то ясно станет, что недалек день, когда вся пехота оденет броню, ибо без нее нельзя будет показаться в облаках газа и урагане огня. Нужно лишь дать танку возможность самоокапываться; а это — раз двигатель есть — не такая уж хитрая штука.

Нам говорят, однако, что в наших условиях бездорожья, лесов и болот все эти «хитрые» приборы не смогут быть применены; но такое гибельное заблуждение нельзя оставить не рассеянным. Если просмотреть хотя бы книгу Шварте «Техника в мировой войне»[96]), то уже там (стр. 209) есть описание грузовых колонн, способных передвигаться по любой местности и в любую погоду. Эти грузовые колонны применялись в 1918 г. на тех участках, где артиллерийский обстрел не позволял ходить по шоссе и надо было перевозить грузы прямо по полю. На выставке в Милане в 1922 г. мне пришлось видеть 3-тонные грузовики, поставленные на колеса с широкими ободами и с раздельными передним и задним ходами, посаженными на общую продольную ось. Эти два приспособления позволяли грузовику двигаться без дорог, преодолевая неровности местности; года 3 тому назад французская фирма «Ситроэн» построила автомобиль на гусеничном резиновом ходу. Колонна таких автомобилей беспрепятственно и неоднократно прошла пустыню Сахару, без дорог, по пескам, имея на себе все нужные для путешествия запасы. Наконец, все могут познакомиться с тракторами Фордзона — тракторами типа «Большевик», которые начали изготавливаться на наших заводах и которые могут ходить по любой дороге и в любое время.

Крупным усовершенствованием гусеничных повозок является приспособление, позволяющее им ходить на обыкновенных колесах по шоссе и на гусенице — без дорог. Техника ныне успешно работает над шести- и восьмиколесными автомобилями. Их способность двигаться без дороги изумительна. Именно такая машина прошла из Каира в Капштадт. И это только первые шаги, которые получат, несомненно, грандиозное развитие, которое позволит каждому государ-

ству с развитой автомобильной промышленностью использовать свои мощные средства и на нашей границе, если оно того пожелает.

Одно из самых опасных заблуждений на войне — это жить прошлым, не видя завтрашнего дня. Нас увлекает воспоминание о массовом артиллерийском огне мировой войны, значение авиации и химии. Но многое из этого — дело вчерашнего и сегодняшнего дня, осужденное завтра на коренное изменение. Фуллер в своей книге «Танки» после первой массовой атаки танками у Камбре (X — 1917 г.) [97]) справедливо пишет: «Бензин сильнее мускулов и сталь крепче костей». Там 382 танка победили 100-тысячную армию. В ближайшем будущем в земном сражении нервная энергия человека, руководящая силой бензина, переломает самые крепкие кости.

Тот, у кого будут автомобили и тракторы, будет способен к быстрому маневру, сможет быстро преодолеть все затруднения; сам же сможет легко остановить натиск неприятеля и стеснить его действия. Тот же, кто не озаботился своевременно завести двигатели внутреннего сгорания, тот, даже имея все остальные роды войск, будет значительно стеснен в маневре и затруднен в обороне. Форд утверждает, что во всем мире использовано в стационарных установках 23 млн. лошадиных сил, и эти 23 миллиона создали человечеству переход от средневековья к культуре сегодняшнего дня. За 10 лет один Форд выпустил 300 млн. лошадиных сил в двигателях внутреннего сгорания.

Ясно, что влияние этого нового источника энергии скажется новым гигантским броском культуры вперед.

Наша общественность учитывает значение авиации и химии. Авиахим будет толкать и направлять усилия на создание мощной авиационной и химической промышленности. Но двигатель внутреннего сгорания еще не завоевал себе того же признания. Завод «Амо» — это почти единственное, чем мы располагаем, но что значит его производительность рядом с той потребностью, которую предъявляет современная война и которая для германской армии к 1918 г. определилась в 75 000 машин, для французской армии — в 100 000 машин? Один из крупных государственных деятелей Англии на банкете после мировой войны прямо сказал, что «союзники пришли к победе на волнах нефти».

В области техники мы стоим на грани новой эпохи. Мне кажется, совершенно необходимо уделить тракторной и автомобильной промышленности все то внимание, которого она заслуживает. Прежде всего нужно строить новые заводы, способные к массовому выпуску машин. Раз будет хорошо развита промышленность, всего остального можно будет

достичь. Но эта промышленность у нас пока еще в зародыше.

Полевая война предъявляет к механической энергии те же требования, что сельское хозяйство. Ей нужны многочисленные небольшие двигатели, способные передвигаться вслед за войсками по любой местности и производить всякую работу, которая превосходит силы лошади и человека. Так же как и в 1914 г. бои были решены тяжелой артиллерией, так и будущие бои решит двигатель внутреннего сгорания.

Наряду с этим стоит еще один фактор, который уже показал свою силу в эпоху нашей гражданской войны и без которого также трудно представить себе войну будущего. Мы по привычке считаем, что подобно тому, как это было в 1918 г., армии будут подняты всеобщей воинской повинностью, что миллионные массы снова станут под ружье, чтобы дать себя искромсать во имя целей, довольно смутных для всех участников драки.

Активность масс поднялась, и в будущем трудно себе представить повторение массового самоубийства 1914 г. — в тех случаях, когда массы не будут ясно понимать, что цели войны — это их цели. Опасность смерти и политическая борьба, которая развернется на фоне войны, двинут массы к пересмотру смысла и цели самопожертвования. Мы увидим, как армии окажут разную силу сопротивления «разлагающей» пропаганде, которая раскроет им глаза и пробудит сознание их классовых интересов. Они обратят свои усилия по линии наименьшего сопротивления. Поэтому с первых же боев мы будем иметь перед собою части, твердые как скала, и части «разлагающиеся», борьба с которыми будет чрезвычайно облегчена.

Эти данные, как видно, склоняют к мысли, что массовые армии в лагере буржуазии не долго просуществуют.

Выйдя на войну с массовой армией, правительства Запада очень быстро увидят, что массы будут частью перебиты, частью выйдут из борьбы взрывом изнутри; предвидя это, многие государства вынуждены уже сейчас строить армию — всю или отчасти — по классовому признаку (Италия, Польша, Латвия). Уже в конце мировой войны техника наталкивала на такую систему устройства армий. Действительно, в танковых частях на 1 бойца в танке приходилось 4 обслуживающих в мастерских и складах на театре войны и 16 рабочих на заводе; в авиации на 2700 самолетах в 1918 г. во Франции было 5000 бойцов, непосредственно участвовавших в воздушных сражениях; их обслуживали 70 000 человек на театре войны и 180 000 рабочих авиационной промышленности, т. е. на одного бойца приходилось 14 обслуживающих и 36 рабочих. Ясно, что при таком характере организации

вооруженной силы массовая армия исчезнет — ее заменит небольшая армия «рыцарей», которую можно построить по классовому признаку; так в свое время и строились рыцарские войска, где один только рыцарь участвовал в бою и был вооружен, а вся остальная масса должна была принять результаты рыцарского боя и подчиняться безоговорочно. Этот процесс с началом войны начнет развиваться с громадной быстротой.

Давая характеристику сражению ближайшего будущего, мы должны отметить, что обстановка, создаваемая техническими возможностями, экономикой и политической обстановкой, предопределяет для крупных капиталистических государств переход от армии всеобщей воинской повинности к классовым формированиям. Характер сражения в первых боях будет приближаться к боям 1918—1920 гг., с решающим значением механической силы и громадным влиянием маневра. Постепенно развертывающееся влияние авиации, бронесил и химии придадут сражению формы, которые мы сейчас предвидеть не можем, но в которых маневренность, переброски по 200 верст в сутки не будут исключением. Сражение 1920 г. на Висле с его громадным размахом является как бы прообразом боев будущего.

Таким образом, характерной стороной сражения будущего будут громадные противоречия, быстро сменяющие одно другое: маневренные сражения, сменяющиеся позиционной войной; позиционная война, сменяющаяся маневром со скоростью 200 км в сутки; мгновенная гибель целых участков и быстрое восстановление фронта, быстрое изменение боеспособности частей. Отсюда в нашей подготовке к будущему сражению мы должны обратить настойчивое внимание на следующие стороны:

1) Умение в совершенстве использовать средства сегодняшнего дня и привитие организованных навыков плановости, организационного и технического расчета.

2) Развитие маневренности и всего, что доставляет внезапность — маскировка, обман, быстрота движения.

3) Уменье руководить политической борьбой масс в обстановке войны и сочетание военной и политической работы.

4) Воспитание всего командного и политического состава армии в таком направлении, чтобы он был способен схватывать все новое, что создается в обстановке войны, и организованным порядком доводить это до сведения центра. Только при этом условии хорошо построенный, чуткий центральный аппарат в состоянии будет приспособляться к тем изменениям в курсе, которые необходимо будет произвести ему самому и которые нужно будет указать всей армии.

5) Обратить самое серьезное внимание на развитие химической, авиационной и автомобильной промышленности, ибо, по-видимому, именно в этой области придет решение боев будущей войны с их технической стороны.

(А. И. Верховский. «Огонь, маневр, маскировка», М., «Военный вестник», 1928, стр. 91—170; 220—232).

* * *

★ ★ ★

В. К. ТРИАНДАФИЛЛОВ

Владимир Кириакович Триандафиллов *(1894—1931) участник гражданской войны, член КПСС с 1919 г. Окончил Военную академию РККА в 1924 г. С 1926 по 1931 г.— начальник Оперативного управления Штаба РККА. В 1928—1929 гг. командовал корпусом. Погиб при авиационной катастрофе.*

Основные труды. *«Взаимодействие между Западным и Юго-Западным фронтами во время летнего наступления Красной Армии на Вислу в 1920 году», «Война и революция», кн. 2, 1925; «Перекопская операция Красной Армии»; «Гражданская война 1918—1921 г.», т. I, М., 1928; «Размах операций современных армий», М., 1926; «Характер операций современных армий», М., 1929, изд. 2-е, 1932.*

ХАРАКТЕР ОПЕРАЦИЙ СОВРЕМЕННЫХ АРМИЙ

Труд В. К. Триандафиллова «Характер операций современных армий» состоит из двух частей. Первая дает характеристику современных армий, вторая посвящена исследованию их операций. Ниже публикуются основные разделы второй части труда. Первое издание этой книги вышло в 1929 г. В предисловии ко второму изданию, вышедшему в 1932 г. уже после трагической гибели ее автора, говорится, что книга эта явилась чрезвычайно крупным вкладом в нашу военную литературу. Книга сыграла большую роль в подготовке начальствующего состава армии и повышении его оперативных знаний.

На основе строгого учета состояния военной техники и экономики, численности и организаций современных армий автор намечал характер и размах операций в будущей войне и тенденции их развития в зависимости от изменения материальной базы и средств борьбы. Учтя быстрое развитие индустрии в годы 1-й пятилетки и ее воздействие на строительство армии, В. К. Триандафиллов незадолго до своей гибели приступил к переработке своего труда, но завершить эту работу ему не удалось.

ОПЕРАЦИЯ

Ударная армия

«Ударная» армия типа германских правофланговых армий, наступавших в 1914 г. через Бельгию к Марне, или правофланговых красных армий в период нашего наступления к Висле 1920 г., т. е. армия, предназначенная для действия в

направлении главного удара, должна быть организована таким образом, чтобы она могла своими силами провести ряд последовательных операций от начала до конца. Она должна располагать такими средствами, которые позволили бы ей преодолеть любое сопротивление противника как в начале, так и в ходе предпринимаемых операций. Стрелковые части, добавочные средства подавления, авиация, вспомогательные войска — все должно быть рассчитано и сообразовано с теми задачами, которые предстоят перед данной армией. Состав армии должен быть рассчитан таким образом, чтобы обеспечить наверняка тактический успех при столкновении с противником в ожидаемой в течение данной операции обстановке.

Для операций, рассчитанных на большую глубину и преследующих решительные цели, должно быть предусмотрено неизбежное изменение обстановки в ходе боевых действий: неизбежное усиление противника, увеличение плотности его фронта, появление на путях наступления целого ряда наспех и заблаговременно укрепленных позиций. Ударная армия должна с самого начала иметь все те средства, которые позволили бы ей без потери времени организовать безотказный удар в любой возможной в ходе планируемых операций обстановке. Обыкновенно в операциях с решительной целью надо предусмотреть столкновение с основной массой, с главными силами неприятельской армии. Эти силы противника могут или оказаться перед наступающим в самом начале операции, или появиться на фронте в ходе ее в результате крупной перегруппировки, совершаемой по железным дорогам, походом и при помощи автомобильного транспорта.

Стрелковые части должны быть включены в состав армии с таким расчетом, чтобы она могла при завязке боя образовать достаточно плотную наступательную группировку.

Исходя из максимальных пехотных возможностей стрелковой дивизии и стрелкового корпуса, фронт атаки стрелкового корпуса во встречной операции и при наступлении на недостачно крепкую оборону противника следует считать не более 10 км, а при наступлении на заблаговременно подготовленную и достаточно плотную оборону $4^1/_2$ — 6 км. При этих нормах исчерпываются максимальные пехотные возможности дивизии и корпуса.

Если для достижения оперативного прорыва расположения противника ширина атакуемого фронта должна доходить до 25—30 км, то в одном первом эшелоне ударной армии нужно иметь от 3 до 4 стрелковых корпусов.

Пехота в современном бою, особенно в фронтальных боях, несет большие потери и нуждается в частой смене для от-

дыха. Кроме того, в ходе сражения фронт принимает ломаные формы, его протяженность увеличивается, плотность разжижается. Для сохранения необходимой плотности фронта требуется ввод в дело новых сил. Это требует наличия во 2-м и 3-м эшелонах до $1/2$ или $1/3$ числа дивизий 1-го эшелона.

Таким образом, общий состав стрелковых частей ударной армии будет доходить до 12—18 стрелковых дивизий. Для того чтобы обеспечить нормальное управление таким количеством частей, неизбежно придется иметь в составе армии некоторые корпуса (желательно корпуса 1-го эшелона) 4-дивизионными.

Вслед за этим должны быть рассчитаны потребные добавочные средства подавления.

По нашим расчетам нормально 3-дивизионный корпус, выполняющий ударные задачи, нуждается, в условиях встречной операции, в 4 полках добавочной артиллерии, а при вступлении на заблаговременную и плотную оборону количество ее должно быть доведено до 6—7 полков. Поэтому нормально каждый корпус 1-го эшелона должен быть усилен 4 артиллерийскими полками добавочной артиллерии, и, кроме того, в распоряжении армии должно оставаться еще некоторое количество добавочных средств подавления, которые позволили бы ей при атаке заблаговременно укрепленной позиции довести добавочную артиллерию всех или наиболее важных корпусов до 6—7 артиллерийских полков. Целесообразно эту вторую порцию добавочных средств иметь в виде танковых частей. Так как последние нужны только для прорывов (а не для замены добавочной артиллерии на всем протяжении операции), то нормой замены можно взять 1 танковый батальон за артиллерийский полк.

Таким образом, ударной армии в составе 4—5 стрелковых корпусов потребуется до 4—5 артиллерийских дивизий (16—20 артиллерийских полков) добавочной артиллерии и до 8—12 танковых батальонов.

Такая армия требует для своего обслуживания целого ряда вспомогательных войск. Ввиду того окончательное решение на группировку сил при завязке сражения в масштабе армии надо принимать еще за 2 перехода до противника, в распоряжении атаки должны иметься такие разведывательные средства, которые обеспечили бы своевременное получение необходимых сведений о противнике. Количество армейской разведывательной авиации должно обеспечить регулярное ежедневное производство разведки по крайней мере три раза в сутки, считая и ночные полеты. Нужно считать, что на ударную армию надо иметь не менее двух разведывательных эскадрилий.

На разведку одной авиации нельзя полагаться. Во-первых, она очень зависит от атмосферных условий и, во-вторых, факт полета еще не означает, что она увидит то, что нужно. В 1918 г. английская и французская авиация прозевали даже такое крупное сосредоточение войск, как произведенное немцами на западном фронте перед их мартовским наступлением, несмотря на то, что налеты производились регулярно почти каждый день *. И, наконец, если даже она обнаружит кое-где противника, то не может дать более подробных сведений о принадлежности тех или иных частей, о группировке сил и т. д. Командующий армией обязан обеспечить, помимо авиации, и надежной наземной разведкой.

Полоса движения армии будет равняться примерно 50—75—100 км. Чтобы обеспечить разведку на таком фронте, армии необходимо иметь одну, вернее, две кавалерийские дивизии, усиленные авиацией, скороходными танками и самокатными частями.

Противовоздушная оборона такой массы войск, какими будет располагать ударная армия, потребует помимо войсковых зенитных средств, еще не менее 4—5 истребительных эскадрилий **. Кроме того, для обороны главнейших пунктов в тылу (конечновыгрузочные станции, аэродромы, мосты и др.) потребуются специальные зенитные средства. Надо считать как минимум 1—2 зенитных дивизиона на каждый обороняемый пункт.

Действия в районе, изобилующем речными преградами, потребуют включения в состав армии понтонных частей из расчета минимум один тяжелый мост на ударный корпус.

Для обеспечения связью такой огромной массы войск потребуется значительное количество войск связи.

Ударная армия в большинстве случаев может быть усилена бомбардировочной авиацией (легкой и тяжелой). Так как этот вид авиации используется, как правило, в массированном виде, то ее состав будет значительный. Здесь может оказаться вся или большая часть боевой авиации, которой располагает данная армия. Во всяком случае ее будет не меньше 2—3 авиационных бригад, так чтобы она могла выполнять систематические нападения как на войска противника, так и на ближайшие его тылы.

---

* Немцы хотя и сосредоточили огромное количество авиации в районе будущей операции, но в целях маскировки авиация начала полеты непосредственно перед началом боевых действий. Таким образом, авиация союзников имела возможность работать почти ежедневно. См. Базаревский. Кампания, 1918 г.

** Одна истребительная эскадрилья обеспечивает фронт 12 км (см. Меженинов «Воздушные силы в войне и операции», стр. 66). Фронт наступления ударной армии — 50—75 км. Надо полагать, что для некоторых корпусов, двигающихся по лесному району, достаточно будет своей зенитной артиллерии.

Наконец, ударная армия, наверное, получит усиление химическими средствами борьбы. Химические снаряды для артиллерии не составляют ее постоянной принадлежности. Они находятся в распоряжении главнокомандования, и ими снабжаются те армии, которые выполняют ударные задачи. Химические роты с газобаллонами и газометами окончательно распределяются при стабилизованном фронте. Бомбардировочная авиация будет располагать, как правило, неограниченным количеством авиабомб. Отдельные эскадрильи будут приспособлены к свободному распылению отравляющих веществ.

Конечно, приведенные выше цифры не имеют абсолютного характера, конечно, они не могут годиться для всех случаев. Характер задачи армии, качество войск своих и неприятельских, условия местности и другие данные обстановки всегда внесут в эти цифры те или другие поправки. Но одно ясно: определение состава армейского соединения не может производиться «по вдохновению», «по капризу» того или иного начальника. Эта работа, в особенности в части, касающейся определения средств подавления, требует расчета и может быть рассчитана. Мы хотели здесь показать лишь то, с цифрами какого порядка придется иметь дело оператору при расчетах на крупную и длительную операцию.

Страны, не располагающие достаточными средствами подавления и другими техническими средствами, будут в высшей степени стеснены при формировании тех армий, которые должны будут выполнять ударные задачи. Недостаток добавочных средств подавления вынудит пойти на снижение общей нормы обеспечения средствами подавления на каждый километр фронта; заставит обеспечивать этими добавочными средствами только наиболее важные корпуса в составе ударных армий или прибегать к искусственному сосредоточению артиллерийских средств за счет корпусов и дивизий второстепенных участков. В армиях с недостаточными средствами подавления имеющиеся танки, добавочная артиллерия или боевая авиация будут использованы более интенсивно, их силы будут форсироваться; эти части быстрее будут изношены, чем при нормальном их использовании.

При всем том наступающая пехота окажется в довольно тяжелых условиях для ведения боя. Она должна будет атаковать не вполне расстроенную и подавленную оборону, она должна будет интенсивно использовать свои огневые средства для подавления обороняющегося противника. Высокодоброкачественная и обученная пехота может иметь успех и в этих условиях, в особенности при действиях против противника, еще не успевшего зарыться в землю или мало боеспособного. Но потери, естественно, будут больше, чем в армиях, располагающих достаточными средствами подавления.

Высок будет и процент неудавшихся и захлебнувшихся атак. Операции, предпринимаемые при недостаточном обеспечении средствами подавления, будут более кровопролитны и более расточительны в отношении живой силы.

Подход к полю сражения

Хотя в настоящее время отпали те большие походные движения, которые армия производила до своего оперативного развертывания (эти передвижения совершаются главным образом при помощи железных дорог), но все же в ходе самой операции армия вынуждена производить крупные передвижения всей массой своих войск. Как бы ближе к противнику ни был выбран район оперативного развертывания, все же от этого района до столкновения с главными силами противника в условиях встречной операции всегда придется сделать несколько переходов, в особенности в начале войны. При наступлении на обороняющегося противника оперативное развертывание может быть произведено в непосредственной близости от его оборонительной позиции, и потому необходимость таких мероприятий для исходной операции отпадает. Зато для последующих операций все оперативное развертывание должно быть произведено походным порядком и, в целях сохранения непрерывности удара, одновременно всей массой войск. Производство таких крупных передвижений в современных условиях при утяжеленной организации войск и при усилившейся опасности с воздуха в высшей степени затруднилось.

Передвижение осложняется тем обстоятельством, что даже в тех случаях, когда армии приданы значительные добавочные артиллерийские и танковые средства, выбор ширины фронта движения при организации подхода к полю сражения будет зависеть еще от очень многих условий. Для удобства и быстроты движения, для удобства расположения на отдых, в целях более рационального и полного использования местных средств, в целях сохранения свободы маневра — надо двигаться возможно более широким фронтом. Чем шире фронт движения, тем более мелкими колоннами можно организовать походный порядок, тем быстрее будет протекать марш-маневр, тем легче спрятать войска от воздушного наблюдения, тем меньше неудобств будет при расположении на отдых, тем больше продовольствия и особенно фуража можно достать на месте и, следовательно, тем меньше подвоз из тыла. Широкий фронт движения дает больше шансов на охват и обход флангов противника. Но стремление к очень широким фронтам может привести к полной утере наступательной силы войск; погоня за удобствами в движении и расположении на отдых может привести к такому опе-

ративному кордону, который никаких наступательных задач решать не может. При организации походного порядка крупных войсковых масс надо найти тот предел ширины фронта движения, от которого без потери времени, без излишних перегруппировок можно было бы быстро и легко перейти к размерам фронта, допускаемым наступательными возможностями данной группы войск.

Выше было вычислено, что для производства прорыва на фронте в 25—30 км требуется до 3—4 стрелковых корпусов с 16—20 артиллерийскими полками добавочной артиллерии и 8—12 танковыми батальонами. Эта плотность требуется при наступлении на заблаговременно перешедшего к обороне противника. Подвод такой массы войск к району операции при стабилизованном фронте не вызывает особых затруднений: он может быть произведен по частям в течение нескольких дней, поэшелонно. Труднее организовать подход к полю сражения такой массы войск при встречном столкновении или в период между последовательно развивающимися операциями, когда требуется одновременное движение всем фронтом армии.

Во встречной операции, а также в период следования в район нового оперативного развертывания не только фронт походного движения, но и фронт завязки сражения может быть значительно шире, чем тот фронт, на котором потом развернется — для главной атаки — основная масса и пехоты и артиллерии с танками. Для того чтобы дать больше свободы действий ударной армии, целесообразно даже иметь в ее составе не 3 или 4 корпуса (по количеству добавочных средств подавления), а корпусов 5. Тогда армия могла бы, смотря по обстоятельствам, 1 или 2 корпусам поставить вспомогательные задачи, а остальным со всей массой артиллерии и танков поручить выполнение главной атаки.

Итак, возьмем для примера армию в составе 5 стрелковых корпусов с указанными выше добавочной артиллерией и танками. Во встречной операции такая армия может дать достаточно плотную наступательную группировку пехоты, развернувшись на фронте не более 50 км (в среднем по 10 км на корпус). Уже за 1—2 перехода от противника армия должна на походе иметь фронт движения, не особенно превышающий эту цифру. Надо считать возможным еще за 2 перехода до противника наличие фронта около 75 км: в течение 2 дней при простом движении вперед всегда возможно одним суживанием разграничительных линий корпусов сократить фронт армии до требуемой нормы (50 км). Вдали от противника, за 3—4 и более переходов от него, фронт движения армии может быть еще шире и доходить до 90—100 км. Последнюю цифру надо считать предельной даже при значительном удалении от противника. Движение на таком фрон-

те (90—100 км) обеспечивает армии максимально возможные удобства для марша, расположения на отдых и в то же время предоставляет возможность командующему в пределах этой полосы организовать маневр для принятия выгодной группировки к моменту заявки сражения. Чтобы облегчить командующему свободу действий при принятии окончательного решения по группировке сил для боя, необходимо оставить основную массу добавочной артиллерии и танков в его непосредственном распоряжении. Для той же цели крайне важно во 2-м эшелоне наличие некоторого количества дивизий, которыми можно было бы маневрировать смотря по обстановке.

За 3—4 и более перехода от противника нет надобности создавать большое скопление войск на одной дороге. Поэтому в этот период для движения надо использовать все годные дороги в полосе наступления армии.

Построение походного порядка армии при движении на фронте в 100 км не встретит особых затруднений, даже в условиях нашего западного театра военных действий. Если взять карту крупного масштаба, то в любом районе, севернее или южнее Припяти, восточнее и западнее границы (в особенности в районе к западу от линии реки Неман, Ровно, Каменец-Подольск), можно найти одну дорогу на каждые 5—7 км фронта, т. е. на фронте 100 км каждой дивизии может быть предоставлена минимум одна отдельная дорога. Правда, значительная часть этих дорог будет состоять из проселков, будет нуждаться в ремонте мостов. Но на восточноевропейском театре военных действий другого выбора нет, и придется рассчитывать на более тяжелые условия для движения. Возможно, что некоторые корпуса, движущиеся в особо неблагоприятных условиях, будут вынуждены, даже на значительном удалении от противника, пользоваться только двумя дорогами, т. е. иметь две дивизии на одной дороге.

Вся добавочная артиллерия, поскольку она на конной тяге, должна двигаться одновременно с дивизиями. До принятия командующим окончательного решения по группировке сил она распределяется между корпусами, по 4—5 артиллерийских полка на корпус, только для движения.

При движении корпуса по трем дорогам с каждой из трех дивизий следует один полк добавочной артиллерии, а 4-й полк следует отдельным эшелоном по лучшей дороге.

Продвижение танков происходит самостоятельными эшелонами. Они подвозятся по железной дороге на конечно-выгрузочные станции и оттуда двигаются за войсками на грузовиках или самоходом (для скороходных танков), скачками через 2—3 дня. Самостоятельными эшелонами, но подчиненными командирам корпусов двигаются понтонные и инже-

нерные части, нормально не входящие в состав дивизий и корпусов. Корпусные тылы распределяются равномерно для следования по всем дорогам корпуса.

Глубина каждой колонны при следовании корпуса тремя дорогами доходит до 50 км, считая от головы охраняющих войск *. Вблизи от противника, когда корпуса вынуждены будут перейти на движение по двум дорогам, построение двух дивизий остается без изменений; 3-я дивизия без добавочной артиллерии двигается особым эшелоном за корпусными тылами по обеим дорогам. Следовавшая с этой дивизией добавочная артиллерия переходит к одной из дивизионных колонн, двигается впереди дивизионных тылов вместе с другими артиллерийскими полками.

Глубина походного порядка при этом построении доходит до 65—70 км при том же фронте движения. Естественно, что при такой глубине войск, находящихся на одной дороге, не может быть и речи о том, чтобы все они двигались одновременно (днем или ночью). Разные эшелоны должны будут двигаться в различное время суток. Ближайшие к противнику части (головные дивизии со следующей с ними и за ними добавочной артиллерией) передвигаются преимущественно ночью. Дивизионные и корпусные тылы — в первой половине дня. Дивизии 2-го эшелона — или во вторую половину дня, или же ночью, одновременно с головными дивизиями. Таким образом, глубина походного порядка в 50—70 км не означает, что одновременно на путях движения будут находиться войсковые колонны указанной выше длины. Эти 50—70 км характеризуют только глубину эшелонирования всего корпуса. Колонны же, которые передвигаются одновременно, будут иметь гораздо меньшую глубину.

Эшелонирование корпуса на глубину 50—70 км надо считать нормальным, так как на эту глубину как раз и рассчитан войсковой тыл ($2^1/_2$ перехода). Несмотря на это, скрыть движение такой массы войск от воздушного наблюдения будет затруднительно. Во всяком случае организационными мероприятиями (движение в разное время суток, полное использование ночного времени) можно скрыть от воздушной разведки размеры этого движения. Тем не менее глубокие колонны войск, без сомнения, будут служить объектом действий бомбардировочной авиации противника (если она у него

---

* Глубина боевых частей колонны стрелковой дивизии с одним полком добавочной артиллерии доходит, считая от головы охраняющих частей, до 25 км. Глубина корпусного или 4-го артиллерийского полка дивизии — 3 км. Дивизионные тылы около 15 км. Всего глубина боевых частей и дивизионных тылов — около 38 км, все корпусные тылы имеют глубину 35 км. При распределении между тремя дивизиями на каждую дорогу следует считать еще 12 км. Итого до 50 км. Всюду дистанции между частями колонны включены в общий расчет.

имеется). Поэтому особое внимание должно быть обращено на противовоздушную оборону колонн, двигающихся днем, и районов расположения войск на отдых. Корпусных артиллерийских зенитных средств хватает для одновременного прикрытия района только в 10 км по фронту и 10 км в глубину.

Если оборону районов расположения войск на отдых (после ночного марша) возложить на войсковые зенитные пулеметы и полевые пушки на специальных установках, то зенитных артиллерийских средств оказалось бы достаточно только для прикрытия стыка дивизионного и корпусного звена подвоза (район наибольшего скопления обозов в дневное время). Движение дивизий 2-го эшелона и их тылов, а также движение армейских тылов должны прикрываться добавочными зенитными артиллерийскими средствами. Количество этих зенитных средств должно определяться каждый раз отдельно в зависимости от характера района действий, активности авиации противника. Обыкновенно потребуется для главнейших и открытых путей движения еще по одному зенитному артиллерийскому дивизиону.

Район конечновыгрузочных и распределительных станций должен прикрываться полуподвижной зенитной артиллерией. Истребительная авиация, даже при наличии до 4 эскадрилий на армию, ввиду длительности операции может получить задачи прикрытия только на определенные сроки времени на ограниченные районы, по которым будет проходить та или иная, не обеспеченная другими средствами, колонна или группа колонн.

В период непосредственного развертывания, что большею частью будет происходить днем, истребительная авиация должна будет всеми силами прикрыть этот маневр армии.

Форма построения колонн на марше будет самая разнообразная.

Армия, наступающая с примкнутыми к соседям обоими флангами, обыкновенно будет иметь головы колонн на одной линии. Это ей поможет быстрее связать противника по всему фронту и, пользуясь превосходством в силах, добиваться развязки главным образом силой фронтального натиска. Маневр возможен почти исключительно в пределах отдельных корпусов и дивизий, непосредственно при завязке и при ведении сражения. Для армии, наступающей на фланге, целесообразно будет построение колонн уступом назад (по 6—8 км на каждый корпус). Таким построением достигнется наилучшее прикрытие своего открытого фланга и последовательный охват фланга ввязавшихся на фронте частей противника.

Для более глубокого и решительного обхода фланга оперативного расположения противника обязательно наличие за

внешним флангом наступающей армии нескольких корпусов во 2-м эшелоне.

Величина суточного перехода для всей армии — около 15—20 км. Для отдельных колонн 25—30 км...

Приведенные нами данные о необходимой плотности фронта и порядке подхода к полю сражения крупных войсковых масс вполне обоснованы и исходят из особенностей современного вооружения и современных армий.

Армии, которые не пожелают понять этих простых истин, армии, которые не будут подготовлены к действию в таких массовых группировках, не могут рассчитывать на большие победы в будущей войне. Их удел — повторять печальный опыт старой русской армии. Жиденьким фронтом и растопыренными пальцами невозможно преодолевать сопротивление обороны, насыщенной пулеметами и эшелонированной на большую глубину. Наступательная операция, предпринятая недостаточно плотным фронтом, застопорится, захлебнется, как только перед наступающим появятся новые силы противника.

Завязка и ведение сражения

Окончательная группировка сил для вступления в сражение должна быть принята командующим еще задолго до соприкосновения авангардов колонн с противником. По существу, она должна быть предопределена еще за два перехода до противника. К этому времени командующий должен уже решить, на каком крыле (или центре) армии нужно вести корпуса более массированно, на более тесных интервалах, и с этого времени он должен соответствующим регулированием времени выступления корпусов придать соответствующую форму походному порядку армии; он должен решить: пойдут ли у него корпуса в линии колонн, с головами их на одной высоте, или походный порядок будет иметь уступный характер в сторону одного из флангов, или форму клина. Он с этого времени должен окончательно нацелить свои корпуса соответственно тому, желает ли он атаковать с фронта или охватить фланги противника. Позже он ничего существенного не будет в состоянии менять.

Совершенно очевидно, что указанные решения в сильной степени предопределяют порядок завязки и группировку сил армии в сражении, и поэтому во избежание предвзятых решений командующий должен озаботиться своевременной организацией разведки. Она должна быть выброшена настолько вперед, чтобы могла гарантировать доставку сведений о противнике за два перехода до него. Радиус действий современной авиации, конечно, обеспечивает своевременное

получение сведений о крупных скоплениях неприятельских сил. Но более точные данные о том, какими силами заняты противником те или иные местные пункты по пути наступления армии, сможет дать только наземная разведка. Для получения данных своевременно армейская кавалерия должна быть выброшена вперед на 3—4 перехода *...

Решение командующего армией на завязку сражения будет предусматривать окончательную группировку сил (направление главного и второстепенного ударов), количество дивизий, выдвигаемых в 1-й эшелон, группировку дивизий 2-го эшелона, распределение добавочной артиллерии по корпусам, решение в отношении района подвоза танковых батальонов (если это не было сделано до сих пор).

Необходимо обеспечить введение в дело сразу достаточного количества войск как пехотных, так и артиллерийских. В направлении главного удара потребуется одна дивизия на каждые 2—3 км фронта; для вспомогательных действий дивизии может быть дан участок до 8—10 км. Даже если фронт главной атаки будет равняться только 25 км, и то потребуется для этого 8 стрелковых дивизий. Для вспомогательных действий на фронте 20—25 км потребуется еще 2—3 дивизии, т. е. сразу должно быть введено в дело от 10 до 11 пехотных дивизий. Остальные 4—5 пехотных дивизий должны получить указания, в какие районы перейти, в чьем распоряжении остаться. Ударным корпусам обыкновенно надо оставить их 3-и — 4-е дивизии. От корпусов же, выполняющих вспомогательные задачи, 3-и дивизии будут отобраны и переведены в район главной атаки. На направлении главного удара нужно обеспечить введение в дело в первый же день боя минимум до 30 орудий на 1 км фронта, так что на этом направлении каждой дивизии 1-го эшелона обязательно должен быть придан один полк добавочной артиллерии. Дивизии, действующие на вспомогательном направлении, оставляются с одной своей артиллерией. Самое большое — некоторые из них получат усиление за счет корпусной артиллерии. Вся остальная добавочная артиллерия стягивается к району решительных действий. Дальнейшее вмешательство командующего армией в ход операции возможно при помощи остающихся у него добавочной артиллерии, танков, химических средств, дивизий 2-го эшелона и соответствующего направления усилий боевой авиации.

На 2-й и 3-й день сражения противник во многих направлениях перейдет к обороне, появятся фортификационные постройки. Во встречном сражении нельзя ожидать особенно

* Наш «Боевой устав конницы», ч. 3, 1927, предусматривает выдвижение армейской конницы вперед до 100 км.

прочных укреплений, но все же одно возведение простых пулеметных гнезд упрочит оборону настолько, что потребуется введение в дело новой артиллерии. Надо быть готовым довести без задержек на фронте ударных корпусов плотность артиллерийского огня последовательно до 45—60 орудий на 1 км фронта, подтянув танки при первых признаках стабилизации фронта в район боев и распределив их между соответствующими корпусами.

Применение танков связано с местностью, поэтому они должны быть направлены в район тех корпусов, которые действуют на благоприятной для работы танков местности. Корпуса, усиливаемые танками, передают часть следовавшей за ними добавочной артиллерии соседям, лишенным поддержки танков. Операция, как будет указано, будет длиться не менее 5—7—10 дней. Танки по своим свойствам могут работать непрерывно не более двух суток, после чего требуется отдых на два дня для просмотра механизмов. Поэтому если танки нужны не для одного прорыва, а для участия во всей операции, то распределение танковых батальонов и порядок подтягивания их к фронту должны обеспечить смену танковых батальонов 1-го эшелона через каждые двое суток.

Что касается артиллерии, то у командующего остается еще до 8—10 артиллерийских полков. При правильном ее распределении он всегда сумеет довести плотность артиллерийского огня в направлении главного удара до указанных выше размеров (45—60 орудий на 1 км фронта). На фронте отдельных корпусов (и тем более дивизий) можно создать еще большую плотность огня путем соответствующего распределения добавочной артиллерии.

Авиация еще к началу развертывания должна быть готова к полетам с новых аэродромов, удаленных не далее 25 км (войсковая авиация) и 30—35 км (армейская авиация) от линии фронта.

О характере разведки в период завязки боя уже говорилось выше. Интересы войск, завязавших бой, требуют более детальной и систематической разведки над полем сражения. Поэтому вся войсковая авиация от завязки сражения и до его конца будет работать над районом не более 15—25 км в глубину от боевого фронта. При наличии у противника моторизованных частей и стратегической конницы на данном участке обязательны систематические полеты войсковой авиации (специальных добавочных корпусных отрядов или приданных корпусам отдельных разведывательных отрядов из состава разведывательных эскадрилий) на глубину до 50—80 км (глубина одного перехода стратегической конницы и моторизованных частей).

В первые же дни после завязки сражения надо установить систематическое наблюдение за всеми путями, по кото-

рым возможно прибытие глубоких стратегических резервов: железные дороги с их узловыми и возможными конечновыгрузочными станциями, крупные шоссе, районы, где наличие резервов было установлено еще раньше агентурными или иными способами. Если внимание войсковых командиров будет приковано всецело к войскам противника, находящимся непосредственно на поле сражения, то армейское и фронтовое командование основное внимание должны направить в тыл противника, с тем чтобы своевременно обнаружить районы подвоза новых сил последнего. Эта разведка требует систематических полетов на *предельную* дальность стратегических разведчиков.

Истребительная авиация с завязкой боя центр своих усилий направляет на обеспечение развертывания ударной группировки, в особенности ее артиллерии. В периоды, когда будут производиться передвижения ударной группы, надо требовать безусловного господства в воздухе над соответствующими районами. В последующие дни работа истребительной авиации должна будет дифференцироваться. Авиация не в состоянии будет иметь постоянное господство в воздухе долгое время на широком фронте. Поэтому она получает задачи прикрывать те или иные пункты или войсковые соединения, вынужденные по ходу боевых действий совершать движение в крупных колоннах в дневное время (развертывание новой добавочной артиллерии; движение корпусов, выполняющих обходное движение; переброска и развертывание танков; отдельные пункты в тылу войск; аэродромы своей авиации и т. д.).

В первые дни операции основные усилия бомбардировочной авиации направляются против обнаруженных непосредственно на фронте войск и их ближайших тылов. Задача боевой авиации — подготовить и содействовать разгрому этого первого объекта действий ударной группировки наших войск. Поэтому объектами ее нападений будут служить сначала войсковые колонны противника, в особенности артиллерийских частей, в последующие дни — резервы и войсковые тылы. С того времени, как обнаружилось прибытие в район операции новых войск (крупные стратегические резервы на автомобилях, по железной дороге), боевая авиация переносит центр своих усилий уже на эти войска: на станции их высадки, районы сбора, на их колонны во время передвижения как по железной дороге, так и грунтовым путям.

Операция длится, как было указано, около 5—7—10 дней. Если атмосферные условия не мешают, то в течение всего этого периода *ежедневно* потребуется интенсивная работа авиации. Поэтому даже при достаточном обеспечении всеми видами авиации от личного ее состава потребуется бо-

лее напряженная работа, чем предусмотренная нормами летной нагрузки.

Операция не развивается равномерно по всему фронту. Успех достигается разновременно то на одном, то на другом участке. Линия фронта уже по одной этой причине получает ломаную форму. Кроме того, каждая войсковая часть в бою стремится выдвинуться настолько в сторону, чтобы возможно было охватить или обойти фланг противника. Все это неизбежно приводит в ходе боя к растяжке фронта и уменьшению его первоначальной плотности, к рассасыванию ударной группировки.

Две правофланговые германские армии при своем движении от Мааса к франко-бельгийской границе имели фронт только 60 км. Плотность этого фронта была чрезмерная — $2^1/_2$ км на пехотную дивизию. В ходе пограничного сражения фронт обеих этих армий доходил до 100 км с плотностью в 1-й армии 5—6 км, а во второй — $4^1/_2$ км на пехотную дивизию. Только после окончания сражения, когда фронт армий выравнялся, размеры его сократились до 70—80 км.

Командующий армией введением в дело дивизии 2-го эшелона и частичными перегруппировками в ходе самой операции должен сохранить достаточную насыщенность войск на том направлении, где он ищет решения операции.

Длительность и глубина операции

Успех в современной операции достигается медленно, только в результате огромных усилий, повторных атак. Операция (в особенности встречная) достигает своего кульминационного пункта развития только долгое время спустя после ее завязки. В самом деле, войска с обеих сторон эшелонированы на глубину, доходящую до 70—75 км; для одного введения в дело этих войск потребуется не менее двух — трех дней.

Для развертывания стрелковой дивизии, усиленной одним полком добавочной артиллерии и двигающейся по одной дороге, требуется, смотря по степени выучки войск, от 4 до 6 часов* времени. Даже в случае, когда дивизии удастся заблаговременно расчлениться на две колонны, развертывание будет длиться $2^1/_2$—3 часа.

Если завязка боя происходит после 10—12-километрового пути ($2^1/_2$—3 часа марша), то развертывание главных сил закончится только в конце первой половины дня. В течение

---

* Длина колонны с добавочной артиллерией 23—26 км. Скорость развертывания при высоком качестве войск равняется 5 км в час (1 км в 12 мин.). При слабо обученных войсках эта быстрота падает до 3 км в час (1 км в 20 мин.). Большое значение в этом деле имеет, помимо подготовки боевых частей, степень тренировки войсковых обозов.

второй половины дня не удастся добиться развязки даже в том случае, если оказавшийся перед данной дивизией противник уступает в силах. Только выход на открытый фланг противника с большой массой артиллерии может сулить быстрый успех, и то через 2—3 часа перед наступающим образуется новый фронт за счет выдвинутых из глубины войск 2-го и последующих эшелонов и перебрасываемых резервов.

Окончательная развязка может быть достигнута только тогда, когда исчерпаны все силы противника, введены в дело все его резервы. Во встречном столкновении это исчисляется временем, необходимым для введения в дело дивизий 2-го, а если есть, то и 3-го эшелонов. Если бой завязался с превосходными силами противника, двигающимися в такой же ударной группировке, как и наступающие, то для одного введения в дело дивизий 2-го эшелона потребуется до 2—3 * дней времени. Более глубокие резервы прибудут к полю сражения позднее. В общей сложности развязка при столкновении с превосходными силами противника при самых благоприятных условиях (достаточное превосходство в силах вообще и в средствах подавления в частности, бесперебойное введение их в дело, высокая выучка войск) не может быть достигнута ранее 4—5 дней. Если же войска подготовлены слабо и не отличаются особенной подвижностью и поворотливостью, то эти сроки могут увеличиться в $1\frac{1}{2}$—2 раза даже при наличии достаточного превосходства в силах. Само собой разумеется, что при всякой нехватке войск и особенно артиллерии сроки развязки *могут затянуться еще более*. При общем недостатке сил развязка может и не наступить: операция захлебнется...

Такая длительность операций свойственна не только встречным столкновениям, когда много времени уходит на развертывание колонн, но и операциям вообще, так как она обусловливается значительной глубиной современных фронтов.

Глубина оборонительного расположения такого соединения, как армия, доходит минимум до 20—35 км. В самом деле — глубина оборонительной полосы дивизии доходит до 4—6 км, корпусные резервы располагаются примерно в 8—10 км от линии фронта, а удаление армейских резервов от передовых частей доходит от 20 до 35 км. При наличии у обороны большого количества автотранспорта, приспособленного для массовых перевозок войск, часть армейских резервов может быть оттянута назад до 80—100 км. Мы оставляем в стороне более глубокие резервы, которые можно счи-

---

* Глубина колонны из двух дивизий по одной дороге — 60—70 км. Нормально потребуется 3 дня для выдвижения дивизии 2-го эшелона на линию головных частей. При форсировании людских сил это развертывание может быть закончено и в 2 дня.

тать стратегическими, а не оперативными (последние прибывают к полю сражения большей частью по железной дороге).

Добиться развязки в современной операции — означает преодолеть всю глубину тактического расположения противника и вслед за этим отбросить и те части, которые за это время будут подброшены в район завязавшихся боев походом, на автомобилях и по железным дорогам.

В общей сложности бои растянутся в глубину до 25—30 км *. Для преодоления одной глубины оперативного расположения войск, находящихся непосредственно на фронте, потребуется 5—6 суток времени: как показал опыт войны, во фронтальном наступлении суточное продвижение войск с боями в среднем не превышает 5—6 км **. Только особо благоприятные условия (малая сопротивляемость противника, выгодное оперативное положение, выход на фланг или тыл противника, его моральное разложение) могут дать более быстрый темп продвижения...

Уже одновременно с завязкой боя обороняющийся принимает целый ряд мероприятий для усиления атакованных войск. Сюда сначала потекут, как указано выше, ближайшие резервы. Если узел завязавшихся событий находится на направлении, важном с точки зрения ведения войны (и операций), то сюда потекут и более глубокие резервы и даже войска, снятые с других фронтов (или участков фронта).

Длительность операций находится в тесной зависимости от количества и темпа накопления у обороны новых сил. Если резервы начнут прибывать немедленно и в достаточном количестве, то операция может вступить в новую фазу и затянуться на очень длительный срок...

Имеются все предпосылки для увеличения в будущем длительности операций. Проводящееся уже теперь увеличение количества пулеметов во всех современных армиях и тенденция дальнейшей автоматизации пехотного оружия в значительной степени увеличивают сопротивляемость пехоты

---

* Для преодоления тактического расположения противника (8—10 км) потребуется двое суток, считая развертывания (при благоприятных условиях одни сутки). За это время в район боев прибудут резервы, удаленные от пункта прорыва на 25—40 км. При наличии автотранспорта подоспеют и резервы, расположенные за 100 км. Эти силы вместе с отошедшими образуют новый фронт глубиной опять в 6—8 км. Вместе с глубиной отхода 1-го эшелона (на дальность артиллерийского огня — 10—15 км) общая глубина «поля сражения» образует до 25—35 км.

** Это, конечно, не означает, что все войска делают в день только 5—6 км. Наоборот, большинство дивизий и даже корпусов вынуждены будут делать до 30—40 км, с тем чтобы достигнуть тех пунктов, откуда они непосредственно вступят в бой. Не забудем, что глубина района, занимаемого современной армией для движения, доходит до 60—70 км. Указанная цифра (5—6 км суточного продвижения) касается темпа развития операции в целом при фронтальном столкновении.

и делают оборону более устойчивой и длительной. Недостаток артиллерийских средств, на который мы не раз указывали, всегда будет вредно влиять на обеспечение артиллерийской атаки. Всякая нехватка в средствах подавления, всякое сокращение нормы обеспечения артиллерией атакующих войск будут сопряжены с удлинением срока, в который пехота сумеет преодолеть сопротивление обороны. В сильной степени в будущем осложнится процесс прорывания оборонительного расположения противника и по причине неудовлетворительного разрешения до сих пор вопроса об орудиях сопровождения пехоты во время атаки...

Все это в совокупности (усиление средств обороны, недостаток в средствах подавления, кризис в средствах сопровождения пехоты во время атаки, улучшившиеся условия ж.-д. маневра) обещает делать будущие операции более продолжительными и трудными. По своему характеру эти операции при современном количестве танков и при той материальной части (стрелковой артиллерии), которая имеется теперь в восточноевропейских армиях, будут более походить на медленно развивающиеся действия 1918 г., чем на полные напора и маневренности действия германцев в 1914 г. или действия Красной Армии в 1920 г. При нынешнем соотношении между средствами обороны и средствами подавления вообще и сопровождения пехоты в бою в частности количество безуспешных атак, захлебнувшихся наступлений, безрезультатных и сопряженных с большими потерями операций будет больше, чем даже в старой царской армии во время мировой войны. Только в результате увеличения средств подавления, введения в дело большого количества танков, проведения широкой моторизации войск темп развития операции может подняться до уровня 1914 г.

Ширина фронта наступления

При современной протяженности фронтов миллионных армий и устойчивости обороны нельзя добиться взлома этих фронтов прорывами на узком участке.

Удар на узком участке, хотя и проведенный на всю глубину оперативного фронта, задевает очень незначительную часть неприятельских сил. Остаются незадетыми как те силы, которые расположены на всем остальном огромном фронте, так и многочисленные резервы, находящиеся в ближайшем и глубоком тылу. Эти силы успевают не только образовать вокруг прорвавшихся войск наступающего новый фронт, но и организовать против них контрудар...

В настоящее время, когда роль железных дорог на войне сильно возросла, когда есть возможность в течение 3—5 дней

перебросить к слабому участку фронта до 10—15 дивизий с большим количеством артиллерии и специальных пулеметных частей, производство крупных прорывов в высшей степени осложнилось. Прорыв может рассчитывать на успех только в том случае, если он свяжет значительную часть неприятельских сил, занимающих данный фронт, и если направление удара выбрано таким образом, что выводит прорывающиеся войска в выгодное оперативное положение по отношению к остальному фронту неприятеля, если выводит ударную группировку наступающего на пути, откуда возможно развитие удара по флангу и тылу непосредственно не задетого наступлением неприятельского фронта.

Для того чтобы лишить противника возможности широкого маневра резервами, необходимо, чтобы первый удар задел не менее $1/2$, минимум $1/3$, неприятельских сил, занимающих данный фронт. Для этого фронт атаки должен быть настолько широким, чтобы образовавшийся в результате ее прорыв для своей ликвидации потребовал силы, равные еще одной трети или второй половине его войск. Естественно, что такой маневр, такая перегруппировка сил обороны потребует много времени, и потому его нельзя проделать без большого отскока всего фронта назад...

Одна ударная армия может решительно атаковать только на участке 25—30 км. Это по отношению к 400 км фронта — буквально булавочный укол. Такая операция может иметь только ограниченные, местные цели.

Для решительного успеха на фронтах указанной выше протяженности требуется атака на участке не менее 150—200 км, для чего нужно развернуть силы, исчисляемые только в 1-м эшелоне полсотней и более дивизий.

Удар на фронте в 150—200 км, если производится на театре, где развернуты главные силы противника, заденет сразу не менее 15—20 его пехотных дивизий (считая на главном театре не менее 40—45 дивизий).

При правильном выборе направления первого удара значительная часть этих сил будет расстроена. Чтобы организовать сколько-нибудь значительный контрудар против нескольких ударных армий наступающего, не имеющих перед собой серьезного сопротивления, нужно перебросить в район операции не менее чем еще 15—20 пехотных дивизий, не считая многочисленного пополнения, которое потребуется для приведения в порядок первых 20 пехотных дивизий. Такая крупная перегруппировка для армии, располагающей всего 60—65 пехотными дивизиями, в высшей степени затруднительна: она не может быть произведена за счет свободных резервов. Эти новые 15—20 пехотных дивизий должны быть сняты с других участков фронта.

Формы удара

При современной протяженности фронтов, когда фланги воюющих армий обеспечиваются союзниками или упираются в нейтральные государства и в моря, первоначальные, исходные операции всегда будут связаны с фронтальными ударами...

И в будущем придется считаться с неизбежностью фронтальных ударов. Протяженность фронтов огромная; они будут перегорожены войсками от моря и до моря. Без фронтальных ударов здесь не выйти ни на фланг, ни, тем более, в тыл противника.

Прорыв в чистом своем виде при современной устойчивости и цепкости обороны, большого оперативного урожая обещать не может. Прорыв, даже в том случае, когда он производится при огромном превосходстве в силах и ударной группировке, которая, как тяжелый молот, разбивает все, что ему противостоит, не может рассчитывать на серьезный разгром противника, на уничтожение большого количества его сил. Обороняющийся при современных условиях имеет возможность легко выводить основную массу своих войск из-под такого удара, и потому результаты фронтального наступления не могут быть великими; экстраординарной победы в такой операции не одержать.

Между тем ряд последовательных операций, рассчитанных на большую глубину, требует, чтобы в первой же (исходной) операции противостоящим войскам было нанесено такое поражение, которое развязало бы руки наступающему по отношению к остальному фронту противника. Отсюда большое значение комбинаций ударов, направленных на выбранную нами как объект действий группу войск противника с разных сторон, по скрещивающимся направлениям, с тем чтобы захватить эту часть неприятельских войск в клещи, окружить, пленить, уничтожить. Такая комбинация ударов возможна не только при ломаной конфигурации фронта, но и при прямолинейном фронте...

При той глубине оперативного расположения, которую имеют современные армии, обход и охват фронта должны быть нацелены достаточно глубоко, чтобы не привести к простому загибанию фланга обороны. Глубина оперативного расположения при обороне доходит минимум до 20—35 км. Обход, задуманный в крупном масштабе, должен захлестнуть не только непосредственно тактическую оборонительную полосу противника, но весь фронт с его армейскими резервами, с тем чтобы связать все силы врага, расположенные на данном фронте. Для этого глубина замаха обходящего фланга должна доходить до 35—50 км. Обходы

такого масштаба требуют, чтобы для их выполнения назначались силы в несколько корпусов (4—5) с достаточной конницей и моторизованными войсками.

Но и при таком глубоком обходе войска не могут избежать ведения, при столкновении с противником, чисто фронтальных боев. Поэтому ударная сила обходящих войск должна быть достаточна. Состав артиллерии, танков должен быть рассчитан на быстрое преодоление сопротивления перестроившегося фронта противника. Во всяком случае корпуса должны располагать артиллерийскими средствами, которые позволили бы опрокинуть любое сопротивление противника при встречном столкновении с его резервами, т. е. быть в состоянии развернуть не менее 30 орудий на 1 км фронта, при наличии еще двух—четырех батальонов танков на каждый обходящий корпус.

Наступление на широком фронте

В крупной фронтовой операции одновременно с ударными армиями, наступающими в плотной группировке с большим количеством средств подавления, целый ряд других армий должен выполнять вспомогательные задачи, и в силу ограниченности средств вынужден будет наступать при менее плотном фронте и с меньшими нормами артиллерийского обеспечения. Надо считать, что нормально армии, действующие на вспомогательных направлениях, не будут иметь добавочных средств подавления (ни артиллерии, ни танков) и потому должны будут ограничиться своими штатными средствами. Ко всему этому эти армии, несмотря на их ограниченные средства, получат задачу наступать на более широких участках, чем ударные армии.

Но было бы ошибкой из-за этих причин превратить наступательные действия этих армий в простую «демонстрацию», без шансов на успех. Надо помнить, что ударные армии могут рассчитывать на большой «оперативный урожай» только в том случае, если противник на всем остальном фронте серьезно связан, если напор по всему фронту настолько велик, что противник будет не в состоянии не только снимать резервы с второстепенных направлений, но и безнаказанно уходить, ускользать из-под удара. Поэтому организация наступления и на вспомогательных направлениях должна быть произведена таким образом, чтобы в тех случаях, когда это требуется обстановкой, она могла иметь положительные результаты, а для этого необходимо, чтобы и это наступление предпринималось такими силами и в такой группировке, чтобы при известных обстоятельствах успех был вероятным.

Естественно, что наступление на вспомогательных направлениях не может быть обеспечено такой группировкой сил и такими средствами подавления, как наступление на главных направлениях. Поэтому армии, выполняющие эти вспомогательные задачи, в большинстве случаев не могут рассчитывать на самостоятельный первоначальный успех, в особенности если противник успел образовать сплошной и достаточно плотный и укрепленный фронт. В этом случае успех действий этих армий будет находиться в зависимости от успеха на главных направлениях; но с того времени, как боевые действия примут по всему фронту подвижной характер, и армии, действующие на вспомогательных направлениях, могут и должны добиваться самостоятельного успеха. При слабом противнике, растянутом и неукрепленном фронте вспомогательные армии могут рассчитывать на самостоятельный успех с самого начала операции.

Как в том, так и в другом случае вспомогательной армии надо предоставить столько сил, чтобы она могла создать на отдельных участках своего фронта наступательные группировки.

В ударных армиях для главной атаки требуется на каждые 2 км фронта одна стрелковая дивизия и на каждый километр до 60 орудий, но в армиях, выполняющих вспомогательные задачи, эти нормы могут быть значительно снижены. В этих вспомогательных армиях стрелковым дивизиям могут быть предоставлены участки, соответствующие их максимальным пехотным возможностям (до 3—4 км), а количество средств подавления может быть снижено до норм, необходимых для наступления против слабо укрепившегося и не имеющего искусственных препятствий противника, т. е. до 21—24 и максимум 30 орудий на 1 км главной атаки.

Для главной атаки может быть выбран, смотря по условиям обстановки, один или несколько участков. При определении ширины этих участков можно ограничиться требованием, чтобы войска не могли быть захвачены под перекрестный огонь из станковых пулеметов (на направлениях главного удара такие условия ставятся в отношении артиллерийского огня). Для этого ширина участков атаки не должна быть меньше 5—6 км.

Такая атака является посильной для стрелкового корпуса. Даже при условии, что корпус для главной атаки будет в состоянии выделить только 2 дивизии, и тогда для ее поддержки может быть сосредоточено до 120 орудий, что дает до 20—24 орудий на 1 км фронта. За счет третьей дивизии корпуса может быть произведено еще некоторое усиление этой артиллерии и образованы полки 2-го эшелона. Общий фронт наступления для корпуса может быть доведен до 12 км, из них 5—6 км — участок главной атаки и 6—7 км —

сковывающая группа (1—2 стрелковых полка с 1—2 артиллерийскими дивизионами, не считая полковой артиллерии).

Армия в составе 3—4 стрелковых корпусов, наступая на фронте 60—80 км, может образовать одну—две ударные группы, действующие рядом друг с другом или через известный промежуток пассивного участка. Нормально корпусам будут предоставляться участки шириной в 20—25 км, а корпусам, выполняющим ударные задачи, — до 10—12 км.

Для движения такой армии может быть предоставлена полоса до 100 км шириной. В этих условиях обыкновенно только дивизии главной атаки могут оказаться каждая на одной дороге; остальные дивизии могут следовать по двум, а некоторые и по трем дорогам. Конечно, при густой сети грунтовых путей и дивизии главного удара могут иметь две дороги. Но и в этом случае командарму полезно оставить 1—2 дивизии во 2-м эшелоне из состава корпусов на второстепенных направлениях.

Оборонительные операции

Ограниченные силы, которыми располагают современные армии, вынуждают очень широко прибегать к оборонительному способу действий на протяжении всей войны. Мы выше указывали, что для крупной наступательной операции требуются силы, исчисляемые только в 1-м эшелоне полсотней и больше дивизий, и что такая операция может захватить фронт не более 120—150 км. При общем протяжении фронта в 1000 км и больше и при наличии в составе современных армий не более 60—80 пехотных дивизий — неизбежен на остальном огромном протяжении фронта частичный переход к оборонительным действиям.

В современном пехотном вооружении оборона получила очень могучие средства. Устойчивость фронта, насыщенного автоматическим оружием, в сильной степени возросла. Поэтому в настоящее время, рассуждая абстрактно, при обороне легче достигнуть устойчивого фронта, чем раньше. Но беда обороны заключается в том, что она всегда ограничена в средствах, что она ведется заведомо малыми силами и потому не всегда может дать ту плотность фронта, которая обеспечила бы достаточную сопротивляемость боевых порядков.

При имеющихся огневых средствах дивизии достаточно устойчивое положение получается при занятии дивизией участка от 4 до 8 км (оборона на «нормальных участках»). При увеличении ширины участка до 12 км устойчивость обороны уже сокращается вдвое, а на 20-километровом участке получается довольно жиденькое расположение, которое прорывается сравнительно легко.

Оборона в крупном масштабе будет иметь участки совершенно различной плотности: начиная от нормальных дивизионных участков на важнейших направлениях и до расположения на растянутом фронте на второстепенных. При тех ограниченных силах, которыми располагают современные армии, оборона будет преимущественно растянута. Только в те периоды, когда та или иная сторона вынуждена будет перейти к длительному выжиданию (скажем, для накопления новых сил и средств), плотность фронта может увеличиться путем более равномерного распределения сил между его различными направлениями.

Тем не менее огромное количество автоматического оружия в пехоте дает большие предпосылки для длительной и упорной обороны даже при растянутом расположении.

Дивизия, занимая участок в 20 км, может выдвинуть в сковывающую группу до 6 батальонов, по 2 батальона от каждого полка. Допустив интервалы между полками в $1\frac{1}{2}$—2 км и между батальонами в 1 км, все же для каждого батальона получим участок не более 2 км шириною. На таком участке батальон может дать совершенно достаточную плотность огня. Остается вопрос об обороне промежутков. При размерах в 1—2 км эти промежутки можно оборонять действительным фланговым огнем пулеметов и косоприцельным артиллерии. Для большей надежности промежутки должны быть прикрыты искусственным препятствием.

Вообще труды, потраченные на инженерное оборудование местности, при современном оружии окупаются лучше, дают больше тактического эффекта, чем при старой организации войск. Построить позицию на современную роту с ее 6 ручными пулеметами, 9 стрелковыми отделениями и 2 станковыми пулеметами — не труднее, чем на старую роту, имевшую 4 взвода по 45—50 человек. Между тем огневые средства, которые будут защищать новую позицию, в два раза сильнее, чем средства, защищавшие старую позицию. В пределах батальона разница в силе огня получается уже тройная.

Выгоды нынешней обороны увеличиваются и благодаря особенностям современных боевых порядков, которые больше разбросаны, лучше применяются к местности и требуют для своего подавления отдельной пристрелки по каждому пулемету, по каждому отделению.

Мимо действующего станкового пулемета нельзя пройти, не подавив или не нейтрализовав его. Пулемет же, хорошо укрытый, хорошо окопанный, требует для своего подавления до 75 снарядов 76-мм и от 40 до 100 гаубичных бомб * на дистанциях от $2\frac{1}{2}$ до 4 км. Для нейтрализации же хорошо окопанного пулемета одними средствами наступающей пехоты

* «Боевой устав артиллерии», 1927, стр. 72.

почти всегда потребуется двойное, тройное превосходство, с тем чтобы взять под огонь этот пулемет с разных направлений. В этом огне пулеметов сила обороны. Поэтому главнейшая задача командования в обороне — не только правильно и целесообразно выбрать район для обороны, не только правильно и целесообразно распределить войска, но и обеспечить им возможность быстро окопаться, быстро оплестись искусственными препятствиями, в короткий срок построить такие укрытия для пулеметов, которые не поддавались бы разрушению легких калибров артиллерии (особенно пушечных) и для подавления которых требовалась бы тяжелая гаубичная артиллерия. Поскольку плотность огня перед передним краем позиции и при растянутом расположении получается достаточная, устойчивость обороны находится всецело в зависимости от темпа и размаха работ по инженерному оборудованию местности.

Для солидных работ нельзя строить расчеты исключительно на «местные средства» или на возимые в парках запасы. Крупная оборонительная операция требует подвоза десятков поездов материалов из более глубоких складов. Не только железо, проволока, готовые бетонные плиты, быстро твердеющий цемент, щебень, но часто и лесные материалы, рабочая сила должны будут подвозиться с тыла. Вместо поездов с артиллерийскими снарядами, которые обыкновенно направляются в районы ударных армий, в оборонительный район направятся поезда с инженерным имуществом и строительными материалами. Ошибочно думать, что железные дороги на оборонительных участках будут бездействовать.

В инженерной подготовке позиции в современных условиях особенное значение получают противотанковые заграждения. Земляные рвы требуют много времени и сопряжены с большими земляными работами. По одному этому они не могут считаться основным средством против танков. Имеющиеся в районе обороны естественные недоступные для танков препятствия (глубокие и широкие канавы, такие же реки и т. д.) в современной обороне уже благодаря одному этому имеют большее значение, чем в прежних условиях. Из современных средств, могущих получить массовое применение, надо отметить противотанковую мину. Все участки позиции, опасные с точки зрения танкового нападения, должны быть непременно оборудованы противотанковыми минными полями.

Если в тактическом расположении при недостатке сил надо всемерно сокращать вторые эшелоны и давать устойчивую систему огня, выдвигая в сковывающую группу максимальные силы, то в масштабе армии невозможно обороняться без крупных резервов.

Оборонительную полосу, как бы она ни была укреплена, противник, если решил ее взять, всегда преодолеет: весь во-

прос сводится ко времени. Командующий армией в дальнейшем может вести операцию, опираясь главным образом на свои резервы.

Армейские резервы должны быть расположены примерно на расстоянии одного перехода (25—35 км) от угрожаемых участков фронта. Это позволит им своевременно поддержать войска боевой линии. При наличии автомобильного парка, приспособленного для массовых перевозок войск, расположение резервов может быть оттянуто назад на глубину автомобильного перехода (80—100 км), и они могут обслуживать более широкий фронт. Огромное значение имеет подготовка всех дорог для быстрой рокировки резервов.

С того времени, как оборонительная полоса прорвана противником, нужно оторвать войска от него и собрать их в новом районе для нового сопротивления. Обыкновенно трудно сразу определить результаты поражения на фронте и в соответствии с этим и масштаб тех мероприятий, которые потребуются для восстановления положения. Очень часто, особенно в тех случаях, когда наступление противника предпринято не особенно большими силами, для образования нового устойчивого фронта вокруг прорвавшихся войск наступающего достаточно будет ближайших резервов.

Решающее значение имеет т е м п сосредоточения в районе прорыва направляемых туда резервов. Величина отскока определяется именно сроком, необходимым для сосредоточения предназначенных для ликвидации прорыва частей. Мы указывали, что в будущих операциях, при возросшей численности автомобильного и ж.-д. транспорта, сроки сосредоточения новых сил значительно сократились. В продолжение 3—4 дней могут быть стянуты резервы из районов, отстоящих от пункта прорыва не менее чем на 50—100 км. Ввиду этого первый отскок может быть не глубже 30—40 км, т. е. на полпути между краем оборонительной полосы и районом расположения глубоких резервов. При условии, что кое-какие дивизии на прорванном участке будут заменены новыми или поддержаны пулеметными частями, переброшенными на автомобилях, противнику не удастся пройти с боями более 8—10 км в сутки. Основная масса прибывающих резервов подводится к флангам прорвавшихся частей противника, с тем чтобы организовать контрудар против них; в крайнем случае заставить противника свернуть или раздробить его основную группировку против новых объектов действий.

Если размеры прорыва велики и местными резервами дело нельзя поправить, то остается принять крупное решение о рокировке сил. Мы указывали, что условия рокировки на нынешнем Восточноевропейском театре военных действий, в особенности на его польском участке, несравненно выше, чем в 1914—1917 гг. и 1920 г., что они позволяют в продолжение

двух недель перенести центр усилий такой армии, как польская, с одного направления на другое.

Огромное значение в этом деле имеет степень организационной подготовки железных дорог, искусство управления на этих дорогах, методы работы органов военных сообщений, быстрота составления необходимых расчетов и планов для массовых перевозок. Решающее же значение имеет темп работы самих железных дорог. Во всяком случае, в лице современной ж.-д. сети имеется могучее средство для маневра.

С момента принятия крупного решения о рокировке сил вся оборонительная операция принимает новое планирование. Сроки, необходимые для выполнения намеченной рокировки, определяют характер действий и темп отступления отходящих с фронта войск. Этими же данными определяются районы и направления отхода. С этого времени подготовка новой операции ведется как чисто наступательная операция, для которой силы собираются частью посредством железных дорог с других участков фронта, частью за счет отходящих и пополненных новым укомплектованием дивизий. Будет ошибкой гоняться за быстрым сроком перехода в контрнаступление, не дожидаясь полного сосредоточения войск, достаточного обеспечения их средствами подавления (артиллерия, танки). Контрнаступление, предпринимаемое недостаточными силами, может привести только к разгрому этих сил и играть на руку противнику.

С другой стороны, обороняющийся не всегда может располагать достаточным пространством для отхода. Отсюда огромное значение темпа мероприятий по рокировке. Для того чтобы противник ударами с воздуха не смог сорвать или затянуть сосредоточение резервов, оборона должна с самого начала перестроить всю свою противовоздушную оборону: перегруппировать зенитные средства, обеспечив ими ж.-д. узлы и станции на тех направлениях, куда направляются потоки войск, выбросить в район сбора и развертывания этих войск основную массу своей боевой авиации. Активные действия в воздухе со стороны обороны начнутся раньше, чем сухопутные войска будут готовы к контрнаступлению.

Издержки современной операции

Развитие автоматического оружия, скорострельности, дальнобойности артиллерии, появление новых средств борьбы (химия, авиация) увеличили в сильной степени длительность боев, придав им характер тягучей, изматывающей силы и нервы войск. Ведение современной операции связано с большими издержками как людского запаса, так и разного рода боевого имущества, снаряжения и в особенности огнеприпасов...

В будущем надо ожидать дальнейшего роста потерь. Маневренный период мировой войны в этом отношении нельзя считать характерным для будущих операций. Наоборот, характер будущих боев по насыщенности автоматическим оружием, по соотношению между средствами наступления и средствами обороны, по масштабу использования авиации и химических средств более будет походить на те бои, из которых слагались операции в 1918 г. на Западном фронте. Есть целый ряд данных, которые утяжеляют условия наступления даже по сравнению с позиционным периодом мировой войны: это, во-первых, новые достижения авиации в меткости бомбометания и стрельбы из пулеметов и, во-вторых, более широкое применение химических средств борьбы — в частности, совершенно новые формы применения этих средств в виде свободного распыления ОВ, позволяющего заражать большие пространства местности в сравнительно короткий срок, обливания из самолетов, дающего возможность поразить ОВ целые войсковые колонны в несколько минут.

Условия ведения боя и операций стали несравненно труднее и сложнее. Возросли рамки полей сражений до пределов, равных радиусу действий современных самолетов, увеличилась сопротивляемость пехоты, увеличилась меткость стрельбы и бомбометания у авиации, прибавились новые препятствия на путях наступающего (полосы зараженной местности). Все это имеет тенденцию к дальнейшему и количественному и качественному росту. При всем том развитие средств подавления явно отстает от темпа развития средств обороны. Если к тому же еще учитывать, что средства химической защиты и качественно и количественно отстают от развития средств нападения, то ошибочно было бы считать опыт 1914 г. и даже 1918 г. показательным для будущих операций. Те же результаты, те же цели в будущем обойдутся дороже, будут достигаться с потерей большей энергии, больших средств, большего количества людей.

Операции на главном театре, где плотность фронтов и в отношении стрелковом, и в отношении авиационном ожидается достаточно высокая, будут сопряжены, без сомнения, с потерями, значительно превышающими таковые в период мировой войны. Надо считать, что операция длительностью в 5—6 дней будет сопряжена с потерями в людском составе, смотря по характеру столкновения (встречное столкновение, наступление на заблаговременно укрепившегося противника), от 12 до 20% для дивизий 1-го эшелона. Чем процент обеспечения атаки средствами подавления (артиллерия, танки) будет ниже, тем процент потерь будет больше расти.

Потери в 20% и даже 30% во время мировой войны, в особенности в первый ее период, еще не выводили части из строя: приводили только к простому сокращению «штыков» в ротах.

Вместо положенных по штату 200—250 человек в ротах оставалось до 130—150 человек, и мы знаем, что с таким и даже более низким составом рот воевали, не нарушая организации войск.

Нынешний состав роты во всех армиях не превышает 150—180 человек. Этим составом рота обслуживает от 9 до 12 ручных и 2 станковых пулемета. Выход из строя в роте 50—60 человек приводит к неизбежному сокращению количества автоматического оружия, а поскольку оно составляет основу организации пехоты, то и к значительной ломке организации войск, а отсюда и тактики действий. Нынешняя организация войск более тяжеловесна и вместе с тем более хрупка, чем организация 1914—1916 гг. Тот процент потерь, который тогда переносился довольно безболезненно, теперь может расстроить организацию войск и вывести их из строя. В то время как многие части русской армии, не имевшей ручного автоматического оружия и располагавшей ограниченным количеством станковых пулеметов, переносили совершенно легко 20—25% потерь, в то же время 20% потерь, которые понесла германская пехота в наступлении 1918 г., привели большинство дивизий в полное расстройство *.

Поэтому вопрос пополнения убыли людского состава в будущих операциях будет стоять острее, чем раньше.

В будущем явится нормальным и необходимым, чтобы каждая дивизия еще в начале операции располагала непосредственно при себе запасом пополнения в 15—20% штатной численности, т. е. имела при себе запасный полк с обученным составом запасных. Только при наличии запасных войск непосредственно в войсковом тылу (дивизионном или корпусном) возможно пополнить потери в дивизиях 1-го эшелона в такие сроки, которые обеспечили бы использование этих дивизий в дальнейших операциях.

В сильной степени возросли и потребности войск в предметах материального снабжения.

Суточная потребность в продфураже одного стрелкового корпуса составляет груз в 280 т, для поднятия которого требуется 22 крытых вагона. При усилении корпуса одной дивизией добавочной артиллерии количество вагонов увеличивается до 30. Потребность в ж.-д. транспорте одной ударной армии в составе 5 стрелковых корпусов, усиленной 4—5 артиллерийскими дивизиями (16—20 артиллерийских полков) и

* В этом вопросе большое значение имел темп, с которым люди выбывали из строя. Один и тот же размер потерь то может привести войсковую часть в полное расстройство, если они понесены в течение короткой, но жестокой схватки, то может быть перенесен почти незаметно, если люди выбывали из строя в течение долгого времени.

16—20 танковыми батальонами, выразится: в 4 поездах для подвоза продфуража *, 18 поездах для поднятия одного боевого комплекта огнеприпасов ** и минимум одном поезде на горючее для танков, авиации и автомобильного транспорта. Таким образом, потребность армии в ж.-д. транспорте в день интенсивного боя выразится в 23 поездах, не считая потребности в санитарных поездах, в подвозе инженерного имущества, имущества связи, потребностей войск военных сообщений, работающих по восстановлению железных дорог, наконец, потребностей самой железной дороги. Санитарная эвакуация во фронтовом районе может базироваться в основном на временных санитарных поездах (возвращающемся порожняке), но на остальные потребности придется прибавить еще от 3 до 5 поездов, т. е. в общей сложности на армию потребуется 25—28 поездов в сутки.

Конечно, не весь этот груз необходимо регулярно подавать каждый день на фронт. Только одно продовольствие и фураж будут подаваться в одном и том же количестве каждый день. Потребность в огнеприпасах, горючем, санитарных поездах, материалах по восстановлению железных дорог будет меняться в зависимости от характера боевых действий.

Мы выше указывали, что операция, рассчитанная на 30—50 км в глубину, требует для своего проведения от 5 до 7 дней времени. Количество снарядов, требуемых на единицу оружия в первый день операции, немногим больше одного боевого комплекта. По характеру боев 2-й день операции немногим будет отличаться от 1-го, и поэтому грубо можно считать и потребность 2-го дня равной одному комплекту. В течение двух дней усилия 1-го эшелона войск противника и ближайших резервов будут преодолены, и с 3-го дня бои примут более подвижный характер. Количество войск, ведущих одновременно бой, резко понизится; появится более глубокое и эшелонированное расположение.

Поэтому в последующие дни расход огнеприпасов, если брать в масштабе корпуса, понизится сначала до $1/2$, а потом и $1/3$ комплекта. В круглых цифрах надо считать, что операция, рассчитанная на 30—50 км (5—7 дней боев), потребует на каждый корпус не менее 4 комплектов огнеприпасов.

Если норма обеспечения атаки артиллерией невелика (уступает нормальной), то количество огнеприпасов на единицу оружия увеличится. Это, естественно, повлечет за собой и больший процент выбывших из строя орудий.

---

* Из них три поезда для стрелковых корпусов и добавочной артиллерии и один поезд для армейских частей и учреждений.

** Считая состав поезда с огнеприпасами в 30 вагонов.

Операция, рассчитанная только на 30—50 км, может базироваться почти исключительно на транспорт самих войск. Только отдельные корпуса, преимущественно фланговые, будут иметь более длинную коммуникацию и потребуют армейского звена подвоза. Но в таком ограниченном количестве эта потребность может быть покрыта автомобильными средствами, даже в бедных автотранспортом армиях.

Другое дело, когда вопрос станет о питании последующих операций, когда войска оторвутся от железных дорог, когда пропускная способность вновь восстанавливаемых участков железных дорог будет ограничена, когда потребуется иметь армейское звено подвоза за всеми корпусами. В этом случае организация подвоза будет сложнее, но к рассмотрению ее мы вернемся в следующей главе.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Исходные положения

Самая крупная операция, которая под силу современным армиям, может быть предпринята лишь силами около полсотни дивизий. Этих сил достаточно для решительной атаки на фронте только 120—150 км. Даже на одном советско-польском участке фронта эти 120—150 км составляют только $^1/_6$ часть, $^5/_6$ всего остального советско-польского фронта со всеми расположенными там войсками остаются не задетыми этим ударом. Первоначальный удар, если даже он произведен на фронте, где расположены главные силы противника, может задеть не более 12—15 пехотных дивизий. В ходе первой операции могут прибыть в район боев еще 3—5 дивизий. Таким образом, при самых благоприятных условиях одна операция заденет только от 15 до 20 пехотных дивизий противника. В большинстве же случаев этих задетых сил противника будет гораздо меньше, и потому размеры его поражения в первой операции, а значит, и размеры влияния ее на ход войны будут совершенно ограничены.

Если поставленная перед армией задача имеет не местное значение, а преследует решительную цель, если имеется в виду предпринимаемыми в данный момент боевыми действиями достигнуть таких результатов, такого разгрома противника, который мог бы решительно отразиться на дальнейшем ходе войны, то должно быть предусмотрено значительное проникновение в глубину расположения противника, немедленное нанесение вслед за первым ударом второго, третьего и последующих, с тем чтобы довести противника до полного поражения. В идеале надо было бы так спланировать действия своих вооруженных сил, чтобы они рядом сокрушительных

ударов, доведенных до конца, привели к полному поражению врага, к полной его капитуляции.

К сожалению, возможности современных армий наносить ряд глубоких ударов ограничены. Мы уже выше приводили цифры, характеризующие издержки, связанные с проведением одной операции. Издержки эти велики как в отношении людского состава, так и в отношении материальных средств, главным образом огнеприпасов, требуемых для питания длительных боевых действий. Для миллионных армий не только артиллерийское имущество, но и продовольствие и фураж должны подвозиться из тыла, а регулярный подвоз находится всецело в зависимости от состояния железных дорог, от темпа их восстановления, от их пропускной способности на вновь восстанавливаемых участках, от количества автотранспорта, находящегося в распоряжении армии *, от состояния грунтовых путей, остающихся после отхода противника.

Бóльшую часть имущества, в котором нуждается ведущая активные действия армия, составляют огнеприпасы. Они включают в себя 75% всего подвозимого имущества в день интенсивного боя. Поскольку не все дни операции являются днями интенсивного боя, даже более того, в период длительной операции будут дни, когда боевые действия займут совершенно небольшое место и войска будут иметь возможность двигаться, имея только соприкосновение с противником или даже потеряв и это соприкосновение, — то количество подлежащих подвозу огнеприпасов вообще в день операции будет меньше нормы, установленной для дня интенсивного боя. Это количество находится в зависимости от характера боев, их частоты, их интенсивности, в зависимости от того, как быстро будут протекать мероприятия противника по восстановлению нарушенного равновесия на фронте, от того как быстро в район операции будут подаваться противником пополнения, новые части из тыла, новые дивизии с других участков фронта. Главным образом от темпа поступления этих сил будет зависеть темп восстановления обороняющимся устойчивости на фронте, а отсюда и решение вопроса — будет ли противник откатываться глубоко назад без серьезных боев или он попытается приостановить продвижение наступающего, перевернуть ход событий без большого отскока назад. Таким образом, размеры требуемого подвоза огнеприпасов в день операции находятся в тесной зависимости от условий рокировки крупных сил на современных театрах военных действий...

---

* Выше уже указывалось, что базирование ударной армии на конный транспорт почти исключается. Армейское звено подвоза для нее должно быть построено преимущественно на автомобильном транспорте.

Темп продвижения наступающих армий

...Конечно, трудно, просто невозможно, строить какие-нибудь конкретные расчеты насчет темпа продвижения на том или ином фронте в будущей войне: для этого надо было бы располагать такими конкретными данными об обстановке будущих операций, которых теперь нельзя иметь. Но, без сомнения, есть целый ряд данных, которые определяют общий характер развития последовательных операций в будущем.

Улучшившиеся по сравнению с 1920 г. условия ж.-д. транспорта, более многочисленные армии, облегченные условия тактической обороны (превосходство оборонительных средств над наступательными) делают возможным для будущего более быстрый темп нарастания сил обороны в районе операции. Это означает, что обороняющийся в состоянии будет чаще пытаться остановить продвижение наступающего, что промежутки между отдельными операциями могут быть короче и что встреча с окончательно перегруппировавшимся противником может настать раньше, чем это имело место в 1914 г. во Франции и в 1920 г. в Польше...

В силу указанных причин общий темп развития наступления до столкновения с главными силами противника будет медленнее, чем раньше. Только особо благоприятные условия для наступающего, а именно наличие превосходных сил, позволяющих наступать одновременно на разных участках фронта, с тем чтобы связать все силы противника и затруднить условия быстрой рокировки, общее моральное разложение у обороны, понижающее устойчивость войск, или какие-нибудь крупные ошибки со стороны обороняющегося, могут создать для наступающего условия, близкие к операциям 1914 г. и 1920 г.

Будет правильно, если мы для своих расчетов по будущим наступательным операциям примем более медленный темп продвижения войск, чем в наступлениях 1914 г. и 1920 г. Надо считать, что до тех пор пока у противника имеются резервы или возможности переброски сил с других участков фронта, т. е. до тех пор пока не разгромлены его главные силы, от $1/3$ до $1/2$ всех дней операций будут дни с боями. При этих условиях среднее суточное продвижение не может превышать 8—10 км в сутки.

Между тем для достижения решительных успехов *такой подвижности совершенно недостаточно.* Для того чтобы достигнуть окружения противника, для того чтобы не дать ему ускользнуть из-под удара, необходимо, чтобы темп наступления не только не уступал, *но превышал* возможный темп отхода противника. В противном случае всякая операция (вернее, ряд последовательных операций), рассчитанная на охват, обход или окружение противника, очень

быстро приведет к фронтальному удару. Нормально наступающий должен сохранить возможность наступления своими главными силами со средней скоростью, равной средней скорости движения крупных войсковых масс, т. е. менее 20—25 км в сутки; при этом отдельные части армии (конница и моторизованные части) должны делать до 35—50 км, с тем чтобы сохранить охватывающее или угрожающее глубокому тылу противника положение, обеспечить возможность выхода на его тылы и воспрепятствования его планомерному отходу. Разрешение этой задачи находится в зависимости от разрешения проблемы скороходных танков с большим радиусом действия (качество и количество) и создания достаточно многочисленных моторизованных частей. К этим мероприятиям надо присоединить и моторизацию стратегической конницы.

При современном положении вещей быстрый темп наступления возможен после столкновения с окончательно перегруппировавшимся противником, после разгрома его главных сил. Успех в такой операции открывает широкие перспективы более быстрого темпа дальнейшего продвижения, он создает условия для развития подлинного преследования с максимальными, допускаемыми физическим состоянием войск, быстротой и темпом. В этот период надо ожидать суточного продвижения до 20—25 и 30 км.

Потребности ударных армий в период длительных операций

Более насыщенные боевыми схватками операции, более упорная, чем в 1914 г. и 1920 г., оборона сопряжены и с большими издержками в людском составе и материальном снабжении. Всякая урезка потребностей ведущих бой войск в этом отношении неизбежно влечет за собой быстрое истощение их и захлебывание боевых действий. Боевые действия требуют людского пополнения, огнеприпасов, горючего. Для поддержания физических сил войск на должной высоте нужно совершенно бесперебойное и усиленное питание людского и конского составов за весь период операции.

Потребности в продфураже одинаковы для каждого дня операции. Они равны, как мы указывали раньше, 4 поездам на армию в составе 5 стрелковых корпусов. При придании армии и стратегической конницы эта потребность дойдет до $4^1/_2$—5 поездов в сутки. Потребность в горючем сравнительно невелика: она удовлетворяется, включая и другие потребности — авиации и автотранспорта, одним поездом в сутки.

Гораздо труднее определить ежедневную потребность в огнеприпасах, так как невозможно заранее предвидеть характер боевых действий на каждый день операций, рассчи-

танных на большую глубину и длительный срок. Поэтому расчет должен быть построен иначе.

Полная норма огнеприпасов, рассчитанных на полный день интенсивного боя для всей армии, потребуется, наверное, только в период решительной операции, длительность которой, так же как и исходной, может доходить до 5—6 дней. В остальные дни, даже в период промежуточных операций, потребность в огнеприпасах будет меньше, чем норма, установленная для интенсивного боя. Смотря по характеру боевых действий (устойчивость противника, результаты исходной операции, темп прибытия резервов обороны), потребность эту в дни боев надо считать от $^1/_2$ до $^2/_3$ общей нормы для интенсивного боя. Для остальных дней потребность надо считать не более $^1/_8$—$^1/_{10}$ указанной нормы.

Если взять ряд последовательных операций, рассчитанных в общей сложности на один месяц, то исходя из указанных выше исходных данных, потребность в огнеприпасах (общий бюджет огнеприпасов) можно выразить в следующих цифрах. Исходная и решительная операции продолжительностью по 5—6 дней потребуют по 4—5 комплектов огнеприпасов. Из остальных 18—20 дней до 6—10 дней будет боевых. Считая $^1/_2$—$^2/_3$ комплекта на каждый день, мы получим еще от 3 до 6 комплектов огнеприпасов. Для остальных 10—12 небоевых дней еще 1—2 комплекта. Итого за месяц надо подать минимум 12, максимум 18, а в среднем 15 комплектов огнеприпасов. К началу решительной операции в ближайшем тылу войск должно быть не менее 4—5 комплектов огнеприпасов. Если считать, что около 5 комплектов огнеприпасов, необходимых для исходной операции, могут быть подвезены до начала боевых действий, то со дня окончания исходной операции надо подавать ежедневно около $^1/_3$ боевого комплекта, что составляет 6 поездов с огнеприпасами в сутки. Таким образом, потребность армии в подвозе продфуража, горючего и огнеприпасов выражается в 11 поездах в сутки (4 продовольственных, 6 артиллерийских и 1 с горючим и другим имуществом). Прибавив 1—2 санитарных поезда для тяжелораненых (легкораненые перевозятся временными санитарными поездами) и 1—2 поезда для всяких других случайных (или эпизодических) надобностей, мы получим общую потребность в 13—16 поездов ежедневно.

Указанный выше характер боевых действий, сопряженный с большим количеством боевых дней, большим расходом огнеприпасов, с большим напряжением для наступающих войск, влечет за собой значительные потери и в людском составе. Мы в предыдущей главе определили, что людские потери в период одной исходной операции могут дойти до 12—20% состава дивизии 1-го эшелона.

Для последующих операций, включающих в себя еще до 11—16 боевых дней, надо считать еще не менее 20—30% потерь боевого состава всех частей армии, т. е. от 10 000 до 15 000 нового пополнения на каждый корпус, включая сюда и пополнение для добавочной артиллерии. Из этого количества потерь примерно около половины придется на боевые действия до решительной схватки с перегруппировавшимся противником. Таким образом, если потери, понесенные дивизиями в исходной операции, пополнены не на месте, сразу же по ее окончании, то к началу решительной операции некомплект в войсках будет доходить до 10—15%. В том случае, если потери в исходной операции остались непополненными, убыль в личном составе к началу решительной операции увеличится до 27—35%. Такой процент некомплекта понижает боеспособность войск настолько, что вступать с ними в решительную операцию в высшей степени рискованно. Значительный процент дивизий может оказаться совершенно небоеспособным...

Размах последовательных операций

Размах (глубина) последовательных операций в значительной степени определяется темпом восстановления железных дорог и характером транспорта (автомобильный или конный) на грунтовых путях подвоза. Мы определили выше размеры нормального ежедневного (регулярного) подвоза для ударной армии в составе 5 стрелковых корпусов с добавочной артиллерией в 13—16 поездов, совершенно не считая подвоза людского пополнения. Если к этому прибавить восстановительные поезда (не менее 3 в сутки), хозяйственные (1 поезд) и обязательный факультатив не менее 3—4 пар, то максимальная пропускная способность железной дороги, на которую базируется 1 ударная армия, должна равняться 20—24 парам поездов в сутки, в то время как максимальная пропускная способность вновь восстанавливаемых одноколейных линий при нынешних реальных возможностях не превышает 15—17 пар поездов. Отсюда вывод, что в настоящее время на однопутную железную дорогу можно базировать армию в составе не свыше 3 стрелковых корпусов или армию, выполняющую вспомогательные задачи. Ежедневная потребность этих армий в длительной операции — от 10 до 13 пар поездов, а более сильная армия (5 стрелковых корпусов с добавочными средствами подавления) требует или двух одноколейных железных дорог, или одной двухколейной.

Возможность предоставления 1 армии 2 железных дорог на Восточноевропейском театре военных действий исключена

(редкая ж.-д. сеть). Поэтому, если является необходимым на каком-нибудь направлении иметь армию в 5 стрелковых корпусов и если к тому же на это же направление базируются корпуса, составляющие 2-й и 3-й эшелоны (что на некоторых направлениях абсолютно неизбежно), то такую армию надо базировать непременно на двухпутную железную дорогу. Более того, густота ж.-д. сети на Восточноевропейском театре военных действий настолько мала, что для получения достаточно плотной наступательной группировки неизбежно придется на некоторые железные дороги базировать 2 армии.

Отсюда вытекает, что в наступательных операциях на нашем театре на всех двухпутных линиях надо восстанавливать, как правило, сразу оба пути, и, следовательно, для настоящего времени надо считаться с темпом восстановления около 5—6 км в сутки...

При суточном продвижении войск в 8—12 км (в среднем 10 км) темп восстановления железных дорог будет вдвое отставать от темпа передвижения войск.

За период последовательных операций, рассчитанных на один месяц, и, следовательно, до 300—350 км в глубину отрыв войск от восстановленных участков железных дорог будет доходить до 150 км. Но так как последние 50 км восстанавливаемых дорог при нынешних тяговых средствах (паровозы) и водоснабжении при помощи водонапорных башен будут иметь пропускную способность не более 5 пар поездов, то фактический отрыв от конечновыгрузочных станций дойдет до 200 км. Обслуживание этого расстояния должно лечь на автомобильный и гужевой транспорт. Войсковые обозы могут обслуживать только 50—60 км, следовательно, для остальных 140 км должно быть введено армейское звено подвоза. Даже при обслуживании армейского звена подвоза исключительно автомобильным транспортом глубина подвоза не может превышать 80 км (предел полезной эксплуатации автомобиля) и потому надо считать, что по условиям подвоза максимальный отрыв от конечновыгрузочных станций не должен превышать, считая и войсковое звено подвоза, 140 км. Отсюда вытекает, что при нынешнем положении вещей глубина последовательных операций в 300 км не обеспечивается условиями подвоза. Максимальная глубина, обеспечиваемая средствами восстановления железных дорог и условиями подвоза по грунтовым путям, ограничивается 200—250 км. В этом случае железные дороги будут восстановлены на 100—125 км, из них с полной максимальной пропускной способностью только 60—80 км. Обслуживание остальных 140—165 км падает на подвоз по грунтовым путям.

Из общего количества грузов, доставляемых в армию по

железным дорогам, в войска направляется груз минимум в 13 поездов. Для поднятия этого груза требуется или 2000 3-тонных грузовиков (100 автогрузорот) или 11 000 парных повозок (55 армейских транспортов) *.

Суточный пробег автомобильного транспорта по нашим дорогам не может превышать 80—100 км, т. е. 100 грузорот для работы с кругооборотом могут обслуживать подвоз только на 40—50 км ($1\frac{1}{2}$—2 перехода). На следующие 40—50 км потребуется столько же машин.

Суточный пробег гужевого транспорта — 25—30 км. Таким образом, для обслуживания подвоза на 1 переход с кругооборотом нужно до 130 армейских транспортов на армию.

Обслуживание звена подвоза за каждым корпусом потребует или 20 грузорот (на каждые 40—50 км), или 22 армейских транспорта (на каждые 25—30 км).

При движении корпуса по двум дорогам на каждую из них придется в среднем до 10 грузорот или до 11 армейских транспортов. Глубина колонны грузоотряда — 1 км; с дистанциями между машинами и грузоотрядами глубину колонны на каждый грузоотряд надо считать в среднем 3 км. Глубина колонны армейского транспорта — 2 км, с дистанциями надо считать тоже около 3 км. По этим расчетам глубина колонны армейских средств подвоза будет при автомобильном транспорте до 30 км на 40-километровом звене подвоза; при конном транспорте — до 33 км на 25—30-километровом звене подвоза.

Таким образом, обслуживание войск при ограниченном количестве путей сообщения затруднительно, однако все же возможно при автомобильном транспорте, но совершенно невозможно при одном конном транспорте. В последнем случае вся дорога на обслуживаемом конным транспортом участке будет буквально заставлена повозками, а в некоторых случаях они даже не уместятся на обслуживаемом ими отрезке дороги.

Отсюда первый основной вывод, что *ударная армия (имеющая в своем составе добавочную артиллерию из принятого нами расчета) не может строить армейское звено подвоза на конном транспорте*. Это звено подвоза должно быть непременно переведено на автомобильную тягу целиком. Так как такая же тяжелая картина с конным транспортом может получиться и в корпусном звене подвоза, то абсолютно необходимо обслуживание всей добавочной артиллерии в корпусном звене подвоза тоже перевести на *автомобильную тягу*.

---

* Грузоподъемность одного поезда 400 т, 3-тонного автомобиля в среднем $2\frac{1}{2}$ т (50 т на грузоотряд в 20 машин) и парной повозки 400—500 кг (до 100 т на армейский транспорт в 200 парных повозок).

Тогда армии будут обеспечены возможность нормального подвоза и минимальные условия маневренной свободы.

Конечно, во весь рост встает вопрос о грунтовых дорогах, их качестве, организации их обслуживания, вообще организации транспорта на грунтовых путях подвоза. Без соответствующей организации грунтовых путей (примерно аналогично организации железных дорог) бесперебойная работа в тылу армии не может считаться обеспеченной. Являются ли приведенные выше нормы обеспечения транспортными средствами новыми, фантастичными? Мы исчислили потребность одной ударной армии на каждые 40—50 км в 2000 автомобилей. При армейском звене подвоза на 100 км (максимальный район для работы автомобиля) это количество увеличивается до 4000 автомобилей. При наличии 4—5 ударных армий количество потребных автомобилей выразится в 20 000. Французская же армия еще в 1918 г. располагала автомобильным парком в 100 000 машин, из них в одном резерве главнокомандующего оставалось до 24 000. Значит, исчисленные нами потребности не являются чрезмерными. Это тот минимум, без которого современная машинизированная армия не может рассчитывать на решительные и глубокие операции.

Таким образом, глубина последовательных операций по условиям подвоза (темп восстановления железных дорог, расстояние рентабельной работы автотранспорта при нынешних технических возможностях) ограничивается 250 км, и то только в том случае, когда армия совершенно не стеснена в автомобильных средствах, когда она в состоянии выделить для обслуживания подвоза каждого корпуса до 40 автогрузорот грузоподъемностью в 50 т каждая. При отсутствии достаточного количества автомобильных средств глубина этих операций сильно понизится. А при базировании исключительно на конский транспорт ни о каких глубоких операциях говорить невозможно. На конский транспорт могут базироваться только корпуса, действующие на широком фронте и располагающие не менее чем 3—4 дорогами для подвоза; и в этом случае максимальный отрыв от конечновыгрузочных станций не может превосходить 75—100 км (1—2 армейских звена подвоза), т. е. общая глубина последовательных операций при конском транспорте может дойти до 135—150 км. Между тем вытекающая отсюда глубина операций совершенно недостаточна для решительных и сокрушительных ударов. На такой глубине (150—250 км) можно добиться законченного успеха только над противником, занимающим фронт, примерно равный этой глубине, т. е. фронт в 150—250 км. В этом случае наступающий будет иметь возможность при темпе наступления, не особенно уступающем темпу отхода, охватить, отрезать пути отступления основной массы

войск противника, занимающих данный фронт, и уничтожить их.

Против противника, занимающего фронт протяжением более 150—250 км (например, украинский или белорусский участок советско-польского театра военных действий), такой глубины явно недостаточно. Обороняющемуся в этих условиях легче вывести из-под удара свои силы: широкий фронт обеспечивает ему многочисленные пути отхода, а наступающий связан не только более медленным темпом продвижения, чем обороняющийся, но и тем, что его наступление очень быстро вынуждено оборваться из-за необеспеченного подвоза.

Надо полагать, что нормально для крупного сокрушительного удара нужно, чтобы, во-первых, темп продвижения наступающего не отставал от темпа отхода главных сил обороняющегося и, во-вторых, за наступающим была обеспечена возможность проникновения в глубину неприятельской территории на расстояние, равное протяжению атакуемого фронта противника. Операции, рассчитанные против противника, занимающего фронт в 350—400 км, требуют глубины не менее этих же 350—400 км ускоренного темпа продвижения.

Нынешнее состояние ж.-д. техники этих норм еще не обеспечивает. Но уже теперь имеются предпосылки того, что ж.-д. техника в ближайшие же годы сумеет обеспечить оперативному искусству возможность нанесения противнику глубоких и сокрушительных ударов.

Проблема пополнения потерь в личном составе в операциях, рассчитанных на глубину 350—400 км, не представляет особых трудностей. Она требует только особой системы организации запасных частей.

Потери, связанные с проведением исходной операции, могут быть пополнены сейчас же после ее окончания. Для этого надо в каждом корпусе иметь запасную часть емкостью до 20—25% общего состава корпуса. Эта запасная часть (запасные полки) к началу операции должна иметь полный состав о б у ч е н н ы х красноармейцев. В период операции они следуют за корпусом впереди дивизий и корпусов 2-го эшелона и в нужное время дают дивизиям пополнение. Для пополнения возможных потерь последующих операций надо в ближайшем тылу (на линии корпусов 2-го эшелона) иметь 2-й комплект армейских запасных частей емкостью из того же расчета (20—25% численности боевых частей армии). Продвижение этих частей вперед идет одновременно с наступлением войск (движение через 1—2 дня, смотря по темпу наступления) исключительно походом. Для выдвижения их на линию фронта потребуется не более 2—3 дней.

Пополнение вливается в дивизии во время отвода их во 2-й эшелон.

Характер действий ударных группировок

Несмотря на значительное утяжеление современных армий, несмотря на сравнительно ограниченный размах ряда последовательных операций в современных условиях, несмотря на огромное напряжение, на огромные издержки, с которыми связано ведение активных, смелых и сокрушительных ударов, — все же они, эти глубокие и сокрушительные удары, остаются самым решительным средством стратегии в достижении целей, поставленных войной.

Было бы непоправимой ошибкой из-за возникающих в связи с развитием военной техники трудностей в ведении глубоких (наступательных) операций впадать в своего рода «оперативный оппортунизм», отрицающий активные и глубокие удары и проповедующий тактику отсиживания, нанесения ударов накоротке — действия, характеризуемые модным словом «измор». Такой взгляд на современное оперативное искусство не свидетельствует о глубоком понимании особенностей современной войны, а является следствием упаднических настроений, следствием капитуляции перед теми трудностями, которые вызваны временным отставанием средств подавления, средств сопротивления пехоты в бою, средств ж.-д. и автомобильного транспорта от требований, диктуемых организацией глубоких ударов.

Поэтому нельзя считать правильным путем развития оперативного искусства стремление «добровольно» ограничить глубину последовательных операций, тенденции самоограничения в планировке боевых действий, тенденции, которые возводят в высшее достижение военной мысли систему ударов накоротке, тенденции «измора». Правильные пути развития оперативного искусства должны идти по линии полного использования всех возможностей для быстрого и верного нанесения противнику возможно больших поражений, возможно более чувствительных ударов. Правильное решение в этом вопросе будет неизбежно связано с полным использованием всех возможностей по развитию решительных ударов на максимальную глубину, допускаемую условиями физического и морального состояния войск, условиями восстановления дорог и подвоза. Конечно, это совершенно необходимое стремление к полному использованию сил войск и возможностей тыла не должно привести к перенапряжению, надрыву физических и моральных сил войск.

Искусство стратега и оператора — правильно чувствовать тот предел в форсировании людских и материальных средств, за которым может наступить надлом в войсках, могущий повлечь за собой не победу, а поражение. Правильнее, прогрессивные пути развития оперативного искус-

ства требуют, чтобы теперь же были подтянуты отставшие отрасли военной техники, устранены пробелы в строительстве вооруженных сил, улучшены качественно и количественно средства подавления, подняты на требуемую высоту средства и техника транспорта (железнодорожного и автомобильного) — все это в результате создаст те условия, при которых оперативному искусству легче и вернее будет достигнуть целей, поставленных войной.

Сравнительно крупные задачи по разгрому противника могут быть достигнуты и на той глубине, которой определяется размах последовательных операций в современных условиях.

Балканизация Европы после Версальского мира привела к основанию целого ряда мелких государств, глубина территории которых с избытком покрывается указанным выше расстоянием (250 км).

По отношению к более крупным государствам это расстояние равняется почти половине всей глубины их территории. Значит, и на такой глубине при искусном ведении боевых действий операции заденут почти все вооруженные силы государств-лилипутов и не менее половины, или в крайнем случае одной трети, более крупных стран. А это в свою очередь означает, что государства-лилипуты могут быть раздавлены одним ударом, а по отношению к более крупным государствам рядом последовательных операций можно достигнуть такого разгрома их вооруженных сил, который при благоприятном стечении других условий может создать предпосылку для подлинного стратегического преследования или в крайнем случае привести к значительному ослаблению их вооруженной мощи.

Глубокие и сокрушительные удары могут вывести из игры довольно быстро целые государственные организмы. По отношению к большим государствам эти удары могут привести к разгрому их вооруженных сил по частям, крупными пачками. Удары эти являются наиболее верным средством для быстрого истощения людских и материальных ресурсов противника, для создания объективно благоприятных условий для социально-политических потрясений в неприятельской стране.

Глубокие и сокрушительные удары могут создать обстановку, близкую к обстановке 1920 г. в Польше, когда, по словам самого Пилсудского [98]), под влиянием успехов красной конницы в Галиции и безудержного наступления Красной Армии севернее Полесья «начала разваливаться государственная работа, вспыхивала паника в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, начинал организовываться наиболее опасный —

внутренний фронт*. Глубокие и сокрушительные удары остаются одним из самых верных средств для превращения войны в войну гражданскую.

Вот почему современное оперативное искусство не может отказаться от глубоких ударов на сокрушение. Правильная и мудрая политика в строительстве вооруженных сил должна обеспечить благоприятные условия для ведения войны этим методом.

Большое значение в ведении операций играет форма удара.

Против противника, занимающего широкий фронт и располагающего совершенно открытым тылом (французы в 1913 г., поляки в 1920 г.), трудно рассчитывать на широкий «оперативный урожай» от одностороннего тарана, от удара, направленного против одного фланга противника. Такой таран, даже если он находился на правильно выбранном оперативном направлении, не может дать большие результаты при том темпе развития боевых действий, который свойствен современному оружию. При таком ударе главные силы противника, если они считают для себя бой в данных условиях невыгодным, всегда сумеют избежать боя, ускользнуть из-под удара. Таран, действующий только на одном направлении, не в состоянии вынудить противника, сохраняющего открытый тыл, свободные пути отхода, принять бой своими главными силами там, где это выгодно наступающему и невыгодно обороне. Противник может, жертвуя пространством, уходить из-под удара, он имеет возможность двигаться быстрей, делать по 25—30—40 км в сутки, даже использовать железные дороги для отвода войск, в то время как наступающий вынужден двигаться с боями и ограничиваться темпом наступления максимум в 8—12 км в сутки. Этим свойством одностороннего тарана в значительной степени объясняется то обстоятельство, что ни немцам в 1914 г., ни Красной Армии в 1920 г., несмотря на глубокое вторжение в неприятельскую территорию, не удалось достигнуть решительного разгрома живой силы противника. Всякий раз, когда наступающий замахивался своей «таранной группировкой», чтобы нанести удар главным силам противника, последний уклонялся от удара и уходил, если он считал бой в данных условиях невыгодным.

В самом деле, возьмем фронт протяжением 400 км с открытым тылом и повторим на нем удар немцев в 1914 г. или Красной Армии в 1920 г.

После исходной операции, если «таранная группировка» даже обогнет фланг остального участка фронта, и то нельзя рассчитывать на решительные результаты: противник распо-

---

* Пилсудский. «1920 год».

лагает свободными путями отхода, и потому возможность окружения и разгрома хотя бы части сил неприятеля исключается. При этой форме удара возможно только окружение мелких частей противника в узко тактическом масштабе. Крупный успех может быть достигнут только против противника, связанного узким фронтом и невыгодным направлением путей отхода.

Против противника, занимающего широкий фронт и располагающего открытым тылом, можно достигнуть более крупных результатов действиями по скрещивающимся направлениям. Эта форма удара, если она предпринимается достаточными силами, обещает наибольшие успехи: она может и в современных условиях привести к полному окружению значительной части неприятельской вооруженной силы.

Конечно, эта форма удара требует больше войск. Здесь мы имеем дело, по существу, с 2 ударами, и каждый из них должен быть организован на достаточно широком фронте, с тем чтобы войска, наносящие его, не могли быть быстро охвачены с флангов и отражены. Для того чтобы ударные группы могли без задержки продвигаться навстречу друг другу, захватывая противника в клещи, необходимо, чтобы каждый удар был предпринят достаточными силами. Кроме того, обеспечение флангов одной ударной группировки требует меньше сил, чем такое обеспечение в 2 группах, действующих на разных направлениях. И тем не менее во многих случаях будет выгоднее иметь 2 ударные группы, наступающие одна на фронте 80 км (2 ударные армии), и другая на фронте 40—50 км (1 ударная армия), чем одну ударную группу, наступающую на 120 км непрерывного фронта. Только в тех случаях, когда есть возможность ударом по одному направлению прижать противника к непроходимому району (нейтральная граница, море, непроходимые горные цепи), является целесообразным односторонний таран.

Действия по скрещивающимся направлениям выгодны не только с точки зрения результатов, которые дает такая операция, но и с точки зрения питания, базирования ведущих операцию армий. Такая форма операции позволяет опираться на более широкую ж.-д. сеть; дает более широкое охватывающее, менее чувствительное к колебаниям линии фронта базирование. И маневрирование двумя группами более гибко и легче осуществляется, чем маневрирование одной таранной массой, вынужденной базироваться на 1—2 железнодорожные линии.

При обеих формах удара — одностороннем таране или действиях по скрещивающимся направлениям — живая сила противника остается главнейшим объектом действий. Не только направление удара и последовательное изменение этого направления определяются районом, где находятся или

собираются в данное время главные силы противника, оперирующие на данном театре, но и темп действий наступающего зависит всецело от характера действий сил противника. Приведенные выше нормы продвижения в наступательной операции не указ для действий войск. Эти нормы только ориентируют мероприятия главнокомандующего по планированию и обеспечению операций. Войска же должны добиваться максимальных успехов, максимального продвижения. Противник будет стараться особенно крепко защищать важнейшие направления, важнейшие пункты, которые прикрывают пути его отхода или сосредоточение новых сил. Искусство наступающего — эти направления и эти пункты определить и своевременно, достаточно быстро на них навалиться всей массой войск, с тем чтобы выйти во фланг и в тыл неприятельским войскам, с тем чтобы отрезать им пути отхода, сорвать подготавливаемую противником новую группировку сил. Боевые действия в этот период требуют неимоверно быстрого темпа, максимально возможного напряжения, большой гибкости и маневренности.

Несмотря на утяжеление войск, такая подвижность в пределах определенных оперативных норм вполне возможна и теперь. Если войска не нагромождены излишне на отдельных участках, если на их тылах нет беспорядка и хаоса, если как сами войска, так и их обозы и обслуживающие учреждения имеют достаточно высокую выучку, если они приучены к быстрым и глубоким продвижениям, если руководство (командование) на высоте положения — то высокая тактическая подвижность возможна и при нынешней организации войск, при нынешних возросших обозах и более многочисленных тылах.

Особенно высокая подвижность и маневренность требуется от конницы и моторизованных частей. Конница в настоящее время должна считаться с возросшей устойчивостью обороны, она должна считаться с более высокой плотностью огня. Но это не означает, что она вытеснена с полей операции, это не означает, что она должна прижиматься к пехоте или прикрываться ею. Наоборот, эти условия требуют, чтобы конница появилась на поле современной операции с новыми средствами и новыми методами боевой работы. Она должна располагать достаточными средствами для подавления огня перешедшей наспех к обороне пехоты, она должна уметь работать в пешем строю не хуже последней. Конница, усиленная достаточной артиллерией (в том числе и гаубичной) и легкими скороходными танками, пулеметными частями, посаженными на автомобили (лучше всего вездеходные), должна работать на открытых, заходящих флангах ударных групп, выдвинувшись далеко вперед (до 75—100 км), последовательно отрезая путь отхода против-

ника и осуществляя тактическое окружение его главных сил, оперирующих на данном фронте. Эта активная, далеко выдвинутая вперед работа стратегической конницы должна обеспечивать одновременно и ведение наземной разведки для фронтового и армейского командования.

Огромное напряжение в период длительных операций должна проявить авиация. От нее требуется большая систематическая работа (разведывательная и боевая) одновременно с продвижением вперед своих аэродромов.

После исходной операции, во время которой большая часть авиации работала над полем сражения, она вновь расширяет зону своих действий, и объектами ее наблюдений и нападений становятся новые силы противника, прибывающие в район операции по железной дороге, походом, на автомобилях. Новые силы, обнаруженные на станциях высадки или на походе, должны держаться под регулярным наблюдением с воздуха, с тем чтобы своевременно дать командованию данные, устанавливающие район сбора новых сил противника, а следовательно, и новые объекты для дальнейших действий наземных и воздушных сил. Но не могут быть упущены из поля зрения и совершающие отход части противника. Тайна неприятельского решения может быть раскрыта из сопоставления двух данных: первое — куда направляются вновь прибывающие резервы и второе — куда, в каком направлении и в каком порядке отходят войска, находившиеся на фронте. Эти данные очертят те районы, которые и должны стать объектом ежедневного наблюдения авиации.

С началом отхода противника авиация вновь рассредоточивает свои усилия: наблюдение за отходящим противником возлагается всецело на войсковую авиацию, наблюдение за вновь прибывающими войсками противника — на армейскую.

После исходной операции постепенно перемещается центр работы и бомбардировочной авиации: в первые дни преследования объект ее действий составляют отходящие силы противника. Бомбардировочная авиация вместе с наземными войсками «добивает» разбитого на фронте противника, атакуя его на походе, на переправах, в пунктах скопления войск. С того времени, как обнаружится прибытие новой волны резервов, бомбардировочная авиация переносит свою работу уже против этих войск, против железных дорог, систематически разрушая или заражая ОВ станции высадки этих войск. Задача авиации — отодвинуть станции высадок резервов, затянуть их сосредоточение во времени, с самого начала мощным нападением с воздуха подорвать моральное настроение вновь прибывающих частей противника.

Одновременно с новыми сухопутными частями в районе операции будут появляться и новые авиационные соединения противника. Усилится его истребительная авиация, посте-

пенно появятся новые бомбардировочные части. Естественно, аэродромы этих новых авиационных частей также станут объектом действий бомбардировочной авиации наступающего. Вновь перед наступающим встанут вопросы охраны важнейших объектов в своем тылу, особенно районов восстановительных работ на железных дорогах и конечновыгрузочных станций. Но основной задачей истребительной авиации является все же обеспечение с воздуха основной группировки наступающих войск и своих аэродромов. Тыловые объекты охраняются исключительно зенитными средствами. Все эти задачи должны выполняться с одновременным систематическим выдвижением своих аэродромов вперед.

Авиация должна своими аэродромами продвигаться в соответствии с общим темпом наступления. Если исходить из того, что надежная связь с штабами (войсковыми и армейскими) возможна тогда, когда аэродромы находятся от фронта не далее: корпусной авиации — 25—30 км, армейской — 50—75 км, то корпусная авиация должна менять свои аэродромы через 2 дня на 3-й, а армейская через 4 дня на 5-й. При этом будут, как правило, периоды, когда армейские аэродромы наседают на войсковые, с тем чтобы вслед за этим постепенно от них отстать.

Такой темп работы требует огромного напряжения от всей авиации. Ни о каком регулярном отдыхе в период операции, рассчитанной даже на месяц, не может быть и речи. Отдельные самолеты, отдельные отряды, целые эскадрильи или находятся в работе по выполнению очередных задач по разведке, бомбометанию, прикрытию того или иного направления, или перелетают на новые аэродромы. Как правило, днями отдыха будут служить только нелетные дни, и только в крайнем случае отдых может предоставляться на короткое время и в летные дни.

Месячная напряженная работа будет связана с большими издержками по авиации. Опыт войны показывает, что эти издержки могут доходить до 30—40 и даже до 60% материальной части и до 20—30% летного состава. Эти цифры определяют тот запас имущества и людского состава, который должен быть подготовлен к началу операций и постепенно подаваться вперед, чтобы не довести войсковые части до полного истощения.

Последовательные операции, рассчитанные на указанную глубину и охватывающие фронт протяжением 250—400 км, затрагивают не только те вооруженные силы противника, которые расположены на этом фронте или могут прибыть на поле сражения в ходе боевых действий. Эти операции задевают и неизбежно приводят в движение еще огромную массу неприятельского населения. В некоторых государствах операции эти заденут все население их страны со всем ее хозяй-

ством; в других они заденут значительную часть и населения и хозяйства страны. По этим причинам результаты таких операций из чисто военных перерастают в факторы политического значения. Отсюда как решающее значение политики в первоначальном выборе объекта и направления удара, так и помощь политики военным действиям в ходе самих операций. Правильно поставленная политическая работа среди населения, которое охвачено боевыми действиями, в существенной степени может облегчить исход боевых действий.

В ходе операции для наступающего в сильной степени затрудняются крупные перегруппировки. Он будет оторван от ж.-д. станций, от которых можно начать оперативные переброски по железным дорогам на 100—150 км. Автомобильный транспорт в этот период будет совершенно связан на работах по подвозу.

В полосе от 4 до 6 переходов все перегруппировки должны производиться исключительно походным порядком. Конечно, это обстоятельство будет влиять только на быстроту перегруппировок. Технически же не исключаются, а вполне возможны такие смелые рокировки, как рокировка, которую проделала армия Клука в составе 4 корпусов в первых числах сентября на Марне. Высокообученные войска и в настоящее время смогут произвести такие перегруппировки, как перемена фронта армии, требующая до 50—70 км походных движений в течение одних, максимум двух суток.

Всякие оперативные переброски, связанные с отправлением войск на другие фронты (участки), требуют предварительного стягивания войск назад к ж.-д. станциям на расстояние до 100—150 км, т. е. на одно сосредоточение к станциям железных дорог потребуется до недели времени. Железные дороги могут изготовиться к таким перевозкам раньше, чем войска прибудут к станциям посадки.

Начало новых операций находится в зависимости от сроков укомплектования, пополнения убыли материальной части, накопления новых запасов огнеприпасов и полного восстановления ж.-д. и грунтовых путей.

Самым узким местом, которое требует наибольшего времени и в зависимости от которого находятся все остальные вопросы, являются железные дороги.

К моменту обрыва операций положение в тылу с железными дорогами будет следующее: на двухпутных линиях, на которых шло одновременное восстановление железных дорог, окажется до 90—155 км еще не восстановленного участка и далее в тыл до 50 км восстановленных путей с пропускной способностью не более 4—5 пар поездов и только

далее в тылу железные дороги будут иметь нормальную пропускную способность. Для восстановления последних 90—100 км потребуется до 3 недель времени и, кроме того, еще до одной недели для доведения пропускной способности железной дороги на всем ее протяжении до нормальных размеров. Таким образом, в общей сложности требуется перерыв в 1 месяц для полного восстановления железных дорог, после чего могут быть начаты новые операции. Примерно такую же картину будем иметь и при том варианте работ, когда на двухпутных линиях сначала восстанавливается один путь и только после этого второй. На этих линиях к концу 3-й недели будет до 50 км невосстановленного пути, 50 км пути с пропускной способностью в 5 пар поездов и еще 50 км одноколейной дороги с пропускной способностью в 17 пар поездов.

Для восстановления последних 50 км разрушенного пути потребуется при самых благоприятных условиях до 1 недели. Для доведения пропускной способности этого участка до 17 пар потребуется еще 1 неделя и еще не менее недели на восстановление второго пути. За это время восстановление второго пути на всем остальном участке тоже может быть закончено, т. е. в этом случае для восстановления железных дорог требуется всего до 3 недель времени.

В этот срок, конечно, могут быть закончены все подготовительные работы, подтянуто и влито в войска пополнение, подвезена (комбинированно по железной дороге и даже по грунтовым путям) материальная часть, пополнены огнеприпасы и остальное имущество. Таким образом, новые операции могут начаться минимум через 2—3 недели (если возможно потребности армии обеспечивать однопутной железной дорогой) и максимум через 1 месяц, если восстановление вторых путей обязательно.

Конечно, такой перерыв является нежелательным. Если после одной, удачно проведенной операции открываются широкие перспективы для дальнейшего разгрома живой силы противника, то эти перспективы после ряда последовательных операций будут еще шире. Искушение не прерывать боевых действий, немедленно перейти к нанесению последующих ударов в большинстве случаев огромное. Но расчеты показывают, что смелые и активные операции требуют прежде всего людей и огнеприпасов. Если железные дороги не обеспечивают регулярного подвоза соответствующего количества огнеприпасов, то начать новые операции является в высшей степени рискованным.

Поэтому целесообразнее или выждать восстановления железных дорог, или начать новые операции на другом направлении. В обоих случаях эти операции потребуют нового оперативного развертывания...

Решение. Военные действия ведутся вооруженными силами, снабженными соответствующей техникой. Поэтому решение должно быть основано на определенных материальных средствах, ибо, как определял Фридрих Энгельс, «материальные средства дают возможность силе одержать победу». Если тактическое искусство регулируется и ставится в известные шоры нормальной организацией тактических войсковых соединений (дивизии и корпуса) и выработанными для их действий уставными нормами, то для оперативного искусства никаких норм и отправных данных, которыми должен руководствоваться полководец при принятии решения, не установлено или не признается. Эта область целиком представлена «талантам» полководца, его «интуиции», «чутью». На опыте старой русской армии можно увидеть все пагубные результаты постановки этого важнейшего вопроса в вождении войск в зависимости от капризов «интуиции» и «чутья» военачальника. Многочисленные, беспочвенные, не обеспеченные материальными средствами и связанные с большой кровью и малыми победами решения характеризуют всю деятельность русских генералов. Между тем оперативное искусство не только должно, но и может поддаваться известному расчетному обоснованию. Определенные боевые действия, из которых слагаются операции, требуют совершенно определенных материальных средств и людских усилий. Вся настоящая работа направлена к тому, чтобы установить те отправные данные, которые должны правильно ориентировать оперативную мысль при определении потребных для данной операции материальных и людских средств.

Но было бы ошибкой и рассматривать оперативное искусство как своего рода бухгалтерию, было бы неверно оперативные решения превратить в простое арифметическое умножение. Материальные средства, потребные для каждого конкретного случая, находятся в зависимости не только от свойства оружия и арифметических чисел, характеризующих протяженность фронта, но и от оперативной и тактической плотности неприятельского фронта, фортификационного усиления его позиций, качества как своих, так и неприятельских войск и командного состава. Эти последние данные слишком изменчивы. Искусство вождя заключается в том, чтобы правильно учитывать оперативное значение всех этих изменчивых элементов обстановки и верно определить те материальные и людские ресурсы, которые нужны для разрешения данной конкретной задачи.

Оперативное решение заключается не только в том, чтобы правильно выбрать направление и форму удара, но и в том, чтобы правильно организовать тот инструмент, те армейские

соединения, при помощи которых полководец будет добиваться решения задачи. Нужно определить количество различных родов войск (в особенности артиллерии, танков, авиации), которые должны быть включены в состав армии, распределить их между стрелковыми корпусами таким образом, чтобы обеспечить как безотказность в действии первого удара, так и непрерывное усиление войск на тех направлениях, на которых в ходе боевых действий это окажется необходимым.

Степень централизации управления. Управление вооруженными силами, исчисляемыми в 2—3 млн. людей и развернутыми на фронте общим протяжением до 1000—1500 км, требует 3 ступеней в иерархической лестнице оперативного руководства: ставка, фронт, армия.

Еще в начале мировой войны опыт германской войны показал, что без фронтовых управлений невозможно управлять армиями, включающими в себя всего 70 пехотных дивизий и развернутыми на фронте только 340—400 км. Германская ставка фактически потеряла твердое руководство операциями в период наступления к Марне, прибегла к суррогату фронтовой инстанции подчинением одной армии командующему другой и вынуждена была в решительный момент предоставить принятие решения о дальнейшем ведении операций безответственному, по существу, офицеру генерального штаба полковнику Хенчу. Дальнейший ход событий вынудил обе стороны — германскую и французскую армии — перейти к фронтовым управлениям (управление группами армий). Русская армия, имевшая перед собой двух различных противников и два разделенных друг от друга театра (Восточную Пруссию и Галицию), с самого начала ввела у себя фронтовые инстанции управления.

Таким армиям, как французская, наша Красная и даже польская, в будущем не обойтись без фронтовых аппаратов управления. Многочисленные армии, широкие фронты не позволят иметь непосредственное управление ставка — армия. Ставка в этих условиях не в состоянии будет осуществлять то твердое руководство, без которого немыслима согласованность в действиях большого количества армейских соединений. Наоборот, такие сравнительно немногочисленные армии, как румынская, конечно, будут иметь только непосредственное управление ставка — армия.

В крупных операциях руководство всеми армейскими соединениями, осуществляющими главный удар, может быть поручено одному фронтовому командованию (например, когда эти армии развернуты в виде тарана рядом, сравнительно на небольшом фронте). В этом случае ставка в отношении главных операций определяет их ближайшие и дальнейшие цели, выделяет необходимые для их ведения силы и средства, а собственно оперативное руководство в тесном

смысле слова всецело предоставляется командующему данным фронтом.

Руководство ставки ведением главных операций умаляется, за нею остается лишь общее руководство действиями фронтов, выполняющих различные задачи: примерно как в 1914 г. наступление Северо-западного русского фронта в Восточную Пруссию, а Юго-западного в Галицию или наступление в 1920 г. двух различных фронтов на Варшаву и Львов.

Но управление может быть организовано и таким образом, что за ставкой останется не только руководство фронтами, выполняющими, по существу, различные задачи, но и непосредственно теми силами, которые в данное время ведут главные операции, связанные по цели действий и направлению удара. Например, так было организовано управление наступлением германской армии в 1918 г., когда удар наносился на стыке двух фронтов и Людендорф оставил за собой непосредственное руководство (согласование) их действиями.

От количества сил, участвующих в проведении главных операций, от ширины фронта их развертывания и формы удара будет зависеть характер организации управления. При небольших силах, выделенных для активных действий, небольшом фронте их развертывания и таранной форме удара целесообразно руководство операциями сосредоточить в руках одного командующего фронтом. И наоборот, при большом количестве дивизий, выделенных для активных действий, при развертывании на широком фронте и при направлении удара по скрещивающимся оперативным направлениям полезно будет иметь два фронта и непосредственное оперативное руководство операциями на главном театре военных действий оставить непосредственно за главнокомандующим.

Как часто требуется вмешательство той или иной инстанции в ведении боевых действий?

Этот вопрос надо ставить в зависимости от того, в какие сроки при современном оружии можно достигнуть разрешения тактических или оперативных задач.

На самом деле мы видели, что нормально тактическая задача (преодоление глубины современной оборонительной полосы) требует от 1 до 2 суток. В течение этого времени распоряжаются тактические инстанции — дивизия и корпус. Вмешательство командующего армией потребуется в этот период только в том случае, если тактические действия застопорились, сил оказалось недостаточно и требовалось введение в дело новых артиллерийских или стрелковых войск. Нормально же командующий армией, развернув войска для сражения и поставив им тактические цели, может в дальнейшем, до выполнения этих задач, ограничиться наблюдением за ходом боевых действий и вмешательством в распоряжения

командиров корпусов только в том случае, когда они отступают от его указаний или события принимают ход, не соответствующий его намерениям. Только когда разрешение тактических задач будет подходить к концу, командующий армией укажет дальнейшую общую цель действий и поставит корпусам ближайшие задачи.

Вмешательство командующего фронтом (а при непосредственном руководстве операциями ставки — вмешательство главнокомандующего) потребуется еще через более длинные промежутки времени.

Обыкновенно армиям надо сразу ставить задачи, обнимающие преодоление всего оперативного расположения противника, т. е. рассчитанные на 30—50 км в глубину и требующие 4—5 дней времени. В пределах этих задач и сроков командующий армией сам регулирует ход боевых действий. Только в тех случаях, когда по обстановке потребуется изменение первоначальных задач, поставленных армиям, вмешательство командующего фронтом потребуется в течение этого срока. Нормально же он может выждать разрешения результатов исходной операции. После этого он ставит армиям цели дальнейших действий и ближайшие задачи, обнимающие действия до развертывания для новой операции. Эти довольно длинные этапы, по которым происходит вмешательство той или иной инстанции в ход боевых действий, не надо смешивать с постановкой информации, ориентировки о действиях своих войск.

Нормально нужно добиваться, чтобы к исходу дня командующий фронтом (или ставка) располагал полными сведениями о ходе боевых действий за истекшие сутки и о достигнутых *каждой дивизией* пунктах (рубежах). В эти же сроки в штабе фронта (или в ставке) должны иметься все новые распоряжения, которые будут отданы армиям в развитие или изменение прежних боевых приказов и директив. Условия обработки сведений и связи это вполне позволяют.

Только при такой постановке ориентировки о действиях своих войск и, следовательно, о противнике возможно своевременное вмешательство высшего начальника в ход боевых действий, отсюда и степень твердости руководства. Только в этом случае будет меньше упущенных возможностей и несогласованных действий.

Место штабов. Начальник, в руках которого сосредоточено руководство операциями (будет ли это сам главнокомандующий или командующий фронтом), должен выбрать место своего расположения таким образом, чтобы в течение дня он мог иметь исчерпывающие данные о ходе боевых действий на фронте, даже в том случае, если техническая связь по тем или иным причинам будет отказывать в действии. Расстояние его от фронта определяется дальностью суточной

работы современного автомобиля в оба конца и не должно превосходить 100—150 км от линии фронта (считая от места расположения штаба не только к центру фронта, но и к его фланговым корпусам). С командующим первоначально будет располагаться как его штаб, так и все управление фронта. Современные условия связи (телефон, телеграф, автомобили) вполне оправдывают также раздельное расположение штаба от управлений фронта. Штаб должен переезжать в полном своем составе, иметь при себе начальников или ответственных представителей служб. Никаких полевых штабов, как нарушающих естественную структуру аппаратов управления, выделять нет надобности.

Расположение штаба армии определяется в основном теми же данными по отношению к частям армии. Нормально при ширине фронта наступления в 40—50 км штаб армии должен располагаться не далее 20—50 км от линии фронта. Армейские управления — полностью при штабе армии. При этих расстояниях опять нет никакой надобности в выделении полевых штабов. Только в крайних случаях, когда требуется выдвижение вперед, а все армейские управления передвигать по обстановке нецелесообразно, штаб армии отделяется (целиком) от армейских служб. В этом случае со штабом выдвигаются вперед и представители служб: начальник артиллерии, начальник связи, начальник инженеров, начальник химической службы и начальник военно-воздушных сил — постоянно при штабе армии. Этим определяется характер сети связи. Всем этим начальникам должна быть обеспечена надежная связь со своими частями. Особенно это касается связи начальника воздушных сил с аэродромами.

В течение ряда последовательных операций, рассчитанных на 180—200 км в глубину фронта, придется не менее 2 раз переменить место своей стоянки. Для того чтобы избежать частой перемены места штаба фронта, целесообразно придвинуть штаб в начале операции ближе к фронту примерно на 50—70 км. Тогда возможно будет стоять на одном месте до 7—10 дней (70—100 км продвижения).

От штабов армий потребуется более частая перемена места стоянки, примерно через каждые 25—30 км продвижения, т. е. через 3, максимум 4 дня. Условия устройства связи вполне допускают это.

* * *

Тактика, оперативное искусство и стратегия в целом исходят из тех материальных средств и того людского материала, которые выделяются государством для ведения войны. Военное искусство, оторванное от этой базы, неиз-

бежно превращается в авантюризм и фантазерство и ни к чему хорошему привести не может. Но все это имеет и обратное влияние. Тактика, оперативное искусство и вся стратегия не только считаются с материальной базой и из нее вытекают, но в свою очередь они указывают и намечают пути для дальнейшего развития и расширения этой материальной базы. Они разрещают вопросы, какие отрасли военной и общегражданской техники должны быть в дальнейшем развиты, в каком направлении это развитие должно быть направлено, какие рода войск должны получить дальнейшее изменение, какие улучшения и усовершенствования должны быть произведены в системе вооруженных сил.

Наше исследование в основном построено на современной материальной базе. Оно учитывает возможные изменения в этой материальной базе. Но, помимо этого, оно ставит целый ряд проблем в области дальнейшего развития и строительства вооруженных сил. Оно со всей категоричностью выдвигает вопрос о средствах подавления, о средствах сопровождения пехоты в бою, в частности о танках. Оно во весь рост ставит вопросы значения транспортных средств для современных вооруженных сил, вопросы ж.-д. техники, автомобилизации армии. И при всем том на важнейшем месте ставит вопросы качества войск. Вся эта техника, которая имеется или будет иметься на вооружении, может попасть в руки противника, если не будет обеспечена надежная выучка и боевая подготовка, надлежащее командование и управление, надлежащее политико-моральное состояние армии, надлежащее качество войск.

(В. К. Триандафиллов. «Характер операций современных армий». Госвоениздат. М., 1932 г., изд. 2-е, стр. 91—174.)

* * *

★ ★ ★

С. М. БЕЛИЦКИЙ

Семен Маркович Белицкий *(1889—1937). В Красной Армии — с начала ее организации. Занимал штабные и командные должности до помощника командующего армией. В 1922 г. окончил Военную академию, был начальником оперативного управления Штаба РККА, работал в Высшем военно-редакционном совете, был преподавателем Военной академии, заместителем председателя Центрального совета Осоавиахима.*

Основные труды. *«Характер современной войны», М.-Л., 1927; «К изучению опыта гражданской войны 1918—1921 гг.»; История гражданской войны, вып. II, 1928; «Оперативная разведка», 1929; «Война», 1931; «Стратегические резервы», 1930.*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ РЕЗЕРВЫ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Труд «Стратегические резервы» посвящен анализу роли стратегических резервов в различные эпохи. Автор на большом историческом материале показывает, как изменялись основные положения о роли и порядке использования стратегических резервов в войне. В заключение автор на основе проведенного исследования рассматривает различные вопросы использования стратегических резервов в современных войнах.

Ниже приводятся выдержки из последних глав книги «Стратегические резервы».

ЗНАЧЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ

Характер современной войны. Плотность фронта. Ударные и пассивные участки фронта. Глубина операций. Обеспечение операций

...Современная война характерна разной плотностью войск на отдельных участках фронта. Наряду с участками, где массируются большие силы, будут находиться довольно значительные участки фронта, где плотность войск носит разжиженный характер. Соотношение ударных участков к пассивным, как показал опыт мировой войны, равняется $^1/_3$ к $^2/_3$. В условиях недостаточной плотности фронта прибытие новых

масс войск, т. е. стратегических резервов, сразу создает перелом в обстановке, гораздо более ощутительный, чем то же прибытие резервов в условиях позиционной войны. Массирование боевых средств на активных участках или активизация пассивных участков достигается подачей новых сил из глубины.

Эта глубинность современных операций, столь важная для применения стратегических резервов, проходит в обстановке возрастания мощности оборонительных средств. Современную оборону можно преодолеть лишь путем массирования превосходных средств, а сосредоточение превосходных средств и их наиболее целесообразное использование, естественно, приводит к проблеме централизации управления современным сражением. Постепенно действия дивизий и корпусов обезличиваются, и на первый план выступает армейская и фронтовая операция. Проблема массирования и проблема армейской и фронтовой операции, бесспорно, связаны с вопросом о стратегических резервах, так как они — наиболее мощное средство воздействия высшего командования на ход операции.

Также совершенно очевидно, что в современной операции одним ударом нельзя покончить с неприятельской армией. Ряд отдельных ударов, сливающихся в последовательные операции, расшатают фронт противника и сломят его конечное сопротивление...

Современная операция характерна еще тем, что в силу ее продолжительности и глубины часто очень трудно выдержать первоначальное операционное направление. Воля противника, условия местности, изменение качества войск в процессе данного сражения, условия базирования, обстановка транспорта, политические факторы — все это очень часто отклоняет основную массу войск от желательного операционного направления. Выпрямить это можно лишь путем ввода новых сил, что в данном случае опять упирается в проблему стратегических резервов.

Глубина современной операции все же имеет свои пределы. Здесь значительным грузом, отягощающим размах глубины, является вопрос о восстановлении путей сообщения по мере продвижения в глубь неприятельской территории. Современная война при всем использовании ж.-д. и автомобильного транспорта и при всем стремлении усовершенствовать свой конный транспорт все же будет характерна оперативными паузами. После достижения определенной цели войска будут вынуждены остановиться, выставить заслоны, а затем перегруппироваться, с тем чтобы начать новую операцию. Чем армия будет иметь больше средств восстановления железнодорожного транспорта, чем больше ее артиллерия будет моторизирована, чем скорее будет проходить в тылу формирование новых частей, чем мощнее будут в распоряжении Глав-

ного Командования стратегические резервы, тем короче будут эти паузы. К сокращению сроков этих пауз надо стремиться, так как они позволяют наилучшим образом осуществить последовательность отдельных операций и вместе с тем не дают возможности противнику совершить свои контрперегруппировки. Борьба таких ударных группировок на отдельных участках большого фронта будет особенно характерна для современной войны в условиях нашего театра военных действий.

Современная война поглощает большое количество живых сил и материальных средств. Если питание войны плохо налажено, то наступает истощение действующей армии, и отсюда проигрыш войны...

В прошлом теоретическая мысль возлагала на стратегические резервы роль обеспечения от всякого рода неожиданностей. Современная война в первую очередь возлагает на стратегические резервы активные задачи, рассматривая их как мощное средство создания ударных группировок в питании сражения. Тем не менее нельзя отрицать того, что в современной операции все еще возможны стратегические неожиданности. Усиление подвижности современных армий плюс целый ряд крупнейших политических факторов могут совершенно изменить стратегическую обстановку. В этих условиях роль стратегических резервов, способных исправить сложившуюся неблагоприятную обстановку, остается по-старому весьма важной. Мы, конечно, будем их использовать и в этих случаях как активное средство, а не как средство затыкания дыр. Одно надо запомнить, что стратегические ошибки труднее исправляются, чем ошибки тактического порядка, ибо тактическая мощь современных армий за последнее время возросла гораздо больше, чем стратегическая подвижность...

Не будем вокруг стратегических резервов создавать абсолютного фетиша. В современном учении о войне есть гораздо более важные вопросы, чем проблема стратегических резервов, но мы должны признать совершенно объективно, что вопрос о стратегических резервах все же является одним из существенных вопросов использования вооруженных сил на театре военных действий.

ПЕРЕБРОСКИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕЗЕРВОВ

Подвижность современных армий. Железнодорожный транспорт. Автомобильный транспорт. Походные движения. Работа штабов

Одним из важнейших вопросов общей проблемы стратегических резервов является их переброска. Трудности в этой области в свое время служили одним из наиболее серьезных

доводов для противников стратегических резервов. В самом деле, современные армии поражают своей громоздкостью, путей сообщения сплошь и рядом не хватает, а между тем ввод новых масс в линию фронта сопровождается необходимостью резать тылы уже действующих на фронте частей и, во всяком случае, сильно осложняет работу тыла.

Несмотря на кажущуюся громоздкость, все же надо признать, что современные армии могут сохранить подвижность, и они допускают широкое и быстрое маневрирование, но при условии тщательной и заблаговременной организации железных дорог, автомобильного транспорта и службы движения по грунтовым путям. При условии безотказной работы транспорта всех видов можно в очень короткий срок восстановить боеспособность потрепанных частей.

Опыт последних войн показал, что армия в течение войны возрастает в несколько раз, и один только вопрос о том, как подбросить на фронт новые силы, является весьма существенным; затем учтем, что потери в течение года достигают 100%, надо привезти из тыла пополнения, беспрерывные перегруппировки также отягощают работу транспорта. Нельзя весь транспорт занять только под переброску стратегических резервов, это можно сделать лишь на очень короткий срок, так как войсковой организм требует беспрерывного кругооборота грузов.

На первом месте по своему значению был и остается для ближайшего времени железнодорожный транспорт. В то время, когда пехота проходит в среднем 25 км, железнодорожный транспорт дает скорость до 600 км в сутки. Уже одно это обстоятельство, помимо мощи, т. е. грузоподъемности современных железнодорожных составов, вносит в современную стратегию такие новые оперативные понятия, каких не знали прошлые войны.

Совершенно прав Зайончковский, когда он в своем труде «Мировая война» говорит о том, что «еще раз подтвердилась уже известная истина, что армии, базирующиеся на разно развитую сеть железных дорог, ведут войну как бы в двух разных эпохах. Сравнение характера операций, с одной стороны, на русском, балканском и азиатском, а с другой стороны, на французском театрах служит лучшим тому доказательством».

Точно так же совершенно прав Свечин, который указывает, что в отношении оперативного развертывания в начале войны роль железных дорог почти не уменьшилась, но зато роль железных дорог в течение самой войны радикально переменилась. На самом театре военных действий требования ведения войны вызвали расширение и увеличение сети железных дорог. Борьба за обладание железнодорожными узлами

и другими путями сообщения проходит лейтмотивом через все наиболее крупные стратегические операции мировой и гражданской войн.

Однако природа железнодорожного транспорта имеет свои внутренние противоречия. Чтобы перебросить одну лишь дивизию, надо иметь около 40 железнодорожных составов. Погрузка такого количества эшелонов, равно как и разгрузка, отнимают много времени. Очень трудно найти такую развитую железнодорожную станцию, где могла бы одновременно производиться погрузка такого большого количества эшелонов, поэтому приходится ее вести одновременно на нескольких станциях; то же самое происходит во время разгрузки. Уходит много времени и сил на одну лишь организацию такой массовой выгрузки и погрузки. Но когда приходится одновременно перебрасывать несколько дивизий, то все трудности прогрессивно возрастают. Уже приходится считаться с числом наличных железнодорожных направлений, и, дабы их все использовать, войскам приходится часто совершать к станциям погрузки или от станции выгрузки большие походные движения. Даже при развитой сети железных дорог во Франции редко можно было найти более трех железнодорожных направлений, ведущих к желательному району; опыт показал, что даже там одновременно к одному району более трех дивизий по железным дорогам не перебрасывалось. Если же к данному району ведет только одна двухколейная железнодорожная магистраль, то по ней максимум в сутки может быть подброшена лишь одна только дивизия, и то такая переброска может быть произведена только в течение двух — трех дней, так как все остальные перевозки будут сокращены. При всех этих трудностях все же будем иметь в виду, что расчет железнодорожных перебросок поддается довольно точному учету, и здесь высшие штабы могут оперировать с довольно точными данными, если только они хорошо обеспечат свой железнодорожный транспорт от воздушно-химического нападения.

Начертание сети железных дорог также имеет огромное значение. Во время «бега к морю» французы находились в лучших условиях, чем немцы, которым пришлось вести перевозки по кружным путям, так как прямые пути еще не были восстановлены. В мировой войне германцы, имея внутри своей страны мощную железнодорожную сеть, без малейшего затруднения совершали переброски с фронта на фронт. В нашей гражданской войне Красная Армия имела разрушенный железнодорожный транспорт и почти все переброски с фронта на фронт приходилось совершать через Московский железнодорожный узел; отсутствие достаточного количества рокадных путей и слабая мощность железнодорожного транспорта очень часто стояли на пути разрешения тех или иных страте-

гических проблем. В наши дни мы видим целый ряд мероприятий у лимитрофов, направленных к тому, чтобы создать в своем тылу целую серию рокадных путей, долженствующих обеспечить переброску стратегических резервов с одного участка фронта на другой. Соответствующая конфигурация железных дорог и усиление их мощи составляют постоянную заботу генеральных штабов, которые предпочитают тратить деньги не на постройку крепостей, а на развитие железных дорог. Строительство железных дорог одновременно увязывается и с развитием шоссейных и грунтовых путей. Точно так же в мировой и гражданской войнах выявилось все значение речного транспорта.

Само совершение железнодорожного маневра должно опираться не только на четкую работу штабов, но и на соответствующую выучку войск, что в известной степени должно отразиться на их организационном построении. Современные дивизии должны быть максимально урезаны в отношении своих тылов. Эти тылы они должны получить уже на месте от армейского командования.

Вслед за железнодорожным транспортом идет автомобильный, который показал себя только в мировой войне и который в настоящее время имеет богатые перспективы. Количество автомобилей с каждым днем в общей экономике страны возрастает. Имеются уже примеры, когда в некоторых областях народного хозяйства автомобильный транспорт вытесняет железнодорожный. В наших условиях проблема автомобильного транспорта упирается в недостаток дорожной сети и в недостаточно развитую автомобильную промышленность, но оба эти препятствия, несомненно, будут в скором времени быстрым темпом изживаться. Если внимательно изучить опыт применения автомобильного транспорта во французской армии в течение мировой войны, описанный французским военным писателем Думенком, то мы узнаем, что даже во Франции вопросы дорожной сети вовсе не так обстояли благополучно, как это многим кажется. В самом деле, там на многих участках фронта дороги были в ужасном виде, но тем не менее автомобильный транспорт совершал большие дела. Организационно автомобильный транспорт постепенно централизовался. Автотранспорт во французской армии имел около 100 000 автомобилей, из коих для перевозки грузов было 60 000 автомобилей, специально артиллерийских 25 000 и специально для воздушного флота 15 000. В течение войны этот транспорт перевез 15 000 000 тонн грузов, 24 000 000 бойцов и 10 000 000 раненых. На автомобильной службе было занято 115 000 человек. Кроме того, для поддержания в порядке самих дорог имелось 2000 повозок, 1700 грузовых автомобилей, 424 паровых катка и более 600 механических машин для подметания дорог. Всевозможного рода ремонтных материа-

лов на французской дорожной сети союзники истратили 27 000 000 тонн, из коих около 8 000 000 тонн было доставлено по железной дороге. При соответствующей дорожной организации автомобильный транспорт может дать исключительные результаты. В сентябре 1918 г. автомобильный транспорт в течение 6 ночей перебросил на расстояние около 100 км 12 американских дивизий с общей численностью 400 000 человек.

Тем не менее, как и в железнодорожном транспорте, в автомобильном транспорте имеются внутренние противоречия. Для данной эпохи он хорош лишь как продолжение железнодорожного транспорта, ибо на расстоянии свыше 100 км он начинает медленно работать. Автомобильный транспорт хорош в первые дни стратегического кризиса, а затем его забивает железнодорожный транспорт. Во-вторых, чтобы поднять одну современную дивизию, надо иметь 560 трехтонных грузовиков, 100 полуторатонных грузовиков, 100 легковых машин и 60 мотоциклов. Такая огромная колонна зависит целиком от проходимости дорог, их состояния, умения шоферов, состояния машин и погоды. При всех благоприятных факторах она будет продвигаться со скоростью 12 км в час днем и 8 км ночью. Максимальный пробег 100—150 км, длина колонны 35—40 км. Во время таких автомобильных перебросок на всей дорожной сети вводится строгий режим движения: специализация маршрутов, особая сеть связи, распределение дорог между отдельными секторами, специальные комендатуры, сигнализация и пр. Но зато автотранспорт будет независим, чем существующая железнодорожная сеть, имеющая определенные пределы своей мощности; автомобильный транспорт может при желании быть массированным, чего никак нельзя сделать с железными дорогами. Вот почему с точки зрения маневра стратегическими резервами на развитие автомобильного транспорта и на умение им пользоваться надо обратить самое серьезное внимание. При соответствующем оборудовании дорожной сети можно одновременно с нескольких направлений подвезти несколько дивизий, что является чрезвычайно желательным оперативным фактором. С точки зрения погрузки и разгрузки трудности автотранспорта не превышают железнодорожных. Охрана от воздушно-химического нападения также легче, чем на неподвижной железнодорожной сети, имеющей такие уязвимые места, как железнодорожные станции, водокачки и пр.

В наших условиях, помимо железнодорожного и автомобильного транспорта, весьма значительное место останется и для перебросок путем совершения походных движений. Даже в условиях мировой войны на Западном фронте, где железнодорожные и автомобильные возможности были более богатыми, и там мы имеем сотни случаев перебросок стратегиче-

ских резервов походным порядком, причем они прибыли вовремя и успели принять участие в сражении. Основное теоретическое положение может служить бесспорным доказательством — разница в темпе движений. Скорость продвижения наступающих или отступающих войск в современной войне колеблется от 5 до 15 км, если идет речь о крупных стратегических соединениях. В это же время резервы могут продвигаться, делая в среднем не менее 25 км. Разница получается от 10 до 20 км в сутки, и эту разницу мы назовем полезной скоростью приближения стратегических резервов к избранному району. Если нам надо собрать стратегические резервы в течение, допустим, 5 дней, то, исходя из нормы полезной скорости, мы их сможем собрать из района, который не будет более удален, чем число дней, т. е. 5, помноженное на количество километров полезной скорости в данном конкретном случае, т. е. на 10, 15 или 20 км. При отходе наших частей полезная скорость возрастет еще более. Чем скорее войска первой линии продвигаются вперед, тем более узкий сектор будет для собирания стратегических резервов. Чем медленнее развиваются операции, тем этот сектор собирания стратегических резервов походным порядком будет более широким. В условиях позиционной войны сосредоточение резервов проходит более успешно, чем в маневренной войне.

Можно ли в современных условиях требовать усиленных маршей? На это надо ответить совершенно утвердительно. В гражданской войне на Восточном фронте 26-я дивизия в июле 1919 г. прошла с авангардными боями 165 верст в 4 дня. В ноябре 1919 г. одна из бригад 27-й дивизии на том же Восточном фронте с помощью мобилизации местного транспорта в одни сутки покрыла 105 верст. В июле 1920 г. одна из бригад 8-й дивизии, преследуя отходивших поляков, в 5 дней прошла 213 верст. В. Путна [99]) и М. Сангурский, изучавшие вопросы об усиленных маршах по опыту гражданской войны 1918—1921 гг., полагают, что при принятии ряда мер можно добиться того, чтобы отряды отдельных родов войск в течение 36 часов совершили переход в 85 км, а конница может сделать переходы от 85 до 100 км в сутки. Эти нормы и сроки для сосредоточения стратегических резервов очень важны. Надо иметь в виду, что в районе применения стратегических резервов при наступательных операциях раньше всего следует сосредоточить штабы, затем средства связи, разведки и наблюдения, потом авиацию и артиллерию и лишь в самую последнюю минуту пехотные массы. Вслед за ними мы сосредоточим средства преследования и эксплуатации успеха, т. е. конные массы. Иногда обстановка может потребовать изменения порядка сосредоточения.

Все вышеприведенные расчеты говорят о перебросках стратегических резервов из глубины, но можно их сосредото-

чивать путем изменения разграничительных линий между оперативными соединениями. В этом случае новое массирование сил будет происходить в процессе движения вперед или назад, в зависимости от того, наступают или отступают наши части. Нам кажется, что такой способ более медлителен, чем вывод частей из линии фронта и последующая их перегруппировка по тыловым путям. Первый способ подкупает тем, что не нужно значительно ломать систему подвоза, так как по мере изменения разграничительных линий они также автоматически будут снижаться или подниматься. Но зато налицо несомненная потеря темпа движения, ибо в лучшем случае нельзя будет добиться большей скорости, чем 12 км в сутки. Маневр по тылам, связанный, правда, с освобождением путей для перебрасываемых частей, позволяет осуществить бо́льшую скорость. Кроме того, вывод резервов из линии фронта более маскирует наши оперативные предположения, чем маневр разграничительными линиями. Противник, сохраняющий тесное соприкосновение с нашими частями, быстро обнаружит смещение по фронту наших частей. Наоборот, если он даже и узнает о том, что мы какие-то части вывели в резерв, то это лишь приведет его в состояние настороженности, и тем самым его оперативная свобода будет более скована, чем в том случае, когда он точно знает, где находятся наши части. Вот почему всегда следует предпочесть маневр резервами из глубины, нежели перегруппировку сил путем изменения разграничительных линий; на последнюю иногда будет вынуждено решиться командование, бедное резервами.

Нет никакого сомнения, что в процессе переброски стратегических резервов будут использованы все возможности: будет работать и железнодорожный транспорт, и автомобильный, и ряд частей совершат походные марши-маневры. Задача стратегических штабов — согласовать все эти движения в одну цельную картину, ибо налицо будут разные скорости движения, разные пути движения и др. Внимательный учет всех транспортных и маневренных возможностей составляет одну из самых важнейших отраслей работы современных штабов. В каждую данную минуту штаб должен иметь ответ на разные варианты стратегических перебросок. В самом деле, большинство операций в современной войне сведется к тому, что в ответ на нашу новую оперативную группировку противник ответит своей контргруппировкой. Кто лучше сумеет организовать маневр резервами, тот будет иметь больше шансов на выигрыш сражения. Последовательность стратегических операций, длительность современных сражений, вопросы питания сражений — все это упирается в технику перебросок стратегических резервов.

Активность при использовании резервов. Вывод частей в резерв. Ввод резервов в линию фронта и их использование

В первых главах настоящего труда мы, рассматривая исторические факты, сплошь и рядом встречались с неправильным применением стратегических резервов. Так как выделение этих резервов дается с большим трудом и так как их потеря возмещается с еще большими трудностями, то вопросы использования стратегических резервов являются кардинальными в общей проблеме данного вопроса.

Необходимо совершенно четко установить, что стратегические резервы никогда не должны быть использованы для пассивных целей, а только лишь для активных. Ни в коем случае стратегический резерв не должен быть употреблен для затыкания дыр на фронте; его употребление должно быть связано со стремлением разгромить противника — будь то противник, на нас наступающий, или противник, которого мы атакуем.

Резерв всегда должен быть использован в массированном виде. Как показал опыт прошлого, всякие попытки раздергивания резерва по отдельным частям никогда не давали положительных результатов.

Резервы всегда должны быть истрачены на главных театрах военных действий, а второстепенные театры должны уметь обходиться своими собственными силами. К сожалению, мы видим в опыте прошлого, как очень часто стратегические резервы текли не туда, где в это время разворачивались главные операции. Как бы успешно ни развернулись события на второстепенных театрах, все равно судьба войны будет решена на главном театре военных действий против главного противника.

Одним из важнейших вопросов является также проблема количественного содержания стратегических резервов по отношению ко всей массе войск. Тут трудно дать какие-нибудь твердые нормы, ибо все будет зависеть от обстановки. Главное командование должно каждый день внимательно изучать, насколько все войсковые части, находящиеся на фронте, действительно заняты продуктивной работой. При малейших возможностях необходимо немедленно формировать стратегические резервы. В первую очередь надо собирать в резерв артиллерийские части, пулеметные части, танки, авиацию, автотранспорт и запасы боеприпасов.

При всей трудности определить какую-то норму стратегических резервов можно все же из опыта прошлого указать цифру — от $^1/_5$ до $^1/_3$ всех сил, каковую желательно иметь в стратегических резервах. Чем яснее будет общая стратегическая обстановка, тем можно меньше сил иметь в стратегиче-

ских резервах, и, наоборот, чем обстановка менее ясна, тем размеры стратегических резервов должны быть увеличены. Против подвижного и активного противника надо иметь большие резервы; против малоподвижного противника резервы могут быть меньшие...

Не так легко дается процесс вывода частей в резерв. Здесь косность местных начальников доходит до серьезных размеров. Очень трудно добиться того, чтобы в первой линии не держать слишком много войск, хотя современное оружие этому весьма благоприятствует. Войска в первой линии несут сплошь и рядом совершенно бесцельные с общей стратегической точки зрения моральные и физические потрясения. Войска второй линии всегда имеют больше возможностей отдохнуть, пополниться, выделить кадры для новых формирований, подвергнуться дополнительной политической обработке и т. д. Несмотря на все эти явные преимущества, все же в умах командования господствуют пережитки линейной тактики, кордонного расположения и чувство локтя.

Выбор момента ввода стратегических резервов также представляет собой очень трудную задачу. С одной стороны, нельзя слишком рано вводить стратегические резервы, с другой стороны, нельзя слишком поздно. В каждом конкретном случае условия ввода стратегических резервов будут зависеть от общей обстановки, но принципиально желательно их вводить тогда, когда местные тактические и оперативные резервы уже полностью развили свою боевую мощь или одновременно с ними. Тем самым обильнее будет жатва, собранная стратегическими резервами. Самый ввод стратегических резервов должен произойти без всяких колебаний. Значение оперативного ориентирования Высшего командования необычайно возрастает в качестве бесспорной предпосылки для принятия им соответствующего правильного решения. Роль разведывательной службы, тщательный учет боеспособности уже дерущихся на фронте частей, умелый подбор командования — все это доставит немало забот тем стратегическим штабам, которым предстоит решать это дело.

Стратегические резервы перед вводом в дело должны быть тщательно замаскированы. Их районы развертывания должны быть скрыты даже от тех начальников, которые будут прикрывать это развертывание. В соседних и в противоположных районах должны быть произведены демонстративные атаки. Одновременно с вводом стратегических резервов в дело на всем фронте без исключения должен быть осуществлен общий переход в наступление, хотя бы с задачами ограниченного порядка. Только в этих условиях стратегический резерв сможет проявить свою полную мощь и осуществить внезапность нападения.

Войска, выделенные в стратегический резерв, должны

быть подвергнуты соответствующей политической обработке. Им должны быть внушены соответствующие наступательные тенденции, их удар должен быть уподоблен стреле, спущенной с туго натянутого лука. Они также должны пройти соответствующую боевую тренировку.

После этих общих положений перейдем к рассмотрению некоторых частных случаев использования стратегических резервов при разной обстановке. При мобилизации и развертывании армии роль стратегических резервов так же важна, как и в течение самой войны. Не следует торопиться с переходом армии в наступление, как это сделала русская армия в войне 1914—1918 гг. в Восточной Пруссии. Более правильно будет в современных условиях иметь сильную армию прикрытия, опирающуюся на укрепленные рубежи и укрепленные районы; тогда эта армия получит возможность отразить попытки противника нарушить планомерность сосредоточения наших сил. Стратегические резервы должны в это время подтянуться в район железнодорожных узлов рокадных линий, с тем чтобы послужить мощным источником усиления избранных для наступления операционных направлений. Сосредоточивать стратегические резервы следует в тылу важнейшего фронта или на его стыках, но отнюдь не раздергивать по разным фронтам. Еще в мирное время следует предусмотреть план сосредоточения стратегических резервов для первого периода войны.

В наступательных операциях маневренной войны добиваются превосходства сил соответствующей оперативной перегруппировкой. Однако нет никакой надобности, чтобы это превосходство сил было постоянным на всем протяжении данной операции. Современное сражение нельзя рассматривать, как прямую восходящую линию усилий. В нем будут периоды упадка напряжений, равенства усилий с обеих сторон, новое повышение мощности усилий и т. д. Желательно добиться превосходства сил в первые дни намеченной операции; тогда будут достигнуты бесспорные тактические успехи, и противник понесет наибольшие потери. Затем наступит момент, когда противник подтянет свои резервы, и тем самым на фронте могут иметь место элементы равенства сил. В этих случаях очень важно сковать все эти прибывшие резервы противника и не дать им возможности одержать над ними крупных оперативных успехов. Если при этом их удастся крепко сковать, то новый приток наших стратегических резервов, хотя бы даже в незначительных размерах, может иметь решающий успех с соответствующими оперативными и стратегическими выводами. Вот почему иногда невыгодно слишком рано вводить в бой свои стратегические резервы. Тут необходима выдержка, основанная на тщательном учете боевой обстановки. Самое главное при всем этом — это не

давать сражению на сокрушение части сил противника переходить в сражение на взаимное истощение. Если же, паче чаяния, наш наступательный порыв свелся к этому, то лучше такое сражение прекратить, перейти на данном участке к обороне и путем новой группировки сил и новых стратегических резервов искать решения на другом участке фронта.

Помимо этих общих указаний, можно конкретизировать употребление стратегических резервов еще в некоторых случаях маневренных операций. Принципиально желательно их держать поближе к флангам тех или иных наиболее важных оперативных группировок, ибо вокруг этих флангов обычно намечаются наиболее интересные стратегические комбинации. Резервы при этом эшелонируются в глубину. При наличии одного открытого фланга резервы, бесспорно, должны быть уступом за ним в одном переходе или далее. При двух открытых флангах место резервов за более важным из этих флангов. При обеспеченных флангах резервы должны быть распределены вдоль всего фронта. Чем меньше мы знаем о противнике, тем сильнее должны быть резервы...

В ходе маневренных операций часто испытывается нужда в подброске к данному операционному направлению новых сил, и здесь крайне важно, чтобы стратегические резервы прибывали не отдельными дивизиями в течение долгого срока, а более компактными массами...

В маневренной войне стратегические резервы сосредоточиваются с бо́льшим трудом, чем в войне позиционной, где пути сообщения и общая обстановка более стабилизированы. В силу быстрой изменчивости обстановки следует вперед выбрасывать штабы прибывающих стратегических резервов; они успеют ориентироваться в обстановке до прибытия своих войск.

Когда же в процессе маневренной войны приходится переходить к обороне, то и здесь порядок использования стратегических резервов должен быть своевременно предусмотрен. Не следует слишком близко держать их в первой линии; в этом отношении опыт русско-японской войны и сражений в Галиции в первой половине 1915 г. достаточно показателен. При переходе к оборонительным действиям стратегические резервы необходимо держать, исходя из транспортных возможностей, поближе к угрожаемым направлениям; этого правила не придерживались французы в первой половине франко-прусской войны [100]). Организационно необходимо обеспечить в составе стратегических резервов лучшие войска; не следует прибегать к таким спешным импровизациям, как это было у Куропаткина в русско-японской войне. Все же надо оправдать возможность появления и таких сборных резервов, которые иногда могут дать успех; так, например, дей-

ствия германских сборных групп при попытках ликвидировать Луцкий прорыв русских в 1916 г.[101]).

Когда наступает время использовать стратегические резервы в условиях обороны в маневренной войне, то не следует ими ударять в лоб противнику, а лучше брать его наступающую группировку во фланг. Так поступал Людендорф в войне 1914—1918 гг. на русском фронте, в гражданской войне мы видели такое же использование прибывших стратегических резервов в операции Фрунзе на Восточном фронте, при ликвидации Юденича и во время Орловского сражения. Отнюдь не следует разбрасывать стратегические резервы в веерообразном направлении, как это сделали австрийцы при Кенигреце[102]).

Очень часто придется в оборонительных операциях формировать стратегические резервы не только из числа вновь прибывших частей, но и за счет отходящих войск; последние для этой цели должны сильно оторваться от противника, как это и сделал Пилсудский в 1920 г. Тщетно будет стремление сформировать резервы при обороне из частей первой линии, находящихся в процессе соприкосновения с противником. Такие попытки заранее обречены на неуспех, чему можно найти многочисленное подтверждение в том же опыте мировой и гражданской войн.

Во время операции на преследование отходящего противника не следует проходить мимо вопроса о применении стратегических резервов, и в этом случае они и здесь понадобятся...

Преследование должно вестись минимальным количеством войск, а все остальное должно быть собрано в стратегические резервы. Теория последовательных операций и перманентной мобилизации указывает, что в современной войне отходящий противник на каком-то тыловом рубеже остановится и окажет новое сопротивление, которое может быть опрокинуто наступающим лишь с помощью ввода новых сил.

В позиционной войне использование стратегических резервов приобретает свои особенности. При организации прорыва укрепленной полосы резервы должны быть еще более мощными, чем в маневренной войне. Они будут питать наступательную операцию во всей ее глубине. Условия сосредоточения резервов более благоприятны; имеется полная возможность замаскировать районы сосредоточения. Путем демонстративных атак можно отвлечь резервы противника и в желательном направлении создать длительное по времени превосходство сил. Действия войск при прорыве укрепленной полосы наиболее показательны для современной проблемы расширения понятия о стратегических резервах; в них уже включаются не только войсковые соединения, но и материальные средства разрушения. Так как в условиях позицион-

ной войны необходимо, чтобы оперативные паузы сводились к минимуму, то в процессе одной наступательной операции необходимо предусмотреть все варианты переброски стратегических резервов на новое направление. Наконец, надо иметь в виду, что в условиях позиционной войны создание плацдарма для наступления и оборудование зоны стратегических резервов требуют огромных материальных средств.

Особенно возрастает роль резервов при обороне. Взаимодействие между войсками первой линии и резервными массами должно быть тщательно проработано. Всегда резервы следует употреблять для контратак в массированном виде, придавая этим контратакам характер наступления с ограниченными целями. Стремление заткнуть хотя бы самую небольшую первоначальную брешь в нашем оборонительном расположении не должно встретить сочувствия. Нечего бояться этих частичных неудач в первой линии, ибо наступающий противник при этом сильно истощается и плотность огня его сильно уменьшается. Это создаст наиболее благоприятную обстановку для контрудара наших стратегических резервов. Тут главное — тщательно проработать все варианты использования стратегических резервов, и крайне желательно избегать при этом импровизаций, при которых мощность стратегических резервов не может быть использована полностью. Резервы должны быть расположены в составе целых войсковых соединений, они могут быть рассредоточены, но должны находиться около железнодорожных станций или шоссе, т. е. исходить из учета транспортных возможностей.

Если все же первая попытка использования в обороне стратегических резервов не удалась и войскам приходится отходить, то необходимо заранее предусмотреть те рубежи, на которых возможно задержать наступление противника, и на этих рубежах сосредоточивать прибывающие стратегические резервы. На этих рубежах в первую очередь сосредоточатся более подвижные средства, как-то: конница, пехота на автомобилях (хотя бы даже и без обозов), моторизованные части и т. д.

Следует часто менять организационный состав стратегических резервов, что не даст возможности противнику разведать наши намерения. В мировой и гражданской войнах некоторые части настолько себя зарекомендовали, что их прибытие на тот или иной участок фронта сразу раскрывало глаза противнику на то, что здесь готовится новый мощный удар. Желательно так организовывать стратегическую массу резервов, чтобы противник находился в полнейшем неведении и чтобы тем самым понижалось его самочувствие...

Последним вопросом, который надо рассмотреть, это взаимоотношения между стратегическими резервами и войсками первой линии. Тут необходимо взаимное понимание

обязанностей; в статике войска первой линии должны всемерно прикрывать сосредоточение стратегических резервов и ни в коем случае не стремиться извлекать из них частичных поддержек, как бы тяжела ни была обстановка на фронте. В динамике войска первой линии должны подготовить все данные, необходимые для использования стратегических резервов, а затем оказать им непосредственное содействие. Таким образом, союз той части войск, которая уже находится на участке применения стратегических резервов, вместе с самими стратегическими резервами является абсолютно необходимым. Он обеспечит максимальный успех...

Особенно велика роль вторых эшелонов в армейской операции, так как современные дивизии и корпуса первой линии очень часто нуждаются в помощи армейских средств...

От наличия стратегического резерва можно смело отказаться при условии бесспорного превосходства сил над противником, причем это превосходство должно быть не местного характера, а общим в пространстве и во времени. Во всех остальных случаях стратегические резервы нужны будут, но высшее командование должно одновременно стремиться к максимальному сокращению оперативных пауз. Развитие военной техники идет навстречу этому основному устремлению современной стратегической мысли.

(С. М. Белицкий. «Стратегические резервы». Госиздат, Отд. военной литературы, М.— Л., 1930, стр. 257—289.)

А. М. ВОЛЬПЕ

Абрам Миронович Вольпе *(1893—1937). Участник гражданской войны. Член КПСС с 1917 г. Окончил Военную академию РККА в 1922 г. Был преподавателем Военной академии им. М. В. Фрунзе. Занимал ряд крупных постов в центральном аппарате Наркомата обороны. В начале тридцатых годов командовал дивизией, в последние годы был начальником Штаба Московского военного округа и затем начальником Управления Главного управления РККА.*

Основной труд. *«Фронтальный удар», Госвоениздат, 1931.*

ФРОНТАЛЬНЫЙ УДАР

Приведенные отрывки взяты из капитального труда «Фронтальный удар» А. М. Вольпе, изданного в 1931 г. В этом труде автор, исследуя опыт первой мировой войны, поставил своей задачей показать характер различных форм фронтальных ударов, наносимых с целью преодоления позиционных условий ведения боевых действий. Написанная им работа «Фланговый удар», в которой исследуется опыт маневренных операций первой мировой войны, не была издана.

МАНЕВР ПО ВНУТРЕННИМ ЛИНИЯМ, КАК ОСНОВА МАНЕВРА В ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Одной из величайших слабостей стратегии XIX столетия было то, что она никак не могла связать концы с концами в вопросе о действиях по внутренним и внешним операционным линиям. Усматривая преимущества и в концентрических и в эксцентрических действиях, старая стратегия выдвинула два принципа, прямо противоположных друг другу.

1. Противника выгодно бить по частям, пользуясь внутренними операционными линиями. Для этой цели нужно армию держать сосредоточенно и, если противник разъединил свои силы, бросаться на ближайшего противника раньше, чем другой поспеет на помощь. Это — школа Фридриха II и Наполеона. Она нераздельно властвовала до середины прошлого столетия.

2. Противника выгодно бить оружием, пользуясь внешними операционными линиями. Для этой цели армию нужно

развертывать на широком фронте, выигрывать фланги противника, охватывать и бить противника с тыла. Это — школа Мольтке. До мировой войны в военной теории дискуссия велась главным образом вокруг проблемы выгодности и невыгодности тех или иных операционных линий.

Подняться до сознания того, что война есть единая система действий по внутренним и внешним операционным линиям, старая стратегия не могла, ибо она не имела инструмента согласования противоречий. Стремясь устранить противоречия операционных линий, она попадала из одной крайности в другую, предлагая общие рецепты на все случаи жизни. Только отдельные лица сумели подняться до сознания, что отнесение тех или иных операций к таким абстрактным понятиям, как операционные линии, является условностью, помогающей разобраться в сложном процессе боевой действительности. Ведь в самом деле, если одна сторона действует по внутренним линиям, то другая может действовать по внешним и т. д. ...

Позиционная война произвела переворот в оценке операционных линий вообще, внутренних и внешних операционных линий в частности. Если в этих терминах оставить старое содержание, то от них вообще следует отказаться, так как позиционные операции мировой войны дают такое обилие комбинаций операционных линий, что вместо закономерности получается хаос.

Новая «сущность» операций мировой войны, вынуждающая по-иному ставить вопрос о внутренних и внешних операционных линиях, заключается в том, что армии *одновременно находились в состоянии разъединения и соединения, рассредоточения и сосредоточения*. Занимая широкие и сплошные фронты на много сот километров, армии неизбежно разъединяли свои силы, располагаясь кордоном. Но, имея мощные сообщения, армии в короткий срок легко сосредоточивались к любому пункту фронта. Расстояния до известной степени потеряли свое значение. *Более короткие расстояния, являющиеся основой действий по внутренним линиям в старом понимании этого слова, когда армии передвигались только пешим порядком, заменились выигрышем времени посредством более быстрых средств механического транспорта*. Полностью расстояния, конечно, не потеряли своей роли. Антанта не могла своими вооруженными силами помочь России, так как Антанта не могла преодолеть неудобств, связанных с ее «наружным» положением.

Независимо от цели маневра (маневр обхода, охвата, прорыва) во время мировой войны каждый железнодорожный маневр являлся маневром по внутренним линиям. Каж-

дый автомобильный маневр носил такой же характер. Маневр по внутренним линиям превратился в маневр на своих тыловых путях сообщения.

Французской военной теорией (Кюльман, Серриньи, Дю-Фур и др.) маневр по внутренним линиям введен как одна из основных форм операции.

В наиболее чистом виде маневрирование по внутренним линиям проявилось в маневрировании Серединного союза в течение всей войны.

Одна Германия в течение мировой войны перевезла по внутренним линиям на различные театры войны 378 дивизий.

Но и наружно расположенные армии Антанты — на Западном и Восточном театрах — широко маневрировали на внутренних линиях. Даже в России межфронтовые переброски дают цифры 150—200 дивизионных перевозок в год.

ОПЕРАТИВНЫЕ ПАУЗЫ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Причины неправильного подхода к оценке позиционной войны кроются в том, что последнюю смешивают с неизбежными на войне остановками военных действий. Верно, что приостановка активных действий явилась необходимым этапом при переходе войны к позиционным формам, но остановки неизбежны и в самой подвижной, маневренной войне. Продолжительные остановки имели место во всех прошлых войнах. Проблема остановок имеет большое значение, ибо остановки в общем значительно превышают продолжительность военных действий...

Во время мировой войны весьма длительные остановки вызывались большим числом сложных причин объективного порядка, вынуждавших к остановкам независимо от воли командования.

Причины эти таковы.

1. Сопротивление противника, которое в большинстве случаев вынуждало наступающего прекратить активные действия (это — главнейшая причина).

2. Истощение сил наступающего вследствие людских потерь. Многодневные сражения неизбежно вызывали огромные потери. Поскольку не было возможности эти потери пополнить в ходе сражения, то через некоторое время большинство войсковых соединений настолько уменьшалось по своей численности, что уже теряло способность к дальнейшим активным действиям. Тем самым ослаблялась наступательная мощь всей ударной массы, и наступление приостанавливалось. На Западном театре с этим злом боролись путем ввода новых свежих соединений из тыла. Но когда операции продолжались много месяцев, то в определенный момент не хватало и резервов. В тех случаях, когда командование не же-

лало считаться с законом истощения, результатом многих наступлений были тяжелые поражения. К факторам людского истощения нужно отнести физическую и моральную усталость, болезни и пр.

3. Истощение материальных запасов. Сражения требовали такого большого количества материальных средств, что текущим производством даже мобилизованной промышленности удовлетворить эти потребности было невозможно. Для накопления запасов требовалось долгое время. Достаточно указать, что французская промышленность в 1918 г. производила до 200 000 75-мм и 50 000 тяжелых снарядов в сутки. Тем не менее после перехода в наступление французская армия быстро истощила все свои запасы...

4. Превращение каждой операции в акт общегосударственного масштаба. В подготовке операции играли роль не только «свободная воля» Главного командования, но и правительство и все ресурсы страны. Главное командование обычно вынуждено было ждать, когда мобилизованное народное хозяйство позволит заготовить достаточную материальную базу и подготовить (обучить) новые людские контингенты для пополнения потерь и для новых формирований.

5. Затруднения в подвозе по мере продвижения армии вперед. Неоспоримо установлено, что в связи с отставанием быстроты восстановления железных дорог от быстроты продвижения войск дальнобойность операций имела определенные пределы.

В позиционной войне на Западном театре, если судить по опыту 1918 г., отрыв армий от головных железнодорожных станций на 2—3 перехода уже создавал почти непреодолимое затруднение в подвозе.

6. Время, необходимое на подготовку операции. Это время колебалось от одного до трех месяцев.

Словом, причин для остановок было достаточно.

Но особенность позиционной войны заключалась в том, что боевые действия фактически не прекращались и во время остановок. Разница между периодами остановок и периодами действительных сражений заключалась в степени боевого напряжения. В период остановок борьба носила все черты осадной войны: вплотную сдвинувшиеся фронты, продвижения сапами, минная борьба, беспрерывная бомбардировка, минометная и бомбометная борьба, снайперская борьба, частые атаки и контратаки, поиски и т. д. не прекращались даже в самые спокойные периоды. Периоды сражения являлись своеобразным штурмом части крепостных сооружений противника, которые протянулись через всю территорию государств.

Такое сочетание непрерывности и прерывности сражения является характерной чертой позиционной войны.

Позиционный характер войны отнюдь не следует сводить к одной длительности, хотя длительность и является одним из признаков позиционной войны. Но не менее длительной может быть и маневренная война. Гражданская война в СССР также продолжалась четыре года, несмотря на ее исключительную маневренность. Не являются специфическим признаком позиционной войны и длительные остановки. Те причины, которые вызывали остановки в мировой войне, могут одинаково оказать свое влияние и в маневренной войне. Боевое напряжение в позиционной войне было не меньше, а больше боевого напряжения прошлых маневренных войн. Только гражданская война в СССР обнаружила еще большее боевое напряжение. Но в то время как в гражданской войне напряжение имело яркое внешнее выражение в больших пространственных передвижениях фронтов, в позиционной войне этого внешнего выражения не было. Только на кладбищах и в госпиталях статистики, учитывавшие потери, могли определять коэффициент боевого напряжения позиционной войны...

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИОННОЙ ВОЙНЫ И ФРОНТАЛЬНОГО УДАРА

...Позиционная война на Западном и Восточном театрах — это два отличающихся друг от друга типа позиционной войны. На Западном фронте позиционная война возникла независимо от воли противников. Наоборот, Главное командование обеих сторон, особенно Антанты, систематически стремилось разорвать позиционные оковы фронта. Один — два раза в году ценой колоссальных усилий и жертв они пытались прорывать фронт, но безуспешно. Ни материальные, истощающие, многомесячные сражения у Вердена и на Сомме, ни могучие удары под Аррасом и на Эне не могли преодолеть позиционного чудовища. Только в 1918 г., когда Антанте удалось добиться достаточного количественного и качественного превосходства в силах над Германией и когда моральные, физические и материальные силы Германии настолько истощились, что она уже больше не могла противостоять врагу, позиционная война перешла в маневренную. При той обстановке, какая сложилась на Западном театре, при известном равенстве сил, при тех миллионных армиях и технических средствах, которые были двинуты на театр войны, при недостатке пространства для маневрирования этих миллионных армий, при упорстве противников и т. д. позиционная война в период 1915—1917 гг. явилась неизбежным результатом.

Совершенно иной характер носила позиционная война на Восточном театре. Хотя здесь также участвовали огромные силы и средства; хотя крайние фланги также упирались в моря; хотя полевые фортификационные сооружения также

имели большое развитие; хотя маневрирование по внутренним линиям также достигло больших размеров — тем не менее в целом здесь была совершенно другая обстановка. На Восточном театре была своеобразная позиционно-маневренная война. Это была какая-то недоразвитая позиционная война, которая все время подтягивалась к образцам Западного фронта, но все же значительно отставала от последнего, создавая свой особый характер и свою динамику.

Главнейшая причина своеобразия войны на Восточном театре заключалась в том, что по всем основным элементам, определяющим характер операций на Восточном театре, сложилась другая обстановка.

Экономика и политика большинства враждующих стран Восточного театра была гораздо слабее экономики и политики противников, боровшихся на Западном театре...

Хотя масштаб войны вызвал и здесь необходимость развертывания многомиллионных армий, но эти армии не имели достаточного технического оснащения. Внутренние экономические возможности этих стран даже при перенапряжении не могли обеспечить все потребности войны. Поэтому почти все страны Восточного театра все время находились в большой зависимости от своих союзников (на одной стороне Германии, на другой — Франции и Англии), которые осуществляли во всех отношениях гегемонию в коалициях.

Армии в боевом отношении были гораздо слабее армий Западного театра. Театры войны при гораздо больших, чем на западе, пространствах в культурном отношении были гораздо меньше развиты, особенно в отношении сообщений (железнодорожных, автомобильных и др.). Общая плотность действующих на фронте сил на Восточном театре была в 3—4 раза меньше, чем на Западном.

Все эти обстоятельства привели к тому, что Восточный фронт носил позиционный характер лишь условно, до тех пор пока противники молчаливо соглашались считать его позиционным. Но лишь только к этому хрупкому зданию прикасался мощный хирургический инструмент, позиционная война немедленно выявляла свою маневренную природу... На русском театре были неизбежны длительные остановки между периодами операций, но война никогда не приняла таких форм, какие она имела на западе. Только на отдельных участках позиционная война приобретала вполне свой особый характер...

И на Восточном фронте образовались сплошные и стабилизованные фронты. Соотношение сил ни одному из противников в течение долгого времени не давало решающего преимущества. При таких условиях фронтальные операции стали неизбежными и на Восточном театре. Но фронтальные операции на Западном и Восточном фронтах имели ряд кар-

динальных отличий. Особенно резко эти отличия сказывались во фронтальных операциях на прорыв.

На Западном фронте прорыв в конце концов представлял собой некий идеал, к достижению которого безуспешно стремились обе воевавшие стороны. Большинство сражений на прорыв неизбежно выливалось в длительные фронтальные сражения на истощение. Если смотреть на сражение оперативного масштаба только как на средство уничтожения живых сил противника, то каждое из этих сражений на западе достигало своей цели с той лишь разницей, что потрясающие потери в людях и материальных средствах несли обе стороны. Но в то же время обе стороны, сохраняя в нерастворенном виде весь военно-производственный и военно-организационный аппарат, могли беспрерывно воссоздавать мощь своих армий на основе своеобразного «расширенного воспроизводства». Тем самым результаты сражения уравнивались и не могли иметь непосредственных оперативных последствий. Но если смотреть на операцию не только как на средство уничтожения живой силы, но и как на средство для захвата неприятельской территории и неприятельских жизненных центров, как на средство дезорганизации противника, то следует признать, что большинство операций на Западном театре совершенно не удавалось. Неудача приносила наступающему горькое разочарование и большой ущерб как в отношении моральной устойчивости армии, так и в настроениях масс внутри страны. Неудачные результаты неизбежно приводили к сознанию, что колоссальные жертвы были принесены напрасно. Даже благоприятный для той или иной стороны подсчет потерь не мог искупить подавленного настроения вследствие неудачи. Обороняющийся же, неся зачастую не меньшие, а даже большие потери, поднимал свою боеспособность «громом победы» — сознанием, что неприятель отражен...

Отвлеченно рассуждая, можно представить себе такое положение, при котором сражением на людское и материальное истощение противника можно довести его до сознания бесполезности дальнейшей борьбы. Достаточно найти в расположении противника такую точку на фронте, ради которой он готов бороться до последнего человека, атаковать эту точку могущественными техническими средствами и повторными атаками превратить этот географический пункт в могилу для неприятельской армии...

Основные причины неудач прорыва на западе могут быть представлены в следующем виде.

1. Мощная укрепленная система обороны, создававшая перед фронтом атаки ряд преград, из которых каждой можно было овладеть только после длительной подготовки. Каждая операция требовала огромных сил и средств, которые нужно было накапливать.

2. Необходимость длительной подготовки каждой операции, требовавшей в каждом случае нескольких месяцев. Такая подготовка не могла ускользать от внимания противника, и в большинстве случаев он имел возможность своевременно принять меры для парирования удара.

3. Своеобразные условия окопной войны, быстро приводившие оперативные группировки к длительным тактическим кровопролитным состязаниям за отдельные местные предметы. Тщательно разработанные планы обороны на отдельных участках давали обороняющемуся преимущества борьбы в условиях знакомой обстановки, в то время как наступающий, проникший в расположение противника, делал прыжок в неизвестность.

4. Быстрое истощение наступающего в связи с неизбежными потерями от уничтожающего огня обороны. Прорыв первой линии обычно всегда удавался, но перед второй и каждой из последующих линий наступающий неизбежно останавливался и должен был вновь приступать к длительной подготовке новой атаки. Но эта подготовка осуществлялась уже не в спокойной обстановке, а в условиях непрерывного сражения вследствие контратак противника.

5. В распоряжении наступающего еще не было таких подвижных средств, которые позволили бы ему после первого удара так глубоко и широко вклиниться в расположение противника, чтобы не дать ему возможности восстановить сплошной фронт.

6. В то же время мощные железнодорожные и автомобильные сообщения позволяли обороняющемуся быстро противопоставлять наступающему равные и даже большие силы. Сражение превращалось в некое железнодорожное и автомобильное состязание, быстро сводившее на нет все превосходство наступающего в первый период сражения.

Превращение сражения на прорыв в сражение на истощение не ускользнуло от внимания военного руководства французской и германской армий, но каждое из них сделало из этого факта совершенно различные выводы...

«Сражение на истощение» является основной оперативной формой позиционной войны, стратегия которой была стратегией последовательного истощения противника...

Позиционная война на Восточном театре установилась только в конце 1915 г. Вернее, это была не позиционная война в доподлинном смысле этого слова, а стабилизация сплошного фронта. До этого времени война на востоке носила, безусловно, маневренный характер. Причина столь поздней стабилизации фронта на востоке, помимо огромных пространств театра, заключалась в том, что процесс «приспособления» русской экономики к войне чрезмерно затянулся. В то время как мощная экономика крупных западноевропейских госу-

дарств (Франции, Германии) в основном сумела преодолеть кризис приспособления еще в начале 1915 г., мобилизация промышленности в России началась только к концу 1915 г. Кризис приспособления русской экономики нашел свое наиболее яркое выражение в недостатке снарядов на фронте, который с исключительной силой обнаружился летом 1915 г. Острый кризис коснулся не только снарядов, но и всех предметов боевого снабжения: патронов, винтовок, орудий, пулеметов и пр. Чтобы выиграть время для мобилизации промышленности, Россия была вынуждена путем всеобщего отхода армий уступить противнику огромное пространство. Колоссальная территория России позволяла без ущерба прибегнуть к такому маневру...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оперативные формы фронтального удара должны занять в теории ведения операций такое же место, как и формы флангового удара. Эти формы фронтального удара могут быть сведены к следующим типам:

1) фронтальный прорыв;

2) удар по сходящимся направлениям и

3) комбинированный удар.

Дополнительно к ним должны быть взяты на учет:

4) операции на истощение и

5) система операций с ограниченной целью.

Идея последовательных операций по фронту при известных обстоятельствах также может быть использована.

Все эти типовые формы отнюдь не являются принадлежностью только позиционной войны. Необходимым условием для неизбежного возникновения этих форм и в будущем является лишь сплошной фронт большей или меньшей устойчивости. При известных обстоятельствах даже обход открытого фланга приводит к фронтальному столкновению...

Во-первых, надломом в политико-моральном состоянии армий. Разваливающаяся армия (по каким бы причинам этот развал ни происходил) держать позиционного фронта не может. Для позиционной войны необходим известный минимум политико-моральной устойчивости.

Во-вторых, многомиллионные армии с мощной техникой. Эти миллионные массы и средства создают не только условия для сплошных, стабилизованных фронтов, но и предпосылки для преодоления этих фронтов. Миллионные армии — армии вооруженного народа — в условиях буржуазного господства неизбежно входят в противоречия с буржуазными целями войны. Миллионные армии капиталистических государств являются неизбежным продуктом современной

эпохи буржуазной культуры и буржуазной демократии и, состоя в подавляющем большинстве из рабочих и крестьян, таят и развивают в себе все классовые противоречия буржуазного общества. Буржуазия может эти противоречия временно сгладить и подавить, но не разрушить. Во время войны эти классовые противоречия обостряются, стимулируя не только превращение войны империалистической в войну гражданскую, но и превращение позиционной войны в войну маневренную.

Чтобы преодолеть страшную опасность, связанную с вооружением многомиллионных масс, буржуазия выдвигает ряд проектов: проект Фуллера о небольшой механизированной армии; проект Секта[103]) об организации наемной, небольшой армии наряду с массовой армией милиционного типа; проект Муссолини, организовавшего в Италии фашистскую милицию наряду с регулярной армией, и т. д. Но все эти проекты не могут разрешить противоречий современных вооруженных сил, организуемых буржуазией. Экономическое и людское истощение, связанное с длительной позиционной войной, в определенный момент катастрофически ускоряет развал армии.

В-третьих, мощь технических средств, создавшая не только сплошные стабилизованные укрепленные фронты, но и возможность разрушать и подавлять эти фронты. Развитие технических средств борьбы идет в настоящее время неслыханно быстрыми темпами, значительно обгоняя достижения 1918 г. Абстрактно теперь нельзя представить себе таких укрепленных фронтов, которые не могли бы быть преодолены мощью технических средств.

В-четвертых, подвижность этих средств. Развитие техники открыло возможности для величайшей подвижности средств наступления в больших массах и с большой мощностью. С того момента как была разрушена проблема подвижности, нельзя представить себе позиционной войны, если государство сознательно примет меры к вооружению своей армии всеми необходимыми средствами для того, чтобы война не стала позиционной.

Могут указать и указывают, что развитие современных технических средств борьбы (моторизованных и механизированных частей, танков, авиации и пр.) при условии использования их обоими противниками также может создать равновесие, переходящее в позиционную войну. Такое заключение неправильно. В прошлые века все армии имели почти одинаковые условия, но позиционных войн такого типа, как мировая, не было. Были длительные войны (даже тридцатилетние), но маленькие армии, хотя бы на клочке земли, всегда маневрировали, «играли в прятки», обходили фланги, сражались перевернутыми фронтами и т. д.

Формально говоря, развитие всех перечисленных условий не должно привести к позиционной войне. Но жизнь бесконечно богаче формальных выводов и схем. Из анализа условий, вызвавших превращение позиционной войны в маневренную, отнюдь не следует делать вывода, что эти закономерности неизбежны для каждой войны и в будущем. Вышеизложенная схема характерна для мировой войны, но в других условиях, наверное, будет по-иному.

Между позиционной и маневренной войной вообще нет резкой непреодолимой грани. Война может быть или более маневренной или более позиционной. Нельзя дать гарантии, что в будущей войне можно будет совершенно избегнуть позиционных форм, периодов, участков и т. д.

Мы можем лишь констатировать, что развитие современных производительных сил, развитие современной техники в основном разрешило те технические противоречия, которые привели к позиционной войне. Противоречия же политического порядка (революционно-классовые, национальные и др.), ведущие к неизбежному разложению буржуазных армий во всем мире, не только не разрешены, но углубляются и расширяются изо дня в день. Внутренние классовые противоречия империалистических государств, внешние противоречия этих государств, противоречия между угнетающими империалистическими государствами и угнетаемыми колониальными народами, противоречия между капиталистическим миром и СССР неизбежно ведут к новым войнам, масштаб которых значительно превзойдет масштаб войны 1914—1918 гг.

Вся эта сложная мировая обстановка создает такую многогранность условий, что совершенно невозможно предугадать, какие формы оперативного маневра будут господствующими в войне будущего. Можно определить лишь основные тенденции. Эти тенденции ведут не к позиционной, а к маневренной войне.

Автор этого труда вовсе не намерен рекламировать формы фронтального удара в ущерб фланговым формам, какими являются обход, охват и др. Достигающий цели обходный маневр выгоднее даже самого широкого фронтального удара, разбившегося о сопротивление противника. Но точно так же успешный прорыв даже на узком фронте может привести к таким результатам, которые нельзя получить даже при самом большом обходе несуществующего фланга. В конце концов решение может быть найдено в том, что после успешного прорыва (фронтального удара) на широком фронте в прорыв будет пущена машинизированная конная армия или механизированная армия — армия танков, самоходной артиллерии и авиации, и мы будем свидетелями *слияния в единство фронтальных и фланговых операций на более высокой материально-технической базе.*

Из опыта мировой войны вообще нельзя делать прямых выводов о характере оперативных форм в войне будущего, особенно в войне, которую придется вести СССР при отражении нападения коалиции капиталистических государств. Всякая попытка абстрагировать характер и формы операций мировой войны обречена на бесплодие.

В тот период, когда на Западном театре продолжалось чудовищное столкновение миллионных масс, в России создались совершенно иные условия.

Превращение империалистической войны в гражданскую привело к совершенно новому характеру операций, резко отличавшихся от характера операций мировой войны. Маневренность гражданской войны не может быть объяснена условиями, приведшими к маневренной войне в 1918 г. Другие причины, другие закономерности предопределили характер операций гражданской войны.

Но мировая война определила тенденции развития современных империалистических армий и современной военной техники. В той мере, в какой эти данные влияют на характер оперативных форм, пройти мимо основных выводов из опыта мировой войны невозможно без опасности повторить ошибки 1914 г.

Готовясь решить задачу обороны страны в маневренной войне, Красная Армия должна развивать и развивает в своих рядах пролетарские классовые качества — коллективную спайку и героизм масс, мобильность, ударность, смелость, инициативу, беззаветную преданность делу Коммунистической партии — и такие технические средства, которые обеспечат ей успех путем применения самого обширного, самого сокрушительного маневра.

(А. Вольпе. Фронтальный удар. Госвоениздат, М., 1931 г., стр. 43—53; 211—218; 386—389).

★ ★ ★

А. И. ЕГОРОВ

Александр Ильич Егоров *(1885—1941). Подполковник старой русской армии. В Красной Армии — с начала ее организации. В гражданской войне был командующим армий, фронтов, после гражданской войны — командующим военных округов, начальником Генерального штаба РККА и заместителем Наркома обороны СССР. Маршал Советского Союза. Член КПСС с 1918 г. Был кандидатом в члены ЦК ВКП(б) с 1934 г.*

Основные труды. *«Львов — Варшава. 1929 год»; «Взаимодействие фронтов», Госвоениздат, М., 1929; «Разгром Деникина. 1919 год». Госвоениздат, М., 1931; «Киевское сражение 1920 года», «Военно-исторический бюллетень», изд. НКО, М., 1936.*

ТАКТИКА И ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО РККА НАЧАЛА ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ

Помещаемая в сборнике статья представляет собой тезисы Начальника Штаба РККА Маршала Советского Союза А. И. Егорова Реввоенсовету СССР по вопросу о новых оперативно-тактических проблемах, возникших в связи с технической реконструкцией Советской Армии. Тезисы эти были разработаны Штабом РККА к лету 1933 г. и послужили основой для изданной затем инструкции «Временные указания по организации глубокого боя», разосланной в феврале 1933 г. в войска. Материал представляет значительный интерес потому, что он отражает официальные взгляды по важнейшим вопросам советского военного искусства начала тридцатых годов.

ВВЕДЕНИЕ

1. Принятый РВС Союза план строительства ВВС и мотомехчастей, внедрение механизации и моторизации в стрелковые и кавалерийские части и соединения в ближайшие 1—2 года не только в корне изменят организационную структуру РККА, но и поставят ряд новых проблем стратегического и оперативно-тактического порядка.

2. В 1933 г. мы будем иметь мощные соединения, как авиационные и механизированные корпуса. По средствам подавления мы можем обеспечить ударную группу корпусов и несколько ударных армий значительными добавочными средст-

вами нападения (авиация, танки, артиллерия и т. д.), которые позволяют по-новому ставить вопрос о характере боя и операции...

ТАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1. На данном этапе строительства РККА, при насыщении войск новейшими техническими средствами борьбы и управления, целый ряд тактических вопросов (наступление, оборона, преследование и т. д.) приобретает совершенно другой характер действий.

Современные средства поражения в силу их большой мощности (авиация, АРГК), быстроходности (танки, авиация) и дальнобойности позволяют поражать противника одновременно на всей глубине его расположения в отличие от нынешних форм боя и атаки, которые можно характеризовать как последовательное подавление отдельных расчленений боевого порядка.

Эти средства используются так, чтобы парализовать огонь всех средств обороны независимо от глубины их расположения, изолировать одну часть противника от другой, нарушить взаимодействие между ними и разбить их по частям.

Для нанесения удара и производства атаки по всей глубине боевого расположения противника войсковым соединениям должны быть приданы:

а) авиация — для подавления артиллерии и разгрома резерва;

б) добавочная артиллерия — для подавления пехоты и пехотных огневых средств, ПТО и артиллерии;

в) танки — для подавления пехотных огневых средств, артиллерии и разгрома резерва...

Встречный бой. Наличие большого количества танков, артиллерии и авиации, несомненно, отражается и на характере встречного боя. Имеется возможность иметь в авангарде более сильную артиллерийскую поддержку, примерно три — четыре арт. дивизиона на стрелковый полк (не считая полковой артиллерии), танки сопровождения пехоты, примерно один батальон на стрелковый полк. Это все вместе в высшей степени усилит наступательную силу авангарда и позволит ему более быстро достигнуть развязки с охраняющими частями противника.

Наличие боевой авиации и быстроходных танков позволяет начальнику колонны первое воздействие на противника произвести этими более дальнобойными и быстроходными средствами.

«Завязывает» бой авиация. Первые нападения на противника производит она. Своими действиями она может расстроить колонны главных сил противника, изолировать одну

колонну от других, изолировать авангард от главных сил колонны. Достигается это повторными действиями, производимыми отдельными отрядами или эскадрильями.

Быстроходные танки, по всей вероятности, будет целесообразнее пускать в дело сразу после развертывания артиллерии авангарда с тем, чтобы их действия могли быть поддержаны достаточно сильной артиллерией.

Объектом действия как артиллерии, так и быстроходных танков должны быть одни и те же расчленения походного порядка противника: развертывающаяся артиллерия противника, отдельные батальоны или полки, находящиеся еще в колонне или двигающиеся уже в расчлененных порядках. Обычно артиллерия берет эти объекты действия под сосредоточенный огонь, а быстроходные танки с флангов и тыла атакуют и уничтожают их. Авиация привлекается для повторных ударов или по этим же целям, или по соседним с тем, чтобы изолировать атакуемый объект.

Атака быстроходными танками отдельных расчленений походного порядка противника будет предшествовать переходу в наступление главных сил авангарда по одному тому, что пехота физически не успеет развернуться одновременно с танками, а упустить случай атаковать противника в то время, когда она находится в колонне, было бы ошибочно.

Авангард под прикрытием этих действий быстро развертывается и со своими танками сопровождения атакует охраняющие части противника.

Полки колонны главных сил с приданными им танками сопровождения в этот период будут находиться еще в стадии сближения и по колонным дорогам или расчлененно по отдельным подступам выходят в районы развертывания. Окончательное их нацеливание для атаки должно быть произведено в соответствии с теми результатами, которые будут достигнуты действиями авиации, танков, артиллерии и авангарда в целом к моменту выхода этих танков в районы развертывания.

В этой общей новой фазе встречного боя должны участвовать все силы колонны, вся пехота, артиллерия, все танки, включая и те, которые до этого уже участвовали в одной — двух атаках, и вся авиация. Этот удар соединенными силами организуется так же, как и при наступлении на обороняющегося противника (с танками ДД, ДПП, НПП с десантными отрядами, выбрасываемыми в тыл противника), и должен привести к полному его разгрому.

Вопросы управления и здесь являются наиболее новыми и трудными.

Требуется безотказная и непрерывная связь с аэродромами авиации, по-видимому, такая связь может на походе

поддерживаться только при помощи радио, авиеток и дублироваться автомашинами.

Требуется безотказная связь между наземными и воздушными силами, между командованием на земле и воздушными силами в воздухе — очевидно, здесь обеспечить управление может только радио. В организации связи между командованием, танками, артиллерией и пехотой найдут место все средства связи. С танками, находящимися в бою, связь по радио и боевыми машинами (танкетки, бронемашины).

Требуется широкая сеть наблюдательных пунктов командования с ответственными работниками штаба для наблюдения за действиями войск на всем фронте и на всей глубине. По всей вероятности, не обойтись без специальных самолетов наблюдения с монтированными на них радиостанциями для приема и передачи. Могут помочь и специальные боевые машины командования, которые вместе с делегатами связи направляются с эшелонами танков...

ОПЕРАТИВНЫЕ ВОПРОСЫ

1. **Новые средства вооруженной борьбы** (авиация, механизированные и моторизованные соединения, модернизированная конница, авиадесанты и т. д.), их качественный и количественный рост ставят по-новому вопросы начального периода войны и характер современных операций.

2. **Начальный период войны.** Враждующие стороны будут стремиться при помощи методов скрытой мобилизации как можно раньше, быстрее собрать те силы и средства, при помощи которых можно вторгнуться на территорию противника и сорвать мобилизацию в пограничных районах и сосредоточение армии своего противника.

Для этого будут использованы вся боевая авиация, мотомехчасти и конные массы...

Характер первоначальных операций точно определить невозможно, но оперативные вехи проложить можно и нужно.

Авиация действиями с воздуха и выброской воздушных десантов в соединении с диверсионными актами изнутри может на глубине 400—600 км помешать ходу ж.-д. перевозок, нанести значительный ущерб воздушным и морским силам противника, уничтожить важнейшие питающие его армию военные склады и базы.

Крупные мотомехчасти во взаимодействии с конными массами и авиацией, поддержанные в первые дни пограничных сражений пехотными частями, врываются на территорию противника.

Основные цели групп вторжения:

а) уничтожение частей прикрытия;

б) срыв в пограничных районах мобилизации и новых формирований;

в) захват и уничтожение образованных запасов противника на ведение войны и удержание оперативного значения районов, указанных в задаче как одна из основных целей глубокого вторжения на территорию противника;

г) заставить противника отнести развертывание глубоко в тыл.

Глубина проникновения групп вторжения будет определяться: соотношением сил к моменту вторжения, удалением крупнейших водных преград и укреплением районов и расчетами питания...

Однако необходимо учесть, что группы вторжения в состоянии будут создать лишь ряд кризисов, нанести ряд поражений армиям прикрытия, но не могут разрешить вопроса окончания войны или нанесения решительного поражения его главным силам. Это — задача последующего периода операций, когда закончится оперативное сосредоточение.

3. **Проблема сосредоточения.** Обстановку первоначального сосредоточения определяют два основных фактора:

а) авиация, находящаяся в зависимости от ее количественного и качественного состояния;

б) наличие мотомех. соединений, сочетающих в себе большую ударную и огневую силу с большой подвижностью.

Эти данные отражаются следующим образом на процессе первоначального сосредоточения РККА.

Авиация противника действиями с воздуха и высадкой десантных групп может активно помешать ходу перевозок на глубине до 600—800 км (меридиан Москва — Харьков), вынуждая к маневру по железным дорогам как в обход разрушенных участков, так и изменением направления потоков и районов сосредоточения.

Крупные мотомехчасти во взаимодействии с конницей могут вмешаться в ход перевозок и сосредоточения РККА действиями с земли.

В наших условиях при наличии на границе водных рубежей (Днестр, Случ) и ряда укрепрайонов опасность срыва ж.-д. перевозок и развертывания РККА действиями земных войск незначительна. При усилении укрепрайонов гарнизонами в мирное время и противотанковой обороной эта опасность может быть устранена.

Основная и единственная угроза плану ж.-д. перевозок, а вместе с этим и плану развертывания к 1-й операции будет со стороны авиации противника.

В связи с этим планирование, управление и обеспечение процесса сосредоточения в отличие от мировой войны получает особый характер. Эти особенности сводятся к следующему:

а) план ж.-д. перевозок должен быть гибким, допускающим возможность в случае нарушения движения на одном ж.-д. направлении изменения потока в обход разрушенного участка;

б) по-новому надо ставить вопрос о запасах и месте средств, необходимых для восстановления разрушенных участков железных дорог. Эти средства должны быть еще в мирное время сосредоточены в ж.-д. узлах и других пунктах вероятного нападения противника (вблизи ж.-д. мостов, ж.-д. выемок и станций разгрузки).

Основной гарантией возможности бесперебойного выполнения плана сосредоточения является наличие мощного воздушного флота, средств зенитной обороны, мощных механизированных групп и конных частей, соответственно дислоцированных в мирное время.

Управление процессом сосредоточения в пределах основных направлений... должно быть централизовано. Таким образом, на Главное командование возлагается:

а) управление ж.-д. маневром;

б) маневрирование путем изменения пунктов и сроков посадок частей (вне зоны управления фронтового командования);

в) маневрирование резервами средств восстановления железных дорог;

г) изменение рубежей сосредоточения и развертывания и

д) изменение группировок путем перераспределения сил между фронтами...

4. **Характер современных операций.** Современная операция будет слагаться из боевых действий, протекающих на большом пространстве как по фронту, так и в глубину.

Глубина современной операции будет зависеть от глубины оперативного расположения противника, которая будет достигать 100—120 км, считая и резервы, маневрирующие при помощи автотранспорта, аэродромы с расположенной на них авиацией (в том числе и тяжелой), распределительные железнодорожные станции с запасами боевого имущества и т. д.

Проламывание такого расположения сопряжено в настоящее время с большими трудностями и большим расходом времени. Обусловливается это тем, что:

а) тактическая устойчивость обороны в связи с наличием большого количества пулеметов у пехоты настолько велика, что темп наступления с фронта очень медленный. Считается, что в среднем с боями в день операции можно проследовать 8—10 км и только как максимум называется цифра 12 км;

б) наличие резервов в тылу, возможности маневра автотранспортом и железными дорогами позволяют сравнительно

быстро стягивать в район прорыва новые силы, которые достаточно легко закрывают образовавшуюся брешь.

Империалистическая война знает много случаев прорыва оборонительной полосы противника, но эти прорывы сводились к тактическому взлому фронта. Развитие усилий в глубину с целью превращения тактического успеха в оперативное достижение не имело места. Причина этого кроется в отсутствии подвижных оперативных эшелонов, способных развить прорыв, уничтожить на пути подходящие резервы, расстроить систему управления и питания и т. д. Оперативное искусство империалистической войны не доказало возможности осуществления оперативного прорыва (на Запфронте).

Для того чтобы тактический прорыв превратить в оперативный пролом всей оборонительной полосы противника, необходимо не только добиться более быстрых темпов развития наступления с фронта (что теперь достигается при помощи танков, артиллерии, авиации, моторизации войсковых тылов), но найти такие средства, которые позволили бы одновременно с ударом с фронта атаковать и более глубокие резервы противника, его авиацию и снабжающие части, лишить его возможности широкого маневра как этими резервами, так и теми новыми войсками, которые могут прибыть по железной дороге или при помощи автотранспорта. Нужны такие средства, которые давали бы возможность создавать в тылу противника сильные пробки и тем отрезать пути его отступления и приводили бы к полному его тактическому «окружению».

Эти возможности открываются:

а) правильным оперативным применением современной (модернизированной) стратегической конницы;

б) появлением новых средств, позволяющих быстро проникать в глубокий тыл противника,— моторизованных и механизированных крупных войсковых соединений (мехкорпусов, мехбригад и мотодивизий);

в) большим развитием боевой авиации, получившей благодаря этому возможность мощного и длительного воздействия по объектам, расположенным в глубоком тылу противника;

г) перспективой широкого применения авиадесантов в глубоком тылу противника...

6. **Организация операции на решающем направлении.** Центральным вопросом в организации операции на решающем направлении (ударной армии) и ее планировании является **правильное сочетание** удара с фронта с ударами по глубине оперативного расположения противника. Это сочетание ударов должно привести к возможно **быстрому** взлому всего фронта противника, окружению и уничтожению его войск, занимающих атакуемый участок фронта, в результате чего должна открыться новая возможность — развитие реши-

тельных действий во фланг и тыл войскам, занимающим остальные участки фронта противника.

При организации операции, при нацеливании войск нужно стремиться, чтобы в конце первых или в крайнем случае в начале вторых суток операции была бы атакована **наземными** войсками такая глубина оперативного расположения противника, преодоление которой приводило бы к полному взлому неприятельского фронта. Эта глубина обычно будет определяться районом расположения его армейских резервов и аэродромов тяжелой авиации. Достигается это примерно следующей схемой организации удара.

С нарушением системы обороны противника (при вклинении пехоты в расположение противника на 6—10 км) вперед выбрасываются:

а) мотомехчасти (мехкорпуса, бригады) в сочетании с авиацией и авиадесантами для атаки наиболее глубоких объектов (станции снабжения, тыловых рубежей и т. д.), армейских резервов, аэродромов тяжелой авиации и т. д.

Глубина проникновения в первые сутки до 80—100 км. Мехчасти при движении в глубокий тыл противника к указанному объекту на пути уничтожают подходящие резервы, отходящие части и обозы;

б) конница при поддержке авиации атакует менее глубокие резервы и аэродромы легкой авиации, уничтожает отходящие тылы. Глубина проникновения в первые сутки до 50—60 км;

в) моточасти направляются для уничтожения подходящих или перебрасываемых резервов в район прорыва, или для действия по тылам неатакуемого участка — с целью расширения прорыва. Тяжелая и легкобомбардировочная авиация с целью воспрепятствовать подвозу резервов из глубины страны атакует ж.-д. узлы (разрушает их) на магистралях, выводящих в район прорыва. Глубина воздействия до 400 км...

Дальнейшая атака производится одновременно с фронта и тыла до полного тактического окружения.

С началом отхода противника армия переходит в преследование. При этом мотомехчасти и конница преследуют по параллельным дорогам и выходят, стремясь, если возможно, устроить «канны» на пути его отступления.

Для организации такого удара боевой порядок армии строится следующим образом:

а) впереди стрелковые корпуса — глубина боевого расположения до 6—8 км;

б) сзади в направлениях главного удара армии готовые к броску вперед располагаются мотомех. части и конница;

в) авиация эшелонируется: легкая боевая от 40 до 60 км и тяжелая до 80—200 км.

7. **Управление.**

Управление современной ударной группировкой усложнилось тем, что:

а) разные части, направляемые в тыл противнику, требуют, чтобы их действия были бы тесно увязаны между собой не только в начале, но и в процессе самой операции и на первый период действий, как и в корпусе. Командарм должен дать плановую таблицу, которой увязываются боевые действия всех частей на всей глубине боя;

б) большой отрыв войск, направляемых в тыл противнику, делает затруднительным поддержание непрерывной связи с этими войсками и их питание.

Поэтому новая форма операции требует широкого применения радио, самолетов связи и боевых машин (на танковом шасси).

Пользование кодом должно быть настолько упрощено и внедрено в армию, чтобы им пользовались так же, как и обычным разговором.

Управление в современной операции организуется исходя из той предпосылки, что командование всеми частями, атакующими один и тот же объект, объединяется в одних руках. Мотомехсоединения, авиамотодесанты и авиация, работающая против глубоких объектов противника, объединяются командиром мехкорпусов.

Стратегическая конница и авиация, работающие по армейским тылам противника, подчиняются комгруппы кавалерийской или командующим конной армий *. Все части, атакующие объекты в тылу, не должны связываться разграничительными линиями.

Авиация в начале операции работает по непосредственным заданиям командарма, а с началом наступления мотомех. и конных частей придается последним на правах авиационных групп...

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

1. Современное развитие и состояние авиационной техники и созданная мощная авиационная база Союза обеспечивают быстрый рост нашего воздушного флота.

Наш воздушный флот подошел вплотную к новому этапу своего развития, который на основе возрастающего боевого значения требует новых отправных установок в использовании как отдельных видов авиации, так и ВВС в целом.

---

* В данном конкретном случае делается попытка механически перенести опыт гражданской войны в новые условия, когда решающей силой ведения глубоких операций становились авиация, танки и артиллерия. *(Примечание редакции журнала.)*

2. В первый период войны вся наличная боевая авиация (в том числе морская и войсковая) массируется для самостоятельных действий по осуществлению господства в воздухе, дезорганизации тыла, срыва мобилизации, сосредоточения армии и уничтожения морских сил противников.

Основные принципы боевого использования массированной авиации должны преследовать решение военно-воздушными силами РККА следующих задач:

а) Иметь господство в воздухе как для нападения, так и непосредственной защиты территории Союза, и особенно важнейших в экономическом, политическом и военном отношении областей, районов и центров.

б) В случае нападения на СССР какой-либо из капиталистических держав или блока таких государств сорвать в корне мобилизацию и сосредоточение их армии и нарушить хозяйственно-экономическую жизнь целых областей и в первую голову в отношении производства военного значения.

в) Разбить и уничтожить во взаимодействии с морскими силами любой морской флот противника, который будет действовать в водных бассейнах морей, прилегающих к Советскому Союзу.

г) Выбросить авиамотодесант в наиболее революционных районах для организации и развития вооруженной борьбы в тылу противника и на выгодных в оперативном отношении участках территории противника.

3. В процессе войны вся боевая легкая авиация переходит в подчинение полевого командования армий и фронтов и взаимодействует с наземными войсками. Боевая тяжелая авиация, как правило, остается в руках Главного командования для решения самостоятельных задач, как воздушный флот дальнего действия, для работы против политических и экономических баз противника...

ВЫВОДЫ

Основная проблема современности — это одновременное развертывание боевых действий на большую глубину. Эта проблема является центральной как в тактике, так и в оперативном искусстве.

В тактике разрешение ее намечается по линии проникновения на всю глубину оборонительной полосы противника (район артиллерийских позиций, тактических резервов) при помощи быстроходных танков, истребителей, артиллерии, транспортеров пехоты и действиями штурмовой авиации.

В оперативном искусстве это достигается глубоким выходом в тыл противнику или прорывом в этот тыл, если нет открытых флангов, крупных масс конницы и мотомехсоединений при поддержке мощной авиации. Силы этих соединений

(и конницы и мотомехвойск) рассчитываются таким образом, чтобы они не только создавали пробки в тылу противника, а могли бы самостоятельно **атаковывать** его крупные резервы или отходящие войска. Операции должны развиваться одновременно и с фронта и с тыла.

Проблема оперативного управления в настоящее время заключается в правильном сочетании и непрерывном направлении войск, дерущихся с фронта, и войск, наступающих с глубокого тыла и против глубоких тылов противника.

Намеченными организационными мероприятиями наиболее полно и правильно разрешены вопросы:

1) организация воздушных сил и мехчастей;

2) стратегической конницы — достаточно полно оснащенные техническими средствами борьбы кавдивизии и корпуса;

3) организации войск, действующих с фронта,— стрелковые корпуса, получающие добавочные средства подавления на направлениях главного удара.

В отношении мотовойск не выявлена еще внутренняя структура и содержание таких соединений, как мотодивизия; еще никак не поставлен широко вопрос о перебросках войск на автомобилях.

Во всех звеньях и во всех войсках пока еще не разрешен вопрос со средствами управления боем.

Существующая внутренняя структура штабов, количество работников в них и их средства управления не приспособлены к организации управления боем и операцией, развивающимися сразу на большой глубине. Намеченную реорганизацию аппаратов управления надо срочно провести в жизнь.

Некоторый опыт по действиям в духе новых требований в оперативном масштабе имеет у нас только конница *. Однако опыта действия в глубоком тылу противника совместно с танками, авиацией и другими средствами борьбы нет и у нее.

Что же касается глубокой общевойсковой тактики, а также тактики мехсоединений и массированного боевого применения авиации, то у нас не только нет никакого опыта, но еще теоретически не отработаны основные положения новой техники и оперативного искусства.

Все это требует немедленной организации широкой исследовательской работы при помощи постановки опытных учений, больших сухопутных и воздушных маневров.

(А. И. Егоров. «Тактика и оперативное искусство на новом этапе», «Военно-исторический журнал» № 10, 1963 г., стр. 32—39.)

---

* Здесь явно идеализируется конница как род войск. *(Примечание редакции журнала.)*

ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ИСКУССТВА

Публикуемый отрывок взят из приветствия начальника штаба РККА А. И. Егорова Военной академии им. М. В. Фрунзе в связи с ее пятнадцатилетним юбилеем. Интерес представляют поставленные академии Генеральным штабом РККА задачи по дальнейшему развитию современного военного искусства и совершенствованию офицерских кадров.

...Главная и основная задача современного военного искусства — не допускать образования сплошного оборонительного фронта противника, придавая операциям и бою сокрушающий удар и быстрый темп. В соответствии с этим и на основе учета боевых свойств новой техники должна строиться организация боя и операции во всех видах боевой деятельности войск.

1. Современная боевая обстановка на базе новой техники усложняет формы ведения боя и операции и предъявляет повышенные требования к командиру и его штабу. **Военная академия должна обеспечить подготовку высококвалифицированных командиров с твердым знанием тактико-технических свойств современной техники, способных не только организовать бой и операцию, но и обеспечить прочное и непрерывное управление в процессе боя и операции.**

Управление авиацией, механизированными и моторизованными частями и всеми родами войск в бою часто сводится к системе простейших сигналов по радио или светосигналов; **поэтому привитие навыков немедленно действовать по сигналу так же четко и решительно, как по писаному приказу, обязательно с первых же дней практики в управлении войсками.**

Радио, самолет, танк, автомобиль, катер и аэросани должны быть предметами обихода в системе средств управления; поэтому повседневная практика в обращении с этими средствами, умелое их использование и содержание должны быть привиты слушателю столь же основательно, как и повседневное обращение с телефоном. **Привитие слушателю привычки предвидеть потребность в обеспечении средствами связи, в организации связи и сообщений, в накоплении резерва связи, потребность в обходных, запасных и дублирующих направлениях и узлах связи особо необходимо в современной боевой обстановке, когда связь особо быстро нарушается от воздействия противника, когда потребность в новых направлениях связи часто возникает на короткий период времени.**

2. Новейшая техника дает возможность поражать на большом фронте и большой глубине; подвижность и маневренность средств поражения удесятерились; создание путей сообщения, темпы их восстановления, темпы приспособления к полевой обстановке и темпы создания укреплений значи-

тельно возросли. Все это требует мобильности в управлении и в действиях.

Академия в своей дальнейшей работе в первую очередь должна обеспечить мобильность нашего тактического и оперативного мышления с базированием его на знание военной техники и условий ее применения в различной боевой обстановке.

3. Замысел действий на основе расчета, быстрота в решениях, быстрота изложения решения в приказах, быстрота в их передаче и быстрота в исполнительных действиях должны быть привиты слушателям в ходе их учебы и в режиме их повседневной жизни, так как взаимодействие на поле боя ныне строится на отрезках времени, изменяемых минутами и секундами, а обстановка меняется столь же быстро.

Чтобы быстрота действия не переходила в поспешность и суету, необходимы твердые знания основных боевых возможностей технических средств и видов вооружения и знание возможных пределов их напряжения в различные периоды времени. Вместе с тем общие технические свойства еще не характеризуют возможностей фактического их применения всегда и при всех условиях. **Поэтому привитие твердых навыков сбора всеми доступными путями сведений о всех данных обстановки и особо о положении и состоянии людей, материальной части, боеприпасов и горючего, освежение этих данных и их суммирование должны быть второй натурой слушателя Академии.**

4. Расчет маневра не только войсками и их тылами вообще, но маневр боевыми средствами и в первую голову боеприпасами и горючим по потребности боя и по наличию должен быть привит особо крепко.

В истории войн неудачи почти всегда пытались оправдать недостатком сил или средств. Вместе с тем история знает массу примеров, когда с ограниченными средствами и силами били сильнейшего и били не только искусством, но и упорством, но и на основе расчета по использованию наличных средств и сил.

Умение преодолеть узкие места в военном деле имеет решающее значение.

5. Выбор огневых средств и видов огня в ходе боя и сражения оказывает решающее влияние на их успех, а характер маневра огневыми средствами определяет темп развития боя. **Новое в современном огне — это ведение огня не только с огневой позиции, но ведение огня во время движения** (огонь авиации и огонь танков). Кроме того, огневые средства, перебрасываемые с помощью автомобиля, обеспечивают быстроту переноса огневых позиций. Отсюда маневр «колесами» возродился в новой форме. Огневой охват стал ныне легко осуществим. Слушатель должен досконально знать огонь

авиации и механизированных войск и приобрести навыки в сочетании маневра огнем с неподвижных позиций с огнем подвижных средств.

Академия должна углубить отработку требований к системе оружия, огнеприпасов и системе ведения огня, исходя из комплекса огневых задач в современном бою и сражении.

Тыл ведущих бой частей находится под постоянным боевым воздействием авиации, механизированных и моторизованных войск и местных враждебных армии отрядов.

У слушателя должны быть выработаны привычка и знание, что планирование и организация боя должны учитывать борьбу с противником не только на фронте, но и на своих тылах.

Не столько «оборона тыла», сколько «бой с противником на своих или его тылах» имеет решающее значение для общего успеха.

Умение организовать бой против авиации и подвижных частей в своем тылу столь же необходимо, как и умение организовать этот бой на фронте.

7. Если уже в войну 1914—1918 гг. сражение развилось не только на сотнях километров фронта, но и на сотнях километров в глубину, то в наши дни умение вести бой в условиях отрыва от своих соседей при отсутствии постоянной связи и бесперебойного снабжения является необходимостью.

Академии необходимо поставить практическое исследование вопроса снабжения отдельных очагов боя в развивающемся сражении при нарушенных путях подвоза.

8. Фотографическая техника земного и воздушного наблюдения предъявляет новые требования к вопросам маскировки, вместе с тем мощность артиллерийского и авиационного огня с своей стороны ставит вопрос о полевых укреплениях, и не столько с точки зрения их прочности, сколько с точки зрения рассредоточенности и плохой наблюдаемости.

В подвижной войне новые средства механизации, основанные на использовании пневматического и электрического инструмента, обеспечивают быстроту возведения боевых и оборонительных сооружений и быстроту восстановления и проложения новых путей. Эти требования и возможности приводят к необходимости в короткий срок создавать полевые позиции, укрепленные рубежи и заграждения на основе использования местных предметов и создания укреплений подземного и безбрустверного типа.

Академия в своей практической работе с войсками должна углубить отработку сооружений полевого типа и всех элементов полевой укрепленной позиции, вполне удовлетворяющей этим требованиям.

9. Двигатель внутреннего сгорания, электрический мотор, радио, быстроподвижные средства, с одной стороны, помо-

гают пехоте и кавалерии в разрешении их основных задач; с другой стороны, в руках противника они обеспечивают средства нападения, усложняющие действия этих войск. Это требует особо бережного расходования сил и усилий пехоты и конницы. В частных, «особых случаях» это ставит несколько по-иному вопрос о вводе их в боевое действие без помощи новейших технических средств. Туман, дождь, грязь, ночь в меньшей степени стесняют деятельность пехоты и конницы, чем технических войск. Поэтому «особые случаи» для действий пехоты и конницы придется чаще использовать в полевых условиях и бою.

Слушатель Академии должен уметь извлечь все выгоды из «особых случаев» обстановки для использования сильных сторон пехоты и кавалерии...

(Из статьи Начальника Штаба А. И. Егорова «Горячий большевистский привет Военной академии РККА имени М. В. Фрунзе», «Война и революция», январь — февраль 1934 г., стр. 4—7.)

* * *

★ ★ ★

Г. С. ИССЕРСОН

Георгий Самойлович Иссерсон (рожд. 1898 г.). Участник гражданской войны. Член КПСС с 1919 года. Окончил Военную Академию РККА в 1924 году. Занимал командные и штабные должности. Был командиром дивизии, зам. начальника 1-го отдела Генерального Штаба, начальником оперативного факультета Военной Академии им. Фрунзе, а с 1936 года Начальником кафедры оперативного искусства Академии Генерального Штаба. Профессор. С 1955 года в отставке.

Основные труды: Эволюция оперативного искусства (1-е издание в 1932 г., 2-е, дополненное издание в 1937 г.). Основы глубокой операции (1933 г.). Военное искусство эпохи национальных войн 2-й половины XIX века (1933 г.). Основы оборонительной операции. Основы ведения операций (1938 г.). Новые формы борьбы (1940 г.).

ЭВОЛЮЦИЯ ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА

Труд Г. С. Иссерсона «Эволюция оперативного искусства» рассматривает развитие характера операций с начала XIX века и проводит грань между линейной стратегией прошлого и глубокой стратегией будущего. Во второй части труда исследуются форма и способы глубокой операции современной войны. Ниже публикуются выдержки из этой части с некоторыми сокращениями.

ПУТИ РАЗВИТИЯ НАШЕГО ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА

Современное оперативное искусство как учение о ведении операции стоит перед рядом новых проблем. В этой области остается еще много неисследованного и неразрешенного.

Колоссальные изменения в технике, вооружении и боевых порядках, нашедшие свое отражение в эволюции тактики, еще далеко не достаточно учтены теоретической мыслью в масштабе борьбы на вооруженном фронте в целом.

Современная операция развертывается в совершенно иных политических условиях, на совершенно иной материально-технической базе и не имеет еще достаточно конкретной перспективы построения военных действий и развития их оперативных форм.

Весь опыт последних войн, столь богатый в тактическом отношении, скрывает еще под покровом неизвестности подлинный характер будущей операции.

Положение это усугубляется тем, что мировая война не дала в сущности ни одной операции, которая могла бы по праву считаться оперативным решением проблемы достижения победы.

Отдельные частные операции, достигшие своей цели действительного разгрома противника, не сыграли ведь сколько-нибудь значительной роли в общем разрезе войны.

А 1918 г., с его грандиозными мертвыми схватками, не решил проблемы преодоления фронта в оперативном масштабе и явился апофеозом тупика, которого достигло военное искусство эпохи империализма.

Наша гражданская война 1918—1921 гг., с ее сокрушительными г л у б о к и м и ударами вплоть до конечного разгрома противника, положила, несомненно, начало новой эпохи в истории военного искусства и резким образом изменила весь характер вооруженной борьбы.

«Революционные войны — говорит Клаузевиц о войнах Французской революции,— перевернули вверх дном все старые штучки и погнали от Шалона до самой Москвы». Не нужно быть Клаузевицем, чтобы, изменив последние слова в направлении с востока на запад, понять весь подвижный характер нашей революционно-классовой войны.

Однако оперативное содержание наступившей новой эпохи в отношении вождения крупных войсковых масс, богато оснащенных современной техникой, для будущего еще далеко не раскрыто.

Изменения, происшедшие за период, отделяющий нас от конца гражданской войны, неизмеримы по своему значению.

Они заставляют уже по-иному ставить вопрос о соотношении качественной силы средств обороны и средств наступления, обнаруживая явную тенденцию к перевесу последних.

В этих условиях проблема преодоления огневого фронта получает для нас новое значение возможности его «пролома» на всю глубину.

В сущности, вся наша творческая мысль в области военного дела направлена к тому, чтобы разрешить эту проблему...

Наша военно-научная мысль на базе величайшего революционного строительства развивалась своими путями.

В исследовании форм современной вооруженной борьбы мы должны были смело ставить и решать ряд новых вопросов. В их постановке наша литература имеет очевидные преимущества.

До эпохи империализма при сравнительно ограниченном количестве вооруженных сил (прусская армия в 1870 г.

500 000 человек) вопросы ведения операции не приобретали значения самостоятельной теоретической дисциплины, так как целиком разрешались в рамках разработки данного конкретного плана войны...

Сейчас, при массовых армиях, качественно разнородных средствах борьбы, чрезвычайно сложной технике, огромной глубине колонн, трудности развертывания их в боевой порядок, при сложности тыла и целом ряде усложняющихся факторов, ведение операции выдвигает проблемы, решение которых не укладывается в рамки данного конкретного плана развертывания и требует подведения общей теоретической базы.

В своей практической работе оператор нуждается сейчас в определенной теории ведения операции.

Оперативное искусство как учение об операции приобретает поэтому значение важнейшей дисциплины для практики оперативной работы и вождения крупных войсковых соединений.

Актуальность проблемы оперативного искусства обусловливается и другими предпосылками. Совершенно очевидно, что глубокие изменения в области техники и тактики вызывают не менее глубокие изменения в области ведения операции...

Перед нашей оперативной доктриной стоят величайшие задачи, которые не были и не могли быть решены империалистической войной; это преодоление фронтальности, ведение глубокого наступления, ломающего и проламывающего огневой фронт на всю его оперативную глубину, и, наконец, нанесение смертельных, сокрушительных ударов с целью окончательного и полного разгрома противника.

В этих условиях основной задачей нашего оперативного искусства является *обоснование и построение теории глубокой операции сокрушения*.

ЭВОЛЮЦИЯ ХАРАКТЕРА ОПЕРАЦИЙ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Основой построения теории нашего оперативного искусства является концепция наиболее решительной наступательной операции. Весь характер будущей войны говорит о грандиозном размахе этой операции, определяя тем самым и дальнейшую эволюцию ее основных признаков.

Историческое развитие характера операции показывает, что эволюция ее шла по линии двух основных признаков — распространения по фронту и расчленения в глубину.

Первый из этих признаков — распространение по фронту — получил свое конечное завершение уже в мировую войну 1914—1918 гг. Тогда уже вооруженная борьба заняла сплошной фронт слившихся в одну линию точек приложения

боевых усилий и распространилась до возможного географического предела, далее которого она по фронту расшириться не могла.

Мы не имеем никаких оснований полагать, что в будущей войне в эволюции этого признака операции история повернет обратно. Мы не стоим и не можем стоять на точке зрения полной противоречий буржуазной теории о малых профессиональных армиях, которые могли бы, по мнению их апологетов, изменить этот признак в обратную сторону и привести опять к прерывчатому фронту отдельных раскинутых в пространстве точек приложения боевых усилий... Мы должны предполагать скорее обратное,— что распространение операций по фронту, если оно только обеспечено географическими условиями, имеет в будущей войне тенденцию к еще большему росту... Кроме того необходимо учитывать, что непрекращающийся рост мобилизационного напряжения вызывает тенденцию к еще большему повышению оперативной плотности фронта.

Разумеется, тактическая плотность может быть несравненно выше. Неравномерность занятия фронта, преследуя цели создания плотных ударных группировок, обусловливает в то же время наличие слабо или даже вовсе не занятых участков фронта. Это обстоятельство в сочетании с огромным протяжением нашей западной границы заставляет полагать, что на нашем Западном театре военных действий на общем стратегическом фоне сплошного фронта могут еще, несомненно, оказаться отдельные оперативные окна. Оперативные фланги могут на нем еще найтись, а современные быстроходные и быстродействующие средства борьбы (мотомехсоединения, конница и авиация) могут их при искусном использовании создавать своими активными действиями. В этом, в сущности, следует в начальный период войны видеть их основное оперативное предназначение.

Наши стратегические условия имеют некоторые общие черты с условиями франко-германского фронта в начале мировой войны 1914 г., когда свобода захождения правым крылом была для германских армий еще обеспечена.

Это означает, что предпосылки линейной стратегии для нас еще далеко не исчезли. Что же касается наших отдельных восточных театров военных действий, то эта стратегия найдет там еще свое полное применение.

Исторический процесс вообще не знает резких, точно обозначенных границ между двумя эпохами. Создав предпосылки для новых условий, он тем самым еще не устраняет полностью возможностей для старых и переходит от одних к другим в динамике диалектического перерастания.

Охватывающие маневры по внешним линиям в начальный период войны для нас еще далеко не исключены. Утвержде-

ние, что с первого дня войны наш фронт станет против фронта, является, несомненно, механическим перенесением на наш театр военных действий условий франко-германского фронта, где предпосылки для линейной стратегии охватывающих маневров можно, действительно, считать уже исключенными.

Однако и мы должны во всей перспективе развития военных действий предусматривать неизбежность или по меньшей мере вероятность противопоставления фронта фронту с несравненно большими основаниями и гораздо скорее, чем это случилось с франко-германским фронтом в начале 1914 г.

Подойти с ясным предвидением к этому явлению, предопределенному всей исторической эволюцией характера операции; подойти к нему во всеоружии мер противодействия, так, чтобы диалектическое перерастание охватывающего линейного маневра в глубокий фронтальный удар протекало одновременно с непосредственным переходом от одних оперативных методов действий к другим,— составляет, несомненно, основную и центральную задачу нашего оперативного искусства.

Чрезвычайно веские объективные предпосылки заставляют нас именно так строить оперативный прогноз.

Есть некоторая внутренняя закономерность в современном стратегическом развертывании. *Современное развертывание не терпит пустоты.* Занимается почти все возможное протяжение фронта.

Именно потому, что все ищут фланга и возможности его охватить, именно потому, что все опасаются возможного охвата оголенного фланга,— развертывание стремится занять все протяжение фронта и фронт имеет тенденцию распространиться до предела. В итоге с развертыванием всех сил на театре военных действий пустых мест может не оказаться.

Слабые силы определяют в современных условиях лишь слабо занятый фронт; но все же фронт, а отнюдь не развертывание отдельными группами с оставлением пустых, незанятых пространств между ними.

Но и слабо занятые фронты опираются в современных условиях на подготовленные оборонительные линии и приобретают поэтому определенную силу сопротивления.

Совершенно очевидно, что при необходимости прибегнуть к обороне в современных условиях будут приняты все меры для превращения ее в укрепленный фронт. Современные возможности — заграждения, химия, механизация работ, быстротвердеющий бетон — дают для этого во всяком случае значительно больше предпосылок, чем в прошлом.

Укрепленный фронт возник в мировую войну в ходе борьбы как следствие линейных основ ведения операций и отсутствия пробивной силы удара.

Сейчас он во многих случаях готовится заранее, определяя условия характера операций, предшествуя их открытию и обусловливая их ведение.

Сплошной укрепленный пояс Мажино на франко-германской границе не оставляет в этом никаких сомнений.

И хотя Фош после мировой войны писал, что «тот народ, который вступает в войну с надеждой на то, что в период развертывания своей армии он сможет спрятаться позади укрепленных окопов, — идет навстречу катастрофе», тем не менее именно в укрепленных окопах многие ищут возможность предотвратить катастрофу.

В итоге противопоставление фронта фронту нельзя во многих случаях считать исключенным и с самого начала войны.

Наконец, широко развившиеся возможности оперативного маневра позволяют сейчас несравненно скорее, чем это было в мировую войну, удлинить свой фланг новыми силами и противопоставить обходящему противнику новую группировку.

Тогда во время германского наступления к Марне французам удалось перебросить на свой угрожаемый левый фланг под Париж лишь 11 пехотных дивизий и 6 кавалерийских. Сейчас при современных условиях железнодорожного транспорта и моторизации мы могли бы перед одним из центральных участков нашего Западного фронта ожидать переброски в сравнительно короткий срок с одного фланга на другой $^1/_2$ всех вооруженных сил, которые могли бы быть нам противопоставлены. При этом на службу оперативному маневру приходит еще авиатранспорт, сокращающий сроки новых сосредоточений до минимума.

Это обстоятельство, несмотря на осуществимость быстрого развития обходных маневров при современных средствах мотомеханизации и авиации, обусловливает несомненную возможность противопоставления сплошного фронта такому же фронту наступления. При этом следует учесть, что и средства противодействия обходному маневру находят сейчас гораздо большие возможности и в авиации и в заграждениях.

«Фронт против фронта» не должен стать для нашего оперативного искусства в будущей войне непредусмотренной неожиданностью, как это случилось с германцами в 1914 г. Это скорее всего будет нормальным явлением в динамике перерастания решительного обходного маневра во фронтальный удар, который должен стать столь же решительным и рассчитанным на всю глубину расположения противника.

Эта проблема подводит нас к одному из основных вопросов современного оперативного искусства, к вопросу эволюции второго признака операции — ее расчленения в глубину.

В маневренный период мировой войны в этом отношении еще не все было достигнуто: была, правда, цепь связанных сражений, но в прерывчатом ряде, занимавшем боевыми действиями еще далеко не всю глубину наступления. В грядущей войне характер операций будет претерпевать основную эволюцию по линии именно этого признака глубины. Мы, несомненно, должны считаться с огромным боевым уплотнением всей глубины действий. В сущности, уже в 1918 г., когда немцы в мартовском наступлении в Пикардии проникли в глубину противника на 60 км, когда объединенные войска Антанты в последние месяцы войны проникли в глубину германского фронта на 100 км, они на всю глубину этого наступления вели одно беспрерывное сражение. Уже тогда боевые действия уплотнили всю глубину продвижения.

В будущей войне мы столкнемся с этой боевой глубиной как с нормальным явлением. Это вытекает прежде всего из глубины оперативного построения современного боевого порядка. При этом имеется в виду не только организованная полоса обороны, но и глубина оперативного построения в любой обстановке.

Непосредственно сражающаяся линия дивизий сама занимает тактическую глубину в 6—8 км. В 8—10 км за ней следует считаться с наличием ближайших войсковых резервов, образующих вторую линию. Еще дальше в тылу, на удалении 20—25 км от этих резервов, следует предполагать расположение в отдельных группах армейских резервов, образующих третью линию. Наконец, вся эта глубина оперативного построения опирается на расположенную еще дальше в тылу (в зависимости от условий в 25—50 км от третьей линии) железнодорожную линию базирования, на которую новые резервы могут прибыть в любое время.

Таким образом, современное оперативное построение боевого порядка простирается в глубину на 60—100 км. Если это построение перейдет к обороне, то, сохраняя ту же глубину, оно примет вид последовательно эшелонированных укрепленных полос. При этом нужно иметь в виду, что эта глубина может быстро питаться новыми резервами и до известного предела беспрерывно поддерживаться, если бы ее передний край начал ломаться и пятиться назад; она может вновь нарастать за счет бросаемых из тыла и с других участков фронта подкреплений. Это обусловливается возможностями современной перманентной мобилизации.

Становится очевидным, что всю современную оперативную глубину придется преодолевать и проходить с беспрерывным рядом *боевых усилий*. Каждый километр ее придется брать с боем.

Если боевые события заняли в Марнском марш-маневре лишь 23% времени, то теперь этот процент «боевого содер-

жания» во всем течении событий приближается к 100%. В начале мировой войны войска еще большую часть времени проводили в маршах и лишь меньшую — в боях. Теперь это соотношение кардинально меняется: войска будут большую часть времени проводить в развернутых боевых порядках и лишь меньшую — в маршах.

Это, разумеется, не исключает того, что противник может добровольно сдать часть территории. Тогда операция сможет развиваться скачками, сохраняя свою боевую глубину лишь на определенных рубежах. Однако и эти перспективы сейчас значительно ограниченнее. Широко развитые в современных условиях возможности арьергардных боев, заграждения, химия, авиация заставят и эти оперативные пустыри проходить с большим тактическим напряжением. При этом чем меньше глубина территории страны, тем ограниченнее возможности ее сдавать.

Поэтому как общая тенденция признак расчленения операции в глубину приобретает в будущую войну такое же полное развитие до своего конечного предела, какого достиг признак распространения операций по фронту в мировую войну.

Мы можем предполагать, что расчленение операции в глубину получит более полное развитие на Западноевропейском театре войны и в меньшей степени — на нашем.

Тем не менее и для нас *будущая операция явится по своей глубине уже не единой цепью ряда прерывчатых сражений, а сплошной цепью слившихся на всю глубину боевых усилий.*

Это будет сплошным морем огня и борьбы, которое широко разлилось по фронту уже в мировую войну и которое разольется на всю глубину в будущую войну...

Итак, основным в эволюции характера современной операции, определяющим ее новое огромное напряжение, является ее *глубина*.

Современную операцию нельзя себе представить как одноактное оперативное усилие на одном рубеже пространства. Современное глубокое оперативное построение требует сплошного ряда беспрерывных, сливающихся в одно целое оперативных усилий.

В оперативной терминологии это известно под названием ряда последовательных операций. Но это, в сущности, сейчас уже неверное определение. *Ряд последовательных операций и есть современная операция*, которая без признака глубины теряет сейчас свой основной смысл и становится исторически консервативным, не соответствующим новым условиям ее характера понятием.

Мы стоим перед перерастанием операции в новое измерение, измерение глубины, в котором ряд последовательных

оперативных усилий сливается в одно общее понятие современной глубокой операции [1].

В настоящих условиях нужно говорить уже не о ряде последовательных операций, а о ряде последовательных стратегических усилий, о ряде отдельных кампаний одной войны.

Это обстоятельство огромного исторического значения в эволюции характера операции, коренным образом меняющее формы и методы ее ведения, говорит о том, что мы находимся на рубеже новой эпохи военного искусства и должны от стратегии линейной перейти к стратегии глубокой.

ГЛУБОКОЕ ОПЕРАТИВНОЕ ПОСТРОЕНИЕ НАСТУПЛЕНИЯ

Средства борьбы являются необходимой материальной предпосылкой для решения проблемы глубокой операции, но сами по себе они не дают еще непосредственного решения ее. В истории военного искусства можно указать много случаев, когда новые средства борьбы не давали должного эффекта потому, что их применение сковывалось старыми, уже не соответствующими формами боевых порядков и методов действий. Так это было, например, на первых порах с полевой нарезной пушкой, которую продолжали везти в хвосте колонны.

Новое вооружение требует новых форм своего боевого применения. И если этот вопрос получил свое разрешение в тактике с переходом к групповому боевому порядку и глубокому бою, то в вождении крупных войсковых соединений он остался на весьма устаревшем историческом уровне.

Если объектом наступления является большая глубина сопротивления, то оперативное построение боевого порядка наступления требует, несомненно, самых существенных изменений. Одна линия выстроенных армий будет здесь едва ли в силах разрешить новую проблему глубокого наступления. Можно даже определенно сказать, что одна волна оперативных усилий линейной стратегии здесь уже ничего не сможет решить и должна бессильно разбиться о глубину современного сопротивления.

---

[1] В нашей литературе понятие о будущей операции часто определяется термином «пространственная операция». Это следует считать неточным. Всякое пространство имеет в одной плоскости два измерения — по фронту и в глубину. Предельного пространственного охвата по фронту операции достигли уже в мировую войну. Характерным для эволюции будущей операции является ее предельное пространственное распространение и в глубину. Ее характерное отличие, таким образом, лучше всего определяется понятием глубокой операции.

Эта проблема подводит нас к центральному вопросу обоснования глубокой стратегии наступившей эпохи.

При этом следует прежде всего уяснить себе характер глубины современного сопротивления. Сила этого сопротивления имеет тенденцию нарастать и достигать своей высшей, кульминационной точки на стратегическом зените, когда наступающий уже близок к цели и когда обороняющийся вынужден ставить на карту все, чтобы спасти свое положение. При взаимно исключающих противоречиях сторон, когда борьба ведется за их политическую и экономическую самостоятельность, устраняя возможность примиряющего соглашения, это сопротивление может на последнем этапе проявить огромную силу.

Уже в мировую войну, при огромном обострении противоречий империализма, развитие операции шло в 1914 г. по кривой нарастания боевых усилий. Это совершенно не было учтено германцами, которые с большим оперативным напряжением вступили в первое пограничное сражение, но подошли к Марне с самой слабой готовностью встретить возросшую силу сопротивления англо-французов...

Истощение наступления имеет своей действительной причиной не столько самоистощение сил наступающего, сколько возрастание сопротивления обороняющегося.

В условиях когда линейная стратегия своим фронтом наступления, в сущности, лишь отбрасывала от себя того, кого надо было схватить для того, чтобы бить, когда она нигде не была способна уничтожить живую силу противника, это обстоятельство проявлялось с наибольшей силой и уходящий противник, выиграв в отступательном маневре выгодное для себя оперативное положение, оказывался на кульминационной точке развития операции значительно сильнее, чем в начале ее. Между тем наступающий бесперспективно и беспечно подходил к этому стратегическому рубикону и полагал, что конечный момент операции будет наиболее легким. В этом заключалась его жестокая ошибка.

Именно первый шаг, всегда обеспеченный заблаговременной группировкой сил и планомерной подготовкой, будет в этом отношении всегда наиболее легким.

Трудностей следует ожидать на путях развития, которые заранее не могут быть предусмотрены во всех деталях. *Наивысшего напряжения и кризиса следует ожидать в конце.* Искусство и твердость оперативного руководства заключаются в том, чтобы к этому решающему моменту подойти с полным предвидением, с новой волной оперативных усилий и во всеоружии требуемых сил и средств для окончательного завершения сокрушительной операции...

Современная операция есть операция глубины, она должна быть рассчитана на всю

глубину и должна быть готова к преодолению всей глубины.

При этом должно быть учтено, что эта глубина в отношении силы своего сопротивления имеет тенденцию уплотняться и нарастать по направлению с фронта в тыл сопротивления.

В этих условиях современное оперативное искусство стоит при построении глубокой наступательной операции перед совершенно новой проблемой организации наступательного боевого порядка. Ясно лишь одно: линейная стратегия одной волны оперативных усилий не может разрешить этой проблемы наступления.

Решение должно быть найдено на новых путях эволюции оперативного искусства.

Не одно положение старой военной теории придется ломать на этих путях.

Нужно в первую очередь покончить с тем положением, что стратегия достигает своих решений на основах принципа одновременности действий. Это положение, распространившее свое косное влияние вплоть до сегодняшних дней, берет свои корни из эпохи Наполеона и давно уже встало в непримиримое противоречие с изменившимися условиями...

Современная многоактная глубокая операция не решается одним одновременным ударом совпадающих усилий. Она требует глубокого оперативного наслоения этих усилий, возрастающих по мере приближения к высшему пункту достижения победы.

Глубокое эшелонирование сопротивления вызывает столь же глубокое построение наступления. Это наступление должно уподобиться целому ряду волн, с нарастающей силой набегающих на берег, чтобы размыть и сокрушить его своими непрерывными ударами из глубины.

Современная глубокая операция вызывает в этом смысле рассредоточение усилий во времени и в той же степени обусловливает это в стратегическом масштабе.

Это показали уже события мировой и нашей гражданской войн. Но, разумеется, было бы совершенно неправильно понимать это в том смысле, что и германцы в пограничном сражении в 1914 г. и мы в сражении на реке Мнюта в 1920 г. ввели сразу слишком много сил и что их-де надо было вводить последовательно. В первые исходные операции должны вовлекаться все наличные в данный момент силы в соответствии с соотношением сил сторон. Суть вопроса заключается, однако, в том, что одновременно должно быть предусмотрено глубокое эшелонирование еще новых усилий, чтобы к решающему моменту операции по-

дойти с такими силами и средствами и в такой их группировке, которые обеспечили бы конечное достижение победы.

Эшелонирование современных оперативных усилий в глубину не есть применение их частями или оперативными пачками; это есть последовательное и беспрерывное нарастание оперативных усилий, рассчитанное на то, чтобы ломать сопротивление противника на всю глубину.

Чем больше по своему возможному сопротивлению эта глубина, чем больше возможное напряжение этого сопротивления, тем больше должно быть эшелонирование оперативной глубины наступления.

При построении современной глубокой операции представляется необходимым расчет сил и средств производить не только в линейном измерении по фронту, но и в новом измерении в глубину.

Эта проблема глубокого оперативного построения современного наступления ломает еще одно положение о так называемых стратегических резервах.

До тех пор пока стратегия решала свою задачу одним одновременным усилием, ей, разумеется, не нужны были резервы. Клаузевиц говорит о бессмысленности идеи стратегического резерва и считает его излишним, бесполезным и даже вредным. Он требует, чтобы «все стратегические усилия были сжаты в одном действии и в одном моменте», и пишет: «Мысль нарочно удержать готовые силы с тем, чтобы употребить их уже после общего решения, нельзя не признать очевидной нелепостью».

Пока это общее решение достигалось в эпоху Наполеона одним актом, это было верно. Во второй период франко-прусской войны 1870—1871 гг. это положение подверглось уже сомнениям, а на рубеже XX в. оно стало уже явно неверным.

Шлиффен в известном смысле предвидел эту проблему. Он требовал сильной резервной армии за правым крылом германцев при наступлении на Париж. Однако мотивы его при этом были несколько иными. Он требовал оперативного резерва, чтобы иметь возможность удлинить свой правый фланг, если бы последний при развитии наступления оказался недостаточным для охвата. Этот резерв должен был, таким образом, в конечном итоге выйти в одну линию с наступающим фронтом.

В современных условиях оперативные резервы нужны в основном не для удлинения фланга, хотя и это сохраняет для нас еще свое значение в начале войны. Фланг в общем достиг уже своего предельного распространения по фронту, и резервы нужны сейчас для нарастания оперативных усилий, ломающих сопротивление противника на всю глубину.

Сама проблема оперативных и стратегических резервов перерастает в современных условиях в проблему оперативных эшелонов, за которыми в глубине перспектив эволюции вооруженной борьбы вырисовываются уже силуэты таких же стратегических эшелонов.

Это приводит, естественно, к дальнейшему росту численности вооруженных сил, тем самым отметая всякие теории о малых профессиональных армиях как исторически консервативные и нелепые.

Численный рост армий в эпоху империализма был обусловлен наряду с другими причинами стремлением линейной стратегии занять возможно больший охватывающий фронт наступления. Численный рост в современную эпоху в той же степени обусловливается глубокой стратегией, которая требует сильных оперативных эшелонов в глубине и глубокого построения наступления.

Это еще раз указывает на грандиозный размах современной вооруженной борьбы и раскрывает всю эволюцию характера операции в наступившую эпоху глубокой стратегии.

ГЛУБОКОЕ ВСТУПЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННУЮ ОПЕРАЦИЮ

Всякое новое явление в историческом процессе приходит к жизни не только потому, что оно вызывается новыми требованиями, но и потому, что оно предопределяется целым рядом новых предпосылок.

Когда Пруссия в 1866 г. впервые развернула свои армии на фронте в 400 км, то это новое явление в оперативном искусстве не только соответствовало изменившемуся характеру вооруженной борьбы, но и было предопределено новыми объективными условиями в виде железных дорог. При этом известно..., что Мольтке с большим сомнением подходил к такому широкому развертыванию.

Так и теперь, можно с опасением и сомнением смотреть на *глубокое развертывание*; но желаем ли мы этого или нет, к нему придется неизбежно прийти.

Глубокое развертывание предопределено в современных условиях целым рядом объективных предпосылок. Оно вытекает из характера будущей войны, вызывающей огромное напряжение борьбы. Никакая страна, вступив в эту борьбу, разумеется, не ограничит своего мобилизационного напряжения одним первым эшелоном своей отмобилизованной кадровой армии. Вместе с тем никакая страна не в состоянии одновременно сосредоточить к открытию военных действий все те силы, которые она способна выставить. Для этого пришлось бы значительно отсрочить начало военных действий и, чтобы не подвергать своего развертывания угрозе поражения по частям, отнести его достаточно далеко в глубь страны. И более слабый противник оказался бы в этом случае сильнее,

получив огромные преимущества в начале борьбы. На такой способ действий вряд ли кто решится. Совершенно очевидно, что последовательная перманентная мобилизация вызывает и последовательное наслоение усилий в борьбе.

За перволинейной армией последуют второлинейные и третьелинейные силы, обусловливающие вступление армии в войну глубокими стратегическими эшелонами.

Эта неизбежная схема глубокого вступления в будущую войну предусмотрена уже современной организацией вооруженных сил в мирное время. Чем же иным можно объяснить содержание во Франции особой армии прикрытия (l'armeè converture) на Рейне как первого стратегического эшелона, за которым развернется и вступит в борьбу второй эшелон главной массы армии, который, несомненно, также не явится последним.

Занятие Германией Рейнской зоны преследует, несомненно, цель сосредоточения там такой же армии прикрытия, как первого оперативного эшелона вторжения.

Чем глубже и обширнее территория страны, чем больше ее мобилизационные возможности и сильнее ее напряжение в борьбе, тем более широкий масштаб примет это глубокое эшелонирование стратегических усилий. В таких условиях находится наша страна, и в этом также ее огромная сила, обеспечивающая наивысшее нарастание усилий в последний, решающий момент борьбы. Для наших западных лимитрофов с их незначительной глубиной территории и меньшими мобилизационными возможностями первое мобилизационное напряжение в начале борьбы будет весьма близко к предельному и совершенно необходимое последовательное наслоение усилий будет возможно для них в значительно меньшем масштабе, если только крупные империалистические страны не придут им серьезно на помощь и силами и средствами.

Эшелонирование вооруженных сил при вступлении в войну предопределено в современных условиях не только в стратегическом масштабе всей страны и всей войны, но и в оперативном масштабе. Это имеет своей предпосылкой ряд материальных факторов в эволюции современных технических средств борьбы.

Устанавливая красную нить технической эволюции современного вооружения, мы видим, что руководящей основой ее является стремление к достижению возможно большей дальнобойности и дальнодейственности. Все сводится к тому, чтобы перенести поражение на возможно большее расстояние. В способности быстро преодолевать пространство заключается весь смысл боевого применения авиации; в этом заключается и ценность мотомеханизированных средств.

По этой линии пошла и эволюция огнестрельного вооружения. Интересно отметить, что в половине XIX в. эволюция этого оружия шла по линии дальнобойности и скорострельности. На рубеже XX в. перед мировой войной эволюция пошла главным образом по линии скорострельности, оставив дальность огня в общем на прежнем уровне. Достигнув с введением пулемета известного предела в области скорострельности, техническая эволюция пошла в мировую войну и идет на современном этапе главным образом по линии увеличения дальнобойности. Пулемет получил угломер — квадрант для стрельбы по дальним целям с закрытых позиций. Артиллерия значительно увеличила дальность своего огня, достигнув нормально дистанции в 12—20 км. Это обстоятельство имеет для эволюции тактических форм боя едва ли не решающее значение.

Историческая эволюция показывает, что переход от наполеоновского сосредоточения всех сил перед полем боя к встречному бою, непосредственно развивающемуся с похода, имел во второй половине XIX века своей основной предпосылкой увеличение дальности огневого воздействия.

Но в современных условиях при значительно возросшей дистанции огня мы стоим перед дальнейшей эволюцией встречного боя.

На заре его зарождения, во второй половине XIX в., стреляли на такое же расстояние, на какое и видели, чем, в сущности, и была вызвана завязка боя с марша. Ныне мы переносим огневое воздействие на значительно большее расстояние, чем видим в полевых условиях. Это значит, что *современный бой будет завязываться на дальних дистанциях*. А отсюда следует, что ныне действующая система тактического походного охранения с выдвижением его на 5—6 км от головы колонны главных сил, в сущности, никого уже не обеспечивает от дальнего огневого нападения и внезапного появления мотомеханизированных средств, не говоря уже об авиации, работающей на огромных расстояниях в другой плоскости. Это охранение неспособно уже выполнить свою роль авангарда и обеспечить развертывание главных сил к бою. Оно сохраняет лишь значение непосредственного охранения. Вместе с тем значительно возросшая глубина колонны требует большего времени и пространственного разгона для развертывания главных сил к бою в соответствующей группировке. Уже на рубеже XX в. Ланглуа, строивший свою теорию на эволюции артиллерийской техники, писал: «Мы должны выдвигать свои авангарды уже не на несколько километров, а на несколько миль, до расстояния 1—1$^1/_2$ переходов».

Современные боевые дистанции значи-

тельно возросли. Они требуют выдвижения пехотного охранения на значительно большее расстояние, по меньшей мере на 20—30 км, которые могут занять в глубину главные силы современной усиленной дивизии. Широко применяемая система передовых и разведывательных отрядов, в сущности, и вызвана этими требованиями.

Эта система уже заслонила собой авангард, выдвинутый на 5—6 км, и переняла на себя его функции разведывания и обеспечения марша. Авангард, идущий позади действующих впереди разведывательных и передовых отрядов, разумеется, утрачивает все специфические признаки авангарда и становится просто первым эшелоном колонны. Но в таком случае его функции и следует передать этим отрядам, сделав их достаточно сильными. Однако этим решается вопрос лишь в тактическом масштабе, в масштабе принятия мер тактического предупреждения на данном пути движения.

Между тем современный командарм, если он пожелает действительно руководить современной глубокой операцией, должен в первую очередь обеспечить себе возможность своевременного развертывания своих сил и вступления их в сражение в группировке, соответствующей свободно принятому решению. Для этого он нуждается в своем оперативном органе обеспечения, представленном сильной группой быстро подвижных соединений, главным образом мотомеханизированных средств и конницы, выброшенных далеко вперед на 1—2 и более перехода.

В современных условиях мы вновь возвращаемся к наполеоновскому явлению армейского авангарда как первого авангардного эшелона, но уже на иной исторической базе наступившей эпохи глубокой стратегии с совершенно иным качественным содержанием... Это значит, что явление встречного боя переходит в свою высшую фазу — из области тактики в сферу операции. Тактически встречный бой станет, как правило, возможным лишь для передовых частей авангардного эшелона. Но оперативно он перерастает во встречное сражение, в котором авангардный эшелон выполняет назначение армейского авангарда. Вместе с тем это значит, что современное оперативное построение наступления неизбежно приходит к глубокому эшелонированию.

Можно опять-таки с опасением и сомнением подходить к этому новому явлению, хотя оно, несомненно, вызывается изменившимися требованиями современной операции. К нему придется, однако, неизбежно прийти, потому что оно также предопределено целым рядом объективных условий.

Необходимо учесть, что по способности быстро преодолевать пространство, по быстродейственности и дальнобойности современные средства борьбы представляют весьма разнородную картину.

Первое место среди них по дальнобойности и способности переносить свои действия на большие расстояния принадлежит, разумеется, авиации. Наземные противники не обменяются еще ни одним выстрелом, когда этот род войск в первые же часы начала войны откроет свои действия по наиболее дальней траектории. Мощная массированная боевая авиация явится, несомненно, первым фактором боевого воздействия.

Вслед за ним уже на земле немедленно выступит все то, что быстроподвижно и может легко выдвинуться вперед, — это, разумеется, мотомеханизированные соединения и современная механизированная конница. С важнейшим оперативным предназначением расстроить сосредоточение противника и занять выгодное положение для перехода в общее наступление эти силы на моторе и коне вынесутся возможно дальше вперед и вступят совместно с авиацией в борьбу тогда, когда основная масса развертываемой перволинейной армии будет находиться еще во власти сложного механизма современного сосредоточения. Они явятся первым авангардным эшелоном на земле.

Наконец, на театр военных действий выступит главная масса общевойсковых пехотных соединений. Однако и она не сможет сразу выступить в одной линии. Современные железные дороги, растущие в меньшей прогрессии, чем вооруженные силы, не смогут их сразу и полностью поднять. Это приведет к более растянутому сроку сосредоточения всех сил на театр войны. Большая часть прибывших сил в стремлении скорее начать операцию выступит немедленно. Известная часть сил, позже прибывшая, выступит несколько позднее. Таким образом, и эта главная масса войск выступит в двух эшелонах, образуя по счету второй и третий оперативные эшелоны.

Когда же эта глубокая система первого стратегического эшелона придет в полное движение, в глубине страны покажутся уже силуэты второго стратегического эшелона мобилизуемых второлинейных войск.

Если это не является наступлением эпохи глубокой стратегии, то нужно подвергнуть сомнению самое понятие глубины.

Оперативная схема глубокого вступления в операцию должна будет растянуться на огромное расстояние. Действия авиации достигнут сразу своего предельного радиуса. На 2—4 перехода, в общем на 100 км, вынесутся вперед мотомехсоединения и конница. Наступающий первый эшелон главной массы войск, если даже каждая дивизия будет иметь свою дорогу (что не всегда обеспечено), займет в глубину до 75 км. Наконец, на дистанции одного перехода от него пойдет на более широком фронте второй эшелон главной массы войск, который займет в глубину также до 50 км.

В общем весь первый стратегический эшелон занял бы на земле огромную глубину в 250—300 км. Такая глубина не может быть обеспечена современными условиями развертывания...

В современных условиях, когда войска повышенной мобилизационной готовности уже вплотную придвинуты к границе, когда сила и возможности прикрытия позволяют значительно ближе сосредоточиваться к ней, военные действия оперативно начнутся, в сущности, с места и большие марши на такую глубину, как 300 км, будут, несомненно, исключены...

В этих условиях оперативная глубина наступления остается скрытой в потенции и не достигнет своего полного размаха в пространстве. Оперативные эшелоны будут с одного рубежа выпускаться в операцию. Но все же, когда последний из них будет еще мирно маршировать в глубоком тылу, чувствуя лишь угрозу с воздуха и интенсивную работу подвоза и эвакуации на путях своего движения, первые оперативные эшелоны будут уже в жестоких боевых делах и многое для них в соответствующем масштабе будет уже решено. Будет даже трудно определить, где и когда завяжется эта грандиозная операция, где и когда она прочертит хоть сколько-нибудь заметную грань между операцией и сражением. В это сражение мы будем вползать, и, в сущности, первая брошенная с самолета в глубоком тылу бомба и первый одиночный выстрел на границе будут означать, что эта величайшая операция завязалась.

Если в эпоху линейной стратегии сражение органически выливалось из операции, то в *эпоху глубокой стратегии операция и сражение органически сливаются*. Всякая грань между ними во времени и пространстве исчезнет. В одном общем потоке нарастающих оперативных усилий современное сражение завяжется на фронте и завершится в глубине. Так, волна за волной будут налетать на подходящий, очевидно, в таком же оперативном построении фронт противника. И уже рождается вывод, что *конечный успех будет иметь тот, у кого оперативное построение будет глубже*.

Однако неизбежен момент, когда все эти волны сольются в одном шквале вплотную ставших друг против друга фронтов. Быть может, тогда развитие операции приведет нас вновь к линейному фронту и линейной стратегии. Но и на этом — скорее нормальном в современных условиях — этапе, который может весьма скоро наступить, эволюция оперативного искусства потребует иного решения и глубокого фронтального удара из глубины в глубину. Именно здесь требования глубокого построения наступления выступят с новой силой.

Это будет новым оперативным решением проблемы прорыва в условиях наступившей эпохи глубокой стратегии.

Если оперативное искусство эпохи линейной стратегии пришло на определенном рубеже исторического развития к своей противоположности и самоотрицанию, то это случилось там, где фронт стал против фронта и потребовал прорыва.

Эта проблема не могла быть оперативно разрешена на основах линейной стратегии. Она вызвала появление новых технических средств борьбы; она подняла на высокую ступень тактическую организацию техники наступления и создала предпосылки для своего тактического разрешения. Но на основах линейной стратегии нельзя было достичь оперативного решения проблемы пролома и сокрушения фронта.

Для этого оперативное искусство должно было искать новых путей, должно было перешагнуть в новую эпоху. Но в условиях империалистической войны на истощение и измор это было невозможно.

Новый характер будущей войны с ее решающими операциями сокрушения ставит по-новому решение этой центральной проблемы современного военного искусства.

Фронт должен ломаться в решающей операции. Должен быть достигнут пролом фронта на всю глубину; должно быть достигнуто полное его сокрушение.

Глубокая стратегия сдает здесь испытание исторической зрелости, и если она окажется предопределенной многими объективными условиями современности, то в то же время она вызывается именно этими требованиями решительного и полного преодоления фронтальности.

Новые формы глубокого боя, обусловленные полным тактическим использованием современных технических средств борьбы (танков, дальнобойной артиллерии, боевой авиации ближнего действия), решают уже эту проблему в тактическом масштабе. Но они ломают лишь тактическую глубину современной обороны. Они не приводят еще к оперативному решению, хотя и ведут по пути к нему.

Глубокое тактическое усилие должно еще перерасти в глубокий оперативный пролом. Это является основной проблемой, которую должно разрешить оперативное искусство эпохи глубокой стратегии. Все достижения глубокой тактики становятся ненужными, если на путях оперативного осуществления проблемы не будет достигнуто решение.

Необходимо уяснить себе, что первый атакующий эшелон, непосредственно рвущий фронт, может решить свою задачу лишь в тактическом масштабе и взломать этот фронт. Как бы велики ни были его успехи, он не может сам превратить

свой тактический результат в оперативный и через взломанную дверь ринуться в глубину, чтобы ломать и сокрушать сопротивление противника на всю оперативную глубину. Первый атакующий эшелон не может разрешить этой задачи потому, что взломанная дверь подпирается еще изнутри сильными пружинами сопротивления обороны и ее нужно продолжать придерживать, чтобы она вновь не захлопнулась. Выполнение этой боевой задачи остается обязанностью первого атакующего эшелона. И если в это время, когда тактическая брешь будет им пробита, из глубины оперативного построения наступления никто не подоспеет, чтобы продлить удар из глубины в глубину и тактический успех превратить в оперативный, — если это не совершится, брешь вскоре вновь закроется, все тактические усилия первого эшелона атаки окажутся напрасными и получится не более как животообразное выпячивание фронта наступления, только изнуряющее и истощающее силы наступающего.

Это значило бы продолжать систему бессмысленных, изнуряющих фронтальных ударов самоистощения, в которую выродилась линейная стратегия в 1918 г.

Современный прорыв нужно и можно предпринимать не только тогда, когда имеются достаточные силы и средства для взлома участка прорыва по фронту, но и тогда, когда имеются достаточные силы для того, чтобы этот прорыв продлить из глубины в глубину и сокрушить сопротивление на всю глубину.

Бессмысленно, не к чему предпринимать операцию прорыва, если не имеются и не предусмотрены силы для его развития, ибо бессмысленно взламывать дверь, если через нее все равно некому будет войти.

Современный глубокий прорыв требует в основе построения наступления двумя оперативными эшелонами: эшелоном атаки, тактически взламывающим фронт, и эшелоном развития прорыва, переносящим удар из глубины в глубину и проламывающим и сокрушающим сопротивление обороны на всю оперативную глубину. Каждый из этих эшелонов сохраняет при этом свое тактическое эшелонирование.

Это глубокое построение операции прорыва разрешает основную проблему современного оперативного искусства — проблему решительного глубокого преодоления фронтальности вплоть до ее полного сокрушения. Это сохраняет свое значение не только для прорыва оборонительных укрепленных полос, но и для всякого фронтального удара, развивающегося в результате завязавшегося фронтального сражения.

На конечный успех, если вопрос рассматривать в оперативном разрезе, в современных условиях может рассчитывать лишь тот, у кого будет бо́льшая глубина оперативного построения, у кого в глубине будут наготове более сильные эшелоны. Если на рубеже XX в. — в эпоху высшего расцвета линейной стратегии — германские военные идеологи утверждали, что в борьбе победит тот, у кого фронт будет длиннее и фланг сильнее, то сейчас мы должны этим взглядам противопоставить положение, что в современных условиях глубокой стратегии, рассматриваемых в оперативном разрезе, *в борьбе победит тот, у кого фронт будет глубже и глубокие эшелоны сильнее.*

И это вновь возвращает нас к совершенно очевидной перспективе еще большего роста современных вооруженных сил и еще раз убеждает в нелепости всяких теорий малых армий.

Остается еще развернуть всю глубокую схему современной операции прорыва.

Когда налетающие из глубины волны оперативных усилий настигнут первый завязавший сражение авангардный эшелон и сольются с ним в общем шквале, когда таким образом фронт станет против фронта, исключив возможность линейного, охватывающего маневра, оперативное искусство глубокой стратегии вступит в свои полные права.

Быстроподвижный *авангардный эшелон* мотомехсоединений и конницы будет вскоре вытеснен с фронта борьбы, потому что не сможет применить своей дальнодейственности. Не имея простора пространства для своих действий и выполнив роль армейского авангарда, он сожмется сначала к флангу, а потом и вовсе нырнет в тыл оперативного построения наступления.

Его место заступят подошедшие эшелоны общевойсковых пехотных соединений, которые теперь с большим основанием на полезное применение возьмут на себя боевую работу на фронте. Сомкнутой оперативной фалангой, оснащенные многочисленными танками, крупной артиллерией количественного и качественного усиления и боевой авиацией ближнего действия, они составят *эшелон атаки.*

За ними из группы быстроподвижных соединений, ранее возглавлявших оперативное построение наступления, выстроится **эшелон развития прорыва.** Он включит в себя крупные самостоятельные механизированные, моторизованные и конные соединения и крупные массы боевой авиации дальнего действия. Тот, кто при завязке операции был первым, станет теперь в оперативном построении последним, а кто шел последним при подходе, тот выйдет в первые ряды атаки.

В таком оперативном построении начнется операция современного глубокого прорыва. Она развернет картину глубокого оперативного построения наступления, имеющего

целью удлинять и развивать удар из глубины в глубину. Она не имеет, однако, ничего общего с эшелонированием глубины наступления в прорывах 1918 г.

И тогда 18-я германская армия имела в мартовском наступлении 12 дивизий в первом эшелоне, 8 дивизий во втором эшелоне и 4 дивизии в третьем эшелоне, а 7-я германская армия в майском наступлении — 14 дивизий в первом эшелоне, 5 дивизий во втором эшелоне и 6 дивизий в третьем эшелоне. Но тогда каждая дивизия получала глубину продвижения лишь в 3 км и позади стоявшие эшелоны должны были сменять и питать впереди дерущиеся части, продолжая их наступление на одной общей линии фронта с ними. Нагромождение этих эшелонов походило на стратегию буйвола, который не мог понять, что для действительного прорыва фронта тактические усилия должны перерасти в оперативные и что это может быть достигнуто лишь удлинением и оперативным развитием удара из глубины в глубину. Впрочем, в 1918 г., когда самостоятельные мотомехсоединения еще не существовали, а конница уже не существовала, осуществление такого решения не было обеспечено. Эшелон развития прорыва должен быть прежде всего быстроходнее эшелона атаки, чтобы его перегонять; следовательно, из пехотных соединений он состоять не может. Прорывы 1918 г. потому и не могли перерасти из тактического явления в операцию. Они не могли ставить себе цели, которые вправе выдвинуть оперативное искусство глубокой стратегии.

Современная операция глубокого прорыва преследует цели одновременного поражения и пролома всей оперативной глубины сопротивления. Эта одновременность в оперативном масштабе не может быть, однако, уподоблена одновременности тактической. Разница во времени здесь все же имеется. Она определяется взломом тактической глубины первой полосы обороны. Когда эта тактическая задача будет эшелоном атаки разрешена и во фронте противника откроется зияющая брешь тактического взлома, из глубины оперативного построения наступающего ринется теперь эшелон развития прорыва. В воздухе его опередит боевая авиация, которая на дальнем расстоянии закроет резервам противника доступ к проламываемому участку. Одновременно авиадесантный отряд, перенесенный по воздуху, высадится в тылу противника и явится к нему первым вестником смерти. А в это время на земле через открывшийся участок тактического взлома фронта ринется широкой лавиной в несколько волн крупная масса быстроходных танков, самоходной артиллерии и пехоты на бронированных транспортерах. Эти силы сами выбьют последнюю пробку из открывшейся бреши. За ними последует сохраненная еще историей «краса оружия» — современная конница. Наконец, за ней после расчистки

дорог будут готовы броситься многочисленные колонны моторизованных войск. В иных условиях каждая из этих составных частей эшелона развития прорыва будет иметь свой участок открывшейся бреши. Тогда развитие прорыва последует одновременно в нескольких местах фронта.

Все это удлинит и разовьет удар из глубины в глубину. Чем больше состав эшелона развития прорыва, тем в большую глубину он нацелится. Во всех случаях, чтобы разрешить свою задачу оперативного пролома, он должен охватить всю глубину сопротивления противника.

В то время, когда эшелон атаки будет еще вести жестокую борьбу на фронте прорыва, в глубине его, на другой высоте, даже на нескольких ярусах оперативной глубины, эшелон развития прорыва начнет сокрушительные действия на окружение и уничтожение. По своей оперативной перспективе это будет новое грандиозное, многоярусное сражение, ведущееся в нескольких ярусах оперативной глубины.

Оно приведет к возрождению «Канн» на новой базе глубокой стратегии. Это будет целая система «Канн»; одни из них будут завязываться, другие — назревать, третьи — завершаться.

В общем решительном сокрушении и уничтожении сопротивления будет разрешена проблема оперативного пролома фронта. Никогда еще стратегия сокрушения не имела столь блестящих предпосылок для своего полного осуществления. И этот прогноз разрешает еще одну крупную проблему эволюции характера современного оперативного маневра.

Историческая практика вооруженной борьбы и теория военного искусства различали до сего времени два основных типа оперативного маневра: маневр по внутренним линиям как сосредоточенный удар из одного положения, господствовавший в эпоху Наполеона, и маневр по внешним линиям как охватывающий удар с различных направлений, господствовавший в эпоху линейной стратегии. Эти два типа противопоставлялись друг другу и считались в известном смысле оперативными полярностями.

О них Клаузевиц писал: «При стратегическом маневрировании встречаются две противоположности, которые могут показаться совершенно особыми видами маневрирования. Первую противоположность представляет собой действие по внешним или внутренним линиям; вторую — сосредоточение войск вкупе или растяжение их по многим пунктам».

Но историческая эволюция порождает новое, объединяя и претворяя разнородное.

Современная операция глубокого прорыва является своеобразным сочетанием двух типов маневра. Эшелон атаки, взламывая фронт, занимает

широкое положение сплошной линии и действует по внешним операционным линиям. Эшелон развития прорыва несет сосредоточенный удар из глубины в глубину, действуя по внутренним операционным линиям.

Так эпоха глубокой стратегии приходит к синтезу двух типов маневра, двух исторических школ военного искусства.

Тем самым опровергаются столь частые и, безусловно, не диалектические утверждения, что маневр охвата и окружения сошел с исторической арены вооруженной борьбы. Эти суждения не отражают самого основного в эволюции характера современной операции: они не видят ее двух измерений и по фронту и в глубину и консервативно остаются на позициях линейной стратегии.

Фронтальный удар является, разумеется, основной формой действия для первого эшелона атаки. Но один эшелон атаки фронтальным ударом вообще еще ничего не решает, если его тактические усилия не перерастают в оперативные. А это возможно лишь ударом по внутренним линиям из глубины в глубину, чтобы охватывать, окружать, громить.

Такой маневр, разумеется, исчезает с первой линии фронта борьбы, но он с новой силой и величайшим напряжением переносится в глубину фронта борьбы.

Здесь он возрождается в полном масштабе и в новом содержании. Здесь он обещает величайший расцвет нового военного искусства глубокой стратегии как искусства великолепных маневров и сокрушительных ударов в глубине...

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ГЛУБОКОЙ ОПЕРАЦИЕЙ

Новый характер глубокой операции, разумеется, вызывает и новый характер ее ведения.

Оперативное искусство как искусство ведения операции стоит здесь перед рядом новых проблем. В условиях наступившей эпохи, когда операция органически сливается с сражением, когда эти понятия составили одно целое в современном явлении глубокой стратегии, когда они не имеют больше границ ни во времени, ни в пространстве, нужно в первую очередь решительно покончить с принадлежащим истории положением, что «коль скоро неприятель приблизился настолько, чтобы дать общее сражение, время стратегии прошло, и она может отдыхать» (Клаузевиц).

Если бы современное оперативное искусство изъяло из сферы своей компетенции сражение, оно ликвидировало бы самого себя и стало бы ничем. Так это случилось уже в 1914 г. и при нашем походе к Висле в 1920 г. В свое время Шлиффен писал: «Наиболее существенную задачу полко-

водца надо считать выполненной, если он задолго до возможного столкновения с врагом (подчеркнуто нами) укажет всем армиям и корпусам, по каким дорогам, путям и направлениям должны они продвигаться...»

Мы видели, в какое прямолинейное, бесперспективное продвижение вперед выродились на этих основах наступательные операции 1914 г. Однако сила консервативной теории велика. Опыт мировой войны еще далеко не учтен. И сейчас еще французский полковник Дюффур пишет:

«Стратегический маневр сводится к формированию колонн различного назначения и к направлению их к общей цели. В момент когда маневр переходит из области замысла в область выполнения, он выражается лишь направлениями, указываемыми частям, и распределением сил по этим направлениям. Выполнение маневра — это выбор направлений и распределение сил и средств между колоннами» [1].

Итак, по мысли Дюффура, стратегия (вернее оперативное искусство) лишь составляет и нацеливает колонны и исчезает, когда колонны завяжут бой. Далее операция будет, очевидно, протекать по неизменным, раз нацеленным направлениям и выродится в простое напирание сплошной стены, гонящей от себя того, кого по смыслу вооруженной борьбы нужно бить. Если это привело к крушению больших операций в 1914 и 1920 гг., то в наступивших условиях это привело бы к стихийности. Вспоминается клоун, который, надев на ноги огромные туфли, хочет поймать брошенный на землю шар, но каждый раз, приближаясь к нему, он длинной туфлей сам отбрасывает его от себя и потешает публику этой бессмысленной работой. Так устаревшая военная теория собирается и сейчас еще смешить историю, ибо перенесение старых отживших положений в совершенно изменившиеся условия новой эпохи становится, конечно, историческим анекдотом. Вооруженная борьба, ведущаяся для осуществления величайших идей, предъявляет к себе, однако, более суровые и жесткие требования.

Глубокое, многоактное, многоярусное сражение, воплотившее в себе все явления операции в эпоху глубокой стратегии, будет от начала до конца сферой компетенции современного оперативного искусства. Иначе вовсе не станет самого оперативного искусства.

Составление и нацеливание колонн явится едва ли не самой незначительной его частью. Строя глубокую операцию, современный командарм будет одновременно уже завязывать и вести сражение. Когда его главные силы общевойсковых

---

[1] Дюффур. Лекции, читанные во французской высшей военной школе.

соединений будут еще следовать по железной дороге к фронту, его боевая авиация дальнего действия и авангардный эшелон мотомехсоединений и конницы будут уже вести напряженные бои.

Ограничить в этих условиях сферу своей оперативной деятельности одним составлением и нацеливанием колонн значило бы объявить себя банкротом. Шаг за шагом, регулируя и направляя действия из глубины, современному командарму придется беспрерывно и действенно управлять ходом событий. Каждый отказ его от активного участия в этом управлении будет означать шаг к оперативному хаосу. Центр тяжести полководческого искусства перемещается к управлению ходом самой операции и сражения, как это было в давно прошедшие времена.

При этом следует учесть, что от момента завязки боя авангардным эшелоном мотомехсоединений и конницы до момента вступления в сражение последующих эшелонов общевойсковых соединений неизбежно пройдет известный отрезок времени. Между подходом последующих эшелонов главных сил и их вступлением в сражение возникают вновь перерыв и пауза. Но это явление, бывшее в тактическом масштабе характерным для эпохи Наполеона, приобретает в наступивших условиях нового количественного масштаба совершенно иное качественное содержание. Эта пауза заключается теперь не в сосредоточении и расположении всех сил перед полем боя, как это было во времена Наполеона. Она протекает уже не в спокойной статике, как тогда, а в напряженной динамике спешного подхода последующих эшелонов из глубины и в жестоких боях уже вступившего в дело авангардного эшелона. Эта пауза становится, однако, реальным явлением в завязке глубокой операции...

В оперативном отношении это значит, что современный командарм, имея впереди свою авиацию и авангардный эшелон мотомехсоединений и конницы, получает возможность в полосе своих действий группировать последующие эшелоны и нацеливать их на подходе к фронту завязавшегося сражения так, как это будет вытекать из его оценки обстановки и принятого им решения. В будущем становится возможным вести бои не там, где они возникнут на путях движения колонн, как это было в эпоху линейной стратегии, а там, где это решит командарм.

Глубокая операция становится вновь управляемой. Но для этого требуется высокое искусство ее ведения и управления ею. Многообразные данные непосредственной обстановки, освещающей операцию в двух измерениях — по фронту и в глубину, потребуют высокого уровня оперативного искусства и оперативной культуры, чтобы на

основании анализа, сочетания и расчета всех данных можно было прийти к синтезу обоснованного решения.

Здесь уже нельзя будет отделываться полетами стратегии дальнего прицела и придется конкретно и последовательно решать ближайшие задачи, чтобы в общей перспективе громить противника на всей его оперативной глубине.

При этом уже не самый замысел решения составит основную часть искусства управления и ведения глубокой операции. Еще в конце прошлого века Леваль писал, что «вдохновение мало-помалу нисходит с интеллектуальных высот к практике действительности» и что «замыслы попадают все в более тесную зависимость от той материализации, которую они получают».

Техника и расчет организации и выполнения операции составят основной предмет работы современного командарма и его штаба. Огромные масштабы, огромные колонны, огромные технические средства, огромные тылы — все это потребует огромных способностей все рассчитать, все организовать, все направить.

Управление современной глубокой операцией заключается прежде всего в ее организации.

Само оперативное искусство как искусство управления становится в современных условиях прежде всего организационным искусством — умением правильно рассчитать, четко организовать и твердо направить.

Величайший хаос и крушение под тяжестью собственной массы огромных сил и средств предстоят в том случае, если это организационное искусство окажется не на высоте или откажет хотя бы в одной организационной детали.

Становится очевидным, что это искусство не может опираться на свободное организационное творчество. Оно имеет своим объектом область, в которой все тесно связано, все требует согласования и находится во взаимодействии. Здесь все должно разрешаться на каких-то определенно установленных организационных основах.

Современное оперативное искусство приближается к позитивной системе положительных основ, чего не мог еще предвидеть Мольтке, когда он в своих указаниях высшим начальникам писал: «Вождение крупных войсковых масс не поддается изучению в мирное время».

Современное оперативное искусство стоит перед настоятельной необходимостью регламентировать технику организации и ведения глубокой операции в тех пределах и с той точностью, которые обязательны для любого уставного положения.

Перед нами стоит обязательная задача — создать оперативный устав вождения высших соединений.

При этом и тактические уставы должны претерпеть крупные изменения, так как каждый из оперативных эшелонов наступления имеет свою тактику действий. В частности, нужно подробно разработать тактику действий эшелона развития прорыва и организацию его прохождения через открывшуюся брешь тактического взлома фронта. Такая глава, как «Развитие прорыва», должна быть уже сейчас внесена в Полевой устав и стать одним из важнейших отделов той его части, которая будет посвящена сокрушению фронта.

Однако, если организация и техника ведения современной глубокой операции должны быть регламентированы оперативным уставом, это еще не значит, что свобода, острота и замысел смелого, прозорливого оперативного решения в какой-либо степени теряют свое значение.

Развертывая перспективы глубокого развития прорыва, мы вряд ли можем согласиться с прогнозом Леваля, что «воображение и творчество уже не могут иметь хода», что «полет замысла уменьшается» и что «прошли времена знаменитых подготовок, гениальных комбинаций и великолепных маневров».

Когда наступит момент выпускать из глубины эшелон развития прорыва и переносить маневр в глубину сопротивления, оперативное искусство вновь станет перед задачей принятия смелого и острого решения соответственно обстановке.

Командарм — организатор, планово и по расчету руководящий операцией, станет в этот момент командармом, остро и мгновенно воспринимающим обстановку во всем ее многообразии и тут же принимающим смелое решение по своему вдохновению, материалистически обоснованному. Он явится в этот момент непосредственно и действующей и командующей инстанцией, ибо поднимать в воздух авиацию и бросать в прорыв эшелон развития прорыва придется актами непосредственного командования. Здесь речь будет идти о часах и минутах. Естественно, что эти решения последуют уже не из уютного кабинета армейского штаба, расположенного глубоко в тылу, а с выдвинутого к фронту прорыва оперативного командного пункта. Находясь на этом пункте, современный командарм должен пребывать в непосредственном общении с обстановкой и чувствовать биение пульса на фронте атаки...

Так современный полководец вновь появится на «Праценских высотах»[1] и, окруженный аппаратами радиосвязи и телевидения, имея всегда в своем распоряжении самолет, будет

---

[1] С Праценских высот Наполеон руководил сражением под Аустерлицем в 1805 г.

знаком руки руководить современной операцией глубокого прорыва.

Мощный штаб — организатор и технический выполнитель решений — будет предоставлен к его услугам. Возглавляющая оперативная часть его будет безотлучно при командарме. Другая субординированная часть штаба будет расположена позади, управляя и регулируя передвижениями частей глубокого оперативного построения. Наконец, третья тыловая часть его расположится еще дальше в глубину, примерно на линии железнодорожного базирования, и будет управлять всем сложным механизмом питания и обеспечения глубокой операции.

Так, система управления операцией сама строится по глубокой схеме, неизбежно усложняя организацию и согласование всей работы. Эта система управления должна быть также регламентирована рядом точных уставных положений. И даже в этом случае потребуется высокое искусство, чтобы заставить ее работать планомерно и безотказно.

Наконец, когда эшелон развития прорыва прорвется в глубину сопротивления и приступит там к своей уничтожающей работе, управление и решение достигнут уровня высшего искусства окружения и сокрушения в новых условиях глубокой стратегии.

После изнуряющих методов ведения сражений на истощение это будет ярким воскрешением «знаменитых подготовок, гениальных комбинаций и великолепных маневров».

Таковы перспективы эволюции оперативного искусства в эпоху глубокой стратегии.

ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ ГЛУБОКОЙ ОПЕРАЦИИ

Перспективы новой эпохи глубокой стратегии, обрисованные нами в общих теоретических начертаниях, требуют теперь конкретизации, чтобы из области философии и теории перейти в область практического применения.

Это возвращает нас к задаче создания оперативного устава вождения высших соединений. Этой задачи мы здесь себе не ставили.

В общих начертаниях мы старались лишь определить основные контуры новой эпохи в развитии военного искусства.

Мы исходили при этом из основной предпосылки, что наша будущая революционно-классовая война явится величайшим актом вооруженной борьбы, имеющей всемирно-историческое значение, и явится новой эпохой в развитии военного искусства.

Это предопределяется наступившей эпохой социалистических революций и революционно-классовых войн.

Но новые формы военного искусства, созревшие в процессе исторического развития, не рождаются самопроизвольно в своем конкретном проявлении; они должны быть осознаны и изучены; они должны получить свое философское, теоретическое обоснование.

«Каждая эпоха должна иметь свою собственную теорию войны, хотя бы даже рано или поздно принялись за обработку ее на философских началах» (Клаузевиц).

Без обоснованной теории не может быть разумной практики. Мы начали поэтому с теории, чтобы перейти затем к практике конкретного расчетного оформления глубокой операции.

Этот путь раскрыл перед нами все развитие, совершенное военным искусством с начала XIX в. Только в различии крупных исторических эпох можно установить закономерности развития военного искусства и уяснить, как и почему это искусство переходило от одних форм к другим и почему оно завершается эпохой глубокой стратегии.

Эволюция характера операции

Эпоха	Расчленение операции по фронту	Расчленение операции в глубину	Оперативное построение наступления	Формы оперативного маневра	Характер стратегии
Наполеон на рубеже XVIII и XIX вв.	Одна точка	Одно мгновение	Сомкнутая глубокая колонна в одной массе	Массированный удар по внутренним линиям	Стратегия одной точки
Вторая половина XIX в.	Прерывчатый фронт отдельных раскинутых в пространстве точек	Прерывчатая цепь отдельных несвязанных сражений	Широкое развертывание в отдельных группах	Концентрический маневр по внешним линиям	Линейная стратегия прерывчатого фронта
Мировая война 1914—1918 гг.	Сплошной фронт слившихся в одну линию точек	Единая цепь прерывчатого ряда сражений	Широкое развертывание сплошным фронтом	Заходящий маневр по внешним линиям	Линейная стратегия сплошного фронта
Будущая война	То же	Сплошная цепь слившегося ряда сражений	Глубокое развертывание в нескольких эшелонах	Фронтальный удар по внешним линиям и сокрушительный маневр из глубины в глубину по внутренним линиям	Глубокая стратегия

Так точка эпохи Наполеона распалась на ряд отдельных рассыпанных в пространстве точек во второй половине XIX века. Этот ряд точек слился в эпоху мировой войны в одну сплошную линию. А теперь эта линия растет в глубину, превращаясь в квадрат и получая новое измерение по площади.

Мы вступаем в новую эпоху глубокой стратегии и переходим от фронта широкого, линейного к фронту глубокому.

Разумеется, не всюду, не сразу и не во всех случаях и условиях формы новой стратегии проявятся в полной мере. Историческое развитие вообще не знает таких определенных границ. В условиях нашего театра военных действий в начальный период войны могут быть предпосылки для линейной стратегии охватывающего маневра. Однако все принципиально новые факторы глубокой стратегии скажутся в нашей борьбе с такой же полной силой.

Именно потому, что рабочий класс выступает как всемирно-историческая прогрессивная сила..., революционный пролетариат явится первым носителем нового оперативного искусства и выдвинет первых мастеров глубокой операции сокрушения.

«Действительная перемена в военном искусстве является последствием изменения политики» (Клаузевиц).

Только величайшие политические цели нашей борьбы могут обеспечить новой глубокой стратегии ее историческое осуществление.

(Г. С. Иссерсон. Эволюция оперативного искусства. Изд. второе, доп. Воениздат. М., 1937 г., стр. 9—18, 54—97).

НОВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ

Труд Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы» издан в 1940 г. и рассматривает новый характер боевых действий, выявившийся в войне в Испании и в Германо-польской войне 1939 г. Он является первым выпуском работы, которая охватывала и войну в Западной Европе в 1939—40 г.г. Последняя часть работы не была издана. Ниже публикуются выдержки из первого выпуска труда.

ЗНАЧЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ВОЙН (1936—1940 гг.)

История военного искусства показывает беспрерывную смену одних форм и способов ведения войны другими...

Каждый раз, когда развитие производительных сил создает новые технические средства, когда меняются общественные отношения и общественные условия, когда политика выдвигает новые цели борьбы, меняются и формы и способы ведения войны.

В крупные исторические эпохи, когда в борьбу вовлекаются огромные народные массы и борьба имеет большое исто-

рическое значение, смена одних форм другими происходит, однако, не самопроизвольно, не сама по себе и не в спокойном процессе развития событий. Чаще всего она сопровождается тяжелыми испытаниями и рождается в жестокой борьбе.

Исторический процесс развития в конечном итоге приводит к победе того, что возникает и развивается. Новое всегда приходит на смену старому. Но пути, которые ведут к утверждению нового, различны. Когда исторические условия к тому созрели, новые формы борьбы приходят к своему осуществлению либо сознательным их претворением на основе глубоко теоретического изучения новых условий, либо они сами стихийно пробиваются в жизнь в историческом ходе событий.

На первом пути влияние гениальных полководцев сказывается в том, что они, учтя новые условия своего времени, «приспосабливают характер борьбы к новому оружию и новым бойцам» (Энгельс) и тем самым сознательно направляют борьбу по прогрессивному руслу, предначертанному историей.

На втором пути отсталая военная теория, плетущаяся в хвосте истории, оказывается непредвиденно для себя перед фактами пробивающихся в жизнь новых проявлений.

Новые формы вооруженной борьбы осуществляются в этом случае в мучительных родах, пройдя через тяжелые, длительные испытания. Они получают, наконец, свое запоздалое признание ценой жестоких, кровавых потерь, принесенных в жертву старым, отжившим формам борьбы, более не соответствующим новым условиям.

События ряда войн показывают, что новые формы борьбы приходили к своему осуществлению обычно по обоим путям.

В нашу эпоху это подтверждается еще раз.

Огромные изменения всех условий ведения современной войны далеко не всюду были уяснены. Признание новых форм борьбы пришло кое-где слишком поздно. Между тем было очевидно, что новая война должна выглядеть существенно иначе, чем война 1914—1918 гг. Слишком крупные, еще небывалые изменения претерпело все военное дело со времен первой империалистической войны. Никогда еще военная техника не совершала такого гигантского шага вперед. Никогда еще армии не подвергались такой коренной реконструкции. Исследованием и прогнозом характера будущей войны занималась вся военная литература после 1918 года. Долгое время стратегическая мысль блуждала в поисках новых решений. Много теорий было высказано. В конце концов путь был намечен, и вел он от отживших форм линейной стратегии к еще неизведанным основам глубокой стратегии.

Когда после тяжелого наследия позиционной войны и

застоя военного искусства новая освежающая мысль произвела умозрительный набросок глубокой операции как одновременного глубокого поражения всей операционной базы противника, суля современным войнам воскрешение сокрушительных ударов и блестящих маневров, нашлось больше скептиков, чем сторонников этой теории. Она была названа фантазией и поэзией.

Но вот эта теория облеклась в реальные формы. Историческая действительность положила предел сомнениям. Им на смену пришли факты.

Современные войны третьего и четвертого десятилетий XX века, развернувшиеся в сложной политической обстановке, на новой, еще не испытанной материальной базе, открыли новую страницу в истории военного искусства. О новых формах и способах борьбы было, разумеется, известно и ранее. О них говорили и писали. Но в них мало верили. Их огромную действенную силу не всюду поняли.

Теперь события, разыгравшиеся на полях Европы, раскрыли их в действии. Историческая действительность всегда говорит сама за себя. Нужно ее только брать так, как она есть.

Новые формы военного искусства, вызванные крупнейшими изменениями наступившей эпохи, перестали быть исторической проблемой.

Из сферы теории они перешли теперь в область практики. О них можно ныне говорить уже не в виде гипотезы или теоретического прогноза, а в виде военно-исторического описания новых форм борьбы в действии.

Формы и способы ведения войны являются всегда производными от политических, экономических, географических, технических и иных условий, в которых война возникает и ведется.

Условия эти чрезвычайно различны и многообразны, порождая каждый раз свои особые оперативно-стратегические формы вооруженной борьбы.

Ленин писал, что «эпоха... обнимает сумму разнообразных явлений и войн, как типичных, так и нетипичных, как больших, так и малых, как свойственных передовым, так и свойственных отсталым странам» [1].

Наша эпоха, отличающаяся исключительной сложностью политических переплетений и богатая исключительным разнообразием явлений войны, это полностью подтверждает.

Каждая из современных войн, происходящая между разными странами и на разных территориях, имеет свой особый характер и протекает в особой обстановке.

Нельзя, разумеется, механически обобщать опыт этих войн

---

[1] Ленин. Том XIX, стр. 202.

вне зависимости от условий, в которых они велись и ведутся. В такой же степени нельзя проходить мимо опыта этих войн, ссылаясь на то, что данная война только частный случай.

Войны, происходящие в одну эпоху и ведущиеся в общем одними и теми же средствами борьбы, вскрывают всегда какие-то общие условия и явления, в той или иной степени характерные для войн данной эпохи. Разумеется, только большая война, охватывающая сразу огромные массы и обширную территорию, может приобрести типичный характер для своей эпохи в целом. Клаузевиц писал, что такая большая война «представляет отдельную эпоху в истории военного искусства».

Однако и в отдельных так называемых «малых» войнах характерные черты эпохи получают то или иное проявление, приоткрывая завесу над характером современной войны.

Наша эпоха богата войнами самого различного масштаба и характера, от войн самых «малых» до большой, в полном смысле современной войны, какой является вторая империалистическая война в Западной Европе.

Эти войны дают богатейший материал для теоретического исследования.

Задача такого исследования заключается всегда в том, чтобы, определив особые условия и особый характер каждой современной войны, установить то общее, что присуще войнам данной эпохи вообще и является для них типичным и закономерным. В этом отношении три современные войны, разыгравшиеся в трех различных частях Европы на отрезке четырех лет — с 1936 г. по 1940 г., привлекают к себе особое внимание: это война в Испании, германо-польская война и война в Западной Европе. Две из этих войн уже завершились. Третья закончила один большой этап вполне самостоятельного значения и переходит в следующую фазу своего развития.

С точки зрения осуществления новых форм военного искусства война в Испании могла бы быть названа прологом драмы, германо-польская война — завязкой драмы и война в Западной Европе — ее развитием. Именно в этом понимании три современные войны в Европе приобретают свое большое историческое значение. Финал всей драмы скрывается еще в будущем истории.

Но возможный характер его с точки зрения форм и содержания военного искусства будущего, несомненно, скрывается уже в современных войнах в Европе, вот почему их изучение имеет огромное значение для определения форм и содержания вооруженной борьбы ближайшего будущего.

Война в Испании может быть причислена еще к так называемым малым войнам[1], которые в области стратегии дают

---

[1] Малая война — с точки зрения ее масштаба, а не характера.

относительно небольшой опыт. Эта война дала, конечно, неполную картину вооруженной борьбы между большими современными армиями.

Германо-польская война протекала в особых условиях, против государства, вся политика господствующих классов которого предопределяла его крушение при первом серьезном военном испытании.

Несмотря на это, она дала вполне определенное представление о возможных формах отдельной кампании современной войны.

Война в Западной Европе, ознаменовавшаяся после длительного периода выжидания вооруженной борьбой огромного масштаба, развернула подлинную картину большой европейской войны империалистического характера.

По своим оперативно-стратегическим формам как производным от целого ряда условий эти три войны в Европе представляют собой три различных стратегических типа, в которых новые формы военного искусства нашли свое постепенное осуществление.

Война в Испании началась как маневренная война, превратилась в позиционную войну и закончилась преодолением позиционного фронта.

Германо-польская война началась, протекала и закончилась как маневренная война.

Война в Западной Европе началась как позиционная война и после длительного позиционного застоя с огромной силой превратилась в маневренную войну. Так она завершилась на первом туре своего развития.

Если говорить о возможных оперативно-стратегических формах современной войны, то эти три типа как производные формы исчерпывают, в сущности, все возможности, потому что война на суше только и может быть либо маневренной, либо позиционной, либо сочетанием той и другой.

Задача военно-теоретического исследования заключается в том, чтобы объяснить, почему эти войны по своему характеру стали тем, чем они были и есть, какие условия к этому привели и какие возможности ведения войны они раскрывают.

ОБ ОПЫТЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

Из опыта войны в Испании часто делается тот вывод, что новые средства борьбы лишь обеспечили возможность ведения современной атаки, но ничего не изменили в ее характере и формах.

С точки зрения перспектив большой современной войны и массового применения новых средств борьбы этот вывод был исключительно недальновидным.

В истории войн вообще редки случаи, когда новое боевое средство сразу оказывает решающее влияние на характер борьбы, ибо искусство и умение его применить обычно не рождаются одновременно с его появлением.

Когда новое средство борьбы применяется в ограниченном количестве, оно вообще большей частью создает превратное представление о своих возможностях, и тогда часто теряется перспектива его применения вообще.

В войне в Испании не было примера, когда механизированные войска, пройдя линии противника, дошли бы до районов, обеспечивающих пространство для маневренных действий.

Дело в том, что республиканцы не имели механизированных или моторизованных войск, а у националистов имелись только одна механизированная и три моторизованные дивизии, но и то к концу войны. Однако одной механизированной дивизии недостаточно, чтобы совершить глубокий прорыв. В Испании не было также достаточного количества тяжелой артиллерии, которая могла бы вести огонь на большую глубину.

Ограниченный масштаб малой войны и «пятачковый» опыт небольших боевых событий чрезвычайно суживают представление и могут направить мысль по очень узкому пути, закрывающему взгляд на перспективы большой войны.

На это уже указывал Энгельс, говоря о влиянии малой колониальной войны на умы французских полководцев.

В статье «Возможности и предпосылки войны Священного Союза против Франции в 1852 г.» Энгельс писал:

«Что касается французов, то они на время даже утеряли нить наполеоновской традиции большой войны благодаря малой войне, которую они вели в Алжире. ...Не теряют ли в ней командующие генералы глаза, нужного в условиях большой войны? Несомненен тот факт, что французская кавалерия портится в Алжире. Она теряет свою силу, отучается от удара сомкнутым строем и приучается к системе действий врассыпную, в которой, однако, ее всегда будут превосходить казаки, венгры и поляки. Из генералов Удино скомпрометировал себя у стен Рима, и один лишь Кавеньяк отличился в июньских боях; но все это отнюдь еще не grandes épreuves (крупные испытания)» [1].

Мы также можем сказать, что война в Испании это «еще не крупные испытания», и вправе спросить, не дала ли она ложного представления о большой современной войне, и не «испортились» ли в Испании танковые войска, т. е. не приучились ли они там действовать отдельными группами врассыпную вместо того, чтобы в оперативно-организованной массе

---

[1] Маркс и Энгельс. Том VIII, стр. 456.

наносить сомкнутые удары в глубину расположения противника.

Война в Испании дала, несомненно, первый опыт тактического применения новых средств борьбы на полях Европы и приоткрыла первую завесу над современным полем сражения.

Эта война явилась, однако, скорее цехом для технического испытания отдельных видов современного оружия, но отнюдь не была генеральной репетицией большой войны и новых форм борьбы.

К опыту войны в Испании следовало поэтому отнестись очень осторожно.

Вообще опыт важен часто не сам по себе. Гораздо важнее выводы, которые из него делаются.

Выводы, сделанные из опыта войны в Испании, часто далеко не радужно рисовали перспективы современной вооруженной борьбы. Позиционный фронт неизбежен; война вновь приобретает ползучий характер последовательного преодоления фронтального сопротивления; система операций на истощение и, значит, стратегия измора кладет вновь свой неизбежный отпечаток на характер ведения войны; новые средства борьбы не могут изменить природы современного боя и операции и сокрушительные удары на всю глубину не имеют надежды на осуществление; ни о каких новых формах глубокой, сокрушительной операции не приходится говорить — таковы грустные перепевы, которые неизбежно вытекали из многих высказываний об опыте войны в Испании. Возвращение к испытанным, но столь же бесперспективным методам прорывов 1918 г. нашло после войны в Испании все большее признание.

Ничего-де не изменилось...

Война в Испании по общему ходу развития действительно протекала в известной аналогии с первой мировой войной 1914—1918 гг. Если воюют старыми методами, то повторяются и старые истории. Конец войны в Испании был, правда, иной, чем войны 1914—1918 гг. на французском фронте. Наступавший достиг своей цели, и прорыв привел к конечному результату. Но причина этого заключалась вовсе не в эффективности старых способов борьбы, а в огромном, подавляющем превосходстве в силах и средствах наступающего и в материальном бессилии и отсутствии резервов у республиканцев. В подобных условиях старые способы могли себя оправдать, но они были очень мало показательны для перспектив развития военного искусства и для большой современной войны.

Рано, преждевременно и недальновидно было говорить о том, что новые формы борьбы, требующие глубокого поражения всей глубины сопротивления противника, себя не оправдали.

Их никто не пытался, да и не мог в Испании применить.

Для этого не было условий, в этом не было и действительной необходимости. Опыт войны в Испании в этом отношении ничего не мог показать. Для многих, не понявших этих причин и чуждых пониманию исторического хода вещей, это осталось неясным. Опыт войны в Испании стал для них каким-то всеобъемлющим и исчерпывающим. Он превратился поистине в «костыль для хромого ума».

Историческая перспектива ближайшего развития нового военного искусства, которое уже стучалось в двери истории, осталась нераскрытой.

Между тем именно вся негативная сторона войны в Испании указывала уже на эти перспективы, если события рассматривать с точки зрения того, что уже возникало и развивалось...

Война в Испании не была еще войной новых форм борьбы в действии. Не сразу и всюду и далеко не во всех условиях все новое раскрывается во всем своем конкретном содержании. Ничто новое не приходит само по себе. За все новое в истории нужно бороться. Для проявления всего нового нужны соответствующие условия, нужна передовая теория, нужна целеустремленная воля. Этих условий в войне в Испании не было.

Однако через полгода после окончания войны в Испании в ближневосточной части Европы произошли события, которые раскрыли иные возможности ведения вооруженной борьбы.

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ

Характер вступления в войну определяет обычно основные линии, по которым война развивается, по крайней мере в ее первый период. А так как всякое последующее развитие вытекает из предыдущего, то тем самым характер вступления в войну часто определяет ее линии развития в целом. Чтобы получить правильное представление о войне, нужно уяснить себе, как произошло ее открытие.

В этом отношении германо-польская война представляет собой новое явление в истории.

Политический конфликт между Германией и Польшей возник уже с конца 1938 г. Его напряжение нарастает долгие месяцы. С лета 1939 г. уже назревает вооруженное столкновение. А с конца лета обе стороны открыто угрожают друг другу, говорят о неизбежности вооруженного выступления и готовятся к нему.

Однако, когда 1 сентября германская фашистская армия с полностью развернутыми силами вторглась в границы Польши на всем протяжении ее границы,— это все же

свалилось как небывалая в таком виде стратегическая внезапность.

Никто не может теперь сказать, когда же произошли мобилизация, сосредоточение и развертывание — акты, которые по опыту прошлых войн, и в частности первой империалистической войны, обозначены вполне определенными рамками во времени.

Германо-польская война началась самим фактом вооруженного вторжения Германии на земле и в воздухе; она началась сразу, без обычных для практики прошлых войн предварительных этапов.

История столкнулась с новым явлением. После первой империалистической войны военная литература выступила с теорией, по которой война открывается особо предназначенной для этого «армией вторжения», под ее прикрытием должны затем развернуться и вступить в борьбу главные силы страны. По этой схеме мобилизация и сосредоточение основной массы сил проводятся уже после начала войны или накануне ее, т. е. еще так, как это происходило в 1914 году. Вступление в войну получает, таким образом, эшелонный характер: сначала выступает армия вторжения, а затем массы главных сил.

«Теория армии вторжения» сразу подверглась серьезной критике. В сущности, практически она никем не была принята на веру.

В противовес армии вторжения как первого эшелона вооруженных сил германская военная печать писала:

«Стратегия завтрашнего дня должна стремиться к сосредоточению всех имеющихся сил в первые же дни начала военных действий. Нужно, чтобы эффект неожиданности был настолько ошеломляющим, чтобы противник был лишен материальной возможности организовать свою оборону». Иными словами, вступление в войну должно приобрести характер оглушительного подавляющего удара, использующего, как это писал Сект, «каждую унцию силы».

Для такого удара даже неприменимо положение, что он обрушивается в первые часы войны; наоборот, первые часы войны наступают потому, что обрушился этот удар.

При этом отбрасывается старая традиция, согласно которой нужно, прежде чем ударить, предупредить об этом. Война вообще не объявляется. Она просто начинается заранее развернутыми вооруженными силами. Мобилизация и сосредоточение относятся не к периоду после наступления состояния войны, как это было в 1914 году, а незаметно, постепенно проводятся задолго до этого. Разумеется, полностью скрыть это невозможно. В тех или иных размерах о сосредоточении становится известным. Однако от угрозы войны до вступления в войну всегда остается еще шаг. Он порождает сомнение,

подготавливается ли действительно военное выступление или это только угроза. И пока одна сторона остается в этом сомнении, другая, твердо решившаяся на выступление, продолжает сосредоточение, пока, наконец, на границе не оказывается развернутой огромная вооруженная сила. После этого остается только дать сигнал, и война сразу разражается в своем полном масштабе.

Так началась германо-польская война. Она вскрыла совершенно новый характер вступления в современную войну, и это явилось, в сущности, главной стратегической внезапностью для поляков...

О СОВРЕМЕННОМ СОСРЕДОТОЧЕНИИ

При исследовании событий германо-польской войны возникает, естественно, вопрос, как было возможно почти полуторамиллионную армию скрытно и незаметно сосредоточить на польской границе и развернуть для вторжения по всему фронту.

В сущности, ничего особенно скрытного в этом не было. Сосредоточение германских сил нарастало из месяца в месяц, из недели в неделю. Чтобы определить срок его начала, надо обратиться еще к 1938 году, к периоду, последовавшему после захвата Гитлером Чехии и Моравии. Когда силы накапливаются столь постепенно, сначала в одном, потом в другом и затем в третьем районах, процесс сосредоточения не получает какого-то самостоятельного выражения во времени и поглощается рядом других, сопровождающих его событий.

Опустив поочередно палец сначала в сосуд с холодной, а затем с горячей водой, можно сразу установить разницу в температуре. Но, опустив палец в сосуд с водой, постепенно согреваемый на слабом огне, очень трудно установить постепенное изменение температуры.

Так и сосредоточение, сжатое в коротком времени и создающее исключительное напряжение в работе транспорта, становится доминирующим явлением в данный период и может быть легко засечено.

Однако сосредоточение, проводимое постепенно и последовательно и растянутое во времени, очень трудно поддается учету, вернее, рассредоточивает и притупляет наблюдение. А такой именно характер носило сосредоточение германских армий.

Это сосредоточение не было больше одним единым, ограниченным во времени актом, который начинается и кончается в определенные, заранее рассчитанные часы и продолжительность которого может быть противником примерно высчитана.

Сосредоточение приобрело глубокий характер. Его начала вообще никто не может зафиксировать. Его продолжение

оставляет всегда сомнение, подготавливается ли действительное вооруженное выступление или это только подкрепление дипломатической угрозы. Его конец обнаруживает только сам факт вооруженного выступления.

Так современная война начинается ранее вооруженной борьбы.

НОВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ В ДЕЙСТВИИ

В сентябре 1939 года на равнинах Польши разыгрались события, совершенно необычные для истории военного искусства прошлого.

Если бы даже эти события произошли на маневрах мирного времени, то и в этом случае они должны были привлечь к себе особое внимание военного исследования.

А германо-польская война была все же войной, хотя она и велась против государства, которое не имело внутренней силы для сопротивления.

Пройти равнодушно мимо событий этой войны, дабы только не потревожить своего установившегося представления о старых «классических» формах борьбы; свести все к тому, что это только частный случай и что ничего нового не произошло; бесстрастно описать события, лишь формально фиксируя факты,— это значит ничего не понять в новых проявлениях исторического развития и уподобиться страусу, избрав его тактику, столь удобную для всякого консерватизма.

В итоге можно вовсе утратить ощущение всего нового и утверждать, что вообще ничего нового в истории не случается.

Теория глубоких форм борьбы была сначала встречена с осуждением. Ее сочли романтическим измышлением военных теоретиков.

Когда же эти формы были впервые применены в действии, стали утверждать, что в этом нет ничего нового.

Часто бывает, что новая концепция сначала осуждается, как фантазия и поэзия, а когда она потом в том или ином виде осуществляется, начинают равнодушно утверждать, что ничего нового не произошло.

Германо-польская война была, разумеется, войной нового типа. Она, конечно, является частным случаем, ибо всякая война есть насквозь конкретный случай, происходящий всегда в особых, только ей свойственных условиях.

Однако в каждой войне вскрываются явления, характерные и закономерные для войн данной эпохи.

Германо-польская война не может в этом отношении составлять никакого исключения и на самом деле не является им.

Наоборот, по яркости и цельности разыгравшихся в ней событий она вскрыла слишком много нового в формах и способах ведения современной войны.

Эти формы и способы оказались для отсталого польского командования совершенно неожиданными. В них-то и заключалась для поляков вся стратегическая внезапность, во власти которой они находились от начала до конца бурной драмы, разыгравшейся в 18 дней.

За это время были применены формы и способы борьбы, которые еще ни разу не были испытаны в действии.

Германо-польская война была первой войной новых форм борьбы в действии...

Первое, чем германо-польская война привлекает к себе особый исторический и теоретический интерес,— это ее маневренный характер, в котором она протекала от начала до конца. Опыт этой войны важен в том отношении, что он показал возможность современной маневренной войны вообще и вскрыл условия, которые для этого необходимы.

Не соотношение пространства и численности вооруженных сил оказалось главенствующим фактором, определяющим в этом отношении характер современной войны.

С точки зрения ширины фронта и плотности развертывания условия борьбы в Польше в значительно меньшей степени располагали к маневренному характеру войны, чем в Испании. Фронт в Испании стабилизировался и стал позиционным, имея протяжение в 1500 км, которое занимала армия численностью в 500—600 тысяч человек. Фронт в Польше нигде не стабилизировался, хотя все время сужался и имел под конец протяжение в 400 км (Львов, Брест-Литовск, Белосток), на котором были развернуты армии в 1 000 000 человек.

Таким образом, при почти вчетверо меньшем фронте к концу войны и при вдвое большей армии война в Польше получила все же выраженный и беспрерывный маневренный характер.

Это показывает, что корни маневренной и позиционной войны скрываются в современную эпоху в иных условиях — в средствах борьбы и в формах и способах их применения.

Германо-польская война вскрыла не только условия, в которых современная маневренная война возможна, но также показала:

— возможности, которые для ведения маневренной войны имеются;

— способы, которые нужно для этого применить;

— формы, которые борьба должна для этого принять.

Разумеется, для возможности маневренной войны нужны прежде всего определенные объективные условия, заключаю-

щиеся в географическом начертании фронта, характере местности и прерывчатости развертывания.

Однако все эти условия имелись и в Испании, даже еще в более выраженной степени, чем в Польше. Тем не менее война не стала там маневренной.

Кроме объективных условий, для маневренной войны нужны еще возможности для использования этих условий. Они заключаются в современных средствах борьбы. Если вообще имеются объективные условия для маневренного развития борьбы, то война может стать маневренной только при наличии сильной авиации, господствующей в воздухе, при наличии мощных быстроподвижных соединений (танковых и моторизованных), прорывающихся в глубину, и при наличии смело атакующей пехоты, эшелонированной в глубину, поддержанной крупной разнокалиберной артиллерией, танками и самолетами поддержки пехоты и обеспечивающей тем пробивную силу удара.

Однако одних этих средств еще недостаточно, чтобы война при соответствующих для этого условиях стала маневренной. Необходимо, чтобы все эти средства получили новое глубокое применение и чтобы формы и способы борьбы из эпохи отжившей линейной стратегии перешагнули в новую эпоху глубоких форм борьбы.

Только при всех этих условиях, и в особенности при последнем условии, имеющем решающее значение, война может получить маневренный характер и превратиться в беспрерывное вращение маневренного вала вплоть до решающего исхода.

Опыт германо-польской войны показывает, что необходимо строго различать условия для маневра вообще и возможности для использования этих условий.

В Испании были условия для маневренной войны, но не было возможностей.

В Польше были условия для маневренной войны, хотя и в меньшей степени, чем в Испании, но там, кроме того, были большие возможности для нее.

Для того чтобы война стала маневренной, нужно и то и другое.

Разумеется, обстановка, в которой условия и возможности маневренной войны могут получить свое реальное значение, весьма различна и не имеет предела по своему многообразию.

В этом отношении опыт германо-польской войны не может быть механически перенесен на все события, которым еще предстояло разыграться на полях сражений.

Однако новые возможности для ведения маневренной борьбы эта война вскрыла, и в этом заключается ее большое значение как войны новых форм борьбы в действии.

Если германо-польскую войну рассматривать с точки зрения общего характера проведенного стратегического маневра в целом, то на первый взгляд ничего нового в такой стратегической форме наступления нет.

Германское наступление, приведшее к разгрому польской армии, являло собой уже известный в истории пример охватывающего концентрического наступления по внешним операционным линиям. Такие операции имели место в ряде войн XIX и XX веков и проводились каждый раз, когда раздельные армии могли с различных сторон охватить и атаковать противника, занимавшего по географическим условиям своего развертывания внутреннее положение. Наиболее типичным примером такого наступления в прошлом веке была австро-прусская война 1866 года, когда три прусские армии с трех разных сторон охватили и атаковали австрийскую армию Бенедека в Богемии.

В войну 1914—1918 гг. концентрическое наступление с разных сторон имело место в ряде отдельных операций, однако с весьма различным результатом.

К ним принадлежат: наступление 1-й и 2-й русских армий в Восточную Пруссию в 1914 году, окончившееся поражением каждой из этих армий в отдельности; успешное наступление 11-й германской армии Макензена и 1-й болгарской армии против Сербии в 1915 году; наступление против Румынии 9-й германской армии Фалькенгайна через Карпаты и группы Макензена с юга через Дунай в 1916—1917 гг., закончившееся разгромом румынской армии.

В нашу гражданскую войну 1918—1921 гг. такой характер имел ряд наступательных операций, в частности наступление 12-й и 1-й конной армий против 3-й польской армии Рыдз-Смиглы в июне 1920 года и операция тов. Фрунзе в Таврии осенью того же года, приведшая к разгрому Врангеля.

Японцы провели так ряд операций против китайской армии в 1938 году, нигде, однако, не достигнув ее окружения.

Такой же характер наступления двух раздельных охватывающих групп имела операция Красной Армии в Монголии летом 1939 года.

Необходимо, однако, учесть, что в XX веке, и в частности в войну 1914—1918 гг., наступление по внешним операционным линиям ограничивалось, как правило, масштабом частных, отдельных операций.

В крупном стратегическом масштабе эта форма наступления не могла больше найти применения, потому что образование сплошного фронта, в условиях которого линейная стратегия пришла к своему самоотрицанию, прекратило, как правило, действия войсковых масс в раздельных группах с разных направлений.

Фронт стал сплошным, и развертывание войск приняло

характер одной общей непрерывной линии, перехватывавшей театр военных действий. Сама целесообразность наступления раздельных групп войск с разных направлений бралась в новых условиях XX века под большое сомнение.

Германская теория перед первой мировой войной утверждала, что больше невыгодно наступать на сильного противника с разных направлений, разделенных большим расстоянием и исключающих взаимодействие раздельных групп войск.

Действительно, многие операции, проведенные в войну 1914—1918 гг. по внешним линиям, не дали результата, потому что взаимодействие раздельных групп войск, наступавших с разных направлений, не могло быть достигнуто, а находившийся во внутреннем положении сохранял преимущество бить раздельно группы своего противника по частям.

Чем больше возрастали пространственные измерения операции, т. е. чем больше становилось в исходном положении удаление друг от друга раздельно наступавших групп войск, тем менее можно было рассчитывать на достижение их взаимодействия.

Так, казалось, должно было отмереть концентрическое наступление по внешним операционным линиям, а вместе с ним и возможность окружения («Канны»), к которому такое наступление в наиболее полном виде приводило.

Но вот германо-польская война показала, что это положение существенно изменилось.

На том же театре, где в 1915 году совместное концентрическое наступление германской и австрийской армий, одной — из Восточной Пруссии и другой — из Галиции, не достигло результата и не привело к окружению русской армии,— в сентябре 1939 года, примерно в том же оперативном положении, но уже в новых условиях и с новыми средствами борьбы, это было достигнуто против польской армии.

Моторизация и механизация армий, авиация и новые средства связи (радио) сделали концентрическое наступление раздельных групп войск по внешним линиям опять возможным, притом, как это показали события германо-польской войны, со значительно более быстрым и решающим результатом, чем в прошлом.

Такое наступление получило теперь более стремительное развитие и достигло окружения в наиболее полной и решающей форме.

Основная причина этого заключалась в том, что быстрота современных средств борьбы изменила прежнее значение пространства в операции.

Ранее существовали определенные границы взаимодействия для раздельно наступающих групп войск. Моторизация намного расширила эти границы. Поэтому то, что было рань-

ше невозможным, стало в современных условиях достижимым.

В 1866 году фланговые корпуса прусского развертывания находились на удалении около 400 км друг от друга. В концентрическом, охватывающем маневре они сблизились на поле сражения у Кениггреца на 4—5 км, пройдя за 12 дней 125 км, т. е. в среднем по 10,5 км в сутки.

В 1939 году фланги германского разведывания против Польши находились в исходном положении на вдвое большем удалении, в 800 км друг от друга.

В концентрическом охватывающем маневре части двух фланговых мотомеханизированных групп, наступавших одна из Померании, а другая из Силезии, сблизились на р. Зап. Буг на расстояние около 100 км в 13 дней, пройдя за это время до 600 км. Это составляет в среднем около 50 км в день.

Таким образом, примерно в одно и то же время, в 12—13 дней, в 1866 году было пройдено 125 км, а в 1939 году около 600 км.

Так изменились в новых условиях темпы развития операции, и это стало возможным лишь с внедрением мотора в армию.

Риск, который заключался раньше в разделении армии на отдельные группы в пространстве, сохранился при определенных условиях и сейчас, но он значительно уменьшился.

События германо-польской войны показали, что большая подвижность современной мотомеханизированной армии дает возможность значительно скорее объединить раздельные группы войск в решающих пунктах и тем достичь их взаимодействия.

Развертывание армии в раздельных группах стало, таким образом, менее зависимым от пространства и его емкости.

Превосходство в воздухе дает возможность действовать внезапно. А новые средства связи обеспечивают твердое руководство и постоянное взаимодействие разделенных групп войск. В этих условиях операции по внешним линиям получают новые возможности, обеспечивая проведение быстрых и решительных маневров во фланг и в тыл противнику.

Выдающееся значение воздушной пехоты, позволяющей выполнять внезапные вертикальные обходы путем ее высадки с воздуха в глубине противника, восполняет огромные возможности операций по внешним линиям.

Десант воздушной пехоты в решающем пункте тыла противника может осуществить двойной охват, выполняемый двумя раздельными группами войск, быстро и внезапно привести к полному завершению и играет в этом отношении роль замка, который окончательно запирает кольцо окружения.

Между тем занимающий внутреннее положение теряет сейчас те преимущества, которые имел раньше. В пространстве он всегда более ограничен; он всегда занимает более тесное, сосредоточенное положение; вся его операционнная база более узка, а коммуникации более тонки. Это в значительно большей степени, чем раньше, увеличивает для него угрозу, в особенности с воздуха, сковывает его подвижность и подвергает большим потерям.

Для находящегося во внутреннем положении становится все более затруднительным выигрывать время и удерживать отдельные группы противника, наступающие с разных сторон, пока будет достигнута решительная победа над одной из них. А ведь только в этом заключается возможная тактика действий находящегося во внутреннем положении. Для него нет ничего более безнадежного, как ввязаться или быть ввязанным в затяжные, бесперспективные бои на одном направлении, пока противник решит свою задачу на другом. Именно это позволит наступающему по внешним линиям сузить плацдарм борьбы, сблизить свои охватывающие фланги и, наконец, полностью захлестнуть противника в кольце окружения.

Конечно, для действий по внешним линиям нужно превосходство в силах и средствах и более высокое искусство управления. Это было решающим условием в успехе фашистского наступления против Польши.

Но если эти данные налицо, то концентрическое наступление с разных направлений по внешним линиям получает при современных условиях все преимущества.

Впрочем, сама возможность такого наступления зависит в значительной степени от географических условий развертывания.

Однако уже напрашивается вывод, что и при сплошном занятом фронте, требующем прорыва, удары, концентрически направленные с разных направлений, могут в современных условиях получить все преимущества перед таранным проломом фронта на одном главном направлении.

События германо-польской войны не дают еще оснований для подобного рода утверждений.

Арена германо-польской войны оставила пока этот вопрос нераскрытым, и истории осталось еще в действии это доказать.

Однако одно стало очевидным: ведение решительных операций на окружение и уничтожение обрело новые возможности. Стратегия сокрушения получила новые предпосылки для своего наиболее решительного осуществления.

Значение германо-польской войны заключается в том, что она это показала.

Стратегия сокрушения была всегда высшим проявлением военного искусства во все времена. Однако формы, в которых

она осуществлялась, были весьма различны и менялись вместе с изменением общих условий борьбы.

В германо-польскую войну стратегия сокрушения нашла свое осуществление в формах, которые по своему качественному содержанию глубоко отличны от всего того, что знала история войн до этого времени. Это требует своего особого рассмотрения.

Поход германских армий начался с дугообразного фронта общим протяжением в 800 км. Между отдельными армиями были значительные промежутки: между 3-й и 4-й армиями — 200 км, между 4-й и 8-й — 300 км. По мере концентрического развития операций фронт все сужался. Вся кампания закончилась на линии Львов, Брест-Литовск, Белосток протяжением в 400 км, вдвое меньшим, чем фронт, с которого она началась.

На эту линию фронт был полностью вынесен на шестнадцатый день операции (отдельные пункты были по этой линии достигнуты уже раньше).

Если провести прямую линию от Познани через Варшаву до Брест-Литовска как стратегическую ось, определяющую общую глубину всего похода, то это составит 500 км.

В общем 1 сентября поляки стояли в 150 км от столицы Германии (линия Познань, Берлин). Через полмесяца (16 дней) они находились в 150 км позади своей столицы (линия Варшава, Брест-Литовск).

Это составляет 500 км отнесенного в пространстве стратегического фронта и означает, что средний суточный темп развития операции равнялся примерно 30 км (500 : 16).

На основных направлениях передовая линия фронта (ибо фронт борьбы оставался в отдельных очагах и в глубине) выдвигалась на 25—30 км в сутки. Это было обычным среднесуточным переходом пехоты, которая, догоняя действующие впереди быстроподвижные соединения, совершала в отдельные дни марша до 50 км.

Когда 16 сентября конечный фронт операции остановился на протяжении 400 км, он имел, однако, еще глубину почти до исходного фронта операции, т. е. глубину в 500 км. В этой глубине во многих и самых различных местах еще продолжалась борьба.

Таким образом, к концу кампании глубина фронта была больше, чем его ширина.

Это явилось совершенно новым явлением в формах вооруженной борьбы, наиболее образно выразившим ее новый глубокий характер.

До сих пор фронт борьбы всегда равномерно, общей линией пехоты выдвигался вперед, начисто расчищая от противника оставленную позади территорию. Разве только обло-

женные крепости, остававшиеся в тылу фронта, составляли в этом отношении исключение.

Теперь фронт выносился перед отдельными глубокими клиньями быстроподвижных соединений на разных направлениях, оставляя позади себя еще ряд очагов борьбы.

Конец грандиозной баталии в Польше раскрыл в этом отношении совершенно необычную картину глубокого многоярусного сражения.

16 сентября борьба ведется еще на огромном пространстве в 185 000 кв. км. Очаги ее эшелонированы в глубину на 500 км и образуют по крайней мере пять линий или пять ярусов.

Начиная с тыла, первый ярус образует очаг борьбы у Поморья и в Познани, где германские ландверные войска только занимали эту провинцию.

Второй ярус образует очаг окружения у Кутно; третий ярус — узел у Варшавы; четвертый ярус — очаг в районе Люблин; наконец, пятый ярус — конечный фронт операции на линии Львов, Брест-Литовск, Белосток.

На этих пяти линиях, между ними и рядом с основными очагами борьбы, где борьба пылала ярким пламенем, в разных местах горели еще многочисленные отдельные костры менее крупных боевых событий.

Казалось, огромное пространство было воспламенено в различных местах. И проходит еще несколько дней, пока огонь всюду затухает, оставляя на своем месте пепел и развалины...

Так выглядела картина нового глубокого сражения, если его огромное поле глубиной в 500 км окинуть одним стратегическим взором с запада на восток.

Это была картина глубокой операции всеобщего («тотального») уничтожения. Она привела к целой системе «Канн»: одни из них уже завершились, другие назревали, третьи только завязывались.

Эта система сражений на окружение и уничтожение, возникавших и разыгрывавшихся в самых различных местах на пространстве большой глубины, была характерна для новых форм большой глубокой операции. Эти формы, означавшие полное раздробление армии противника по частям, явились результатом того, что войска и средства борьбы больше не применялись в одной линии приложения боевых усилий, а соответственно своим возможностям и скоростям использовались сразу во всей глубине арены борьбы, т. е. получили глубокое оперативное применение.

Это было первым осуществлением новых глубоких форм борьбы в действии и впервые показало их новое качественное содержание.

В этом заключается значение германо-польской войны для истории военного искусства.

Можно ли сразу все выводы германо-польской войны принять на веру?

Все же победа была достигнута над противником, неравноценным по своей силе, качеству и технике. Все же война велась на арене, нигде не имевшей заблаговременно укрепленных линий и в значительно меньшей степени располагавшей к позиционной борьбе...

Могли ли новые глубокие формы борьбы оправдать себя в таких условиях при равноценном по своей силе и технике противнике, при границах, опоясанных долговременными укреплениями, при наличии больших резервов в глубине?

Все это история оставляла еще в действии нераскрытым. Все это оставалось еще вопросом. С тем большим нетерпением приходилось теперь ожидать развертывания событий вооруженной борьбы в Западной Европе, где война в сентябре 1939 года только начиналась и где она еще длительный период не собиралась раскрыть своего действительного характера.

Только более чем через полгода на Западе развернулись события, которые показали дальнейшие пути развития нового военного искусства на более высокой ступени большой современной европейской войны (Г. С. Иссерсон. Новые формы борьбы. Воениздат. М., 1940 г., стр. 3—75).

Н. Е. ВАРФОЛОМЕЕВ

Николай Ефимович Варфоломеев *(1890—1941). Штабс-капитан старой русской армии. В Красной Армии — с 1918 г., занимал должности начальника оперативного управления, начальника штаба армии, заместителя начальника штаба фронта, заместителя начальника цикла стратегии Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе, начальника штаба военного округа.*

Основные труды. *«Стратегическое нарастание и истощение в гражданской войне», История гражданской войны, т. II, 1928; «Ударная армия», 1933; «Наступательная операция», 1937; «Стратегия в академической постановке», журнал «Война и революция», № 11, 1928; «Оперативное искусство на современном этапе», газета «Красная Звезда», № 127, М., 1932.*

ОПЕРАЦИИ УДАРНОЙ АРМИИ

Книга Н. Е. Варфоломеева «Ударная армия» (1933 г.) посвящена исследованию боевых операций на Западном фронте первой мировой войны в 1918 г. На их основе автор детально характеризует условия ведения операций применительно к условиям тридцатых годов. Эта последняя часть здесь и помещается.

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ОПЕРАЦИЙ

Выше была очерчена разница между условиями организации и выполнения наступательных операций в 1918 г. и современных. Неизмеримо далеко ушедшее вперед развитие средств военной техники, обусловив отказ от устарелых тактических форм, породило новую тактику боя; наступившая эпоха пролетарских революций и строительства социализма, изменяющая весь строй общественных взаимоотношений, породила нового бойца, отчетливо сознающего необходимость защиты своих классовых интересов в вооруженной борьбе с силами классовых врагов путем их разгрома и уничтожения; победоносное завершение пятилетнего плана реконструкции народного хозяйства и открывающиеся широкие перспективы дальнейшего роста экономического могущества нашего Союза расширили и углубили технический базис РККА...

Солдатская масса в 1918 г. не имела политического стимула для того, чтобы, покинув окопы, добиваться победы в

открытом наступлении. Усовершенствование имевшихся и появление новых технических средств борьбы в конце империалистической войны расширило эффективность воздействия средств подавления. Перед наступлением открылись новые возможности и более обеспеченная перспектива развития успеха. По существу, однако, 1918 год лишь обозначил первый этап на пути практического разрешения этого вопроса. Недостаточное качественное совершенство новых технических средств и неправильный подход в использовании замкнули сферу их применения в тактическом масштабе. Однако уже в операциях 1918 г. можно усмотреть попытки нанесения удара сразу по всей глубине тактической обороны. Германская боевая авиация (18-й армии) с начала атаки своей пехоты одновременно штурмует как стреляющую артиллерию противника, так и его пехоту в центрах сопротивления, а затем обращается к действиям в глубине обороны, атакуя резервы, танки и отходящую артиллерию. Но это были только начальные признаки, не получившие дальнейшего развития. Основная тенденция в прорыве оборонительной полосы противника характеризовалась по-прежнему последовательным от этапа к этапу «прогрызанием» ее глубины *. Эта тенденция была выдержана во всех прорывах конечного периода мировой войны, она была также зафиксирована послевоенными уставами различных армий.

Но если в организации тактического прорыва фронта в 1918 г. содержатся следы попыток нового разрешения вопроса, то по отношению к оперативному прорыву 1918 г. не оставляет крупных следов. Ни одна из наступательных операций 1918 г. практически не идет дальше линейного оттеснения фронта противника. Оперативная глубина неприятельского расположения, по существу, была свободна от воздействия наступающей стороны. Танки не простирали своего влияния дальше поля боя, оставаясь фактором лишь тактического значения. Германская авиация не смогла не только выключить, но даже заметно снизить темп поступления оперативных резервов обороны и тем самым умалить степень их влияния на развитие операции. Французская авиация, направившая свои удары по переправам в тылу германских войск, очищавших Марнский выступ в июле 1918 г. [104]), хотя и причинила большие потери и затруднила отход, все же общего влияния на исход операции не оказала. В обоих случаях причинами являлись количественная недостача и качественное

* Этот метод ярко характеризуется следующим положением: «Лишь в особо благоприятных условиях удастся после первого же удара прорвать всю оборонительную систему противника и перенести действия в открытое поле. Чаще всего атака выльется в ряд возможно более глубоких отдельных ударов, которые, взаимно дополняя друг друга, и приведут в результате к прорыву» (Иохим, Основы управления войсками, вып. 1, стр. 15).

несовершенство боевой авиации. Химические средства, представленные преимущественно химартснарядами, также не могли получить значение оперативного фактора. Сыграла важнейшее значение и недостаточная — тактическая и оперативная — подвижность войск.

Германские наступательные операции первой половины 1918 г., принеся блестящие тактические успехи, оперативно закончились безрезультатно. Оперативный удар в глубину не получил развития. Наступавшие ударные армии на зените своих тактических успехов теряли глубину своего оперативного построения. Наступление, продолжавшееся одной оперативной волной, разбивалось о глубину обороны. Потеря глубины оперативным боевым порядком плюс недостаточный арсенал средств глубокого удара предопределили безуспешность попыток преодоления оперативной обороны на всю глубину. Таков опыт наступательных операций 1918 г.

Радикально изменившиеся по сравнению с 1918 г. современные условия ведения операций обеспечивают возможность воздействия на всю глубину оперативной обороны. В этом в современных условиях и состоит общая цель организации наступления в оперативном масштабе. Достижение этой цели обеспечивается применением дальнодействующих средств подавления (боевая авиация, мотомехсоединения, конница) наряду с глубоким построением оперативного боевого порядка ударной армии. Построение это должно быть тем более глубоким, чем значительнее оперативная глубина неприятельской обороны. Вместе с тем оно должно обеспечивать переключение тактического успеха в успех оперативного масштаба развитием удара на глубину оперативной обороны противника силами и средствами, брошенными через брешь тактического прорыва. Таким образом оперативный боевой порядок ударной армии должен включать в себя силы и средства, предназначенные для прорыва (эшелон прорыва тактической обороны противника) и выделяемые для развития удара в глубину (эшелон развития оперативного успеха). Трагизм положения ударных германских армий 1918 г. заключался в том, что, не располагая 2-м из указанных эшелонов, они добивались достижения оперативного успеха 1-м из них, ни по составу, ни по характеру своих сил и средств не могших переключить достигнутые тактические успехи в успех оперативного масштаба.

ОРГАНИЗАЦИЯ УДАРНОЙ АРМИИ

Ударная армия в рамках фронта (группы армий)

Успешность действий ударной армии в прямой степени зависит от четкого определения места, роли и значения ее операции в общей операции фронта. Об этом свидетельствуют операции 18-й германской и 10-й французской армий.

Уже через несколько дней после начала наступления 18-я германская армия радикально меняет свое положение в общей схеме фронтовой операции. Начиная с 23 марта она из вспомогательной группировки, обеспечивавшей левый фланг ударной группы (2-й и 17-й армий), превращается также в ударную группировку с самостоятельной задачей обхода левого фланга французского расположения. Новая задача повлекла изменение направления и расширение фронта действий. Не будучи одновременно соответствующим образом усилена, 18-я армия объективно вынуждалась к распылению своих сил и средств. Пассивность ее левого соседа (7-й армии) и недостаточный темп продвижения правого соседа (2-й армии) обусловили дугообразную растяжку фронта, поддержание ударной силы которого, исчерпав армейские резервы (потеря глубины построения), лишило возможности развивать удар в глубину.

На 10-ю французскую армию в общем плане операции группы французских армий выпала задача нанесения главного удара. Этим определялось ее место, роль и значение как фронтового тарана. С учетом этого положения должны были строить свои планы как фронт, так и сама армия, в противном случае неминуемо должна была пострадать ясность целевой установки. Четкая формулировка задачи и взаимодействия с соседями обеспечивают правильное применение основных сил в пространстве (направление удара) и во времени (темп продвижения). Фактически, однако, это условие не было выдержано с достаточной твердостью. Двойственность задачи 10-й армии (ликвидировать Суассон [105]) и отрезать германские силы, занимавшие Марнский выступ) повлекла распыление усилий по нескольким направлениям (на восток и юго-восток). Левый фланг 6-й французской армии, совместно с 10-й армией входивший в состав ударной группы фронта, не был подчинен командованию 10-й армии, отсюда взаимодействие с соседом на направлении главного удара протекало в условиях согласования, а не твердого управления. Наконец, самый удельный вес 10-й армии в общей операции терпел известные колебания (15 июля Петен направляет часть сил, назначенных в 10-ю армию, на участок 6-й армии к Шато-Тьерри) [106]). В конечном счете все эти обстоятельства обусловили некоторую нечеткость в определении места и значения 10-й армии в общей операции фронта, между тем это условие является важнейшим для правильного понимания полученной задачи. Планируя операции, командование фронта устанавливает конечную цель и разбивает их на ряд промежуточных. Достижение этих последних целей возлагается на армии (входящие в состав фронта) и регламентируется определенными задачами. В пределах этих задач, сил и средств, предоставленных фронтом, армии организуют

и проводят свои операции. В отличие от фронта, одновременно преследующего несколько целей и действующего на нескольких оперативных направлениях, армия преследует одну цель и действует на одном оперативном направлении. Группировка армейских операций во времени и в пространстве вытекает из общего замысла фронтовой операции и направляется для лучшего достижения промежуточных фронтовых целей. Влияние фронта на группировку армейских операций выражается распределением сил и средств между армиями и регулированием действий во времени (сроки) и в пространстве (направления и рубежи). Видоизменение фронтового замысла или необходимость более полного соответствия обстановки, складывающейся на данном этапе фронтовой операции, определяет необходимость в перегруппировке армейских операций. Эта перегруппировка выразится в изменении задач и направления действий армий. Она будет сопровождаться и перегруппировкой сил и средств в целях обеспечения выполнения армиями задач в изменившейся обстановке. Увеличивающаяся оперативная подвижность войск облегчает выполнение этой перегруппировки в современных условиях. Помощью этой перегруппировки фронт и в изменившейся обстановке стремится сохранить правильное соотношение по силам и средствам между главной (ударной) и вспомогательной (сковывающей) группами.

Взаимодействие между главной и вспомогательными группами в фронтовом масштабе должно в основном определяться тем, что с ударной группы необходимо снять общую заботу об обеспечении флангов. Эта задача целиком падает на вспомогательные группировки. 18-я германская армия, наступавшая на Амьенском направлении, вынуждена была по мере своего продвижения вперед все больше и больше оглядываться на свой левый фланг и тратить значительные силы для его обеспечения. Отсюда она расширяла свой фронт, тогда как ударной армии при развитии удара в глубину должно быть обеспечено сохранение узкого фронта действий, это дает возможность сохранить нужную глубину оперативного построения. Выше указывалось, что это условие является решающим для переключения тактических успехов в успех оперативного значения (обеспечивается возможность беспрерывного развития оперативных усилий в глубину). То же самое замечание относится и к 7-й германской армии при майском наступлении (отставание флангов).

Подобное взаимодействие между ударной и вспомогательными группами в масштабе фронта приводит к тому, что не только ударная, но и вспомогательные группировки должны быть достаточно сильны по своему составу. Если прибавить к этому, что для выполнения оперативного прорыва фронта противника с целью разгрома основной группировки его сил

необходимо организовать прорыв на широком фронте и что в этом случае фронту придется действовать не одной, а несколькими ударными армиями, то является очевидным, что в дело должны быть введены очень большие силы и средства. Только в этих условиях явится, вообще говоря, достижимым переключение тактического успеха ударной армии в оперативный успех. С этой точки зрения ударная армия (армии) должна входить в состав также ударного фронта.

Основные требования к ударной армии

Сущность требований к ударной армии как к группировке, действующей на решающем направлении, вытекает из необходимости для нее располагать способностью безотказного нанесения глубокого и сокрушительного удара. Отсюда вытекают следующие основные требования к ударной армии:

1. Осуществление начального удара, обеспечивающего быстрое преодоление оперативной обороны противника.

2. Проведение в дальнейшем последовательных операций на глубину, обеспечивающую разгром и уничтожение в целом основной неприятельской группировки.

3. Преодоление в ходе этих операций (в условиях меняющейся обстановки) максимального сопротивления противника.

4. Обладание высокой оперативной подвижностью, обеспечивающей беспрепятственное и непрерывное развитие маневра в глубину.

Первое из этих условий, т. е. успешное преодоление оперативной обороны противника, в свою очередь предъявляет к ударной армии два основных требования: а) безотказный прорыв тактической обороны противника и б) ликвидацию неприятельских оперативных резервов.

В свете этих двух последних требований и в целях переключения тактических успехов в успех оперативного масштаба ударная армия должна располагать возможностью осуществить оперативное воздействие на всю глубину оборонительного расположения противника. Это требование является важнейшим и решающим; без предъявления такого требования исчезает самый смысл применения ударных группировок оперативного масштаба.

Состав ударной армии

Приведенные выше основные требования, предъявляемые к ударной армии, определяют потребный характер сил и средств, которые должны быть включены в ее состав. Первой задачей ударной армии является нанесение фронтального

удара с целью безотказного прорыва тактической обороны противника. Выполнение этой задачи падает на эшелон тактического прорыва в составе усиленных стрелковых корпусов. Количество этих стрелковых корпусов определится шириной фронта армейского прорыва (минимально 30 км, иначе грозит зажим в огневые артиллерийские клещи) с учетом, что фронт атаки для одного стрелкового корпуса в 3 дивизии при наступлении на заранее укрепившегося противника не будет превышать 10 км. Для образования нужной плотности в глубину необходимо иметь во 2-й линии эшелона тактического прорыва (в армейском резерве) несколько дивизий. Вспомогательный участок наступления ударной армии потребует расхода еще некоторых сил с участками действий стрелковых корпусов до 20 км.

Количественный и качественный состав и характер средств усиления, придаваемых стрелковым корпусам, определится каждый раз в соответствии с конкретной обстановкой и прежде всего степенью развития неприятельских укреплений.

Эшелон оперативного прорыва, имеющий своим назначением продление и развитие удара на глубину оперативного расположения противника (уничтожение оперативных резервов, поражение важнейших объектов в тылу в виде железнодорожных узлов, штабов, баз, складов и т. п.), по составу своих сил и средств должен обладать подвижностью, превышающей подвижность эшелона тактического прорыва, и большой ударно-огневой силой.

Наступление эшелона развития оперативного успеха в глубине оперативной неприятельской обороны должно считаться с усилением плотности сопротивления противника, необходимостью преодолевать зоны заграждений, ликвидировать встречные удары крупных резервов противника, преодолевать противотанковые укрепленные районы и ряд поспешно и заблаговременно укрепленных оборонительных рубежей. Ударная армия должна быть готова в этих меняющихся условиях обстановки к развитию быстрых действий и к возможным перегруппировкам своих сил на ходу. Это требует усиления ее средствами, обеспечивающими маневроспособность. Она должна считаться также с возможными сильными воздушными нападениями противника, что требует организации мощной ПВО. Эти условия определяют общий состав сил и средств эшелона оперативного прорыва. Помимо сил и средств, непосредственно входящих в состав эшелонов тактического и оперативного прорыва, командование ударной армии оставит в своем распоряжении целый ряд частей с целью усиления тех или иных направлений. Сюда войдут части связи, химчасти, части ПВО, части ВОСО, средства санитарной и ветеринарной эвакуации и т. д.

Для своего материального обеспечения ударная армия

потребует больших транспортных средств. Примерный подсчет потребности в них будет дан ниже.

Таков в общих чертах примерный состав сил и средств ударной армии. Конкретно этот состав будет уточнен в каждом данном случае в соответствии с задачей и обстановкой.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОПЕРАЦИИ

Обеспечение успеха операции

Условиями, обеспечивающими достижение успеха, служат:

1. Внезапность. Первое (март) и второе (май) германские наступления и наступление 10-й французской армии дают примеры высокой поучительности в отношении применения внезапности в наступательной операции. Достижение внезапности протекало в очень трудных условиях. Энергичная воздушная разведка противника держала в крайнем напряжении германские войска, требуя от них величайшей дисциплины и выполнения всех сложных и разнообразных мероприятий по сохранению в тайне от противника длительной подготовки операции. Низкая подвижность слабо механизированных и моторизованных войск, растягивая маневр и подготовку во времени и в пространстве, усугубляла тяжесть положения. И тем не менее и тактически и оперативно внезапность была достигнута. Подробно этот вопрос разобран в своем месте, останавливаться на нем вновь нет необходимости. Следует лишь подчеркнуть, что с точки зрения методов достижения оперативной внезапности наступательной операции 1918 год представляет исключительный интерес и поучительность и для современных условий.

Эти операции подтвердили решающую важность внезапности для успеха операции. Изменились ли условия после 1918 г. в сторону понижения значимости внезапности как фактора успеха? Ни в малейшей степени. Так же, как и тогда, внезапность и ныне полностью сохранила свое значение. В будущем значение внезапности будет все более и более возрастать, так как только с ее помощью станет возможным ослабить воздействие средств современной обороны (ОВ, дымы, туман, противотанковое оружие, заграждения), выдвигаемых на пути наступающего. Естественно, что наступление, основанное на медленном продвижении пехоты и на преобладающем использовании лишь огня многочисленной артиллерии, не может воспользоваться преимуществом полной внезапности. Условия достижения внезапности и ее использования подверглись сильному изменению. В современных условиях внезапность осуществит сторона, обладаю-

щая средствами, обеспечивающими преимущество над противником в быстроте действия. В широком понимании это надо отнести к оружию (превосходство в скорострельности), к боевым машинам (превосходство в быстроходности самолетов, танков, бронеавтомобилей), к транспорту (превосходство в быстроходности и проходимости), к управлению (превосходство в скорости получения донесений и передачи приказаний), к маневру (превосходство в подвижности). Таким образом, в современных условиях быстрота (подвижность) служит основой достижения внезапности. Механизация армии усилила значение подвижности, защитив ее броней и обеспечив повышенную проходимость. Отсюда — возможность атак в тылу противника, внезапных по времени и в пространстве. Это означает широкую возможность применения внезапности не только в начале, но и в процессе развития операции. Качественное развитие авиации в послевоенный период в значительной степени повысило действительность воздушной (дневной и ночной) разведки. Для достижения внезапности поэтому необходимо не только скрывать земную обстановку от глаз воздушного разведчика и объектива его фотоаппарата, но владеть превосходством в воздухе, используемым для предельного стеснения воздушной разведки противника. Действие по неприятельским аэродромам с воздуха (бомбардировщики) и с земли (мехсоединения) в комбинации с воздушными боями истребителей является лучшим способом удержания воздушного превосходства.

2. Обеспеченное перерастание тактического прорыва в оперативный прорыв. Это достигается ударом на всю глубину оперативного расположения противника и обеспечивается взаимодействием дальнобойных средств нападения (на земле и с воздуха) по объектам в глубине оперативной обороны противника, нейтрализация или уничтожение которых влекут крушение всей неприятельской оперативной системы сопротивления.

Данное условие является решающим для успеха наступательной операции.

3. Нужный размах операции по фронту и в глубину. Этот размах должен втянуть в операцию крупные силы противника (широкий фронт наступления) и обеспечить их разгром проникновением на глубину, венчающую окружение оперативной группировки противника. Более подробно вопрос о размахе операции будет освещен ниже.

4. Форма удара, обеспечивающая достижение решительного удара. В 1918 г. наступление, начатое фронтальным ударом, заканчивалось в условиях тесного фронтального же соприкосновения. В ходе операций отсутствуют примеры удачных бросков в неприятельский тыл и обостренной борьбы на флангах и за фланги, отходящая сто-

рона не испытывала угрожающего кризиса на флангах. В этом заключались характерные черты операций конечного периода империалистической войны. Изменившиеся условия определили возможность осуществления глубокого наступления на базе фронтального удара (тактический прорыв фронта), продолженного охватом неприятельских флангов (в процессе развития прорыва) и сопутствуемого ударом по тылу. При подобной форме удара он из линейного превращается в глубокий, обеспечивая пространственный охват всего района оперативного расположения противника.

5. Правильная организация разведки, приобретающая особо важное значение в условиях операции, строящейся на поражении объектов, рассредоточенных по глубине неприятельского расположения. Разведка должна обеспечить быстрое распознание целей и наведение на них для удара подвижных средств оперативного подавления. Огромную роль будет играть непрерывность воздушной разведки (днем и ночью). Отсюда, помимо разведывательной авиации, в распоряжении армии каждая подвижная группа войск (конница, мотомехсоединения) должна располагать своей разведывательной авиацией. Это обстоятельство предъявляет сложные требования к обеспечению аэродромами и посадочными площадками. Так как они должны быть возможно ближе к фронту и, кроме того, они нуждаются в надежном обеспечении от внезапных нападений прорвавшихся подвижных наземных частей противника, эти аэродромы должны оборудоваться в районе расположения обслуживаемых земных войск (конницы, мотомехсоединений) с переносом их вперед по мере продвижения этих войск. Для ведения земной разведки явится необходимым выбрасывать вперед сильные конные и мотомеханизированные группы (в особенности, если противник располагает возможностью действиями своих воздушных сил и ПВО стеснить воздушную разведку наступающего). На эти группы следует возлагать задачи по захвату и удержанию удобных посадочных площадок и аэродромов.

В условиях действий ударной армии, обильно насыщенной машинами (боевыми и транспортными), разведка местности и ее оборудования противником играет чрезвычайно существенную роль. Цель разведки — заблаговременное выяснение характера и размеров отрицательного влияния местности на подвижность наступающих войск, и в частности мотомехсоединений. Также важно выяснить наличие и характер устройства оборудованных противотанковых районов и зон заграждений на важнейших направлениях.

6. Всестороннее и тщательное материальное обеспечение операции путем правильного расчета материальных потребностей и организации тыла ударной армии. Особое внимание

должно быть уделено организации бесперебойного подвоза в условиях подвижных действий частей и соединений, а значит, быстрого отрыва от своих баз. Необходимо также обеспечить безопасность работы тыла от воздействия с воздуха (ПВО) и нападения бронетанковых неприятельских частей (ПТО). Очевидно, что в современных условиях для охраны своих коммуникаций армия должна будет выделить подвижные (механизированные) части.

Направление главного удара

При выборе направления главного удара должно быть учтено удельное значение для противника различных оперативных направлений. Успех на избранном направлении главного удара должен привести к успеху оперативного масштаба, в этом состоит сущность требования к общей правильности выбора направления удара. Так как успех в оперативном масштабе означает сокрушение всей неприятельской оперативной обороны и последующий разгром основной оперативной группировки противника, то направление главного удара должно проходить через объекты, овладение которыми приведет или к окружению неприятельских сил, или к потере противником свободы действий, или к отрезанию от источников питания и потере коммуникаций. В общем, направление главного удара должно проходить в тылу противника с расчетом стеснить его способность к маневру (лишение свободы перегруппировок и перебросок), понизить его подвижность отвлечением внимания по нескольким районам и вывести ударную группировку в положение, выгодное для развития удара по флангу и тылу соседних участков неприятельского фронта. Очевидно, что действиям ударной группировки на главном направлении должны сопутствовать действия вспомогательной группировки с целью сковать силы и отвлечь внимание противника.

Тактически главный удар должен наноситься в полосе местности, не затрудняющей, а, наоборот, благоприятствующей тактическим действиям войск и, в частности, применению технических средств борьбы. Это условие полностью должно быть отнесено к 1-му эшелону оперативного боевого порядка наступающей ударной армии — к эшелону тактического прорыва. В условиях германских наступлений местность участка прорыва рассматривалась преимущественно с точки зрения удобства действий и продвижений многочисленной артиллерии атаки. В современных условиях, помимо артиллерии, сюда надо включить танки, боевую авиацию ближнего действия и средства химического нападения. Естественно, что тактические требования к местности участка прорыва в сильной степени возросли и усложнились. Важно,

чтобы на местности отсутствовали естественные противотанковые препятствия перед и внутри оборонительной полосы противника и чтобы местность вместе с тем затрудняла использование противотанкового оружия. Важно также, чтобы местность включала маски, укрывающие танки наступающего при их сосредоточении в исходном положении и при движении в атаку. Наконец, местность должна усиливать эффект химнападения и благоприятствовать применению дымов. Местность в глубине оперативного расположения противника на направлении главного удара также не должна иметь частые и трудноодолимые преграды для действия механизированных соединений (болота, реки, сильно пересеченные по рельефу участки, большие и с малым количеством дорог леса, частые и крупные населенные пункты). При наличии речных преград следует стремиться захватывать мосты на них неразрушенными. Если это в ряде случаев удавалось германской пехоте в мартовском наступлении, то это должно удаваться в большей степени гораздо более подвижным мотомехсоединениям. Дорожная сеть в полосе главного удара имеет большее отношение к подвозу снабжения, чем к продвижению мотомехсоединений, так как повышенная проходимость машин уменьшает зависимость от дорог. В отношении подвоза важно иметь 1—2 железнодорожные линии вдоль оси главного удара армии и достаточное количество грунтовых дорог для подвоза войсковым соединениям. Но и здесь использование тракторных колонн смягчит влияние дорожной сети.

При оперативной оценке направления главного удара должно быть учтено наличие заблаговременно оборудованных и укрепленных противотанковых районов. Возведенные в тылу оборонительного расположения, подготовленные к круговой (или на известную часть круга) обороне, владеющие обеспеченными сообщениями, эти районы образуются оборудованным сочетанием лесных и болотистых участков, речных преград, возвышенностей и т. д. Одновременно со своим назначением препятствовать действиям танковых частей эти районы послужат исходными районами для перехода в контрнаступление сосредоточенных в них свежих сил. Борьба с противотанковыми районами потребует организации маневра на флангах и в тылу района и привлечения к участию в борьбе сильной артиллерии и боевой авиации. Это обстоятельство должно быть учтено в общем плане операции.

Крупные (в пространстве и по масштабу применения сил и средств) заграждения вошли в обиход современной оперативной обороны. Еще в 1917 г. и 1918 г. германцы при своих отходах широко применили заграждения путем полного опустошения оставленного пространства. Современные усовершенствованные инженерные и химические средства позволяют в короткий срок воздвигать глубокие и сильные опера-

тивные зоны заграждений, на преодоление которых наступающий должен потратить много времени и усилий, а также иметь в своем распоряжении значительное количество саперных и химических частей. Преодоление возможных заграждений также должно быть учтено при выборе направления главного удара и отражено планом операции. С точки зрения естественных условий местности при выборе направления удара наиболее выгодной явится такая, которая затруднит обороняющейся стороне устройство массовых заграждений за отсутствием достаточного количества выгодных объектов заграждения. Поэтому выгодной для наступающего явится местность с малым количеством крупных мостов, гатей, тоннелей, узлов дорог, теснин и узкостей, допускающая обходы дорог и не дающая возможности использовать выгоды искусственного заболачивания и наводнения.

В идеале наиболее благоприятным явится совпадение оперативной выгодности направления и удобства тактических действий войск. Однако подобные случаи явятся сравнительно редкими. Предпочтение следует отдать оперативной значимости направления удара при обязательном условии приложения со стороны командования всех усилий по ликвидации или значительному смягчению тактических трудностей.

Ширина фронта наступления

В современных условиях действий на фронтах огромного протяжения с вводом в дело массовых армий и с учетом возможностей обороны нельзя рассчитывать на успешный прорыв неприятельского фронта, организованного на ограниченном участке.

В наступательных операциях первой половины 1918 г. ширина участков наступления не превышала 60—130 км, что при общем протяжении фронта в 750—800 км захватывало лишь $^{1}/_{13}$—$^{1}/_{6}$ часть фронта и $^{1}/_{10}$—$^{1}/_{6}$ часть всех сил обороны (см. таблицу).

В ходе этих операций обороняющаяся сторона для отражения наступления использовала свои резервы, вводя в операции в конечном счете (силы, подвергнувшиеся удару на фронте, и оперативные резервы): союзники в 1-м и 2-м германском наступлениях соответственно 86 пехотных дивизий из 172 ($^{1}/_{2}$) и 48 пехотных дивизий из 174 ($^{1}/_{4}$) и германцы при отражении контрнаступления французов в июле 55 пехотных дивизий из 207 ($^{1}/_{4}$). Таким образом, общее количество затронутых наступлением сил обороны колебалось от $^{1}/_{4}$ до $^{1}/_{2}$ всех сил. В частности, расход общего резерва обороны в этих операциях колебался от $^{1}/_{3}$ до $^{2}/_{3}$ всех сил резерва. В общем в распоряжении обороны оставались еще значительные силы для контрманевра, если бы даже пришлось его развивать и далее. Эти силы являлись тем более

Таблица

Наименование операций	Общее протяжение фронта (км)	Ширина участка наступления (км)	Какая часть общего фронта	Общее количество пехотных дивизий обороны	Количество пехотных дивизий, подвергнутых удару*	Какая часть общих сил
1-е германское наступление (2 марта, Пикардия)	765	80	1/10	172	29	1/6
2-е германское наступление (р. Эн, 27 мая) . . .	820	64	1/13	174	17	1/10
Контрнаступление французов (18 июля)	810	130	1/6	207	37	1/6
3-е германское наступление (р. Марна, 15 июля)	810	80	1/10	188	20	1/9

значительными, что при отсутствии хотя бы сколько-нибудь крупных вспомогательных действий на других участках фронта обороняющийся имел возможность сосредоточивать все свое внимание и средства в одном направлении. То обстоятельство, что германцам не удалось истощить резервы обороны и тем самым лишить ее свободы маневра, обратило внимание союзников, которые, как известно, план своего решительного наступления в 1919 г. строили на необходимости втянуть и истощить в «предварительном сражении» все германские резервы, а затем в «главном сражении» добиться решающего успеха. Отсюда при расчете ширины фронта наступления принималось во внимание не только наличие артиллерийских средств, но и необходимость рассчитать эту ширину так, «чтобы проглотить все резервы противника». Поэтому фронт должен быть достаточно широким, он принимался равным 130 км для предварительного удара и 30 км для главного удара, а всего 160 км. В конечном выводе по опыту 1918 г. следует признать, что наступление на узком фронте, оставляя обороняющемуся свободу маневрирования своими резервами, не приводит к решительному прорыву фронта противника. Современные условия (увеличение оперативной подвижности, широкие возможности железнодорожного и автомобильного маневра, насыщение армии мотомеханизированными соединениями, возросшие возможности оперативного выигрыша времени) еще более заостряют указанное положение и требуют производства прорыва и последующего развития успеха на широком фронте. Это означает, что нельзя рассчитывать добиться успеха на театре военных действий силами одной ударной армии, для этой цели потребуется несколько ударных армий, которые, как об этом было сказано выше, должны входить в состав также

* Берется количество пехотных дивизий в составе армий (т. е. включительно до армейских корпусов).

ударного фронта. При наличии нескольких ударных армий явится возможным создать ударные группировки для действий по скрещивающимся направлениям, что при наступлении на противника, занимающего широкий фронт и с открытым тылом, может дать крупные результаты путем окружения значительной части его сил. В 1918 г. мартовское наступление велось 3 германскими ударными армиями. Но, во-первых, эти армии входили в состав двух различных фронтов, что усложняло общее руководство операцией и вызывало трения в процессе регулирования взаимодействия фронтов, а во-вторых, общий фронт наступления явился узким, достигнув всего 80 км. Целесообразнее было растянуть общий фронт удара вклинением между ударными группировками вспомогательной группы фронта на участке примерно в 50—70 км, что увеличило бы общий удар до 150 км по фронту.

Вопрос об определении ширины фронта наступления ударной армии был уже освещен выше (см. «Состав ударной армии»). Основой для расчета служит необходимость расстоянием (шириной фронта) обеспечить прорвавшуюся группу от перекрестного артиллерийского огня со стороны неприятельской артиллерии, сосредоточенной на флангах прорыва. Отсюда ширина фронта армейского прорыва должна быть не менее, чем двойная дальность артиллерийского огня. Дальнобойность современной артиллерии достигает 15 км (легкая) и 20 км (тяжелая). Эти данные определяют ширину фронта прорыва в 30—40 км (для ударной группы армии). На вспомогательную группу, считая ее в 1—2 стрелковых корпуса и отводя на один корпус до 20 км по фронту, падает 20—40 км. Таким образом, общая ширина фронта наступления ударной армии достигнет 50—80 км. Эту ширину фронта своего наступления армия должна сохранить на всей глубине своего оперативного удара. Фронт не должен значительно расширяться по мере углубления в оперативное расположение противника. Разграничительные линии должны оставаться параллельными, а не становиться расходящимися. Боевая практика наступательных операций 1918 г. и учебная практика на занятиях в мирное время показывают обратную тенденцию: наступающие армии, как правило, после выполнения тактического прорыва расширяют исходный фронт, отсюда армия в борьбе за глубину оперативной обороны противника действует на расширенном фронте (без подкрепления ее новыми силами). Это влечет растяжку сил по фронту, потерю глубины построения и истощение ударной силы армии. Расширение фронта наступления, регламентируемого высшей инстанцией, может и должно иметь место, но лишь по выполнении оперативного прорыва, т. е. уже с переходом на оперативное преследование.

Глубина и длительность операции

При определении глубины удара в условиях организации оперативного воздействия на всю глубину неприятельского оборонительного расположения основными данными для расчета являются:

1) Глубина оперативной обороны противника, определяемая глубиной расположения армейских резервов и расстоянием от линии фронта, немоторизованных — до 25—35 км и моторизованных — 80—100 км.

2) Глубина неприятельского армейского тыла (станции снабжения, распределительные станции) — 50—100 км.

3) Радиус надежного действия боевой авиации при полной боевой нагрузке (100—150 км).

4) Величина надежного одновременного пробега автотранспорта (80—100 км).

5) Величина однодневного продвижения в условиях соприкосновения с противником мехсоединений (50—80 км) и конницы (40—50 км).

Таким образом, глубина оперативного воздействия с учетом свойств средств подавления, которыми располагает наступающий, и глубины оперативной обороны противника определяется в среднем в 100 км. На эту глубину должны быть введены и по ней в целях воздействия распределены наступающим его оперативные средства подавления.

Длительность операции будет зависеть от многих данных, из числа которых важнейшими являются:

1) Морально-политическое состояние войск обеих сторон, питающее упорство и стойкость войск при разрешении боевых задач.

2) Боевая выучка войск и опытность командования.

3) Степень подвижности войск (степень моторизации и механизации, маршевая тренированность войск, состояние материальной части, влияние местности и метеорологических условий).

4) Темп продвижения наступающих войск (степень упорства обороняющегося, интенсивность использования обороной своих резервов по количеству и быстроте сосредоточения и ввода в бой, масштаб и характер заграждений на путях наступающих войск; степень подвижности этих последних и их насыщение средствами подавления и восстановления).

5) Глубина оперативной обороны противника.

Фактически длительность операции определится реальным темпом продвижения наступающих войск. В 1918 г. 18-я германская армия в мартовской операции делала в сутки в среднем максимально 10,3 км. В майском наступлении 7-й германской армии максимальные показатели ее темпа продвижения не превышают 5—6 км (за всю операцию)

и 8—9 км за период наибольших успехов. Темп наступления 10-й французской армии был значительно ниже, не превышая $1^1/_2$ км среднесуточного продвижения за всю операцию (18 июля — 4 августа) и $2^1/_2$—3 км за период наибольшего успеха (18—21 июля) *.

Подобные темпы в современных условиях являются совершенно недостаточными. Для достижения успеха наступательной операции необходимо, чтобы темп наступления превышал темп отхода обороняющегося и темп сосредоточения его оперативных резервов (в противном случае операции, рассчитанные на охват и окружение, выродятся в фронтальное следование за противником). Между тем эти последние темпы в условиях будущих столкновений надо ожидать весьма значительными. Широкое применение заграждений, упорство фронтальной обороны, задерживающие действия массированных воздушных сил, позволят противнику, сдерживая наступающего арьергардными частями, быстро отводить главные силы на выгодные рубежи. Здесь темп отхода этих сил может достигнуть суточного перехода войск (т. е. 20—25 км, а в некоторых случаях 30—35 км). Эти нормы предъявляют к наступающему требования вести наступление с фронта со скоростью, не уступающей скорости отхода, т. е. 20—25 км, а выброшенными вперед на фланги и в тылы противника частями — с еще более высокими нормами, которые, таким образом, будут колебаться в пределах 40—50 км. Естественно, что эти последние нормы явятся под силу исключительно войскам, обладающим высокой подвижностью.

Темп развития оперативного прорыва будет колебаться в ту или иную сторону на разных этапах действий. Прорыв тактической обороны (укрепленной оборонительной полосы) и выход на рубеж столкновения с армейскими резервами противника составит задачу дня для стрелковых корпусов эшелона тактического прорыва, выполнение которой выведет наступающие корпуса на 15—20 км в глубь неприятельского расположения. Преодоление остальной глубины оперативной

---

* Более высокие темпы продвижения наступающих армий дает опыт маневренной войны 1914 г. Так, 2-я германская армия в период отхода французов к р. Марна после пограничного сражения делала 10—12 км в день упорных боев и 18—20 км в условиях более слабого сопротивления противника. Во время пограничного сражения та же армия продвигалась со средней скоростью 15 км в сутки.

Еще более значительная скорость продвижения была достигнута в нашу гражданскую войну. При преследовании Колчака от Омска до Иркутска средний темп продвижения равнялся 20—25 км в сутки, при наступлении к Висле армий западного фронта — 18—20 км.

Все же надо отметить, что в дни боев скорость продвижения наступающих войск в империалистической и гражданской войнах не превышала 8—12 км.

обороны (80—85 км), связанное с ликвидацией сопротивления армейских и фронтовых резервов (1-й эшелон оперативных резервов обороны), займет время, длительность которого будет зависеть от темпа продвижения частей эшелона, развития оперативного успеха в конкретных условиях боевых столкновений с противником.

В дальнейшем ходе событий (т. е. после разгрома 1-го эшелона оперативных резервов противника — армейских и фронтовых) следует ожидать ввода в дело основных масс глубоких резервов обороны и интенсивного хода перегруппировки противника с целью восстановления сплошного фронта сопротивления. Современные условия железнодорожных и автомобильных перебросок обеспечивают быстрый темп нарастания неприятельских сил на направлении прорыва. Отсюда последующий период борьбы будет характеризоваться большим напряжением и частотой боев и сокращением глубины откатов неприятельских сил. Наступающий будет вынужден к движению в расчлененном порядке и к более частому развертыванию и вступлению в бой. Это обстоятельство вызовет снижение темпа продвижения. Нормы продвижения в этот период будут зависеть от степени общего (морально-политического и физического) превосходства сил наступающего, степени его насыщения подвижными средствами подавления и их качественного состояния и, наконец, от степени достигнутого превосходства в воздухе.

Организация удара в глубину

Успешное развитие наступательной операции на базе высоких темпов наступления, помимо соответствующего насыщения ударной армии средствами подавления, обеспечивается такой организацией удара, при которой противник в борьбе за глубину лишается возможности согласованного и взаимодействующего использования всех сил, средств и ресурсов обороны. Отсюда необходимо в процессе оперативного прорыва вынудить противника расчленить оперативную оборону на отдельные и изолированные участки и очаги борьбы по фронту и в глубине, нарушить взаимодействие между фронтом и оперативными резервами путем изоляции последних, прекратить работу тыла по снабжению обороняющихся войск.

Для обеспечения успеха удара становится особо важным достижение надлежащего взаимодействия в глубину. Оно обеспечивается правильным выбором объектов удара, правильной общей группировкой сил и средств и распределением их по объектам.

Объекты ударов в глубину должны выбираться не только с учетом их абсолютной важности, но и с учетом их удельного веса в общей системе оперативной обороны и их взаимовлиянием и взаимозависимости. Короче говоря, необходимо избирать объекты удара, находящиеся между собой в определенной оперативно-тактической связи. В противном случае действия наступающего разобьются по отдельным направлениям и, выродившись в отдельные удары, распылят наступающие силы.

Удар по глубине оперативной обороны должен наноситься силами, уплотняемыми на важнейшем направлении (т. е. на таком, которое включает объекты, важнейшие по своему оперативному значению). Этим определится общая группировка сил и средств при развитии оперативного прорыва.

Характер самих объектов (живая сила, штабы, тыловые учреждения), условия местности на пути к ним и расстояние до них определяют характер сил и средств при распределении по объектам.

Наиболее ответственным моментом в плане наступательной операции явится организация действий в глубине оперативной обороны.

В операциях первой половины 1918 г. наступающая сторона имела возможность строить на точном расчете взаимодействие различных средств лишь в борьбе за тактическую оборону (и то только в начальный момент прорыва) и исключительно в применении к артиллерийскому огню (точность артиллерийской подготовки и подвижного огневого вала). С продвижением наступающей пехоты в глубину оборонительной полосы, влекшим за собой отставание артиллерии сопровождения, точность исчезла. Что касается танков, то операция 10-й французской армии показала эфемерность надежд командования на достижение точности взаимодействия танков с пехотой.

В применении к оперативному масштабу условия 1918 г. не обеспечивали возможности развития удара в глубину на основе согласованного взаимодействия пехотных масс с техническими средствами борьбы. Использование наступающим авиации в целях взаимодействия на оперативный тыл обороны не давало нужных результатов из-за невозможности увязать это воздействие с результатами боевой деятельности медленно наступающих корпусов. Здесь сказывалась разница в подвижности и глубине радиуса действий. Заполнить этот разрыв действиями высокоподвижных войск не представлялось возможным за их отсутствием. В современных условиях наступающий владеет этими возможностями. С их учетом и должно строиться планирование развития удара в глубину.

Если рассчитать суточную потребность ударной армии охарактеризованного выше примерного состава в продфураже, огнеприпасах и горючем по полной норме, то общий вес соответствующих грузов составит кругло 15 000 т. Для перевозки подобного груза по железной дороге потребуется ежедневно до 33—35 поездов. С добавлением потребности в железнодорожном транспорте для подвоза остального необходимого имущества (связи, химического, инженерно-технического и т. д.), а также восстановительных хозяйственных поездов и факультатива количество поездов увеличивается до 40—45. Это требует базирования ударной армии или на 2 одноколейные железнодорожные линии или на 1 двухколейную железнодорожную магистраль. Несомненно, что подобная потребность в железнодорожном транспорте не явится необходимой на каждый день операции. Неизменными останутся лишь нормы продфуража и горючего. Расход остальных видов снабжения (огнеприпасы, инженерно-техническое имущество и т. д.) явится переменной величиной, зависящей от обстановки и хода действий. Отсюда среднее количество поездов для покрытия ежедневной потребности ударной армии за всю операцию явится меньшим по сравнению с указанной выше нормой. Тем не менее эта потребность все же будет равняться около 30—35 поездов, что сохраняет в силе указанные выше требования к емкости железнодорожной сети для подвоза снабжения. В этом одном сказывается сильнейшая зависимость от железных дорог наступающей ударной армии.

Но, кроме того, необходимо считаться с капитальным разрушением железных дорог отходящим противником. Это потребует от наступающего больших усилий по восстановлению разрушенных дорог в условиях не только технических трудностей, сопутствующих восстановлению, но и наземных (танки, мотомехчасти) и воздушных нападений противника. Это обстоятельство, естественно, еще более усугубит тяжесть положения.

Решающую роль для обеспечения железнодорожного подвоза сыграет темп восстановления. В 1918 г. обе стороны смогли добиться скорости восстановления до 6 км в сутки. В современных условиях техника повысила эти нормы. Однако их нельзя еще признать достаточными, поскольку они отстают от средней скорости продвижения наступающей армии.

Наконец, следует учесть, что пропускная способность головных участков вновь восстановленных железных дорог за вычетом восстановительных хозяйственных и факультативных поездов настолько низка, что, по существу, ее следует

скинуть со счетов железнодорожного подвоза за счет соответствующего удлинения грунтового подвоза.

Потребуется 5000 трехтонных грузовиков, чтобы поднять груз в 15 000 т (продфураж, огнеприпасы, горючее). Уменьшение расхода огнеприпасов в ходе операции сократит вес общего груза до 10 000 т и потребность в машинах до 3500 (кругло).

В исходной наступательной операции глубиной в 100 км отрыв наступающих войск от головы железнодорожного подвоза не превысит 50 км. Однако, прибавляя сюда сбрасываемый, как выяснено выше, со счетов головной железнодорожный участок (т. е. еще 50 км), получим 100 км грунтового подвоза или 2 звена автоподвоза с кругооборотом. Это потребует уже 7000 грузовых машин. Три четверти этих средств будут обращаться на участке ударной группы армии (40—50 км). При благоприятных условиях здесь возможно будет найти 8—10 дорог, что определит нагрузку каждой дороги в 0,7—0,9 тыс. машин. Общая глубина такой автоколонны (с учетом дистанций между машинами и авточастями) достигнет до 40—50 км, т. е. автотранспорт займет 50% протяжения каждой данной дороги. Это потребует организации сильной ПВО путей подвоза и применения больших усилий и средств для поддержания дорог в исправном состоянии. Вместе с тем это указывает на необходимость использования подвоза без дорог (тракторные колонны).

Но, помимо воздушных нападений, современные условия требуют организации защиты коммуникаций также и от покушений наземных подвижных войск противника (конница, отряды танков, мотомехчасти). Очевидно, что для отражения этих покушений должны применяться собственные подвижные бронетанковые части для действия в полосе коммуникаций и для сопровождения колонн.

Обостряется вопрос и с обороной важнейших тыловых объектов (базы, склады, железнодорожные узлы, узлы связи, станции снабжения и т. д.). В частности, все эти объекты возможного нападения противника должны быть хорошо оборудованы в отношении противотанковой и противовоздушной обороны. С точки зрения защиты тыла от неприятельского нападения необходимо прибегать к рассредоточению (разброске) тыловых учреждений.

УПРАВЛЕНИЕ

Организация управления

Управление действиями ударной армии в условиях глубокой наступательной операции протекает в обстановке, характеризующейся сложностью организации операции и ее

выполнения. Успех достигается в результате точно рассчитанного и надлежащим образом организованного взаимодействия на всю глубину оперативного расположения противника. Руководство действиями войсковых соединений в период развития оперативного успеха (т. е. в период действий в глубине оперативной обороны противника) будет протекать в условиях перерыва связи с командованием армии, а значит, и затруднений в систематическом управлении со стороны последнего. Следует также учесть, что действия в глубине неприятельской оперативной обороны будут протекать в условиях быстро и резко меняющейся обстановки, что потребует от командования соединений, ведущих бой, широкого проявления инициативы. Тем большее значение получает правильная постановка задач армейским командованием: их формулировка должна указывать основное направление действий подчиненных начальников и регламентировать характер и порядок взаимодействия во времени и пространстве с соседними и впереди или позади действующими войсками. Необходимо также указать, что делает данное войсковое соединение после выполнения поставленной задачи (дальнейшая задача). Рамки времени и пространства, которыми ограничивает исполнителей армейское командование, должны учитывать известные допуски в исполнении, обеспечивающие подчиненным начальникам нужные упругость и гибкость в применении своих сил и средств в условиях меняющейся обстановки. Указанные с учетом этих допусков сроки являются обязательными для исполнителей, их прямое нарушение или произвольное толкование грозит сорвать общую плановость операции, основанную на тщательной организации оперативного взаимодействия в глубину.

Итак, сложность задач, сложность вводимых в дело средств и сложность организации тыла определяют собой общую сложность управления ударной армией в наступательной операции.

Действиями ударной армии руководит фронт, ставящий задачи, определяющий направление главного удара и выделяющий нужные силы и средства. Оставляя часть сил в своем распоряжении, фронт получает возможность влияния на обстановку наращиванием сил на тех или иных направлениях. Не исключается возможность непосредственного руководства операциями ударных армий и со стороны Главного Командования. Это диктуется стремлением к твердому руководству операцией, ведущейся на главном направлении театра военных действий, тем более если это направление проходит на стыке двух фронтов. Так поступил Людендорф в марте 1918 г., оставив на Главном командовании тесное согласование действий 2-й и 18-й германских армий (смежных флангов фронтов Рупрехта Баварского[107]) и Вильгельма Прус-

ского [108]). В частности, влияние германского главного командования сказывалось в изменении задач 18-й армии и выпячивании ее значения во второй половине операции.

Фронт ставит ударной армии задачу сразу на всю глубину оперативной обороны противника (до 100 км) и на всю длительность операции. Это будет, так сказать, «задача дня» ударной армии, она должна сопровождаться указанием о дальнейшей задаче. В пределах полученной задачи командование армии самостоятельно руководит действиями подчиненных соединений. Обычно вмешательство фронта будет иметь место лишь при переходе армии к дальнейшей задаче, до этого фронтовое командование будет выжидать результатов текущей операции. Это вмешательство фронта выявится в уточнении порядка перехода армии к следующей операции, связанной с перегруппировками и с новым развертыванием. Однако обстановка может обусловить вмешательство командования фронта и в ход выполнения армией полученной задачи путем изменения направления удара, порядка взаимодействия с соседями, сроков исполнения и т. д. Твердость управления операциями ударных армий со стороны фронта будет зависеть от надлежащей информации фронтового командования о развитии боевых действий. Это налагает на армии обязанность ежедневных донесений о результатах действий и о расположении войсковых соединений, входящих в их состав. В особенности это положение должно быть отнесено к соединениям, действующим в глубине оперативного прорыва.

Переходя к методам управления ударной армией со стороны ее командования, следует отметить, что основной задачей управления является достижение надлежащего взаимодействия в глубину прежде всего путем правильного применения средств в глубине неприятельского оперативного расположения. Корпусам, выполняющим тактический прорыв, командование армией ставит задачу дня, обнимающую прорыв на всю глубину тактической обороны противника, и вывод на рубеж столкновения с его армейскими резервами (15—20 км). Одновременно оно указывает корпусам их дальнейшие задачи.

Общей целью действий при развитии оперативного прорыва явится в условиях пространственного охвата оперативной глубины неприятельской обороны подавление неприятельских оперативных резервов и расстройство управления и питания операций (фронтовых и главного командования). Эта общая цель достигается взаимодействием различных сил и средств, выдвигаемых для действия в оперативной глубине неприятельской обороны. Каждое из этих средств получает задачу и объекты удара с указанием о порядке дальнейших действий. Задачи ставятся армейским командованием или

сразу на всю глубину оперативной обороны противника или с расчетом овладения этой глубиной путем достижения ряда ограниченных задач, увязанных в общем плане взаимодействия в глубину; конкретные условия обстановки в каждом данном случае, состав и группировка неприятельских резервов, условия местности и т. д. определят характер и объем задач и их группировку.

Место штабов

В предвидении глубокой наступательной операции штаб армии совместно с управлениями начальников родов войск не должен располагаться от линии фронта в удалении, затрудняющем в случае прорывов проволочной связи быстрое осуществление связи с войсками использованием механических посыльных (автомобиль, мотоцикл). Надежный пробег автомобиля в оба конца в условиях срочной посылки приказания или получения сведений не будет превышать 80—100 км, отсюда удаление штаба армии не должно превышать 40—50 км от линии фронта.

Впереди поблизости от района тактического прорыва открывается командный пункт командарма, передвигаемый вперед по мере продвижения наступающих войск эшелона тактического прорыва. При командарме на командном пункте — штаб армии в лице его оперативных и разведывательных отделов и отдела связи, а также начальники родов войск.

(Н. Варфоломеев. «Ударная армия». Госвоениздат, 1933, стр. 169—189.)

НАСТУПАТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В труде «Наступательная операция» (по опыту Амьенского сражения 8 августа 1918 г.) автор дает анализ Амьенской операции 1918 г. На основе подробного изучения обстановки, планов сторон, подготовки и действий войск в этой операции автор приходит к интересным выводам о характере наступательной операции в условиях, создавшихся в результате изменения средств вооруженной борьбы. Ниже приводится шестая (последняя) глава книги — «Наступательное сражение в современных условиях».

На протяжении всей империалистической войны 1914—1918 гг. развивалась упорная борьба между средствами обороны и наступления, определившая собой развитие форм и методов этих двух видов боевых действий.

1915 год — первый год позиционного периода войны — характеризовался ломкой предвоенных взглядов как в области наступления, так и обороны. Боевой опыт подвергает сомнению правильность принятых основных положений в области наступления (бой решается ударом плотно построенной пехоты при поддержке артиллерии) и обороны (тонкая линия изолированных узлов сопротивления и опорных пунктов с вплотную приближенными резервами). С окончанием «бега к морю» начинается приспособление наступательной доктрины к условиям позиционной войны. Очень скоро наступающий принужден был считаться с ростом мощи обороны и, в частности, с ростом ее глубины (вторая оборонительная позиция). В конечном итоге, по опыту 1915 г., в области наступательных действий было выдвинуто требование осуществлять наступление рядом последовательных атак в глубине обороны. Повысилась роль артиллерии, и значительно расширился круг ее задач. Признано необходимым проводить тщательную подготовку атаки и методически развивать наступление в глубине путем последовательного выноса вперед усилий пехоты и артиллерии. Для атаки пехотная дивизия принимала плотный боевой порядок, не превышавший по фронту 1000—1200 м и в глубину 500—600 м.

1916 год ознаменовался переходом к борьбе на истощение. Наступательные операции, проведенные в течение 1916 г. (Верден, февраль — декабрь [109]) и Сомма, июль — ноябрь [110]), были осуществлены на основе:

а) полного господства методичности в подготовке и выполнении операций;

б) планового расчленения наступления на ряд последовательных атак с ограниченными целями;

в) взаимодействия пехоты и артиллерии на принципе «артиллерия разрушает, пехота наводняет»;

г) применения длительной (многодневной) артиллерийской подготовки атаки;

д) утраты внезапности;

е) жесткой централизации управления, упразднившей частную инициативу;

ж) попыток использовать конницу для развития успеха (сражение на Сомме);

з) более широкого применения технических средств борьбы (массовый обстрел химснарядами, появление на поле боя английских танков);

и) борьбы за превосходство в воздухе.

Боевой опыт 1916 г., подытоженный обеими сторонами, подчеркивал необходимость сочетания методичности и быстроты действий, тем самым смягчая господствовавшую до сих пор диктатуру методичности. Основное положение наступа-

тельного боя, утвердившее необходимость вести наступление последовательными атаками, было оставлено в силе, но при этом, однако, было отвергнуто заблаговременное ограничение конечных целей действий (атаки должны вестись на предельную глубину, допускаемую обстановкой, вплоть до выхода в открытое поле). Германский опыт обороны признавал необходимым не цепляться «во что бы то ни стало» за местность, создать глубокую оборонительную зону (до 15—20 км) в несколько оборонительных полос (вместо одной оборонительной полосы глубиной в 5—6 км), держать в первом эшелоне обороны (в первых оборонительных линиях) меньшую часть сил. В конечном итоге опыт боевых действий 1916 г. привел, во-первых, к признанию артиллерии доминирующим средством подавления (артиллерия подготавливает, прикрывает и сопровождает наступление пехоты) и, во-вторых, к окончательному отказу от попыток овладения всей глубиной тактической обороны одним ударом (в один прием).

Появление нового технического средства в виде танков и возможность массового применения химических средств (артхимснаряды) на службе наступлению указывало на возможность новых форм и приемов наступательного боя. Сражение на р. Эн в апреле 1917 г. отразило попытку радикального разрешения проблемы наступления в условиях позиционной войны. Основанное на полном отказе от методичности и возврате к быстроте и непрерывности со ставкой на уничтожение противника подавляющими силами, характеризуемое стремлением к быстрому преодолению всей тактической глубины обороны безостановочным движением пехоты под прикрытием мощного огневого вала артиллерии и при содействии танков, сражение это, как известно, окончилось кровавой неудачей, в основном объясняемой несоответствием приемов и средств атаки возросшим возможностям обороны.

Сражение при Камбрэ (ноябрь 1917 г.) подтвердило возможность достижения полной внезапности атаки и выявило значение танков как средства прорыва обороны на всю глубину. Однако достигнутый крупный тактический успех не был переключен в оперативный из-за неудачи, постигшей попытку ввести в прорыв группу развития успеха в виде пехотных дивизий второго эшелона и сосредоточенной в тылу сильной конницы.

Остальные операции второй половины 1917 г. характеризовались: в оперативном отношении — переходом к операциям на узком фронте с ограниченной целью и в тактическом отношении — возвратом к методической подготовке и детальному планированию боя, безусловным признанием решающей важности внезапности, ростом значения наряду с артиллерией остальных технических средств (авиации, танков, химсредств) и, наконец, признанием необходимости экономного

расходования пехоты за счет максимального использования технических средств.

На пороге последнего года империалистической войны (1918 г.) основные уроки предшествовавшего боевого опыта, получившие общее признание, были суммированы следующим образом. Внезапность имеет решающее значение для успеха боя и операции; развитие успеха в глубине обороны обеспечивается содействием значительно качественно и количественно возросших технических средств, в ряду этих средств танки и авиация все более и более соперничают с артиллерией (германцы, отдавая должное растущему значению авиации, не признали, однако, как известно, важного значения танков). 1918 год начался грандиозным мартовским наступлением германцев, открывшим собой серию дальнейших последовательно перемещавшихся по фронту наступательных операций. Контрнаступление французских армий 18 июля на фронте от р. Эн до Реймса, имевшее своей целью уничтожение Марнского выступа, также открыло собой ряд наступательных операций союзников, заполнивших всю вторую половину 1918 г. и закончившихся перемирием 11 ноября. В ряду этих операций рассмотренная выше Амьенская операция[111]), начавшаяся 8 августа, явилась второй по счету из числа намеченных по общему плану Фоша.

В 1918 г. оборона достигла своего наиболее полного развития. Первый эшелон обороны (тактическая оборона), располагавший свой гарнизон на ряде укрепленных полос, защищенных сильными оборонительными сооружениями, требовал для его преодоления сильного оснащения наступающего техническими средствами (танки, артиллерия, авиация, химсредства), осуществления внезапности и глубокого боевого порядка соединений, входящих в состав группы прорыва наступающей армии. Организованный в соответствии с этими требованиями и осуществляемый на базе новой, более высокой техники прорыв тактической обороны сопровождался, как правило, неизменным успехом во всех наступательных операциях германцев * и союзников. Разница заключалась лишь в больших или меньших размерах поражения противостоявших сил противника и большем или меньшем среднем темпе продвижения в глубину.

Наряду с неизменно успешным преодолением тактической обороны (первого эшелона обороны) и достижением, таким образом, крупного тактического успеха все наступательные операции 1918 г. свидетельствуют вместе с тем о неудаче попыток развить достигнутый тактический успех в успех оперативного масштаба. Успешно начатое наступление в конечном итоге затухало, разбиваясь о сопротивление второго эше-

---

* За исключением наступления 15 июля.

лона обороны в виде сильных оперативных резервов, вводимых во встречное сражение в глубине оперативной обороны. Стало очевидным, что центр тяжести борьбы в условиях, когда обороняющийся располагал возможностью сосредоточивать в оперативной глубине крупные силы из резерва и восстанавливать с их помощью новый фронт сплошного сопротивления, переносится из первого во второй эшелон оперативной обороны. Это означало, что строго последовательное уничтожение обоих эшелонов обороны вне общего удара на всю глубину оперативной обороны не обещало успеха в достижении конечных целей данной операции. Разгром противника по частям не обеспечивался только таким нарушением взаимодействия фронта с тылом, которое достигалось бы только с развитием наступления в глубине тактической обороны.

Амьенское сражение, как и все предшествовавшие наступательные сражения, показало возможность наступления паузы в развитии наступления в оперативной глубине вследствие развертывания резервов обороны, достаточных для восстановления сплошного фронта сопротивления. Наступавшая пауза означала кризис оперативного наступления в результате встречного маневра обороны из глубины, не подавленной воздействием дальнобойных средств наступающего. Тем более возрастает объективная опасность срыва оперативного успеха наступления в условиях современных возможностей обороны в области маневра глубокими резервами — рост железнодорожного и автомобильного транспорта, заблаговременно подготавливаемая сеть автострад, повышение тактической и оперативной подвижности войск. Отсюда вытекает основное положение современной организации наступательного сражения, которое упирается в необходимость обеспечить возможность разгрома боевого порядка оперативной обороны по частям, разобщив для этого фронт с тылом и, в частности, не допустив подхода и планомерного ввода в сражение оперативных резервов из глубины.

Если взять опыт Амьенского сражения, то несомненно, что картина наступления 9 и в особенности 10 августа выглядела бы иначе, если бы английская и французская конница и авиация смогли бы нанести поражение и замедлить подход четырех германских пехотных дивизий, переброшенных в район Руа, и не допустить их участия в обороне на старом поле сражения 1916 г. Но, как известно, союзная конница не смогла прорваться в тыл, тем самым она была выключена из арсенала дальнодействующих средств подавления. Однако в распоряжении армейского командования оставалась авиация, особенно мощная в 1-й французской армии. Из изложенного выше описания действий союзной авиации видно, что она была очень активно и успешно применена на поле боя в пре-

делах тактической обороны противника. Применялась авиация и в оперативной глубине с целью нарушения железнодорожного движения. Однако в источниках нет указаний о планомерном использовании авиации для подавления резервов в оперативной глубине при движении к фронту по грунтовым путям. Таким образом, стремясь прекратить приток свежих сил из глубины, командование союзных армий обратило удары авиации по железнодорожной сети. Это, несомненно, составляет очень важную задачу авиации, однако действия только по железнодорожным сообщениям не решают еще полностью вопроса; необходимо искать и подавлять резервы, передвигающиеся по грунтовым путям (автопереброски, походные движения).

Действия против оперативных резервов противника с целью их уничтожения и, во всяком случае, замедления выхода на поле сражения составляют основное содержание усилий в разрезе удара на всю глубину оперативной обороны. Помимо боевой авиации, выполнение задачи по подавлению оперативных резервов выпадает на долю подвижной группы войск, предназначенных для развития оперативного успеха. Введенная в прорыв при содействии стрелковых корпусов, ведущих наступление в глубине неприятельской оборонительной полосы, эта группа своей ближайшей задачей имеет разгром живой силы и технических средств, входящих в состав резервов, выдвигаемых противником из глубины. Это требует быстрого и беспрепятственного выхода частей группы в тыл противнику вне пределов тактической обороны. Выход на такую глубину сопряжен с необходимостью, во-первых, преодолеть возможное огневое сопротивление в глубине прорванной оборонительной полосы противника, что должно быть обеспечено содействием армейской авиации, а также артиллерии и танков стрелковых корпусов прорыва, и, во-вторых, прорваться через тыловой оборонительный рубеж, что, очевидно, должно быть выполнено собственными силами группы. 8 августа английский кавалерийский корпус, сосредоточенный за правым флангом 4-й английской армии, имел задачей после ввода в прорыв захватить и удержать до подхода пехоты рубеж, указанный как дневная задача армейских корпусов. Таким образом, группа развития успеха с места была тесно связана с группой прорыва, содействуя успешному наступлению пехоты в глубине прорванной оборонительной полосы.

Было бы, конечно, неправильно заранее и во всех случаях исключать всякое взаимодействие подвижной группы боевого порядка наступающей армии, предназначенной для развития оперативного успеха, с прорывающими тактическую оборону противника стрелковыми корпусами, входящими в состав группы прорыва. В ряде случаев явится выгодным исполь-

зовать вклинившуюся в глубину неприятельской обороны подвижную группу для разгрома ближних резервов противника и для завершения окружения сил первого эшелона неприятельской обороны. Однако эти частные задачи не должны отвлекать подвижную группу от выполнения ее основной задачи — искать и громить глубокие оперативные резервы противника.

Наряду с подвижной группой на земле армейское командование должно располагать необходимыми воздушными силами для воздействия на противника с воздуха. Обширность и емкость задач, встающих перед воздушными силами в современных условиях наступательного сражения, и необходимость массированного применения авиации для их разрешения вынуждают искать правильный выход в сосредоточении усилий воздушных сил, избегая их распыления. В свете этого положения становится очевидным, что роль, место и задачи авиации наступающей армии не могут и не должны быть определены вне рамок общего плана использования авиации фронта. В особенности четко взаимодействие воздушных сил фронта и армии должно быть отображено в организации борьбы с неприятельской авиацией в целях достижения временного превосходства в воздухе. В современных условиях это достигается главным образом нападением на аэродромы и уничтожением находящихся на них самолетов.

Наряду с борьбой с неприятельской авиацией основными задачами воздушных сил армии в наступательном сражении также являются следующие действия.

1. Изолирование оперативных резервов противника с общей целью выключения их взаимодействия с силами противника, находящимися на фронте. Выполнение этой задачи влечет необходимость эффективного и систематического воздействия на железнодорожные сообщения в неприятельском тылу с целью сорвать или, во всяком случае, серьезно замедлить перевозки и сосредоточение сил и средств, собираемых противником в тылу для контрудара. В зависимости от развитости железнодорожной сети и напряженности перевозок задача нарушения перевозок может потребовать расхода воздушных сил, непосильного для армии, и потребовать вмешательства воздушных сил фронта, а в некоторых случаях и прямого ее решения силами фронта. Борьба с оперативными резервами противника продолжается и при попытках их выдвижения к фронту по грунтовым путям как походным порядком, так и путем автоперевозок.

2. Нарушение работы армейского тыла противника путем разгрома станций снабжения, складов, баз и т. д.

3. Нарушение управления нападением на крупные штабы.

Внезапность, игравшая столь крупную роль, в особенности в операциях 1918 г., полностью сохраняет свое решающее

значение и в современных условиях. Нет необходимости доказывать, что внезапность, умноженная на подавляющее превосходство сил, и в частности технических средств, является могучим фактором обеспечения успеха. Следует признать, однако, что в условиях современных достижений разведки — и в особенности воздушной — достижение внезапности в значительной степени затруднено, требуя осуществления целого ряда сложных мероприятий. Это относится прежде всего к достижению скрытности при подходе к изготовившемуся для обороны противнику. Здесь основной целью явится сокрытие в тайне направления главного удара армии. Наряду с строгой маскировкой в войсках является необходимым осуществление ряда мероприятий оперативного характера по введению противника в заблуждение относительно истинной группировки сил и средств в боевом порядке развернувшейся для сражения армии. В этом отношении опыт операций 1918 г. является чрезвычайно поучительным, оставаясь актуальным и в современных условиях. Особое внимание должно быть обращено на маскировку подвижных групп, предназначаемых для развития оперативного успеха и сосредоточиваемых в тылу на направлении главного удара во избежание разгадки этого направления противником. В связи с этим становятся вполне понятными особые заботы командования 4-й английской армии по сокрытию в тайне подхода и исходного сосредоточения восточнее Амьена кавалерийского корпуса.

В свете современных возможностей обороны в области широкого маневрирования оперативными резервами для встречного удара из глубины (второй эшелон оперативной обороны) наряду с повысившейся возможностью оказать упорное сопротивление в зоне тактической обороны (первый эшелон оперативной обороны) успешное завершение наступательного сражения требует разгрома обоих эшелонов оперативной обороны противника с обязательным условием осуществления этого разгрома в рамках общего подавления обороны на всю глубину. Разгром сил и средств первого эшелона оперативной обороны и овладение всей ее глубиной до тыловой оборонительной полосы включительно составят ближайшую задачу армии. Поскольку уничтожение тактической обороны противника должно быть осуществлено быстро (этим облегчается задача подвижных групп по выключению взаимодействия между обоими эшелонами обороны), постольку указанная выше ближайшая задача армии явится вместе с тем и ее задачей дня, определяемой глубиной тактической обороны противника.

(Н. Варфоломеев. Наступательная операция, Госвоениздат, 1937, стр. 169—176.)

* * *

С. Н. КРАСИЛЬНИКОВ

Сергей Николаевич Красильников *(р. 1893 г.) — генерал-лейтенант, заслуженный деятель науки, доктор военных наук, профессор. Член КПСС с 1920 г. В гражданской войне командовал стрелковой бригадой. Окончил Военную академию в 1923 г. и Академию Генерального штаба в 1939 г. Командовал корпусом, был начальником отдела и Управления Генерального Штаба и Министерства Обороны, начальником кафедры стратегии Военной академии Генерального Штаба.*

Основные труды. *«Организация конницы и легких мотомеханизированных соединений», М., 1931; «Организация крупных общевойсковых соединений», М., 1933; «Современная организация буржуазных армий», М., 1932; «Боевые действия Парижской Коммуны», М., 1935; «Встречный бой корпуса», М., 1939; Наступательная армейская операция», М., 1940; «Армейская операция», М., 1940.*

ОРГАНИЗАЦИЯ КРУПНЫХ ОБЩЕВОЙСКОВЫХ СОЕДИНЕНИЙ БУДУЩЕГО

Приведенные выдержки взяты из труда С. Н. Красильникова «Организация крупных общевойсковых соединений», посвященного разбору организационных форм общевойсковых соединений — дивизий и корпусов. Автор излагает развитие этих форм, разбирает существующие за рубежом взгляды по этим вопросам и обосновывает наиболее целесообразные формы организации крупных общевойсковых соединений современных армий.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕХАНИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ И ПРОБЛЕМА МОТОРИЗАЦИИ И МЕХАНИЗАЦИИ АРМИИ

Огромный рост механического транспорта, его экономичность, большая подвижность и больший, чем у конного, радиус действия поставили на очередь дня вопрос о постепенном внедрении его во все области хозяйственной жизни (тракторизация сельского хозяйства, моторизация индустрии, городского и международного сообщения) и армии.

Начавшееся уже в конце войны 1914—1918 гг. вытеснение лошади из тыловых и боевых частей армейского и даже корпусного значения (например, артиллерии) идет медленно потому, что техника пока не разрешила полностью проблемы производства дешевого универсального всюдуходного автомобиля, быстроходного дешевого гусеничного трактора

и, что еще важнее, проблемы повышения проходимости ныне существующих гражданских машин путем несложных приспособлений; однако разрешение этих задач уже близко к осуществлению. Автотранспорт ныне так количественно возрос, что даже полная моторизация армии (при внесении вышеупомянутых конструктивных усовершенствований) не является уже голой утопией...

Наряду с техническим усовершенствованием автомашин и тракторов как транспортного и тягового средства армии идет процесс усовершенствования боевых машин: танков, бронеавтомобилей, танкеток.

Усовершенствование боевых машин шло по следующим путям.

1. Увеличение быстроходности до максимальной степени при возможно большей устойчивости системы для стрельбы.

2. Увеличение максимально возможной проходимости, выражавшейся в стремлении добиться типа, преодолевающего все препятствия естественные и искусственные (плавающие, прыгающие и летающие танки).

3. Увеличение в максимальной степени радиуса их действия (запаса хода с целью повышения их оперативной подвижности и маршевой независимости от вспомогательного транспорта и возможности делать самоходом большие переходы).

4. Специализация танков в соответствии с их тактическим назначением при соблюдении противоположного требования создания наименьшего количества типов (танк атаки, танк разведки, танк-истребитель).

5. Усиление защищенности и мощности вооружения при одновременном сокращении веса танка и его стоимости.

В данное время многие из этих проблем уже разрешены или во всяком случае близки к их разрешению, а это значит, что наступает период глубочайших новых изменений в военном искусстве, следовательно, и в организационных формах войск и крупных общевойсковых соединений...

В самом ближайшем будущем вопрос «законченной мотомеханизации» отдельных крупных соединений из области эксперимента всюду перейдет в категорию реального факта.

Под моторизацией принято понимать использование моторов (двигателей) как средства транспорта (использование разного рода машин). Моторизованные части — это такие части войск, которые перевозятся на автомашинах к месту боя, а затем дерутся в обычных строях.

Механизация же заключается в использовании двигателя в боевых машинах, к которым относятся все машины, непосредственно участвующие в бою, например: танки, тан-

кетки, бронеавтомобили. Механизированные части ведут бой с тех же машин, на которых они передвигаются к месту боя. Однако как моторизованные, так и механизированные соединения войск в чистом виде встречаются чрезвычайно редко.

Трудно представить себе в чистом виде моторизованное соединение, так как в его состав неизбежно в той или иной пропорции должны войти механизированные единицы, мелкие и крупные (взводы, роты, батальоны, танкетки, танки, броневики и пр.), в высокой степени необходимые в бою для всякого моторизованного соединения. С другой стороны, весьма нецелесообразно иметь крупные соединения исключительно механизированные без моторизованных частей (пехоты, артиллерии, специальных войск и пр.), так как в свою очередь эти части восполняют в боевом отношении недостатки механизированных единиц.

Поэтому только для небольших, не вполне самостоятельных единиц (роты, батальоны) применимы в чистом виде моторизация или механизация; для более крупных тактических, а тем более оперативно самостоятельных соединений необходимо сочетание моторизованных и механизированных единиц, называемое мотомеханизацией.

В моторизации армии ныне намечаются три течения, вызванные отчасти военно-техническими соображениями, а главным образом чисто экономическими причинами (производственный и финансовый вопросы), невозможность внедрения военно-пригодных дорогих типов машин в гражданское население и пр..

1. Использование автомобильного транспорта как средства нештатного, органически не сросшегося с частями аналогично железнодорожному транспорту.

2. Органическое, штатное, но только частичное внедрение механического двигателя и транспорта в некоторые подразделения крупного соединения (разведывательные части, артиллерия, пулеметные части, тыл и пр.) — вопрос, нами уже разобранный в предыдущей, III части.

3. Органическое, штатное внедрение механического двигателя и транспорта во все подразделения крупных общевойсковых соединений с заменой физической силы лошади и даже человека мотором, составляющее завершение моторизации.

Первое течение отличается от последних, по существу, весьма значительно. Если в первом случае крупное соединение может существовать без механического транспорта и пользуется им от случая к случаю, то в последних случаях оно не только не может существовать без этих средств, но они начинают оказывать уже существенное влияние даже на боевую природу и организационные формы крупного

соединения. Механизация или мотомеханизация крупного соединения тем более меняет облик и природу его. Идеолог механизации английский генерал Фуллер отмечает, что если бы мировая война продолжалась до 1926 г., то организация армии вследствие ее моторизации изменилась бы настолько, что армия 1926 г. имела бы крайне мало общих черт с армией 1914 г.

Весьма существенным тормозом в развитии мотомеханизации армий является фактор географического порядка. Чувствительность машины к препятствиям местности (особенно общепринятых гражданских типов) пока еще настолько велика, что проблема полной моторизации армии вызывает весьма основательный скептицизм и даже отрицательное отношение на страницах военной печати Запада.

Даже богатые дорогами культурные театры Западной Европы имеют значительное количество районов, неудобных или прямо непроходимых в топографическом отношении для крупных автоколонн...

...В условиях наших театров даже при наличии машин высокой проходимости успешное использование крупных моторизованных или мотомеханизированных соединений на отдельных участках обширного фронта не всегда будет возможно, в особенности в периоды распутицы, весной, осенью и в условиях глубокого снежного покрова зимой.

Ввиду ограниченности количества направлений, благоприятных для использования моторизованных или мотомеханизированных соединений, внедрение мотора и боевой машины в общевойсковые (стрелковые) соединения в наших условиях пока более затруднительно, чем в западноевропейских странах. Нашим топографическим условиям более соответствуют английская и американская точки зрения, т. е. необходимость создания особых мотомеханизированных соединений на специального типа всюдуходных машинах. Если отбросить чуждую нам социально-политическую подоплеку идей полной мотомеханизации армии (а именно боязнь массы, подготовка к борьбе с революцией внутри страны и в колониях), развиваемых Фуллером и его более умеренными сторонниками, то мы должны признать, что топографические условия, на которые рассчитаны проектируемые мотомеханизированные соединения англичан и американцев («малокультурные» театры), в наибольшей степени подходят к условиям, в которых придется оперировать нашей армии.

Было бы ошибкой в наших условиях склоняться к идее «механизированных соединений» фуллеровского типа (отсутствие пехоты). Последние могут существовать в чистом виде только как не вполне самостоятельные соединения, нормаль-

но сводимые с пехотой и конницей в более крупные общевойсковые соединения — мотомеханизированные дивизии. Механизированные соединения фуллеровского типа, кстати сказать, в данное время узаконенные английским «Наставлением по механизации», совершенно не соответствуют характеру нашего театра, так как этим соединениям на каждом шагу придется встречать на своем пути трудно преодолеваемые, называемые Фуллером «пехотные районы», на которых без пехоты машина ничего сделать не может (леса, дефиле в болотистых районах, речные рубежи и пр.).

Вот почему американцы после своих опытов остановились на смешанном типе — на мотомеханизированном соединении, в состав которого включена и пехота.

Приняв эти предпосылки в основание организации мотомеханизированных соединений, мы должны сейчас же отметить трудности экономического порядка, которые вытекают из них. При мобилизации формирование автоколонн, временно придаваемых дивизиям для переброски частей и грузов по дорогам вне поля сражения, может идти за счет гражданских автотранспортных ресурсов страны путем реквизиции, что при значительности автопарка в государствах Западной Европы не встретит особых затруднений. Создание же органически моторизованных, вернее мотомеханизированных соединений, требует специального, не только всюдуходного типа машин (непригодных часто по своей дороговизне и нерентабельности для нужд гражданского транспорта), но даже особого типа бронированных транспортеров — своеобразных транспортных танков или повышенной ходности броневиков — для переброски своей пехоты, которая должна быть способна совместно с танками и самоходной артиллерией проникать в глубину боевого порядка противника, преодолевая быстро и с небольшими потерями опасную зону пехотного огня. Дороговизна танков и прочих машин вызывает необходимость уже в мирное время огромных капитальных вложений. Так, для сформирования одной мотомеханизированной дивизии требуется, по расчетам многих авторов, 250—300 боевых танков нового типа, 200—300 транспортных танков для пехоты, самоходных орудий (по существу, те же танки) минимум 24 и прочих машин и тракторов общим количеством до 1500—1800 единиц.

Учитывая, что на каждый 1 танк в строю надо сделать в военное время минимум 8—10 танков для замены выбывающих из строя, получим, что для поддержания боеспособности подобной мотомеханизированной дивизии требуется в год войны произвести 4000—5000 танков боевых и транспортных, не считая танкеток, броневиков, тракторов и автомашин. Расход на переформирование стрелковой дивизии в мотомеханизированную, по расчетам англичан, достигает 30—

35 млн. рублей, т. е. в 6—7 раз больше, чем стоимость основного капитала современной машинизированной французской пехотной дивизии, и в 14 раз больше, чем стоимость формирования дивизии довоенной.

Эти цифры указывают, с одной стороны, на те серьезные препятствия производственного, финансового и экономического порядка, которые мешают даже крупным империалистическим государствам создать в мирное время значительное число мотомеханизированных дивизий, а тем более корпусов, а с другой стороны, указывают также на ограниченность возможностей к формированию мотомеханизированных соединений и во время войны, так как амортизационные расходы по содержанию мотомеханизированных дивизий и корпусов будут чрезвычайно велики (износ машин, ремонт, потери и пр.). Кроме того, техника автостроения делает такие быстрые успехи, что было бы чрезвычайно рискованно затратить огромные средства в мирное время для создания значительного резерва машин транспортных и боевых для развертывания резервных мотомеханизированных формирований при мобилизации...

Однако наличие мотомеханизированных соединений в составе армии дает такие крупные оперативные выгоды, что в самом недалеком будущем эти соединения будут созданы в армиях империалистических стран. Придавая мотомеханизации серьезнейшее значение, мы уже в мирное время должны пойти по пути создания крупных мотомеханизированных соединений, которые будут служить, с одной стороны, основой для будущих формирований в военное время и, с другой стороны, явятся лабораторией выработки тактики этого нового рода войск.

Необходимо помнить, что к концу войны 1914—1918 гг. расходовались на артподготовку в течение двухнедельной операции огромные суммы в 170—220 млн. рублей. Поэтому ничего утопичного нет в том, что при мобилизации формирование крупных соединений второй и особенно третьей очередей в индустриально развитых армиях пойдет по линии развертывания мотомеханизированных соединений, хотя бы и пришлось израсходовать на это крупные суммы денег.

Наличие целых мотомеханизированных соединений не исключает ни частичной моторизации стрелковых (пехотных) дивизий, ни использования автотранспорта для оперативных перебросок последних. Только комбинация всех способов моторизации и механизации будет отвечать в полной мере той стадии развития производства, которую мы переживаем, и современным требованиям военного искусства...

ОРГАНИЧЕСКАЯ МОТОРИЗАЦИЯ (МОТОМЕХАНИЗАЦИЯ) КРУПНЫХ СОЕДИНЕНИЙ И ИХ БОЕВЫЕ СВОЙСТВА

В органической моторизации армии, охватывающей широкую проблему замены движущей физической силы лошади и человека мотором, многие идеологи моторизации и механизации (Фуллер, Денинг[112]), Камон[113]) и пр.) видят неисчислимые стратегические, тактические, экономические и политические преимущества. В их концепции руководящей идеей является боязнь массы, боязнь новой затяжной войны с более тягостным периодом позиционности, чем в мировую войну. Путем огромного повышения маневренности (подвижности) крупных общевойсковых соединений и значительного увеличения их штурмовой мощи (броневая защита от огня) они стремятся предотвратить возможность возникновения позиционной войны. Они полагают, что при помощи мотора можно удовлетворительно разрешить проблему «защищенной подвижности» (активная броня). По мысли Фуллера, превосходство подвижности, а не число боевых единиц будет играть главную роль в будущей войне. Поднимая боевое качество соединений, замещая человека боевой машиной, они лелеют мысль о возможности ведения войны небольшой армией, не вовлекая в нее все более и более левеющие массы...

Однако органическая мотомеханизация, основанная на машинах повышенной проходимости, несмотря на старательные стремления многих авторов доказать обратное, требует очень крупных расходов на проведение в жизнь даже в сравнительно скромных размерах...

Органическая моторизация (мотомеханизация) дает следующие преимущества.

1. Оперативную подвижность (суточный переход по заграничным наставлениям — от 80 до 120 км) при сохранении тактической подвижности (всюдуходные машины), т. е. возможность самого широкого маневрирования.

2. Сочетая быстроту движения (в 3—5 раз большую, чем у общевойскового соединения, и в $1^1/_2$—2 раза большую, чем у кавалерийского соединения), огневую мощь (концентрированная огневая мощь) и малую уязвимость (бронированные части), мотомеханизированные соединения могут успешно решать оперативные задачи, прежде возлагавшиеся на конницу (захват важных районов в приграничной полосе, завязка операции, активные действия на фланге армии, оперативное преследование, разгром тыла противника, прикрытие отхода своих частей, нанесение ряда последовательных ударов по фронту противника и пр.).

Маршевая скорость их очень велика: для крупных моторизованных частей (в среднем) — от 12 до 20 км/ч в зависи-

мости от дороги, для более мелких — до 20 км/ч и для небольших легких специальных частей — от 25 до 30—40 км/ч.

3. Способность быстро, свободно и легко выходить из боя, отрываться от противника (легковыходимость) и вступать даже в тот же день в бой на другом направлении (возможность нанесения последовательных быстрых ударов).

4. Сохранение энергии живой силы для боя не менее чем на 80%.

Органическая моторизация (мотомеханизация) дивизий есть, по существу, создание нового типа крупных соединений. В данное время проблема создания таких мотомеханизированных крупных соединений практически уже разрешается в Англии и САСШ...

1. Органическая моторизация в отличие от временной моторизации не разрушает органической целости дивизии, а следовательно, не понижает боеспособности и боеготовности. Кроме того, она делает дивизию вполне независимой от физических сил лошади.

2. Законченная органическая моторизация создает экономию в механических повозках более чем на $^1/_3$, что имеет, помимо экономических выгод, и тактические преимущества (уменьшение маршевой глубины колонн, большая легкость управления).

3. Но органическая моторизация (мотомеханизация), требуя больших капитальных затрат, кроме того, закрепляет штатно многочисленный механический транспорт и боевые машины за определенными частями и тем исключает возможность маневрировать ими, что при ограниченности средств механического транспорта и боевых машин в армии крайне невыгодно.

4. Снабжение органически моторизованной (мотомеханизированной) дивизии в отличие от временно моторизованной чрезвычайно упрощается (свой тыл, следующий за дивизией).

МЕХАНИЗАЦИЯ КРУПНЫХ СОЕДИНЕНИЙ И ИХ БОЕВЫЕ СВОЙСТВА

Для предотвращения повторения в будущем позиционной войны необходимо найти способ быстро преодолевать огонь винтовок и автоматического оружия, а также проволочные заграждения. Поэтому крайние механизаторы (Фуллер) придают самодовлеющее значение проблеме «защищенной подвижности», т. е. броневой защите от огня противника при сохранении высокой маневренной подвижности. Они настолько возводят ее в идеал, что совершенно отрицают право на дальнейшее существование не только

конницы, но даже пехоты и артиллерии, предлагая заменить эти рода войск различными типами танков...

Объективный анализ характера боевых свойств перечисленных механизированных частей, подкрепленный опытом последних маневров английской армии, приводит нас к убеждению, что без группы, «приспособленной для длительного боя на месте», т. е. без пехоты, обойтись никак нельзя. Обладая огромной маневренностью и штурмовой мощью, броневые части, как бы они вооружены ни были, не способны вести оборонительного боя (не обладают цепкостью: удержать и закрепить завоеванной местности они не в состоянии); ночью они почти беспомощны, так как их основное преимущество, высокая подвижность, в этих условиях отпадает (по целине быстро двигаться ночью они не могут; скорость их движения в этом случае не превышает движения пехоты); наконец, они более беспомощны в районах труднодоступной местности (горы, леса, болота), называемых Фуллером «пехотными районами», а таковых у нас и у наших соседей на обширных просторах колониальных театров Британской империи и в обеих Америках чрезвычайно много.

Поэтому не только умеренные сторонники моторизации (французы: генерал Камон, полковник Аллео[114]), англичане: майор Денинг, полковник Мартель[115]) и американцы), но и сам «механизатор» Фуллер вынуждены уделить в конце концов достаточно почетное место пехоте...

Если добавить к этому туманно обоснованное отрицание необходимости артиллерии средних калибров, дающее основание предполагать, что и сам Фуллер нетвердо убежден в этом, то мы придем к выводу, что идея Фуллера «абсолютной механизации», ликвидирующая ныне существующие рода войск, утопична и что механизированные боевые части не исключают другие рода войск (разве кроме конницы, и то это спорно), а их дополняют; создание же независимых чисто механизированных крупных соединений при отсутствии в их составе в том или ином виде основных родов войск — пехоты и среднекалиберной артиллерии — по нашему мнению, мало рационально...

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ КРУПНЫХ МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Твердо установленных принципов в организации крупных мотомеханизированных соединений, как это имеет место по отношению к обычного типа современным стрелковым и кавалерийским соединениям, пока не имеется. Вопрос создания

этих соединений новый. Имеющийся опыт (маневры) Англии, Франции, Америки и Германии весьма ограничен, а у нас он еще более недостаточен. Фактически не только мотомеханизированных дивизий, но и законченных в организационном отношении бригад за границей не существует, а поэтому приходится ограничиться лишь анализом существующих взглядов по данному вопросу.

В качестве материала мы имеем достаточно обстоятельные английские и французские литературные материалы, коечто из германских и американских, а также ряд опытов некоторых стран.

По этим материалам можно установить следующие тенденции взглядов.

1. Английская тенденция полной мотомеханизации всей армии (Фуллер, Денинг, Лиддел-Гарт).

2. Франко-германская тенденция создания крайне небольшого числа моторизованных соединений, главным образом взамен кавалерийских дивизий, и применение временной моторизации (автоперевозки) остальных обычных немоторизованных дивизий.

3. Американская тенденция создания мотомеханизированных соединений как дополнения к существующим пехотным дивизиям и армейским корпусам.

Поскольку английские авторы стоят на точке зрения полной мотомеханизации армии, постольку они предусматривают создание не только мотомеханизированных дивизий, но даже корпусов и армий (Денинг, Фуллер).

Невозможность сочетания элементов максимальной мощности и максимальной подвижности в одном соединении приводит всех исследователей вопроса моторизации к убеждению необходимости создания двух основных типов мотомеханизированных соединений: легкой моторизованной дивизии (Фуллер, Денинг, Мартель, Камон, Аллео) — кавалерийской дивизии будущего — и тяжелой или ударной механизированной и мотомеханизированной дивизии (Фуллер, Денинг, Мартель, Аллео) — стрелковой дивизии будущего. На первую должны возлагаться задачи современной стратегической конницы: по розыску и разведке противника, рейды, служба подвижной завесы, преследование и роль подвижного резерва старшего начальника, а на вторую — основная задача разгрома противника, главным образом в наступательном бою, путем удара по флангу, а иногда и путем прорыва его фронта. Однако эта дивизия должна быть способна и к оборонительным действиям (удержание захваченного пространства до подхода главных сил армии). Мы полагаем, что подобная дифференциация мотомеханизированных соединений вполне разумна, так как здесь выражается стремление поднять маневроспособность механизиро-

ванных частей до технически возможных пределов. Необходимости в создании третьего типа дивизии — «легчайшей» дивизии преследования, как это предлагает сделать Фуллер, нет никакой.

Следует отметить, что «легкая мотомеханизированная дивизия» (кавалерия будущего) в тенденции имеется трех типов.

1. Английский тип механизированной легкой дивизии (Фуллер, Денинг), в которой боевой силой являются только танки, бронеавтомобили и артиллерия.

2. Английский тип мотомеханизированной легкой дивизии (полковник Мартель), в которой значительный удельный вес занимают моторизованные части (пулеметные, артиллерийские, специальные и даже конница).

3. Французский тип (Камон, Аллео) мотомеханизированной легкой дивизии, в которой основным боевым ядром является «легкая возимая пехота».

Необходимость пехоты для успешного действия всякого мотомеханизированного соединения доказана опытом английских, германских, американских маневров и признается ныне даже ультрамеханизаторами, но англичане отказались от нее ради увеличения подвижности в расчете, что легкая дивизия всегда будет действовать совместно с тяжелой, в которой она и найдет необходимую поддержку. Французы же вполне основательно рассматривают легкую мотомехдивизию как вполне самостоятельное соединение и поэтому оставляют в его составе подвижную пехоту.

Исходя из соображения не только географического порядка (пехотные районы), но из боевых (удержание важнейших пунктов местности, ликвидация противника, удерживающего местные предметы, непреодолимые для танков, и пр.), мы считаем более правильной французскую точку зрения *.

Переходя к структуре мотомеханизированного соединения, необходимо отметить, что, как и в обычном немоторизованном соединении, его состав должен подразделяться на три части: боевые силы, органы управления и служб, органы снабжения и подвоза.

1. Боевые силы должны включать:

а) Группу для розыска и разведки противника, для освещения местности и для обеспечения своих войск от внезапного нападения. Наличие достаточных и соответствующих разведывательных средств для мотомеханизированной части особенно важно: весь успех действия ее построен на хорошем ориентировании в обстановке и выборе

* Анализу организации легких моторизованных соединений автор посвятил соответствующую главу в труде «Организация конницы и легких мотомеханизированных соединений», изд. Огиз, 1931; здесь же будет разбираться только ударная дивизия.

благоприятного момента для атаки. Для этого необходимы особые подвижные части (более подвижные, чем она сама), заменяющие войсковую конницу и самокатчиков (броневики, танкетки, быстроходные легкие танки и пр.). Денинг сюда включает и авиацию, весьма необходимую мотомеханизированным частям.

б) Группу главного удара, названную Денингом «войсками ближнего боя»,— основное ядро боевых сил, сковывающих боем противника и наносящих ему сокрушительный удар. Эти части должны быть способны как к наступательным, так и к оборонительным действиям, иначе мотомеханизированное соединение не будет самостоятельным. Поэтому необходимо гармоническое сочетание оборонительных и наступательных требований в структуре мотомехсоединения, однако без ущерба основному его свойству — высокой подвижности. Для быстрого преодоления ружейного и пулеметного огня и проволоки необходимы танки как более экономное и решительное средство для атаки, нежели артиллерия. Поэтому танки наподобие пехоты в стрелковой дивизии должны являться основой организации, костяком всего мотомеханизированного соединения, все операции которого должны быть построены на скоротечности боя, что и могут дать танки.

Для преодоления сопротивления на участках, где не пройдут танки, нужна пехота; необходима она и для удержания захваченных важных пунктов и для очистки пространства от противника. В целях устранения несоответствия в подвижности пехоты и танков (1 : 6) необходимо, чтобы пехота была обязательно моторизована (всюдуходный транспортер) и даже защищена броней от огня противника (транспортные танки). Поэтому в состав группы должна войти столь же подвижная, как и танки, «возимая» пехота, транспортируемая на всюдуходных бронированных транспортерах, «транспортных танках» (Денинг, Лиддел-Гарт, Мартель, американская официальная точка зрения).

в) Огневую группу, названную Денингом «войсками прикрытия», содействующую дальним огнем штурмовой группе при выполнении ею задач и обеспечивающую ее от действия всех видов огня противника и атак с воздуха. Сюда войдут: артиллерия сопровождения (непосредственной поддержки и контрбатарейная), противотанковая артиллерия, станкопулеметные части, чрезвычайно важные зенитные и химические средства борьбы. При этом тяжелая артиллерия, как сильно уменьшающая подвижность, в состав мотомеханизированного соединения обычно входить не должна. Естественно, что все эти части необходимо законченно моторизовать и придать им быстроходность, соответствующую средней ско-

рости основной части мотомеханизированного соединения — штурмовой группы.

г) Вспомогательную группу, обеспечивающую беспрепятственность движения и маневра, маскировку и управление. Сюда войдут инженерные части и части связи, которые должны обладать также всюдуходным транспортом.

Только при наличии всех перечисленных средств, сведенных в той или иной пропорции, можно получить вполне самостоятельное мотомеханизированное соединение. Отказ от пехоты или артиллерии (легкие и легчайшие механизированные дивизии Фуллера) приводит к созданию соединения, не законченного в боевом отношении, нуждающегося в поддержке со стороны стрелковых или кавалерийских соединений. Но эта поддержка при огромной маневренности мотомехсоединения и возможности отрыва его от ядра армии (особенно если последнее немоторизовано) может своевременно не прибыть и тем поставить мотомехсоединение в тяжелое положение.

Необходимо отметить также, что боевая часть мотомехсоединения не может быть слабой, иначе она не будет давать решительных боевых результатов.

Мы решительно возражаем против идеи, что высшим мотомехсоединением должны быть мотомехбригады или мотомехполки, так как это значило бы вместо мощного молота, дробящего все на своем пути, создать сравнительно безобидную колотушку. Повторится та же ошибка, которую мы некогда совершили по отношению к коннице, распылив ее по армиям и даже дивизиям (первый период гражданской войны). Если же мотомехсоединение будет близким по своему составу современной пехотной дивизии, то оно не может быть, как правило, маршевой единицей, так как оно будет чрезвычайно громоздко и уязвимо с воздуха на марше (колонна с дистанциями до охраняющих частей до 60—70 км). Поэтому нормальной формой движения будет расчлененный порядок. Отсюда составные ее части — полки или бригады (не в названии дело) — должны быть вполне самостоятельны в маршевом и боевом отношениях, так как им всегда придется самостоятельно завязывать бой. Следовательно, бригады (полки) обязаны организационно включать все основные рода войск: танки, возимую пехоту, артиллерию, легкие подвижные части и инженерно-технические средства.

2. Органы управления мотомехсоединений ничем не должны отличаться от таких же органов в обычных современных соединениях. Необходимо лишь отметить чрезвычайную сложность управления мотомехсоединением, особенно таким крупным, как корпус, и почти полную неприменимость здесь средств проволочной связи. Тут возможна

связь исключительно при помощи механических повозок (мотоциклов, танкеток, авто), беспроволочного телеграфа и телефона, световая и главное при помощи самолетов связи. Все штабы взамен конского состава должны быть снабжены всюдуходными, защищенными броней легкими быстроходными машинами.

3. Правильно устроенный тыловой аппарат и налаженное снабжение для мотосоединения имеют более важное значение, чем для обычного соединения. Машины требуют огромного количества горючего, смазочных масел, ремонтных материалов и запасных частей. Они нуждаются в ремонте: из опыта мировой войны установлено, что около 10% машин при переходе даже в тылу по дорогам обычно выходят из строя; из них 2% требуют длительного капитального ремонта, а 8% двух — трехдневного ремонта (48 часов). В настоящее время конструктивные данные машин сравнительно улучшены, поэтому возможно ожидать меньшего процента выхода машин из строя (5—6%). Процент выхода из строя боевых машин в бою, конечно, может быть и более значительным, и заранее определить его трудно *.

Боевая моторизованная часть, двигающаяся без дорог и ведущая интенсивные бои, станет нести более серьезные потери и будет нуждаться в непрерывном притоке технического и боевого снабжения, от чего зависит в конечном счете ее оперативная подвижность. Поэтому тыловой аппарат и снабжение не должны быть тормозом, гирей на ногах моторизованного соединения. Тыл обязан обладать высокой гибкостью, маневренной подвижностью и боевой самостоятельностью, т. е. способностью «самоприкрываться», так как боевая часть мотомехсоединения будет так быстро менять свое положение, что часто тыл может быть открыт для ударов со стороны противника. Удачная же операция против тыла мотомеханизированной части может надолго вывести ее из строя.

Фуллер считает необходимым, чтобы каждая дивизия имела свою полевую самоприкрывающуюся подвижную базу на всюдуходных машинах, своего рода подвижную крепость, «моторизованный вагенбург»; прочие авторы (Денинг, Аллео и др.) не идут так далеко, как Фуллер, и ограничиваются необходимостью иметь обычный современ-

---

* При современных новейших танках и танкетках (например, английских) убыль для ремонта при непрерывных усиленных переходах (по 100 км в сутки) будет не менее 10—15% в день.

Убыль в броневых автомобилях во много раз меньше (в зависимости от конструкции).

ного типа моторизованный тыл, но с увеличенной растяжкой. Необходимо отметить, однако, что такой тыл, базирующийся на дорогу, будет сильно уязвим для авиации...

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫСШИХ МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫХ СОЕДИНЕНИЙ КОРПУСА И АРМИИ

1. **Мотомехкорпус.** Создание таких крупных мотомехсоединений, как корпуса, мыслимо лишь из нескольких мотомехдивизий, что требует чрезвычайно больших материальных ресурсов в виде нескольких сотен танков, многих тысяч специальных всюдуходных машин, большого числа технических средств (танки связи, дымометные и т. д.) и пр. Расходы на сформирование такого соединения достигнут уже минимум 100 млн. золотых рублей. Нечего говорить, что создание целой механизированной ударной армии по фуллеровскому образцу потребовало бы еще более грандиозных расходов (по расчетам Фуллера, стоимость одних только танков этой армии достигнет 200 млн. золотых рублей).

Однако необходимо отметить, что создание сильного кулака из 2 ударных и одной легкой мотомехдивизии представляло бы большие выгоды, чем расчлененное применение мотомехсоединений поодиночке.

С увеличением боевой мощи мотомехсоединения возрастала бы оперативная глубина его проникновения без опасения быть разбитым, возрастал бы в геометрической прогрессии эффект его действия.

По английским взглядам (Денинг, Фуллер), 2 ударные, так называемые тяжелые дивизии образуют корпус, причем, по взглядам Денинга, вся авиация (2 эскадрильи), все легкие подвижные части (1 быстроходный танковый батальон, 1 бронеавторота), вся зенитная (1 зенитная бригада) и вся тяжелая артиллерия (1 бригада средней артиллерии) изъяты из мотомехдивизий и переданы в состав корпуса.

Мы полагаем, что мотомехкорпус должен быть исключительно оперативным соединением, и поэтому дивизии, кроме штурмовой авиации, должны включать все разобранные выше боевые средства, как органически входящие в их состав. Корпус всегда будет действовать на широком фронте, тактическое взаимодействие корпусных средств с дивизиями осуществить будет трудно.

Мы считали бы, что для корпуса чрезвычайно необходимо иметь легкую мотомехдивизию в качестве средства оперативной разведки и преследования. Но полный отказ от пехоты в составе этого соединения с целью увеличить его подвижность слабо обоснован английскими авторами. Мотомехкорпус, по Денингу, включает в общей сложности: 24 батальона возимой пехоты, 2 пулеметных и 9 танковых батальонов,

1 роту бронеавтомобилей, 32 легких, 4 тяжелых и 4 зенитных батареи, 14 инженерно-технических рот и 2 авиаэскадрильи; корпус подобного состава почти вдвое сильнее по своей боевой мощи современного корпуса, а если учесть его более высокую подвижность, чем стрелкового корпуса (минимум в 3—4 раза), то боевую мощь мотомехкорпуса придется приравнять к целой армии из 3—4 корпусов.

Соотношение родов войск в составе мотомехкорпуса, по Денингу, будет следующим: пехота — около 44%, пулеметные части — около 4%, танковые и броневые части — 16,4%, артиллеристы — 15%, инженерно-технические части — 10%, авиация — около 1% и штабы и тылы — 9,6%.

Из этих цифр видно, что удельный вес пехоты в составе мотомехкорпуса весьма мало снижается по сравнению с современным пехотным корпусом: пехота по удельному весу остается основным родом войск в составе мотомехсоединения, в то время как танки являются костяком этого соединения, без которого оно теряет свою огромную боевую мощь.

2. **Мотомехармия.** Создание мотомехармии ставится ныне в Англии уже не в порядке теоретического абстрактного обсуждения, а как проблема, подлежащая практическому разрешению в ближайшее время. Правда, вопрос идет пока не о полной мотомеханизации армии Британской империи, а лишь о мотомеханизации так называемой «экспедиционной армии», мобилизуемой и отправляемой на театр войны в первую очередь.

Вопрос о мотомехармии ближайшего будущего наиболее реально ставит английский полковник Мартель. Он считает, что к 1935 г. Англия могла бы иметь более современную эпохе мотомеханизированную экспедиционную армию в составе 3 моторизованных пехотных и 1 механизированной кавалерийской дивизий.

Две из трех пехотных дивизий полумоторизованы: конная тяга всюду заменена мотором, пулеметы поставлены на пулеметовозы, но сама пехота не моторизована; одна дивизия полностью моторизована и усилена танковым батальоном, и, наконец, механизированная кавалерийская дивизия имеет лишь слабое ядро конницы (3 кавалерийских полка равны 6 сабельным эскадронам), а основой ее являются бронетанковые части: танки (6 батальонов в 312 легких танков), бронемашины (полк в 3 эскадрона и 34 бронемашины), пулеметовозы (3 эскадрона в 36 пулеметовозов), самоходная бронированная и возимая артиллерия (11 батарей в 68 орудий) и моторизованные специальные части (эскадроны, инженерный и связи). Кроме того, в этой армии должны иметься 2—3 батальона средних танков (104—156 танков), армейская артгруппа средней артиллерии в 2—3 бригады (8—12 батарей) и прочие армейские части и учреждения.

Идея организации такой армии идентична с идеей организации механизированных армий фуллеровского типа, заключающейся в том, что мотомехармия должна иметь три основных группы войск:

1) разведывательную, весьма подвижную группу, в данном случае механизированную кавалерийскую дивизию;

2) ударно-сковывающую группу — основное ядро армии, мощное по своей огневой силе; в данном случае 2 полумоторизованных пехотных дивизии, усиленные 2 батальонами средних танков и тяжелой артиллерией из армейского резерва;

3) маневренно-ударную группу для нанесения решающего удара по флангу и тылу скованного с фронта боем противника; в данном случае третья мотомеханизированная пехотная дивизия.

Впоследствии, конечно, полумоторизованные дивизии будут «домоторизованы» и насыщены танками, удельный вес которых в составе дивизии Мартеля слишком ничтожен, что мало соответствует современному этапу военного искусства.

Армию Мартеля следует рассматривать, как переходный тип; ее завершением будет более мотомеханизированная армия, приближающаяся в известной мере по своему облику к армии завершенного фуллеровского типа.

Ударная армия Фуллера, которую он предполагает иметь к 1946 г., должна состоять из:

1) корпуса в 2 тяжелых дивизии, составляющего сковывающую группу, основное ядро армии, принимающее на себя натиск противника и наносящее ему фронтальный удар;

2) 2 отдельных легких дивизий, составляющих так называемые крылья армии — органы оперативной разведки и обеспечения флангов армии, которые всегда будут открыты;

3) 1—2 ударных высоко подвижных дивизий, составляющих резерв армии для нанесения решительного флангового удара и для оперативного преследования разбитого противника;

4) передовой базы армии, представляющей своеобразную подвижную крепость, питающую полевые базы дивизий.

Эту схему, конечно, без особого ущерба можно было бы упростить путем унификации легких и легкоударных дивизий.

Будет ли существовать такая армия? Нельзя ответить на этот вопрос отрицательно.

Что значит в условиях будущей войны затрата в $^1/_2$ млрд. рублей для формирования такой армии, если средние годичные расходы только на артиллерийские снаряды во французской армии во время войны 1914—1918 гг. достигли грандиозной цифры почти в $2^1/_2$ млрд. рублей?

Английский империализм, опираясь на своих вассалов, которые предоставят ему пушечное мясо в виде массовой армии, может усилить эту армию своей закованной в броню профессиональной армией.

Мы должны быть готовы к встрече с таким противником, имея в будущем мотомеханизированную ударную группу для активной борьбы с мотомехчастями противника. Тогда техника, помноженная на революционно-классовую сознательность наших бойцов, даст более легкую победу нашей славной Красной Армии.

(С. Н. Красильников. Организация крупных общевойсковых соединений. Госвоениздат, М., 1933, стр. 257—280, 310—312.)

ОПЕРАТИВНОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ АРМИИ В НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Печатаемый ниже раздел взят с некоторыми сокращениями из труда «Наступательная армейская операция», изданного Академией Генерального Штаба в 1940 г. Этот труд посвящен исследованию вопросов формирования, сосредоточения и оперативного развертывания армии в различных условиях стратегической обстановки.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ

Начальный период войны не является ныне [116]) подготовительным этапом войны, так как **подготовительным этапом становится предвоенный более или менее длительный период,** в который могут быть проведены полностью или частично все мероприятия, ранее составлявшие содержание начального периода войны.

Начальный же период войны будет ныне, как правило, периодом первых интенсивных операций боевой авиации, морских сил и той части наземных сил, которые будут подготовлены к моменту открытия военных действий...

Начальный период непосредственно и постепенно перерастает в период главных операций, а грань между этими периодами стирается.

В чем же отличие начального периода войны от последующих? Главным образом в том, что в зависимости от политической обстановки более или менее значительная часть мероприятий, имеющих очень важное значение для начала и хода решительных военных действий, падает на этот период, совмещаясь и переплетаясь с боевыми операциями иногда весьма решительного характера...

Как свидетельствует опыт войн, начиная с первой мировой войны, первоначальное стратегическое сосредоточение и

развертывание вооруженных сил, особенно для страны, подвергшейся внезапной агрессии, является острейшей проблемой. Упреждение противника в сосредоточении и развертывании приобрело теперь (1939—1940 гг.) во много раз большее стратегическое значение, чем это было до 1914 г. Тогда опаздывание в развертывании можно было парализовать путем отнесения фронта сосредоточения и развертывания назад, при этом каждые 20—25 км такого отодвигания в глубину давали выигрыш по меньшей мере в одни сутки...

В современных условиях отнесение сосредоточения назад не обеспечивает возможности его беспрепятственного осуществления. Простое отнесение развертывания назад не спасает положения ныне потому, что моторизованные армии 1939—1940 гг., как говорит опыт войны, способны преодолевать столь огромные пространства в такой краткий срок, что пришлось бы лишиться сразу без борьбы чудовищно больших территорий. Так, например, наша Красная Армия при освобождении Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 г. в течение четырех дней (с 17.9 по 20.9) прошла 200—250 км и за шесть дней достигла р. Зап. Буг, продвинувшись на 300 км.

Следовательно, чтобы обеспечить себе возможность сосредоточиться и развернуться, **нельзя уклоняться от сражения, а надо быть готовым сразу же драться с противником в воздухе и на земле...** Для обеспечения успешного ведения такой борьбы необходимо предусмотреть и заблаговременно провести ряд важных мероприятий... Упреждение противника в сосредоточении всегда давало возможность главному командованию **захватить оперативно-стратегическую инициативу с самого начала войны...**

Поэтому весь период сосредоточения вооруженных сил, как правило, будет заполнен **ожесточенной борьбой воюющих сторон за право развертывания.**

Прежде всего в действие вступит боевая авиация той стороны, которая возьмет на себя инициативу открытия военных действий...

Так, фашистско-германская авиация 1 сентября 1939 г., используя свое более чем двойное превосходство, начала германо-польскую войну массовым вторжением, направив свои удары главным образом по польским авиагарнизонам, аэродромам, по железнодорожным узлам, имевшим важнейшее значение для стратегических перевозок польской армии...

Затем крупные танковые соединения, усиленные моторизованными и легкими (кавалерийскими) дивизиями при содействии стрелковых соединений, как свидетельствует опыт начала второй мировой войны, могут предпринять попытки прорыва с целью проникнуть к выгрузочным районам и даже в тыл им и дезорганизовать сосредоточение...

Очевидно, что такое беспрепятственное хозяйничание в оперативном тылу противника высокоподвижных групп вторжения, какое имело место во время германо-польской войны со стороны германских танковых корпусов Гудериана и Гота, при борьбе двух равноценных противников вряд ли будет иметь место...

Эти высокоподвижные соединения притянут на себя такие же подвижные соединения противной стороны. В результате могут **завязаться в известных условиях серии напряженных боев и даже сражений крупных высокоподвижных соединений,** поддержанных массами боевой авиации... Танковое сражение постепенно может перерасти в сражение передовых эшелонов фронта...

Необходимо, однако, помнить, что боевые действия армиями, не закончившими своего сосредоточения, крайне рискованны. Одной из причин тяжелых неудач наступательных действий 1-й и 2-й армий Северо-западного русского фронта в августе 1914 г. было форсирование сроков наступления неготовыми армиями. С другой стороны, армии, уже сосредоточенные, держать в бездействии стратегически крайне нецелесообразно...

ОПЕРАТИВНОЕ СОСРЕДОТОЧЕНИЕ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ АРМИИ ДЛЯ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ

Оперативное сосредоточение армии — это сбор новых сил на каком-либо избранном оперативном направлении в соответствии с оперативно-стратегическим маневром, намеченным высшим командованием.

Оперативное сосредоточение неразрывно связано, как правило, с оперативными перевозками, завершающим актом которых, по существу, оно является. С другой стороны, сосредоточение и последующее оперативное развертывание армии являются начальным этапом новой армейской операции. Из этого не следует, что всякой новой армейской операции должно предшествовать оперативное сосредоточение. Если армейская операция проводится на том же самом операционном направлении с теми же силами, то никакого сосредоточения армии в этом случае не будет, так как в этом нет нужды. Не будет сосредоточения и в том случае, если армия вынуждена будет изменить операционное направление своих действий, но никаких дополнительных сил не получит. В этих случаях будет проведена оперативная перегруппировка сил и новое оперативное развертывание армии, при которых общевойсковые соединения, как правило, минуя этап оперативного сосредоточения, займут свое место в новом оперативном построении армии на новом исходном для наступления рубеже...

Группировка сил сосредоточиваемой армии в намечен-

ном районе в значительной мере влияет на последующее оперативное развертывание ее, т. е. на исходную оперативную группировку сил армии для наступления и осуществления предполагаемого маневра. Поэтому она должна обеспечивать в максимальной степени оперативную гибкость при осуществлении оперативного развертывания.

Исходя из этого группировка сил армии при оперативном сосредоточении не должна иметь случайного, произвольного характера. В ней должна быть заложена известная оперативная идея... Оперативное сосредоточение армии может проходить при наличии впереди уже занятого войсками рубежа и при отсутствии его.

Сосредоточение армии при отсутствии сплошного фронта прикрытия является наиболее сложным и критическим периодом для нее, так как в течение довольно продолжительного срока силы сосредоточиваемой армии, как правило, разбросаны: часть сил находится впереди, осуществляя задачу прикрытия района сосредоточения, часть сил в процессе выгрузки, большая или меньшая часть сил разбросана в эшелонах по железным дорогам, в автомобильных или маршевых колоннах, следующих из районов прежнего расположения или районов погрузки. В этот период армия в целом не готова к сражению, хотя и имеет все необходимое для боя в случае крайней необходимости.

Быстрота и скрытность сосредоточения армии является задачей первостепенной важности, так как они затрудняют противнику предпринимать оперативный контрманевр, а стало быть, обеспечивают нам захват оперативно-стратегической инициативы.

Однако эти два требования, как правило, будут находиться во взаимном противоречии, так, например, быстрота будет требовать усиленных железнодорожных перевозок и маршей армии в дневное время, в то время как это находится в явном противоречии со скрытностью сосредоточения. Поэтому при решении вопроса о порядке сосредоточения армии следует взвесить, какой элемент — быстрота или скрытность—является решающим в данных оперативных условиях.

По завершении оперативного сосредоточения армия еще не готова для вступления в сражение, так как она не заняла исходного положения для боевых действий и не приняла оперативного построения в соответствии с оперативным маневром, намеченным по плану операции. Занятие армией исходного положения в определенном, соответствующем идее предстоящего маневра оперативном построении, на определенном избранном рубеже носит наименование **оперативного развертывания армии.** Процесс оперативного развертывания армии заключается в том, что все составные части ее (стрелковые корпуса, танковые бригады, части усиления армии,

авиация) занимают свое место в общей ее группировке. Рубеж, на котором развертываются силы армии, называется фронтом оперативного развертывания армии...

Только по завершении оперативного развертывания армия полностью готова к вступлению в сражение. Поэтому исключительное значение для армии имеет беспрепятственное и планомерное проведение оперативного развертывания вне боевого воздействия наземных сил противника.

Оперативное сосредоточение армии, как правило, является проблемой транспорта (железнодорожного, автомобильного). Это не исключает, однако, возможности сосредоточения и маршевым порядком (например, 5-я и 9-я русские армии в 1914 г. на Средней Висле)... Оперативные перевозки при сосредоточении армии могут производиться:

а) по железным дорогам, являющимся главным средством для оперативных перевозок;

б) автотранспортом;

в) комбинированным способом, т. е. по железной дороге до конечных железнодорожных станций и автотранспортом (для удлинения железнодорожных перевозок или для обхода разрушенных авиацией противника участков железнодорожного пути).

Обе империалистические мировые войны, а также войны в Испании и Китае показали жизненность всех видов оперативных перевозок...

Организация оперативных перевозок есть вопрос не технический, а сугубо оперативный, так как с помощью их регулируется последовательность накопления сил и средств армии в период ее оперативного сосредоточения...

Если сосредоточение армии проводится при необеспеченном или слабо прикрытом фронте, то в первую очередь необходимо подвести войска, предназначаемые для обеспечения безопасности прибывающих главных сил армии...

Ширина фронта сосредоточения армии может быть значительно шире фронта ее оперативного развертывания, так как при оперативном сосредоточении армии в целях его ускорения стремятся использовать для перевозок возможно большее число железнодорожных линий и автострад (шоссе), удаление которых одна от другой и определит фронт сосредоточения армии. Даже в условиях густо насыщенного железными дорогами Западно-европейского театра (например, Франция) армия в составе 8—9 пехотных дивизий с соответствующими средствами усиления, по расчетам французского автора Кюльмана, занимает район сосредоточения по фронту 60—80 км.

Район сосредоточения армии может находиться либо впереди, либо в стороне от районов выгрузки; в маневренной войне в целях ускорения развертывания армии могут

быть случаи, когда части из районов сбора будут направляться прямо на фронт развертывания армии, где, по существу, и будет проводиться постепенное оперативное сосредоточение армии.

В этом случае процессы оперативного сосредоточения и развертывания армии сливаются в один длительный по времени этап, и момент окончания сосредоточения будет одновременно и моментом окончания оперативного развертывания армии. Примером такого оперативного сосредоточения и развертывания может служить 9-я германская армия, развертывавшаяся в Верхней Силезии в сентябре 1914 года.

Оперативное развертывание армии может либо совмещаться с передним краем района сосредоточения армии, что будет редким явлением, либо находиться впереди района сосредоточения...

Основным критерием в решении этого вопроса, как говорит опыт прошедших войн, является соображение по обеспечению беспрепятственного и планомерного оперативного развертывания главных сил сосредоточиваемой армии и возможность избежать преждевременного втягивания их в сражение с противником...

При наличии устойчивого фронта (укрепленный район, сплошной фронт и т. п.), при возможности быстрого сосредоточения армии (высокие темпы оперативных перевозок), неготовности противника к активным действиям районы сосредоточения и фронт развертывания армии могут выноситься возможно далее вперед. При обратном положении оно должно относиться назад настолько, чтобы противник своими **главными силами** не смог прорваться к району сосредоточения армии ранее его завершения, а также не мог упредить армию на рубеже ее оперативного развертывания и этим поставить ее в трудные условия завязки сражения до принятия ею окончательного оперативного построения. В этом случае армии пришлось бы сочетать оперативное развертывание с вступлением в сражение...

Уязвимость армии в процессе оперативного сосредоточения, необходимость скрыть от наземной разведки противника сосредоточиваемые силы, необходимость обеспечить их от преждевременного втягивания в сражения по частям в условиях отсутствия впереди боевого фронта, обеспечивающего от прорыва значительных сил противника в район сосредоточения армии, требуется прикрытие оперативного сосредоточения армии, которое организуется обычно высшим командованием...

Такой случай будет иметь место при сосредоточении армии на свободном оперативном фланге или в оперативном разрыве между двумя группировками войск...

При оперативном сосредоточении армии весьма частым

будет случай, когда само армейское управление с каким-то количеством сил будет находиться на месте (например, слабая, неударная армия), а основные силы ее будут сосредоточиваться у нее в тылу. В этом случае роль прикрывающих частей будут выполнять соединения, находящиеся на фронте усиливаемой армии. Перевозимые и вновь включаемые в состав армии соединения и отдельные части обычно выделяются из состава других армий, с пассивных или второстепенных участков фронта, из резервов (оперативных, стратегических, вновь сформированных соединений).

Армейское управление может быть также снято с какого-либо пассивного участка фронта с передачей оставшихся на этом участке сил другим соседним армиям либо оно будет выделено из резерва главного командования. Из этого следует, что **процесс формирования сосредоточиваемой армии** может протекать различно:

а) за счет вновь прибывающих армейских управлений и соединений своих и передаваемых из других армий. В этом случае нарастание сил армии идет постепенно, иногда от нуля;

б) за счет вновь прибывающего армейского управления, выделяемых на месте общевойсковых соединений из состава соседних армий (1—2 корпуса), образующих ядро новой армии и осуществляющих прикрытие сосредоточения дополнительных сил. Затем осуществляется подвоз новых соединений из глубины или с других участков фронта;

в) за счет имеющейся на месте армии слабого состава и прибывающих из других армий и из резервов соединений и частей усиления;

г) за счет оперативной переброски целой армии, что является более редким случаем, так как снять с фронта армию в полном составе будет трудно, а в резерве, т. е. в глубине, держать целые армии едва ли будет возможно.

Особое значение в период сосредоточения и развертывания армии имеют меры по оперативному сокрытию их. Внешние признаки на фронте и в полосе сосредоточиваемой армии не должны обнаруживать никаких перемен, заметных для противника, а именно:

1) воздушная разведка должна вестись с обычной интенсивностью и в тех же направлениях;

2) дивизии, находившиеся на фронте, ни в коем случае не сменяются новыми вплоть до окончания оперативного развертывания;

3) радиообмен сохраняется обычный и может применяться иногда радиообман противника (дезинформация правдоподобного характера);

4) сохраняется секретность предстоящей операции от войск и в штабах (сосредоточение под видом предстоящей смены войск на фронте и т. п.);

5) осуществление всех перегруппировок и передвижений только ночью, постепенно, по частям, небольшими колоннами;

6) организуется оперативный обман противника путем создания ложного представления о пребывании войск в прежних районах и сокрытия подлинного расположения войск и ряда других мер маскировки;

7) исходное для наступления положение занимается не ранее, чем накануне дня наступления.

ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНОГО СОСРЕДОТОЧЕНИЯ И РАЗВЕРТЫВАНИЯ АРМИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ В ОТЛИЧИЕ ОТ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

В маневренный период первой империалистической войны 1914—1918 гг. и в гражданской войне в России 1918—1920 гг. сосредоточение армий в новом районе и оперативное развертывание их было весьма частым явлением (в обоснование этого автор дает многочисленные исторические примеры)...

Характерным для всех сосредоточений этих войн является почти полная беспрепятственность и планомерность их проведения, если район сосредоточения армии не избирался так неудачно, что он оказывался заведомо под ударом наступающего противника, как это было с 6-й французской армией на Сомме в августе 1914 г.

В то время противники еще не располагали боевыми средствами воздействия по сосредоточивающейся армии, как это имеет место теперь. Попытки немецкой авиации остановить или хотя бы замедлить сосредоточение французских армий во время весеннего наступления немцев в 1918 г. не увенчались успехом, так как бомбардировочная авиация в то время была еще слишком слаба как качественно, так и количественно. Стратегическая конница, несмотря на свою многочисленность и подвижность, не могла предпринимать операции по срыву оперативного сосредоточения армии противника даже в маневренный период войны 1914—1915 гг., так как она в огневом отношении была чрезвычайно слаба и поэтому сравнительно легко задерживалась войсками, обеспечивающими сосредоточение.

Совершенно иная обстановка для сосредоточения и оперативного развертывания армии создается теперь [117]).

Боевая авиация противника может оказать решающее влияние на ход оперативного сосредоточения армии вплоть до **полного срыва оперативных перевозок ее.** Для этого противнику вовсе не надо иметь слишком большие воздушные силы — надо иметь всего не более 2—3 бомбардировочных или штурмовых авиаполков на каждое железнодорожное на-

правление и примерно столько же для срыва оперативных автоперевозок на каждую автоколонну...

Поэтому первостепенной задачей высшего и армейского командования является обеспечение оперативных перевозок и районов выгрузки армии сильной истребительной авиацией, способной вести успешную борьбу с боевой авиацией противника... Наиболее надежное средство обеспечить беспрепятственность своих оперативных перевозок — это подавление боевой авиации противника на ее аэродромах и в воздухе. Для этого требуется предварительная организация со стороны высшего командования воздушной операции по захвату хотя бы временного господства в воздухе...

Район оперативного сосредоточения и районы выгрузки войск армии должны обеспечиваться армейским командованием в отношении ПВО.

Современные **высокоподвижные соединения** — танковые, моторизованные и модернизованная конница — имеют оперативно иные боевые качества, нежели единственный представитель таких соединений в 1914 г. — довоенная конница. Помимо высокой подвижности, они приобрели большую ударную, «пробивную» способность. Собранные в массе, они могут смять и даже уничтожить слабые части прикрытия сосредоточиваемой армии, вторгнутые в район ее сосредоточения и даже в районы выгрузки войск.

Поэтому оперативное сосредоточение армии, если оно проводится не под прикрытием организованного и прочно занятого фронта, должно по возможности обеспечиваться сильным естественным противотанковым рубежом и достаточно сильным прикрытием, обильно оснащенным средствами ПВО и инженерными войсками для организации службы заграждения. Кроме того, сосредоточиваемые войска должны быть укрыты в естественных танконедоступных районах, где они организуют систему ПТО...

Высокий уровень моторизации современных армий делает весьма реальной угрозу **внезапного** и быстрого появления вблизи района сосредоточения армии также крупных общевойсковых соединений противника, предназначенных для срыва планомерности нашего оперативного сосредоточения свежих сил, если оно обнаружено противником.

Поэтому высшее командование, предпринимая оперативное сосредоточение новой армии на направлении, не обеспеченном сплошным боевым фронтом, обязано поставить под тщательное наблюдение все подходы со стороны противника к району сосредоточения свежих сил и зарезервировать достаточные силы боевой авиации (штурмовой, бомбардировочной, истребительной) для того, чтобы в первую очередь обрушить ее удар по автоколоннам противника, нацеленным против сосредоточивающейся армии...

В целях оперативной маскировки все перемещения войск армии в район сосредоточения должны проводиться по возможности **только ночью**, а днем должен проводиться строгий режим в районах размещения войск...

Исходя из опыта первой мировой и гражданской войн оперативное сосредоточение общевойсковой армии может иметь следующие формы:

а) **Оперативное сосредоточение армии на открытом стратегическом фланге.** Это сосредоточение и развертывание проводилось при слабом обеспечении с фронта частями прикрытия (обычно конницей и отдельными, часто второсортными войсками — территориальными, ландштурмом, ополчением)...

Этот вид оперативного сосредоточения наиболее труден, особенно в современных условиях. Он требует исключительной мобильности и выдержки в использовании сосредоточиваемых сил армии.

б) **Оперативное сосредоточение армий в оперативном разрыве между другими армиями.** Этот разрыв может образоваться либо вследствие расхождения соседних армий, либо в ходе операций в результате оперативного прорыва противником нашего фронта. Сосредоточение армии в оперативном разрыве группировки войск наряду с общими чертами развертывания на открытом фланге имеет то отличие, что оно проводится почти всегда под прикрытием более или менее значительных сил соседних армий, выдвинутых в разрыв, а при прорыве противником фронта это будут те или иные остатки разбитой армии...

в) **Оперативное сосредоточение армии под прикрытием более или менее стабильного сплошного фронта.** Это наиболее частый случай оперативного сосредоточения армии, особенно в условиях позиционной войны или стабилизации стратегического фронта (далее приводятся многочисленные исторические примеры из первой мировой и гражданской войн). Эта форма сосредоточения наиболее проста с точки зрения обеспечения и проведения, но ввиду изученности нашего положения противником при длительном боевом соприкосновении она очень сложна в отношении сокрытия сосредоточения сил армии, так как малейшее изменение в группировке сил на фронте и в оперативном тылу сигнализирует противнику о нашей подготовке. Преждевременное открытие противником сосредоточения вызывает немедленные контрмеры и ведет, как показала практика, к безусловной неудаче в последующей операции...

(С. Н. Красильников. Наступательная армейская операция. М., 1940 г.)

* * *

Е. А. ШИЛОВСКИЙ

Евгений Александрович Шиловский *(1889—1952), генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор Военной академии Генерального Штаба, член КПСС с 1943 г. В 1917 г. окончил Академию Генерального Штаба старой русской армии. Участник первой мировой войны. В Советской Армии с августа 1918 г. Во время гражданской войны был начальником штаба 16-й армии. С октября 1928 г. по февраль 1931 г. был начальником штаба Московского военного округа. Затем на научно-педагогической работе в Военной академии Генерального Штаба.*

Основные труды. *«На Березине. Действия XVI армии в 1920 г.», 1928; «Контрнаступление Красной Армии в Белоруссии», 1940.*

ОПЕРАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА ВОЙНЫ

Ниже публикуется часть статьи Е. А. Шиловского «Начальный период войны», помещенной в журнале «Война и революция» в 1933 г. В этой статье автор рассматривает начальный период войны с оперативной точки зрения.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Под начальным периодом войны обычно понимают отрезок времени от начала военных действий до сосредоточения и развертывания основной массы вооруженных сил.

История последних войн указывает нам, что в недавнем прошлом начальный период войны возникал с объявлением мобилизации вооруженных сил и заканчивался с приступом к первым решительным операциям, с началом больших пограничных сражений.

Начальный период войны можно рассматривать с различных точек зрения. Возможно исследовать *тактические* формы действий войск прикрытия, которые будут иметь свои особенности в отношении ширины фронтов, меньшей огневой насыщенности, большей возможности выполнения тактических маневров, применения подвижной обороны и т. д. Допустимо говорить о начальном периоде войны в *оперативном* разрезе, с точки зрения методов и форм выполнения тех оперативных задач (например, действий пограничных корпусов по

обеспечению сосредоточения и развертывания войск на данном театре и их взаимодействия с прибывающими из глубины страны войсками), которые встают перед армейским и фронтовым командованием. Наконец, можно подходить к оценке начального периода войны с широкой *политико-стратегической* точки зрения, охватывающей проблему ведения войны в целом.

Основным стержнем последующего изложения является рассмотрение начального периода с оперативной точки зрения; однако для правильного понимания существа дела придется по временам выходить за эти рамки, захватывая некоторые вопросы более широко...

...Начальный период войны в настоящее время может протекать в самых различных формах. Следует быть готовым к этому.

ОПЕРАЦИИ НАЧАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Стратегические и оперативные доктрины наших возможных противников отводят большое место *самостоятельным действиям воздушных сил* с первых же моментов начала военных действий.

Цель этих действий — срыв мобилизации и сосредоточения противника, подавление его воздушных сил, действия против промышленных центров, крупных узлов путей, электроцентралей, политических центров и т. п. Пока не развернутся сухопутные армии, основная масса авиации, по взглядам большинства зарубежных авторов, объединяется в руках главного или фронтового командования и наносит мощные сосредоточенные удары на большую глубину.

Широкая воздушная война становится в порядок дня. Империалисты стремятся с первых моментов начала войны произвести воздушные вторжения на больших радиусах (500 км и более в зависимости от расположения объектов для действий). На «гуманность» их рассчитывать, конечно, не приходится. Наоборот, их воздушные флоты будут стремиться разрушить, сжечь, отравить промышленные районы, политические центры, важнейшие узлы путей — словом, уничтожать все, что имеет то или иное оборонное значение и доступно налетам авиации.

В капиталистических армиях с каждым годом все большее и большее внимание уделяется подготовке к подобным самостоятельным воздушным операциям на предельную глубину. Создаются отдельные воздушные армии (Италия, Франция), разрабатываются доктрины самостоятельных воздушных операций (Дуэ и его последователи — в Италии; Сект, Гельдерс и др. — в Германии; ряд английских авторов; Абжелтовский и др. — в Польше). Производится тренировка

в перелетах авиационных соединений из одной части света в другую. Даже Франция, которая ранее занимала колеблющееся положение в этом вопросе, отводя основное внимание взаимодействию воздушных сил с наземными войсками и морским флотом, в последнее время сделала значительный сдвиг в сторону признания самостоятельных воздушных операций: создание воздушной армии — статьи генерала Арманго в конце 1932 г. являются свидетельством этого.

Организация самостоятельных воздушных операций, которые лишь в общестратегическом масштабе связаны с действиями наземных войск, составляет особую и очень важную тему. Здесь же мы ограничиваемся в основном оперативными рамками; поэтому, отметив их важную роль в будущей войне, переходим к рассмотрению операций начального периода, проводимых наземными войсками и взаимодействующей с ними авиацией.

В общеоперативном масштабе начальный период войны характерен тем, что главная масса вооруженных сил обеих сторон еще не готова к решительным столкновениям и в непосредственной близости друг к другу находятся относительно немногочисленные войска прикрытия, выполняющие задачу обеспечения сосредоточения армии или группы армий в данном районе...

Сейчас обстановка начального периода войны будет, как уже выше говорилось, резко другой, и этот период может протекать в самых разнообразных формах. Рассмотрим наиболее интересный в оперативном смысле случай, когда начальный период протекает напряженно и бурно, когда мобилизация, сосредоточение и развертывание происходят в возможно короткие сроки.

Воюющие стороны имеют полную возможность не допустить беспрепятственной высадки войск противника в намеченных ими по плану сосредоточения районах и не позволить спокойно занимать исходное положение. Мотомеханизированные соединения и конница с первых часов военных действий попытаются вторгнуться на территорию противника и нарушить его мобилизацию и сосредоточение. Взаимодействующая с войсками авиация, которая будет бомбардировать наиболее уязвимые объекты на железных дорогах в тылу противника, устраивать крушения эшелонов на перегонах, высаживать десанты для захвата и разрушения важных пунктов, зачастую помешает производить выгрузку войск на заранее намеченных по плану сосредоточения станциях. Потребуются большая гибкость и умение маневрировать станциями высадки, выгрузочными районами, районами сбора, чтобы не сорвать плана сосредоточения, выдержать его основную линию. В отдельных случаях обстановка может сложиться и так, что придется изменять районы сосредоточения целых

армий. Понятно само собой, насколько важным и ответственным является подобное мероприятие...

Вместо отдельных столкновений в сравнительно узкой приграничной полосе, что наблюдалось в войну 1914—1918 гг., в будущей войне ожесточенная борьба, рассматриваемая даже только в пределах оперативных рамок, не говоря уже о стратегических, развернется с первых часов военных действий на большем пространстве театра военных действий по фронту, в глубину и в воздухе. «Границы между фронтом и тылом будут все более и более стираться»,— указывает VI конгресс Коминтерна.

Обе борющиеся стороны будут стремиться всемерно задержать, спутать мобилизацию и сосредоточение сил противника, разведать группировку его войск и одновременно с этим прикрыть, обеспечить, ускорить свою мобилизацию и сосредоточение, скрыть их от разведки противника. Исход этой борьбы наложит резкий отпечаток на характер первых операций, на ту обстановку, в которой они будут протекать.

Нам представляется, что оперативные действия Красной Армии в начальный период войны должны исходить из следующих основных предпосылок:

а) революционно-классовый характер войны;

б) развертывание армии, технически оснащенной по-современному;

в) смелые и решительные действия по уничтожению вооруженных сил классовых врагов;

г) стремление провести войну на территории страны, первой поднявшей против нас оружие.

При этом следует рассчитывать не на молниеносный разгром армий классовых врагов, а готовиться к упорной и ожесточенной борьбе, которая даст нам окончательную победу.

В поисках правильной оперативной линии в начальный период войны в зарубежной военно-научной литературе наметилось несколько течений. Я остановлюсь на двух характерных из них.

Первая точка зрения делает основной расчет на старые рода войск и на массовую мобилизованную армию. Участь главных операций и всей войны решит миллионная армия, которую нужно еще отмобилизовать и развернуть. Начальный период сам не будет иметь решающего значения — его роль вспомогательная, служебная в смысле результатов непосредственных боевых действий.

Произвести вторжение на территорию противника желательно, но следует помнить, что конница, мехсоединения, авиация будут необходимы в решительных сражениях. Поэтому не следует изматывать их в начальный период.

Главное же внимание нужно обратить на то, чтобы обеспечить себя войсками прикрытия с фронта, вести борьбу с

авиацией противника на земле и в воздухе и с попытками вторжения неприятельской конницы и мехчастей.

Отсюда вытекают состав и характер действий войск прикрытия:

а) Пограничные войска (в основе стрелковые дивизии с приданной техникой), опирающиеся на систему укрепленных районов и естественных рубежей.

Во взглядах на характер долговременных укреплений в приграничной полосе есть существенные различия в зарубежных армиях. Наиболее развитую систему имеет Франция на своей восточной границе, на осуществление которой было ассигновано еще в 1926 г. 500 млн. рублей. Французская система состоит из непрерывного барьера, образуемого укрепленными районами, укрепленными полосами, районами намеченных заграждений и подготовленными полями сражений. Польская мысль, приближающаяся в принципе к французским взглядам, однако, должна в первую очередь считаться с обширностью фронтов на востоке и гораздо меньшими ресурсами. Поэтому она идет по пути поддержания существующих укреплений и постепенного создания новых на важнейших участках.

б) Метод действий — оборона на широком фронте с искусным маневрированием, используя хорошие знания местных условий и инженерную подготовку. Где нужно — ограниченные наступательные операции с целью захвата рубежей или районов неприятельской территории, выгодных для развертывания главных сил.

Хорошо подготовившись, сосредоточившись и развернув массовую армию, переходить в решительное уничтожающее наступление.

В этом построении есть большая доля истины и разумной предусмотрительности, но все же в целом в таком виде это — лишь итог опыта мировой войны, это уже *вчерашний день,* который недоучитывает революционно-классового характера будущей войны и новых технических средств.

Вторая точка зрения резко отличается от первой. Она исходит из того, что новые рода войск и новые технические средства (авиация, мотомехсоединения, механизированная конница и другие средства поражения), которые могут быть введены в действие с первых моментов войны, представляют настолько мощное оружие и могут настолько сильно потрясти противника, что результат их действий скажется решающим образом на ходе последующих операций и возможно даже на исходе войны. Поэтому операции начального периода приобретают не второстепенное, а весьма важное и ответственное значение. Поэтому можно и должно смело использовать новые рода войск полностью с

самого начала войны для стремительного наступления и удара, пока еще не собрались войска противника.

По этой схеме основная масса авиации, объединенная в руках главного и фронтового командования, наносит глубокие и мощные удары, высаживает авиадесанты, срывает мобилизацию и сосредоточение и потрясает тыл страны.

Конница и мотомехсоединения вторгаются на предельную глубину, дезорганизуют развертывание армии, заставляют относить его в тыл страны, производя его в неблагоприятных условиях, захватывают важные рубежи и районы, громят склады и центры управления, совместно с высаженными десантами создают крайне напряженную обстановку в тылу противника.

За этим первым эшелоном, который вторгается на территорию противника, развертывается сухопутная армия, но не по государственной границе, а на захваченных рубежах, и, поскольку армия и страна противника уже деморализованы, она своим быстрым наступлением довершает его разгром.

В таком аспекте, в своем развернутом виде это — схема *завтрашнего дня,* хотя по своим основным тенденциям она в значительной степени годится и на сегодня при условии реального учета соотношения сил и возможностей обеих сторон.

Современные оперативные доктрины наших возможных противников в той или иной степени отражают различные элементы из двух изложенных точек зрения в зависимости от их политико-экономического и военного положения.

Довольно подробное освещение дает французская военная литература, где этот вопрос находит следующее разрешение. В введении к французскому Временному наставлению по тактическому применению крупных соединений (дополнение 1930 г.) говорится:

«Современное военное положение в Европе позволяет предвидеть, что в начале войны наличные силы будут состоять из немногочисленных армий, предназначенных для обеспечения всеобщей мобилизации у себя или для затруднения таковой у противника. Эти армии будут призваны маневрировать на свободных пространствах».

По взглядам ряда французских авторов вырисовывается следующая возможная схема операций начального периода на франко-германском театре:

а) Быстрое вторжение на территорию противника армии прикрытия, предшествуемой и поддерживаемой воздушными дивизиями. Использование авиации мыслится не только для бомбардировочных действий, но и для «перепрыгивания через фронт» (генерал Шаллеа) путем производства тактических и оперативных десантов.

б) Это вторжение имеет задачей: воспрепятствовать мобилизации в пограничной полосе, затруднить мобилизацию во всей стране противника и препятствовать сосредоточению его армии.

Далее — занять рубеж, удобный как для развития последующего наступления в глубь неприятельской страны, так и для обеспечения своей территории, и удерживать этот рубеж до сосредоточения главных сил мобилизуемой массовой армии.

в) Мобилизация и сосредоточение к границе армии прикрытия производятся за несколько дней до начала военных действий. С началом военных действий 2—3 кавкорпуса с мотомехчастями вторгаются на территорию противника, поддерживаемые воздушными дивизиями. Сбивая войска прикрытия, вторгнувшиеся части продвигаются к концу первого дня на удаление до 100 км от государственной границы.

г) Другие воздушные дивизии подвергают бомбардировке узлы сообщения и важные центры в неприятельском тылу (300—500 км).

д) Если противник сумеет все же сосредоточить часть войск и повести успешное контрнаступление превосходными силами, то вторгнувшиеся войска, переходя к обороне, в крайнем случае применяют замедленный отход с маневром при темпе отхода 10—15 км в сутки.

е) Вслед за первым эшелоном (авиация и мотомехконница) начинается выброска вперед на автомобилях пехотных дивизий. В случае сильного нажима неприятеля на конницу пехдивизия располагается в 20—25 км за конницей, чтобы иметь не менее 1 суток на укрепление позиции. Конница и мотомехсоединения, отходя под давлением противника на фланги пехдивизий, открывают фронт своей пехоте.

ж) В дальнейшем бои ведутся за выигрыш времени, пока не сосредоточатся главные силы мобилизованной армии, которая перевозится к государственной границе по железной дороге и частью на автотранспорте, а от границы — преимущественно на автотранспорте.

Близко к этим взглядам стоит трактовка вопроса некоторыми польскими авторами с теми поправками, которые вводят особенности театра военных действий, возможного противника и наличия сил и средств. Опираясь на войска прикрытия, части погранохраны и фашистские военизированные организации для развертывания основной массы вооруженных сил, авторы ставят вопрос о производстве самостоятельных воздушных операций в глубь территории противника и о вторжении конно-моторизованных соединений в важнейших оперативных направлениях в первые моменты военных действий.

ПЕРЕВОЗКИ ПО СОСРЕДОТОЧЕНИЮ

Перевозки по стратегическому сосредоточению были и остаются важнейшим актом начального периода войны. При наличии массовых армий, снабженных многочисленными техническими средствами, размеры этих перевозок будут весьма велики...

...О результатах будущих перевозок по сосредоточению можно судить хотя бы по тому, что для перевозки 1 стрелкового корпуса современной организации в различных армиях требуется от 110 до 140 поездов, а для сосредоточения ударной армии с соответствующим количеством вспомогательных войск и учреждений потребуется от 800 до 1000 поездов.

Возможно ли такие большие перевозки выполнять сейчас по твердо фиксированному плану, в условиях противодействия авиации и мотомехсоединений, в обстановке революционно-классовой войны?

Ясно, что нужна большая гибкость в плане сосредоточения, гораздо большая, чем в условиях мировой войны. При планировании железнодорожных перевозок по стратегическому сосредоточению теперь обязательно должна быть предусмотрена возможность маневрирования *железнодорожными направлениями*, выгрузочными районами и районами сбора (оттягивать, выдвигать, сдвигать в сторону), стремясь при этом выдержать основную линию плана сосредоточения и развертывания.

При применении противником методов «вползания в войну» его перевозки по сосредоточению могут протекать постепенно, по этапам, маскируясь разными благовидными предлогами, чтобы скрытно собрать у государственной границы армию вторжения.

В этом заключаются одновременно и некоторое облегчение для железных дорог и новые трудности.

Эшелонированное развертывание вооруженных сил в будущей войне несколько рассредоточивает работу железных дорог по времени...

...По мере развития автотранспорт также будет принимать участие в этих перевозках, хотя и в значительно меньшей степени и на более короткие расстояния. К настоящему дню наиболее целесообразны и экономически выгодны автоперевозки на расстояние 100 и не свыше 200 км. ПУ 29 указывает, что переброска войсковых соединений на автомобилях (при возможности использовать железную дорогу) во всяком случае не должна превышать 250 км (§ 348).

По мере сосредоточения дивизий и корпусов в районах сбора они начинают выдвигаться для занятия исходного положения для начала операции: происходит так называемое

оперативное развертывание, которое должно отвечать плану будущей операции и само являться составной и важной частью этого плана.

Начальный период войны, учитывая современную политическую ситуацию и развитие техники, приобретает новый вид. Наряду с подготовкой буржуазией миллионных армий, поднимаемых путем массовой мобилизации, следует учитывать новые тенденции «вползания в войну» и производства вторжения на территорию противника в начале войны армиями прикрытия.

Вползание в войну в известной обстановке может явиться первой фазой военных действий, отвечающей определенным военно-политическим задачам (поставить массы перед совершившимся фактом войны, осуществить ряд подготовительных военных мероприятий), после чего производятся массовая мобилизация и развертывание второго стратегического эшелона вооруженных сил для ведения большой войны.

Поэтому начальный период войны может выявляться в различных формах, и необходим глубокий и конкретный анализ складывающейся военно-политической обстановки на данном театре, чтобы правильно понять и предвидеть своеобразие данного начального периода.

Даже при наличии начального периода как совокупности мобилизации, сосредоточения и развертывания основной массы вооруженных сил, протекающих в короткие сроки и с большим напряжением, приближающимся к 1914 г., его политическое и военное содержание будет другое, чем в 1914 г.

Вместо спокойного развертывания главных сил по государственной границе и столкновений частей прикрытия в прилегающей узкой полосе местности — ожесточенная борьба, развернутая с первых часов войны на большом протяжении по фронту, в глубину и в высоту. С самого начала боевые действия примут глубокий, пространственный характер.

Главнейшие задачи начального периода:

а) обеспечить мобилизацию, сосредоточение и развертывание своих вооруженных сил и наивыгоднейшее вступление их в решительные операции;

б) сорвать мобилизацию и сосредоточение войск противника, потрясти его политические, экономические и военные центры.

По мере дальнейшего обострения классовой борьбы, с ростом новых родов войск и развитием военной техники операции начального периода приобретают все большее и большее значение. Боевые столкновения в начальный период, которые раньше имели вспомогательный характер, сейчас будут оказывать все большее и большее влияние на ход и на исход войны.

Отсюда — большое значение такой подготовки страны и вооруженных сил, которая предусматривает не только возможность развертывания в течение определенного срока массовой армии, оснащенной современной техникой, но и обеспеченность и успешность проведения боевых операций в начальный период с первого его дня.

(Е. А. Шиловский. «Начальный период войны». «Война и революция», сентябрь — октябрь 1933 г., стр. 3—11.)

ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНОГО ПРОРЫВА

Помещаемый текст является частью статьи Е. А. Шиловского «Подготовка и ведение оперативного прорыва», напечатанной в журнале «Военная мысль» в 1939 г. В этой статье автор рассматривает только первые этапы армейской наступательной операции того времени.

ОПЫТ ПРОРЫВОВ В ПРОШЛЫХ ВОЙНАХ

...Если вкратце суммировать опыт наиболее удачных для наступающего прорывов в мировую войну, то можно сделать следующие выводы.

1. Осуществление прорыва тактического расположения обороняющегося в условиях Восточноевропейского фронта периода 1915—1916 гг. при средней плотности обороны в 10—12 км на одну пехотную дивизию требовало от наступающего в ряде операций плотности войск около 3 км на дивизию, не менее 20 орудий на 1 км фронта, расхода 15—20 тыс. снарядов на каждый километр атакуемой позиции (при прочих благоприятных условиях).

2. При большой плотности и глубине обороны (около 4—5 км на одну пехотную дивизию) и, в частности, при большем насыщении пулеметами, как это было в условиях позиционного французского фронта в 1918 г., для осуществления тактического прорыва в ряде операций англо-французов и германцев требовалось 70—100 орудий на 1 км с расходом около 35—50 тыс. снарядов на 1 км фронта атаки при условии внезапности нападения *. Плотность построения наступающего составляла 2—3 км на одну пехотную дивизию.

3. Наличие 15—20 танков на 1 км фронта и такого же количества самолетов позволило в некоторых операциях 1918 г. осуществить тактический прорыв внезапно, без предварительной артиллерийской подготовки.

---

* Операции на французском фронте показали, что атаки при отсутствии внезапности, производившиеся с подобными и даже с еще более мощными силами и средствами, не давали успеха, так как обороняющийся имел возможность своевременно предпринять контрмеры.

4. Развитие прорыва в операциях мировой войны большей частью осуществлялось теми же стрелковыми соединениями (армейскими корпусами), усиленными мощной техникой, которые производили и самый прорыв. Так как дивизии первой линии несли большие потери и быстро истощались, то для увеличения глубины проникновения и темпа наступления за дивизиями первой линии часто располагались дивизии второй и третьей линий. Они использовались для усиления направлений, на которых уже достигнут успех, а также для замены наиболее пострадавших дивизий первой линии.

5. В некоторых операциях были использованы крупные кавалерийские соединения (частью вместе с танками) для быстрого развития прорыва в глубину. Эти попытки использовать конницу как эшелон развития прорыва в условиях позиционной борьбы в 1918 г. не дали существенных оперативных результатов. Конница не смогла прорваться через расшатанный, дырявый, но сохранивший в различных местах огневые очаги фронт; ей не удалось проникнуть в оперативный тыл противника.

6. Были сделаны попытки к изоляции района операции от притока свежих резервов с других фронтов и из глубины страны (главным образом авиацией, затем дальнобойной артиллерией). Эти попытки приводили к частым успехам (задержка в прибытии некоторых резервов на 8—10 часов), но при тогдашнем техническом состоянии авиации не дали решающих результатов.

7. В обстановке 1918 г. решающая роль в операциях принадлежала многочисленным и свободным резервам обороны. Они мощным потоком направлялись к району прорыва, преимущественно к его флангам. Через известное время создавалось равновесие сил и наступление останавливалось на том или ином промежуточном рубеже. Германское и французское командования отдавали себе отчет в том, что широкое развитие прорыва и достижение решительных результатов возможны лишь после сковывания и истощения оперативных и стратегических резервов противника. Но немцы сами истощились ранее союзников, а последним удалось сломить сопротивление противника только после длительной и тяжелой борьбы в ряде операций с ограниченными целями.

Таким образом, операции мировой войны (особенно операции 1918 г.) дали в большей или меньшей степени решение задачи прорыва тактической обороны противника. Но они не дали почти ни одного примера развития прорыва в решительную победу.

Наша гражданская война дает примеры блестящих операций большого размаха с нанесением противнику глубоких сокрушительных ударов до полного разгрома его сил. Сла-

бое занятие некоторых участков фронта допускало выполнение оперативных маневров на флангах главных группировок; поэтому действия на флангах получили значительное распространение. Это было тем более закономерно, что не всегда имелись налицо достаточные артиллерийские средства для преодоления фронтального сопротивления. Но в тех случаях, когда обстановка требовала фронтальных действий и когда имелась материально-техническая база для их выполнения, войска Красной Армии прибегали к фронтальным ударам и к оперативному прорыву неприятельского расположения. Так было в 1919 г. на Южном фронте, в 1920 г. — на польском фронте, так было под Перекопом и в других операциях.

Опыт войны в Испании и в Китае имеет особое значение, как войн, наиболее близких к нам по времени, протекавших в современной политической обстановке, с использованием современных технических средств борьбы и отражающих оперативные приемы и боевую подготовку армий фашистских агрессоров.

Специфические особенности боевых действий в Испании и в Китае влияли и на формы наступательных операций. При наличии некоторых общих черт они имеют весьма существенные элементы различия. В дальнейшем мы неоднократно будем обращаться к выводам из этих войн, а пока отметим несколько основных положений.

За исключением первого периода войны наступательные операции в Испании обычно начинались в условиях непосредственного тактического соприкосновения войск, при сплошном оперативном фронте, имевшем тенденцию к быстрой стабилизации. Основная форма наступательной операции — фронтальный удар с последовательным продвижением от рубежа к рубежу и захватом отдельных объектов.

Для одновременного подавления всей глубины обороны и для наступления на широком фронте у республиканцев обычно не хватало сил и средств. Операции в основном носили линейный характер и велись в узкой полосе, составлявшей незначительную часть общего обширного фронта.

Французский генерал Арманго так сформулировал опыт первого года войны в Испании: «При этих условиях фронт всякого наступления неизбежно должен быть ограниченным; наступление быстро приостанавливается; брешь заделывается: фронт восстанавливается после контратаки, которую повлекла за собой исчерпавшая себя на исходной линии атака».

Но в операциях фашистов весной 1938 г. и в начале 1939 г. были уже введены большие силы и мощная техника, позволившие создавать ударные группировки оперативного масштаба. Наступление захватывало фронт в 60—100 км; на

отдельных участках главного удара плотность доходила до 2—3 км на одну пехотную дивизию и до 50—60 орудий на 1 км, превосходя в 3—5 раз силы обороны. Большую роль в бою и операции играли воздушные силы, они оказывали непосредственное влияние на ход наземных боевых действий. Несмотря на героическое сопротивление республиканцев, противнику удавалось развивать наступление в отдельные периоды темпом в 8—10 км в сутки.

Операции в Испании подтвердили, что без сковывания противника на широком фронте, без подавления всей глубины обороны, без наличия крупных быстроподвижных соединений попытки осуществить оперативный прорыв достигают только ограниченных результатов.

В Китае нет сплошного фронта, и поэтому здесь возможны широкие обходные маневры. Японские войска действуют по преимуществу отдельными группами, развивая свои операции вдоль железных дорог или других удобных путей сообщения. Вследствие слабого технического оснащения китайской армии она в ряде случаев не могла противопоставить обходному маневру японцев контрманевр своих войск. Японцы стремятся к обходам и избегают фронтальных наступлений потому, что последние якобы являются «показателем слабости военного искусства». Но существо дела не в этом. Под Ханькоу, Шанхаем и в других подобных случаях китайские войска упорно оборонялись против фронтальных атак японцев, имевших большое техническое превосходство, и наносили японцам крупные потери. Только путем глубокого обхода, возможного в силу прерывчатости фронта, и выходом в тыл китайских войск японцам удавалось добиваться успеха. Таким образом, фронтальные атаки стоили им дорого и, как правило, не давали решительных результатов. Операции в Китае носят в основном линейный характер.

ОСНОВЫ ПРОРЫВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Фронтальный удар с решительной целью в армейском масштабе имеет в виду разгром определенной группировки войск противника, находящейся на данном направлении. Он осуществляется путем прорыва неприятельского оборонительного фронта и развития удара в глубину для окружения и уничтожения главных сил противника.

Сравнительно с другими формами оперативных действий (обход, охват, сочетание фронтального и флангового ударов) чисто фронтальное наступление является наименее «экономной» формой операции, так как удар приходится по наиболее сильной стороне неприятельского расположения — по его фронту, а не по флангу или тылу. Вследствие прочности современной обороны фронтальное наступление тре-

бует (при качественно равных противниках) большого превосходства в силах на направлении главного удара. Вместе с тем фронтальное наступление само по себе мало результативно, если неприятель имеет возможность все время воссоздавать сопротивление на новом рубеже и вновь противопоставлять фронт фронту. Примером этому могут служить наступательные операции германских армий в 1918 г., операции 7-й и 8-й русских армий в 1916 г., ряд операций в Испании и т. д.

Опыт мировой империалистической войны, опыт нашей гражданской войны и войны в Испании указывает на сильную тенденцию к образованию сплошного оперативного фронта. Только в начале войны, пока еще не развернулись главные силы воюющих сторон, возможны широкие обходные маневры на наших европейских театрах. Позднее эти возможности будут все более и более сокращаться. Поэтому в процессе развития наступательной операции на том или ином ее этапе придется встретиться с фронтальным сопротивлением противника, которое необходимо будет преодолеть.

В нашу задачу не входит подробное освещение всей армейской наступательной операции в процессе ее развития. В зависимости от конкретных условий обстановки в пределах одной армейской наступательной операции могут найти себе место не только прорыв, но и встречное сражение, перегруппировки, преследование и другие виды действий. Прорыв является обычно лишь *одним из этапов* наступательной армейской операции, но очень важным и сложным по выполнению.

Как уже сказано выше, для получения крупных оперативных результатов при фронтальном ударе по оборонительному расположению противника нужно добиться прорыва, взлома фронта обороны и развития прорыва в глубину и в стороны образованных флангов для окружения и разгрома главной группировки противника.

Современное развитие оперативного искусства Красной Армии создает все предпосылки, чтобы вести наступательную операцию не в линейных формах, от рубежа к рубежу, а одновременно на всю глубину; чтобы осуществлять на главных направлениях глубокую операцию, прорывать, окружать и уничтожать противника в полосе действий ударной армии, сковывая его на второстепенных направлениях и изолируя район операции от быстрого притока свежих сил с других направлений и из глубины страны.

Политические цели войны, нашей справедливой войны с капиталистическими, с фашистскими государствами, которая может быть навязана Советскому Союзу, самым решительным образом влияют на боеспособность войск обеих сторон: они повышают нашу боеспособность и снижают боеспособ-

ность противника. Они решительным образом изменяют реальное соотношение сил в нашу пользу...

Мощные усиленные стрелковые корпуса, наступающие на ограниченном фронте, сильная армейская и фронтовая авиация в сочетании с крупными конно-механизированными соединениями, а в известных случаях также с авиадесантами и партизанско-повстанческим движением в тылу противника в корне меняют старые представления о предпосылках и возможностях фронтального наступления.

Хорошо организованный фронтальный удар с использованием всех современных сил и средств может дать крупные оперативные результаты и, несомненно, будет одной из наиболее важных оперативных форм наступления в армейском масштабе.

Организация прорыва является искусством, а не шаблоном. Нельзя все операции строить по схеме, как бы эта схема ни казалась заманчивой...

У нас является общепризнанным положение, что для успеха оперативного прорыва наступающему необходимо решить три основные задачи.

1. Прорвать тактический фронт обороны противника; образовать брешь и фланги в его расположении.

2. Не дать ближайшим резервам противника затянуть образовавшуюся брешь, а, развертывая прорыв в глубину и в стороны, ввести эшелон развития прорыва для окружения и разгрома (совместно со стрелковыми корпусами ударной группы и с боевой авиацией) основной неприятельской группировки на данном направлении.

3. Вести борьбу с подходящими глубокими резервами противника, стремясь нанести им поражение и изолировать район операции или во всяком случае задержать резервы и снизить темп их прибытия настолько, чтобы наступающий смог сохранить преимущество в силах на всех этапах операции и бить по частям последовательно вводимые в дело неприятельские войска.

Эти задачи должны решаться с учетом данных обстановки. Часто они будут переплетаться одна с другой, требуя для успешного своего разрешения сил и средств, выходящих за пределы одной армии. Важнейшую роль здесь будут играть также силы и характер обороны противника.

Проблема современного прорыва является исключительно сложной и многогранной. В настоящей статье мы остановимся только на нескольких основных вопросах подготовки и ведения прорыва; мы вынуждены опустить целый ряд других вопросов, имеющих также весьма существенное значение (оперативное построение армий, особенность управления, темпы наступления, материально-техническое обеспечение, особенности использования специальных родов войск и пр.)...

Первая и ближайшая задача ударной армии при выполнении прорыва — это разгром противостоящих неприятельских войск и разрушение тактической зоны обороны в полосе главного удара. Если по каким-либо причинам прорыв тактического фронта будет не обеспечен, то и вся операция сорвется.

При прорыве тактического расположения противника мы получаем поражение неприятельских войск, занимающих оборону в полосе главного удара нашей армии. Такое поражение двух — трех дивизий, несомненно, имеет крупное значение. Но в оперативном масштабе существо дела заключается в том, чтобы в результате этих действий образовать в расположении противника брешь и фланги, которые затем можно использовать для оперативного развития прорыва.

Возможная ширина фронта прорыва армии определяется в зависимости от силы обороны и наличия средств подавления у наступающего. Не останавливаясь здесь на основаниях для составления расчетов (артиллерийского, танкового, авиационного и химического) в типичных случаях обстановки, мы только отметим, что минимальная в армейском масштабе ширина фронта намечаемого прорыва должна быть такой:

а) чтобы противник не мог легко затянуть брешь наличными ближайшими резервами;

б) чтобы полоса прорыва не простреливалась действительным артиллерийским огнем;

в) чтобы образованный прорыв по своим размерам и характеру местности допускал успешное развертывание его в глубину и в сторону флангов и, в частности, обеспечивал пропуск быстроподвижных соединений в тыл противника...

Расчет показывает, что в средних условиях ведения маневренных операций на наших западных театрах современная ударная армия может обеспечить прорыв на фронте около 25—30 км.

Во многих операциях по прорыву фронта в 1918 г. авиация активно участвовала в сражении наземных войск, тактически взаимодействуя с ними. Но по своему техническому состоянию в то время она не могла еще решительно влиять на ход боевых действий и оставалась вспомогательным фактором в операции. Послевоенный период принес большое количественное и качественное развитие авиации; возросли дальность, скорость, высота, артиллерийское вооружение самолетов. Это позволило выдвинуть мысль об использовании армейской авиации преимущественно в оперативной глубине, за пределами дальности артиллерийского огня (резервы, тыловые объекты и пр.); здесь ей отводилась крупная роль.

Современный опыт войн в Испании и в Китае как бы синтезирует весь предшествующий опыт. Авиация из вспомогательного средства в операции выросла в фактор большой силы и мощности при борьбе наземных войск, как средство поражения обороны противника и обеспечения продвижения своих войск. Действия по оперативным резервам, нарушение управления и работы тыла и другие задачи в оперативной глубине остаются за ней в соответствии с общей обстановкой. Вместе с тем необходимо самое решительное участие армейской авиации в сражениях на поле боя для решения задач по подавлению и поражению противника на фронте (включая и оборонительную полосу), по прикрытию с воздуха нашей ударной группировки и по захвату тактического превосходства в воздухе над полосой главного удара армии. Эти задачи встают во весь рост перед авиацией ударной армии, усиленной в нужных случаях фронтовой авиацией. Успешное разрешение их является необходимым условием для успешного ведения прорыва.

В ряде операций 1918 г. до 40—50% пехотных дивизий находилось во второй и третьей линиях. Такое построение ударных армий оправдывало себя в тогдашних условиях ведения операций. В настоящее время, например в условиях нашей западной полосы, при ведении маневренных операций нет необходимости в подобном нагромождении пехоты в пределах ударной армии. Однако шаблона здесь не может быть: чем прочнее и глубже оборона, тем глубже должно быть и построение наступающего.

Для прорыва полевой обороны в условиях маневренной войны корпуса ударной армии располагаются рядом, в одну линию, занимая в полосе главного удара фронт около 10 км. Дивизии в корпусах в подобных условиях часто также располагаются в одну линию. От дивизии сковывающей группы часть сил выделяется в резерв командира корпуса. Но нужно иметь в виду, что дивизии первого эшелона несут значительные потери при прорыве, они быстро истощаются, а линия фронта при наступлении постепенно увеличивается. Поэтому для непрерывного питания наступления из глубины, для развития его до полного прорыва расположения противника в армейском масштабе необходимо иметь дивизии второго эшелона. Количество их будет зависеть от конкретной обстановки; при наличии одной дивизии второго эшелона за каждым из трех усиленных корпусов ударной армии это составит всего три стрелковые дивизии. Кроме того, должны быть наготове более глубокие резервы (фронтовые и пр.) соответственно ожидаемому размаху наступления.

Допустим, что прорыв оборонительной полосы противника в полосе главного удара армии успешно развивается. Стрелковые корпуса, усиленные артиллерией, танковыми и хими-

ческими средствами, при мощном содействии авиации преодолевают сопротивление обороны. При достаточных силах и средствах, хорошей боеспособности войск и правильной организации прорыв тактического расположения обороны может быть произведен в первый же день наступления. Теория и практика подтверждают эту возможность. Но так будет не всегда. Степень упорства войск противника, развитие обороны в глубину, группировка ближайших оперативных резервов на данном направлении имеют большое значение.

При наличии второй оборонительной полосы, занятой резервами противника (например, двумя пехотными дивизиями), вполне возможно, что не удастся с ходу, одним стремительным ударом овладеть этой полосой в течение первого же дня. Тогда встанет вопрос о планомерной атаке второй оборонительной полосы с подтягиванием необходимых сил и средств, перегруппировкой артиллерии, вводом дивизий второго эшелона. Опять потребуется организация артиллерийской, а возможно, и авиационной подготовки, а затем атака и прорыв второй оборонительной полосы. На это уйдет второй, а возможно, и третий день наступления. За это время к обороняющемуся могут подойти дополнительные резервы, с которыми вновь придется иметь дело.

Таким образом, процесс прорыва фронта обороны в известных случаях может растянуться в пространстве и во времени, как это фактически имело место в ряде операций мировой войны, а также в Испании и Китае.

Однако такой длительный процесс прорывания вовсе не является чем-то обязательным и безусловным в современных условиях. И в позиционной обстановке мировой войны были случаи прорыва обороны в первый же день атаки на глубину в 15—20 км. Для ведения прорывов в современных условиях Красная Армия обладает высокой боеспособностью и мощными современными средствами подавления.

Поэтому мне представляется, что в обстановке маневренных операций мы больше всего должны стремиться прорвать оборону противника на всю глубину в первый же день атаки, если нет каких-либо особых обстоятельств. В плане наступления должна быть предусмотрена и обеспечена возможность быстрого прорыва и второй оборонительной полосы: создание необходимых резервов войск и запасов огнеприпасов, воспрепятствование нашей авиацией и артиллерией организованному отходу войск обороны с первой полосы на вторую, а также воспрещение резервам противника занять вторую полосу.

Теоретически рассуждая и учитывая опыт прошлых войн, можно указать на три метода атаки второй оборонительной полосы в зависимости от всей совокупности данных обстановки: а) прорыв с ходу, основанный на внезапности и стре-

мительности удара; б) прорыв после ускоренной подготовки (1 сутки); в) нормальная подготовка прорыва оборонительной полосы (2—3 суток и более).

Вопрос об оперативном развитии прорыва с вводом быстроподвижных соединений для развития прорыва представляется в настоящее время достаточно сложным, особенно в свете опыта операций в Испании и Китае. Во всяком случае нельзя его решать по шаблону, как это иногда делалось на учебных занятиях в прошлые годы: как только стрелковые войска продвинулись на 6—8 км в глубину от переднего края оборонительной полосы, конница и танки стремительно бросались в прорыв для действий в тылу противника в большом отрыве от своих войск, измеряемом несколькими десятками, а то и доброй сотней километров.

Момент ввода войск для развития прорыва должен будет устанавливаться исходя из следующего (помимо сил и средств ударной армии): глубина и сила обороны, группировка оперативных резервов противника и возможный темп их прибытия, обстановка в воздухе, наличие у противника тыловых укрепленных полос, противотанковых районов и труднодоступных рубежей, за которые могут зацепиться войска обороны.

Для успеха действий быстроподвижных соединений, выбрасываемых в прорыв, необходимо иметь достаточно большое свободное пространство в тылу у противника для маневра этих соединений и не слишком много свободных, нескованных резервов обороны. Поэтому задача армейского командования будет заключаться в том, чтобы, имея наготове подвижные соединения для развития успеха, бить оборону противника усиленными стрелковыми корпусами, армейской авиацией и всеми прочими средствами (артиллерией, танками, химией) до тех пор, пока в ходе наступления не образуется брешь во фронте. Разворачивая эту брешь в стороны и в глубину, надо окружать группировку сил противника и громить ее совместными ударами стрелковых корпусов, авиации и быстроподвижных соединений.

Армейский эшелон развития прорыва, проникший в оперативную глубину, имеет основной задачей окружение и разгром (во взаимодействии со стрелковыми корпусами и армейской авиацией) главной группировки войск противника на фронте. Поэтому не нужно уходить глубоко в неприятельский тыл; возможный отрыв от стрелковых корпусов составит 20—40 км.

При выполнении своей основной задачи эшелону развития прорыва часто придется предварительно атаковать и разбить ближайшие оперативные резервы, препятствующие ему в осуществлении намеченных задач. Здесь возможны различные варианты действий в армейском масштабе в зависимости от обстановки данной операции...

Операции в Испании не дают положительных примеров использования крупных подвижных соединений с решительными результатами при прорыве фронта. Но вместе с тем нужно отметить, что во многих операциях с обеих сторон предусматривалось (в мере наличных сил и средств) использование моторизованной пехоты, бронемашин и танков для развития прорыва (Гвадалахара, в Арагонской и Мадридской операциях республиканцев 1937 г., в операциях фашистов в 1938 г. и 1939 г.).

Французское наставление 1936 г. отражает осторожные взгляды. Наставление указывает, что командование воздействует на ход наступательного сражения огневым маневром артиллерии, действиями авиации, и особенно введением в бой своих резервов (пехоты и танков). При успехе действий предпочтительнее стремиться к расширению района прорыва, чем пытаться ворваться свободными силами в пробитую брешь, которая обычно бывает слишком узкой. При развитии успеха дальнейшая дезорганизация противника возлагается главным образом на механизированные отряды и на авиацию.

Германский полевой устав по этому вопросу высказывает противоположную точку зрения. Согласно уставу, пока фронт противника окончательно не прорван, следует избегать преждевременного захождения в сторону, а нужно двигаться вперед. Подходящие резервы атакующего устранят задержки наступления, отразят контратаки обороны и обеспечат движение вперед. Захождение с целью смять неприятельский фронт является задачей дальнейших резервов, специально для этого предназначенных. В теории и практике германской армии уделяется также серьезное внимание использованию мотомеханизированных соединений при прорыве.

Польская армия, хотя и не располагает необходимыми для этого средствами, но теоретически на страницах своих журналов освещает вопросы ввода в прорыв крупных танковых и кавалерийских соединений, а также их взаимодействия между собой, с оперативными группами и с авиацией.

Очень большое влияние на ход развития прорыва окажет воздушная обстановка. Обычно наступающий, заблаговременно сосредоточив силы, имеет превосходство над противником и в воздухе. Но с началом наступления оборона начнет перебрасывать к району прорыва свои войска с других участков фронта и из глубины; в первую очередь это скажется на изменении соотношения сил в воздухе. Опыт войны в Испании показывает, какое мощное воздействие оказывает авиация на развитие наземной операции, и это обстоятельство нельзя недооценивать.

Основные усилия армейской авиации обеих сторон будут сосредоточены на поле сражения и над ним. Здесь решается

участь боевых столкновений, и армейская авиация должна принять в этой борьбе самое активное участие.

В будущей войне можно ожидать возникновения большого воздушного сражения над полосой наступления ударной армии. Результат этого сражения и всей борьбы за господство в воздухе в масштабе фронта окажет самое решительное влияние на развитие наступательной армейской операции. При благоприятных результатах борьбы в воздухе для наступающего операция наземных войск, поддержанная мощными ударами своей авиации, может успешно развиваться в быстрых темпах и (при наличии других благоприятных данных) достигнуть решительных результатов. При неблагоприятном исходе борьбы в воздухе путь развития наступательной операции будет более медленный и сложный; у обороны окажется достаточно времени и возможностей для организации противодействия не только с воздуха, но и на земле.

Оперативные интересы наступающего не замыкаются в рамках поля сражения. Без изоляции района армейского сражения от притока глубоких резервов на время, пока не будет достигнуто решение, трудно рассчитывать на большие оперативные результаты. Даже успешно начатый прорыв может быть локализован и наступление может быть приостановлено, подобно тому как это было в операциях 1918 г. с обеих сторон, а также под Гвадалахарой в 1937 г. и в других подобных случаях.

Английский полевой устав по этому вопросу говорит: «Победа будет зависеть от того, насколько атакующий способен закончить прорыв оборонительной полосы раньше, чем смогут быть подтянуты резервы с других участков поля сражения для закрытия этого прорыва. Такие резервы могут подходить потом, на автотранспорте или по железной дороге, и воздушные силы могут атакой задержать и дезорганизовать их настолько, что это решит участь сражения (часть 3-я «Операции и высшие соединения»).

Борьба с подходящими глубокими резервами, задача воспрещения регулярного притока крупных сил в район операции в радиусе 150—200 км ляжет в основном на воздушные силы фронта.

Ограничивая свое рассмотрение здесь рамками армии, мы только упоминаем об этой важной задаче, являющейся одной из основных в общей концепции фронтовой наступательной операции.

(Е. А. Шиловский. Подготовка и ведение оперативного прорыва. «Военная мысль», № 8, 1939, стр. 15—29.)

* * *

В. А. МЕЛИКОВ

Владимир Арсеньевич Меликов *(1898—1942). Участник гражданской войны. Член КПСС с 1919 г. Окончил Военную академию РККА в 1923 г. Преподаватель, затем начальник кафедры военной истории Военной академии им. М. В. Фрунзе, а с 1936 г.— Академии Генерального Штаба. Генерал-майор. Профессор, доктор военных наук.*

Основные труды. *«Марна, Висла, Смирна», М., 1928; «Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войн»; М., 1935. «Героическая оборона Царицына», М., 1938.*

ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

Приводятся выдержки из труда В. А. Меликова «Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войн». В этой обширной работе — профессорской диссертации — автор на основе большого материала из опыта первой мировой войны анализирует вопросы стратегического развертывания армий и делает ряд обобщений и выводов. Опыт стратегического развертывания армий в гражданской войне автор намеревался дать во втором томе труда, но он не был издан.

О СОВРЕМЕННОМ ПЛАНЕ ВОЙНЫ И ПЛАНЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ

...Проблема стратегического развертывания является сердцем плана войны (кампании).., эта проблема в первую очередь есть проблема политическая.

Современный план войны слишком многогранен и обширен в отношении тех вопросов, которые он в себя вбирает и впитывает...

...Перенося центр тяжести в нашем исследовании на проблему стратегического развертывания и подробно разбирая ее и говоря о ней как о важнейшей и решающей части плана войны, как о его «сердце», мы, конечно, не можем обойти и другие важнейшие части того организма, в котором оно функционирует...

Основная сложность вопроса видна, например, из того факта, что еще не было ни одной большой войны, начиная

хотя бы с войн 1866—1870 гг., чтобы эта война уже с самого начала не внесла ряд коренных, кардинальных изменений в те предположения оперативно-стратегического характера, которые были установлены и разобраны непосредственно перед данной войной.

Каждая новая война ставила ряд сложных, совершенно новых проблем, которые нужно было и решать по-новому. Политики и полководцы, несмотря даже на свою талантливость и прозорливость, так и не могли в конце концов ясно предвидеть, во что же выльются события начального периода войны...

...Анализ более чем тридцатилетней работы генеральных штабов важнейших капиталистических государств по вопросу планов стратегического развертывания армий показывает... что:

1. План стратегического развертывания армий, т. е. занятие исходных районов для наступления, хотя и разрабатывается в период до войны, но он должен быть максимально прозорливым, всесторонним и гибким. Ибо в мирное время задолго до войны все детали предусмотреть нельзя. Уже в начальный период войны живая действительность вносит целый ряд коррективов, а поэтому план должен целесообразно и быстро воспринимать происходящее и на ходу перестраивать многие вопросы. Опыт последних десятилетий говорит, что ни один план стратегического развертывания армий не был целиком и полностью осуществлен и проведен в начальный период войны, как это полагали генеральные штабы в мирное время...

2. Мертвечина, деревянность, односторонность, как говорит многообразный опыт, являются самыми злейшими врагами плана стратегического развертывания, который должен быть целеустремленным и в то же время насквозь пропитанным диалектикой действительной жизни.

3. Предстоящие империалистические войны в Европе, Азии, Америке уже не будут официально объявляться со всеми формальностями, как это было в августе 1914 г.; в войну будут «вползать» с основной мыслью внезапным ударом сорвать мобилизацию противника, нарушить его планы сосредоточения и развертывания его войск, глубоко вторгнуться в территорию противника, с тем чтобы дать возможность лучше развернуть свои силы 2-го отмобилизованного эшелона, памятуя, что 1-м эшелоном является «армия прикрытия», расположенная в мирное время где-то вблизи государственной границы с максимальной мобилизационной готовностью...

...Если глубина полосы стратегического развертывания вблизи государственной границы в августе 1914 г. на всех

фронтах империалистической войны ограничивалась 50—80 км, то в современный период развития военного искусства эта глубина увеличилась в несколько раз. Военные писатели современной империалистической буржуазии считают, что 300—400-км зона от переднего края государственной границы на главных направлениях ударных армий с первого же дня войны превратится в поля ожесточенных сражений, где будут энергично действовать современные мощные ВВС, мотомехвойска, модернизированная конница, авиадесанты и пр. Все эти новые военные факторы входят в современную «армию вторжения», имеющую уже в мирное время максимальную мобготовность для активных и решительных действий.

Но имеется ряд авторов, которые считают, что эта приграничная полоса в 300—400 км будет не больше не меньше как «мертвой» для стратегического сосредоточения и развертывания вооруженных сил и средств, так как современные военно-воздушные силы вместе с новым химическим оружием с первого же момента войны превратят эту полосу в 300—400 км в хаос и разрушение. Будет правильным считать, что развитие современной военной техники дает куда более благоприятные перспективы к выносу стратегического развертывания вперед, чем к тому, чтобы apriori оставлять эту полосу без должного внимания.

Надо только хорошенько изучить опыт 1918 г. на франко-британском фронте, чтобы видеть, что при значительной насыщенности противника боевой авиацией, при наличии у него химического оружия все же немцам удалось сосредоточить непосредственно перед расположением противника на 70-км фронте огромные силы, когда на каждый километр фронта приходились 1 дивизия, 100 орудий, 120 самолетов. Мало того, сосредоточив и развернув эти силы, немцы сумели нанести внезапный удар и в первые дни потрясли стратегический фронт англо-французов; примерно то же самое сделал в июле 1918 г. в районе Виллер-Коттере маршал Фош. Он нанес внезапный мощный удар, не допустив в период сосредоточения и развертывания сил и средств для этого мощного удара ни одного неприятельского самолета над своим расположением (т. е. устроил так называемый воздушный забор, через который не удалось проникнуть противнику для того, чтобы ему посмотреть, заснять фото или побомбить жизненные пункты и районы). Но, кроме изучения опыта мировой войны 1914—1918 гг., достаточно хорошенько посмотреть, что именно делается в полосе государственных границ современных буржуазных государств хотя бы размером в 100—150 км глубины, где уже возведены и возводятся стоящие огромных денег новые укрепления, чтобы не поверить в возможность осуществления этой теории «мертвой»

300—400-километровой полосы от переднего края государственной границы.

Кроме того, если взять глубину территории любого современного государства Европы, то цифра 300—400 км говорит о том, что эта полоса покрывает собой любую столицу буржуазного государства; в силу этого недаром современные генеральные штабы буржуазии больше говорят не о «мертвой пустыне» приграничной полосы, а об организации мощного военно-воздушного флота, который своими заранее разработанными авиаконтратаками, вместе с ПВО, мероприятиями по быстрому восстановлению разрушений даст широкую возможность выносить стратегическое развертывание вперед и гибко маневрировать районами сосредоточения и развертывания для внезапного удара.

Лозунг, что будущая война будет быстроподвижной, маневренной, остается, как и в предвоенный период мировой империалистической войны 1914—1918 гг., господствующим у подавляющей части военных писателей буржуазии.

Они считают, что борьба за маневренный характер войны должна быть особо настойчивой и решительной. Позиционный характер войны с *долголетним* сидением в окопах, с протяжением этих окопов от моря до моря, как это было в войне 1914—1918 гг., *исключается*.

Они считают, что такая война быстро вызовет революционные взрывы и на фронте и в тылу фронта у широких масс мобилизованного и немобилизованного населения, которые на данном этапе исторического развития стали политически ненадежными для защиты дела капиталистической буржуазии. Другое дело — наступательная маневренная война: она все же дает больше шансов удержать диктатуру буржуазии против многомиллионного пролетариата и трудящегося крестьянства капиталистических стран...

Будет ли правильным констатировать, что идейное содержание современного военного искусства империалистической буржуазии также переживает тяжелый, затяжной кризис? Твердо полагаем, что да; конечно, это вовсе не значит, что фашистская буржуазия не может двинуть свои полки-дивизии в бой; это она может сделать и сделает, для чего сейчас *усиленно* совершенствует свою военную технику и тщательно готовит свои классово отобранные военно-обученные кадры. Но, говоря так, мы должны постоянно не забывать основное, решающее, а именно, в чьих руках находится данное наступление или оборона, кто их действительно своей массой выполняет, так как будущая большая война мыслится как война массовая, многомиллионная, т. е. с миллионами бойцов на фронте и миллионами людей, готовящих в тылу все необходимое для жизни и боя действующей армии...

Современный план войны проникает во все поры государственного организма, обнимая собой все политические, экономические, хозяйственные, классовые, оперативно-стратегические и военно-технические вопросы. В силу этого будущая война, как и война 1914—1918 гг., захватит в свои руки буквально все государство в целом.

План войны по своей сущности относится к области стратегии, которая охватывает собой все вопросы подготовки данного государства к обороне и ведению войны и руководства ею.

А поэтому пытаться в одной книге охватить все содержание и все стороны современного плана войны не представляется возможным; ниже мы будем говорить об одной очень важной части плана войны — о стратегическом развертывании вооруженных сил и средств и главным образом на сухопутном театре военных действий.

Основная цель нашей работы — попытаться выяснить, какие главные этапы в своем развитии стратегическое развертывание прошло на протяжении последних десятилетий, какие оно претерпело видоизменения, чем оно стало сейчас и какова тенденция в его дальнейшем развитии у капиталистических государств.

Понятие «развертывание вооруженных сил и средств» существует в истории военного искусства с незапамятных времен.

Развертывание сил и средств есть термин не только стратегический, так как он имеет свое место и в тактике и в оперативном искусстве. Здесь вопрос заключается лишь в масштабе, в степени, т. е. какие именно количественно силы и средства надлежит развертывать (полк, дивизию, армию, группу армий, входящих во фронт, и т. д.) на протяжении и в глубину данного фронта, данного театра военных действий.

И это вполне естественно, так как невозможно отделить непроходимой стеной в искусстве ведения войны, операции и боя такие понятия, как стратегия, оперативное искусство и тактика...

Исходя из анализа теоретических положений и опыта войн, мы можем под термином «стратегическое развертывание сил и средств» понимать развертывание войсковых единиц (соединений) на всем театре военных действий, т. е. когда эти войска, приняв соответствующую группировку, заняли исходное положение для открытия военных операций.

Развертывание группы армий, вошедших в состав данной фронтовой организации (фронтовое командование), также будет являться стратегическим развертыванием данного фронта.

Термин оперативное развертывание по своему

масштабу и по кругу вопросов, в него входящих, относится к организму данной армии (армейское командование), действующей в составе данного фронта, в то время как тактическое развертывание относится к войсковым единицам, начиная с корпуса и ниже.

Если невозможно провести водораздела между стратегией, которая обнимает собой понятие операций ряда армий (отдельно действующих или сведенных в группу или во фронт под одним командованием) на театре военных действий и оперативно-тактическим искусством, то нельзя отрывать друг от друга и проводить водораздел между мобилизацией, стратегическим сосредоточением и развертыванием.

План мобилизации (т. е. приведение армии из мирного состава в военный), план стратегического сосредоточения (т. е. сбор вооруженных сил в ранее намеченные планом войны районы театра военных действий), план стратегического развертывания (т. е. группировка и занятие войсками исходного положения для определенных операций на театре военных действий) — все это единое целое, вытекающее друг из друга, находящееся друг в друге и имеющее устремление к одной основной цели искусного ввода войск в первое большое пограничное сражение. Сюда же относится план устройства тыла (т. е. эшелонирование в глубину всего театра войны различных запасов, обеспечивающих действующую армию всем необходимым для ее жизни — продовольствие, фураж, ведения боя — огнеприпасы, горючее, и обслуживания ее санитарных нужд), который бы обеспечивал армиям свободу маневра и безопасность в тылу.

Термин «стратегическое развертывание» существует и принят в ряде западноевропейских армий: в немецкой военной литературе он обозначен как strategischer Aufmarsch, или просто Aufmarsch, во французской déploiement strategique или Le plan de concentration, в австрийской Aufmarsch, причем достаточно ознакомиться с содержанием этих понятий, чтобы прийти к заключению, что в них речь идет о сосредоточении и распределении войсковых сил и средств на исходной линии данного фронта для определенных действий, т. е. для стратегического развертывания.

Но следует здесь заметить, что стратегическое развертывание вооруженных сил и средств и их планирование принято считать только прерогативой начального периода войны, к нему обыкновенно и относят этот термин...

Не дать противнику вторгнуться глубоко в пределы страны и тем самым обеспечить быстрое сосредоточение отмобилизованной армии к районам стратегического развертывания — такова основная задача, которую должны разрешить в

начальный период войны пограничные войска. А поэтому является необходимым в приграничной полосе иметь войска полнокровные, с возможно большим количеством быстроподвижных (кавалерийские массы) войск, опирающихся на укрепленные точки (крепости) и в своей численности уже в мирное время состоявших по штатам военного времени. В противном случае пограничные войска не сумеют задержать наступление ранее закончившего сосредоточение противника, он вторгнется первым, захватит районы сосредоточения и развертывания и в силу этого заставит отнести назад районы стратегического развертывания данной армии.

И вот здесь мы подходим к очень важной проблеме... о стратегическом развертывании вооруженных сил вперед (т. е. возможно ближе к государственной границе) и о стратегическом развертывании назад (т. е. отнесение конечно-выгрузочных станций и районов сосредоточения войск и их развертывания на несколько переходов в глубь собственной страны).

Совершенно ясно, что производство стратегического развертывания вперед или назад, как показывает накопленный опыт войны, в первую голову зависит от целого ряда расчетов, из которых наиболее важные должны показать:

а) насколько быстро может отмобилизовать свою армию вероятный противник;

б) каково начертание его железнодорожной сети, особенно той, которая идет к границе, и какова ее пропускная способность;

в) сколько времени потребуется противнику для того, чтобы он сосредоточил свои отмобилизованные вооруженные силы в районы стратегического развертывания;

г) какова сила укреплений и состав войск противника в пограничной полосе, которые предназначены осуществить безопасность стратегического развертывания вооруженных сил.

Эти основные вопросы должны быть проанализированы и оконкретизированы с обеих сторон и от сопоставления их с вероятным противником будет видно, какую исходную линию для стратегического развертывания следует в данный период принять, в каких районах будут высаживаться прибывающие отмобилизованные войска и что надо сделать, чтобы достигнуть более выгодных, чем у противника, условий для развертывания сил и средств...

Многообразный и поучительный опыт четырех предшествующих войн перед началом франко-германской войны 1870 г.[118]) и после нее (войны в 1877, 1905, 1912 г.), а также периода мировой войны 1914—1918 гг. со всей наглядностью показал, что мобилизация, сосредоточение и стратегическое

развертывание армий требуют соблюдения следующих основных условий, к достижению и осуществлению которых постоянно стремился каждый генеральный штаб и его главное командование:

а) безопасности (иначе говоря, не дать себя преждевременно атаковать со стороны превосходного противника);

б) выигрыша во времени (т. е. внезапно атаковать не совсем сосредоточившегося и плохо развернувшегося противника);

в) создания превосходства в силах, наиболее целесообразно их оперативно сгруппировав, и

г) возможно более удобных районов для развертывания сил и средств.

Таковы четыре основных условия, которые, как требует богатый опыт войн, необходимо соблюдать для того, чтобы оказаться в лучшем положении по сравнению с противником, т. е. чтобы захватить у него почин в действиях, иметь первый большой оперативно-стратегический успех со всеми его политико-моральными преимуществами.

Таким образом, более чем полувековой опыт работы генеральных штабов в области стратегического развертывания ясно показывает, что застывать в раз принятом варианте нельзя, напротив, план стратегического развертывания — весьма живое дело живых людей, он почти постоянно технически совершенствуется и изменяется, так как вопросы, входящие в оборону страны, не остаются на месте, а по всем направлениям каждодневно идут вперед.

К данному времени произошли новые изменения в вопросах мобилизации, сосредоточения и развертывания, все это поднялось на высшую стадию своего развития...

А поэтому кто призван работать над планом стратегического развертывания (который, как мы видели выше, диалектически синтезирует в себе разнообразные вопросы подготовки к войне), тот должен, как говорит опыт войны, прежде всего иметь упрямую сосредоточенность мысли экспериментатора, умение «неотступно думать» об одном избранном предмете, «с ним ложиться и с ним вставать». Иными словами, тайна создания чего-либо большого, крупного заключается в настойчивой и продолжительной работе мысли и воли в известном направлении.

В задачу нашего исследования и входит проследить, во-первых, как в силу развития новой техники с ее новыми способами применения и новыми методами управления войсками менялись способы и приемы стратегического развертывания в период до и во время мировой империалистической и гражданской войн, во-вторых, в каком направлении развивается план стратегического развертывания в данное время у современных буржуазных армий...

«АРМИЯ ВТОРЖЕНИЯ» И «АРМИЯ ПРИКРЫТИЯ», КАК ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЛАНЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВЕРТЫВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МИЛЛИОННЫХ АРМИЙ

...Опередить в стратегическом сосредоточении и развертывании вооруженные силы противника с тем, чтобы внезапным ударом в заранее разработанном главном направлении опрокинуть его и взять инициативу действий в свои руки, являлось основной мечтой всех руководителей генеральных штабов до и во время империалистической войны 1914—1918 гг. ...

...Провал идеи быстрого окончания войны (3—4 месяца), провал идеи глубоких вторжений с целью нанесения окончательного поражения противнику, прочность современной обороны и слабость и несовершенство в период мировой войны военно-технических средств, для того чтобы опрокинуть и разгромить противника, перешедшего к глубокой обороне на широком фронте, бурное развитие новых военно-технических средств, нового оружия, в технико-огневом отношении более совершенного,— все это, как и многое другое, вызвало к жизни новые оперативно-стратегические теории.

Идея поражения противника на всей его глубине была и в период мировой войны (1917—1918 гг.), но для осуществления этой идеи не оказалось соответствующих военно-технических средств.

Кроме того, постоянно необходимо помнить, что сами-то ударные армии последнего периода мировой империалистической войны в своей массе больше мечтали о свержении буржуазии, чем о «ударной» защите ее интересов.

В настоящее время идея быстрого и глубокого вторжения у западноевропейских военных писателей в основном исходит из двух моментов:

а) создание классово надежной для буржуазии многомиллионной армии для активных наступательных целей;

б) новые боевые технические средства создают новые боевые порядки, новые приемы управления ими, новые оперативно-тактические теории для достижения быстрой и прочной победы; но эта победа может прийти только через осуществление теории, которая гласит, что надо с первого же момента начала военных действий стремиться поразить противника на всей его глубине боевого порядка на участке главного удара, во всяком случае не менее как на 300 км в глубину от переднего края его обороны или государственной границы.

Современные военные писатели капиталистической Европы считают это вполне реальным и достижимым, так как для этой задачи может быть использована отборная в классовом отношении профессиональная армия, кроме того,

созданы такие новые боевые средства, которые должны справиться с задачей преодоления современной обороны противника. Эти средства следующие:

1) Новое танковое оружие, которое не только будет действовать в тесной связи с атакующей и прорывающей машинизированной пехотой, вооруженной автоматическим оружием, непосредственно ее поддерживая, но также будет включать и быстроходные танки для самостоятельного группового действия, вполне могущие выполнять отдельные важнейшие части (атака артиллерии противника, его резервов и войсковых штабов) общей боевой задачи.

2) Новое артиллерийское оружие с увеличенной дальнобойностью, которое может поражать противника на большую глубину, чем то было 15 лет тому назад. Взаимодействуя с пехотой и танками, меняя позиции вперед, артиллерия будет огнем прокладывать путь им в глубину.

3) Новое воздушное и химическое оружие, которое посредством целого ряда различных типов современных боевых самолетов (разведчики, истребители, бомбардировщики, штурмовики), в технико-боевом отношении более совершенных, чем когда-либо, имеет полную возможность громить противника на всей глубине (бомбардировка с воздуха по глубоким тылам плюс воздушные десанты), которая намечена командованием.

4) Новые самостоятельные мотомеханизированные соединения с приданной им боевой авиацией, которые, не подменяя собой современной модернизированной конницы, а напротив, когда это нужно, действуя совместно с ней, обладая огромной ударно-огневой силой, имеют полную возможность по прорыву на узком фронте расположения противника действовать на его фланги и тылы.

Искусное применение всех этих новых боевых средств в полном их взаимодействии друг с другом и с постоянным учетом новых средств противотанковой (ПТО), противовоздушной (ПВО) и противохимической (ПХО) обороны, а также системы современных заграждений обещает удачное выполнение задуманной современной наступательной операции.

Все генеральные штабы современных буржуазных армий... рассчитывают на маневренную войну, на быстрые решения, так как современные многомиллионные массы трудящихся слишком опытны и революционны, чтобы буржуазия, как в 1914—1918 гг., их могла удержать 3—4 года в окопах позиционной войны. Кроме того, в современном мире существует великий, могущественный, передовой, революционный отряд мирового пролетариата — СССР. Все это заставляет военно-теоретическую мысль буржуазии биться в мучительных судорогах в поисках наиболее рациональной стратегии и тактики для будущей войны.

Основное стремление империалистической буржуазии и ее генеральных штабов — это выиграть первое сражение, так как эта победа все же на некоторое время отсрочивает революционные взрывы. Это первое сражение надо выиграть через маневренную войну...

«Маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте. При наличии быстрой смены решений тяжелый молот обрушится то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну» — вот основной лейтмотив современной буржуазной военно-теоретической мысли.

Вопрос лишь в том, как это осуществить с началом будущей войны. Новые военно-технические боевые средства дают широкую возможность «обрушиться то там, то здесь», они уже властно требуют «быстрой смены решений» и исключительной динамичности и непрерывности управления...

Немецкие военные писатели считают, что появление новой самодвижущейся дальнобойной артиллерии, новой боевой авиации и мотомеханизированных частей требует при наступлении расчленять войска и по фронту и в глубину «с таким расчетом, чтобы любая маршевая группа могла немедленно вступить в бой с внезапно появившимся противником, чтобы поражение маршевых групп неприятельскими мотомехчастями и авиацией было наименьшим». Вместе с тем при сближении с противником на 12 км (сфера действий артиллерии противника) колонны должны двигаться не по дорогам, а по местности, причем по местности движение может быть начато и раньше (учитывая наличие сильной дальнобойной артиллерии у противника и превосходство у него в авиации).

Мотомеханизированные разведывательные отряды (РО) и авиация могут заблаговременно предупредить о встрече с противником, а поэтому встречный бой в современных условиях будет носить другой характер, чем в 1914 г. в мировую войну.

Вследствие этого расчлененные по фронту крупные походные колонны более обеспечены от внезапности нападения и потерь.

В своей последней работе «Мировая война угрожает» хорошо нам известный Людендорф пишет:

«Уже в ночь и на первый день мобилизации начинается воздушная и морская война; крупнейшие жизненные центры подвергаются разрушительным воздушным атакам. Противники применяют химию, зажигательные снаряды. Броневые силы в первый же день переходят границу и вторгаются глубоко в страну противника.

С первых же часов войны боевые действия развертываются с необычайной силой и жестокостью. Международное право соблюдается еще меньше, чем в мировой войне 1914—1918 гг. Все договоры о ведении войн, например о запрещении авиации сбрасывать химические бомбы или об ограничении использования подводных лодок и т. д., не помогают уже.

Усилия воздушных сил все больше и больше направляются против неприятельских боевых сил в воздухе, на суше и в море, против таких стратегически важных сооружений, как железные дороги, гавани, промышленные районы или электроцентрали и предприятия военной промышленности.

В первый же день границу переходят наскоро мобилизованные войсковые соединения, усиленные боевые отряды пехоты на грузовиках и моторизованная артиллерия. Взаимодействуя с авиацией, эти силы глубоко вторгаются в неприятельскую страну. Конница, освобожденная авиацией в значительной мере от тех задач, какие легли на нее в начале мировой войны по стратегической разведке, уже не будет так рассредоточена, как в 1914 г. ...»

Иными словами, здесь Людендорф говорит об «армии вторжения», которая в своем составе имеет войсковые части с мобилизационной готовностью от нуля до нескольких часов (авиация с химией, мотомеханизированные части и пр).

Как видим, эти мысли Людендорфа имеют очень много общих точек зрения с мыслями маршала Фоша о войне будущего.

Немецкие военные писатели считают, что в начальный период войны на **главных ударных** направлениях, где по заранее разработанному оперативно-стратегическому плану войны будет действовать «армия вторжения», вполне возможен следующий характер операций:

1) прорыв современными быстроподвижными мотомеханизированными соединениями границы противника;

2) завязка ряда отдельных операций пехотой, отлично технически оснащенной современным автоматическим оружием и мотором;

3) рейдирование мотомеханизированных частей по тылам с увязкой их операций с действиями воздушных десантов (так называемое оперативное окружение);

4) действие современной модернизированной конницы на флангах и захват ею важнейших оперативных пунктов.

На **второстепенных** направлениях немцы считают необходимым организовать части, обильно снабженные автоматическим оружием (легкие и станковые пулеметы, зенитная артиллерия, противотанковые орудия, противохимическое оружие и пр.), хорошо знающие и умеющие создавать современную сложную систему заграждений.

С первого же часа начала боевых действий «армии вторжения», как считают немецкие авторы, надо поднять ту часть населения страны (фашистские элементы и сочувствующие фашистам), которая если не будет призвана в действующую армию, то будет активно помогать в своем противодействии частям «армии вторжения» противника, а также бороться против восстаний революционных рабочих масс.

Французские военные исследователи, говоря о начальном периоде предстоящей войны (Гамелен[119]), Кюльман, Аллео, Шалеа[120]), Луазо[121]) и др.), в основном пишут примерно то же самое.

Они считают, что «армия прикрытия» с самого начала операций должна выполнять функции и задачи «армии вторжения» с основной целью:

1) нарушить мобилизацию противника (немцев);

2) быстро захватить наиважнейшие пункты и рубежи для дальнейших операций по вторжению в глубь германской территории.

Для выполнения этих задач французская армия уже сейчас имеет ряд благоприятных и существенных предпосылок.

Во-первых, французский генеральный штаб считает свою армию мирного времени, находящуюся на метрополии (440 000), «армией прикрытия». Она опирается в своей значительной части на мощные пограничные укрепления. Эта армия сводится в 20 дивизий.

Во-вторых, через несколько дней эта «армия прикрытия» без формального объявления мобилизации, без санкции и согласия парламента одним распоряжением военного министра (по праву, данному ему новым законом) может быть увеличена еще на 20 новых дивизий посредством призыва под знамена 3 возрастных классов (760 000 резервистов) и через существующие 72 мобилизационных центра.

Таким образом, «армия прикрытия» будет равна 40 дивизиям общей численностью 1 200 000 человек. Такая армия, будучи по-современному технически вооружена, на деле превращается в «армию вторжения» и может свободно выполнить крупные оперативно-стратегические задачи.

Из всего этого следует, что французская «армия прикрытия», она же «армия вторжения», будет состоять из значительных сил; это говорит о том, что французский генеральный штаб не намерен вести операции и добиваться конечной победы с помощью небольшой профессиональной армии по теориям Зольдана[122]), Фуллера, Лиддел-Гарта и им подобных, а также по теориям воздушных экстремистов типа Дуэ...

Такая «армия вторжения» начинает действовать с первого же часа начала военных действий.

«Армия вторжения», состоящая из 40 пехотных дивизий (20 постоянной армии плюс 20 второоче-

редных), 6 пехотных дивизий экспедиционных сил, 5 кавдивизий (полумоторизованных), 5 воздушных дивизий, 20 полков легких и средних танков, имея активную цель внезапным ударом сорвать мобилизацию противника, с первого же часа войны вторгается на его территорию.

Эта армия будет в дальнейшем подкреплена опять новыми отмобилизованными силами (3-й эшелон).

Современные военные писатели германской буржуазии, рассуждая о начальном периоде будущей войны, постоянно обращаются к опыту 1914 г. Они делают это для того, чтобы еще ярче оттенить мысль, что будущая война и ее начальный период будут выглядеть совершенно иначе, чем в 1914 г. Этот опыт говорит, что появились новые военно-технические средства, которые заставляют по-новому ставить вопрос о начальном периоде предстоящей войны.

Людендорф говорит, что уже не может быть такого положения, как в июле — августе 1914 г., когда «мобилизация и сосредоточение войск затягивается до 16—17-го дня мобилизации». Он говорит, что активные действия в начальный период в августе 1914 г. были весьма ограничены, малорешительны, а те силы, которые выделялись со стороны как Германии, так и Франции для активных действий на государственной границе до 17-го дня мобилизации, т. е. до момента окончания стратегического сосредоточения и развертывания, были крайне мизерны и что уже таких вещей мы больше не увидим в начальный период будущей большой войны...

Все военные писатели современной буржуазии в один голос заявляют, что не только темпы в мобилизации, сосредоточении и развертывании сил должны быть резко увеличены, но и удар должен быть внезапен, молниеносен и глубок с самого же начала. Для того чтобы это осуществить, нужна готовая к бою еще в мирное время «армия вторжения».

Тов. Тухачевский в своей статье «Военные планы нынешней Германии» (см. «Красная звезда», 2 апреля 1935 г.), анализируя германские взгляды на ведение современной войны и высказывания Секта, Людендорфа, Мецша [123]), говорит, что и тех огромных вооруженных сил, которые имеет современная фашистская Германия для армии вторжения, она может в любой момент выделить 1500 самолетов, 1 мотодивизию плюс 4 механизированные бригады, 5 кавдивизий, не менее 15 пехотных дивизий на автомобилях как первый эшелон. Германия объявила всеобщую воинскую повинность и закон о сформировании 36 дивизий мирного времени, таким образом, остальные 16 дивизий мирного времени составят второй эшелон. Тов. Тухачевский пишет, что «в случае войны Германия может сразу же развернуть до 108 пехотных дивизий.

Маршал Петен называет цифру до 100 дивизий». Иначе говоря, Германия с первого дня войны утраивает количество дивизий мирного времени. Германскому генеральному штабу хорошо известно, что система современной пограничной обороны иная, чем в 1914 г., она строится с таким расчетом, что буквально в минуты изготавливается к встрече с противником. В силу этого «армия вторжения» напорется на сильное сопротивление со стороны противника, для того чтобы «маневренный вал вращался безостановочно», могут потребоваться дополнительные силы; в этом случае германский генеральный штаб рассчитывает на быстроту маневрирования посредством железнодорожного и особенно автомобильного транспорта. Например, в 1934 г. во время фашистского партсъезда за 30 часов автомобильный корпус перебросил в Нюрнберг 1,5 млн. человек. В настоящее время идет усиленная постройка автострад, т. е. гигантских магистральных автомобильных дорог шириной 7,5 м, которые позволяют быстро пересечь всю страну на автомобилях в важнейших стратегических направлениях. Эти гигантские автомобильные шоссе со специальным оборудованием на всем их протяжении (колонки с бензином, мастерские для ремонта, склады запасных частей и пр.) дадут возможность быстро перебрасывать войска и грузы...

...По этим автострадам машина за сутки может делать 1000 км и больше, причем армия в составе пяти корпусов может быть переброшена с западной на восточную границу за 14—16 часов.

Все это чрезвычайно облегчает операцию и ввод резервов армии вторжения, действующей на важнейшем ударном направлении в начальный период войны.

Как видим, все современные генеральные штабы основных буржуазных государств решают развертывать миллионные армии, насыщенные современной сложной боевой техникой, о которой мы говорили выше...

Современная французская военно-теоретическая мысль сделала шаг вперед по отношению к тому плану операций, который проектировал Петен на 1919 г. ...

Если в плане Петена основной оперативно-тактический стержень покоился на мысли сначала сковать фронт противника, притянуть к этому фронту все его резервы, а затем уже, перемолов эти резервы, обескровив противника, вести решительную операцию на участке главного удара, то в данное время французские военные писатели считают возможным с помощью новой военной техники несколько иной способ действий с самого начала операций.

Они говорят, что перемалывание резервов противника слишком длительная и не всегда могущая дать желательный результат операции. Более целесообразно

с помощью новой техники *нейтрализовать резервы* противника и стремиться уничтожить их в глубине неприятельского расположения.

Если уничтожение в глубине не удастся, то нейтрализация резервов противника должна быть обязательно достигнута *на то время*, когда производится главный удар на фронте.

Боевая авиация, авиадесанты, мотомеханизированные дивизии — вот основные силы, на которые ложится задача нейтрализации и уничтожения резервов противника в глубине, в то время как основная масса армии на фронте развивает свои наступательные операции.

Срыв мобилизации и стратегического сосредоточения неприятельских войск к границам возлагается также на эти силы.

В глубине на 300—400 км от государственной границы с помощью боевой авиации, авиадесантов, мотомеханизированных частей и современной модернизованной конницы представляется полная возможность с первых же часов начала боевых действий в корне нарушить все планы по стратегическому сосредоточению и развертыванию армий противника и планы его промышленной мобилизации...

Важнейшие политические и экономические центры противника, железнодорожные узлы и мосты, переправы через реки, аэродромы и районы сосредоточения крупных резервов в 300—400-км полосе от границы германские и французские военные писатели считают совершенно необходимым с первого же часа войны взять под самое жестокое воздействие новых боевых технических средств и главным образом со стороны ВВС (военно-воздушных сил)...

«Армия вторжения», по высказываниям Секта, Людендорфа, Петена, Мецша, Аллео, Шалеа и Фужерона[124]), *во-первых*, должна *опираться на собственную хорошо укрепленную полосу* государственной границы; *во-вторых*, ее удар должен быть *внезапным* и именно в том направлении (оперативная цель), на котором противник не окажет большого сопротивления; она должна, *в-третьих*, создать трамплин для дальнейших действий тех новых отмобилизованных сил, которые будут сосредоточиваться к театру военных действий со всех концов страны (2-й и 3-й эшелоны мобилизации) и, *в-четвертых*, заставить противника отнести аэродромы так далеко в глубь его страны, чтобы у его авиации было меньше шансов прорваться к неприятельским границам и атаковать с воздуха жизненные пункты и районы. Этот последний момент объясняет причину широкого строительства подземных аэродромов.

На страницах французской печати начальник французского генерального штаба генерал Гамелен и его заместитель

генерал Луазо усиленным образом проповедуют теорию борьбы за фланги уже в первый период будущей войны.

Маневрирование войсками с помощью железнодорожного и автомобильного транспорта должно обеспечить командованию выигрыш фланга.

В этом фланговом маневре мотомеханизированные части, боевая авиация и авиадесанты будут играть решающую роль, так как они будут главным образом направлять все свои усилия к истощению резервов противника и выходу ударной группировки в его тыл...

Итак, «армия прикрытия», обращающаяся с момента решения на переход к активным действиям в «армию вторжения», фактически является 1-м этапом, первым эшелоном в проблеме стратегического развертывания современных армий.

Существование «армии вторжения» является концом для юридического и фактического объявления войны посредством дипломатических нот, отозвания послов, а затем уже начала боевых действий, как это было в августе 1914 г.

«Армия вторжения» — это залог для осуществления внезапного удара именно в тот момент, когда меньше чем когда-либо его ожидают.

«Армия вторжения» является боевым щитом, за которым современная империалистическая буржуазия рассчитывает более успешно осуществить план мобилизации, сосредоточения и стратегического развертывания остальных своих вооруженных сил (2-й, 3-й и т. д. эшелоны мобилизации)...

Таким образом, в современной «армии прикрытия» заложена основная и доминирующая оперативно-стратегическая идея активного внезапного вторжения...

Отсюда ясно, что современный оборонительный термин «армия прикрытия» скорее является ширмой для внезапного наступательного удара «армии вторжения».

Существование «армии прикрытия» на границе должно заставлять держать в полной боевой готовности свои силы, чтобы не оказаться застигнутым врасплох и с первого же выстрела не потерять инициативу в действиях.

Насыщение «армии вторжения» современными военно-техническими средствами говорит о том, что приграничная полоса глубиной в 300—400 км является первой зоной боевых действий с первого выстрела противника. А в силу этого борьба за стратегическое развертывание по ранее разработанному плану войны будет самой жестокой, требующей особой гибкости и маневрирования районами сосредоточения и развертывания.

Если продолжительность начального периода войны (от первого дня мобилизации до начала крупных операций в пограничном сражении) в 1870 г. равнялась 19 дням,

а в августе 1914 г.— 16 дням (Германия), то современные генеральные штабы империалистических армий (Франция, Германия, Япония, Польша) стремятся к тому, чтобы для первого эшелона — «армии прикрытия» (она же «армия вторжения») — эти сроки ограничивались **часами**, а для второго эшелона — призыв под знамена новых возрастов — **днями** (5—10 дней)...

Страшная боязнь перехода будущей войны в позиционную с самых же первых боев и операций заставляет всех руководителей иностранных армий так строить и обучать свои вооруженные силы, так организовать работу военной промышленности, чтобы с первого выстрела большой серьезной войны «маневренный вал вращался бы без остановок».

Что касается организации командования, то, опираясь на опыт начального периода мировой войны 1914 г., все генеральные штабы уже сейчас в мирное время ведут тщательную подготовительную работу по одному из сложнейших вопросов четкой расстановки личного состава армии, и особенно крупных войсковых частей и соединений.

Основная установка такова: каждый начальник точно должен знать, что он будет делать с первого дня войны. Это необходимо для того, чтобы каждый начальник в мирное время себя готовил к той роли, которую он будет выполнять в первый период, памятуя, конечно, что работа над военной теорией, а также уставы, полевые поездки, маневры, военные игры на картах в мирное время лишь ориентир, первая отправная точка для проверки себя в первой операции, в первом действительном бою.

Настоящая учеба изо дня в день начнется на полях сражения, там же начнется и действительная проверка накопленных знаний и опыта, там ошибаются, учатся на ошибках, учатся по-настоящему управлять. **Знание и умение** должно работать в полном взаимодействии и взаимопроникновении — вот в чем соль управления.

Кто более подготовлен, предприимчив, умеет вовремя отказаться от старых привычных навыков и заменить их новыми, кто более гибок к восприятию этого нового в борьбе, тот, ясно, будет в выигрыше по отношению к противнику, если тот этими качествами не обладает.

Наличие в современных империалистических государствах «армии прикрытия», которая располагает еще в мирное время районами пограничных укреплений и которая имеет в себе основную тенденцию превращения в «армию вторжения» с постоянной мобилизационной готовностью для внезапного удара и глубокого вторжения в территорию противника с первого часа войны, ясно говорит о том, что этот первый эшелон в первоначальный период войны **не допускает мысли о стратегическом развертывании** своего второго

эшелона где-то в нескольких переходах от границы, от ее укрепленных районов, огневых точек, разбросанных в полосе государственной границы, т. е. отнесение стратегического развертывания назад вроде плана царского генерального штаба от 1910 г.

А раз так, то борьба за район стратегического развертывания, намеченная в мирное время планом войны, будет ожесточенной с первого выстрела новой войны.

В этом деле современная боевая авиация, мотомеханизированные части, современная конница, оснащенная мотором и броней, будут играть огромную роль.

Химическое и огневое нападение посредством авиации на железнодорожные узлы и двигающиеся в районы развертывания эшелоны с войсками и техникой, разрушения железнодорожного полотна на больших участках — все это будет новым фактором, которого мы не наблюдали в августе 1914 г., когда обе воюющие коалиции достаточно спокойно и беспрепятственно производили стратегическое развертывание своих армий.

В этом отношении установка буржуазных военных писателей, что «маневренная война вообще осуществима лишь при исключительной быстроте, при наличии быстрой смены решений, тяжелый молот обрушивается то здесь, то там, не давая покоя противнику, вращая вал без остановки, которая угрожает вызвать позиционную войну», имеет смысл, так как эта установка предусматривает интенсивное маневрирование на случай всяких неожиданностей.

Командование сдаст экзамен на свою зрелость, если сумеет быстро и целесообразно найти выход в том случае, когда предполагаемый планом войны район данного развертывания для данной частной армии оказался невозможным (налетом крупных сил авиации он разрушен, отравлен ОВ, выведен на долгое время из строя, разрушены железнодорожные пути, мосты и техническая связь).

Гибкость и быстрота в новом решении, мобильность в управлении развертываемыми войсками, перенос развертывания в другой район в данном случае необходимы как никогда. А что такие случаи будут в современной войне, в этом сомнения быть уже не может.

Все вышеизложенное совершенно ясно говорит о том, что «армия вторжения» по самой своей сущности не только имеет задачей захватить территорию противника, сорвать его мобилизацию и вероятные районы стратегического развертывания, но она имеет стремление вынести развертывание 2-го и 3-го эшелона своих отмобилизованных дивизий и корпусов вперед на территорию противника. Этого основного нельзя забывать...

Буржуазные генеральные штабы, создавая «армию вторжения», имеют целью не только дать сигнал к образованию вооруженных фронтов в начальный период войны, но и посредством боевого опыта «армии вторжения» распознать противника, разузнать его боеспособность, его слабые и сильные стороны.

Совершенно ясно, что «армия вторжения», развертываясь на 150—200 и более километров фронта с целью глубокого внезапного удара, будет нацелена с первого момента в наиболее важный район противника...

В отношении же разрешения проблемы стратегического развертывания современные генеральные штабы буржуазии считают, что «армия прикрытия» (она же «армия вторжения») вполне может удовлетворить основным требованиям для целесообразного и успешного проведения развертывания вооруженных сил.

Во-первых, безопасность достигается тем, что «армия вторжения» не дает себя преждевременно атаковать, так как она сама внезапным переходом в наступление первая атакует противника.

Во-вторых, выигрыш во времени получается в силу того, что инициатива в ее руках и она бьет еще не совсем сосредоточившегося противника.

В-третьих, превосходство в силах получается благодаря тому, что «армия вторжения» обладает двумя условиями, указанными выше. Решившись на вторжение, этот первостепенной важности политический и стратегический шаг, инициаторы «армии вторжения» сосредоточат подавляющее превосходство в силах и средствах, с тем чтобы получить решающий успех.

В-четвертых, инициатор, пуская в дело «армию вторжения», выберет и удобные районы для ее развертывания и наиболее жизненное и выгодное для себя оперативное направление.

Иными словами, внезапный удар будет направлен в наиболее важном оперативно-стратегическом и политическом направлении при активной обороне на второстепенных...

... Отсюда идет проповедь в современной военной печати гитлеровской Германии, что противника необходимо захватить врасплох, перепутать карты в отношении его районов стратегического сосредоточения и развертывания, которые им намечены еще до войны, захватить быстро эти районы, находящиеся обычно в 80—100—150-км полосе от государственной границы, разгромить и захимить их авиацией, бросить авиаэскадрильи в глубокий тыл с основной задачей внести элементы паники, растерянности и деморализации с первых же часов войны.

Во всем этом активное участие должны принять диверсионные и вредительские шайки, заранее брошенные в тылы на наиважнейших стратегических направлениях, на важнейшие объекты промышленности, городского и сельского хозяйства, военные склады, аэродромы, электростанции и т. п., чтобы затормозить и разрушить оборонную работу этих объектов. Война будет в основном маневренной, но в отношении длительности споры идут большие. Большинство авторов современной буржуазии говорит, что нельзя допускать длительной на целые годы войны, так как такая война неизбежно вызовет революцию и победу последней. Они считают, что совершенно необходимо в начале же войны применять в широких масштабах принцип технической внезапности (различные новые средства разрушения и истребления)...

... Потеря территории страны признается величайшим злом, а внезапное вторжение на территорию противника благом. Мощность и быстрота современной техники внесла новые моменты и знаменитую формулу Мольтке-старшего, что «одна ошибка, допущенная в первоначальном сосредоточении армии, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании». Было бы весьма ошибочным думать, что современные транспортные средства совершенно опрокинули эту формулу Мольтке и сделали ее пережитком. Неправильное нацеливание современных огромных сил и средств повлечет за собой еще большее бедствие, чем раньше, так как не всегда удастся ошибки в проблеме стратегической исправить при помощи транспорта. Мощность и быстрота современной техники внесли новые возможности в прорыв, охват, преследование, но эта же техника, как никогда, требует и предвидения и искусства. План стратегического развертывания живых сил и технических средств и его осуществление в современных условиях развития военного дела является самым ответственным, самым решающим делом. Он должен быть мудрым и максимально простым. Тщательность и всесторонность его разработки, твердое и искусное осуществление его в жизни являются основным требованием к тем, кто призван будет пустить эту гигантскую машину в ход на театре войны, а отсюда и в стране.

Современные генеральные штабы буржуазии хорошо осознали, что сейчас проигранное большое пограничное сражение и качественно и количественно будет резко отличаться от пограничных сражений 1914 г. Проигрыш современного большого пограничного сражения будет огромной, невиданной катастрофой, переломом, большой потерей трудно создаваемых кадров, потерей колоссальных технических средств, которые вбирает, втягивает в себя современное сражение, это будет ударом по материальному состоянию живых сил армии и крушением авторитета полководцев... Итак, искусное

стратегическое развертывание сил и средств на современных театрах войны, целесообразное и успешное введение этих сил и средств в дело, как никогда, будет являться лучшей оценкой того уровня полководческого искусства и творчества, которых достигла данная армия данной страны...

(В. А. Меликов. Проблема стратегического развертывания по опыту мировой и гражданской войны. Изд. Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе, М., 1935, стр. 9—43, 578—601).

★ ★ ★

М. Р. ГАЛАКТИОНОВ

Михаил Романович Галактионов *(1897—1948). Член КПСС с 1917 г. Работал в военных комиссариатах в Самаре, Смоленске, Омске, а затем комиссаром в штабе РККА. Был членом редколлегии газеты «Красная Звезда», редактором газеты «Правда» по военному отделу.*

Основные труды. *«Темпы операций», 1936; «Марнское сражение», 1938; «Марна», 1939; «Стратегическая и тактическая подвижность современных армий», журнал «Книга и оборона СССР», № 14, 1932; «Подвижность и маневр будущего», журнал «Книга и оборона СССР», № 1, 1934.*

ОПЕРАТИВНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ АРМИЙ

В своем труде «Темпы операций», откуда приводятся выдержки, М. Р. Галактионов освещает проблемы оперативной и тактической подвижности армий. На конкретном анализе операций первой мировой войны 1914—1918 гг., главным образом ее начального периода, он приходит к выводам в отношении роли темпов в маневренном периоде войны и необходимости моторизации и механизации армий.

ОПЕРАТИВНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

До сих пор еще в расчетах соотношения сил обычно фигурирует численность войск обеих сторон, которая с дополнением данных о вооружении, обученности и политико-моральном состоянии войск считается надежным критерием для определения шансов в предстоящем столкновении. П о д в и ж н о с т ь, как важнейший фактор, обычно упускается из виду. Это было закономерно для эпохи, когда подавляющую массу войск составляла пехота, подвижность которой была более или менее одинаковой для европейских стран. Наполеон, так же как и его противники, измерял по карте циркулем расстояния, какие должны были пройти его корпуса в течение дня. И все же он одержал свои победы главным образом благодаря более высокой подвижности своей армии. Для наполеоновской эпохи соотношение между численностью войск и их подвижностью выступало с классической простотой. При одной и той же боевой силе получался тем больший оперативный эффект, чем выше была подвижность. Плацдармом

войн была вся Европа. От быстроты передвижения армии прямо и непосредственно зависела возможность нанести врагу внезапный и стремительный удар, заняв при этом более выгодное оперативное положение или выйдя даже на сообщения противника. Сила армии умножалась ее подвижностью...

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ВНЕЗАПНОСТЬ И РАЗВЕДКА

...В новых условиях развертывания массовых армий возможностей скрыть и замаскировать маневр оказалось гораздо меньше, чем в прошлых войнах. Это вытекало не только из наличия новых средств разведки и связи (не забудем, что в эпоху Наполеона не было, например, телеграфа), но главным образом в силу указанной ограниченности поля маневра. Как маневр через Бельгию, так и фланговый маневр со стороны Парижа стали быстро известны противнику, и лишь масштаб их был в обоих случаях неизвестен. Активное время, которое получается в результате выигрыша темпа, оказывается поэтому малым, и реакция противника следует быстрее. Необходимо как можно быстрее и энергичнее использовать его.

Чем выше подвижность маневренной массы, тем больше эффект стратегической внезапности...

«ВОЗДУШНЫЕ КАННЫ»

...Шмитхеннер[125]), автор капитального труда по истории войны, в котором господствует в основном типичная гелертерская схема, характеризует современную эпоху как век оружия дальнего действия *...

Современные военно-технические средства, следовательно, гигантски умножают могущество и действительность огня, и потому все они являются модификациями одной и той же тенденции.

Если мы рассмотрим теперь действия авиации против вооруженных сил противника, то мы вправе сравнить их с действием сверхдальнобойной артиллерии. Эффект будет приблизительно таков, как если бы могущественная артиллерия обстреливала расположение войск. Об огромной силе такого эффекта говорить не приходится. Однако результаты его едва ли придется расценивать выше, чем действие артиллерийской бомбардировки. Жертвы будут громадные, потрясение исключительной силы, но по опыту артиллерийской подготовки эпохи мировой войны надо признать эти результаты недостаточными, чтобы понудить противника к капиту-

---

* Paul Schmitthenner. «Krieg und Kriegführung im Wandel der Weltgeschichte», S. 315.

ляции. Сверх того именно в районе расположения армий следует предвидеть наибольшую мощность средств ПВО как активных, так и пассивных.

Воздушная бомбардировка имеет два основных качества: это, во-первых, огромная быстрота и внезапность, с которой она может быть развернута, во-вторых, ее глубина, способность поражать районы, недоступные для других средств военной техники. Очевидно, что нецелесообразно применять авиацию для поражения ближайших целей (речь идет, конечно, об основной массе бомбардировочной авиации). Наиболее мощным способом использования авиации является удар по базам противника, подразумевая под этим его политические и экономические центры и тыловые армейские базы.

В рассматриваемом случае авиация могла бы обрушиться на Париж и прилегающую область глубокого тыла союзных армий. Результаты такой воздушной атаки были бы потрясающими. Другой вопрос, можно ли считать их также и решающими. Противник может ликвидировать панику в своем тылу. Если ему это удастся, он может бросить в ход оставшиеся у него средства борьбы и в первую очередь свои вооруженные силы, которые при воздушной атаке, направленной против баз, остались в целости. Но в будущей войне, как и в прошлых, нельзя достигнуть победы, не уничтожив вооруженной силы врага.

Что даст воздушная атака для достижения этой основной цели? Она произведет гигантские разрушения в глубоком тылу. Этим в громадной степени сковывается активность войск. Пока не восстановлены тыловые базы и пути сообщения, армии были бы бессильны совершить маневр отхода. Таким образом, намечается разрешение проблемы сковывания, которое при помощи авиации совершается не с фронта, а с тыла. Однако достигнутый эффект необходимо использовать чрезвычайно быстро, ибо при современных средствах восстановление тылов может быть произведено гораздо быстрее, чем раньше.

Арманго пишет по этому поводу: «Можно признать, что воздушные атаки в начале войны произведут эффект разрушения и деморализации длительного порядка, способный сильно повлиять на течение военных операций. Конечно, было бы лучше сблизить во времени первые воздушные атаки с первым наступлением сухопутных сил, но задерживать атаку воздушной армии — значило бы лишить себя огромного преимущества внезапности. Именно сухопутным силам надлежит максимально ускорить свое вступление в действие посредством нового способа мобилизации и концентрации *.

*«L'organisation de l'armée de l'air», «Revue Mil. Franc», Novembre, 1933.

Применение авиации как мощного средства оперативного маневра с сугубой силой ставит вопрос об усилении темпов его развертывания. Результаты воздушной атаки нужно использовать возможно скорее, а это предъявляет гигантские требования к повышению подвижности армий, действующих на земле. И здесь мотор должен сыграть решающую роль.

МОТОМЕХСИЛЫ В МАНЕВРЕ ОКРУЖЕНИЯ

Охватывающее крыло германского наступления 1914 г. в нашу эпоху должно быть моторизовано и механизировано. Выше мы уже подвели читателя вплотную к этому моменту, показав, как должна бы выглядеть организация маневренной массы на правом крыле, т. е. в первую голову 1-й армии. Она должна была бы состоять из трех эшелонов.

Первый эшелон должен обладать максимальной оперативной подвижностью и ударной мощностью. В наибольшей степени это условие может быть осуществлено путем сформирования его из мехбригад быстроходных танков.

Это была бы своего рода «механическая конница». Требуемые скорости движения легко могут быть перекрыты современными типами быстроходных танков. Большие трудности возникли бы в отношении «оперативной выносливости», т. е. способности перекрыть громадное протяжение не менее 1000 км пути (принимая во внимание, что, кроме движения к цели, понадобилось бы маневрирование). Лучшим решением было бы поэтому оснащение колесно-гусеничными машинами типа Кристи, способными развивать на колесах предельные скорости, легко переводимыми на гусеницы. Наиболее удачное сочетание оперативной и тактической подвижности дало бы громадное преимущество соединениям таких машин.

Второй эшелон составили бы мехбригады из легких и средних гусеничных танков, предназначенных главным образом для ведения боя против укрепившегося противника, на которого мог бы наткнуться передовой эшелон. Здесь же должны быть предусмотрены отряды боевых машин для движения во фланг противника, стремительных атак в тыл его...

Третий эшелон состоял бы из моторизованной пехоты.

Все три эшелона действуют в тесной связи друг с другом.

При такой организации были бы возможны максимально быстрое выбрасывание вперед наиболее быстроходных танков, своевременная поддержка их гусеничными танками, наиболее приспособленными к атаке закрепившегося противника, и, наконец, занятие местности пехотой, следующей на автомашинах.

Какие скорости могли бы быть получены для всей этой маневренной массы?

Один немецкий автор * дает следующий расчет скоростей:

пехотная дивизия	в час 4 км,	в день 24—40 км
кавалерийская дивизия	в час 7—8 км,	в день 40—60 км
мехсоединения (танки)	в час 20 км,	в день 150—200 км
пехота на автомашинах	в час 30 км,	в день 250—300 км

Согласно французскому кавалерийскому уставу кавалерия (современная) может дать среднюю скорость марша в сутки 53—100 км, бронемашины — 80—150, dragons portees — 90—150.

Для мотомехчастей теоретически можно говорить о скорости в 180—200 км в сутки; учитывая неизбежные задержки, получаем около 120 км в сутки, т. е. скорость их движения превысит скорость кавалерии вдвое, а пехоты — в шесть раз.

Минусом этой маневренной массы была бы ее громоздкость; мехбригады при движении по дорогам вытягиваются на расстояние от 20 до 50 км. Движение потребовало бы величайшей планомерности и организованности.

Моторизованная пехота весьма уязвима при воздушной атаке и потребовала бы мощных средств охранения.

Местность сыграла бы чрезвычайно большую роль. В рассматриваемом случае наличие многочисленных и хороших дорог благоприятствовало бы движению автомашин и танков; гусеничные машины было бы желательно, где возможно, перевозить по железной дороге и на грузовиках, используя их главным образом для боя. По словам известного немецкого автора **, «несмотря на крайне благоприятные условия французской сети дорог для моторизованных войск, надо полностью уяснить себе, что броневая дивизия не смогла бы развернуть максимальную скорость движения». Имеется в виду крайняя загруженность дорог. Местность имеет свои специфические трудности — пересеченность водными преградами, а также густая застроенность. Это могло бы привести к значительным задержкам.

Снабжение представило бы исключительно трудную проблему в отношении мотомехсил, которые требуют громадных количеств горючего. При движении крупной мотомехмассы с обеспеченными тыловыми дорогами требовалась бы громадная организованность и четкость в организации подвоза, но непреодолимых трудностей не возникло бы. Гораздо острее стоял бы вопрос при самостоятельных действиях мотомехсил с отрывом от своих баз.

---

*«Heereskavallerie und motorisierte Verbände», «Militär-Wochenblatt», 1935, № 34.

** «Motor und Panzer im neuezeitlichen Heere», von Schack, «Deutsche Wehr», 1934, № 21.

Мы ограничиваемся этими несколькими соображениями, оставляя в стороне вопрос, как выглядел бы маневр на базе применения мотомехсил в нашу эпоху, что потребовало бы специального исследования. Анализ уроков 1914 г. неизбежно приводит к выводу, что без применения мотомехсредств такой маневр стал уже невозможен *.

НАСТУПЛЕНИЕ ПЕХОТНОЙ МАССЫ С ФРОНТА

Можно ли в маневре подобного размаха обойтись без пехоты? Читатель, затративший труд для знакомства с предыдущими главами, ясно представит себе нелепость постановки такого вопроса. Вся сложность грандиозного маневра, который проводился миллионным войском на громадном пространстве, все многообразие задач, которые возлагались на отдельные части и группы этой наступающей массы, слишком очевидно выступают в ходе событий 1914 г. Авиация и мотомехсилы — оружие наступательного порядка. Но разве в шлиффеновском маневре не переплетались элементы наступления и обороны, удара и сковывания? Без пехоты маневр окружения такого стиля не может быть выполнен.

Продолжая анализ той конкретной формы, которая была в 1914 г., необходимо рассмотреть теперь состав наступающей с фронта пехотной массы. Особенность ее состояла в том, что она сразу же вступила в непосредственное соприкосновение с противником, и, как мы уже знаем, элементы тактической подвижности получили здесь особо важное значение. Само собой разумеется, что задачи отдельных армий несколько отличны друг от друга. Для 2-й армии, например, требовалась более высокая оперативная подвижность, чем для находившихся левее ее. Она должна была быть в состоянии поспевать за движением 1-й армии вперед. Эти соображения о разности скоростей движения изложены выше. Несмотря на это различие, основная масса 2-й, 3-й, 4-й и 5-й армий должна была состоять из пехоты. Очевидно, ее следовало бы обеспечить автотранспортом для быстрых передвижений там, где этого потребовала бы обстановка. В этом смысле и эта масса войска была бы моторизована.

Не забудем, однако, что на автомашинах бой вести нельзя, а нам уже известно, как часто приходилось вступать в непосредственное соприкосновение с противником армиям, наступавшим с фронта. Применение автосредств должно быть в данном случае, следовательно, чрезвычайно гибким и це-

---

* По мнению немецкого автора, «операция столь крупных сил, которые наступали тогда на правом германском фланге, не может быть и теперь существенно ускорена»... Это неверно: при самых скромных расчетах скорость маневра может быть повышена в несколько раз.

ликом соответствовать задачам момента. Для повышения тактической подвижности необходимо самое широкое применение танков, без которых, как правило, современная пехота не будет вести наступление широкого масштаба. Само собой разумеется, что авиация также должна принять участие в обеспечении наступления пехотных масс. Артиллерия не только сохранит, а во много раз умножит свою роль и значение.

Оснащенная этими и всеми другими средствами современного вооружения, пехота, ведущая наступление с фронта, имела бы все шансы выполнить свои многообразные задачи. Она обладала бы мощными возможностями преодолеть сопротивление задержавшихся сил противника; быстро следовать вперед там, где маневр правого крыла уже оказал свое действие; преследовать противника; с другой стороны, сковывать его там, где требовалось по общестратегическим соображениям, и обороняться в случае контратак.

Мотомехсилы, конечно, должны быть использованы в соответствующих пунктах фронта наступления. В частности, 2-я армия должна была располагать ими, чтобы своевременно поддержать успех продвижения 1-й.

Управление этой гигантской массой было бы обеспечено современными средствами связи.

ОБ УРОКАХ МАРНЫ

Пожалуй, излишне оговаривать после всего сказанного выше, что все эти новейшие средства дают возможность победы, но отнюдь не являются гарантией ее. Искусство использования этих средств в будущем сыграет несравненно большую роль, чем в 1914 г. Координация скоростей движения различных сил и средств, посредством которых совершается маневр, предъявила бы несравненно более высокие требования к главнокомандованию. Самые лучшие средства не обеспечат внезапности, если маневр лишен оригинальности, замысла и того зерна «хитрости», которое должно ввести в заблуждение противника. Уже поэтому простое повторение шлиффеновского маневра едва ли может обеспечить победу. Несомненно, руководители германского фашизма это понимают и постараются придумать нечто новое.

Но проблема особенно осложняется тем, что применение новых средств коренным образом изменяет постановку вопроса о контрманевре противника, для которого теперь имеются гораздо более богатые возможности.

Лишь очень бегло можно здесь наметить возможность контрманевра союзников в рассматриваемом конкретном случае, учитывая наличие современных военно-технических

средств. Надо прежде всего признать, что и с этой точки зрения планы Жоффра заслуживали бы осуждения. Контрнаступление в горной местности Эльзас-Лотарингии или в лесном массиве Арденн было бы нецелесообразно при применении мотомехсредств, которые могли бы попасть в тяжелые условия на дорогах, в горах и в лесах. Эти препятствия, а также цепь германских крепостей могли бы быть гораздо проще форсированы воздушным путем. Авиация союзников могла бы в свою очередь обрушиться на глубокие тылы наступающей армии. По мнению Арманго, воздушная атака (кроме чрезвычайно важной функции — стратегической разведки) могла бы «замедлить» германское наступление; это, несомненно, верно, но результаты ее могли бы быть и несравненно шире. Состязание двух воздушных армий, обрушивающихся взаимно на тылы, оценить крайне трудно, но в данном случае более благоприятная обстановка была бы скорее для германских армий, которые находились ближе к жизненным центрам противника.

Основное преимущество, какое могли бы мотомехсилы дать союзникам, состояло бы в применении их на левом фланге, т. е. противопоставляя контрудар обходному движению правого германского крыла. Кроме того, громадное значение имел бы удар в тыл немцев со стороны высадившейся в Бельгии английской механизированной армии. Здесь, однако, как и в воздушной войне, не следует увлекаться фантастическими картинами сражений одной танковой армии с другой, как это рисуют нам Фуллер и его последователи. Неправильно считать, что масса атакующих танков может быть задержана танками противника.

Гораздо более основательную преграду могла бы представить правильно организованная система ПТО, прежде всего глубоко эшелонированная сеть орудий ПТО, обладающих большой подвижностью. Главный удар танков был бы направлен против пехотных масс, и в частности против моторизованных колонн. Мы считаем, что союзникам едва ли удалось бы в указанной обстановке предотвратить прорыв в глубокий тыл механизированных сил. Но зато они могли бы внести громадное замешательство в развитие маневра, атакуя германскую пехоту, без которой, как мы видели, окружение состояться не могло. Больше чем когда-либо успех маневра зависел бы от быстроты действий. Конечный результат определялся бы тем, какой из сторон удалось бы разгромить главную массу вооруженных сил, т. е. пехоту. Этот вывод находится в полном противоречии со взглядами сторонников Фуллера и Дуэ.

Шансы внезапности маневра большого стратегического размаха сильно снижаются благодаря главным образом наличию глубокой воздушной разведки, но это может

быть компенсировано возросшей стремительностью маневра. Быть может, в будущих сражениях выигрыш темпа будет измеряться не днями, а часами, но этих часов будет достаточно для реализации успеха; так было бы, например, в случае применения мотомехсредств на р. Урк или в Марнской бреши. Само собой разумеется, что и реакция противника будет происходить гораздо более ускоренным темпом, однако к ней в свою очередь будут предъявлены более высокие требования в смысле ее быстроты.

Потеря темпа в операциях 1914 г. возникала, как мы уже знаем, из противоречия между маневром и «фронтом», или, иначе говоря, между оперативной и тактической подвижностью. Преодоление этого противоречия требует применения новой высокоподвижной техники. В 1914 г. были сделаны еще только первые робкие шаги на этом пути.

Намеченные здесь проблемы могут быть более конкретно рассмотрены лишь после учета выводов из эпохи позиционной войны.

В центре первой части нашего труда мы поставили разбор величайшего в истории войн сражения — Марнской битвы. Со всей силой нужно подчеркнуть еще раз, что именно в ней содержится капитальное звено, определяющее основные выводы. Как бы ни сложилась обстановка будущей войны, какие бы формы ни принял первоначальный маневр, совершенно неизбежно это гигантское столкновение масс, в котором обе стороны бросят все свои силы и средства для достижения победы. Уроки Марны выходят за рамки отдельного вывода или нескольких выводов, сделанных нами. Только конкретное изучение этого величайшего урока мировой войны способно дать понятие о том кризисе, каким является общее сражение развернувшихся по тому или иному стратегическому плану войсковых масс. Как бы ни был превосходен маневр, решает все же бой, сражение, в котором войско, имеющее на своей стороне оперативно-стратегические плюсы, должно с оружием в руках доказать свое превосходство. В каком резком противоречии оказались планы сторон и боевая действительность на полях Марнской битвы! Этот потрясающий урок не должен быть забыт. Судьба шлиффеновского плана показывает, как опасна абстракция, которая лишена животворящей силы опыта и практики, умения сочетать великое с «малым»...

(М. Галактионов. «Темпы операций», М., Госвоениздат, 1937, ч. I, стр. 349—413.)

* * *

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ПРИМЕНЕНИЯ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК

— ★ —

★ ★ ★

ВВЕДЕНИЕ

Советская военно-теоретическая мысль обогатила наше военное искусство глубоко разработанной теорией применения бронетанковых войск в бою и операции. Эта теория развилась на основе общих взглядов на характер современной войны и в свою очередь сама оказала большое влияние на наше военное искусство в целом. Развитие этой теории протекало в особых условиях.

Если старые рода войск — пехота, конница, артиллерия — имели богатый практический боевой опыт, а также разработанную теорию их применения в бою и операции, то совершенно иначе обстояло дело с бронетанковыми войсками, носившими в старой русской армии название «броневые силы». Русская армия не имела какого-либо опыта использования танков, и в этом отношении Красная Армия, по существу, создавала теорию применения бронетанковых войск впервые. Такое положение, естественно, затрудняло развертывание советских бронесил и разработку теории их применения. Вместе с тем это обстоятельство имело и положительное значение: прошлый опыт и старые, отжившие идеи не висели тяжелой гирей на ногах быстро развивающихся советских бронетанковых войск, как это было, например, в английской и особенно во французской армиях в течение долгих лет после окончания первой мировой войны. Советская военно-теоретическая мысль в области применения бронетанковых войск развивалась на основе наиболее прогрессивных взглядов и выдвигала самые передовые идеи. Мы, конечно, учитывали при этом опыт капиталистических армий, и все полезное, что имелось в этой области в зарубежных странах, было использовано нами при строительстве советских бронетанковых войск.

Советская военная теория оперативного применения бронетанковых войск до Великой Отечественной войны прошла в своем развитии два основных периода.

Первый период, охватывающий двадцатые годы, можно характеризовать как зарождение теории оперативного при-

менения танков. Уже в начале двадцатых годов советская военно-научная мысль наряду с разработкой тактических проблем применения танков ставила вопросы о возможностях их использования для решения самостоятельных задач в рамках операции. Правда, в те годы советская армия отечественных танков еще не имела; тем не менее сама постановка проблемы, хотя бы и в чисто теоретическом аспекте, имела большое значение для ее дальнейшей разработки. К концу двадцатых годов теория оперативного применения танков впервые получила материальную основу. На Белорусских маневрах 1929 г. участвовал механизированный полк, затем была создана механизированная бригада. В 1929 г. Командующий Московским военным округом И. П. Уборевич и Врид. Начальника Штаба РККА В. К. Триандафиллов провели на лагерном сборе смотр сводного мехполка и 1-й отдельной особой кавбригады. На опыте этих учений вырабатывались формы применения и способы действий танков в бою и операции. В Полевом уставе 1929 г. предусматривалось использование танков не только для совместной атаки с пехотными частями, но и для выполнения самостоятельных задач на флангах и при развитии прорыва. Такое оперативное применение танков отражало уже зарождавшуюся идею глубокой операции.

Второй период в развитии теории оперативного применения бронетанковых войск охватывает тридцатые годы. Его можно характеризовать как становление и оформление советской теории на новой материально-технической базе в стройную систему по всем основным вопросам строительства бронетанковых войск. Последнее десятилетие перед Великой Отечественной войной характеризуется особенно бурным развитием советской военно-теоретической мысли. Широкое развертывание бронетанковых войск, в том числе и крупных механизированных соединений, предназначенных для самостоятельных действий, оказало огромное влияние на развитие советского военного искусства. Крупные соединения бронетанковых войск типа механизированного корпуса явились тем новым боевым средством, которое дало возможность по-новому решать проблему глубокой операции и явилось ее основной ударной силой.

Теория глубокой операции как концепция наиболее передовых оперативных взглядов предусматривала использование бронетанковых войск как для участия в прорыве тактической обороны противника, так и для развития тактического успеха в оперативный. В соответствии с этим общим предназначением разрабатывались конкретные формы применения и способы действий крупных соединений бронетанковых войск. В первой половине тридцатых годов на страницах советской военной печати развернулся широкий обмен мне-

ниями по наиболее актуальным вопросам, связанным с применением соединений бронетанковых войск в операциях.

Большое влияние на развитие наших взглядов в области применения бронетанковых войск имели военно-теоретические работы К. Б. Калиновского, которого можно считать одним из пионеров разработки советской теории применения и организационного развития бронетанковых войск. В работах К. Б. Калиновского впервые достаточно широко были поставлены наиболее важные проблемы развития бронетанковых войск и намечены пути их решения. Известное место в развитии теории оперативного применения бронетанковых войск в первой половине тридцатых годов имели также работы С. Н. Аммосова, В. П. Крыжановского, В. В. Фавицкого, П. П. Рулева [126]), В. Т. Вольского [127]), И. А. Эрнеста, А. А. Игнатьева и других. В целом тридцатые годы занимают весьма важное место в развитии советской военно-теоретической мысли. Именно в это время сформировалась система официальных теоретических положений по вопросам применения крупных соединений бронетанковых войск, которые последовательно нашли отражение в наставлении «Вождение и бой самостоятельных механизированных соединений» (1932 г.), в проекте наставления «Самостоятельные механизированные соединения» (1937 г.), а также в проекте Полевого устава 1939 и 1940 гг.

Сложная обстановка конца тридцатых годов сказалась отрицательно на развитии нашей военно-теоретической мысли. Основные положения теории глубокой операции и принципы использования в ней бронетанковых войск были взяты под сомнение, так как участвовавшие в ее разработке руководящие военные кадры были репрессированы и объявлены «врагами народа». Наметился отход от наших прежних взглядов в области применения и организационного строительства бронетанковых войск.

На основе ограниченного опыта применения танков в Испании были сделаны ложные выводы о невозможности применения крупных танковых или механизированных соединений для решения глубоких самостоятельных задач, и само существование подобных соединений было признано нецелесообразным. Поспешное и опрометчивое проведение подобных взглядов в жизнь привело к тому, что в конце 1939 г. наши танковые корпуса были расформированы. Уже первый опыт боевых действий начального периода второй мировой войны на Западе показал несостоятельность подобных взглядов и вместе с тем наглядно подтвердил правильность взглядов нашей военной теории середины тридцатых годов на роль, место и задачи в операциях крупных соединений бронетанковых войск.

Всесторонней проверке наши военно-теоретические взгля-

ды по вопросам применения бронетанковых войск подверглись в Великой Отечественной войне. Практика подтвердила правильность основных теоретических положений по их оперативному применению, разработанных в тридцатые годы.

В настоящее время наша теория в области оперативного использования бронетанковых войск, учтя богатый опыт Великой Отечественной войны, ушла далеко вперед. Но нынешнее поколение советских танкистов с чувством большой признательности и благодарности вспоминает тех, кто своими теоретическими исследованиями закладывал основы военного искусства этого нового в ту эпоху рода войск.

★ ★ ★

К. Б. КАЛИНОВСКИЙ

Константин Брониславович Калиновский *(1897—1931). В Красной Армии — с 1918 г. В период гражданской войны был командиром и военным комиссаром бронепоезда, а затем инспектором бронечастей Кавказской армии. После окончания Военной академии РККА (1925 г.) работал инспектором броневых сил. С ноября 1929 г. — заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА. Погиб 12 июля 1931 г. при авиационной катастрофе.*

Основные труды. *«Танки», 1925, а также ряд статей; «Использование танков и взаимодействие их с пехотой», журнал «Военный вестник» № 27, 1927; «Взаимодействие пехоты с танками», журнал «Военный вестник» № 25, 1928; «Танки в группе ДД», журнал «Моторизация и механизация» № 1—2, 1931.*

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ МЕХАНИЗАЦИЯ И МОТОРИЗАЦИЯ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ?

Статья К. Б. Калиновского «Проблемы маневренной войны с точки зрения механизации и моторизации» была опубликована в газете «Красная Звезда» в № 161 и 164 за 1930 г. Автор показывает, какое влияние окажет механизация и моторизация на характер будущих операций, а также роль и задачи в них механизированных соединений. Статья печатается с сокращениями.

Широко развернувшийся в настоящее время процесс моторизации и механизации современных армий является следствием объективной необходимости перестройки организации и проведения операций в соответствии с опытом мировой войны. Эта перестройка должна дать **увеличение размаха и темпа операции** для того, чтобы полностью, до конца использовать стратегическую внезапность наступающего, способную в полной мере поколебать оборону противника на крайне возросшем по протяжению и в глубину вооруженном фронте; **усиление прорывной (ударной) силы** оперативной группировки для повышения темпа наступательного боя и сохранения необходимой тактической внезапности в условиях возросшей силы обороны.

Будущая война начнется и будет развиваться при исключительном значении в операции трех элементов — механизации, авиации и химии [128]), причем особое значение приобретет мотор. К настоящему времени можно констатировать бес-

спорные, весьма четко выявившиеся организационные тенденции в области моторизации и механизации современных армий...

Техническая эволюция танка, давшая ему большую подвижность, соединенную с достаточным запасом хода, превратила его из узко тактического средства пехотной атаки в средство широкого оперативного размаха. Современный танк способен участвовать во всех фазах боя и операции. Несмотря на то что имеются тенденции включить танки в качестве постоянного элемента в состав стрелковых и кавалерийских соединений, основная масса их будет входить в состав резерва главного командования и значительная часть их будет служить основой для создания самостоятельных механизированных соединений [129]).

Вполне вероятно, что в связи с появлением бронемашины повышенной проходимости танковый резерв превратится в броневой резерв главного командования. В него будут входить **средние маневренные танки** для действий в качестве групп содействия войсковым соединениям (наши группы ДД); **легкие (сопровождения) танки** для выполнения задач сопровождения пехоты и **автобронечасти** для задач разведки, охранения и т. п.

Таким образом, эти группы будут представлять собой последнюю ступень к переходу к самостоятельным бронированным соединениям. Однако надобность в таких группах или просто в танковых частях не отомрет до тех пор, пока будет существовать пехотная атака, как таковая...

Современное развитие механизации и моторизации идет в двух основных направлениях — **«модернизация» старых родов войск и служб**, как следствие внедрения в организмы их мотора в том или ином виде. В отдельных звеньях это принимает характер полной замены мускульной энергии человека или лошади, рассматриваемой как источник движения или передвижения при помощи мотора. Во-вторых, идет развитие **нового рода войск** — механизированных частей и соединений. Никакого постоянного, застывшего соотношения между этими двумя направлениями развития не может быть: первое подготавливает постепенное видоизменение старых родов войск, приближая их к механизированным соединениям, второе имеет тенденции постепенного расширения, повышение своего удельного веса в общем составе вооруженных сил. Таким образом, механизированное ядро современных армий, постепенно расширяясь, будет приобретать все большее и большее значение.

Пределы этого развития и его окончательное выражение трудно предусмотреть: ничто не препятствует дальнейшей эволюции мотора, как источника энергии, и развитию самой машины, как механической повозки...

Возможность развития моторизации и механизации армий и значение их возрастают по мере внедрения мотора и механического транспорта во всю механическую жизнь страны, роста и соответственного экономического и культурного изменения театров военных действий...

В связи с этим наращивание механизированных и моторизованных средств борьбы должно идти в полном соответствии с инженерным и техническим оборудованием театров военных действий... Причем исключительное значение для сохранения надлежащего размаха оперативного маневра приобретает возможность надлежащего темпа и объема восстановления мостов и наведения всякого рода других переправ во всяком случае до тех пор, пока боевые машины механизированных частей не приобретут постоянного свойства плавучести или хождения по дну (что технически вовсе не исключено)...

...Искусство командования в будущей войне будет заключаться не в том, чтобы отсиживаться в болотах, лесах и горах, как некоторые думают, а в том, чтобы используя, как надо и где надо, моторизованное и механизированное ядро своей армии, уметь нанести сокрушительные удары противнику, умея в свою очередь уходить из-под таких ударов, используя ту же механизацию и моторизацию для организации мощного заграждения инженерными и химическими средствами...

Поскольку армии, по крайней мере на ближайшее время, не потеряют своего массового характера, естественно, что они будут располагаться с той или иной плотностью по всему фронту возможного столкновения... Как бы то ни было, проблема прорыва укрепленного или даже неукрепленного фронта противника не должна быть сбрасываема со счетов оперативного плана...

В таком случае стадии операции, начинающейся с прорыва фронта противника, будут следующие: стадия прорыва, стадия развертывания оперативного маневра, стабилизация маневра, подготовка новой операции.

Стадия прорыва будет иметь, по нашему мнению, в основном следующий вид. Прежде всего быстрое **сосредоточение ударного и прорывного ядра**, состоящего главным образом из артиллерии РГК на механической тяге, танкового резерва ГК, мощных инженерных и химических средств (моторизованных)... Далее **войсковые соединения 1-го эшелона** оперативного сосредоточения, поддерживаемого мощными техническими средствами, **прорывают фронт противника, овладевая его оборонительной полосой.**

Одновременно **сосредоточенные массы авиации**, получившие господство в воздухе, **производят разгром оперативных железнодорожных узлов** с целью помешать подвозу стратегических резервов противника...

В настоящее время основным для успешного прорыва фронта противника является **непрерывное нарастание прорывной ударной силы наступающего с возможным наиболее полным и глубоким поражением всего оборонительного расположения противника...**

Стадия развертывания оперативного маневра рисуется в следующем виде. Механизированные соединения, стратегическая конница (1-й эшелон оперативного маневра), устремляющиеся в прорыв вместе с мощной штурмовой и бомбардировочной авиацией, встречными столкновениями ликвидируют подходящие пешком, на автомобилях оперативные резервы противника.

Дезорганизация тыла противника — узлов управления, снабжающих баз... производится рейдирующими механизированными соединениями и стратегической конницей, сопровождаемыми десантами с воздуха.

Одновременно войсковые соединения (второго эшелона оперативного маневра) развертывают маневр на автомобилях (автомобильный маневр), поданных из состава авторезерва главного командования...

...Мы должны теперь считаться с тем, что с объявлением войны производственная мощь вступивших в войну стран будет развернута в сравнительно короткий срок до полного напряжения...

В связи с этим произойдет быстрая качественная перелицовка армий в техническом отношении, которая пойдет прежде всего по линии авиахимизации и моторизации (механизации)...

...Процесс моторизации и механизации представляется совершенно необходимым и закономерным. Машина не чувствительна к газу, она же способна дать газонепроницаемость для целого коллектива людей. Неуязвимость от авиации и химии можно и должно искать в скорости. Скорость — это механизация и моторизация. Скорость — «это реальное вооружение». Скорость — это одна из основных проблем современной военной техники и современного военного искусства...

(К. Калиновский. «Проблемы маневренной войны с точки зрения механизации и моторизации». «Красная звезда» № 161, 164 за 1930 г.)

ПРОБЛЕМА МОТОРИЗАЦИИ И МЕХАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ АРМИЙ

Статья К. Б. Калиновского «Проблемы моторизации и механизации современных армий» опубликована в Трудах Коммунистической академии (Секция по изучению проблем войны. «Записки», т. 3) в 1931 г. Это — последняя работа автора, в которой наиболее полно были отражены наши

взгляды начала тридцатых годов по основным проблемам развития мотомеханизированных войск. В ней рассматриваются основы организации механизированных и моторизованных соединений, их боевые свойства и назначение, основные формы боевого применения мотомеханизированных соединений и выполняемые ими задачи. Работа публикуется с сокращениями.

Моторизация и механизация современных армий являются важнейшими проблемами военного строительства как с организационно-технической, так и с военно-политической точек зрения, так как появление мотора на службе в военном деле является исходным моментом переустройства армии на новой технической основе и радикального изменения способов ведения войны. До появления мотора в военной технике важнейшим составным элементом, определяющим подвижность всякого оружия любого типа, являлась мускульная энергия человека или лошади; это ограничивало возможность того или иного оружия, оставляя все остальные рода войск, к которым мы привыкли, по выражению Фуллера, «мускульно-движимыми». Мотор как источник механической энергии, внедряясь в военную технику, дает переменную данную, которая, чрезвычайно быстро изменяясь, изменит и свойства оружия и тем самым способы ведения войны. Ясное дело, что никакое оружие, как бы современно оно ни было, никогда не будет действовать без человека, как первоисточника энергии, приводящей в действие то или иное оружие. Поэтому социально-политическая основа вооруженной борьбы, ее решающее влияние на исход войны неустранимы, но вместе с тем это не устраняет и того факта, что мускульная энергия человека, как непосредственное средство борьбы, приобретает другое и все меньшее значение на полях сражений и боя.

Переворот в военном деле под влиянием внедрения мотора может осуществиться в больший или меньший, но в общем не столь длительный промежуток времени, в зависимости от целого ряда экономических и политических причин. Это, конечно, не значит, что мы сейчас же должны броситься в какую-то фантазию или голую абстракцию, не отдавая себе отчета в том, на каком этапе в этом отношении мы в настоящее время находимся...

Мы можем рассматривать механизацию как некую высшую, более конкретную стадию моторизации, исходя из того, что моторизация есть вообще применение мотора в военном деле и притом главным образом как транспортного средства. Механизация есть тоже применение мотора в военном деле, но не только в качестве транспортного средства (автомобиль, трактор), но и как непосредственно боевого оружия, одновременно сочетающего в себе элементы механического движения, элементы огневого нападения на противника и элемент броневого укрытия, броневой защиты в единой боевой

машине (танке). Поэтому если вопросы модернизации старых родов войск под влиянием внедрения в них мотора сейчас более или менее определились, отшлифовались (имея в виду те изменения, которые испытали сейчас основные рода войск — пехота, артиллерия и конница — под влиянием моторизации и механизации), то в настоящее время проблема моторизации и механизации лежит главным образом в плоскости исследований и изысканий методов и форм создания моторизованных и механизированных войсковых соединений. В особенности сложным представляется вопрос с механизированными соединениями...

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЗЗРЕНИЙ НА ХАРАКТЕР БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Теперь, когда мы имеем перед собой в общих чертах техническую эволюцию боевых и транспортных машин, интересно будет поставить вопрос о том, как же различные военные теоретики реагируют на это? Если взять того же Фуллера, то мне кажется, что он совершенно справедливо выдвигает следующее положение: «наибольшей опасности быть застигнутым врасплох внезапностью подвергается тот, кто предполагает, что будущая война будет похожа на предыдущую». Он обвиняет европейские генштабы в том, что они были «рабами прошлого, а не господами настоящего». «Боевая подготовка является истинной основой боя, который должен быть ее продолжением так же, как сама война должна быть продолжением политики мирного времени. Подготовка должна быть основана не только на известной нам обстановке прежних войн, но прежде всего на вероятной обстановке будущей войны»...

Соответственно этому, по мысли Фуллера и его приверженцев, строительство новых... армий должно идти по пути «увеличения подвижности, ибо подвижность важнее численности»... Отсюда Фуллер выдвигает знаменитую «проблему последних 800 ярдов», т. е. ту проблему, которую мы до сего времени имеем во время сближения пехоты с противником для ближнего боя. Все идет хорошо, пока идет сближение на дальних дистанциях, а когда нужно преодолевать оборонительную полосу атакой, то здесь возникают неизбежные трудности. Эта проблема, по его мнению, решается броней ибо «полдюйма стали останавливают пол-унции свинца»...

Наконец следующий принцип — это принцип уменьшения численности армии за счет повышения индивидуальной мощи бойца, что достигается в своей совокупности механизацией армии. Здесь Фуллер так ставит вопрос: ...«Коллективная выносливость армии тесно связана с ее численностью, и, как это

ни странно звучит, чем больше армия, тем меньше ее психологическая выносливость». «Человек на поле сражения является помехой как с физической, так и с психологической точки зрения, поэтому не следует искать выносливости в увеличении численности»...

Какова же наша установка в этом отношении, как мы в СССР этот вопрос разрешаем? Приведу тезис VIII пленума Коминтерна, который, разбирая вопрос о характере будущей войны, следующим образом его формулировал: «Будущая война — это война механизированная; каждая страна будет превращена в огромную фабрику средств истребления. Мотору в деле механизированного убийства будет принадлежать решающее место». Далее подчеркивается, что тем не менее армии не потеряют своего массового характера, что буржуазия принуждена будет использовать на войне огромные массы трудящихся, которые неизбежно придут с ней во враждебное столкновение...

В этом положении существует резкое расхождение с тем, что говорит Фуллер о малочисленных армиях. Этот большой и принципиальный вопрос подлежит специальному рассмотрению. Отметим лишь, что в практическом строительстве вооруженных сил капиталистические страны не отказываются и не могут отказаться от массовых армий, ибо это значит заведомо отказаться от одного из решающих преимуществ в предстоящем конфликте. Моторизация и механизация армии, внося соответствующие изменения в соотношение родов войск, в соотношение между действующей и обслуживающей армиями, не устраняют отнюдь массового характера армий...

МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ

Эволюция технической базы привела нас к возможности создания механизированных соединений. Мы видим, что в Западной Европе тактическая мысль идет в сторону известной «эмансипации» танков от пехоты. Когда вопрос стоит так, что танк должен максимально использовать свою скорость и глубоко проникать в оборонительную полосу в качестве самостоятельных групп ДД (дальнего действия), то все-таки нужно считаться с тем, что, выполняя эти задачи, он в значительной мере будет предоставлен самому себе, ибо кто же окажет поддержку группе дальнего действия, когда она глубоко проникла в глубь противника, кто окажет помощь эшелону танков, который будет уничтожать артиллерийские позиции, командные пункты, штабы и т. д. в тылу противника. Для обеспечения действий танков в глубине нужно действительно создавать вокруг танков тот самый тактический комплекс разнообразных средств разведки и огневого сопровождения.., т. е. по существу переходить к организации меха-

низированных соединений, способных вести самостоятельный бой...

Обзор английских и американских установок сегодняшнего дня приводит к постановке следующих принципиальных вопросов в связи с намечающимся развитием механизированных соединений:

а) Следует ли иметь универсальные (однотипные) механизированные соединения (как это намечают американцы) или разнотипные (легкие и средние по английскому наставлению 1929 г.)?

б) Не идет ли развитие механизированных соединений на смену прежнего танкового резерва главного командования?

По первому вопросу, очевидно, нужно признать, что англичане показывают дальнейший этап развития механизированных соединений путем их дифференциации в зависимости от различного назначения и различных задач, что требует и различной материальной части. Американцы к этому этапу еще не пришли, но уже предусматривают возможность придачи механизированной группе в целях ее усиления средних танков для выполнения особых задач.

По второму вопросу следует признать в перспективе возможность исчезновения танкового резерва главного командования в некоторых армиях (в частности, английской), хотя в настоящее время американцы в последнем издании своего пехотного устава ответили на этот вопрос отрицательно, предусматривая необходимость совместного существования и танковых частей, как таковых, и механизированных соединений, в которых танковые части составляют основное ударное ядро. Очевидно, для переходного этапа развития от танковых частей к механизированным (броневым) это нужно признать вполне целесообразным.

Нужно отметить и то обстоятельство, что оба крупнейших империалистических конкурента исходят, по-видимому, из несколько различных технических возможностей. Англичане отмечают, что их механизированные соединения способны в течение недели сделать 6 суточных переходов по 80 км, американцы же говорят о том, что механизированное соединение должно совершать маневр собственным ходом не свыше 120 км — на бо́льшие расстояния его нужно возить по железной дороге... Как бы то ни было, все-таки мы должны считаться с фактом, что современные механизированные соединения ограничены и **достаточной живучестью своей материальной части и возможностью непрерывного действия все еще не отличаются**.

В общем можно примерно рассчитывать на 2—3 суток боевой работы этого соединения, а затем его нужно обязательно отводить в резерв для приведения в порядок, для восстановления (ремонта) [130].

В связи с этим на сегодняшний день механизированные соединения могут быть соединениями именно в руках войскового командования. По своим возможностям это могут быть соединения оперативно-тактического характера. Если попытаться сформулировать свойства, которыми на сегодня обладают эти механизированные соединения, то их можно было бы таким образом зафиксировать.

Боевые свойства механизированных частей характеризуются следующим:

а) **Бóльшая, чем у других родов войск, подвижность.** В среднем при относительно благоприятных условиях местности оперативная подвижность механизированных частей будет в полтора, а иногда и в два раза выше, чем у конницы. Тактическая подвижность в среднем будет тоже выше, чем у конницы, но на определенные ограниченные промежутки времени может оказаться меньшей, чем у конницы (движение конницы карьером).

б) **Относительная неуязвимость для обычного ружейно-пулеметного огня** (в силу броневой защиты большинства боевых машин). Тем не менее атака без специальной подготовки укрепленной позиции противника, насыщенной артиллерийскими и специальными противоброневыми средствами — крупнокалиберными пулеметами и мелкокалиберными скорострельными пушками, будет связана со значительными потерями.

в) **Большая ударно-огневая сила**, что дает повышенную по сравнению с другими родами войск наступательную способность, при условии, что местность позволяет развивать достаточные боевые скорости — 8—12 км в час.

г) **Высокая проходимость** как следствие наличия гусеничного движителя у большинства боевых машин. В отношении грунта механизированное соединение может пройти всюду, где способна пройти пехота. Но леса, сильно пересеченная местность с оврагами и т. п. являются труднодоступными, болота и горы в большинстве случаев вовсе недоступны.

д) **Ограниченная способность** удерживать местность как следствие невозможности продолжительного пребывания в определенном районе, подвергаясь расстрелу артиллерии и воздействию других средств противника.

е) **Ограниченная по времени способность непрерывного действия** как следствие недостаточной еще надежности материальной части и быстрой утомляемости личного состава. В среднем после 2—3-дневной непрерывной боевой работы необходим вывод в резерв для просмотра и исправления материальной части и отдыха людей. Требование большого напряжения может привести к полной потере боеспособности на длительное время.

ж) **Трудность управления** быстро маневрирующими подразделениями, действующими на сравнительно широком пространстве и при отсутствии пока еще вполне надежных средств механической передачи во время движения.

з) **Сложность и трудность организации боевого питания** и восстановления механизированных частей в условиях быстротечного маневра (привязанность к тылу) [131]).

Наиболее целесообразное использование всех боевых свойств механизированного соединения достигается при максимальном использовании его наиболее характерного свойства — подвижности.

Исходя из этого общим назначением механизированных соединений должно являться:

а) **Усиление подвижных частей** — моторизованных — и частей конницы в качестве ударного средства быстрого подавления противника.

б) **Образование подвижного ударного средства в руках войскового командования** (командира корпуса, иногда командира дивизии).

в) Иногда действия в связи с крупными авиационными соединениями для захвата важных тактических (иногда оперативных) пунктов.

В связи с этим на механизированное соединение могут быть возложены следующие **задачи**:

а) **Атака противника в маневренном столкновении** (встречный бой), увязывая его действия с действиями конницы, моторизованных частей и войсковых соединений по крупным тактическим целям.

б) **Развитие успеха** (например, после прорыва фронта противника), **преследование** на поле сражения и **борьба с оперативными резервами противника**.

в) **Образование подвижного ударно-огневого резерва** в руках крупного войскового командования.

г) **Атака обороняющегося противника** при содействии других родов войск, в особенности артиллерии и авиации, обеспечивающих предварительную нейтрализацию противника. Использование успеха атаки механизированного соединения в этом случае ляжет в большинстве случаев на конницу.

д) **Атака укрепленной полосы может рассматриваться лишь как вынужденная необходимость**. В этом случае необходима весьма тщательная продуманная подготовка атаки и ее обеспечение со стороны других родов войск.

Таким образом, основным видом боевой службы механизированного соединения является глубокая и мощная атака в связи с действиями войскового соединения или стратегической конницы. Последние должны своевременно реализовать успех атаки механизированного соединения.

Механизированное соединение, за редким исключением, не должно назначаться для выполнения самостоятельных задач: а) захвата удаленного рубежа, б) оперативной разведки. Эти задачи должны выполняться моторизованными соединениями и конницей, коим могут быть придаваемы механизированные соединения.

Оперативная и тактическая ценность механизированного соединения в наибольшей степени выявляется во всяком маневренном быстротечном столкновении, когда противник не успел развернуть всех своих огневых средств и организовать надлежащую противоброневую оборону.

Таким образом, назначение и весь комплекс перечисленных выше проблем имеет отвес в сторону некоторого расширения тех задач, которые намечаются для самостоятельно действующих танков (групп ДД), а сверху ставится известный оперативный предел. Это то реальное, что может механизированное соединение брать на себя на сегодняшний день.

МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ В СРАВНЕНИИ С МОТОРИЗОВАННЫМ СОЕДИНЕНИЕМ

Вообще получается, как это ни странно, что моторизованное соединение типа войскового соединения, оснащенное соответствующими средствами разведки, обладает самостоятельностью большей, чем подобного рода механизированное соединение. Если провести в этом отношении известное сравнение моторизованных и механизированных соединений, то получится такая картина. В отношении оперативного маневра по дорогам моторизованное соединение на сегодняшний день имеет перед механизированным преимущество, ибо все-таки колесный движитель дает большую надежность в своей работе, чем гусеничный, но при оперативном маневре по бездорожью преимущества на стороне механизированного соединения, ибо гусеничные машины способны держать среднюю скорость более уверенно по плохой дороге, чем колесные. Если взять размах самого маневра, то опять-таки, если этот маневр развертывается по соответствующей сети дорог, преимущества пока будут у моторизованного соединения, а не у механизированного. С точки зрения наступательных возможностей наступательная способность механизированного соединения выше, чем моторизованного, ибо моторизованное соединение с того момента, как его части выгрузились с машин, превращается в обыкновенное войсковое соединение (если оно усиливается бронетанковыми частями, то соответственно повышается и его ударная сила).

Таким образом, у моторизованного соединения между оперативным и тактическим маневром — перерыв, связанный

с необходимостью выгрузки бойцов с машин с последующим развертыванием в боевой порядок по-пехотному.

Способность удерживать местность у моторизованного соединения полная, а у механизированного соединения эта способность будет равна почти нулю [132]), сила механизированного соединения — в движении и в огне. Если взять признаки зависимости от условий местности, то тут, конечно, плюс будет на стороне механизированного соединения. Механизированное соединение обладает, несомненно, большей проходимостью в силу наличия гусеничных машин.

В отношении продолжительности действия преимущество на стороне моторизованного соединения потому, что оно фактически имеет возможность действовать столько же, сколько и любое войсковое соединение, а механизированное соединение в силу особенностей своей работы, в силу особенностей обслуживания машины, которое вызывает быструю утомляемость личного состава, будет более ограничено в этом отношении.

Основное преимущество механизированного соединения: высокая проходимость, соединенная с подвижностью и большой ударной силой. Его наступательная способность значительно выше наступательной способности моторизованного соединения, что явствует из наличия боевых машин, сочетающих одновременно огонь, броневую защиту и движение в соединении с возможностью сохранять постоянную боевую готовность и быстрое развертывание из походных порядков в боевые...

ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ И МОТОРИЗОВАННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Механизированное соединение, как сказано выше, характеризуется тем, что все его бойцы находятся в гусеничных боевых самоходных машинах танкового типа, т. е. в таких машинах, которые сочетают в себе одновременно огонь, движение и броневую защиту. Следовательно, это соединение будет отличаться большей подвижностью, высокой проходимостью, большой ударно-огневой силой и ограниченной способностью удерживать захваченную местность. Оперативный маневр этого соединения трансформируется в тактический маневр — атаку — простым изменением походных порядков на боевые, что проистекает из того положения, когда бойцы маневрируют и ведут бой, постоянно находясь в своих машинах.

Моторизованное соединение характеризуется тем, что на его вооружении состоят машины транспортного типа (неорганизованные), которые служат лишь средством для переброски бойцов к полю боя. Таким образом, это соединение будет отличаться большой подвижностью до поля боя, огра-

ниченной проходимостью, достаточной способностью удерживать местность. Между оперативным и тактическим маневром (боем) соединения будет значительный перерыв, связанный с необходимостью выгрузки, сосредоточения и ведения боя обычным способом (по-пехотному).

Организация механизированного соединения представляется в настоящее время на следующих основаниях:

а) Часть обеспечения (разведка и охранение) из танкеток, бронеавтомобилей, т. е. разведывательных машин.

б) Ударное ядро (атака) из легких танков и средств танковой атаки (пулеметовозы, минометовозы, самоходные пушки и гаубицы).

в) Части для захвата и удержания местности (механизированным частям придаются автобатальоны, передвигающиеся на транспортерах). Необходимость в подобной части подвергается оспариванию...

г) Вспомогательная часть из саперных, химических и других средств со средствами боевого питания и восстановления (ремонта)... [133]).

Организация моторизованного соединения представляется в настоящее время по следующей грубой схеме:

а) Часть обеспечения (разведка и охранение) из бронеавтомобилей, возимой пехоты и артиллерии и т. п.

б) Войсковое ядро (пехота, пулеметы и артиллерия) на автомашинах.

в) Вспомогательная часть по тому же типу, что и механизированного соединения.

Поскольку в этом соединении мы видим известные элементы механизации (бронеавтомобили), а некоторые авторы считают необходимым иметь в его составе ударный элемент (танки), то в нашей литературе зачастую применяют для этих соединений термин «мотомеханизированное соединение».

На сегодняшний день мы должны заострить свое внимание на вопросах моторизации и механизации войсковых соединений и на вопросах моторизованных и механизированных соединений, в особенности на последних, как представителях нового, «четвертого рода войск»... [134]).

Тенденции в отношении моторизации и механизации войсковых соединений проявляются в придаче войсковым соединениям (дивизиям или корпусам) разведывательных моторизованных отрядов, моторизации пулеметов (замены пулеметных конных повозок механическими пулеметовозами), моторизации зенитных средств, моторизации тылов, и, наконец, вполне вероятно усиление этих соединений ударными средствами (танками). В связи с этим мы будем иметь в будущей войне новый тип войскового соединения, отличающегося более высокими качествами, чем соединение эпохи мировой

войны, ибо оно будет обладать более совершенными средствами разведки и обеспечения, будет более подвижным, более маневроспособным, будет обладать большей ударной силой и т. п.

ОЖИДАЕМОЕ ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ И МОТОРИЗОВАННЫХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ НА ОПЕРАЦИЮ И БОЙ

Поскольку армия не потеряет своего массового характера, поскольку количество моторизованных и механизированных соединений будет все же ограниченным, мы должны соответствующим образом подходить к решению вопросов операции и боя. Мы не можем разрешать эти вопросы так, как намечают это англичане. Все же наличие моторизованных соединений и «модернизированной конницы», т. е. конницы, оснащенной бронетанковыми частями, дает возможность быстрее и решительнее сближаться с противником, быстрее выносить свои первоначальные усилия вперед и тем самым обеспечивать наиболее благоприятное развертывание всех основных сил той или иной оперативной группировки. В меньшем масштабе мы можем иметь то же самое в войсковых соединениях, если дадим им средства моторизованной разведки, а также оснастим их броневыми частями, ибо тогда эти соединения тоже получат возможность быстрее выносить свои усилия вперед и быстрее наносить более решительный удар. Преимущества, вытекающие из этого, довольно очевидны.

Если коснуться самого развертывания сражения и атаки, то использование механизированных соединений, действующих для поддержки войсковых соединений (но, разумеется, не обязательно в локтевой с ними связи), дает возможность более быстрой завязки сражения и боя с более быстрым, решительным исходом подобного рода столкновения, т. е., иначе говоря, мы при помощи моторизованных и механизированных соединений, в противовес устойчивой системе оперативного равновесия, которое имелось в эпоху мировой войны, можем создать систему неустойчивого равновесия, быстрее поколебать противника и тем самым, если не разрешить, то приблизиться к более маневренным формам войны...[135]).

•

(Коммунистическая академия. Секция по изучению проблем войны. «Записки», том 3, Соцэкгиз, 1931 г., стр. 27—64)

★ ★ ★

★ ★ ★

Ф. И. КУЗНЕЦОВ

Федор Исидорович Кузнецов *(р. 1898 г.). В Красной Армии с 1918 г. Командовал стрелковыми частями и соединениями. В 1926 г. окончил Военную Академию РККА. Был начальником пехотной школы, старшим руководителем, а затем и начальником кафедры общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе. В годы Великой Отечественной войны занимал ряд ответственных постов в войсках и центральных управлениях Министерства обороны. С 1948 г. в отставке. Генерал-полковник.*

Основные труды. *«Моторизация и механизация и служба заграждения»; «Война и революция» № 2—3 1930 г. «Боевая машина сегодняшнего дня и проблема унификации», «Война и революция» № 6 1931 г.*

МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ

Статья Ф. И. Кузнецова «Мотомеханизированные соединения» опубликована в газете «Красная Звезда» № 187 за 1930 г. В этой работе рассматриваются некоторые боевые свойства моторизованных и механизированных соединений и возможные формы их оперативного использования. Эта статья позволяет судить об оперативных взглядах кафедры Военной Академии имени М. В. Фрунзе в начале тридцатых годов по вопросам организации и использования мотомеханизированных соединений.

Статья печатается с сокращениями.

В обзорах зарубежных армий и в нашей печати мы привыкли различать два вида новых войсковых соединений: моторизованные, т. е. **перевозимые** на машинах, и механизированные, т. е. такие, **которые способны на машинах работать в бою**. Следует также отличать механизированные и моторизованные **части** от механизированных и моторизованных **соединений**... Механизированное соединение состоит из механизированных частей различных родов войск. Под моторизованным соединением понимается общевойсковое соединение, передвигающееся с помощью автомобиля.

Существуют два течения: одно, возглавляемое французами, идет преимущественно по линии моторизации, другое, представителями которого являются англичане, преимущественно по линии механизации. Но если мы обратимся к **практике** сегодняшнего дня, то увидим, что в определенном пункте эти два течения сливаются в одно русло.. В резуль-

тате возникает соединение нового типа, состоящее из механизированных и моторизованных войск, способное к **самостоятельной** деятельности, которое мы и называем мотомеханизированным соединением (ММС)...

Мотомеханизированные соединения (ММС) возникают вследствие того, что механизированные соединения не обладают достаточной силой для удержания захваченного, а моторизованные не имеют достаточной силы проникновения. ММС должны сочетать в себе и то и другое, должны быть в данном случае «универсальными» и способными к выполнению любых задач самостоятельно [136]).

Изучение практического осуществления этого намерения приводит нас, однако, к тому выводу, что **ММС, как и все «универсальное», не обладает нужными свойствами для успешного разрешения любых боевых задач.**

Свойства моторизованных и механизированных соединений будут резко различаться уже по одному тому, что назначение моторизованного соединения — быстро **на машинах подойти к полю боя**, а механизированные соединения должны, не теряя времени, **на машинах вступить в бой**. Свойства эти определяются прежде всего качеством машин. ММС имеют у себя как транспортные, так и боевые машины. Основная организационная особенность ММС — сочетание моторизации и механизации. Основная особенность использования ММС — **взаимодействие моторизованных и механизированных войск.** Здесь одинаково недопустимо как смазывать элементы механизации, так и превращать моторизованные части в механизированные. Грубейшей ошибкой будет все мешать в одну кучу.

В качестве примера взаимной зависимости разнородных элементов, входящих в ММС, возьмем определение их **оперативной подвижности**. Наибольшая оперативная подвижность ММС определяется скоростью наименее быстроходных их машин, несущих боевую силу соединения. Этими машинами могут быть как тяжело нагруженные транспортеры, так и боевые, не обладающие достаточной скороподвижностью и проходимостью. На эти машины и нужно ориентироваться при исчислении оперативной подвижности ММС.

ОПЕРАТИВНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Способно ли ММС действовать, как правило, **впереди своих войск**? В этом случае оно, по-видимому, должно заменять конницу или авангард и, следовательно, иметь возможность быстро развернуться, применять обход и охват, при наступлении главных сил противника задерживать их, выясняя группировку. Такие действия осуществимы лишь в том

случае, если ММС будут иметь: отличный орган тактической разведки (РО), легкие вездеходные бронированные машины, артиллерию механической тяги. Иначе если ММС и опрокинут передовые части противника, то при столкновении с главными силами они окажутся бессильными. Действуя **на большом удалении** от своих войск, они легко могут быть разбиты раньше, чем подоспеет помощь. Нельзя, конечно, рассчитывать, что ММС последовательно будут бить разведку, авангарды и главные силы противника. Пехота ММС при столкновении с главными силами образует сковывающую группу, и только небольшая часть пехоты на автомобилях может быть выделена в качестве подвижного резерва. Остальные порожние машины уйдут и укроются. Противник может сдерживаться быстрыми и частыми ударами легких бронемашин на флангах. Действия примут вид подвижной обороны, так как удержание территории при превосходстве сил для ММС будет невозможно...

При **движении к полю боя** ММС избирают наилучшую с технической точки зрения дорогу и передвигаются **по принципам моторизованного соединения**. Войдя в сферу воздействия (прежде всего воздушного) противника, ММС расчленяются в глубину и, если это возможно, по фронту, обеспечивают себя ближайшим охранением с фронта и флангов и выбрасывают далеко вперед разведку...

... **Выгоден ли для ММС встречный бой вообще?** На этот вопрос следует ответить положительно, если мы имеем в виду бой с противником, не превосходящим значительно силы ММС... Но и здесь нужно учесть, во-первых, что пехота должна заблаговременно разгрузиться, если транспортные машины не забронированы, и, во-вторых, что для развертывания ММС вблизи противника нужно иметь хорошую сеть дорог (если машины не вездеходные). Поэтому встречный бой для ММС далеко не всегда будет выгодным. Затяжной бой с превосходящими или быстро накапливающимися силами противника и **утрата внезапности** поведут к потерям, которые не окупятся.

Раз мы заключаем, что затяжной бой невыгоден для ММС, то само собой разумеется, что им невыгодно и вообще давать **оборонительные задачи**. Такие задачи им могут ставиться только **в виде исключения** на определенный, относительно короткий отрезок времени ... Но в оборонительной операции ММС с большим успехом будут применяться в качестве **маневренного резерва,** обеспечивая на короткое время угрожаемые направления так же, как и при выходе из боя.

Для **наступления на оборонительную позицию противника** не нужно иметь ММС, ибо этот бой они будут вести **по принципам нормального боя** пехоты, сопровождаемой бронетан-

ковыми частями. Но в наступательной операции ММС, как наиболее подвижная часть войск, с несомненным успехом могут быть применены на внешнем фланге или в прорыве.

МОТОМЕХАНИЗИРОВАННОЕ СОЕДИНЕНИЕ НА ФЛАНГЕ И В ПРОРЫВЕ

Как мы видели выше, ММС невыгодно ввязываться в затяжной бой. Они не могут долго ждать подхода смены. **Короткий решительный удар и затем или преследование, или выход из боя** — таков общий принцип применения всякой быстроподвижной части, в том числе и ММС. Действуя на внешнем фланге противника, ММС не могут рассчитывать, что этот фланг не будет хорошо обеспечен от моторизованных и механизированных войск. Противник здесь, несомненно, примет меры... Поэтому **действовать непосредственно на внешний фланг для ММС** не будет выгодно. Здесь они должны **искать обходного пути** и постоянно грозить тылу противника так же, **как при параллельном преследовании**, для которого оно может быть использовано с большим успехом. Иное положение, если ММС действует **в прорыве**. В последнем случае противник не будет иметь образовавшиеся фланги укрепленными. Возможно, что не успеет выбросить в прорыв свой резерв, но быстрота действий ММС не должна позволить этому резерву укрепиться. **Энергичное движение по кратчайшему направлению к месту прорыва и дальнейший решительный натиск на его фланг** — таков должен быть способ использования ММС в прорыве. Здесь нет смысла ... искать обходных путей, если налицо широкий прорыв. Это повлечет за собой прежде всего потерю времени. При отсутствии хорошей разведки дорог... ММС могут утратить быстроподвижность, попав на плохую дорогу. Можно, наконец, потерять действительный фланг противника и ударить впустую... Не нужно забывать, что ММС — не полностью механизированное соединение. Им нужно изготовиться к бою, а самый бой будет протекать в условиях боя пехоты, усиленной бронетанковыми частями. Ворвавшись глубоко в прорыв и вступив там в бой, ММС могут быть отрезаны от своих войск. Прорыв может быть закрыт противником, и ММС в лучшем случае уйдут с большими потерями, а в худшем будут уничтожены. Вот почему в прорыве невыгодно применять сложные маневры, а нужно бить непосредственно по слабому флангу, разворачивая прорыв.

Таким образом, мы придем к следующим выводам.

ММС должны иметь в своем составе механизированные и моторизованные части различных родов войск в надлежащей пропорции, по возможности одинаково быстроходных. В их составе должны быть машины повышенной проходимо-

сти, желательно с легкой броней для разведки пути и регулирования движения.

Использование ММС впереди фронта и постановка им оборонительных задач не будет правилом [137]), так как в обоих случаях эти действия связаны с невыгодным для ММС затяжным боем. Такие задачи могут быть поставлены им на ограниченный срок. Наиболее выгодно использование ММС для действий во фланг при прорыве, в обход внешнего фланга и в качестве маневренного резерва при обороне и выходе из боя, а также для параллельного преследования. Нормальное место ММС — в оперативном резерве.

(Ф. Кузнецов. «Мотомеханизированные соединения», «Красная звезда», 1930 г., № 187.)

* * *

★ ★ ★

В. П. КРЫЖАНОВСКИЙ

Владимир Петрович Крыжановский *(1901—1937). В Красной Армии — с 1918 г. После гражданской войны преподавал в пехотной школе. Окончил Военную академию РККА (1926 г.) и Курсы усовершенствования командного состава (1930 г.). В период с 1930 по 1937 г. занимал ряд ответственных должностей в Управлении механизации и моторизации РККА.*

Основные труды. *«Самостоятельные механизированные соединения на открытом фланге армии в наступательной операции», журнал «Война и революция» № 1, 1932; «Преодоление заграждений мотомеханизированными частями», ГВИЗ, 1932; «Проблемы самостоятельных моторизованных стрелковых соединений», журнал «Война и революция» № 1—2, 1934.*

ЛЕГКИЕ МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫЕ СОЕДИНЕНИЯ В АРМЕЙСКОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье В. Крыжановского «Легкие мотомеханизированные соединения в армейской операции», опубликованной в журнале «Война и революция», кн. 10—11, 1931 г., рассматриваются наиболее характерные формы оперативного применения мотомеханизированных соединений в армейской и фронтовой операциях, приемы тактики их действий. В заключение автор дает рекомендации по вопросам организации мотомеханизированной дивизии.

Статья печатается с сокращениями.

Моторизация и механизация современных армий, увеличивая в несколько раз оперативную и тактическую подвижность и ударную и огневую силу войск, обеспечат более решительный характер сражений и операций будущего; это тем самым, а также с учетом классового характера будущей войны СССР («фронт везде») неизбежно повлияет на ее характер в смысле большей ее маневренности.

Будущая война будет в значительной мере характеризоваться массовым применением в ней мотомеханизированных частей, соединений и даже быть может механизированных групп из нескольких таких соединений.

Не разбирая здесь вопроса об организации и применении тяжелых ударных механизированных частей, придаваемых на время прорыва укрепленного фронта противника тем или другим соединениям..., мы остановимся на вопросах ор-

ганизации и применения постоянных мощных, но легких комбинированных мотомеханизированных соединений, являющихся могучим средством борьбы оперативного порядка в руках командования армии и фронта...

Необходимо рассмотреть, должны ли моторизованные части и подразделения комбинированного мотомеханизированного соединения существовать постоянно или же их можно заменить обыкновенной пехотой, артиллерией и вспомогательными подразделениями, перевозимыми приданными механизированному соединению из резерва армии автотранспортными частями.

На наш взгляд, совершенно неоспоримо, что необходимо иметь постоянные мотомеханизированные части. И вот почему.

Это прежде всего обеспечит наилучшее взаимодействие моторизованных и механизированных подразделений в бою благодаря постоянной совместной их тренировке в мирное время вплоть до мелких тактических единиц, что в противном случае будет невозможно.

Тактика моторизованных частей во многом отличается от тактики обыкновенных частей: стремительные атаки походных колонн противника на марше, использование вторых эшелонов во встречном бою на машинах для обходных ударов во фланг и тыл противника, стремительные наступательные темпы в пешем строю как следствие специальной тренировки, параллельное преследование противника (с началом его отхода) на машинах, подвижная оборона с нанесением внезапных коротких фланговых контрударов из-за закрытий и масок пехоты, перебрасываемой на машинах вместе с бронемашинами и танками, выход из боя и отскок на автомашинах и т. д.

Обыкновенная пехота, не имея постоянной тренировки, никогда не сможет достигнуть такой быстроты и четкости посадок, высадок и развертывания в боевой порядок, как пехота моторизованная, тренирующаяся на этом деле повседневно, а это является одним из важнейших данных в условиях боя мотомеханизированных частей...

* * *

Прежде чем рассматривать организацию легких мотомеханизированных соединений, коротко остановимся на видах их применения в армейской и фронтовой операциях.

Типичными случаями их применения будут:

— набег с объявлением мобилизации противником на его территории с целью захватом важнейших приграничных железнодорожных узлов и разрушением важнейших мостов сорвать или замедлить (в зависимости от размеров успеха) сосредоточение и развертывание армии противника;

— прикрытие сосредоточения и развертывания своей армии;

— действия на наружном открытом фланге армии в наступательной операции с целью, обойдя открытый фланг армии противника, выйти на ее тылы и замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки противника, атакуя ее с фланга и с тыла во взаимодействии с действующими с фронта войсками;

— параллельное преследование отходящей армии противника с целью выхода на ее тылы и задержки противника боем (иногда с перевернутым фронтом) до подхода преследующих противника кавалерийских и стрелковых соединений и дальнейшего совместного с ними окружения и уничтожения противника;

— развитие успеха по прорыву укрепленного фронта противника стрелковыми соединениями с целью не допустить отход его на новые позиции и окружить основную группировку противника посредством атаки ее с фланга и с тыла во взаимодействии с действующими с фронта и фланга соединениями;

— рейд по армейским базам противника как в наступательной, так и отступательной операции армии; в первом случае с целью сорвать планомерность отхода противника, во втором — с целью замедлить его наступление;

— прикрытие отскока своей армии.

* * *

Если проследить всю военную историю, можно заметить, что решительный результат какого-либо боя, сражения или операции достигался скорее всего и наилучшим образом при перерыве коммуникаций противника и окружении основной его группировки. Эта роль коммуникаций и тем самым опасность угрозы тылу и даже открытому флангу армии росла вместе с ростом численности и неповоротливости армии...

Несомненно, что современные массовые, тяжеловесные, громоздкие и малоповоротливые армии даже с моторизацией тылов сильно зависят от своих коммуникаций, получая по ним от своих баз все необходимое для боя и жизни... такими коммуникациями — связующим звеном между базами и войсками — являются военные дороги, головные участки железных дорог с грунтовыми ответвлениями с расположенными по ним этапами, по которым в будущей войне будут работать моторизованные автогрузоколонны...

Поэтому из всех изложенных выше видов применения легких мотомеханизированных соединений наиболее эффективным нам кажется обходный удар на открытом заходящем фланге ударной группы армии в наступательной опера-

ции с целью, прервав коммуникации основной группировки противника и сорвав работу ее тылов, замкнуть кольцо окружения вокруг основной группировки противника, атакуя ее с тыла или открытого фланга во взаимодействии с действующими с фронта войсками. Особенно полезно при этом направление вслед за легким мотомеханизированным соединением обладающей меньшей подвижностью кавалерии, которая с выходом мотомеханизированного соединения на тылы противника возьмет на себя атаку противника с открытого фланга. Такое нацеливание легкого мотомеханизированного соединения обеспечит в случае своевременного отрыва противника от действующих с фронта войск и его отхода стремительную организацию параллельного (в отношении движения основной группировки противника) преследования противника с целью уничтожения противостоящих сил противника и быстрого упреждения основной группировки противника, отрезая ей пути отхода и замыкая вокруг нее совместно с двигающейся вслед кавалерией и преследующими с фронта войсками кольца окружения.

Таким образом, наиболее решительный успех обещает применение легкого мотомеханизированного соединения в наступательной операции армий при преследовании противника.

Вероятно, в будущей войне такое применение легких мотомеханизированных соединений и даже целых маневренных групп из нескольких таких соединений явится решающей данной, которая свяжет ряд отдельных боев корпусов, на которое распадается современное сражение армии, в единое решительное уничтожающее сражение, а в оперативном масштабе в случае своевременного отрыва и отскока противника обеспечит проведение уничтожающих операций и непрерывно последовательного ряда операций...

Рассмотрим... перечисленные нами виды применения мотомеханизированного соединения в армейской операции и посмотрим, что располагающий современной боевой техникой противник сможет противопоставить его маневру.

1. Набег с объявлением мобилизации противником на его территории с целью захватом важнейших приграничных железнодорожных узлов и разрушением важнейших мостов сорвать (замедлить) сосредоточение и развертывание армии противника.

Благодаря внезапности появления соединения здесь следует ожидать (даже в худшем случае) только недостаточно организованные, примитивные препятствия со стороны противника: повреждение и произведенные наспех (заблаговременно подготовленные) разрушения мостов, отравление ОВ отдельных теснин, простейшие завалы в лесах, засады, организуемые по пути продвижения мотомеханизированного соединения в лесах, кустарниках, ущельях и т. п.

Приграничные части и кавалерия противника, прикрывающие границу подвижной обороной на широком фронте; отряды всех родов оружия на широком фронте; отряды всех родов оружия, прикрывающие упорной обороной важнейшие железнодорожные узлы; штурмовая и бомбардировочная авиация противника, производящая налеты на мотоколонны с целью задержки марш-маневра соединения; наконец, механизированные и моторизованные части противника, брошенные им в контрманевр с целью уничтожения производящего набег легкого мотомеханизированного соединения.

Отсюда вытекает и тактика действий легкого мотомеханизированного соединения. Скрытый марш двумя-тремя колоннами с использованием ночной темноты со скрытым же ночным переходом через границу мерами разведки и охранения на сближенных дистанциях и интервалах. Далее продолжение стремительного марша со всеми возможными мерами маскировки (ночная темнота, днем — леса) к цели марш-маневра и с высылкой сильной разведки в важнейших направлениях с расчленением каждой колонны на колонны (по фронту) и на эшелоны (в глубину) и с увеличением скорости хода с целью скрыться за ближайшую маску (лес) по обнаружении мотоколонны разведывательной авиации противника.

При налете авиации противника на открытом месте — отбитие ее огнем всех станковых пулеметов мотоколонны с автомашин с ходу. При налете ее в момент прохождения мотоколонной леса или селения мотоколонна останавливается и отбивает самолеты пулеметным огнем. И в том и в другом случае истребительная авиация поддерживает соединение атакой самолетов противника. При столкновении с прикрывающими границу частями противника соединение, пользуясь растяжкой противника, стремительно прорывает его фронт, после чего продолжает движение к объекту набега.

По подходе к цели набега соединение выделяет заслоны в сторону возможного контрманевра противника с целью задержать ими его до выполнения главными силами соединения задачи набега, после чего последние стремительно атакуют прикрывающие объект набега войска противника и производят соответствующие разрушения путем подрывания, сожжения или механической порчи.

Перед набегом главных сил на главный объект полезно выделить один или два отряда для набегов на второстепенные объекты с целью отвлечь на них главную массу назначенных противником для контрманевра войск.

При этом для набега каждого легкого мотомеханизированного соединения целесообразно назначать лишь один основной объект при нескольких вспомогательных.

По выполнении задачи соединение должно, действуя активно, совершить набег, если это окажется возможным, еще на ряд имеющих важное значение для развертывания армий противника других объектов, которые с этой целью перед отправлением в набег указываются командиру соединения (железнодорожные узлы, важнейшие мосты, аэродромы противника и т. д.). В случае же невозможности под натиском превосходных сил противника соединение переходит к подвижной обороне и, наконец, к отскоку под прикрытием арьергардов, возвращаясь в пункт по назначению командующего фронтом, ставившего задачу на набег.

В этом виде операции легкие мотомеханизированные соединения явятся в будущей войне преемниками стратегической конницы или, вернее, основным и важнейшим ядром назначенных в набег войск, которые наряду с легкими мотомеханизированными соединениями могут состоять также и из соединений кавалерии, дополняющих первые.

2. Прикрытие сосредоточения и развертывания своей армии.

Здесь легкому мотомеханизированному соединению придется иметь дело вначале с подвижными войсками противника, назначенными им для срыва сосредоточения и развертывания нашей армии (мотомеханизированные и кавалерийские соединения), а затем и с наступлением превосходных сил основных масс противника.

Наиболее целесообразной тактикой борьбы для легкого мотомеханизированного соединения в первый период является контрманевр с целью найти и разбить производящие набег войска противника. С наступлением же превосходных масс основных сил противника — подвижная оборона с применением службы заграждений (как химическими, так и саперными средствами) и в сочетании с действиями штурмовой авиации.

3. Действия на наружном открытом фланге армии в наступательной операции.

4. Преследование...

Намечаются следующие приемы тактики легкого мотомеханизированного соединения при действиях на открытом заходящем фланге армии в наступательной операции.

Ночными переходами соединение скрытно сосредоточивается в маскированное исходное положение за открытым флангом армии (лучше всего лес).

Марш-маневр совершается несколькими колоннами (удобнее всего двумя, чтобы, с одной стороны, обеспечить маневренность, а с другой — держать соединение в руках командира).

Обычно действующая на наружном фланге колонна должна быть сильнее и состоять из наиболее мощных, но

подвижных средств (при свободном от лесов пространстве здесь целесообразно наряду с мотомеханизированной пехотой вести быстроходные танки), имея в виду, что с завязкой боя эта колонна превратится в ударную группу, наносящую захлестывающий удар противнику, причем часть танков (средние) целесообразно использовать на открытом фланге ударной группы в качестве свободно маневрирующей группы ДД.

Наоборот, действующая на внутреннем фланге колонна должна быть слабее и предназначаться с завязкой боя для сковывания противника.

Помимо двух основных колонн, для обеспечения маневра соединения со стороны открытого фланга должно двигаться сильное охранение всех родов оружия, превращающееся в случае контрманевра противника с этой стороны в заслон.

Вслед за легким мотомеханизированным соединением целесообразно выдвигать кавалерийские соединения. При окружении противника легкое мотомеханизированное соединение как более подвижное берет на себя атаку группировки противника с тыла, а двигающаяся вслед за ним кавалерия — со стороны открытого фланга. Целесообразно сведение предназначенных для действий на открытом фланге армии мотомеханизированных и кавалерийских соединений, штурмовой и бомбардировочной авиации в одну группу, что обеспечит единство и цельность их действий [138]).

В случае отхода противника до замыкания вокруг него кольца окружения мотомеханизированное соединение переходит к параллельному преследованию с целью отрезать противнику пути отхода. На долю входящей в группу штурмовой и бомбардировочной авиации выпадает задержать отход противника, чтобы дать возможность мотомеханизированному соединению выйти на его тылы, а истребительной авиации — прикрыть соединение от атак штурмовой авиации противника, которую он попытается бросить для задержки маневра мотомеханизированного соединения.

Изложенным подтверждается огромная роль в наступательной операции армии легких, но мощных мотомеханизированных соединений, а в операции фронта целых маневренных групп из нескольких таких соединений армейской кавалерии и авиации.

РАЗВИТИЕ ПРОРЫВА УКРЕПЛЕННЫХ ПОЗИЦИЙ

Прорыв укрепленных позиций осуществляется войсковыми соединениями, усиленными артиллерией АРГК и тяжелыми механизированными и танковыми частями.

Легкие же мотомеханизированные соединения должны предназначаться для обхода укрепленных позиций с ударом

по ним с тыла. При отсутствии открытых флангов они используются в прорыве, после того как прорыв будет произведен на ширину не менее 12 км.

На закрытой местности, затрудняющей артиллерийское наблюдение противника, ширина фронта прорыва может быть и у́же, что обеспечит от огневых клещей действительного артогня противника...

* * *

Тактика действий легкого мотомеханизированного соединения при операции в прорыве рисуется в таком виде.

Скрытное сосредоточение (ночная темнота при маскирующих шум моторов полетах авиации) в маскированное исходное положение (в маневренной войне — лес, населенные пункты, в позиционной войне при отсутствии леса — иногда специально устроенные искусственные холмы). Сосредоточение производится под прикрытием своих войск.

Движение в прорыв ночью же лучше всего двумя колоннами (в целях удобства маневрирования, с одной стороны, и управления — с другой) с расчетом возможного столкновения с противником не ранее рассвета под прикрытием выдвигаемой вперед армейской кавалерии.

С выходом на линию прорванного фронта с обгоном своей кавалерии — выбрасывание вперед сильного РО, высылающего в свою очередь сильные щупальцы (РГ) как вперед, так и особенно сильные на фланги (учитывая обычную тактику парирования и ликвидации прорывов путем зажима противника, прорвавшегося в клещи ударными группами, сосредоточенными на обоих флангах прорыва, что особенно опасно для мотомеханизированного соединения при сравнительно медленном развертывании его к стороне фланга).

Вслед за мотомеханизированным соединением в прорыв выдвигается армейская кавалерия. Наиболее целесообразная задача для легкого мотомеханизированного соединения — развитие прорыва в глубину с целью выхода в кратчайший срок на коммуникации основной группы противника и последующей ее атаки со стороны тыла с замыканием вокруг нее совместно со следующей позади кавалерией и действующими с фронта основными войсками кольца окружения. Наиболее целесообразная задача следующей за мотомеханизированным соединением кавалерии — расширение прорыва к флангам с атакой основной группировки противника со стороны ее открытого фланга.

Расширение кавалерией прорыва к флангам вместе с тем обеспечивает фланги развивающегося прорыва в глубину легкого мотомеханизированного соединения.

Впредь до подхода кавалерии фланги мотомеханизированного соединения должны обеспечиваться специально выделенными им заслонами, заменяемыми по мере подхода кавалерией и присоединяющимися затем к соединению.

Особенно эффективен маневр легкого мотомеханизированного соединения будет в сочетании с действиями штурмовой и бомбардировочной авиации вначале по коммуникациям противника, в частности по его головным и железнодорожным станциям и армейским базам, а затем по окруженной группировке противника и по подходящим для контрманевра во фланг свежим частям противника с целью их задержки.

Наибольшие результаты развитие прорыва даст (как и действия на открытом заходящем фланге армии в ее наступательной операции) при объединении в группу всех участвующих в нем войск, т. е. легких мотомеханизированных соединений, армейской кавалерии и армейской штурмовой бомбардировочной и истребительной авиации.

Из изложенных же выше двух примеров видно, что применение мотомеханизированных соединений и целых групп из нескольких таких соединений обеспечивает стремительное развитие прорыва укрепленных позиций противника в глубину, выводя тем самым армии на маневренный простор, а при наличии перед этим позиционной войны — превращая ее вновь в маневренную.

РЕЙД ПО АРМЕЙСКИМ БАЗАМ ПРОТИВНИКА

Рейд с задачей разгрома армейских баз противника может быть произведен легким мотомеханизированным соединением либо в наступательной операции армии с целью задержать и затруднить отход противника и тем самым облегчить окружение и разгром основной его группировки своей армией, либо в отступательной операции армии с целью задержать наступление противника, дав возможность своей армии оторваться от него и произвести отскок для выигрыша времени и последующей перегруппировки.

Назначенное в рейд легкое мотомеханизированное соединение (подобно действиям его при развитии прорыва) либо скрытно сосредоточивается ночными переходами к фронту, после чего ночью же скрытно начинает рейд к цели через разрыв фронта или свободный промежуток между наружными флангами соседних соединений (что может иметь место в обоих вышеуказанных случаях), либо при непрерывном фронте скрытно же сосредоточивается позади предназначенных для прорыва фронта противника войск, откуда и выпускается в рейд по совершении ими прорыва. Последний вид рейда будет характерен главным образом при наступатель-

ной операции армии при сплошных или сильно насыщенных и близких к сплошным фронтах и лишь в гораздо более редких случаях может иметь место и при отступательной операции армии. И в последнем случае для прорыва фронта противника должна быть выделена специальная группа войск.

В рейде соединение в начальный период (при прохождении через линию фронта) движется в интересах скрытности одной колонной, но марш соединения организуется таким образом, чтобы в любой момент колонна могла расчлениться на несколько в целях быстрого обхода встречного препятствия или пытающегося остановить колонну противника. Каждый эшелон колонны создается в составе небольших групп всех родов оружия, способных в любой момент отразить засаду противника; при этом артиллерия расчленяется по колонне поорудийно и бронемашины по 2—3.

При совершении рейда соединение может встретить следующие препятствия: вначале засады отдельных малочисленных отрядов противника в сочетании с примитивными заграждениями и штурмовой авиацией противника; затем более крупные отряды заграждений противника, ведущие под прикрытием произведенных ими заграждений бой за выигрыш времени опять-таки в сочетании с действиями штурмовой авиации противника; наконец, значительные отряды противника, брошенные для прикрытия армейской базы противника, и моторизованные и механизированные части противника, брошенные для контрманевра.

Быстрота рейда — важнейшее основание успеха легкого мотомеханизированного соединения.

Опыт показывает, что при энергичной и стремительной борьбе с этими препятствиями средняя скорость преодоления мотоколонной заграждений с боями равна 4—5 км в час. Как показывает опыт учений, даже этой сравнительно небольшой скорости оказывается обычно достаточно, чтобы, опрокинув отряды заграждений противника и преодолев заграждения, выйти к цели рейда до подхода назначенных для ее прикрытия частей, не говоря уже о частях, назначенных противником для контрманевра.

Пункт и место возвращения соединения из рейда по уничтожении армейской базы противника должны быть увязаны с соответствующими активными действиями своих войск в целях его облегчения.

Из указанного видно, что в рейде роль легкого мотомеханизированного соединения сходна с соответствующей ролью армейской кавалерии, имея при его применении ряд плюсов (быстрота марша, огневая и ударная мощь) и ряд минусов (трудность обхода загражденного противником участка местности при следовании большими лесными массивами) [139].

ПРИКРЫТИЕ ОТСКОКА СВОЕЙ АРМИИ

Прикрытие отскока своей армии производится при отходе последней после предшествовавших неудачных действий либо с целью выигрыша времени до прибытия подкреплений, либо для перегруппировки.

В этом виде операции мотомеханизированному соединению придется иметь против себя во много превосходящие силы противника всех родов оружия в сочетании с действиями штурмовой авиации противника, задачей которой явится воспрепятствовать отходу соединения.

Прикрытие отскока производится путем сочетания подвижной обороны на широком фронте последовательно на ряде выгодных для этого рубежей (например, с передним краем, проходящим по нашему берегу реки) с короткими, но мощными контратаками по флангу наступающего противника ударными группами. В руках самого командира соединения целесообразно оставлять небольшой подвижный резерв из бронемашин, танкеток, быстроходных танков и пехоты на автомашинах.

Оборонительный рубеж занимается сковывающей группой — пехотой с танкетками, артиллерией, химиками и саперами с широким использованием ею службы заграждений (химические пробки на дорогах и удобных для противника объездах, завалы и засеки, преграждающие дороги, засеки в лесах, разрушение и сожжение мостов и т. д.) и при прикрытии открытых флангов позиции разъездами бронемашин. Кроме того, бронемашины используются и как подвижные резервы.

В глубине оборонительной полосы в небольших масках (рощи, кустарник) располагаются ударные группы, состоящие из танков с пехотой, танкеток с пехотой и (при наличии петель дорог) бронемашин.

Занимающая оборонительную позицию сковывающая группа огнем задерживает противника и при его поддержке контратакует во фланги танкетками накоротке впереди переднего края оборонительной полосы.

По подходе и накапливании для наступления противника сковывающая группа под прикрытием огня артиллерии, станковых пулеметов и, наконец, танкеток и бронемашин начинает отход с таким расчетом, чтобы подвести противника под фланговую контратаку ударной группы, после чего производит дальнейший отскок на автомашинах, постепенно свертываясь в колонну. Иногда в момент фланговой контратаки ударной группы целесообразно контратаковать противника и с фронта отходящей сковывающей группой.

При сильном нажиме и тесном наседании противника иногда целесообразно образовать сразу две сковывающие группы, отведя заблаговременно одну из них на промежуточ-

ный оборонительный рубеж, и отход производить поэшелонно опять-таки с целью подвести противника под фланговую контратаку ударной группы с одновременной фронтальной контратакой, занимающей промежуточный рубеж второй сковывающей группы.

При наличии одной сковывающей группы и сильном нажиме противника ударная группа после контратаки иногда может превратиться в сковывающую группу, под прикрытием которой бывшая сковывающая группа может быть отведена назад, приведена в порядок, после чего из нее может быть выделена новая ударная группа.

Расстояние между оборонительными позициями должно быть 20—25 км (час — полтора марша на автомашинах после выхода из боя).

Выход из боя наиболее целесообразно приноравливать к сумеркам, когда его легче осуществить (и когда выделения двух сковывающих групп в большинстве случаев не понадобится); поэтому тактика в основном сведется к задержке противника боем до сумерек и быстрому отскоку на новую оборонительную позицию под прикрытием ночной темноты.

Из изложенного видно, что прикрытие отхода своей армии легким мотомеханизированным соединением — новый вид операции [140]).

* * *

Для того чтобы быть способным самостоятельно выполнять разобранные задачи, мотомеханизированное соединение должно удовлетворять следующим данным:

— быть высокоподвижным (скорость хода) как в бою, так и особенно на походе;

— обладать максимальной вездеходностью материальной части;

— быть высокоманевренным в организационном отношении (быстрота расчленения на меньшие колонны на походе и группы в бою по возможности без изменения организационного состава);

— наконец, быть совершенно самостоятельным как на марше, так и в бою...

Основным ядром мотомеханизированного соединения должна быть способная стремительно продвигаться на автомашинах на марше, драться в лесу, форсировать водные препятствия и закреплять пространство пехота, усиленная артиллерией, танкетками, быстроходными танками и бронемашинами. Кроме того, мотомехсоединение должно быть обеспечено: химиками, саперами, понтонными частями, прожекторными частями, частями связи, частями ПВО, разведывательной

авиацией, истребительной авиацией и поддерживаемой штурмовой и легкобомбардировочной авиацией.

Остается рассмотреть, какие из этих родов войск должны войти в состав соединения органически и какие из них должны лишь придаваться ему на время той или другой операции и нельзя ли вообще ограничиться постоянным ядром соединения лишь в виде механизированных подразделений, придавая все остальное в каждом данном случае в требуемом количестве из числа обыкновенных частей, посаженных на содержащийся при армиях резерв автотранспорта? На последнее следует ответить, безусловно, отрицательно, так как это не даст сколоченности соединения и тем самым отрицательно повлияет на его подвижность и боевые действия...

Как следствие изложенного почти все указанные выше рода войск должны входить в соединение органически за исключением лишь требующихся в отдельных операциях, придаваемых лишь на время этих операций. Последними являются: 1) штурмовая и бомбардировочная авиация; 2) мотопонтонный батальон и мостовые автопарки; 3) кроме того, иногда придется, несмотря на предлагаемую нами сравнительную многочисленность пехоты, придавать соединению полк моторизованной пехоты (особенно при оборонительных действиях и прикрытии на широком фронте отхода всей армии).

Таким образом, ударно-маневренным ядром легкого мотомеханизированного соединения должны быть: 1) полки мотомеханизированной пехоты (в соединении — два), т. е. моторизованной пехоты со вкрапленными в нее бронеподразделениями (танкетки, легкие бронемашины, тяжелые бронемашины, малые быстроходные танки), другие части; 2) ударный танковый полк; 3) РО; 4) артполк; 5) отдельный инжбат; 6) авиагруппа; 7) отдельный отряд резерва; 8) отдельная рота связи; 9) автообоз...

Из изложенного видно, что легкая мотомеханизированная дивизия является соединением абсолютно самостоятельным; предлагаемая организация обеспечивает ей наряду с огромной оперативной подвижностью возможность проведения боя и нанесения решительного удара противнику как на равнинной местности (где огромную роль в ударной группе будут играть танки), так и в лесистых районах, где главная роль в маневре и ударе перейдет к пехоте, которая не только предохранит танки от обхода их противником лесными подступами, но сама использует их для обхода противника.

Аналогично этому, встретив неожиданно укрепленные позиции противника (быстротвердеющий бетон) и не имея по каким-либо причинам возможности обойти их, дивизия, используя свои танки и пехоту, легко прорвет их фронт, а в дальнейшем, используя свою подвижность, разовьет успех. Встретив заграждения и речные преграды, дивизия быстро

сможет преодолеть их при помощи многочисленной пехоты в сочетании с работой саперов и химиков.

В итоге такая дивизия, располагая подавляющими любые противостоящие на фронте ее удара силами, сможет решить любую из перечисленных выше задач.

Кроме того, можно предположить, что большая дальность действия таких соединений, соединенная с огромной их оперативной и тактической подвижностью, огневой и ударной силой, обеспечит в будущей войне проведение решительных сражений на уничтожение противника; в случае же своевременного выхода противника из боя — проведение уничтожающего преследования и при нужде в том непрерывно последовательного ряда уничтожающих операций. Широкие фронты и большие глубинные пространства наших вероятных театров войны как нельзя лучше обеспечат это, так как благодаря огромной подвижности легких мотомеханизированных соединений пространство из фактора, делающего невозможным окружение и уничтожение современных массовых армий, превратилось в фактор, обеспечивающий его посредством стремительного преодоления его легкими мотомеханизированными соединениями...

Такую роль в армейской операции будущего смогут играть самостоятельные легкие мотомеханизированные дивизии, в операции же фронта (группы армий), быть может, целые маневренные группы из 2—3 таких соединений, передаваемых для данной операции в распоряжение штаба фронта из состава резерва главного командования. И то и другое особенно полезно в сочетании с действиями штурмовой и бомбардировочной авиации и армейской кавалерии, обеспечивающей фланги мотомеханизированных соединений и развивающей их удар.

В истории военного искусства открывается новая эпоха подвижных мотомеханизированных соединений, работающих в сочетании с массовыми армиями.

Наличие мотомеханизированных соединений — один из факторов, предопределяющих маневренный характер будущей войны.

(В. П. Кржановский. «Легкие мотомеханизированные соединения в армейской операции». «Война и революция», кн. 10—11, 1931, стр. 45—75.)

* * *

С. Н. АММОСОВ

Сергей Николаевич Аммосов *(1897—1943). В Красной Армии — с 1918 г. После гражданской войны преподавал в артиллерийском училище. После окончания Военной академии РККА им. М. В. Фрунзе в 1928 г. работал в военно-учебных заведениях. В период с 1936 по 1938 гг. — командир и комиссар механизированной бригады. Полковник.*

Основные труды. *«Рейды мотомехсоединений», журнал «Война и революция» № 6, 1931; «Тактика мотомехсоединений», ГВИЗ, 1932; «Танки в операции прорыва», журнал «Война и революция» № 5—6, 1932; «Взаимодействие танков с пехотой», М., ГВИЗ, 1934; «Тактика и тактическая подготовка», М., ГВИЗ, 1934.*

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ МЕХАНИЗАЦИИ И МОТОРИЗАЦИИ

Статья «Организационные формы механизации и моторизации» является первой главой книги С. Н. Аммосова «Тактика мотомехсоединений», вышедшей в 1932 г. В публикуемой части труда рассматриваются общие основы организации мотомеханизированных соединений и их задачи в армейских операциях.

Печатается с сокращениями.

Чтобы составить себе ясное представление о развитии механизации и моторизации, надо подвести некоторые обобщения формам механизации и моторизации.

МОТОРИЗАЦИЯ

Временная моторизация как средство быстрой перевозки обыкновенных войск (пехота, артиллерия, кавалерия и пр.) — оперативные и тактические автомобильные перевозки.

Моторизованные тылы.

Постоянные моторизованные части и соединения...

Появление мотодивизий в военное время, как средства армейского маневра, вещь возможная...

МЕХАНИЗАЦИЯ

Броневые части как средство усиления ударной мощи пехоты и конницы, танковые части, танкетки как пулеметовозы

и разведчики, бронемашины как средство усиления разведки и охраны сообщений, самоходная артиллерия как средство армейского маневра.

Тактические самостоятельные броневые соединения как средство маневра в рамках боя крупного общевойскового соединения...: броневые полки и бригады, действующие совместно со стрелковыми и кавалерийскими соединениями, придаваемые или органически входящие в их состав.., оперативные броневые группы (3—6 бронебригад).

Все это в совокупности приводит к большим изменениям в оперативном искусстве и тактике:

— увеличивается оперативная подвижность армий и, следовательно, появляется возможность гибкого маневра из глубины;

— расширяется размах операции;

— повышается маневренный характер войны и усиливается борьба за фланги и сообщения; увеличиваются значение и уязвимость тылов;

— облегчаются быстрота и внезапность маневра;

— облегчается наступление (бронированная подвижность);

— увеличивается маневроспособность на поле боя;

— вместе с тем увеличивается влияние местности на развитие операций, изменяется характер борьбы в удобных и неудобных для моторизации и механизации районах; это влияние сказывается на оценке и театра военных действий...; все это, вместе взятое, предъявляет особые требования к освоению **новейшей техники** и искусства управления и вождения модернизированных и новых (броневых) войск...

ОРГАНИЗАЦИЯ МОТОМЕХАНИЗИРОВАННЫХ СОЕДИНЕНИЙ

...Организация ММС должна предусматривать следующие группы: 1) ударную, 2) обеспечивающую, сковывающую и разведывательную, 3) вспомогательную тыловую...

Организация ММС, чтобы дать ММС подвижность и способность к внезапным и повторным ударам, должна отвечать требованиям:

— гибкости... на марше и в бою;

— неуязвимости с воздуха;

— легкости управления...;

— обеспеченности взаимодействия ее составных элементов;

— самостоятельности не только всего соединения, но и частей его;

— простоты, прочности материальной части и однотипности

машин, гарантирующим простоту снабжения... и простоту восстановления...[141]).

Танки составляют основное ядро и ударный кулак ММС. Танки должны использоваться совокупно для нанесения мощного и глубокого удара...

...Основные свойства мотомеханизированных соединений следующие:

— большая оперативная подвижность, особенно в условиях хороших дорог и погоды;

— большая быстрота, сила и внушительность атаки...;

— большое моральное воздействие на технически и морально более слабого противника...

— большая зависимость от личных качеств командира, морального состояния, подготовки и дисциплины личного состава, качества и общего состояния материальной части.

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ БРОНЕВЫХ СОЕДИНЕНИЙ

Организация броневого соединения должна удовлетворять тем же требованиям, что и организация мотомехсоединения.

Элементы вспомогательного назначения в ней играют меньшую роль, чем в мото- или мотомехсоединениях, так как танки как основное ядро и единственная ударная сила менее нуждаются в мерах и средствах тактического обеспечения...

Итак, основное различие ММС от МС заключается в том, что ММС более способно драться на закрытой и пересеченной местности; благодаря наличию пехоты оно способно удерживать местность, но по сравнению с МС оно обладает меньшей ударной силой.

МС мало пригодно для боя на закрытой и пересеченной местности; без наличия «танков-амфибий» оно неспособно самостоятельно форсировать реку; оно неспособно к удержанию местности и, следовательно, к ведению оборонительного боя...[142]).

МЕСТО, РОЛЬ И ЗАДАЧИ МОТОМЕХСОЕДИНЕНИЙ В АРМЕЙСКИХ ОПЕРАЦИЯХ

Типичными операциями являются:

1) **Для начального периода войны** — прикрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания своей армии и, наоборот, срыв мобилизации, сосредоточения и развертывания армии противника... Пограничное сражение встречного характера, вытекающее из стремления обеих сторон перенести сразу войну на территорию противника.

2) **Последующий период войны** — оборона или прорыв укрепленной полосы противника; развитие прорыва и оперативное преследование или обратно — противодействие развитию прорыва и отход на новый оперативный рубеж.

Все приемы боевого применения должны подчиняться следующим принципам.

Мотомехсоединение и мехсоединение являются средством армейского маневра. Поэтому надо использовать обязательно и высокую подвижность и большую силу удара. Другими словами, не следует давать самостоятельным ММС и МС такие задачи, которые могли бы выполнить пехотные или кавсоединения, усиленные мехчастями (танками).

Отличие боевого применения ММС и МС от прочих соединений заключается в постановке им задач на такую глубину, которая решала бы успех операции всей армии. Эта глубина определяется положением армбаз, резервов, районов сосредоточения и развертывания войск противника, т. е. полосой глубиной на 70—150 км. Это вполне соответствует способности ММС и МС делать до 70 км в сутки с боями и до 120 км в сутки без боев...

Боевое применение ММС и МС должно основываться на правильном учете характера местности, т. е. действия ММС и МС могут быть по своим результатам эффективны только при использовании их на подходящей местности, не превращающей их положительные качества в отрицательные.

При наличии благоприятной местности, определяющей общий характер данного операционного направления и решительности поставленных оперативных задач, ММС и МС могут и должны применяться **массированно** для достижения наибольших результатов.

Значение ММС и МС заключается в том, что они могут весьма быстро быть введенными в бой, поэтому их участие с самых первых дней войны необходимо и полезно.

В операциях пассивного характера ММС и МС могут применяться, но только с постановкой им решительных задач, заставляющих их вести активные действия, целиком использующие **их основные качества: внезапность, быстроту и силу удара...**

МЕХАНИЗИРОВАННЫЕ (БРОНЕВЫЕ) СОЕДИНЕНИЯ

Их применение ограничивается неспособностью закреплять достигнутое, т. е. удерживать местность и действовать — даже просто обеспечивать себя — ночью. Поэтому неизбежно оперативное взаимодействие МС с крупным стрелковым соединением (корпусом), стратегической конницей и моторизованными соединениями. Другими словами, МС неспособно решать самостоятельных оперативных задач, например за-

хват удаленного рубежа и ведение оперативной разведки. Таким образом, в зависимости от обстановки и масштаба задачи могут быть два решения:

1) совместные действия кавалерийских и механизированных соединений под командованием общего начальника, назначенного армейским (фронтовым) командованием[143]);

2) придача МС коннице или, наоборот, конницы МС...

Разберем задачи мехсоединений в начальный период войны.

Прикрытие сосредоточения и развертывания своих войск. Оно достигается пассивными и активными действиями. Пассивные действия — удел пограничных частей и частей прикрытия... Наоборот, активные действия заключаются в нарушении развертывания противника, в уничтожении его подвижных частей.., старающихся прорвать фронт частей прикрытия и выйти в районы сосредоточения, развертывания и станций выгрузки. Несомненно, что решение этих задач, срывающих план первоначальной операции, принадлежит механизированным соединениям, взаимодействующим с конницей и моточастями...

Применение мехсоединений во встречном сражении. Ко времени встречного движения армий сторон мехсоединению можно дать задачу удара в тыл основной группировке на главном направлении, для чего оно (МС) может пройти фронт и не на этом направлении. В этом случае задача МС может быть неглубокой, с расчетом возвращения в этот же день на свою сторону...

Если противник сумел предупредить и бросил вперед в глубину нашего расположения подвижную группу, то имеющиеся в распоряжении командира мехсоединения должны быть брошены для **уничтожения** конных, моторизованных и механизированных соединений, так как уничтожить последние может только механизированное же соединение...

Прорыв укрепленной полосы противника. Как правило, МС не делает прорыва или делает его в тех случаях, когда это является неизбежностью, как решение попутной задачи, например на пути к своему объекту в рейде... В прорыве не только не используется основное свойство МС — подвижность, но оно теряет после него и подвижность и силу удара, особенно благодаря неизбежности значительных потерь.

Задачи МС в операции прорыва:

— уничтожение армейских резервов и нарушение работы корпусного тыла и управления;

— предупреждение в занятии тыловой оборонительной полосы (как попутная задача).

При наличии тыловой оборонительной полосы (10—12 км) от первой нецелесообразно ограничивать МС действиями в районе, не включающем тыловую оборонительную полосу...

В большинстве же случаев... задачи МС в операции прорыва лежат за пределами полосы глубиной в 10—12 км, т. е. за тыловой оборонительной полосой...

Можно ли дать МС задачу прорыва второй (тыловой) оборонительной полосы? Разумеется, можно, но не как основную задачу, а как попутную, ближайшую, для того чтобы выполнить задачу основную, дальнейшую — выйти в район на глубине 25—50 км для уничтожения или разрушения определенных «объектов» и борьбы с подвижными армейскими резервами...

Что касается оборонительной операции, т. е. противодействия прорыву — здесь МС может быть использовано не только для уничтожения прорвавшихся МС противника, но и для глубокого контрудара через прорыв, для уничтожения и дезорганизации войск противника, развивающих прорыв и входящих в прорыв.

Эксплуатация прорыва — оперативное преследование. Целью оперативного преследования является: дезорганизация отхода противника, уничтожение живой силы его основной оперативной группировки, лишение его возможности задерживаться (обороняться) на промежуточных рубежах. **Это достигается фронтальным преследованием**, ведущимся менее подвижными частями, **и параллельным преследованием,** ведущимся более подвижными частями и имеющим цель отрезать путь отхода противника и тем способствовать войскам фронта его окружению и уничтожению. Очевидно, что **параллельное преследование является наиболее благодарной задачей для механизированных соединений...**

(С. Аммосов. Тактика мотомехсоединений. М., Госвоениздат, 1932, стр. 13—30.)

ТАНКИ В ОПЕРАЦИИ ПРОРЫВА

В статье С. Н. Аммосова «Танки в операции прорыва» описывается метод расчета потребности танков для решения задач по одновременному подавлению всей оборонительной полосы противника, рассматриваются также вопросы эшелонирования танков в наступлении, принципы их взаимодействия с артиллерией и авиацией и управления при прорыве и его развитии.

Статья печатается с сокращениями.

Операция прорыва заключается в том, что прорывается первая оборонительная полоса и немедленно вторая, тыловая, оборонительная полоса, после которой открываются более широкие возможности для тактического и оперативного маневра. По глубине это составляет до 12—15 км и больше

и отвечает содержанию дневных задач корпусов, участвующих в прорыве. Естественно, что решить эту задачу можно успешно только в том случае, если будет решительно и одновременно подавлена оборонительная система на всю глубину первой оборонительной полосы, скованы дивизионные резервы, при этом настолько быстро, чтобы дезорганизовать отход противника на тыловой рубеж, предоставив организацию обороны на нем более глубоким резервам противника, а в лучшем случае предупредить и занятие тыловой оборонительной полосы этими резервами. Такая цель достигается внезапностью прорыва, зависящей от краткости подготовки прорыва, что дает противнику меньше шансов разгадать группировку атакующих войск и принять контрмеры, и вводом в бой таких мощных средств подавления, как танки, которые... оказывают крупнейшую поддержку в решении задачи «на плечах разбитых главных сил овладеть и тыловой полосой»...

Итак, значение танков в прорыве заключается не только в том, чтобы помочь пехоте с меньшими потерями атаковать, но и в том, чтобы **дать высокие темпы и в подготовке и в самом прорыве**. В этом состоит оправдание участия крупных танковых масс в операции прорыва.

Вместе с тем совершенно ясно, что успех танков зависит не столько от их положительных свойств, как боевого средства, сколько от умения **организовать их боевое применение...**

О НАСЫЩЕНИИ ТАНКАМИ БОЕВОГО ПОРЯДКА

Требуется рассчитать, сколько надо танков в НПП, ДПП и ДД для того, чтобы быстро решить все задачи по одновременному и на всю глубину подавлению огневой системы одной оборонительной полосы [144]).

При обороне пехотной дивизии минимально на фронте в 8 км в первой линии мы имеем 2 полка=4 батальона=8 рот, что дает на каждую роту 1 км фронта. На переднем крае обороны может оказаться следующее количество основных огневых средств на 1 км: 8 ручных пулеметов, 2—3 станковых, 1—2 мелкокалиберных орудия или крупнокалиберных пулемета ПТО. Итак, для одновременного подавления этих огневых средств потребуется максимально 15 танков, считая по 1 танку на пехотную огневую единицу и 2—3 танка на противотанковую огневую единицу. Считая, что корпус (3-дивизионного состава) атакует на 8-км фронте, мы будем иметь: $15\times8=120$ танков, или 8 танковых рот танков НПП без эшелонирования в глубину, так как эти танки должны будут атаковать в одну линию (волну). Совершенно ясно, что, несмотря на наличие танковых эшелонов ДД и ДПП, необходимо также иметь некоторое эшелонирование и танков НПП, т. е.

эшелонирование танковых рот для осуществления маневра танками в пределах стрелкового батальона, считая, что последующие батальоны при вводе их в бой поддерживаются теми же танками. Приняв это соображение во внимание, мы получим, что требуется 12 танковых рот на 8 км фронта атаки, или $1^1/_2$ танковых роты на 1 км фронта, что дает округленную плотность танков: 20 танков на 1 км, или 1 танк на 50 м фронта атаки[145]).

Эта норма дает по среднему расчету несколько больше, чем 1 танковую роту на стрелковый батальон.

Итак, на стрелковый корпус требуется 3—4 батальона малых танков для непосредственного сопровождения пехоты...

Относительно танков ДПП могут быть такие соображения. Подавление огневой системы пехоты в глубине означает подавление рот второго эшелона вместе со станковыми пулеметами и противотанковыми орудиями (пулеметами). При принимаемых нами нормах насыщения обороны — 2 км фронта на батальон — во втором эшелоне окажется одна рота с добавочными средствами. По расчету, данному в начале этого раздела, на ее подавление потребуется до 4 взводов танков (2 — на пехотную роту, 1 — на пулеметы, 1 — на ПТО). Итого на 8-км фронт потребуется $4 \times 4 = 16$ взводов, или, округляя, 5 рот. Принимая во внимание, что условия местности не везде дадут возможность применить танки ДПП, мы получим как минимум 1 батальон и как максимум 2 батальона. Отсюда же явствует, что не каждый полк обязан иметь группу ДПП.

Что касается танков ДД, то здесь следует иметь в виду, что на фронте обороняющейся дивизии как минимум будут артполк самой дивизии и дивизион корпусной артиллерии, т. е. всего до 12 батарей. Мы считаем, что на 4-орудийную батарею надо роту средних танков. По такому расчету выходит, что на подавление артиллерии потребуется 12 рот, или 4 батальона средних танков. Но надо принять во внимание, что батареи обороны глубоко эшелонированы, и одна и та же танковая рота будет в состоянии последовательно уничтожить 2 батареи, а не 1. С другой стороны, местность в средних условиях не позволит использовать танки для подавления всех батарей и заставит разделить контрбатарейную работу между танками, артиллерией и авиацией.

Итак, требуется не 4, а примерно 2 батальона средних танков.

Таким образом, на стрелковый корпус (ударный) требуется:

для НПП — 3—4 батальона малых танков,
для ДПП — 1—2 батальона малых танков,
для ДД — 2 батальона средних танков...

ЭШЕЛОНИРОВАНИЕ И РЕЗЕРВИРОВАНИЕ ТАНКОВ

Это вопрос чрезвычайно важный. Резервировать танки вредно, ибо это «затоваривает» танки, вместо того чтобы заставить их дать всю мощь первого удара по противнику. Надо рассчитывать на возможность переключения танков с поддержки одного эшелона пехоты на поддержку последующих эшелонов пехоты. Поэтому не следует эшелонировать в глубину танки НПП. Это базируется и на том, что мы имеем глубокое эшелонирование танков, но не назад, а «вперед»: ДД, ДПП и НПП, причем танки ДД и ДПП могут получить дальнейшие задачи — на поддержку последующих эшелонов пехоты.

Очевидно, что вместе с этим принципом — избегать эшелонирования танков НПП — должен быть положен принцип экономии тактической: не следует вводить танков больше, чем это требуется обстановкой... Но, очевидно, экономия средств будет идти сверху, от оперативного расчета, и тактическим исполнителям (комдиву и комполку) останется лишь обеспечивать полностью первый удар, а не экономить танки; последнее составит работу командарма и комкора.

Однако в тех случаях, когда по условиям местности и укреплений противника нельзя применить НПП и ДД, тогда эшелонирование в глубину НПП неизбежно, и оно будет характеризоваться выделением 2 танковых эшелонов в полку в соответствии с эшелонированием батальонов.

Теперь относительно резервирования танков. Было бы ошибкой совершенно отказываться во всех случаях от резерва танков; об этом говорит и Полевой устав...

В нем указывается, что, удовлетворив потребности в танках своих дивизий, комкор может оставить свежий танковый эшелон (очевидно, батальон) для действий против тыловой полосы...

Как же окончательно резюмировать отношение к резервированию и эшелонированию танков? На это можно дать ответ в следующих пунктах:

обеспечение силы первого танкового удара требует ввода в бой сразу всех наличных танков;

глубина действий танков определяется возможностью последовательной поддержки пехотных эшелонов при условии своевременного восстановления танков;

глубина действий танков и посменность танковых эшелонов определяются не вводом свежих танковых частей из глубины, но постановкой новых задач восстановленным эшелонам ДД и ДПП;

при этих условиях эшелонирование танков НПП ограни-

чивается эшелонированием в танковых ротах, приданных батальонам первого эшелона;

при отсутствии эшелонов ДД и ДПП требуется более глубокое эшелонирование танков НПП, т. е. придача танков вторым и третьим эшелонам полка.

Резерв танков может быть у комкора для усиления частей, бросаемых в атаку на тыловую оборонительную полосу противника...

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АРТИЛЛЕРИИ ДД, АВИАЦИИ С ТАНКАМИ ДД

Как бы велико насыщение танков ни было, однако нельзя будет по условиям местности поручать подавление артиллерии противника одним только танкам ДД: всегда найдутся районы огневых позиций батарей, прикрытых естественными препятствиями, или по своей закрытости и пересеченности представляющие значительные неудобства для действия танков. Очевидно, дифференциация подавления этих районов выразится в том, что одни районы будут поручаться танкам ДД, а другие артиллерии ДД, в том и другом случае при помощи и поддержке авиации. С другой стороны, взаимодействие выразится в сопровождении танков ДД огнем артиллерии ДД и авиации, в окаймлении огнем противника района действий танков, обеспечении сбора со стороны авиации и наведении танков на цель при помощи отдельных самолетов.

Этот краткий перечень показывает, что выделение танков в группу ДД нисколько не умаляет роли артиллерии в подавлении неприятельских батарей и не ставит вопроса об уменьшении потребного для борьбы с батареями количества артиллерии. Кроме функции взаимодействия, на самолеты возлагаются и функции управления танками ДД: 1) наблюдение за действиями танков (определение их потерь, результатов их воздействия на противника); 2) информация об этом старших танковых и общевойсковых начальников; 3) передача танкам приказаний, указаний, информации и постановки задач; 4) управление огнем артиллерии, поддерживающей атаку танков ДД, и, наконец, 5) непосредственное управление с самолета действиями танков ДД.

Отсюда ясна большая роль авиации не только как боевого средства, но и средства **управления.**

СТАРШИЙ ТАНКОВЫЙ НАЧАЛЬНИК И ТАНКОВЫЙ ШТАБ

Сильно возросшие нормы насыщения значительно усложняют «уладку» всех танковых вопросов, особенно в период подготовки боя. Действия, например, 3 танковых батальонов

на участке дивизии означают, что надо: 1) разместить на исходных позициях около 150 боевых машин так, чтобы они не мешали ни пехоте, ни артиллерии, ни друг другу (при фронте участка атаки дивизии в 2 км на 1 км приходится 75 танков, или 1 танк на 13 м); другими словами, надо распределить исходные позиции и время их занятия между танковыми частями (батальонными и ротными); 2) разместить тылы танковых частей, т. е. дать им пункты размещения и указать порядок пользования путями подвоза и эвакуации; 3) организовать регулярное питание, восстановление, санитарную и техническую эвакуацию до боя и в бою. Таким образом, встает вопрос о необходимости иметь танковые бригады...

Тогда командир бригады и его штаб сумеют организовать и согласовать работу танковых батальонов.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ТАНКАМИ В ПРОРЫВЕ

После установления точки зрения по отдельным, но важнейшим вопросам применения танков представляется целесообразным составить общую схему организации управления танками как в период подготовки, так и в период прорыва и его развития, установив обязанности в этом смысле по отношению к танкам как общевойсковых, так и танковых командиров...

В отношении танков это управление характеризуется следующими моментами...

Решение ближайшей задачи дивизии означает, по сути дела, разгром не только огневой системы (окопной), но и разгром основной массы резервов противника. Действия противника после этого будут заключаться в попытках планомерного отхода и занятия тыловой оборонительной полосы, что достигается выставлением огневых заслонов и контратаками сохранившихся резервов. В условиях неизбежного отставания артиллерии и неналаженной централизации наиболее действенным и активным средством воздействия на противника являются танки. В распоряжении командира дивизии имеются опять-таки те же танки ДД. Но они к моменту прихода пехоты в их район неизбежно понесут значительные потери и будут нуждаться в восстановлении и переформировании, на что уйдет не менее 40 минут — 1 часа времени, что означает паузу в развитии боя. Однако пауза в 30—40 минут неизбежна, так как в этом нуждаются не только войска, но и командование дивизии и полков, чтобы поставить и получить новые задачи (для решения дальнейшей задачи дивизии). Таким образом, командование дивизии может снова поставить задачи танкам ДД, в худшем случае приходится дать

указания комполков по использованию имеющихся в их распоряжении танков. Успех этого будет зависеть от свежести сил танков НПП и ДПП.

В задачи старших танковых командиров входит приложить все усилия к тому, чтобы танки ДД были восстановлены в минимальный срок. Это достигается непосредственным движением за передовыми частями пехоты резервных рот и головных пунктов боепитания и связи; танковые командиры должны обеспечить прибытие из тыла танков ДД именно туда, куда это надо. Несомненно, что эта задача более серьезная, чем работа тыла НПП и ДПП.

От быстроты работы танковых тылов зависит быстрота развития успеха.

Ясно, что речь идет о возможности острого кризиса, дефицитности средств подавления в наиболее выгодный для атакующего момент. Эта дефицитность рождается не сразу, а как диалектический переход количества в качество, как накопление потерь танков. Отсюда необходимость зорко следить за потерями танков и к указанному моменту суммой принятых мероприятий разрешить кризис в свою пользу. Очевидно это — долг не только комдива, но и комкора. Неизбежно приходишь к выводу, что комкор в состоянии реагировать на это вводом в бой своего танкового резерва в случае невозможности разрешить вопрос дивизионными средствами. Это логически вытекает из схемы «ввод в бой всех сил и средств при решении ближайшей задачи». Но потребность иметь свежие части танков к моменту атаки тыловой оборонительной полосы заставляет прилагать все силы к тому, чтобы сохранить танки. С другой стороны, это определяет необходимость иметь армейский резерв танков или же иметь достаточно сильный резерв танков в корпусе.

При развитии успеха (после прорыва первой оборонительной полосы) заботы командования корпуса и дивизий должны быть направлены к контролю над тем, чтобы было использовано полностью основное боевое свойство танков — быстрота движения. К этому обязывает более маневренная обстановка сражения после прорыва первой оборонительной полосы, допускающая более свободное маневрирование танков с меньшей поддержкой со стороны пехоты и артиллерии. С другой стороны, командование должно обеспечить танки постановкой соответствующих задач боевой авиации.

Усилия старших танковых командиров направляются в сторону налаживания непрерывной работы тыла танковых частей на ходу и к наибыстрейшему возвращению в строй восстановленных танков. От начала атаки до момента выполнения ближайшей задачи дивизий проходит не менее 2—$2^1/_2$ часов; за этот срок можно восстановить значительную

часть танков, рассеянных по всему полю боя на глубину в 5—6 км. **Для старших танковых командиров управлять в бою — значит восстанавливать танковые части...**

(Журнал «Война и революция», кн. 5—6, 1932, стр. 81—91.)

* * *

★ ★ ★

В. В. ФАВИЦКИЙ

Владимир Викторович Фавицкий *(1896—1938). В Красной Армии — с 1918 г., активный участник гражданской войны. В 1925 г. окончил Военную академию РККА. С 1930 по 1935 г. работал преподавателем, а затем начальником кафедры моторизации и механизации войск Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1935 г. ему было присвоено ученое звание профессора Военной академии РККА. С 1936 г.— командир и комиссар 1-й отдельной тяжелой танковой бригады. Полковник.*

РОЛЬ МЕХАНИЗИРОВАННЫХ ВОЙСК В СОВРЕМЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Статья посвящена некоторым проблемам наступательного боя и операции в связи с появлением новых средств борьбы, главным образом мотомеханизированных войск. В ней рассматриваются вопросы применения и действий мотомеханизированных соединений при развитии прорыва в наступательной операции. Статья подводит итоги большой дискуссии и в обобщенном виде отражает военно-теоретические взгляды середины тридцатых годов на роль, место и задачи мотомеханизированных войск в операциях.

Статья печатается с небольшими сокращениями.

1. ПРОРЫВЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Чудовищно возросшая сила обороны и в первую очередь **пулемет** делают бесплодными все попытки наступающей стороны достигнуть такой глубины, которая дала бы возможность успеху тактическому перерасти в успех оперативный.

Тщетны были огромные усилия продвинуть фронт противника **насквозь**, напрасно создавались невиданные массы войск во вторых эшелонах: их значение редко выходило за рамки роли обычных резервов. Успех прорыва обычно выражался в овладении только первой линией обороны, и наступающий вводил свои резервы главным образом для питания чудовищной бойни — «мясорубки».

Неповоротливые, тяжеловесные корпуса вторых эшелонов, подходя к месту прорыва, обычно уже встречали организованную противником оборону и ввязывались в тягучие, медленные бои «за дом лесника», за каждую пядь территории.

Становилось ясным, что необходимо восстановить подвижность атакующих войск, сделать их способными, **быстро** втягиваясь в прорыв, развить его, расширить и выйти в глубину **раньше**, чем противник подбросит к атакованному участку свои резервы и восстановит непрерывность фронта и убийственную систему огневого сопротивления.

Взоры не раз обращались на конницу. Ее природная подвижность всегда давала ей преимущества там, где требуются смелый бросок вперед, быстрое выдвижение к месту, где достигнут успех, где наметились уже контуры преследования...

Нивель, организуя свое «решительное» наступление в апреле 1917 г., держал 5 кавалерийских дивизий наготове. Прорыв, стоивший наступающей стороне четверти миллиона человек, не удался и конница применена не была.

Под Камбрэ 3 кавалерийские дивизии также ждали момента для броска вглубь. Прорыв удался. Но конница в прорыв не вошла и успеха развить даже не пыталась...

И мало удивительного в том, что конницу эпохи мировой войны трудно рассматривать как надежное средство развития прорыва. Слабая в огневом отношении, лишенная механизированных средств, конница 1914 г. была мало приспособлена для борьбы в условиях огромного насыщения фронта огневыми средствами...

2. НОВЫЕ СРЕДСТВА БОРЬБЫ

Совершенно неслучайно, разумеется, что реакцией на тяжелый урок войны 1914—1918 гг. явились выступления военных теоретиков-экстремистов — Дуэ, Гельдерса, Фуллера. В стремлении преодолеть позиционность с ее величайшими и длительными напряжениями, с неизбежно появляющимися на полях сражений миллионными людскими массами, так мало «надежными» в наше время, они, перепрыгивая через этапы боя и операции, решают **войну** «сразу» — глубоким стратегическим замахом... Все решит небольшая профессиональная армия фашистских наемников. Передвигаясь по воздуху или по земле, она быстро решит вопрос войны, **раньше**, чем мобилизованные потрясения внутри страны приведут к социальным сдвигам...

Если отбросить футуристические увлечения «гаражной и ангарной школы мыслей» генералов Фуллера и Дуэ, пораженных тяжелым недугом массобоязни, и рассматривать авиацию и механизированные войска как могучее средство,

взаимодействующее с массовыми армиями, оснащенными современными средствами борьбы, то проблемы современного боя и операции предстанут перед нами в новом освещении.

Авиация и механизированные войска дают возможность по-новому ставить вопрос о преодолении «проклятой позиционности».

Авиация, применяемая массированно, способна оказать могущественное воздействие на противника в пунктах, наиболее чувствительных и уязвимых, глубоко спрятанных вдали от линии фронта и никому, кроме авиации, недоступных. Авиация способна создать в известной зоне «оперативную каталепсию», лишающую противника возможности маневрировать из глубины своими оперативными резервами для парирования намечающегося прорыва...

Танки, взаимодействующие с пехотой и сопровождаемые вездеходной артиллерией, создадут ту необходимую мощь атаке наземных войск, которая только и способна пробить брешь в современной укрепленной полосе.

Быстро и скрытно сосредоточенные к избранному для прорыва району, танки нанесут внезапный и сокрушительный удар.

Подавленный сильной артиллерией и авиацией атаки, потрясенный мощной атакой пехоты и танков противник сразу почувствует нависшую угрозу прорыва и будет искать спасения в новых силах, которые могли бы залатать намечающуюся брешь и восстановить непрерывность фронта. Авиация дальнего действия этого ему не позволит, и угроза прорыва неизбежно превратится в факт.

Вторые и третьи эшелоны прорывающих корпусов расширят достигнутый успех, раздвинув и закрепив фланги участка прорыва.

3. РАЗВИТИЕ ПРОРЫВА

Ворота готовы.

Вновь со всей остротой встает вопрос об использовании тактического успеха, о развитии прорыва, с тем чтобы достигнуть **оперативного** эффекта.

Выше уже упоминалось о трудности введения в такие «ворота» конницы. Ведь путь, проходящий в этих воротах, вряд ли будет напоминать поверхность стола и редко не будет подвергаться, хотя бы и не сплошь, действительному огню с флангов участка прорыва и из уцелевших еще очагов обороны. Даже современная, оснащенная огневыми и броневыми средствами, конница **не всегда будет** в состоянии преодолеть все трудности для быстрого прохода в приоткрытые тактические ворота.

Самостоятельные механизированные соединения решат эту задачу с большим успехом. Им не страшны окопы и ходы сообщения — наиболее широкие из них без труда преодолеваются при помощи инженерных машин сопровождения. Воронки, покрывающие поле боя, не являются препятствием для гусеничных машин. Проволока, местами даже неразрушенная, не может замедлить движения мехсоединения.

Мехсоединение не требует особенностей «чистоты» ворот. Пусть сохранились островки обороны, пусть наиболее стойкие из обороняющихся ведут огонь из оставшихся пулеметов. Мехсоединение своими бронированными машинами раздавит их мимоходом, не замедляя даже темпа своего движения. Трудно представить себе, что противник сумеет быстро организовать огонь по воротам с флангов прорыва. Но даже и этот огонь не способен остановить или задержать танки. Быстротой хода повышая свою неуязвимость, они, несомненно, без особенного труда смогут гарантировать себе минимум потерь в период прохождения через ворота[146]).

Разумеется, возможен случай, когда в воротах прорыва уцелеют какие-либо элементы ПО (полевой обороны) противника. Их не может быть много. Проход больших масс пехоты и за ними саперов вряд ли позволит считать, что какие-нибудь противоброневые мероприятия противника остались неразрушенными и главное необнаруженными, а своевременно обнаруженные уцелевшие элементы ПБО (противоброневой обороны) противника всегда вызовут ряд мер их ликвидации и обезвреживания. В этом будет заключаться одна из главных задач войсковых саперов, следующих непосредственно за наступающей пехотой, а отчасти и самих мехчастей, располагающих своей артиллерией и специальными инженерными танками.

Нет никакого сомнения в том, что брошенное в прорыв мехсоединение меньше, чем какой бы то ни было другой род войск, нуждается в «опеке».

Его вездеходность, наличие подвижной самоходной и забронированной артиллерии — все сообщает ему те особо ценные в условиях прорыва **неприхотливость и нетребовательность**, которые только и могут гарантировать беспрепятственное развитие даже не вполне завершенного тактического прорыва с необходимой стремительностью.

Только быстрота способна в этих условиях обеспечить быстрое наступление **оперативного** эффекта.

А эта быстрота, стремительность свойственны мехсоединению в величайшей степени.

Оперативная ценность самостоятельного мехсоединения возрастает благодаря его быстроподвижности еще и потому, что быстрота его переброски в сильной степени способствует сохранению в тайне участка прорыва. В самом деле, возмож-

ная скрытность подготовки операции прорыва, и в частности возможность сохранения в тайне до последнего допустимого момента избранного пункта прорыва, имеют очень большое значение. Появление оперативных резервов на том или ином участке, разумеется, расшифровывает замысел операции с достаточной убедительностью.

Мехсоединение благодаря его подвижности можно подвести к фронту в самый последний момент, сохраняя необходимую скрытность (например, ночью). Мало этого, мехсоединение можно подтянуть к одному участку фронта, а затем без особого труда перебросить его на 50—60 км вдоль фронта на совершенно иной участок, туда, где намечен прорыв в действительности и где мехсоединение будет его развивать. Это качество мехсоединения никогда не должно забываться. Умелое его использование способно создать дополнительную силу его боевым свойствам и всей операции — **внезапность.**

4. САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ МЕХСОЕДИНЕНИЯ

Зарубежные взгляды на организацию механизированных соединений в высшей степени разнообразны. Опубликованные в иностранной военной печати результаты опытных учений мехчастей свидетельствуют о чрезвычайно энергичных исканиях наиболее целесообразных форм для постоянных мехсоединений. Если в определении количества и структуры танковых батальонов можно теперь фиксировать некоторые тенденции, общие для ряда армий (английской, германской и САСШ), то этого нельзя сказать о таких, например, вопросах, как определение состава пехотных подразделений в проектируемых и опытных бригадах или как установление количества и вооружения механизированной артиллерии.

Не приходится сомневаться в том, что значительная доля трудностей при решении организационных вопросов возникает в связи с изысканиями в области конструирования новых гусеничных машин.

Во всех армиях, где ведется опытная работа с мехсоединениями, необычайно остро стоит вопрос о сочетании в одном соединении гусеничных и колесных машин. Отрицательные данные опыта: разные скорости, неодинаковая проходимость, крупные затруднения в области управления — все это, несомненно, наложило отпечаток на исследовательскую мысль.

Представление о пехоте мехсоединений неразрывно связывается с перевозкой ее на колесах и вызывает некоторое предубеждение. В самом деле, количество пехоты, редко превосходящее трехротный батальон на бригаду, вряд ли можно признать удовлетворяющим тем требованиям, которые предъявляются к пехоте мехсоединений. Буквально во всех видах боевого применения мехсоединение нуждается в

пехоте. Усиление разведывательных и охраняющих частей пехотными подразделениями является правилом. Ни преодоление заграждений, ни захват рубежей (функции ПО) не мыслятся без помощи пехоты. Задачи очищения захваченной территории, закрепление достигнутого успеха путем образования ряда хотя бы небольших опорных гарнизонов («контролирование местности» — по Фуллеру), необходимость несения сторожевого охранения района расположения бригады и на ее коммуникациях для обеспечения подвоза — все это с достаточной отчетливостью показывает, что одному батальону пехоты всех этих задач не выполнить. А ведь нетрудно представить себе случай, когда все задачи выпадут на долю пехоты **одновременно.**

Когда пехота мехсоединений получит транспортер, подвижностью и вездеходностью не уступающий танкам, количество пехоты, безусловно, увеличится и схемы мехбригад Англии, Германии и САСШ получат несколько иное выражение. Возможно, что даже двух батальонов на бригаду окажется недостаточно. Пехота мехсоединений завоюет себе прочную репутацию как необходимый спутник **ударных** танковых батальонов.

Вторым не менее сложным вопросом следует считать вопрос об артиллерии мехсоединений. На нее выпадает целая сумма задач, вызывающих ряд самых разнообразных предложений о составе и вооружении артиллерийских частей в мехсоединениях. Борьба с броневыми силами противника требует скорострельной пушки с высокой начальной скоростью. Артиллерия, сопровождающая танковую атаку, должна быть готова к подавлению и уничтожению противотанкового оружия противника, спрятанного в закрытиях. Было бы неосторожным думать, что современная, даже быстро сорганизованная, оборона обойдется без бетонных куполов и бетонированных перекрытий — это ставит вопрос о наличии в распоряжении артиллерии сопровождения танков орудий калибра порядка 150 мм. В Англии уже конструируется вездеходная (на танковом шасси) установка 92-мм и 107-мм мортир. Нет никакого сомнения, что проблема самоходной артиллерии будет в самом недалеком будущем разрешена в большинстве крупных иностранных армий введением на вооружение самостоятельных мехсоединений целой гаммы орудий, высокоподвижных и сопровождаемых такими же подвижными и вездеходными транспортерами для перевозки боеприпасов. Даже Англия, наиболее ревниво охраняющая подвижность, главное положительное свойство мехсоединений, несомненно, пошла по пути двоякого разрешения артиллерийской проблемы. Наряду с пушечными танками англичане намерены снабдить мехчасти и самоходной артиллерией с мощной бомбой...

С появлением транспортера на танковом шасси автомашина будет уступать ему свои позиции одну за другой и удержится в мехсоединениях в очень ограниченных рамках. Большое количество вспомогательных, обслуживающих машин уже сейчас переходит на танковое шасси. Мехсоединение завтрашнего дня, несомненно, все меньше и меньше будет зависеть от дорог. Даже «танки снабжения» и в первую очередь цистерны с горючим получат высокую проходимость и независимость от сети путей.

Пока же до нас доходят лишь сведения о мотомеханизированных бригадах, причем состав их в целом очень разнообразен.

Способы их боевого использования, разумеется, зависят от их организации в первую очередь. Несомненно, что организация с теми или иными вариантами определяется теми взглядами на мехсоединения, которые господствуют в той или иной армии.

Не приходится колебаться в утверждении, что и то и другое (применение и организация) потерпит значительные изменения с введением на вооружение вездеходных транспортеров для пехоты, орудий и снабжения. Эту поправку всегда следует иметь в виду.

Пока же иностранная военная литература дает возможность выявить некий средний общий тип мехсоединения (мехбригады), состоящий из 3—4 танковых батальонов плюс все остальные (пехота, артиллерия, саперы, связь и т. п.), еще не освободившиеся от колес. Это дает всегда до 500—600 машин, из коих половина — гусеничные на танковом шасси.

5. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ МЕХСОЕДИНЕНИЯМ

Боевая ценность такой мехбригады определяется в основном ударной и огневой силой танковых батальонов, входящих в ее состав. 3 или 4 танковых батальона — сила внушительная и достаточная для выполнения целого ряда самостоятельных задач. Оснащенная еще добавочными средствами усиления и взаимодействия с авиацией, такая мехбригада способна, войдя в прорыв, например, успешно ликвидировать попытку противника подбросить к месту прорыва свежие части, сорвать подготовку к обороне тылового рубежа, расстроить управление и работу тыла, захватить важный объект и т. д.

Перед начальником, ставящим задачу мехбригаде, встанет целый ряд соблазнов. **Глубже** нанести удар, дать противнику острее почувствовать критический момент операции и его неудачу на фронте (прорыв) — такое желание вполне законно и естественно возникает у каждого.

Здесь появляются поправки, которые призваны регулировать размеры дальнобойности мехбригады.

Первая из этих поправок — **целесоответствие** задачи, которую получает мехсоединение, с общей обстановкой и идеей общего решения старшего начальника.

Нет нужды, проводя суточную, например, операцию, посылать мехбригаду для уничтожения тыловой базы противника. Разгром базы скажется на войсках через 2—3 дня и является поэтому уделом операции более крупного замаха.

Удар по живой силе и по объектам, непосредственно связанным с текущей операцией в рамках, конечно, известной оперативной перспективы, наиболее соответствует природе мехбригады приведенного выше состава, и подобные задачи главным образом и будут на нее возлагаться, какие бы аппетитные объекты ни рисовались старшему начальнику на его «дальнем прицеле».

Вторая поправка — продолжительность времени, в течение которого мехбригада способна передвигаться и вести бой без необходимости пополнять свои запасы, т. е. не нуждаясь в коммуникации.

В глубокой операции, когда ценность мехбригады иногда измеряется главным образом тем, что она легко может проскользнуть в еще не вполне расчищенные ворота прорыва, коммуникация может быть восстановлена подчас не очень скоро. В этих случаях мехбригаде придется рассчитывать исключительно на свои возимые запасы.

Если рейдирующая конница (имеется в виду «старая» конница) пускалась в рейд в расчете почти исключительно на местные средства, то мехсоединения отнюдь не обладают таким свойством снабжения на месте, «как-нибудь».

Основную массу снабженческих грузов мехсоединения составят горючие и смазочные материалы. Огнеприпасы не создадут таких затруднений. Еще меньше забот будет о продовольствии — двух-трехдневные запасы без труда возятся непосредственно в машинах.

Возникнут неизбежные затруднения с ремонтом и восстановлением машин. Какие-то минимальные средства, очевидно, будут находиться в частях во всех случаях.

Но основной и наиболее громоздкий груз, повторяем, — горючее и смазочные материалы...

Что же представляет собой этот основной снабженческий груз?

Проделаем грубый расчет для бригады упоминавшегося «среднего типа», состоящей из 300 танков (и аналогичных по типу машин) и 300 автомобилей.

Во что выльется одна заправка бригады?

Приняв литраж танковых машин равным в среднем литражу легкого английского танка Виккерс — 180 л, общий

литраж 300 танковых машин получим равным 54000 л. Если принять литраж автомашины за 50 л, для 300 автомашин общий литраж выразится цифрой 15 000 л. Итого — 69 000 л. Считая удельный вес горючего равным 0,8, в весовом выражении заправку горючего мехбригады получим равной примерно 55 т.

Смазочные материалы составят около 10% от веса горючего, т. е. 5,5 т.

Всего, таким образом, получим около 60 т материалов.

Тара займет около 25% от веса горючего, т. е. будет равна 15 т.

Общий вес (брутто) одной заправки — 75 т.

Если перевозить этот груз на $1^1/_2$-т грузовиках, берущих не больше 1 т горючего (из-за габарита тары), получим колонну в 75 машин глубиной в 3 км.

Очевидно, что если одна заправка горючего и может быть взята бригадой, то о втором таком же обозе для еще одной заправки говорить чрезвычайно трудно. Потребуются специальные меры, чтобы прикрыть такой громоздкий обоз. Отвлечение боевых частей бригады для прикрытия и конвоирования собственного тыла — мероприятие чрезвычайно нежелательное, ставящее под сомнение самою целесообразность операции, вынуждающей на такие шаги. А своим собственным походным или боевым порядком бригада не сможет прикрыть 6-км колонны обозов горючего тем более, что обозы не ограничиваются перевозкой только горючего и, следовательно, будут значительно превосходить 6-км глубину.

Значительное облегчение получат мехсоединения с введением цистерн на танковых шасси. Не связанные с дорогами, такие обозы будут дробиться более мелкими колоннами и втасовываться в боевые части, не требуя особых прикрытий. Более емкие, чем автомашины с обычной тарой, они сильно сократят и глубину колонны, а если будут снабжены хотя бы еще легкой броней, боевая ценность их возрастет чрезвычайно.

При каких угодно условиях, таким образом, мехбригада редко будет в состоянии взять с собой две полные заправки горючего. Вместе с баковой заправкой это даст бригаде 2—3 дня жизни без необходимости возобновления коммуникации.

Что же делать бригаде в этот третий, критический день? Очевидно, **или** возвращаться обратно в тыл для снабжения **или** ждать, когда ей подадут необходимые грузы.

Эта дилемма всегда должна руководить расчетами оператора, ставящего мехбригаде боевую задачу...

Все приведенное со всей очевидностью говорит о том, что свобода в выборе объекта при постановке задачи мехсоеди-

нению строго ограничена, с одной стороны, оперативной целесообразностью, целесоответствием задачи, а с другой — сроком, в течение которого мехсоединение способно функционировать самостоятельно.

6. РАЗВИТИЕ УСПЕХА

Самостоятельные действия мехсоединения в глубине расположения противника в очень значительной степени углубляют удар. В пределах свойственной ему дальнобойности мехсоединение способно настолько дезорганизовать оборону на сравнительно широком фронте своими атаками удачно выбранных объектов, что положение противника может стать затруднительным не только на участке, где непосредственно осуществлен прорыв. Прорыв фронта, связанный с воздействием на соседние участки с тыла, ударом по тылу и нарушением управления создает достаточные предпосылки для перерастания достигнутых тактических успехов в успехи оперативного значения.

Расстроенная оборона, дезорганизованный тыл и управление, утеря возможности ликвидировать прорыв подводом резервов ставят противника в очень тяжелое положение и позволяют рассчитывать на дальнейшее успешное **развитие прорыва** и еще более решительное поражение противника в **глубине** его расположения. Такое использование успешного прорыва представляется возможным в случае, если имеются оперативные вторые эшелоны, способные **быстро** выброситься в расширенные к этому времени ворота прорыва и стремительно обрушиться на глубокие объекты и живую силу противника, довершая разгром и способствуя перерастанию его поражения в катастрофу уже расширенного масштаба.

Такими подвижными соединениями, способными играть роль оперативных вторых эшелонов, являются кавалерийские соединения и моторизованные соединения...

Закрепить успех глубокого удара с большим успехом могут и моторизованные дивизии. Быстро перебрасываемые к требуемым пунктам, они способны развить величайшие усилия в подавлении попыток противника восстановить равновесие сил. Основное же свойство пехоты — цепкость, способность крепко овладеть и стойко обороняться — может оказаться незаменимым в условиях окружения, изоляции и уничтожения разгромленного противника.

7. УДЕЛЬНЫЙ ВЕС ТАНКОВЫХ ВОЙСК В СОВРЕМЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Начиная снизу — от поддержки пехотных подразделений танками сопровождения — и до самого верха, до оперативных резервов высшего командования, мотомеханизированные

войска являются непременными участниками каждого современного боя и операции.

Многоэшелонная танковая атака удесятеряет силу удара пехоты; танки сообщают наступлению ту неотвратимую сокрушительность, без которой не может быть твердого расчета на успех современной операции.

Механизированные соединения развивают достигнутый успех, перенося свои усилия в глубину, минуя естественные или искусственно образовавшиеся фланги.

Мотомеханизированные соединения расширяют рамки операции и сообщают ей необходимый размах и быстрое развитие.

При целесообразном взаимодействии с другими родами войск и организованно сотрудничая с авиацией, мотомехвойска приобретают величайшее значение и их роль в современной операции не может быть переоценена.

Их огромная ударная сила, огневая мощь и подвижность сообщают современным армиям совершенно новые средства и заставляют пересматривать многие, казавшиеся уже решенными, вопросы.

Не только наступательные бои приобретают новые формы благодаря мехвойскам.

Оборона в целом ряде случаев может быть организована по принципу использования сильных глубоких мотомехрезервов. В сочетании с заграждениями это позволяет иногда совершенно отказываться от кордона, освобождать для активных действий значительные силы.

Новый фактор боя — танк — требует еще кропотливой исследовательской, а также и энергичной **экспериментальной** работы.

(В. Фавицкий. «Роль мехвойск в современной операции», журнал «Механизация и моторизация РККА». М., Госвоениздат, 1933 г., № 2, стр. 60—71.)

★ ★ ★

И. П. СУХОВ

Иван Прокофьевич Сухов (*1895—1962*). *В Красной Армии с 1918 г. После гражданской войны командовал стрелковой бригадой. Учился в «Выстреле», работал затем на московских курсах усовершенствования комсостава. В 1933—1935 гг.— старший преподаватель Военной академии моторизации и механизации РККА, в 1938—1940 гг.— начальник кафедры тактики высших соединений той же академии. В годы Великой Отечественной войны командовал крупными соединениями бронетанковых войск. В послевоенный период занимал ответственные посты в управлениях Министерства обороны СССР. Генерал-полковник танковых войск.*

Основные труды. *«Танки в современной войне». «Труды Военной академии механизации и моторизации РККА». 1940 г. «Мол. Большевик» № 2 1941 г.*

ТАНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

Статья опубликована в трудах Военной академии механизации и моторизации РККА в 1940 г. В ней рассматриваются некоторые вопросы применения танковых и механизированных соединений при вводе их в прорыв и действиях в оперативной глубине. Статья отражает наши взгляды в области оперативного использования танков накануне Великой Отечественной войны.

Печатается с сокращениями.

К настоящему времени принципы использования танков определены достаточно полно. Эти принципы исходят из стремления использовать всю мощь современного танка: его броню, силу огня, скорость и дальнобойность.

Сейчас если и существуют различия во взглядах, то они касаются главным образом деталей и методов применения танков в том или другом виде боя или операции, а не принципов в целом. Признано всеми, что танки являются не только оружием усиления, но и сами, объединенные в боевые единицы, представляют собой один из основных, и притом решающих, родов войск...

Танк появился как наступательное оружие и в этом именно направлении совершенствовался в дальнейшем. Нам думается, что в связи с теми качествами, которые имеет танк сегодня и которые резко отличают его от танка периода

1914—1918 гг., современное использование его должно также резко отличаться от его использования в период первой мировой империалистической войны. Сейчас нельзя говорить только об одном тесном взаимодействии с пехотой. Этого уже недостаточно, танк перерос этот этап и требует большего...

...На современном этапе мы вправе требовать от танковых частей и взаимодействия с пехотой, и самостоятельности в действиях...

Вопрос о целесообразности иметь оперативно самостоятельные танковые и механизированные соединения долгое время являлся предметом довольно ожесточенных споров. Противники этого выдвигали основной аргумент, что современные танки, несмотря на их мощь и дальнобойность, все же не способны к удержанию захваченной местности, а поскольку это так, то они не могут быть вполне самостоятельными в своих действиях. Обычная же пехота настолько отстанет от танковых соединений, что последние, выдвинутые на большую оперативную глубину, окажутся довольно продолжительное время предоставленными самим себе и, попав до подхода пехоты под сосредоточенный и мощный удар со стороны противника, будут уничтожены. Кроме того, учитывались и трудности снабжения этих танковых соединений, тем более, что сообщение с тылом при значительном отрыве танковых соединений от своих войск может быть отрезано: противник постарается «затянуть» образовавшийся прорыв.

Наша армия почти с первых же дней формирования танковых частей придерживалась другой точки зрения, а именно: считала возможным и необходимым предоставление крупным танковым соединениям оперативной самостоятельности. Эта точка зрения, несмотря на небольшие от нее отклонения, продолжала существовать все время и существует сейчас. Правильность этого взгляда подтвердилась и нашим боевым опытом и опытом применения танковых соединений на западе Европы...

Оперативная самостоятельность танковыми соединениями приобретена, но она окончательно еще не разрешена. Дело в том, что танк, являясь машиной вездеходной, не привязан к дорогам в такой степени, как автомобиль, транспортирующий за танковыми соединениями пехоту. Окончательное разрешение этого вопроса будет тогда, когда пехота, сопровождающая танки, хотя бы только та ее часть, которая должна действовать непосредственно с танковыми соединениями, будет посажена на вездеходные (лучше гусеничные) транспортеры, когда все то, что входит в качестве обеспечивающих средств в танковое соединение, также будет находиться на гусеницах и будет способно к движению на местности со скоростью танков.

Современные танковые и механизированные соединения...

имеют целью глубокое проникновение на территорию противника с задачами уничтожения его живой силы, жизненных средств, путей сообщений и т. п. Выполнение этих задач будет иметь место:

— в начальный период войны,

— в маневренный период войны вообще,

— в условиях развития прорыва и

— в условиях самостоятельного прорыва механизированными соединениями обороны противника...

Не затрагивая здесь всех видов боевых действий этих оперативно самостоятельных соединений, остановимся только на некоторых вопросах их применения.

...Состав подвижных войск, назначаемых для ввода в прорыв, должен вытекать из тех задач, какие предполагается им поставить. Ударным ядром этих войск во всех случаях будут танковые соединения. Кроме танков, подвижные войска должны иметь в своем составе: моторизованную пехоту, мотоциклетные части и соединения; артиллерию на механизированной тяге с такой скоростью движения, которая давала бы возможность не отставать от движения танковых и моторизованных соединений; технические средства, обеспечивающие действия подвижного соединения, и тылы с учетом тех или других возможностей для подачи всех видов снабжения на период действий. Помимо всего этого, должны быть предусмотрены, когда это необходимо и возможно, действия парашютных и посадочных десантов и главное — максимальное обеспечение действий подвижных войск, вводимых в прорыв со стороны авиации.

Никакого шаблона в соблюдении какой-либо пропорции или соотношении сил между танковыми, моторизованными, мотоциклетными частями и соединениями дать нельзя, да это и не нужно. В каждом отдельном случае необходимо исходить из конкретной обстановки и задачи. Как на некоторые отправные положения можно будет указать на следующее:

а) В том случае, если задача в основном будет заключаться в разгроме или в уничтожении живой силы или каких-либо объектов, то более значительную часть подвижных сил должны составить танковые соединения. Остальные рода войск назначаются по мере необходимости для обеспечения действий танковых соединений и для их прикрытия.

б) Когда одновременно с разгромом или уничтожением тех или других объектов предполагается еще и удержание пунктов, районов или рубежей, в состав подвижных войск должно быть назначено достаточное количество мотопехоты, артиллерии и других средств. При этом должна быть подсчитана вся потребность в этих войсках по каждому из предполагаемых к удержанию объектов плюс обеспечение действий и прикрытие танков.

в) Технические средства, даже артиллерия, для того чтобы не лишить войска, вводимые в прорыв, их основного свойства — подвижности, назначаются в меру крайней необходимости. Артиллерийское обеспечение заменяется обеспечением авиационным.

г) С той же целью не следует загромождать подвижные войска тылом. Если имеется возможность, надо широко использовать местные ресурсы (кроме боеприпасов), а в некоторых случаях организовать, хотя бы частично, снабжение подвижных войск при помощи авиации.

Механизированное соединение и мотопехота вводятся в прорыв или для развития успеха с действиями их в оперативной глубине, или для действий с тыла по обороняющимся войскам противника с целью разгрома их совместно с войсками, наступающими с фронта...

Общий порядок ввода механизированного соединения в прорыв мыслится таким: впереди рядом — танковые части и соединения, за ними во втором эшелоне — мотоциклетные части, моторизованная пехота, артиллерия и технические средства обеспечения, прикрываемые с фланга танками и противотанковыми орудиями, и, наконец, в третьем эшелоне — тылы с соответствующим прикрытием. Наземная разведка, охранение колонн, а если необходимо — и передовой отряд организуются и высылаются сразу же, с началом движения механизированного соединения в прорыв.

Механизированное соединение в зависимости от его величины будет входить в прорыв в полосе действий одного или нескольких стрелковых корпусов, и все задачи по обеспечению как с фронта, так и с флангов, для беспрепятственного ввода его в прорыв должны лечь на эти стрелковые корпуса. Боевые действия механизированных соединений должны начаться только по выходе за линию передовых частей стрелковых корпусов, т. е. за артиллерийскими позициями оборонительной полосы противника. При наличии достаточно сильной второй оборонительной полосы выход в прорыв механизированной группы должен произойти по захвату этой полосы частями стрелковых корпусов, при этом боевые действия механизированных соединений начнутся по выходе за эту полосу. Самостоятельный прорыв второй полосы механизированными соединениями возможен, когда эта полоса несильна и ее прорыв не окажет особенно большого влияния на действия механизированного соединения в дальнейшем. При сильной второй оборонительной полосе прорыв ее механизированным соединением следует допускать только в особых условиях, как исключение...

Механизированные соединения, тем более крупные, являются средством фронтового командования. Имея огромную ударную и огневую силу и большую дальнобойность, они мо-

гут предназначаться для глубокого проникновения на территорию противника в целях потрясения всей его оперативно-стратегической системы обороны.

Повторяем, что при такого рода глубоких действиях крупные механизированные соединения должны быть в достаточной мере подкреплены моторизованными и мотоциклетными частями и соединениями и увязаны с широкоприменёнными парашютными и посадочными десантами, не говоря уже о том, что действия этой массы машин должны обеспечиваться самой мощной авиацией: истребительной, бомбардировочной и штурмовой.

Выход подвижных войск в прорыв должен быть немедленно реализован войсками для энергичного наступления. Действия войск в полосе прорыва должны быть направлены не только вперед, но и на фланги; должны быть приняты все меры к тому, чтобы расширить прорыв не только для того, чтобы разгромить фронт обороны, но и в целях более надежного обеспечения флангов, выдвинутых вперед подвижных соединений...

...Современные крупные танковые и механизированные соединения настолько мощны и обладают такой большой ударной силой и пробивной способностью, что они могут выполнять и такие задачи, как самостоятельный прорыв оборонительной полосы. Однако следует учесть то общее положение, что чем крепче и сильнее оборона, тем больше потерь понесут наступающие части от огня обороны. Поэтому, имея в виду, что механизированные соединения прорывают оборонительную полосу, как правило, не для ее уничтожения, а для действий в оперативной глубине, от атак механизированным соединением сильной стабилизировавшейся обороны следует воздержаться, а если она будет необходима, то произвести ее с соответствующим усилением механизированных соединений. Более нормальным для механизированных соединений будет: прорыв обороны, к которой противник перешел в результате встречного боя, обороны на широком фронте, подвижной обороны.

К решающим элементам, которые окажут свое влияние на успех прорыва, в первую очередь будут относиться: умелый выбор направления действий и полосы прорыва и внезапность действий.

Наивыгоднейшим направлением будет то, которое даст наиболее успешное выполнение поставленных задач. Однако, учитывая особенности прорывающих войск, при прочих равных условиях предпочтение надо отдать тому направлению, где местность наиболее танкодоступна и позволяет применение массы танков и где оборона противника слабее, чем на других направлениях.

Для достижения внезапности не следует без особой на-

добности допускать заблаговременный подход танковых и моторизованных соединений, назначенных для прорыва, к фронту обороны. Скорость движения и радиус действий этих соединений в настоящее время таковы, что можно, безболезненно проделав 80—100-километровый марш, подвести их даже накануне операции. Во всяком случае, подход их к фронту в выжидательные районы надо произвести не раньше, как за сутки до атаки. Для скрытности действий подход целесообразнее совершить в ночных условиях, а если не исключено и дневное движение, то марш прикрывается сильной авиацией. Мало того: авиация должна добиться господства в воздухе и не допустить обнаружения авиацией противника движения этой массы танков и автомашин...

Механизированные соединения совершают прорыв или самостоятельно, или во взаимодействии с общевойсковыми соединениями, имеющимися перед фронтом обороны. В последнем случае в интересах механизированного соединения привлекаются все силы и средства этих и соседних общевойсковых соединений.

В зависимости от силы обороны механизированное соединение, назначенное для самостоятельного прорыва, должно быть усилено артиллерией, техническими средствами, а в необходимых случаях, например, при танконедоступности переднего края обороны, и пехотой (мотопехотой). В случаях привлечения танковых соединений, имеющих глубокую оперативную задачу, для прорыва сильных полевых оборонительных позиций должно быть предусмотрено назначение еще и дополнительных танковых частей и соединений, на которые и ляжет первый удар по оборонительной полосе противника. При такого рода действиях все части усиления механизированного соединения по прорыву оборонительной полосы не следуют за ним в глубину, а остаются и удерживают за собой полосу прорыва, а затем с подходом войск из тыла участвуют в дальнейших действиях совместно с ними...

...Атаке танковых и механизированных соединений предшествует авиационная подготовка оборонительной полосы, к которой привлекаются артиллерия, имеющаяся в составе этих соединений, и артиллерия усиления. Эта подготовка должна быть непродолжительной, но достаточно мощной. Непосредственно за авиационно-артиллерийской подготовкой в точно назначенное время атакуют танковые эшелоны, причем одни из них имеют задачу по уничтожению огневой системы обороны, другие — безостановочное движение вперед, в район сосредоточения. За танковыми эшелонами наступает пехота (спешенная мотопехота), усиленная танками, в задачу которой входит очищение полосы обороны от противника. За этой пехотой производят прокладку колонных путей или исправляют существующие пути саперы. В следующем эшелоне дви-

гаются мотопехота, мотоциклетные части, технические средства и т. п. За ними — артиллерия, наконец, в последнем эшелоне — прикрываемые танками и мотопехотой тылы. В том случае, если в расчистке полосы обороны принимала участие мотопехота, входящая в состав соединения, выдвигаемого в глубину, то она, выходя из артпозиции обороны, собирается к автомашинам (выведенным вперед вместе с тылами соединения) и отправляется вслед за тылами к своему соединению.

Особенно большая роль в обеспечении действий моторизованных танковых и механизированных соединений принадлежит авиации... Современный бой танковых соединений немыслим без тесного взаимодействия с авиацией.

Все действия танковых и механизированных соединений должны быть напористыми и стремительными, основанными на использовании всех качеств танка в наиболее их полном виде. Только при этих условиях можно рассчитывать на серьезный успех.

(И. Сухов. «Танки в современной войне». Труды Военной академии механизации и моторизации РККА. Юбилейный сборник. М., 1940, стр. 37—60.)

* * *

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ОПЕРАТИВНО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ АВИАЦИИ

— ★ —

★ ★ ★

ВВЕДЕНИЕ

Советское военное искусство в годы своего зарождения не получило, да и не могло получить в наследство какой-либо обоснованной опытом научной теории боевого применения авиации.

Первая мировая война (1914—1918 гг.) была, по существу, первым опытом широкого применения авиации в войне.

В годы первой мировой войны во Франции, России и Германии были изданы лишь отдельные инструкции — наставления по боевой деятельности авиации, главным образом отдельных экипажей. В них ни в коей мере не отражался большой и разнообразный опыт оперативно-тактического и даже стратегического применения авиации, полученный в основном в условиях позиционной войны. Это положение усугублялось еще и тем, что царская Россия не имела своей авиапромышленности и в техническом отношении целиком зависела от закупок материальной части за границей, в основном во Франции и Англии. В силу этого советские Военно-воздушные силы в начале своего существования получили на свое вооружение иностранные самолеты и моторы устаревших типов, бывшие к тому же в очень плохом состоянии.

Таким образом, перед Советским государством и его Вооруженными Силами встала весьма трудная задача — создать современные конструкции самолетов и моторов, авиационную промышленность и разработать на основе опыта первой мировой и гражданской войн научную теорию по боевому применению авиации.

Период между первой и второй мировыми войнами характеризуется бурным ростом Советских Военно-воздушных сил как в количественном, так и в качественном отношении. За это время Советские Военно-воздушные силы превратились из отдельного рода войск в один из основных видов вооруженных сил. В этот же период были разработаны основные положения тактики, оперативного искусства и стратегического применения ВВС, полностью подтвержденные впоследствии опытом Великой Отечественной войны.

В отношении создания и развития теории военного искусства по применению Советских ВВС в современной войне

весь период между первой и второй мировыми войнами можно разделить на два основных этапа, два десятилетия — с 1921 по 1929 год и с 1929 по 1941 год.

Первый этап (1921—1929 гг.) заключался в создании отечественных типов самолетов и моторов и в переходе от самолетов деревянных конструкций к металлическим. К этому времени относится создание первых авиационных соединений — авиационных бригад.

На этом этапе появились первые работы по тактике и оперативному искусству Военно-воздушных сил. В 1924 г. вышел из печати первый труд по тактике авиации «Тактика воздушного флота» Н. А. Яцука и было издано Временное наставление по боевому применению Воздушных сил СССР вместо вышедшего в 1919 г. Наставления по боевому применению авиации в войне. В 1926 г. была издана «Тактика авиации» А. Н. Лапчинского.

Одновременно с разработкой вопросов тактического применения опубликовываются и первые научные работы по вопросам оперативного и стратегического применения ВВС и создается новая часть военного искусства — «оперативное искусство Военно-воздушных сил».

Основные из появившихся в то время трудов следующие: «Стратегия и тактика Красного Воздушного Флота» А. В. Сергеева [147]) (1925 г.), «Воздушные силы в войне и операции» С. А. Меженинова [148]) (1927 г.), «Обеспечение воздушных операций» А. С. Алгазина (1928 г.) и др. На страницах военной печати обсуждался принципиальный вопрос о дальнейшем развитии советской авиации, о роли и задачах ВВС в системе вооруженных сил страны; тем самым решался вопрос об оборонительном или наступательном характере Советских ВВС. Приведенная в сборнике развернутая рецензия В. В. Хрипина «Вопросы стратегии и тактики Красного Воздушного Флота» (1925 г.) на упомянутый выше труд А. В. Сергеева характеризует принципиальные вопросы этой дискуссии.

Второй этап (1929—1941 гг.), проходивший на базе развернутого строительства социализма, явился дальнейшим существенным шагом в развитии военного искусства в отношении применения ВВС в операции и войне.

Советский Союз стал крупной авиационной державой. Резко изменилось соотношение родов авиации в составе ВВС: удельный вес бомбардировочной авиации с 12—14% в конце гражданской войны возрос до 50% за счет снижения удельного веса разведывательной авиации (10—15% вместо прежних 40—45%) при неизменившемся удельном весе истребительной авиации (35—40%). Авиация превратилась из разведывательно-истребительной в бомбардировочно-истребительную. Создается стратегическая авиация — авиация осо-

бого назначения (АОН) — в составе нескольких воздушных армий.

К этому времени относится появление буржуазных военных теорий механизированной и молниеносной войны и в том числе и нашумевшей теории итальянского генерала Дуэ о всепобеждающей роли военно-воздушных сил в современной войне, способных, по его убеждению, в качестве единственного вида вооруженных сил вести наступательные действия и в кратчайший срок добиться полной победы.

Советская военная мысль единодушно отвергла антинаучную и авантюристическую авиационную теорию Дуэ. На основе принципиальных положений развивавшегося советского военного искусства о возможности достижения победы в современной войне только совместными усилиями всех видов вооруженных сил и родов войск и разработанной теории глубоких операций советская военная теория правильно определила роль и значение ВВС в современной войне и основы их стратегического и оперативного применения, не потерявшие значения и в настоящее время.

Предвестником второй мировой войны была гражданская война в Испании (1936—1939 гг.) с интервенцией фашистов Германии и Италии. В этой войне многие советские летчики в качестве добровольцев приняли боевое участие в составе республиканской армии Испании. Боевой опыт, полученный авиацией на полях битв в Испании и затем на Карельском перешейке (1939—1940 гг.), убедительно показал, что основной задачей ВВС является оперативное и тактическое взаимодействие с сухопутными войсками и военно-морским флотом.

Большую роль в развитии теории советского военного искусства в области стратегического и оперативного применения авиации сыграли такие видные авторы, как А. Н. Лапчинский, В. В. Хрипин, А. С. Алгазин, Е. И. Татарченко, Б. Л. Теплинский, выдержки из работ которых приводятся ниже. К числу их необходимо отнести также известных в авиационной литературе военных писателей — С. А. Меженинова, П. П. Ионова и Н. П. Космодемьянского [149)].

Особо видное место среди приведенных выше авторов занимает А. Н. Лапчинский — один из основоположников советского оперативного искусства ВВС. Два его капитальных труда — «Воздушные силы в бою и операции» (1932 г.) и «Воздушная армия» (1939 г.) — внесли значительный вклад в создание теории военного искусства в области стратегического и оперативного применения авиации.

* * *

★ ★ ★

А. Н. ЛАПЧИНСКИЙ

Александр Николаевич Лапчинский (*1882—1938) известный в СССР и за рубежом советский авиационный теоретик, занимавшийся изучением боевого применения авиации. В Красной Армии с начала ее организации. Активный участник гражданской войны. Был начальником воздушного флота армии и начальником штаба Воздушного флота Республики. После гражданской войны находился на преподавательской работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе и в Военно-воздушной академии.*

Основные труды. *«Тактика авиации», издания 1926, 1928, 1931 гг. (удостоена премии им. М. В. Фрунзе); «Красный Воздушный флот 1918—1928», 1928 г.; «Техника и тактика воздушного флота», 1930; «Воздушные силы в бою и операции», 1932; крупная научно-исследовательская монография в трех книгах: «Воздушный бой», 1934; «Бомбардировочная авиация», 1937; «Воздушная армия», 1939; и «Воздушная разведка», 1938.*

ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ В БОЮ И ОПЕРАЦИИ

Приведенный материал взят в виде выдержек из предисловия, введения, 4-й и 6-й глав труда «Воздушные силы в бою и операции», изданного в 1932 г. В этой работе, явившейся продолжением и развитием вышедшей в 1931 г. книги «Тактика авиации и вопросы ПВО», А. Н. Лапчинский исследовал два основных круга вопросов оперативного искусства ВВС: применение авиации в различных видах операций сухопутных сил и ведение воздушных операций. Используя обширный материал западной литературы и учитывая состояние авиационной техники и перспективы ее развития, автор обосновал возможность авиации претендовать на самостоятельную оперативную роль, отрицая при этом способность авиации самостоятельно решать исход войны.

ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ СССР

...В области воздушного дела, так же как и в других областях, мы имеем крупнейшие достижения. Достаточно указать на тот факт, что лучшие французские машины, посланные на конкурс самолетов в Персию, оказались битыми по всем показателям нашими самолетами, чтобы ясно представить себе те успехи, которых мы достигли **в качестве** наших самолетов. Этот успех нашей авиационной техники не единственный. В целом ряде достижений мы имеем в настоящее время показатели мирового масштаба. Мы не можем не отметить при

этом, что наша собственная оценка наших успехов подчас излишне скромна, ибо мы не прибегаем к той рекламе, которая свойственна буржуазным странам. Наши масштабы далеко превосходят масштабы других стран. Неоспоримый факт, что пространства всех европейских стран стали уже слишком тесны для воздушного флота. Самолеты пронизывают их от края до края в полетах без посадок, и это уже не вызывает удивления. Но когда какая-либо буржуазная страна совершает перелет в другую страну, этому придается характер международной сенсации, хотя такой перелет равен перелету наших летчиков из области в область в наших государственных границах. Под влиянием рекламных «международных» перелетов на Западе мы недооцениваем наших внутренних перелетов, которые представляются нам нашим «домашним» делом, но которые сплошь и рядом являются перелетами мирового рекордного значения. Необходимо помнить, что самолет, перелетевший из Москвы в Ленинград,— это самолет, пронизывающий насквозь всю Францию, а самолет, летящий из Москвы во Владивосток, покрывает $^1/_6$ часть мира.

Наши самолеты в основном уже освоили наши пространства и при этом освоили их не в рекордных единичных перелетах, а в будничных учебных полетах наших рядовых летчиков. Кроме того, в целом ряде блестящих перелетов за пределы нашей страны вплоть до преодоления Великого океана наши летчики показали «класс», доступный лишь наиболее развитым индустриальным странам.

Эти успехи будят нашу творческую мысль. Старое время с его ограниченными техническими возможностями давило творческую мысль, бывшую в рабстве у элементарной техники. Новый человек и новое оружие вызывают и новые тактические и оперативные формы. Одну из важнейших ролей в грядущем столкновении должны сыграть наши воздушные силы. И тут перед нами встает вопрос: а в какой же мере наш Красный воздушный флот сможет справиться со своей задачей в обороне страны, если ему придется иметь дело не с одной страной, а с целой коалицией, возглавляемой и поддерживаемой странами с высоко развитой авиационной культурой?...

Взятые нами темпы по осуществлению пятилетки при наличии совершенно исключительных природных богатств нашей страны, обеспечивающих на все 100% нужды нашей авиапромышленности, открывают перед Красным воздушным флотом, воздушным часовым наших границ, широчайшие возможности развития.

Опыт войны учит нас, что **купить** воздушный флот нельзя. В этом отношении особенно показателен пример бывшей

царской России, которую справедливо называли «гигантом на глиняных ногах».

Научная и конструкторская мысль еще проявляла себя и при этом довольно успешно: аэродинамическая лаборатория нашего гениального ученого Николая Егоровича Жуковского была лучшей из трех существовавших в Европе (двумя другими были лаборатория Эйфеля в Париже и лаборатория Прандля в Берлине), и Россия первая начала постройку тяжелых самолетов. Но когда дело упиралось в производство, оказывалось, что без «варягов» обойтись было невозможно. Если Белинский в свое время восклицал, что у нас были писатели, но не было литературы, то мы с неменьшим правом можем сказать, что в России был Менделеев, но не было химии, что в России был Яблочков, но не было электрического освещения, что в России был Жуковский, но не было авиации.

По количеству самолетов (французского происхождения), имевшихся в России к началу мировой войны, она была на втором месте в мире, но когда война потребовала перебазирования на собственное производство, оказалось, что авиации в России нет. А что представляла собой покупка у французов и англичан достаточно известно. «Просвещенные» нации продавали России вышедшие из обращения типы самолетов, и немцы сбрасывали вымпела с записками, в которых удивлялись героизму русских летчиков, летавших на таких устарелых машинах, к которым немецкий летчик и не подошел бы.

В настоящее время мы имеем и собственную научно-конструкторскую мысль, и собственное производство машин, ставящих мировые рекорды.

Наиболее развитая в промышленном отношении сопредельная страна, Польша, не имеет к настоящему времени на вооружении своего воздушного флота, самолетов и моторов отечественного производства в сколько-нибудь ощутительном количестве, хотя затрачивает на это громадные усилия. За этими усилиями мы должны зорко следить и их учитывать.

Громадное преимущество, состоящее в социалистической концентрации сил и средств, мы имеем даже перед такими высоко индустриальными странами, как Англия и Франция. Это не голословное утверждение. Что могут противопоставить буржуазные государства такому, например, нашему учреждению, как ЦАГИ, созданному при советской власти. Научная и конструкторская авиационная мысль капиталистических государств распылена по частным фирмам, конкурирующим друг с другом. Конструкторские бюро различных авиационных заводчиков и фабрикантов являются поистине мелочными лавочками по сравнению с «мировым масштабом» наших учреждений. Отсюда и разница в темпах. С точки зре-

ния невысоких колоколен частных фирм капиталистов невозможно даже понять, как был возможен тот бурный рост нашей авиации, который мы наблюдаем уже к сегодняшнему дню. Сама организация труда у нас обеспечивает нам темпы геометрической прогрессии по сравнению с темпами прогрессии арифметической капиталистических стран, с темпами, сейчас представляющими собой под влиянием кризиса затухающие кривые по многим показателям.

Темпы нашего авиационного строительства еще увеличиваются одним обстоятельством, связанным с освобождением нашим от рабского ига иностранной техники...

К основным благоприятным для нас данным в соотношении сил необходимо добавить еще и качественную классовую однородность личного состава Красных воздушных сил. Стремясь к фашизации технических родов войск, капиталистические страны сделали ряд успехов в придании классово-однородного состава верхушке своих технических войск. Авиация, как высшее проявление техники, во всех капиталистических странах фашизирована в своей верхушке. Но воздушные силы больше, чем все другие технические войска, опираются на «мастеровщину». Основное противоречие рабочей базы и фашистской верхушки особенно ярко проявляется именно в авиации. В переживаемый сейчас момент обострения классовых противоречий во всем мире особо незавидна участь летчиков-фашистов, летающих на машинах, готовящихся к полету той технической базой, к которой у фашиста не может быть доверия. Война не сможет не обнаружить во всей полноте этого противоречия в самом существе воздушного оружия буржуазных стран...

ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ

Авиации всегда мало по сравнению с теми многообразными задачами, которые стоят перед нею. Ее было мало даже тогда, когда она ограничилась главным образом разведкой и наблюдением. Во время мировой войны французам не хватило 600 с лишним самолетов, чтобы снабдить авиацией все дивизии. Тем более ее мало, когда она сделалась «вертикальной» артиллерией...

Если мы примем во внимание, что личный состав и материальная часть авиации изнашиваются в боевых условиях работы очень скоро и требуют особо быстрого темпа пополнения и обновления, то станет ясным, что основной принцип применения авиации на войне — **экономия.** Это значит, во-первых, что авиации не нужно давать задач, которые с успехом могут быть выполнены другими средствами. Следовательно, действиям авиации должно быть предоставлено определенное место в общем плане операции.

Во-вторых, экономия не должна означать, что для выполнения той или иной задачи дается мало средств, ибо недостаток средств для выполнения поставленной задачи есть не экономия, а расточительность. При применении авиации для выполнения поставленных ей задач необходимо получить от нее наиболее полный результат.

Наиболее полный результат от действий авиации получается:

а) путем сосредоточения сил, необходимых и достаточных для выполнения нужных задач в данной операции;

б) неожиданным для противника вводом их в дело;

в) решительными их действиями;

г) тесным взаимодействием всех родов авиации между собой.

Сосредоточение разведывательной и боевой авиации различны, поскольку различна их организация...

Сосредоточение воздушных сил должно быть решительным на главном направлении, там, где командование ищет решения.

Перед авиацией всегда столько задач для разрешения, что только введение крупных сил ее может быть ощутительным. Поэтому нужно не останавливаться перед оголением второстепенных в данное время направлений, чтобы за их счет создать действительно мощный воздушный кулак на направлении главном...

Для достижения **неожиданности** сосредоточение должно быть произведено скрытно. Скрытность сосредоточения предусматривает ряд мероприятий: количество этих мероприятий и значение их связано, конечно, с временем, имеющимся в распоряжении на подготовку...

Снятие частей с других участков фронта в то же время не должно быть обнаружено противником. Хотя в будущей войне вследствие сильного роста бомбардировочной и штурмовой авиации и обязательных нападений ее на аэродромы использование ангаров-палаток будет ограничено, все же при наличии их необходимо не снимать их с аэродромов тех участков, с которых снимается авиация. Вместе с тем не должна совершенно прекращаться работа на этих участках фронта. Видимость прежней работы должна поддерживаться за счет повышения норм полетной работы остающихся здесь частей и за счет демонстративных бомбардирований с участием в них войсковой авиации, если на этих участках фронта до переброски с них боевой авиации бомбардирование выполнялось систематически...

...Количество сосредоточиваемых сил должно быть таково, чтобы в то короткое время, которое имеется в распоряжении, авиация могла выполнить работу такого значения, чтобы войска с их первого порыва могли захватить инициативу в

свои руки. В этом случае успех на земле и быстрое продвижение войск вперед в свою очередь обусловят более длительное воздушное превосходство, так как при быстром наступлении вперед войска опрокидывают аэродромы противника. Раз авиация начинает играть роль самостоятельного оперативного фактора, земному командованию необходимо считаться с этим вопросом возможности для противника сосредоточивать авиацию к угрожаемому направлению.

В маневренной войне предварительное ознакомление экипажей с фронтом и всякие мероприятия, требующие длительного времени, будут в большинстве случаев невозможны. Основным способом скрыть сосредоточение крупных сил авиации будет использование резервных парков и переброска авиационных частей и соединений по воздуху.

Необходимость возможно скорее получать ощутительные результаты обусловливает **решительность** действий авиации. Это значит, что действия авиации должны быть рассчитаны таким образом, чтобы для выполнения каждой задачи напряжались силы, обеспечивающие получение результата оперативного или тактического значения. Ни в коем случае нельзя добиться успеха, если авиация раздергивается на множество задач. Ни одно действие авиации, как мы говорили выше, не может считаться успешным, если оно не может быть использовано войсками.

Расчет действий боевой авиации должен предусматривать причинение противнику определенного и достаточного материального урона. Не решающие поставленных задач или решающие их в недостаточной мере действия авиации оперативно бесполезны. Примерами расточительности в этом отношении полон опыт минувших войн.

При недостатке средств для всех возможных задач необходимо выбирать задачи важнейшие, ибо достигнутый частный, но решительный успех нарушает систему действий противника и этим облегчает земным войскам выполнение их задачи. В периоды кризисов вся наличная авиация, в том числе и разведывательная армейская и войсковая, должны сосредоточить все свои усилия для оказания помощи войскам. Это одинаково важно как при успехе противника, так и при развитии нашего успеха...

Для достижения решительных результатов необходимо согласование действий всех родов авиации.

Взаимодействие родов авиации необходимо предусматривать и по линии разведывательной авиации и по линии обеспечения работы всех родов авиации[150]).

Согласование работы армейской разведывательной и войсковой авиации имеет в виду, во-первых, чтобы одна дополняла работу другой, чем достигается наиболее полный результат разведывательной работы, и, во-вторых, чтобы дан-

ные армейской разведки явились наводящими для авиации войсковой.

Особо важным является согласование работы всех родов авиации с целью обеспечения выполнения поставленных задач, ибо лишь тогда, когда задачи обеспечены, результат работы будет наиболее полным. Обеспечение может быть прямым и косвенным. Прямое обеспечение осуществляется истребительной авиацией, а косвенное или самостоятельными или совместными с истребителями действиями бомбардировочной и штурмовой авиации. Косвенное обеспечение предусматривает или атаку важных целей одновременно с выполнением основной задачи с целью отвлечения истребителей или атаку аэродромов противника с целью как уничтожения самолетов противника, так и задержки их работы порчей летного поля в нужное время.

Без подавления воздушного противника при выполнении тех или иных задач нельзя рассчитывать на полноту и решительность действий авиации.

Мы видим, что часть работы в воздухе обусловлена не действиями на земле, а чисто воздушными отношениями. Этот чисто воздушный отвес в действиях авиации необходимо всегда принимать во внимание.

Рода авиационных войск отличаются друг от друга своим назначением, а в связи с этим и подготовкой личного состава и материальной частью. Обладая различными свойствами, они имеют и различную тактику как в отношении противника земного, так и в отношении противника воздушного. Но как бы различны эти рода авиационных войск ни были, в своей работе и тактического и оперативного масштаба они не отрываются друг от друга, а действуют согласованно. Основная трудность применения авиации заключается в том, что как бы мы ни увязывали действия авиации с землей, всегда в ее работе будет этот отвес в область борьбы в воздухе. Подчиненная этому закону «двойного зрения», авиация не может окончательно вылиться ни в независимый элемент вооруженной силы, ни в отдельный род войск наряду с другими родами войск. Логика ее действий, являющихся частью общего плана данной операции, должна всегда согласовываться с логикой ее действий в отношении воздушного противника...

БОРЬБА ЗА ГОСПОДСТВО В ВОЗДУХЕ

...Понятие господства пересажено в воздушные силы из морского флота с совершенно недостаточным основанием. Если в морском флоте мы имеем военно-исторические примеры генеральных морских сражений с уничтожением морской мощи одного из противников, то воздушные силы таких генеральных сражений не знают. Таким образом, исторически

понятие господства в воздухе оправдано быть не может. Для аналогии же с морским флотом достаточных оснований не имеется. И в самом морском флоте в отношении понятия господства на морях заклинился, как чрезвычайно неудобная данная, опыт мировой войны, не приведший стороны к генеральному морскому сражению. Мы не будем, конечно, касаться причин, привязавших морские флоты Германии и Англии к своим берегам, у которых оба эти флота и занимались господством. Укажем только, что хотя авиация во время мировой войны отнюдь не держалась своих аэродромов, а проникла чрезвычайно далеко в расположение противника, все же ни о каком генеральном воздушном сражении и речи быть не могло.

Самых рьяных поборников идеи господства в воздухе — французов — опыт войны привел к утверждению, что «воздушный флот не уничтожается в воздушном сражении» *. Этот вывод мы должны считать достаточно основательным.

Действительно, в морском флоте сроки постройки кораблей длительны. Сторона, рискнувшая вступить в бой и потерявшая линейный корабль, продолжающий несмотря на грозные предостережения с воздуха, оставаться «становым хребтом» морского флота, не может рассчитывать скоро заменить его, как бы ни были велики усилия для уменьшения сроков постройки. Поэтому **для морского флота выгоднее стремиться к уничтожению кораблей противника в море, чем идти бомбардировать его верфи.** К тому же для этого последнего предприятия гораздо лучше приспособлены самолеты. Совершенно другая картина в авиации. Производство самолетов (идет) чрезвычайно быстро. Потери в воздушных силах, организованных нормально, восстанавливаются чрезвычайно скоро. Вспомним о том количестве самолетов, которое было построено в процессе империалистической войны 1914—1918 гг.

Темп пополнения авиации гораздо ближе к темпу пополнения пехоты, артиллерии и конницы, чем к темпу пополнения морского флота. Одного этого соображения было бы достаточно, чтобы не прибегать к плохо поставленной проблеме о господстве в воздухе. **В морском флоте средства разрушения сильнее верфей**, на которых строятся морские суда, ибо хорошо направленным снарядом может быть пущена ко дну двухлетняя работа тысяч людей. **В авиации средства разрушения слабее завода**, легко пополняющего убыль самолетов на фронте. Для достижения длительного господства в воздухе было бы необходимо сбить самолеты противника, находящиеся в воздухе, уничтожить самолеты противника, находящиеся на аэродромах, и причинить непоправимые разру-

* Ортлиб. Op. cit.

шения производственным авиационным центрам. Вряд ли все эти действия можно свести к генеральному воздушному сражению. Подобно тому как земные войска, выполняя ряд операций, совершенно не имеют задачей уничтожить всю пехоту, всю артиллерию, всю конницу противника, а постепенно решая ряд конкретных задач, приближаются к конечному результату, к выигрышу войны, так и воздушные силы, выполняя ряд конкретных задач, приближаются к этому же конечному результату. Мы поэтому по пути с земными войсками.

Абсолютное господство в воздухе вообще недостижимо. Превосходство же временное и местное возможно[151]). Но было бы предрассудком думать, что превосходство в воздухе достигается силами одной авиации. В достижении этого превосходства участвуют как воздушные, так и земные силы, причем последние не только обороняются, но и нападают. Борьба за превосходство в воздухе ведется всегда в двух направлениях: с одной стороны — это обеспечение работы своей неистребительной авиации и воздухоплавания, с другой стороны — это противодействие работе авиации и воздухоплавания противника. **Превосходство в воздухе состоит не в том, чтобы летать много, а в том, чтобы летать с большим толком, чем летает противник, а этот «толк», как мы говорили выше, определяется тем, насколько воздушные силы предоставляют возможность своим войскам и препятствуют войскам противника использовать результаты боевой работы в воздухе и с воздуха.** Прекратить вообще полеты противника невозможно, так как вырыть в воздухе окопы и заплести воздух проволокой невозможно. Да это и не нужно. Необходимо не допускать противника выполнять задачи, которые могут быть вредоносны для наших земных и воздушных сил и средств, и обеспечить выполнение наших воздушных действий, которые могут быть в нужное время и в нужном месте вредоносны для противника. Поэтому действия против самолетов противника, находящихся в воздухе, и действия против его самолетов, находящихся на земле, должны приурочиваться, с одной стороны, к действиям наших земных войск и, с другой стороны, к действиям наших воздушных сил.

Борьба за превосходство в воздухе ведется всей совокупностью имеющихся в распоряжении средств против всех средств противника. Этими средствами являются:

а) истребительная авиация;
б) штурмовая авиация;
в) бомбардировочная авиация;
г) зенитная артиллерия;
д) зенитные пулеметы;
е) ружейный огонь;
ж) огонь дальнобойной полевой артиллерии;

з) конница и моторизованные части;

и) партизаны;

к) наступление земных войск.

Кроме того, немаловажную роль играют: маскировка, дешифрирование аэроснимков и воздушные заграждения.

Перечисленными средствами в той или иной мере выполняются:

а) боевые действия против самолетов противника, находящихся в воздухе;

б) боевые действия против его аэродромов;

в) боевые действия против его аэростатов;

г) боевые действия против его средств противовоздушной обороны.

Само собой разумеется, что для приведения в действие всех этих средств необходима хорошо поставленная разведка воздушного противника...

ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ В НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

В начальном периоде войны перед авиацией открывается чрезвычайно широкое поле деятельности.

Во-первых, авиация тотчас после объявления войны стремится перенести военные действия в самое сердце неприятельской страны.

Во-вторых, так как противник также будет стремиться в наш глубокий тыл, необходимо участие авиации в обороне страны от воздушно-химического нападения.

В-третьих, в работе авиации нуждаются части прикрытия у границы.

В зависимости от этих трех направлений работы воздушные силы и должны быть подразделены для начального периода войны на три основные группы.

В первую группу войдет авиация дальнего действия — разведывательная и мощная бомбардировочная большой грузоподъемности.

Во вторую группу войдет истребительная авиация для действий против самолетов противника в воздухе и бомбардировочная авиация для действий по его аэродромам.

В третью группу войдет войсковая авиация для обслуживания частей, штурмовая и легкая бомбардировочная авиация для содействия этим частям боевыми действиями с воздуха и истребительная авиация для обеспечения боевой работы в воздухе, ведущейся в интересах частей прикрытия.

Эти три направления работы воздушных сил по самому характеру своих действий по видимости независимы одно от другого, на самом же деле между ними не может не быть оперативной связи.

Первая особенность действий воздушных сил в начальном периоде войны — та, что задачи, стоящие перед ними, широко разбросаны в пространстве. Вторая особенность работы авиации в этот период заключается в том, что действия лишь одной третьей группы связаны непосредственно с действиями земных войск, тогда как действия двух других групп не связаны непосредственно ни с какой операцией земных войск. В силу этого попытки рассматривать воздушные силы как независимый элемент вооруженной силы страны связываются обычно именно с начальным периодом войны. В этот период рассчитывают вести независимую воздушную войну, имеющую цель путем разрушения политических и промышленных центров, путем срыва мобилизации, путем потопления морского флота в его базах, путем разрушения портов и верфей, путем взрывов складов огнестрельных припасов, уничтожения арсеналов, различных военных заводов и т. д. не дать противнику возможности даже приступить к военным действиям на земле и на море и, таким образом, поставить его на колени. Это увлечение основано на двух допущениях: во-первых, что современная авиация достаточно сильна, чтобы в независимых действиях достигать целей войны, и, во-вторых, что разновременный ввод в дело воздушных и земных сил обусловливает разрыв оперативной связи в их действиях. Расчет на все благополучия, которые должны быть получены в этот период, связывается с боевой работой авиации дальнего действия, стремящейся к самому сердцу неприятельской страны с целью уничтожения источников боевой мощи противника.

Вопрос о таких независимых действиях авиации не носит принципиального характера, как это я старался доказать в своем труде «Тактика авиации». Вопрос лишь в том, имеются ли в настоящее время нужные средства для независимых действий авиации. Мы сейчас сделаем небольшой расчет, но прежде условимся относительно некоторых понятий. **Независимыми** действиями авиации мы называем такие действия боевой авиации, которые не связаны ни оперативно, ни тактически с действиями земных войск. **Самостоятельными** действиями авиации мы называем такие действия, которые выполняются в оперативной или тактической связи с действиями земных войск *. **Обслуживающими** действиями мы называем действия в интересах войск разведывательной авиации и авиации наблюдения [152].

Нас интересуют сейчас первые два вида действий авиации. Разница между ними достаточно существенна: независи-

---

* Самостоятельными они будут примерно так же, как самостоятельны действия конницы в рейде, находящемся всегда в оперативной связи с действиями на фронте.

мые действия как действия, не используемые земными войсками, носят самодовлеющий характер. А так как сама авиация своих успехов не закрепляет, то в независимых действиях противнику должен наноситься такой урон, которого он не мог бы восстановить, несмотря на то, что территория его не будет занята (ибо авиация занимать территории и укрепляться на развалинах не в состоянии). Самостоятельные же действия боевой авиации, предусматривающие эксплуатацию успеха земными войсками, преследуют цель не абсолютного разрушения, а цель задержки действий противника, которой земные войска могут воспользоваться...

Практически вопрос с крупными центрами, расположенными в глубине страны противника, может ставиться только в такую плоскость: объектов военного значения в городе, расположенном в глубоком тылу противника, бомбами не достать; города нужно бомбить именно как города, если имеются для этого достаточные средства. Если же достаточных средств для ведения беспощадной воздушной войны нет, для бомбардирования города надо иметь достаточные основания. Основание для этого может быть найдено в действиях противника. Если противник осуществляет моральное воздействие на население, бомбардируя наши города, ответом может быть штрафное бомбардирование его городов. Всеми возможными средствами (радио, листовки, вымпела) причина такого штрафного бомбардирования должна быть объяснена широким массам населения для создания соответствующего общественного мнения. Ясно, что при таком бомбардировании преследуется цель не материального, а морального порядка. Такую же цель морального порядка можно преследовать сильным бомбардированием важного пункта одного из противников для острастки колеблющейся нейтральной страны. Ужас войны должен быть показательным в таком налете, и поэтому удар должен быть мощным *...

Итак бомбардирование глубоких центров могло бы быть главной задачей воздушных сил в начальном периоде войны лишь в том случае, если бы это бомбардирование было началом возможной беспощадной воздушной войны, на фоне которой разыгрывались бы затем все военные действия, во-первых; если бы это бомбардирование действительно могло предупредить возможность для противника начать военные действия, во-вторых; если бы оно могло удержать от вступления в войну колеблющуюся нейтральную страну, в-третьих, и если бы оно было вызвано в виде штрафа действиями про-

---

* Бомбежка городов «как городов» — политически для нас абсолютно неприемлема. «Штрафное бомбардирование», сколько его ни объясняй широким массам населения, остается для них непонятным в политике господствующих капиталистических классов, совершенно непонятным, а в худшем случае будет понято во вред нам.

тивника, в-четвертых. Как видим, для ведения беспощадной воздушной войны нужны крупные силы бомбардировочной авиации. На данном этапе развития воздушных сил более целесообразным будет ставить себе задачи более четкие в общей связи с стратегическим сосредоточением и развертыванием, предусматривая в качестве главной задачи задержку в сосредоточении и развертывании противника...

...Боевые действия авиации дальнего действия выполняют в начальном периоде войны разведку, агитационную службу и бомбардирование.

Воздушная разведка имеет, как всегда, два отвеса в своей работе. Она по самому своему существу не может оторваться от действий земных войск и направляется в глубокий тыл противника в интересах будущих армий, во-первых. Во-вторых, она ведется в интересах бомбардировочной авиации. Этот последний, чисто воздушный отвес в работе разведывательной авиации обусловлен также планом действий формируемых армий, поскольку этим планом будут обусловлены сами бомбардировочные действия.

Наблюдение с воздуха, как протекает мобилизация противника, конечно, занятие пустое. Авиация может захватить своим наблюдением противника в глубоком тылу его, только пользуясь крупными признаками. Только массовые перевозки войск и подготовка к этим перевозкам могут быть объектом наблюдения для разведывательной авиации. Воздушная разведка основывается на имеющихся агентурных данных о противнике и наводится, с одной стороны, этими агентурными данными и, с другой стороны, планом действий главного командования...

С началом перевозок авиация должна определить интенсивность и основные направления их, районы высадок войск, количество погрузочных платформ и пристаней. Разведка эта должна вестись систематически по всем сквозным маршрутам...

Определенные воздушной разведкой районы высадок войск должны быть взяты под наблюдение с воздуха, чтобы не упустить движения из них войск противника к фронту...

Бомбардировочная авиация, увязывающая свои действия с намечающимися действиями земных войск, будет иметь своей главной задачей — внести расстройство в перевозку войск к районам сосредоточения и этим расстроить план действий противника.

Выполнение этой задачи особенно важно для страны с более медленной по сравнению с противником мобилизацией. Результат от таких действий можно получить действительно ощутительный для армий, которые в данный момент может быть и не существуют, но которые появятся в ближайшее время...

Полеты эти должны идти глубоко в расположение противника, так как поражение головных участков железных дорог не может в сильной степени задержать его войска. Противник должен быть вынужден или ждать восстановления произведенных разрушений или перейти к движению по грунтовым дорогам с большого удаления в колоннах, представляющих хорошую цель для штурмовиков. Бомбардирование узлов должно быть, несомненно, мощным и длительным. Рассредоточение усилий по нескольким целям на каждом из маршрутов, конечно, недопустимо. Повторные систематические налеты на один узел, играющий важную роль в данном маршруте, повышают в значительной мере действительность бомбардирования и увеличивают время бездействия атакуемого узла.

Легкая бомбардировочная авиация, если ей поставлена задача вызывать крушение поездов, наоборот, рассредоточивает свои действия по нескольким точкам железнодорожных магистралей. Если же объектом ее действий является станция, она присоединяет свои массированные усилия к усилиям тяжелой бомбардировочной авиации по данной ей цели.

Так как действия бомбардировочной авиации должны начаться тотчас после объявления войны, необходимо, чтобы еще в мирное время в бомбардировочных частях и соединениях был собран весь разведывательный материал, касающийся узлов и дорог...

Результат, достигнутый бомбардированием железных дорог, должен быть известен и командованию и бомбардировочной авиации. Поэтому так же систематически, как организуется бомбардирование, должна быть организована и контрольная воздушная разведка, которая должна устанавливать, продолжается ли движение по железным дорогам и если продолжается, то с какой интенсивностью. Нельзя довольствоваться сознанием, что бомбардированием противнику нанесен вообще некоторый ущерб; важно, чтобы бомбардирование имело результатом действительно понижение провозоспособности железных дорог. Если эта цель не достигнута, бомбардирование оперативно бесполезно, хотя бы летчики и доносили, что при бомбардировании «замечены удачные попадания».

Действие бомбардировочной авиации по железным дорогам может быть дополнено еще и действиями подрывников, доставляемых в расположение противника на разведывательных самолетах.

Авиация противника в начальный период войны равным образом стремится к нашим тылам. Поэтому борьба за преобладание в воздухе развертывается с самого начала военных действий в воздухе. Она ведется в расположении против-

ника бомбардированием его аэродромов и над своим расположением с помощью истребительной авиации.

Поэтому особое внимание должно быть уделено еще в мирное время изучению аэродромной сети противника...

Авиация противника, сосредоточенная для полетов над нашей территорией, может быть расположена в пределах радиуса действий наших истребителей. В этом случае возможны дневные налеты на аэродромы противника смешанных соединений. Самолеты противника, сидящие на земле, разрушаются бомбами, а поднявшиеся в воздух сбиваются истребителями. В первую очередь должны подвергаться бомбардированию аэродромы бомбардировочной авиации противника.

Действия над своей территорией заключаются в борьбе истребительной авиации с воздушной разведкой противника и с его бомбардировочной авиацией, стремящейся к нашим железным дорогам и тыловым пунктам...

Рассмотрев действия авиации в начальный период войны, мы видим, что многообразные задачи в различных направлениях работы увязываются и с интересами формируемых армий и между собой в едином плане действий, что требует единого управления. Программа максимум, возможность осуществления которой, как мы говорили, не за горами, предусматривает, таким образом, три волны воздушных действий:

а) по глубоким тылам с целью деморализовать страну противника;

б) по железным дорогам с целью задерживать сосредоточение противника и развитие его военных действий вообще;

в) по войскам противника с целью дать перевес своим войскам.

При недостатке средств для выполнения этой программы максимум сокращение ее идет со стороны тылов противника, а не со стороны войск, которые должны получить необходимую и достаточную поддержку авиации в первую очередь.

При достаточных же средствах воздушная война продолжается и после начального периода и ведется с целью экономического и морального подавления тыла противника и главным образом с целью стеснения его стратегического железнодорожного маневра.

На фоне этой воздушной войны создаются благоприятные условия для воздушно-земных операций на фронте земной борьбы, к которым мы и перейдем...

(А. Н. Лапчинский. Воздушные силы в бою и операции. Госвоениздат, М., 1932 г., стр. 7—10, 40—45, 90—92, 113—138.)

ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ

Данный раздел представляет собой выдержки, взятые из введения, I, II и III глав труда А. Н. Лапчинского «Воздушная армия», изданного в 1939 г. (посмертно).

Этот труд явился третьей и последней частью обширной научно-исследовательской монографии, первой частью которой была книга «Воздушный бой» (1934 г.) и второй «Бомбардировочная авиация» (1937 г.). Автор рассматривает ряд новых по тому времени вопросов самостоятельных действий ВВС, не освещенных до этого в авиационной литературе (вопросы воздушного наступления и обороны, воздушных операций), и ставит вопрос о создании оперативных авиационных объединений — воздушных армий.

НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА В АВИАЦИИ

Понятия наступления и обороны для авиации по своему содержанию далеко не идентичны содержанию этих понятий для сухопутных войск.

Мы говорим, что авиация обладает ярко наступательными свойствами, а в последнее время в зарубежной авиационной литературе на основе работ известного генерала Дуэ широко распространилось мнение, что наступательными свойствами обладает только авиация, тогда как сухопутным войскам гораздо более свойственно обороняться.

Можем ли мы делать такое противопоставление? Удачно ли применены в таком утверждении эти понятия?

По-видимому, понятие наступления применено здесь неудачно, так как для авиации и для сухопутных сил оно имеет различное значение.

Авиация проникает в расположение противника. Значит ли это, что она наступает в том смысле, в каком наступают сухопутные войска? Очевидно, что это не так. Проникнув в расположение противника и причинив ему тот или иной урон, авиация возвращается на свои аэродромы.

Могли бы мы назвать наступательной операцией наступательные действия сухопутных войск, состоящие в том, что последние ежедневно проникают в расположение противника на ту или иную доступную для них глубину и ежедневно отходят назад в исходное положение? Такие наступательные действия, возможно, были бы чрезвычайно активны, но все же они не составляют наступательной операции.

Как бы активно ни действовала авиация в расположении противника, она не может занять ни пяди неприятельской территории, она не может захватить ни одного пленного, ни одной винтовки или пушки. Ясно, конечно, что она ни в какой мере не способна к наступлению в том смысле, в котором мы понимаем наступление пехоты. Для того чтобы урон, причиняемый противнику авиацией, приобрел наступательное или оборонительное значение, необходимы наступательные и оборонительные действия на земле.

Поэтому, когда мы говорим о наступательных и оборонительных действиях авиации, мы придаем этим понятиям соответственно другое значение, не применимое к наступлению и обороне сухопутных войск. Вследствие этого и говорить о замене наступления на земле наступлением в воздухе нецелесообразно, так как наступление в воздухе и наступление на земле преследуют неодинаковые задачи. В свою очередь и в самой авиации понятия наступления и обороны имеют двойное значение. В труде «Тактика авиации» мы уже устанавливали двойное значение этих понятий для авиации, чтобы избежать путаницы, вредной для всякого исследования. Авиация разведывательная, штурмовая и бомбардировочная летает в расположение противника, имея задачами и разведку и поражение земных объектов. Эти действия мы называем наступательными, хотя, выполняя их, авиация ничего не захватывает.

Для выполнения таких *наступательных* действий разведывательная, штурмовая и бомбардировочная авиация старается избегать боя, но в случае, когда избежать боя нельзя, она должна быть способной отбить истребителей противника, т. е. она должна иметь *оборонительное* вооружение.

Наоборот, истребительная авиация, по существу, *обороняя* свою территорию от разведывательной и бомбардировочной авиации противника, ведет в воздухе над своим или неприятельским расположением ярко *наступательные* действия, она ищет боя с противником и должна, обороняя свою территорию или обеспечивая боевую работу других родов авиации, обладать *наступательным* вооружением...

ВОПРОСЫ ВОЗДУШНОГО НАСТУПЛЕНИЯ

Понятия «воздушная война» и «война в воздухе» не однозначащи. Понятие *«воздушная война»* создано по аналогии с морской войной. Морская война ведется исключительно морскими силами, и в такой войне победа или поражение являются победой или поражением морского флота, в результате чего получается выигрыш или проигрыш войны.

«Война в воздухе» ведется одновременно с войной на суше и с войной на море, как это имело место во время мировой войны.

Возможно ли допустить, что мы будем свидетелями чисто воздушной войны?

Теоретически все возможно. Таковы свойства всякой теории, занимающейся «саморазвитием понятий». Можно, например, представить себе, что два государства, не имея соприкосновения ни на земле, ни на море, ведут воздушную войну, летая друг к другу через соседа, разрушая промышленные,

экономические и политические центры и избивая мирное население...

Наступать — это значит идти в расположение противника. Наступление подразумевает инициативу действий, т. е. позволяет выбирать время и направление удара. Мы уже говорили в начале труда, что наступательная авиация может сковать боем лишь самолеты воздушного боя противника и что его бомбардировочная авиация будет иметь равную инициативу действий. При таких условиях, для того чтобы захватить инициативу в свои руки, необходимо разгромить воздушные силы противника.

Что значит разгромить авиацию противника? На это история пока еще не дает ответа, и в этом вопросе мы всецело в области умозрений. Несомненно одно: поставить задачу разгромить воздушные силы противника значительно легче, чем выполнить ее...

С появлением вооруженной силы в воздушной стихии сразу же был поставлен и вопрос о завоевании в ней господства. Это господство в воздухе казалось возможным завоевать с помощью генерального воздушного сражения истребителей по образцу генерального морского сражения. Но аналогия с морем оказалась совершенно несостоятельной...

...Самая возможность генерального сражения в воздухе не существовала. На этих путях господство в воздухе было недостижимым, и понятие абсолютного господства было оставлено. Стороны стали стремиться не к абсолютному господству в воздухе, а к превосходству временному и местному, причем время и место определялись интересами сухопутных войск...

Во время мировой войны как на земле и на море, так и в воздухе оборона была сильнее наступления. Авиация, как и сухопутные войска, все-таки искала путей наступления. Если нельзя было уничтожить воздушного противника в воздушных боях, быть может, его можно было уничтожить на аэродромах и в базах...

...Целый ряд чрезвычайно удачных бомбардирований аэродромов доказывает с очевидностью, что средства мировой войны вполне соответствовали этой задаче поражения аэродромов. Однако растянутые во времени и разбросанные в пространстве в независимых от земных операций действиях, эти бомбардирования были немощны и не могли уничтожить воздушные силы противника, так же как нельзя было уничтожить их в воздушных боях, ибо в воздушных силах верфь сильнее снаряда...

Действия по аэродромам сопровождаются также порчей летных полей, что в связи с потерями в материальной части обусловливает лишь временную невозможность вылетов. Отсюда следует, что эти действия могут иметь большое значе-

ние не тогда, когда они будут независимыми, а тогда, когда они будут приурочены к времени и месту земных операций и таким образом *будут содействовать продвижению земного фронта вперед...*

Авиационные и моторные заводы, так же как и центры обучения, несомненно, являются целями, чрезвычайно заманчивыми, так как лишить противника возможности строить самолеты целесообразно. Вместе с тем их не нужно разыскивать в небе, как самолеты для воздушного боя, и их не нужно разыскивать на земле, как аэродромы в поле. Они стоят на заранее известном месте, стоят длительно, и встреча «снаряда» с самой «верфью» противника может быть обеспечена...

...Современная война не мыслится как изолированное столкновение двух комбатантов. Необходимо считаться с столкновением коалиций, причем возможно участие в боевых действиях и стран, непосредственно не соприкасающихся своими земными границами. Также возможен и случай, когда базой авиации будет служить внегосударственный тыл одной из стран. Например, во время мировой войны турки сражались с англичанами в Палестине, причем примененная там турками авиация была германской и получала снабжение по Багдадской железной дороге из Германии. В таком случае, для того чтобы завоевать превосходство в воздухе в Палестине, англичанам нужно было бы разгромить авиационную промышленность Германии и обеспечить снабжение своей авиации через море. Можно представить себе менее сложный пример с непосредственным соседом, базирующимся на внегосударственный тыл. Дальность полетов тогда будет увеличена на удаление объектов этого внегосударственного тыла, цели значительно умножатся, а вместе с этим увеличится и время, на которое воздушные силы должны будут покинуть земной фронт борьбы и поставить, таким образом, его в тяжелое положение...

Для достижения господства в воздухе, т. е. для того чтобы завоевать совершенную свободу полетов в неприятельской стране, недостаточно в отдельности ни воздушных боев, ни разрушения аэродромов, ни разрушения производственных авиационных центров.

Такое господство в воздухе можно было бы завоевать, только применив все три вида поражения противника, т. е. уничтожив самолеты противника в воздушных боях на фронте, разгромив его полевые аэродромы и тыловые базы, уничтожив его центры обучения и производства. Можно ли этого достигнуть? Теоретически все возможно. Практически же мы упираемся в нужные для этого средства. Во всяком случае, необходимо признать, что *время такой воздушной*

войны длительно, что такая война двухсторонняя и что нецелесообразно обрекать сухопутные войска на оборону на все то длительное время, в течение которого будет вестись воздушная война.

И тут мы приходим к выводу, что основной задачей воздушных сил является содействие продвижению земного фронта вперед и что вопрос о поражении объектов государственного авиационного тыла ставится в ту же плоскость, о которой мы говорили по отношению к поражению вообще объектов государственного тыла противника. Если сил достаточно для того, чтобы оказать в первую очередь содействие в продвижении земного фронта вперед и если есть еще излишек сил, то и объекты авиационного тыла противника бомбардировать будет очень целесообразно. Если же сил для решения этих двух задач будет недостаточно, важнейшей задачей будет боевая работа в оперативно-тактической связи с действиями войск, а не поражение глубокого авиационного тыла, т. е. важнейшей задачей будут воздушные бои и разгром неприятельских аэродромов, т. е. завоевание временного и местного превосходства в воздухе, достигаемого путем массирования крупных сил авиации на направлении главного удара сухопутных войск. Современная война решается не одним ударом, а целым рядом частных побед...

...Нельзя представлять себе будущую большую войну таким образом, что воздушная армия типа Дуэ будет вести воздушную войну, а сухопутные войска будут ждать того момента, когда победа в этой воздушной войне будет достигнута полная и когда... участие сухопутных сил станет излишним и они смогут спокойно разойтись по домам.

Современные миллионные армии, оснащенные могучей техникой, создаются не для того, чтобы предаваться созерцанию в окопах и затем демобилизоваться. Так не может быть, и так не будет. Решение в войне будет достигаться в ряде грандиозных воздушно-земных сражений, и угрозой для данного политического существования противника будет не воздушный флот, завоевавший абсолютное господство в воздухе, а сухопутная армия, воздушные силы и морской флот. Такая концепция несколько интереснее побасенок итальянского генерала и его адептов.

Мы приходим к тому, с чего начали: наступательный характер действий воздушных сил определяется наступлением сухопутных войск, а не независимо от них, и в этих наступательных действиях решающую роль будут играть воздушные силы, которые в свою очередь получат громадную поддержку со стороны сухопутных войск, ибо наступление на земле опрокидывает аэродромы противника, нарушает работу его системы наблюдения и открывает, таким образом, двери в его расположение. Связные действия сухопутных и

воздушных сил значительно увеличивают возможности и тех и других.

Перед авиацией стоит всегда двойная задача, и основная трудность правильного применения воздушных сил на войне состоит именно в разрешении этой двойной задачи...

Для того чтобы провозгласить воздушную войну (разницу между понятиями «воздушная война» и «война в воздухе» мы объяснили выше), необходимо отрицать наступательные действия на земле, как это вполне последовательно сделал генерал Дуэ. Но его концепция оказалась ложной. С этим теперь более или менее согласны все...

ВОЗДУШНАЯ АРМИЯ

Мы упираемся в вопрос: *что такое воздушная армия?* Понятие это имеет два значения, которые нельзя путать.

С одной стороны, воздушная армия означает *независимый элемент вооруженной силы страны,* могущий одними своими усилиями добиваться целей войны.

С другой стороны, воздушная армия означает *крупное воздушное соединение* [153]), способное к самостоятельным действиям в общей системе действий вооруженных сил страны.

Это далеко не одно и то же...

В военном деле все начинается с задач. Вместе с тем задачи изменяются в зависимости от условий обстановки на различных фронтах и в зависимости от того или иного периода войны, меняющей свой облик.

Различные страны обычно предусматривают, на каком основном фронте им придется воевать, и готовятся к войне с данным конкретным противником, что и накладывает отпечаток на характер их вооружений. Но история знает и случаи недостаточной предусмотрительности в этом отношении. Так, например, до мировой войны Англия обращала главное внимание на свой морской флот и не имела армии для войны на континенте. Ей пришлось создавать миллионную армию в процессе войны.

Все страны, принимавшие участие в мировом конфликте, готовились к маневренной войне. Но маневренной была лишь война первого периода, после чего установился позиционный фронт, и война, изменив свой облик, наложила свой отпечаток на всю систему вооружений сторон...

Но, будет ли обстановка приводить к усилению сухопутных или морских сил, увеличение количества и качества авиации всегда является очередной задачей.

И количество и качество самолетов обусловливаются, с одной стороны, задачами воздушных сил в войне и, с другой стороны, количеством и качеством самолетов противника. *Так как авиация развивается до сих пор чрезвычайно бы-*

стро, переход к преждевременному стандарту самолетов не может не отразиться болезненно на всей системе воздушных вооружений...

Воздушная армия в основном является бомбардировочным соединением. Задачи ее могут меняться в зависимости от фронта и в зависимости от периода военных действий.

Мы говорили уже о том, что всякая доктринальная исключительность в военном деле вредна и что неправильно ставить вопрос об объектах для поражения в форме: «или объекты поля сражения, или объекты государственного тыла», а что нужно ставить этот вопрос в форме: «и те и другие объекты, в зависимости от обстановки». Но все же всегда нужно выбирать главное. Это главное может меняться. Сегодня главным может быть поражение объектов поля сражения, завтра — поражение объектов фронтового тыла, послезавтра — поражение объектов государственного тыла противника. Если так, то воздушная армия должна быть способной поражать всякие объекты, т. е. она должна быть вооружена соответствующими самолетами...

Подведем теперь итоги высказанным соображениям. Положения наши следующие.

1. Массовые сухопутные армии должны наступать; их наступательная мощь стоит в зависимости от решительной помощи авиации, которая должна подготовить и сопровождать их действия поражением объектов в поле и в крупных центрах. Эти имеющие военное значение объекты являются для средних и больших высот объектами малыми и требуют применения самолетов с небольшой бомбовой нагрузкой.

2. Для обороны страны выгоднее более легкая, более скоростная, более высотная система воздушных вооружений, так как в случае налета противника с более тяжелыми системами против него может быть выставлено большее число самолетов, имеющих инициативу боя.

3. Для наступательных полетов в расположение противника выгоднее более легкая, более скоростная и более высотная система воздушных вооружений, так как более тяжелая система воздушных вооружений противника не будет иметь возможности отражать более легкую систему боем и будет гибнуть на своих аэродромах.

4. Обеспеченность действий более легкой, более скоростной, более высотной системы воздушных вооружений больше, чем обеспеченность действий более тяжелой системы, так как чем легче система, тем в большей мере она затрудняет применение противником всех средств обороны (истребителей, зенитной артиллерии всех калибров, аэростатных заграждений, средств наблюдения и предупреждения).

5. Легкая, скоростная и высотная система при поражении целей, относительно малых, дает по сравнению с тяжелой

системой громадную экономию в расходе бомб, горючего, человеко-часов и моторо-часов работы.

6. Вследствие большей экономичности легкой системы загруженность на ее тылах будет меньше, чем на тылах тяжелой системы.

7. Легкая система воздушных вооружений значительно проще в эксплуатации, чем тяжелая.

8. Легкая система менее требовательна к аэродромным условиям.

9. Легкая система гибче тяжелой и увеличивает свою мощь возможностью более частых ударов по противнику.

10. Тяжелая система воздушных вооружений выгоднее легкой для поражения крупных объектов, т. е. городов и очень крупных производственных центров. Она обязательно должна быть в то же время или скоростной и высотной, или бронированной.

11. Процентное соотношение тяжелой и легкой систем в составе воздушных сил зависит от плана войны и от определения главного в этом плане войны.

12. Если основной задачей воздушных сил является продвижение земного фронта вперед, то, несомненно, основная часть воздушной армии должна состоять из легких скоростных высотных самолетов, способных нести тяжелые бомбы и поражать цели на бреющем полете и с пикирования...

Если мы отдадим себе отчет в том, что борьба в воздухе была борьбой за скорость между истребительными и неистребительными самолетами, не станет ли ясным, что простейшим решением является именно превращение истребительного самолета в самолет бомбардировочный. Это тем более целесообразно, что бомбардирование с пикирования и с небольших высот неизмеримо более действительно, а значит, и экономнее, чем бомбардирование с больших высот, дающих не только спасение в небесах тяжелым системам, но и спасение на земле их целям, вследствие непомерного увеличения эллипсов рассеивания бомб...

Вопрос об истребителе-бомбардировщике был поставлен в опыте известного французского летчика Сади Лекуанта в Марокко. К сожалению, этот опыт, между прочим, чрезвычайно удачный (с точки зрения решения технической проблемы), не привлек к себе достаточного внимания.

Какие выгоды характеризуют применение истребителя-бомбардировщика или «самолета-бомбы»? Выгоды эти следующие:

1. Наибольшая возможность избежать воздушного боя при бомбардировании.

2. Бо́льшая точность бомбардирования.

3. Бо́льшая экономичность бомбардирования.

4. Бо́льшая обеспеченность от зенитной обороны...

Мы приходим к следующим выводам. *Раз налицо имеется массовая наступательная армия, основная задача воздушной армии — содействие продвижению этой армии вперед, для чего должны быть сосредоточены все силы.*

Раз ведется маневренная война, нужно выигрывать воздушно-земные сражения, которые завязываются в воздухе и кончаются на земле, что требует сосредоточения всех воздушных сил в данное время на данном фронте.

Опыт героической борьбы республиканских войск в Испании показал, что бомбардирование столицы не влечет за собой подавления воли к борьбе вооруженных масс. Только разгром вооруженных сил противника является залогом победы. Сторонникам подавления морального состояния населения страны противника путем бомбардирования незащищенных городов мы можем сказать, что потрясение морального состояния населения страны от проигранных на фронте сражений будет больше, чем от местных бомбардирований мирного населения.

Главное — победа на фронте массовых наступательных армий...

(А. Н. Лапчинский. «Воздушная армия». Воениздат, М., 1939 г., стр. 5—7, 68—97, 107—144).

★ ★ ★

В. В. ХРИПИН

Василий Владимирович Хрипин *(1893—1937). В авиации — с 1916 г., в Советской Армии — с первых дней ее основания. В гражданскую войну был начальником воздухофлота армии и помощником начальника воздухофлота, затем инспектором ВВС, начальником штаба ВВС, командующим АОН.*

Основные труды. *«Вопросы стратегии и тактики Красного воздушного флота», 1925; «Воздушная война» (в соавторстве с Е. И. Татарченко), 1934; «О господстве в воздухе», 1935.*

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ КРАСНОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

Данный материал представляет собой выдержки из развернутой рецензии В. В. Хрипина на вышедшую в 1925 г. книгу «Стратегия и тактика Красного воздушного флота». А. В. Сергеева, бывшего первого начальника Полевого управления авиации и воздухоплавания действующей армии при Реввоенсовете Республики. Работа Сергеева вызвала большую дискуссию в военной печати, так как в ней был поставлен принципиальный вопрос о роли и значении ВВС в современной войне и о путях дальнейшего их развития. А. В. Сергеев отрицал необходимость создания мощной наступательной авиации, ограничивая роль авиации лишь вспомогательными действиями (наблюдением и охранением).

О ТАКТИЧЕСКИХ, СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ

1. Свойства боевых единиц воздушного флота (воздушное судно с его вооружением, снаряжением и соответственным экипажем) определяют тактические приемы в использовании их в данной обстановке вне зависимости от принадлежности к вооруженным силам той или другой страны.

2. В тактике Красного воздушного флота мы должны учесть те особенности, которые определяются сущностью и характером вооруженной борьбы (классовая война с широкой маневренностью действий). Однако эти особенности не создают тактики, свойственной только Красному воздушному флоту. Можно говорить о действии слабых сил против превосходного противника, что не всегда будет иметь место и для нас: Красный воздушный флот в нужном месте в соот-

ветственные моменты может быть (и будет) сильнее противника.

3. Признавая за воздушным флотом при известном развитии его способность к широким операциям, мы должны также признать, что у воздушного флота есть и свойственная ему стратегия, обнимающая вопросы подготовки страны к ведению войны воздушным флотом, вопросы общего управления воздушным флотом, ведение им операций самостоятельных и совместных с сухопутной и морской силой. Конечно, стратегия эта является тесно связанной идейно и по практическому разрешению задач, стоящих перед воздушным флотом и страной во время войны и в период подготовки к ней, с общими стратегическими основаниями вооруженных сил страны...

В каком направлении должно идти развитие авиации дальше?

По увеличению прежде всего бомбардировочной и затем боевой и истребительной авиации, ибо армия указанными выше прочими силами будет обслужена вполне.

Следовательно, при достижении определенного насыщения армии нужными ей для выполнения ее задач авиационными силами дальнейшие пути ведут нас в направлении создания той воздушной армии для действия против земли и воздуха, о которой не без основания говорят сейчас итальянцы.

Чужда ли нам эта перспектива? Наоборот, мы обязаны сделать все возможное, чтобы ее приблизить, а не считать фантастичной, ибо нам не менее, чем нашим противникам, следует действовать по тылам, взрывая их и с воздуха непосредственно, и с помощью воздушных средств через наши организации в тылу у противника же (связь с агентурой, высадка десантов, связь с очагами восстаний, руководство ими и т. д.)...

Смогут ли мощные воздушные силы оперировать в обстановке наших театров военных действий? Ответ должен быть дан положительный. Войсковая и армейская авиация без всякой перегрузки тыла своими хвостами сможет маневрировать самым широким образом. Деятельность истребительной авиации также не связана с загрузкой тыла и не потребует особой помощи от армии для перебросок и питания. Бомбардировщики, которые уничтожают большое количество горючего, смазочного и огнеприпасов и требуют особо приспособленных аэродромов, располагаются в значительном удалении от линии фронта и не загрузят войскового тыла (дивизий и корпусов). Конечно, для действий мощной авиации нужна подготовленная территория, но и в этом отношении наша страна находится в лучших условиях, нежели западные соседи: пространства неограниченные, требуются лишь материальные средства на изыскание и устройство аэродромов.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОРГАНИЗАЦИИ

Рассмотрим рассуждения тов. Сергеева относительно общих требований к организации воздушного флота...

Останавливаясь еще раз на скудости наших средств и необходимости стремления к однотипности самолетов и универсальности боевых частей, тов. Сергеев полагает, что «целесообразное использование авиации возможно только при одном непременном условии: подчинение ее всецело общевойсковому командованию, органическое ее слияние с войсками, ею обслуживаемыми, совместная жизнь, подготовка как в мирное, так и военное время. Лишь в техническом отношении, в порядке инспекции и снабжения, авиация может быть подчинена по самостоятельно живущей иерархии воздушных начальников» (стр. 124 и 125).

Мне представляется, что в затронутом вопросе у тов. Сергеева имеется крупная неувязка, а именно:

1. Исходя из предвзятого мнения о материальной невозможности нашей иметь в ближайшие годы (3—5 лет) авиацию разного боевого назначения и значительной численности (во всяком случае, не менее 1000—1200 самолетов), тов. Сергеев *ограничивает ее применение только обслуживанием земных войск и вводит ее в состав войсковых соединений.*

2. Исходя из анализа требований к организации вооруженной силы у буржуазии и у нас, тов. Сергеев *приходит к заключению о ненужности и нецелесообразности иметь мощные Красные воздушные силы.*

Ну, а в каком же положении будем, когда против нас в большой войне, которая развернется как естественное продолжение классовой борьбы других форм, явится противник с тысячами самолетов (а тов. Сергеев говорит даже о десятках тысяч)?

В каком же положении будут наши земные войска с своей авиацией? Трудно рассчитывать, чтобы в этих условиях авиация явилась глазами пехоты — противник не позволит работать нашим самолетам и, пользуясь своей техникой, будет наносить безнаказанно такие удары с воздуха по нашим войскам и по тылам и жизненным центрам, что борьба с ним при наличии только наших земных средств будет необычайно затруднительна.

Можем ли мы считать, что в неизбежной вооруженной борьбе — решительной борьбе капитала и труда — техника откажет буржуазии? Что заводы, изготовляющие технические средства борьбы, не будут давать нужной продукции? Что нам не придется иметь дело с восстаниями в процессе этой же самой борьбы?

Как же мы можем пройти мимо того, что Франция имеет сейчас 2000 действующих самолетов, а по мобплану будет располагать 30 000 самолетов?

Примечание. Не отвечая за достоверность этих чисел, расцениваем их как характерные данные устремлений Франции.

Я считаю, что в важнейшем организационном вопросе тов. Сергеев впал в ошибку.

Ошибка эта проистекает и из неправильного анализа требований к вооруженной силе СССР и из необоснованной оценки наших действительных возможностей к развитию воздушного флота.

Мы знаем, что у нас еще не окончательно созданы воздушные силы. Мы, однако, вступили на путь их создания, а потому вопросы: для чего строить, что строить, как руководить и в какие формы весь организм воздушного флота облечь — вопросы кардинальные. От правильной их постановки и решения зависит все будущее воздушных сил. Мы не должны смотреть только на наше «сегодня» и ближайшее «завтра», не к нашему материальному «сегодня» надо пристраивать организацию; необходимо иметь отчетливое представление о будущем и исходить из него в построении всей организационной системы, с тем чтобы наличные средства были введены в созидаемую систему на надлежащее место и их применение было определено соответственными тактическими положениями.

Системы этой Красный воздушный флот не имеет; система тов. Сергеева оканчивается на обслуживании земных войск, главным образом — пехоты.

Спора нет, что при настоящем нашем состоянии это — главная задача воздушных войск. И авиационные и общевойсковые командиры не должны увлекаться широкими устремлениями, забывая о, быть может, незаметной, вспомогательной работе авиации. Надо прямо и откровенно сказать, что наши воздушные средства сегодняшнего дня таковы, что даже только обслуживание пехоты представляет большие трудности, а уже за такие задачи, как борьба за превосходство в воздухе, расстройство тылов, атаки с воздуха и т. д., нам браться пока едва ли под силу (с серьезным противником).

Но что же это показывает? Только то, что надо серьезно усилить темп нашего развития.

(В. В. Хрипин. «Вопросы стратегии и тактики Красного воздушного флота», «Вестник Воздушного флота», 1925 г., № 8 и 10.)

* * *

★ ★ ★

Е. И. ТАТАРЧЕНКО

Евгений Иванович Татарченко *(род. 1893). Генерал-майор авиации в отставке. В Красной Армии с начала ее организации. В гражданской войне был начальником воздушного флота армии, фронта. После гражданской войны работал помощником начальника Воздушного флота Республики и затем находился на педагогической работе.*

Основные труды. *«Воздушный флот Америки (США)», 1923; «Воздушный флот Британской империи», 1923; «Воздушная война в освещении иностранной литературы», 1933; «Воздушная война» (в соавторстве с В. В. Хрипиным), 1934.*

В. В. ХРИПИН И Е. И. ТАТАРЧЕНКО

ВОЗДУШНАЯ ВОЙНА

Из совместной работы В. В. Хрипина и Е. И. Татарченко «Воздушная война» взяты разделы: введение, «История и подготовка воздушной войны»; «Средства, характер и формы воздушной войны и воздушных операций» и часть раздела «Теория воздушной войны».

Понятие «воздушная война» еще не установилось. В странах капитализма, по одним взглядам, воздушная война ведется только самостоятельными воздушными силами в глубине неприятельской территории с целью морального подавления широких масс населения и расстройства экономической жизни страны. Другая точка зрения вкладывает в это понятие более широкое содержание и смысл, включая в него все виды деятельности воздушного флота, имеющие целью облегчить и ускорить достижение конечных целей войны правительству той или иной страны. Воздушный флот выступает здесь как орудие войны, применяемое в самых разнообразных условиях и формах: в самостоятельных операциях, совместно с сухопутными и морскими силами, как подсобное средство для обслуживания армии и флота и т. д. Эта точка зрения не противопоставляет воздушную войну морской и сухопутной, а включает ее как один из элементов в сложный комплекс войны во всем ее многообразии и непрерывном развитии.

Военные действия воздушного флота организуются и проводятся в общих интересах войны, будучи направляемы для решения следующих конкретных военных задач:

1) путем подавления воздушного противника и ПВО на театре военных действий и в глубине неприятельской страны создать условия, облегчающие свободу действий своему воздушному флоту, сухопутной армии и морским силам;

2) наступательными действиями и организованной обороной важнейших районов на своей территории обеспечить воздушную безопасность населению страны;

3) нападениями с воздуха на жизненные центры неприятельской страны затруднить питание вооруженного фронта, подавить моральную сопротивляемость населения и ускорить нарастание процессов классовой борьбы;

4) совместными действиями с сухопутной армией и морским флотом ускорить разгром неприятельских вооруженных сил.

Решение этих задач воздушным флотом социалистического государства в борьбе с капиталистическими странами будет оказывать громадное влияние на изменение форм и содержания войны, ускоряя превращение войны империалистической, направляемой против мира строящегося социализма, в войну гражданскую с нарастающим охватом новых и новых очагов революционной борьбы.

При современном развитии воздушных вооружений их участие в войнах всех типов вносит существенные изменения в оперативное искусство, в стратегию и в содержание противоречий разных стран в отношении права на воздушные пространства, воздушные пути, рынки и т. д. Эти новые факторы столь значительны и своеобразны, что в соответствующем комплексе они образуют воздушное **оперативное искусство,** воздушную **стратегию,** воздушную политику.

Опыт мировой войны успел выявить главнейшее военное свойство воздушного флота — стирать грань между фронтом и тылом, между специально обученными вооруженными силами и мирным населением. Воздушная война в отличие от сухопутной и морской непосредственно затрагивает своими боевыми действиями все население неприятельской страны, а не только его вооруженные силы. Современные ВВС могут поражать любые объекты на территории противника, находящегося в радиусе их действия, почти совершенно игнорируя земные и морские вооруженные силы, находящиеся на фронте («перескакивая через них», по выражению Фуллера). «Воздушный флот может наносить свои удары прямо в сердце неприятельской страны, в ее базы снабжения, в ее пути сообщения, в ее экономические и промышленные центры» (Ройз). Такое свойство воздушных сил создает, по мнению многих буржуазных теоретиков, «возможность достичь победы деморализацией неприятельской нации, терроризируя ее посредством широко распространенной воздушной бомбардировки» (Ройз)...

ТЕОРИИ ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ

После мировой и гражданской войн в советской и зарубежной литературе появились первые попытки сформулировать теорию воздушной войны. Все буржуазные теории воздушной войны можно свести к двум основным: к теории «прямого воздействия» на население и источники мощи противника (Дуэ, Фуллер и др.) и к теории «военного поражения» или «оккупации территории противника» (Ниссель, Сект и др.).

Теория воздушной войны, изложенная генералом Дуэ, исходит из того положения, что возможность бомбардировать тылы противника создает переворот в ведении современной войны, что теперь якобы решения войны можно легче и скорее достигнуть действиями воздушного флота, что «воздушный участок борьбы (а не земной и не морской) есть решающий участок». Поэтому максимум сил и средств страна должна уделить воздушной армии за счет сведения к необходимому минимуму сухопутных и морских сил, задача которых — только обороняться, в то время как задача воздушной армии — только наступать, пренебрегая армиями и флотом противника, наступать на главнейшие жизненные центры противника и выиграть войну в кратчайшее время...

Буржуазия крайне заинтересована возможностями воздушной войны, так как она надеется при помощи малой профессиональной армии в составе ВВС и мотомеханизированных войск быстро решить свои агрессивные задачи, используя малонадежную для нее массовую армию, создаваемую на основе всеобщей воинской повинности, лишь для оккупации территории, охваченной ударной армией. Так, например, «оперативная армия» в 200 000 человек фон-Секта («Оборона страны») «прежде всего должна состоять из мощных соединений конницы, авиации и моторизованных транспортных средств». Фуллер («О будущей войне») говорит, «что пока силы армий будут основываться на числе бойцов, до тех пор все преимущества на стороне воздушного флота. Воздушный флот заставляет армию механизироваться» (стр. 220, англ. изд.).

СРЕДСТВА, ХАРАКТЕР И ФОРМЫ ВОЗДУШНОЙ ВОЙНЫ И ВОЗДУШНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Воздушная война может развернуться лишь при наличии воздушного флота, состоящего из трех основных категорий: 1) самостоятельные воздушные силы (иначе «воздушная армия», «независимые воздушные силы»), 2) воздушные силы, обслуживающие армию, и 3) воздушные силы, обслуживающие флот.

Самостоятельные ВВС представляют собой главную часть воздушных сил, состоящую из наиболее мощных соединений воздушных судов (главным образом бомбардировочных) и из соединений и учреждений, обеспечивающих боевую деятельность ядра боевых сил (части и соединения других назначений: воздушного боя, штурмовики, разведчики, транспортные и десантные самолеты, самолеты связи и т. д., ремонтно-снабженческие и другие учреждения). Самостоятельные воздушные силы представляют собой основную ударную силу воздушного флота и образуют основную маневренную группировку, которая выполняет в воздушной войне главные задачи и в случае надобности может оказать поддержку вспомогательным силам, выполняющим частные задачи. Основное назначение самостоятельных воздушных сил — уничтожение воздушных сил противника, действия против тылов противника, воздушные десанты, поддержка сухопутных и морских операций. Они могут участвовать в операциях всех видов, выполняя главную задачу или обеспечивая ее выполнение. На них обычно возлагают лишь операции, имеющие особо важное значение в воздушной, морской и сухопутной войне.

Обе категории обслуживающих воздушных сил выделяются в минимальном, строго необходимом количестве для выполнения задач обслуживания сухопутных и морских вооруженных сил. От них главные или самостоятельные воздушные силы, как правило, уже не должны ждать себе боевой помощи в ущерб армии и флоту, хотя косвенную помощь в виде главным образом воздушной разведки они от них получают.

Боевые действия самостоятельных воздушных сил распадаются при ведении воздушной войны на три главнейших категории:

1) действия против самостоятельных воздушных сил противника с целью их уничтожения, сковывания или нейтрализации;

2) действия против сообщений противника (сухопутных, морских и воздушных);

3) действия против земных и морских объектов военного, экономического и политического значения.

Уничтожение воздушных сил противника возможно путем боя в воздухе, действиями против воздушных баз (аэродромов), против авиазаводов и учебных центров. Задачу полного уничтожения воздушных сил противника в воздушной войне ставить, как правило, нельзя и в этом нет необходимости. ВВС противника должны быть ослаблены настолько, чтобы наступило достаточно устойчивое состояние господства или превосходства в воздухе. Воздушным силам в их борьбе за воздушное господство (превосходство) большую

помощь могут оказать действия земных, в особенности механизированных войск и конницы (рейды с разрушением авиаобъектов), а также действия воздушных десантов.

В революционной войне пролетарского государства с империалистическим государством, сопровождающейся гражданской войной, определенную роль должны сыграть моменты дезорганизации, разложения и революционизирования ВВС капиталистического противника.

Сковать воздушного противника — значит поставить его в такое положение (и удерживать в нем), при котором он не может своевременно вмешаться в важные воздушные, земные и морские операции (например, демонстративная атака важной для противника цели, отвлекающая значительные воздушные силы противника для обороны). Нейтрализовать воздушные силы противника — это значит сдержать их действия, сделать ВВС противника вообще бездеятельными (нападение на штабы ВВС, на склады горючего, разложение противника и т. д.). Один из способов нейтрализации состоит в принуждении воздушного противника сделать посадку на территории нейтрального государства (интернирование).

Комбинация ударов в воздухе и с воздуха, сковывания и нейтрализации является основой оперативного или стратегического воздушного маневра. Например, маневру может быть поставлена задача разделить воздушного противника на две части, сосредоточить против одной из них превосходные силы и уничтожить противника, сковывая или нейтрализуя в это время другую часть до момента разрешения задачи уничтожения. Маневром стремятся нарушить равновесие в соотношении сил в свою пользу, причем такое нарушение обычно бывает только местное и временное.

В случае успеха удара в воздухе или с воздуха воздушного противника необходимо преследовать до полного разгрома. Но в чисто воздушном бою такое преследование часто невозможно по техническим причинам (например, недостаток горючего). Поэтому в чисто воздушном бою преследование не всегда дает решительную победу, в чем оно сильно отличается от наземного.

Действия против сообщений противника занимают очень большое место в боевой работе всех родов авиации, составляя главный вид деятельности легкой бомбардировочной и штурмовой авиации, совместно с которой широко используются истребители для обеспечения бомбардировочных операций. Основными объектами нападения на железнодорожный транспорт являются узловые, распорядительные и выгрузочные станции, перегоны сложного профиля, мосты и поезда. Для серьезного и длительного расстройства железнодорожного транспорта требуется одновременное поражение ряда объектов указанного выше характера с последующими

ударами для воспрепятствования восстановительным работам. Глубина зоны поражения железных дорог определяется характером и целями проводимых земных операций и обычно достигает 200—250 км от линии соприкосновения с противником, захватывая одну — две рокадные железнодорожные линии и важнейшие узлы, имеющие значение для оперативного маневра войск группы армий.

К важнейшим объектам нападения на морском транспорте относятся порты и гавани с их береговыми устройствами (доки, мастерские, верфи и т. д.) и самый флот на стоянках и в плавании. Для поражения этих иногда очень глубоко расположенных целей, обладающих сильной сопротивляемостью, применяется преимущественно тяжелая авиация (сухопутная и морская), обеспечиваемая многоместными истребителями или крейсерами.

С развитием автомобильного и воздушного транспорта нападение на их базы, колонны в пути, на аэродромы и разгрузочные станции приобрели крупнейшее оперативное значение. Характер этих целей (подвижность, расчлененность) требует применения авиации с малых высот (штурмовиков, летающих бреющим полетом).

Действия по крупным военным, экономическим и политическим центрам составляют в современной воздушной войне главную область боевой деятельности преимущественно тяжелой авиации. Для достижения наиболее высокого эффекта в этих действиях необходимы глубокое, детальное предварительное изучение политико-экономических особенностей неприятельской страны в целом и поражаемого района в частности; знание ресурсов питания армии, их распределения, магистралей подвоза, значимости того или иного района в общей экономике страны; знание политической обстановки в районе нападения и т. д. В числе главных объектов поражения с воздуха крупными массами авиации дальнего действия особо выделяются авиационные, химические и артиллерийские заводы, базы и склады, военные порты, энергетические центры, важнейшие районы добывающей промышленности и, наконец, крупные города. По мысли буржуазных теоретиков воздушной войны, авиация должна иметь задачей уничтожение перечисленных целей в кратчайший срок и на широком пространстве. Наиболее действительным для этого средством признаются зажигательные бомбы высокого теплотворного действия (2500—3000°) в соединении с ОВ; фугасным бомбам больших калибров отводится второе место. Нападение с воздуха в глубине расположения противника дополняется диверсионными действиями агентов и специально подготовленных отрядов, высаживаемых в неприятельском тылу самолетами. За последние годы воздушным десантным операциям разного масштаба уделяется исключительное

внимание, особенно в подготовке английской авиации, где воздушному флоту ставятся задачи по переброске и высадке целых войсковых частей с артиллерией и механизированными средствами. Самостоятельные воздушные силы, помимо перечисленных выше основных задач, содействуют боевой работе авиачастей, приданных армии и флоту, участвуя в развитии земных и морских операций.

Боевая деятельность ВВС в операциях на земле и на море характеризуется тесной оперативной и тактической связью с действиями земных войск и морского флота, включая в свое содержание многообразные виды боевой службы. Участвуя в борьбе против оперативных перебросок неприятельских войск и питании армий, участвуя в подавлении воздушного противника в армейской и войсковой зоне, ВВС армии и флота главной своей задачей имеют поражение сосредоточенных войсковых масс и флота в период подготовки к бою и в процессе самого боя на сухопутном или морском театре. Вспомогательными для войск и флота задачами являются: воздушная разведка, наблюдение за полем боя, служба командования и связи, военно-транспортная служба. Операции ВВС разного значения и масштаба заключают в себе все характерные особенности земных и морских операций, иногда входя в них составной частью. Одним из важнейших условий успешного проведения воздушных операций является их боевое обеспечение.

Обеспечение воздушных операций состоит в принятии таких мер, которые устраняют возможность замедления или срыва их действиями противника в воздухе, на суше и на море. В ходе обеспеченной операции свои воздушные силы должны быть защищены от серьезных воздушных (а также с земли и моря) атак противника и избавлены от всяких неожиданностей в виде, например, атаки своих аэродромов воздушными силами, рейдирующей конницей или мотомехчастями противника, могущих помешать выполнению главной задачи. Достигнутое господство (превосходство) в воздухе — наилучшее воздушное обеспечение операций.

Влияние воздушной войны на устройство, развитие и применение земных и морских сил сказывается прежде всего в том, что в их составе растут средства ПВО, применяемые не только на театре военных действий, но и в глубоких внутренних зонах государства. Большинство европейских военных и торговых портов, морских баз, крепостей, промышленных предприятий и городов находится под угрозой воздушных нападений, для отражения которых требуется содержать целые армии активной и пассивной ПВО, требуется сложная подготовка громадных территорий для облегчения борьбы с воздушным противником. Наличие у противника крупных воздушных масс влияет на организационный состав крупных

общевойсковых соединений и устройство тыла армии, повышая требования к механизации войск и тыла, влияет на повышение или ослабление значимости тех или иных видов вооружения, особенно в составе морских сил (реконструкция и модернизация вооружения и защитных свойств кораблей).

Влияние воздушной войны на ход и характер земных и морских операций заключается в следующем. На сухопутном театре затрудняются мобилизация, сосредоточение и развертывание войск; осложняется маневрирование крупными войсковыми массами, так как нередко всякие переброски и перегруппировки войск в дневное время будут или исключены или сопряжены с громадными потерями под воздействием воздушного флота; тактика и боевые порядки земных войск во всех формах их действий изменяются вследствие противодействия неприятельской авиации; благодаря помощи своих ВВС при наличии завоеванного превосходства в воздухе войска приобретают в бою большую ударную силу и сопротивляемость. На морском театре воздушная война требует от флота постоянной готовности к бою и создает серьезную угрозу поражения флота атаками с воздуха у его базы и на походе, чем облегчается ведение операций и боя своему флоту. Действия воздушных сил противника приводят к расчленению эскадры, понижают значение линейных кораблей, облегчают ведение разведки на море и в громадной степени предотвращают внезапность нападений с моря на побережье; они создают новую угрозу морским десантам и затрудняют выполнение десантных операций; ВВС оказывают решающее влияние на операции флота у своих берегов и в узкостях, они вызывают серьезную реконструкцию морских баз и береговых укреплений как в отношении развертывания ПВО, так и фортификационного усиления береговых сооружений...

(В. Хрипин и Е. Татарченко. «Воздушная война». «Вестник Воздушного флота», № 4, 1934 г., стр. 3—7.)

* * *

★ ★ ★

А. С. АЛГАЗИН

Алексей Сергеевич Алгазин *(1902—1937). В армии с 1925 г. Военный писатель и педагог. Был начальником штаба авиационной бригады, преподавателем и начальником кафедры оперативного искусства в Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского.*

Основные труды. *«Обеспечение воздушных операций», 1928; «Тактика бомбардировочной авиации», 1934; «Авиация в современной войне», 1935.*

ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗДУШНЫХ ОПЕРАЦИЙ

Данный материал представляет собой один из разделов первой части труда «Обеспечение воздушных операций», состоящего из введения и трех частей: I — «Воздушные операции», II — «Формы истребительного обеспечения», III — «Схема обеспечения воздушных операций». В этой работе А. С. Алгазин впервые в авиационной литературе подробно исследовал весь комплекс обеспечения воздушных операций, определил формы истребительного обеспечения. Особое внимание автор уделил необходимости взаимодействия родов авиации в воздушных операциях и важности оперативного единства воздушных операций и операций сухопутных войск и военно-морских сил.

...Внутреннее единство, органическая цельность, планосообразность, единство в развитии операции, связь всех частных эпизодов основной идеей в одно стройное целое — такова общая база всякой истинно оперативной деятельности. Каковы же конкретные условия успеха воздушной операции? Отмеченные качества ведь, по существу, не условия, а признаки, вытекающие из самой сущности понятия «операция». Без них, собственно, и операции-то нет. От чего же зависит благоприятный исход операции? Здесь мы подходим вплотную к проблеме обеспечения, одной из самых серьезных в военно-воздушном деле. И уж во всяком случае менее всего освещенной.

Поскольку воздушная операция является лишь частным видом операции вообще, общие условия успешности ее будут теми же самыми. Имея же в виду две стороны воздушной операции, одну — непосредственно связанную с землей (снабжение, ремонт, подготовка и оборудование аэродромов, посты воздушных наблюдений, сеть связи, отдельные службы, переброски нелетающих частей и т. д.), другую — протекающую

в воздухе, естественно предположить, что в этой последней общие условия успешности (мероприятия по достижению которой мы и называем обеспечением) приобретают особые специфические формы, конкретизируются в обстановке воздуха. О них главным образом мы и будем говорить.

Общие же условия успешности всякой операции сводятся к следующему.

Прежде всего правильность оперативного замысла в смысле рационального выбора цели (цель должна быть важной) и ее достижимости. Соответствие средств цели. Дальше — безопасное, лучше если еще и внезапное, развертывание сил в исходное положение. Безопасность операционной линии (собственно обеспечение) — обеспечение вперед, назад; обеспечение пути наступления и отступления. Безопасность операционной линии зависит от длины ее (чем длиннее, тем опаснее) и направления, от размеров и расположения главной базы. Путь наступления обеспечивается прикрывающими частями. В основу его должны быть положены принципы расчета движения отдельных частей, их взаимной связи (физической и идейной), принцип быстроты и скрытности движений. Безопасность пути отступления зависит от степени закрепления за собой пройденного, от безопасности тыла, от средств сообщения. Мерами обеспечения пути отступления является создание промежуточных баз, в некоторых же случаях — перемена операционной линии. Победоносный бой — гарантия безопасности пути отступления, хотя и не полная.

В отношении воздушных операций требования эти конкретизируются следующим образом.

Правильность оперативного замысла. Критерием важности цели воздушной операции является р е а л ь н а я п о л ь з а д л я а р м и и. Мы установили, что, пока не существует самостоятельной воздушной войны, независимых воздушных операций, пока исход войны решается на земле, конечные задачи воздушных операций сосредоточиваются в интересах армии. Если мы будем гоняться за уничтожением самолетов противника (он их будет заменять новыми), а в это время армия лишится содействия и обслуживания, смысл боевой работы воздушного флота окажется сомнительным.

Д о с т и ж и м о с т ь воздушной операции определяется соответствием средств цели. Здесь нужно различать два момента.

1. Соответствие в физическом смысле: нельзя посылать самолет с грузоподъемностью, положим, в 200—300 кг в единственном числе на бомбежку большой узловой станции.

2. Соответствие ожидаемому сопротивлению. Зная, что противник для охраны своей переправы создал воздушную завесу из 30 истребителей, нельзя посылать «на рожон» од-

ного плохо вооруженного бомбардировщика, поручая ему разрушить переправу.

Исходное положение целиком подчиняется требованиям предполагаемой операции. Общие же требования — безопасность передовых маневренных баз (маскировка и т. п.), расположение их с тем, чтобы возможно меньше было «мертвого хода», удобство сообщения их с основными базами, связь внутренняя (частей воздушного флота между собой) и внешняя * (воздушного флота с войсками и штабами).

Безопасность развертывания в исходное положение зависит от предупредительных мер, как относительно земного противника, что лежит уже на ответственности войскового командования, так и воздушного (противовоздушная оборона, собственные средства и т. п.). Район развертывания определяется во всяком случае прежде всего землей.

Своевременность развертывания определяется, помимо оперативной вышколенности, своевременной подготовкой аэродромов и площадок, их оборудованием, вообще налаженностью перебросок, хорошим состоянием как самолетов, так и транспорта, хорошей связью.

Внезапность развертывания имеет в виду главным образом противника воздушного, ибо средствами войсковой разведки развертывания наших авиационных частей противник не обнаружит **. Мерами же по обеспечению от воздушного наблюдения противника будут: скрытные подготовительные действия (широкое поле для маскировочных работ), ложная подготовка на другом направлении, скрытные переброски (ночью и т. п.), недопущение воздушной разведки противника истребителями. Последняя мера полностью неосуществима. Главные усилия должны быть направлены на маскировку, скрытность, отвлечение внимания противника.

Обеспечение операционной линии, иначе говоря — обеспечение выполнения задания, воздушный этап обеспечения воздушной операции: мы видели из предыдущего, что в воздушной операционной линии нет существенной разницы между путем наступления и путем отступления. Путь отступления не есть здесь путь подвоза, коммуникации. Последняя лежит на земле и обеспечение ее есть дело армии. Обеспечения «вперед» и «назад» принципиально мало разнятся

---

* Вопросы занятия целесообразного исходного положения — развертывание (вообще вопросы базирования) — составляют в целом чрезвычайно сложную и серьезную отрасль воздушно-оперативного искусства. Если с чисто технической стороны они и разрешены и освещены у нас более или менее достаточно, то в оперативном отношении многое еще требует проработки. Здесь мы отнюдь не собираемся углубляться в эти вопросы.

** Огромную опасность представляет агентура противника, но о борьбе с ней говорить здесь мы не будем.

друг от друга в воздушной операции. Основные моменты здесь следующие.

Длина операционной линии (степень удаления объекта операции); чем длиннее маршрут, тем опаснее операция, тем больше следует ожидать сопротивления. Длина операционной линии, конечно, не может превосходить радиуса действия самолетов *. Ориентировку же маршрута в смысле перпендикулярности или параллельности фронту можно считать не столь решающим фактором. Если в земных операциях операционная линия, параллельная фронту противника, считается самой опасной, в воздушном флоте, наоборот, в некоторых случаях полет, параллельный фронту, может быть безопаснее перпендикулярного **, ибо флангов, в общепринятом тактическом смысле, в воздушном флоте нет [154]). Они определяются расположением на земле. Земля же определяет и безопаснейшее направление операционной линии.

Возможность изменения операционной линии (главным образом в смысле отступления, возвращения) достигается созданием ряда промежуточных маневренных баз, уменьшающих, кроме того, протяжение операционной линии. Зигзагообразный маршрут.

Расчет движения отдельных частей, выполняющих операцию, быстрота и скрытность этого движения, знание обстановки, твердое командование.

Самое же важное — способность выполнить операцию, несмотря на противодействие воздушного противника.

Обеспечение возможности выполнения задания, несмотря на противодействие воздушного противника, есть один из важнейших этапов всякой операции. На этой проблеме мы и остановимся в дальнейшем. Нормировка же всех остальных условий успеха операции не входит в задачу данного очерка. Мы коснемся их попутно, останавливаясь в дальнейшем на отдельных операциях.

На ком же должна лежать обязанность нейтрализации противодействия воздушного противника? Здесь могут быть два варианта. Или непосредственные исполнители задания сами берут на себя эту задачу, которая сводится, таким образом, к обороне от воздушного врага. Или же безопасность непосредственных исполнителей конечной задачи лежит на обязанности специальных частей.

---

* Практически всегда меньшего, чем технический.

** Подчеркиваем — в некоторых случаях. Это не относится, например, к истребительной группе, ищущей боя в воздухе. Как мы увидим ниже, фланговый марш, захватывая больший район, рассчитывая на большее сопротивление, требует и большей силы. Мы говорим о флангах в оперативном — не тактическом смысле. Большое значение ориентировка маршрута имеет и в некоторых разведывательных операциях.

Главный враг, противодействующий выполнению задания,— истребительная авиация противника. Борьба в воздухе — ее задача. Воздушный бой — ее тактическое предназначение.

Поскольку конечные задачи воздушных операций наших дней связаны с обслуживанием или содействием земле (разведка, бомбометание, атака земных войск и т. п.), самолеты, выполняющие эти задания, должны по своим данным соответствовать характеру своей работы. Последний же не позволяет этим самолетам иметь те прекрасные скоростные и маневренные качества, которыми обладает истребитель. В столкновении с последним такой самолет должен все надежды возлагать на вооружение. Если истребитель одноместный (1—2 неподвижных пулемета), то превосходство в вооружении будет за двухместным (тем более — трехместным) самолетом. В бою один на один маневренность одного уравновешивается (чтобы не сказать больше) мощным вооружением другого. Но истребители не летают теперь в одиночку. Мы видели, что уже к концу войны они соединялись в большие группы. Кроме того, теперь все больше и больше укрепляется тенденция иметь двухместные истребители. Разведчики, бомбардировщики и т. п. могут также соединяться в боевые группы. Только в этом случае, поддерживая друг друга фланкирующим огнем, они могут с честью выдерживать бои с истребителями противника и исполнять прямые свои функции. Это есть *самообеспечение*. На нем целиком базируются некоторые операции.

Большинство же операций по характеру своему, по обстановке и средствам не допускает соединения самолетов в большие группы. Обеспечить себя, свою работу от нападений истребителей противника эти самолеты не могут, несмотря на всю свою боеспособность. Здесь требуется уже обеспечение извне, обеспечение специальными частями из самолетов, предназначенных для воздушного боя, т. е. истребителей. Операции эти базируются, таким образом, на *истребительное обеспечение*.

Истребительное обеспечение является, таким образом, рядом мер по нейтрализации покушений воздушного противника на безопасность наших самолетов, выполняющих данное оперативное задание. Средством для такой нейтрализации покушений врага являются наши самолеты воздушного боя, т. е. наша истребительная авиация.

Смысл истребительного обеспечения сводится к своевременной готовности наших истребителей отразить нападение воздушного противника на наши специальные самолеты и тем гарантировать успех воздушной операции в целом. Истребительное обеспечение имеет в виду, таким образом, воздушный бой. Оно разрешается боем в воздухе. Но где и

как искать и вести воздушный бой в целях обеспечения, как связать его по месту и времени с нашей прямой задачей (т. е. с выполнением заданной операции) зависит от того или другого принципа обеспечения от той или иной применяемой формы истребительного обеспечения.

Вопрос о формах истребительного обеспечения воздушных операций, имея огромное практическое значение, связан с коренными вопросами использования воздушных сил в данном государстве, с преимущественными задачами воздушного флота, с вопросами взаимодействия различных родов его, общей линии его поведения и соответственной организации воздушных сил, — одним словом, проблема истребительного обеспечения непосредственно связана с авиационной доктриной, не важно, признается существование таковой или нет...

(А. С. Алгазин. «Обеспечение воздушных операций», Госиздат, 1928 г., стр. 46—50.)

★ ★ ★

★ ★ ★

Б. Л. ТЕПЛИНСКИЙ

Борис Львович Теплинский *(1899 г.) Генерал-майор авиации в отставке, доцент. Участник гражданской войны. После гражданской войны — начальник штаба авиабригады, преподаватель Академии Генерального Штаба, заместитель начальника Главного штаба ВВС, начальник Штаба ВВС военного округа.*

Основные труды. *«Воздушное наблюдение», 1931; «Основы общей тактики ВВС», 1940; «Авиация в бою наземных войск», 1940 г.*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ С НАЗЕМНЫМИ ВОЙСКАМИ

Ниже помещены выдержки из двух работ Б. Л. Теплинского: «Основы общей тактики ВВС» (1940 г.) и «Авиация в бою наземных войск» (1940 г.). Автор разбирает организацию взаимодействия различных родов авиации, основы управления авиационными соединениями, а также организацию взаимодействия авиации с наземными войсками. Он особо отмечает тесную связь тактического и оперативного использования ВВС. Изданные почти накануне Великой Отечественной войны эти работы иллюстрируют наши основные теоретические положения по вопросам оперативного и тактического применения ВВС в операциях того времени.

...Наша авиация будет действовать в тесной оперативно-тактической связи с наземными войсками, выполнять самостоятельные операции по важнейшим объектам в глубоком тылу и будет вести непрестанную борьбу с авиацией противника, обеспечивая господство в воздухе. Наряду с выполнением самостоятельных воздушных операций, подрывающих и разрушающих экономическую, а следовательно, и военную мощь противника и дезорганизующих его государственный тыл, главнейшей задачей авиации явится *содействие успеху наземных войск в бою и операции.*

Борьбу за господство в воздухе автор рассматривает не

как отвлеченную и отдаленную самоцель, а как средство, обеспечивающее успех наземных войск и действий своей авиации.

Борьба за господство в воздухе будет длиться в течение всей войны, становясь особо ожесточенной в периоды решающих боев и операций наземных войск, так как господство в воздухе в эти периоды будет одним из решающих условий конечного успеха...

Развитие современных ВВС делает невозможным искусственное отделение тактических вопросов от оперативных. Поэтому во многих случаях автор переходит из области тактики в область оперативного искусства. В этом заключается основное своеобразие использования современной авиации, обладающей огромными боевыми возможностями, высокими техническими качествами и способностью к массированным действиям...

...Перенесение воздушной войны в стратосферу является делом самого недалекого будущего...

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ РОДОВ АВИАЦИИ

...Взаимодействие родов авиации может быть тактическим и оперативным. Под тактическим взаимодействием следует понимать такие совместные действия, которые, будучи направлены на поражение одной и той же цели или на решение одной и той же тактической задачи, проводятся в тесной взаимной связи по времени или по месту действий.

Оперативное взаимодействие можно рассматривать как совокупность совместных действий по одной или нескольким крупным целям или по системе целей для конечного решения оперативной задачи при отсутствии тесной взаимной связи между взаимодействующими частями и соединениями.

Необходимо оговориться, что все такие определения условны. Боевые свойства и способы действия современной авиации чрезвычайно расширяют понятие «тесной взаимной связи». Так, например, при действиях по срыву железнодорожных или автомобильных перевозок авиационному соединению придется решать задачи, с одной стороны, одновременного, а с другой — длительного действия по целям, и конечное решение задачи будет достигнуто сочетанием этих способов.

Действия крупных авиационных масс для решения оперативных и даже стратегических задач могут потребовать организации тактического взаимодействия их. Предварительный

удар по аэродромам истребителей, расположенным на значительном удалении от объекта нападения, следовательно, вне тесной связи по времени или по месту, будет тактическим взаимодействием, обеспечивающим выполнение данной тактической задачи...

Специфическая особенность современных ВВС заключается в том, что даже мелкие подразделения могут решать задачи оперативного порядка, а крупные массы авиации — действовать по целям, имеющим тактическое значение...

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ С НАЗЕМНЫМИ ВОЙСКАМИ

...Взаимодействие с наземными войсками является наиболее сложной и трудной формой боевого использования авиационных соединений...

Подавляющее и моральное воздействие авиации на наземные войска очень велико. Если авиация и не сможет уничтожить окопанные и замаскированные цели на поле боя, то ее систематические и непрерывные атаки заставят все живое прижиматься к земле, что будет способствовать успеху действий своей пехоты. Рассчитывать же, что одно моральное потрясение противника может решить исход боя, будет крайне легкомысленно.

Авиационная подготовка в широком понимании этого слова будет составной частью современного боя и операции, преследующих решительные цели. При этом не следует рассматривать авиацию только как замену артиллерии, твердо помня, что только авиация способна в кратчайшие сроки потрясти всю глубину расположения противника. Непосредственную поддержку авиацией наступающих войск следует практиковать ввиду большого подавляющего и морального действия ее на наземные войска.

Действия авиационных соединений в интересах наземных войск должны носить систематический и настойчивый характер, не прерываться ни днем, ни ночью и должны быть сосредоточены против важнейших целей в передовой зоне и в тылу противника. Изоляция района боя и операции от притока материально-технического питания, резервов и подкреплений всегда будет задачей, разрешить которую может только авиация...

(Б. Теплинский. «Основы общей тактики военных воздушных сил». Госвоениздат, 1940, стр. 3—4, 60, 186—198.)

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ АВИАЦИИ В НАСТУПЛЕНИИ

При изучении вопроса использования авиации, взаимодействующей с общевойсковыми соединениями в наступательном бою, необходимо несколько расширить масштаб исследования и обратиться к вопросам наступательной операции в целом. Успех этой операции является результатом успеха целого ряда боев общевойсковых соединений, поэтому авиация для достижения конечного оперативного успеха должна всей своей мощью поддержать тактическое наступление наземных войск. Поэтому тесное переплетение вопросов тактического и оперативного порядка, вообще характерное для использования современных военно-воздушных сил, заставит нас постоянно переходить от анализа основных моментов участия авиации в бою к разбору вопросов о ее действиях в интересах операции.

С точки зрения боевого использования военно-воздушных сил наступательная операция может складываться из следующих этапов.

1. Подход к оборонительной полосе противника или перегруппировка сил и средств для совершения прорыва.

В некоторых случаях на этом этапе перегруппировка вдоль фронта будет сочетаться с подходом войск из глубины.

2. Занятие исходного положения и артиллерийская подготовка прорыва.

3. Совершение тактического прорыва с последующей борьбой внутри оборонительной полосы и развитие прорыва из тактического в оперативный.

4. Развитие успеха, преследование, окружение и окончательный разгром противника...

...Авиация, так же как и все остальные рода войск, действует в интересах пехоты, которая одна может решить окончательный успех боя. С другой стороны, необходимость превращения тактического прорыва в оперативный требует (в интересах той же пехоты и подвижных частей) изоляции района боя от подхода резервов и притока материально-технических средств. Поэтому авиация в наступлении будет действовать по войскам и материально-техническим средствам противника, начиная от переднего края его обороны и кончая теми объектами в глубине его расположения, которые имеют значение для достижения успеха боя и операции в целом. Это потребует того, чтобы авиация в нужные периоды сосредоточивала свои усилия на важнейших целях, воздействие по которым должно оказать решающее влияние на успех наземных войск.

Основные задачи, которые может выполнять авиация в наступлении, следующие:

1. Непосредственная поддержка наземных войск в бою путем уничтожения и подавления живой силы и боевых средств противника.

2. Задержка подхода, подвоза и уничтожения тактических и оперативных резервов противника; при этом в первую очередь должны быть атакованы его мотомеханизированные войска.

3. Прикрытие передвижений, перегруппировок и боевого расположения своих войск, а также их тылов от нападений воздушного противника.

4. Обеспечение действий введенных в прорыв подвижных частей путем непосредственной боевой поддержки их и прикрытия с воздуха.

5. Дезорганизация системы управления противника путем воздействия по штабам, командным пунктам, центрам и линиям связи и радиостанциям.

6. Нарушение нормальной работы тыла, прекращение снабженческих перевозок, уничтожение складов материально-технических средств и дезорганизация работы ближайшего войскового тыла.

7. Обеспечение общевойскового командования разведывательными данными, прикрытие действий разведывательной и артиллерийской авиации от нападений истребителей противника.

Из перечня задач авиации мы видим, что выполнение их не сможет пройти без противодействия воздушного противника и средств зенитной ПВО.

Поэтому использование военно-воздушных сил в наступлении требует завоевания господства в воздухе над теми участками или районами, которые представляют наибольшую важность в каждом периоде боя.

АВИАЦИОННАЯ ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ

Опыт современных войн показывает, что авиационная подготовка сделалась неотъемлемым элементом наступательных операций и боев, преследующих решительные цели.

Авиационная подготовка в современных условиях не может и не должна ограничиваться воздействием по самой системе оборонительных сооружений противника. Необходимо решительно подчеркнуть, что авиационная подготовка не является простой аналогией с артиллерийской подготовкой и представляет собой совокупность усилий всей боевой авиации, направленных на обеспечение тактического успеха наступающих наземных войск. Следовательно, сюда войдут также действия по более глубоким целям — дезорганизация войскового тыла, уничтожение складов боеприпасов, наруше-

ние связи и управления, запрещение оборонительных работ на тыловой полосе и т. д. Но естественно, что основные усилия авиации в первую очередь должны быть направлены против тех целей, которые будут препятствовать пехоте в выполнении ее непосредственных задач.

Такого рода авиационная подготовка наступательного боя сочетается с действиями армейской и фронтовой авиации, направленными на обеспечение всей наступательной операции и являющимися как бы авиационной подготовкой операции в целом...

Ночью накануне наступления следует проводить систематические, беспокоящие противника действия одиночными самолетами или звеньями с целью продолжения непрерывности воздействия. Хотя ночью вероятность поражения ничтожна, однако эти действия имеют серьезный изнуряющий эффект...

Последнее нападение перед атакой пехоты должно быть массовым и в нем должно принимать участие максимально возможное количество самолетов. Кроме поражения и подавления противника, появление крупной массы самолетов оказывает величайшее моральное воздействие на свои войска...

Вопросом, который необходимо подчеркнуть в заключение настоящего труда, является тесная связь тактического и оперативного применения современной авиации.

Действия авиации в интересах боя наземных войск зачастую требуют организации управления в пределах операции в целом...

Наконец, последнее, что нужно подчеркнуть, это то, что овладеть искусством тактического использования авиации можно только изучая боевой опыт войн, анализируя характер будущей войны, непрерывно следя за изменением и развитием технической базы авиации и отыскивая соответствующие этому развитию новые тактические способы и приемы действий.

(Б. Теплинский. Авиация в бою наземных войск. Воениздат, М., 1940, стр. 36—40, 50—68, 139—140.)

* * *

РОЛЬ АВИАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЕ

В публикуемой ниже статье генерал-майора Б. Л. Теплинского сжато изложены основы Советской авиационной доктрины о роли авиации в современной войне.

Уже в последний период мировой империалистической войны 1914—1918 гг. авиация играла значительную роль. В сражениях, разыгрывавшихся на полях Франции в 1918 г., принимали участие тысячи самолетов. Достаточно вспомнить, что в марте 1918 г. во время германского наступления в Пикардии со стороны немцев принимало участие свыше 1000 самолетов и со стороны англичан — около 1200 самолетов. В операции под Амьеном в августе 1918 г. англо-французы сосредоточили 1900 самолетов, из них — до 1000 истребителей и около 500 бомбардировщиков.

Однако по своим техническим показателям авиация еще не обладала теми качествами, которые позволили бы ей решающим образом повлиять на исход операций на суше и на море. Лучшие типы самолетов того времени летали с максимальной скоростью не свыше 200 км/час, и способность их проникновения в тыл противника не превышала 300 км.

Послевоенный период развития авиации проходил под знаком совершенствования технических качеств и бешеной гонки воздушных вооружений, особенно начиная с тридцатых годов, когда правящим верхушкам империалистических государств сделалась ясной неизбежность скорого возникновения второй мировой империалистической войны.

Послевоенное развитие авиации капиталистических стран в значительной мере происходило под влиянием теории итальянского генерала Дуэ. Его учение сводилось к тому, что война может быть решена силами одной только авиации, которая в течение первых же дней войны разрушит все важнейшие экономические и политические центры страны противника и тем лишит его возможности дальнейшего сопротивления.

Последние события на Западе, однако, показывают, что хотя авиация и является могущественнейшим средством ведения войны, но решить ее исход только своими силами она не может.

С другой стороны, современные войны показали со всей очевидностью, что господство в воздухе является важнейшим фактором, обеспечивающим успех действий на суше и на море.

Со времени окончания первой империалистической войны, за какие-нибудь двадцать лет, авиация проделала такой путь своего технического совершенствования, который другие рода войск не сделали и за сотню лет.

Лучшие образцы современных истребителей обладают скоростями свыше 600 км/час и вооружены четырьмя или даже восемью пулеметами и одной — двумя пушками. Современные бомбардировщики, немногим уступая в скорости истребителям, способны пролететь в одну сторону 1500—2000 км, неся на себе 1—2 т бомб и мощное пулеметное и пушечное вооружение.

Взаимодействие с сухопутной армией и военно-морским флотом является одной из основных и важнейших задач, выполняемых авиацией. Можно с уверенностью сказать, что современное сражение немыслимо без участия в нем авиации. Наряду с другими факторами наличие авиации с ее мощными боевыми качествами в корне изменило тактику наземных войск и существеннейшим образом повлияло на оперативное искусство и стратегию.

Танк и самолет явились теми боевыми средствами, которые позволили германской армии добиться решительных успехов во Франции.

Крупные танковые соединения, поддерживаемые многочисленными бомбардировочными и истребительными частями, способны быстро проникать в тыл противника, обходя укрепленные полосы и способствуя тем самым успешной атаке их с фронта.

В прорыве линии Маннергейма наша авиация сыграла весьма важную роль, разведывая и фотографируя оборонительную полосу противника, подвергая его укрепления сокрушительной бомбардировке с воздуха бомбами самых крупных калибров, не допуская подхода и подвоза резервов и подкреплений и парализуя тыл противника.

Воздушные десанты, впервые примененные и разработанные в Красной Армии на многочисленных маневрах и учениях начиная с 1935—1936 гг., явились принципиально новым средством борьбы. Выброска парашютных частей в самых неожиданных для противника местах позволяет им захватывать аэродромы, опорные пункты, нарушать железнодорожные и автомобильные сообщения, нападать на войсковые тылы, дезорганизовать управление армией и страной и морально воздействовать на население.

Таким образом, массовое применение авиации, танков и воздушных десантов позволило положить конец тому позиционному сидению, которое продолжалось в течение около четырех лет во время первой империалистической войны и на которое рассчитывал англо-французский блок, отсиживаясь за линией Мажино.

В подвижных формах боя авиация является могущественнейшим средством борьбы. Она ведет разведку, вскрывая намерения противника и устанавливая направление его дви-

жения, обнаруживает скопления его пехоты, артиллерии, танков и нацеливает на них удары своих войск.

Авиация является как бы первым эшелоном нападения, атакуя колонны противника бомбами, пулеметным и пушечным огнем еще задолго до начала боевого соприкосновения наземных войск. Удар наземных войск, и в первую очередь танковых и моторизованных частей, всегда будет поддержан действиями большого количества бомбардировщиков и истребителей, действующих на малых высотах и с пикирования и помогающих своим войскам в преодолении сопротивления противника. Действия с пикирования, применявшиеся еще в первую мировую империалистическую войну, вновь получили большое распространение в современных войнах и особенно широко используются германской авиацией.

Очень большое значение имеют действия авиации по всем видам сообщений противника — по железнодорожным и автомобильным перевозкам, по речному и морскому транспорту.

Авиация разрушает ж.-д. узлы, станции, мосты и тоннели, атакует поезда в пути, устраивая крушения, прекращает движение автомобильных колонн на шоссе и автострадах и тем самым прекращает подвоз к фронту людских резервов, боеприпасов и различных материально-технических средств.

Современные войны показали большое значение транспортной авиации. Транспортные самолеты сделались неотъемлемой составной частью военных воздушных сил. Они перебрасывают по воздуху войска, снаряжение, боеприпасы, продовольствие, обмундирование, медикаменты, эвакуируют раненых и больных, а также служат для выброски парашютных десантов. Снабжение по воздуху выброшенных далеко вперед танковых и моторизованных частей позволяет им действовать, не боясь отрыва от своих баз, на значительные расстояния.

На европейском театре войны огромное значение имеет взаимодействие авиации с военно-морским флотом и завоевание господства в воздухе на морских театрах военных действий. Такая операция, как высадка германских войск в Норвегии, смогла быть проведена только благодаря тому, что немецкой авиации удалось захватить господство в воздухе и успешно осуществить самое тесное взаимодействие с военно-морским флотом.

Сами англичане вынуждены были признать, что «английский морской флот был вынужден воздержаться от активных действий в водах Скагеррака и Каттегата с целью перерезать линии коммуникаций между Германией и Норвегией в результате того простого факта, что неприятельская авиация в этих районах господствовала в воздухе» *.

---

* Fourtnightly Review, Juny, 1940.

Авиация на море является ценнейшим средством разведки и успешно ведет борьбу с подводными лодками и со всеми типами кораблей, вплоть до наиболее современных линкоров.

Кроме взаимодействия с сухопутной армией и военно-морским флотом, авиация может проводить самостоятельные операции, направленные к подрыву экономической мощи противника и к дезорганизации всей его страны в целом.

Авиация действует по промышленным объектам, расположенным в глубоком тылу противника, в первую очередь по военным и авиационным заводам, по крупным политическим и административным центрам, по запасам топлива, по энергетическим сооружениям, прекращает работу всех видов транспорта, атакует вновь формируемые в глубоком тылу войска противника и т. д. Эти действия авиации протекают обычно вне тесной связи с действиями сухопутной армии и военно-морского флота, но тем не менее оказывают им существеннейшую помощь.

Наконец, авиация должна обеспечить свои войска и тыл страны от нападений воздушного противника. Эту задачу она решает в тесном взаимодействии со всеми средствами противовоздушной обороны — зенитной артиллерией всех калибров, зенитными прожекторами, пулеметами и аэростатами заграждения. Для успеха действий истребительной авиации на земле должна быть развернута надежно работающая система постов воздушного наблюдения, оповещающая истребителей о появлении воздушного противника.

Как уже говорилось выше, чтобы выполнить все эти многочисленные и ответственные задачи, авиация должна завоевать господство в воздухе.

Под термином «господство в воздухе» следует понимать такое положение, когда авиация может успешно выполнять все свои основные задачи, в то время как авиация противника лишена возможности сколько-нибудь эффективно воздействовать на сухопутную армию, военно-морской флот и тыл противостоящей страны.

Господство в воздухе достигается уничтожением авиации противника в воздушных боях и при расположении на ее аэродромах. Однако, кроме уничтожения самолетов, находящихся в строю, необходимо лишить авиацию противника возможности восстанавливать понесенные потери и получать пополнение. Для этого авиация должна разрушать самолетостроительную, моторостроительную промышленность, алюминиевые заводы, нефтедобывающую и обрабатывающую промышленность, заводы синтетического топлива, уничтожать склады топлива, авиационные базы и ремонтные органы.

Господство в воздухе при столкновении двух противников, обладающих сильной авиацией, не может быть достигнуто одним, хотя бы и массовым, ударом или каким-либо «гене-

ральным сражением» в воздухе. Борьба за господство в воздухе будет вестись непрерывно, особенно усиливаясь в период подготовки и проведения решающих операций.

В этом отношении показательны события последних дней, когда в воздухе над проливом Ла-Манш и Англией разыгрываются крупнейшие воздушные бои между английской и германской авиацией.

Завоевание господства в воздухе наилучшим образом обеспечивает действия сухопутной армии и военно-морского флота и защищает тыл страны от нападений воздушного противника.

(Б. Л. Теплинский. Роль авиации в современной войне. Газета «Правда» от 19 августа 1940 г.)

★ ★ ★

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ИСКУССТВА (1917—1940 гг.)

— ★ —

★ ★ ★

ВВЕДЕНИЕ

Маневренный характер гражданской войны и морская блокада Советской республики флотами империалистических государств в значительной мере определили размах, формы и способы боевых действий Советского Военно-Морского Флота в 1918—1920 гг. Большого развития в этот период достигли речные и озерные флотилии, активно содействовавшие частям Красной Армии как в обороне, так и в наступлении.

Корабли Балтийского и Черноморского флотов, свыше 40 озерных и речных флотилий систематически оказывали артиллерийскую поддержку войскам на флангах, высаживали тактические десанты, производили перевозки войск и воинских грузов, отражали десанты противника, ставили минные заграждения, вели бои на море и на реках, совершали прорывы блокады и укрепленных районов противника; исключительно большую роль корабли сыграли в обороне Петрограда и Астрахани.

Опыт использования флотов и флотилий в период иностранной интервенции и гражданской войны в СССР оказал известное влияние на дальнейшее развитие военно-морского искусства советского флота.

После окончания гражданской войны возникла необходимость определить задачи и дальнейшие пути строительства флота. Опираясь на господствовавшую на западе реакционную теорию Мэхена[155]) и Коломба[156]), профессора Военно-морской академии РККА Б. Б. Жерве и М. А. Петров[157]) развивали доктрину владения морем в старом, классическом понимании.

Б. Б. Жерве предложил расчет необходимых для достижения господства на море морских сил (см. помещаемую ниже статью Б. Б. Жерве).

Концепция Жерве была несостоятельной прежде всего потому, что для такого, какого он требовал, строительства надводных кораблей в этот период не было достаточных средств; наряду с этим сторонники доктрины владения морем явно недооценивали роль и значение быстро развивавшейся авиации, а также опыт широкого использования подводных лодок в первой мировой войне.

Но не только теория владения морем требовала серьезной критики. В 1923 г. в связи с тем, что некоторые товарищи переоценили роль военно-воздушных сил в современной войне, возникла даже дискуссия — морской или воздушный флот? Этот вопрос обсуждался в Москве и особенно обстоятельно в Военно-морской академии в Петрограде. В результате этой дискуссии были сделаны правильные выводы о необходимости для обороны страны как военно-морского, так и военно-воздушного флота.

Наиболее активно теория владения морем подверглась критике в 1927—1932 гг. Молодые военно-морские специалисты, ставшие впоследствии крупными военными деятелями,— И. Лудри, К. Душенов, П. Александров, И. Исаков, А. Якимычев и др.— в своих статьях и публичных выступлениях выдвинули следующие положения:

— основное назначение советского военно-морского флота — защита завоеваний Октябрьской революции;

— Англия, возглавляющая антисоветский блок, в предстоящей войне будет стремиться хотя и чужими руками к решающим действиям на суше, морское направление останется вспомогательным;

— строительство современных крупных кораблей требует огромных средств.., которыми наша страна не располагает;

— развитие подводного и воздушного флотов полностью дискредитирует доктрину владения морем, оперативная сущность которой заключается в генеральном сражении, решающем участь войны на море и определяющем исход войны;

— учитывая все эти обстоятельства, для обороны с моря целесообразно развивать строительство подводных лодок, самолетов и легких сил надводного флота; одновременно следует укреплять береговую оборону; этими силами и средствами военно-морской флот способен вести «малую войну».

Сторонники этой концепции не отрицали необходимости строительства линейных кораблей, но они говорили, что это станет возможным только после создания мощной тяжелой индустрии в нашей стране.

К. Душенов и А. Якимычев пытались разработать теорию «малой войны» на море, характерные признаки которой они изложили в статьях, опубликованных в «Морском Сборнике» в 1928 г.

По мере роста нашего флота, обобщения опыта проводившихся учений, изучения способов и форм использования сил и средств флота в последних войнах, а также в результате интенсивной теоретической борьбы с реакционными доктринами развивалась советская военно-морская теория. Известное влияние на развитие оперативного искусства ВМС оказали труды советских военных теоретиков Тухачевского, Триандафиллова и других. Все эти обстоятельства способ-

ствовали выходу в свет ряда обобщенных трудов, уставов и наставлений по тактическим и оперативным вопросам.

В 1930 г. вышел «Боевой устав Военно-морских сил РККА, 1930», в котором содержались «Указания о вождении и боевых действиях соединений морских сил». В этом документе, поскольку он был в то время единственным, наряду с тактическими были изложены важнейшие оперативные принципы использования флота.

Так, было сформулировано, что **«Совместное и сосредоточенное использование в решительные моменты операции и боя — средств флота, морской авиации и береговой обороны,— всюду, когда обстановка и поставленная задача то допускают, является основой организации действий и боевого управления морскими силами»** *.

В этом документе были определены задачи флота, береговой обороны и морской авиации. При этом признавалось, что основой боевой мощи флота являются линейные корабли, главное назначение которых — вести бой в море или совместно с береговой обороной в прибрежных, оборудованных для обороны районах. Линейные корабли как мощные средства поддержки легких сил должны были придавать им боевую и оперативную устойчивость. Фактически речь шла о находившихся в строю модернизированных линкоров типа «Марат», которые и надо было использовать.

В Боевом уставе Военно-морских сил РККА 1930 г. определялось также, что основное назначение подводных лодок — вести боевые действия против боевых сил противника как самостоятельно, так и совместно с кораблями других классов **.

В уставе подробно рассмотрено управление морскими силами и обеспечение боевой деятельности военно-морских сил и боя, а также даны основы смешанных операций (десантные операции, отражение десанта и обеспечение со стороны моря сухопутных войск, действующих в прибрежной зоне). Особо следует отметить обстоятельный разбор действия военно-морских сил на каждом из этапов. В разделе «Отражение десанта» (противодесантная операция) подчеркнуто: «в общем же случае подготовка к обороне берегов должна быть ориентирована на **совместное использование сил морских и сухопутных, а также на средства минно-позиционного оборудования театра»** ***.

В 1933 г. преподавателями кафедры стратегии и оперативного искусства ВМА РККА И. С. Исаковым (ныне адмирал флота Советского Союза), А. П. Александровым и В. А. Белли

---

* Боевой устав Военно-морских сил РККА, 1930. Госиздат, 1930, стр. 12.

** Там же, стр. 13.

*** Там же, стр. 162.

была написана работа «Операции подводных лодок»*, в которой они обстоятельно исследовали возросшую роль подводных лодок и авиации в современной войне на море.

Вскоре были опубликованы работы В. А. Шталя[158]) «Развитие методов использования подводных лодок в войну 1914—1918 гг.», А. В. Томашевича[159]) «Подводные лодки в операциях русского флота в войну 1914—1915 гг.», Ю. А. Пантелеева[160]) «О боевом управлении в операциях подводных лодок на морских сообщениях», А. М. Якимычева «Угроза базам флота по опыту войны 1914—1918 гг.». На развитие оперативного искусства и тактики ВМС оказали большое влияние труды вице-адмирала С. П. Ставицкого[161]), контр-адмирала В. А. Петровского[162]) и контр-адмирала Н. Б. Павловича[163]), контр-адмирала Е. Е. Шведе[164]), контр-адмирала В. П. Боголепова[165]) и других.

В тридцатых годах наряду с ростом подводных лодок развивается авиация морских сил. О задачах и методах использования военно-воздушных сил в операциях на море писали генерал-полковник авиации Е. Н. Преображенский[166]), генерал-майор С. Э. Столярский[167]) и генерал-лейтенант А. М. Шугинин[168]). Контр-адмирал С. С. Рамишвили[169]) исследовал вопросы совместных действий армии и флота. Большой интерес представляет работа И. С. Исакова «Десантная операция», изданная в 1934 г. Военно-морская теория проверялась и получила свое развитие и в процессе оперативно-тактической подготовки морских флотов, и большую роль в этом сыграли командующие флотами В. М. Орлов[170]), И. К. Кожанов[171]), М. В. Викторов[172]), Л. М. Галлер[173]), И. С. Исаков, Г. И. Левченко[174]), Н. Г. Кузнецов[175]), В. Ф. Трибуц[176]), К. И. Душенов, А. Г. Головко[177]), Ф. С. Октябрьский[178]) и другие ответственные работники флотов.

В работах по оперативному искусству военно-морских сил определялись способы и средства решения флотом поставленных перед ним задач. При этом особенно подчеркивалось значение **взаимодействия как видов вооруженных сил — армии, флота и авиации, так и родов военно-морских сил — надводных и подводных — с авиацией и береговой артиллерией.** Наступательным действиям флота отводилось главное место. Роль ударных сил должны были выполнять подводные лодки и авиация, а из надводных кораблей — легкие силы, особенно торпедные катера. В 1937 г. был издан разработанный И. С. Исаковым с В. А. Алекиным Боевой устав Военно-морских сил. В 1940 г. вышло в свет Временное наставление по ведению морских операций, в котором впервые были обоб-

---

* А. П. Александров, И. С. Исаков, В. А. Белли. «Операции подводных лодок», т. 1, 1933.

щены оперативные взгляды на характер современной войны, задачи и способы ведения войны на море. В этом Наставлении обстоятельно рассмотрены типовые операции, проводимые как самостоятельно, так и совместно с армией. Особое внимание было обращено на **организацию взаимодействия надводных кораблей с подводными лодками и авиацией. При этом в действиях на морских сообщениях главное внимание уделялось использованию подводных лодок.**

На формирование военно-морских теоретических взглядов известное влияние оказал опыт гражданской войны в Испании 1936—1938 гг. и характер боевых действий в ходе начавшейся в 1939 г. второй мировой войны. Статьи адмирала В. А. Алафузова [179]), контр-адмирала С. С. Рамишвили, работа И. С. Исакова «Характер современной войны и операций на море» и статьи В. А. Белли и др., опубликованные в 1938—1941 гг., были посвящены анализу того нового, что появилось в развитии военно-морского искусства.

В этот период сложилась теория операции по уничтожению флота противника в море, сущность которой заключалась в нанесении разнородными силами флота (надводные корабли, подводные лодки и авиация) сосредоточенных и последовательных ударов по всей глубине оперативного построения противника; дальнейшее развитие получила теория минно-заградительной операции. Таким образом, к началу Великой Отечественной войны Военно-Морской Флот имел свою теорию, четко определявшую его роль, место и назначение в системе обороны Советского Союза. Одним из важнейших ее положений были совместные действия армии и флота и система базирования на морских театрах.

★ ★ ★

★ ★ ★

Б. Б. ЖЕРВЕ

Борис Борисович Жерве *(1879—1937) окончил Морской корпус в 1898 г. и минные классы — в 1901 г. С 1918 г.— преподаватель Военно-морской академии, а с 1928 по 1931 г. — начальник Военно-морской академии.*

Основные труды. *«Основы военно-морской стратегии», 1919—1921; «Значение морской силы для государства», 1923; «Морская стратегия Наполеона», 1926; «Десантная операция», 1931.*

ОСНОВЫ ВОЕННО-МОРСКОЙ СТРАТЕГИИ

Помещенный материал взят из сборника лекций, прочитанных проф. Б. Б. Жерве в 1919—1921 гг. на вечерних курсах для комсостава и ответственных работников флота в Ленинграде. Это был первый систематический курс основ военно-морской стратегии, изданный после Великой Октябрьской социалистической революции.

Несмотря на ряд серьезных ошибок Б. Б. Жерве, главным образом методологического характера, его лекции по основам стратегии сыграли известную роль в формировании теории советского военно-морского искусства.

ЦЕЛИ МОРСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ

Подводя теперь итоги всему нами сказанному относительно задач, которые способна выполнять во время войны морская сила, мы придем к следующим заключениям:

1) Только морская сила способна обеспечить государству во время войны морские сообщения с внешним миром и со своими заморскими владениями и прервать таковые же сообщения своего противника. Военное могущество большей части современных государств в значительной степени зависит от сохранения во время войны морских сообщений с внешним миром, откуда следует, что морская сила способна защитить один из важных источников военного могущества своего государства и нанести сокрушительный удар по важной части военного могущества своего противника.

2) Только морская сила может обеспечить морское побережье своего государства от неприятельского десанта и, наоборот, предоставить своим войскам возможность высадиться на неприятельском берегу.

3) Морская сила способна оказывать значительную помощь своей армии, помогая ей обходить упертый в море фланг ее противника, перебрасывая ее части через море, в тыл неприятельской армии, обеспечивая доставку морем снабжения своей армии и прерывая морское сообщение неприятельской армии.

4) Морская сила способна передвигаться на громадные расстояния в сосредоточенной массе, с большой скоростью, а потому выполнение ею всех перечисленных задач не связано с местом действия сухопутной вооруженной силы.

Применяя установленные нами в предыдущей лекции названия различного рода стратегических целей, мы должны отнести все только что перечисленные нами задачи, которые способна выполнять морская сила, к числу военных целей. Часть этих военных целей, указанная в 1 пункте и заключающая в себе обеспечение во время войны своих морских экономических сношений и перерыв неприятельских, должна быть отнесена к самостоятельным военным целям морской силы, так как, осуществив эти цели, морская сила самостоятельно защищает этим один из основных элементов военной мощи своего государства и самостоятельно же наносит удар военной мощи неприятельского государства. Во всех остальных перечисленных задачах морская сила не решает самостоятельно военной цели всей операции, но подготовляет или облегчает задачу сухопутной вооруженной силе, которой принадлежит решающая роль в этих операциях. Поэтому такие задачи морской силе, как обеспечение высадки своей армии на неприятельском побережье, защита собственного побережья от высадки неприятельской армии, поддержание морских сообщений своей армии и перерыв таковых у неприятельской, действия против приморского фланга неприятельской армии, обеспечение упертого в море фланга своей армии и т. п.,— вообще все действия морской силы, направленные против неприятельского морского побережья или для защиты собственного, следует отнести к числу вспомогательных военных целей морской силы...

СУЩНОСТЬ БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО НА МОРЕ

Морская сила в случае наступательных задач должна стремиться к достижению полного господства на море, т. е. к уничтожению неприятельского флота, или, во всяком случае, к надежному его заблокированию в его операционной базе. В случае же оборонительных задач, наоборот, более слабая морская сила должна стремиться к тому, чтобы сохранить свою боеспособность и свободу выхода в море...

Первой непосредственной целью действий на море сильнейшей, нападающей стороны во всех случаях является полу-

чение полного господства на море, а обороняющейся стороны — оспаривание этого господства. Правильный состав морской силы, искусство и смелость ее личного состава и наличие хорошо оборудованной операционной базы дают возможность и значительно слабейшему флоту успешно оспаривать господство на море у сильнейшего противника и тем не допустить его до выполнения поставленных ему конечных, военных целей, т. е. прекращения морских сообщений обороняющейся стороны с внешним миром, высадки на ее побережье своей армии, содействия своей армии, действующей в приморских областях сухопутного театра войны.

НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ БОРЬБЫ ЗА ГОСПОДСТВО НА МОРЕ СОСТАВ МОРСКОЙ СИЛЫ

Во всех наших рассуждениях в двух предыдущих лекциях мы все время говорили, что только боевой флот, правильно составленный из надлежащих типов боевых судов, может решить поставленные ему задачи, т. е. прежде всего вести борьбу за господство на море. Теперь нам надо разобрать, каков же должен быть состав такого боевого флота, из каких классов боевых судов он должен состоять. Чтобы подойти к решению этого вопроса, возьмем самый общий случай, когда оба противника, стремясь к получению господства на море, хотят решить этот вопрос боем в открытом море. Такой бой, имеющий целью полное уничтожение своего противника, должен решиться ударами, наносимыми обоими противниками друг другу с наибольшей силой, которую только допускает современная военно-морская техника. Наиболее верным и мощным оружием, которым располагает современная морская техника для нанесения ударов своему противнику, является артиллерия: чем больше ее калибр и чем тяжелее ее снаряды, тем с большего расстояния и с большей меткостью она будет в состоянии наносить удары своему противнику. Чем крепче и тяжелее будут артиллерийские снаряды и чем большее они будут заключать в себе количество взрывчатого вещества, тем большие повреждения и разрушения они будут причинять неприятельскому кораблю. Для защиты корабля против таких чудовищных снарядов (вес снаряда 15-дюймовой пушки в 52 кал. длиной — $62^1/_2$ пуда) современная военно-морская техника покрывает борта и наиболее жизненные части корабля броней; кроме того, чтобы корабль не утонул от полученных им подводных пробоин, его подводную часть делят на большое число отделений, разделенных водонепроницаемыми переборками. Чтобы занять выгодное положение относительно своего противника, корабль должен обладать возможно большей скоростью. Артиллерия его должна быть

возможно более многочисленной и наилучше защищенной; механическое ее оборудование должно способствовать наискорейшему ее заряжанию и наиудобнейшей наводки ее на неприятеля...

Современная морская сила, для того чтобы быть способной выполнять возложенные на нее задачи и прежде всего бороться за господство на море, должна состоять из боевого флота, составленного из бригад линейных кораблей, линейных крейсеров, легких крейсеров и дивизионов миноносцев; для вспомогательной боевой службы в составе морской силы должны состоять подводные лодки, минные заградители и тральщики; кроме того, в зависимости от местных условий в качестве боевых вспомогательных судов могут еще быть созданы мониторы, сетевые заградители, речные канонерские лодки и проч. Наконец, для обслуживания нужд флота при нем должны состоять всякого рода транспорты, как-то: транспорты с углем или жидким топливом (нефтью); транспорты с водой (водолеи); транспорты с боевыми запасами, с провизией, со всякого рода запасами; транспорты-мастерские; плавучие госпитали и пр. и пр.

В состав действительно боеспособного флота, могущего осуществлять возлагаемые на него задачи в морской войне, должны входить все рассмотренные нами сегодня классы судов, в различном количественном соотношении их между собой. Тактический расчет действий флота во время выполнения им наиболее общего вида боевой операции, состоящей из выхода флота из его операционной базы, перехода в море и вступления в бой с неприятельским флотом, показывает, что наименьшим нормальным составом эскадры, могущей самостоятельно осуществлять свои боевые задачи, является следующий: две бригады линейных кораблей (по 4 корабля каждая); одна бригада линейных крейсеров (4 линейных крейсера); 4 бригады легких крейсеров (по 4 легких крейсера в каждой); 8 дивизионов миноносцев (по 4 миноносца в каждом). Число судов остальных классов судов в составе эскадры не является столь определенным и зависит от стратегического назначения эскадры, от характера театра войны, от соотношения в силах с противником, от расстояния места боевых действий (военной цели операции) до операционной базы и т. п.

Не останавливаясь подробно на этом вопросе, который входит в область морской тактики, мы перейдем теперь к рассмотрению частных боевых стратегических операций, из которых может состоять одна большая, общая операция — борьба за господство на море.

Но раньше, в заключение сегодняшней лекции, я считаю необходимым обратить ваше внимание на то, что, хотя, конечно, надлежащий состав и размер боевого флота, наличие

при нем надлежаще устроенной и оборудованной операционной базы, прочно связанной с соответственно организованной главной базой и тылом, т. е. со всей страной, и являются уже солидным фундаментом для нашей морской мощи, но главным залогом успеха морской силы является организованность, искусство, смелость и энергия ее личного состава. Сражаются и побеждают не стальные коробки кораблей, но находящиеся на них и управляющие ими люди; стреляют не пушки, но люди из них. Это главное условие успеха во всякой вооруженной борьбе, которое никогда нельзя забывать, увлекаясь техникой и сложной материальной частью флота. Для организованности же личного состава необходима прежде всего дисциплина, которая держится не страхом наказания, но сознанием своего долга, доверием к своим боевым начальникам и товарищам и пониманием своих задач.

* * *

И. М. ЛУДРИ

Иван Мартынович Лудри *(1895—1938). В 1919 г. — комендант Кронштадтской крепости, затем комиссар Онежской флотилии. В 1921 г. — начальник Морских сил Каспийского моря. В 1927 г. окончил Военно-морскую академию. Командующий береговой обороны Черного моря, начальник штаба Черноморского флота. С 1932 г. — заместитель начальника Морских сил РККА.*

Основные труды. *«Красный флот в составе Вооруженных сил Республики», 1927; «О тактике малого флота», 1928.*

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ АРМИИ И ФЛОТА

Статья И. М. Лудри «Красный флот в составе Вооруженных сил Республики» была опубликована в «Морском сборнике» в 1927 г. В ней И. М. Лудри развивал мысль о единстве и взаимодействии армии и флота. Эта проблема нашла свое конкретное выражение в первом Боевом уставе Военно-морских сил РККА (1930 г.).

...Как ни странно, а только на исходе десятого года существования Советской власти мы отмечаем факт единения флота с Красной Армией как особое достижение.

Как это могло случиться, что в стране, где и Красная Армия и Красный Флот пропитаны одной идеей защиты интересов трудящихся, обе части вооруженной силы шли разными путями?

Где корни этого расхождения?

«Борьба» морского ведомства с военным, «борьба» флота с армией — явление не местного порядка; эта борьба имела место не только и не столько у нас в течение революционных годов, а она шла непрерывно в недрах царской России; она не прекращалась и не прекращается в капиталистических странах за рубежом.

Размер настоящей статьи не позволит нам подвергнуть это «международное» явление более детальному анализу. Мы должны свою задачу сузить — проследить «историю борьбы за самостоятельность» Красного Флота и корни, из которых она выросла.

Часто пытаются это объяснить довольно примитивно: социальным положением старого офицерства. Антагонизм между флотским офицерством (сливки дворянства) и армейским, где немало людей «второго сорта», играл, безусловно, некоторую роль, но это все-таки не главное. Основная и наиболее горячая борьба шла между военным и морским ведомствами в более крупном масштабе по принципиальным вопросам.

Наличие двух ведомств, с двумя генеральными штабами, нужно было оправдать самостоятельными задачами каждого из них. Вся теория и история царского флота, по существу, к тому и сводится, чтобы доказать необходимость самостоятельного существования морского ведомства и флота, а для этого в свою очередь нужно было доказать наличие самостоятельных независимых от армии задач.

Если ходом событий (военных действий) флоты были подчинены сухопутным начальникам, то это расценивалось представителями флота чуть ли не как нарушение элементарных законов природы; все неудачи флота в борьбе с противником и пассивные его действия обыкновенно старались объяснить тем, что у флота была отнята инициатива, он выполнял «не свои», а несвойственные ему по духу природы задачи армии. Совершенно очевидно, что в этих условиях, когда армия и флот выполняли каждый «свои» задачи, до чрезвычайности был затруднен вопрос с подчинением морских крепостей (береговой обороны). В морских крепостях были заинтересованы как армия, так и флот. Действительно, нужны были соломоновы решения, чтобы удовлетворить и того и другого.

Нет ничего удивительного, что эта традиционная борьба флота и морского ведомства за свою самостоятельность, столь свойственная условиям царского режима и, казалось бы, не имеющая никакого оправдания при власти трудящихся, не была прервана даже Октябрьской революцией — ведь в руководящих органах флота в значительном большинстве оставались те же офицеры, воспитанные в духе самостоятельного флота.

Революцию во взглядах (и на деле) не в состоянии был произвести и тот политический состав, который вошел в руководящие органы в качестве комиссаров. Наоборот, он довольно быстро усвоил идею самостоятельности флота и становился фактически во главе этого «движения».

Мы знаем достаточно хорошо, что на многих партийных конференциях флотов и на совещаниях моряков-коммунистов вопрос о пресловутой самостоятельности занимал в повестке дня не последнее место.

Смешно было бы говорить, что это было сделано с целью ослабления мощи наших вооруженных сил. Кто станет утвер-

ждать, что член партии, выступающий в защиту самостоятельности морского комиссариата и полной самостоятельности флота, сделал это с расчетом ослабить мощь Красного Флота? Наоборот, в этом видели единственно правильную дорогу.

Мы далеки и от того, чтобы бросить это обвинение старым специалистам, которые в продолжении десяти лет служили добросовестно в рядах Красного Флота. Если эти нездоровые взгляды о самостоятельности флота и о несовместимости его задач с задачами Красной Армии имели место и проскальзывают еще в настоящее время, то это в первую очередь нужно отнести за счет старой школы царского флота, которая не могла и не хотела понять, *что морские силы не имеют задач, лежащих вне задач по обороне Союза, поставленных перед Красной Армией в целом* (приказ н-ка Военноморских сил РККА № 218 от 4 сентября 1926 года).

Однако несправедливо было бы «принять всю вину на себя». Может быть, были еще другие причины, влияющие на «историю борьбы за самостоятельность»?

Да, были.

Одной из таких причин можно и нужно признать недостаточное понимание сухопутными начальниками специфических свойств флота и его возможностей... Нас могут после этого аргумента прервать с заявлением, что эта причина толкала и офицерство старого флота на борьбу за самостоятельность. Этим аргументом в самом деле обычно прикрываются.

Мы не возражаем, что это имело место, но нам известны случаи, когда сухопутное командование задачи (стратегические) и возможности флота понимало лучше морского. Возьмем хотя бы пример из недалекого прошлого — задачи Балтийскому флоту в мировую войну. Нам представляется, что даже такая несправедливость, как лишение командующего флотом права использовать по своему усмотрению линкоры типа *«Севастополь»*, была разумна, поскольку морское командование показало, что оно своими «порывами» далеко от понимания общих стратегических задач и не только сочиняет свои задачи и планы, не имеющие значения для армии, но, наоборот, может создать угрозу флангу армии в случае потери судов в чисто морских операциях.

Мы несколько уклонились. Одной из причин, таким образом, являлось недостаточное понимание сухопутными начальниками в гражданскую войну возможностей флота, вернее флотилий, так как в основном совместные действия имели место в районе рек и озер. Автору настоящей статьи известны случаи в гражданскую войну, когда начальник дивизии, которому была оперативно подчинена флотилия, поставил флотилии явно невыполнимые задачи — высадить десант там, где из-за малых глубин вообще плавание не было возможно; на

десятиверстке район был обозначен синим цветом, который означает воду, и этого считали, по-видимому, достаточным.

Но и такие анекдотические случаи не должны были дать никакого права на крики о самостоятельности — ведь этим дела все равно нельзя было исправить. Гораздо разумнее было в таких случаях совместно обсуждать возможности флотилии, а вслед за обсуждением ставить задачи. Так это в большинстве случаев и делалось.

Вторая причина, которая наталкивала моряков на этот спор — ликвидаторское настроение. В кругах военных работников, даже среди партийных, особенно после Кронштадтского мятежа, господствовало мнение, что флот для СССР вообще не нужен, и не случайно вопрос о флоте решался в высшем органе власти — на Съезде Советов.

Как иллюстрацию неустойчивости взглядов о месте флота и его задачах среди таковых вооруженных сил СССР в целом, можно демонстрировать и здесь вопрос с береговой обороной, которая по несколько раз переходила из рук сухопутного командования во флот и обратно.

Нерешенным до сего времени еще многие считают вопрос с военно-воздушными силами моря, роль которых по отношению к морским силам данного моря и вооруженным силам вообще, как оружия более нового, является спорной. В этом вопросе сторонники создания на наших морских театрах линейных авианосцев находят в некоторых кругах если и не горячую, то по крайней мере весьма теплую моральную поддержку.

В данное время вопрос об единстве всех родов оружия у нас в значительной степени решен. Мы говорим в «значительной степени», считая, что перед нами в этой области еще целый ряд нерешенных вопросов. В будущей войне, когда границы между фронтом и тылом, по существу, будут стерты и когда в войну будут вовлечены не только средства военного ведомства, но и других комиссариатов, необходима максимальная увязка фронта с тылом и точность в действиях (до степени работы часового механизма) самого военного аппарата, включая сюда все рода оружия, в том числе и морской флот. Нужна последовательная увязка, начиная с Реввоенсовета Республики и кончая местными соединениями на театре.

В лице Реввоенсовета Республики, куда входят представители морского и воздушного флота, мы имеем высший орган командования, обеспечивающий в достаточной степени охват всех родов оружия. Что касается оперативного его органа — штаба РККА — этого мозга армии, откуда должны протягиваться по всем направлениям нити оперативного руководства (нервы), то и в этом отношении в смысле единства

за последние годы сделано много. Никто по крайней мере уже вслух не мечтает об отдельном морском генеральном штабе.

Таким образом, вопрос высшего командования, который являлся камнем преткновения в царской России, который не поддается решению во многих капиталистических странах, у нас решен достаточно удачно.

Труднее обстоит обыкновенно дело, когда вопрос идет о взаимодействии различных родов оружия на театре.

Нам представляется, что лучше всего наши достижения в этой области можно проследить на фоне ежегодных маневров.

В первые годы мы считали для себя достижением, когда флот в продолжении нескольких дней выполнял отдельные изолированные от армии тактические упражнения. В последующие годы в состав единиц, участвующих на маневрах морских сил, постепенно были введены воздушные силы и береговая оборона. Это уже в значительной степени усложнило ход маневров и требовало как со стороны командования, так и со стороны личного состава большего опыта и знаний.

В последние годы маневры устраивались совместные с частями Красной Армии, а на последние Одесские маневры было привлечено и гражданское население, причем основным моментом в маневрах была десантная операция, как наиболее сложная и требующая наибольшей четкости в своем выполнении...

В общем операция слагалась из следующих отдельных эпизодов: для «красной» стороны посадка десанта сухопутных частей на суда в районе Николаева, переход до места высадки в Одесскую бухту, охрана десанта во время перехода от атак воздушных и морских сил «синих» и сама высадка; при этом морские силы «красных» должны были обеспечить операцию, произвести артиллерийскую подготовку района высадки, прикрывать высадку, развертывание и продвижение высаженных частей. «Синяя» сторона, естественно, должна была оказывать при всех этих этапах сопротивление, сделать высадку невозможной или, насколько возможно, ослабить силы противника, располагая для этой цели всеми средствами (морским и воздушным флотом, береговой артиллерией и сухопутными войсками).

Из этого перечня основных этапов десантной операции достаточно ясно видно, сколь необходима была увязка во взаимодействии всех родов оружия. Конечно, нельзя говорить о сравнении этой операции с действиями часового механизма, но можно без преувеличения из опыта проведенных маневров сказать, что в области совместных действий морских и воздушных сил с армией достигнуты весьма удовлетворительные результаты.

Независимо от практических результатов маневров, они значительно способствовали установлению единого взгляда на роль и возможности морского и воздушного флотов. Они лишний раз дали возможность убедиться, что в составе вооруженных сил Союза нужны все рода оружия, что нельзя заменять одно другим.

Таким образом, констатируя значительные достижения в деле сплочения морского флота с Красной Армией, мы считаем, однако, что в этой области предстоит еще упорная работа.

Итак:

1. Необходимо твердо помнить, что флот не имеет самостоятельных, независимых от Красной Армии, задач. Флот может и должен иметь самостоятельные операции в пределах задач, поставленных сухопутным командованием. В этом направлении должна вестись дальнейшая идеологическая подготовка личного состава морских сил, который в этом отношении подкован еще весьма слабо.

2. Командный состав, а в первую очередь высший как армии, так и флота, должен быть хорошо ознакомлен со всеми родами оружия. Только тот начальник может поставить правильные и выполнимые задачи, который достаточно знаком со свойствами оружия подчиненных ему частей. Этим обусловливается необходимость соответственной разработки программ военных школ и в особенности — академий.

3. Совместные занятия морских сил с армией должны вестись не только на маневрах, но и в другое время.

Широко должны практиковаться совместные полевые поездки и военные игры.

4. Необходимо дальнейшее уточнение аппарата командования в центре и на местах.

5. В дифференциации морских сил на театре (флот, береговая оборона и военно-воздушные силы моря) нужна большая четкость. Нужно учесть удельный вес каждого элемента морских сил. К неверным результатам, например, может привести система оценки береговой обороны лишь как средства защиты базы флота, а не как боевых средств морских сил.

Эти краткие пожелания, далеко не исчерпывающие, смогли бы значительно способствовать сплочению Красного Флота с Красной Армией на почве боевой подготовки к грядущим событиям.

(И. М. Лудри. «Красный Флот в составе Вооруженных сил Республики». «Морской сборник», 1927 г., № 10, стр. 23—28.)

* * *

К. И. ДУШЕНОВ

Константин Иванович Душенов *(1895—1940). В 1916—1917 гг. — унтер-офицер на крейсере «Аврора». Активный участник гражданской войны. В 1928 г. окончил Военно-морскую академию. Командовал учебным судном «Комсомолец». Начальник штаба Черноморского флота и командующий Северной военной флотилией.*

Основной труд. *«К истории вопроса о «малой войне» на море», 1928.*

К ИСТОРИИ ВОПРОСА О „МАЛОЙ ВОЙНЕ" НА МОРЕ

Статья «К истории вопроса о «малой войне» на море» была опубликована в «Морском сборнике» в апреле 1928 г. В этой статье К. И. Душенов обосновывал роль, место и задачи Военно-Морского Флота в обороне СССР, подвергнув критике взгляды проф. Петрова, стремившегося доказать нецелесообразность подчинения флота сухопутному командованию.

Разговоры об «активно проливных идеях», о «малой войне», о «тактике малого флота», о «морской стратегии», о «морском генеральном штабе», о «самостоятельности задач флота» и пр. берут свое начало с 1924 г. и наибольшей своей остроты они достигли в первой половине 1927 г. К этому времени со всей отчетливостью определилась борьба двух идей, которая происходила устно в кругу ограниченного числа лиц. В настоящее время эта дискуссия перешла на страницы нашего журнала *.

Чтобы ввести широкого читателя в курс дела, мы принуждены вскрыть основные причины и истоки этой дискуссии.

История вопроса такова.

Практики фронтов гражданской войны — коммунисты, придя в Военно-морскую академию и другие военно-морские учебные заведения, решили научно овладеть военно-морским делом, осмыслить свой опыт и произвести необходимую ревизию в учении буржуазных школ о войне на море с точки зрения диалектического материализма.

---

* Статьи Муклевича и Лудри — «Морской сборник» № 10 за 1927 г. и ст. Муклевича и Петрова — «Морской сборник» № 2 за 1928 г.

Эта неизбежная ревизия, подрывающая главные устои старой военно-морской науки и авторитет людей, которые проводили и поддерживали ее, конечно, не могла встретить доброжелательного к себе отношения. Считаясь с весьма ответственной работой и тяжелой перспективой борьбы, на первое время пришлось ограничиться задачей — открыть широкую дорогу молодой коммунистической мысли к военно-морским знаниям, преодолевая консерватизм старой военно-морской мысли, пропитанной иной идеологией.

Такие попытки нашли свой горячий отклик в известной части работников на морских силах, которые проявили значительный интерес к обсуждению поставленных актуальных вопросов.

С этих пор медленно и постепенно формировались мнения и взгляды на ряд военно-морских научных и практических вопросов.

Из сопоставления вновь формирующихся взглядов со взглядами старой школы и возникла дискуссия, которая частично ныне вынесена на страницы «Морского сборника».

В чем сущность этой дискуссии?

Сущность ее состоит в борьбе вновь формирующихся советских идей по вопросам строительства и использования военно-морских сил с идеями старой школы, механически перенесенными на почву Красного Флота и пытавшимися предопределить темп и характер его строительства и способы его использования.

Такой теории и практике слушатели академии, овладевающие постепенно военно-морскими знаниями, противопоставили свой взгляд, свои выводы, увязывая их с экономикой, политикой, стратегией и всем комплексом вопросов, находящихся в своем последовательном развитии, как с базой, на которой может быть построено правильное понимание вопросов строительства, боевой подготовки и использования военно-морских сил.

Для лучшего уяснения и сравнения того, в какой мере и в каком направлении неприемлемые для Красного Флота идеи и практика прошлого проникают в настоящее, необходимо в нескольких словах осветить характерные особенности развития царского флота.

Характерными особенностями в развитии этого флота являются:

1) несоответствие планов строительства флота экономическому развитию страны;

2) темп роста флота в разные периоды времени не соответствовал характеру политики правящего в то время класса;

3) полное отсутствие согласованности между армией и флотом в подготовке вооруженных сил в целом. Флот сам определял «главное операционное направление», самостоятельно ставил задачи, не увязывая их с армией, которая по-своему намечала и операционное направление и задачи.

К чему же в основном стремилось царское правительство и моряки старого флота? Они стремились на «океанский простор», на «широкие морские пути». А так как всеми выходами из русских вод владели другие государства, то нужно было эти выходы захватить.

Этим и определялась линия строительства флота. Такая линия поведения царского правительства и моряков старого флота очень метко характеризована тов. Кожановым, как генеральная линия «активно-проливных идей».

Намерениям по самостоятельному осуществлению «активно-проливных идей» вполне соответствовала и организация, которая заключалась:

1) в самостоятельности морского министерства, мало в чем желавшего идти на взаимодействие с армией;

2) в самостоятельности морского штаба и впоследствии морского генерального штаба, находящихся вне связи или согласованности в своих решениях с сухопутным генеральным штабом;

3) в самостоятельности сметы и проч.

К чему же вся эта активно-проливная политика, оторванная от реальной экономической базы, при обособленности организации приводила? Она приводила к тому, что *готовились по одним планам, а воевать приходилось по другим, по которым и были всюду разбиты...*

Имея перед собой главные характерные особенности в строительстве царского флота, мы должны сказать, что такая вопиющая нелепость имела известное отражение в тех планах и проектах, которыми хотели предопределить темп и характер развития Красного флота.

К счастью этим проектам не суждено было осуществиться на практике...

(«Морской сборник», № 4, 1928 г., стр. 29—31.)

* * *

А. М. ЯКИМЫЧЕВ

Александр Михайлович Якимычев *(1897—1938). В 1917 г. окончил школу морских летчиков, а в 1926 г. — военно-морской факультет Военно-морской академии. С 1928 по 1931 г. адъюнкт и преподаватель Военно-морской академии. В 1934 г. — помощник военно-морского атташе в США.*

Основные труды. *«Война «малым (слабым) флотом» и «Малая война» в эпоху парового флота», 1928; «Угроза базам флота по опыту войны 1914—1918 гг.», 1932.*

ВОЙНА „МАЛЫМ (СЛАБЫМ) ФЛОТОМ" И „МАЛАЯ ВОЙНА" В ЭПОХУ ПАРОВОГО ФЛОТА

Статьи А. М. Якимычева «Война «малым» (слабым) флотом» и «Малая война» в эпоху парового флота», опубликованные в 1928 г., посвящены рассмотрению актуального вопроса того времени — характеру строительства Военно-морских сил СССР. В этих статьях А. М. Якимычев подверг критике высказывания представителей так называемой «старой школы», теоретической основой которых являлась «теория владения морем». Он противопоставлял ей точку зрения «молодой школы» военно-морских специалистов, считавших наиболее целесообразным способом ведения войны с противником, обладающим сильным надводным флотом, «малую войну».

К ИСТОРИИ ДИСКУССИИ О «МАЛОЙ ВОЙНЕ»

До 1922—1923 гг. вопрос о «Малой войне» почти не обсуждался в нашей военно-морской печати. Впервые дискуссия о «малой войне» была поднята слушателями военно-морского факультета в порядке прохождения курса кафедры «Стратегия». Если память не изменяет, дискуссия слушателей с руководителями кафедры возникла по вопросу «теории владения морем», правильнее — о методах и средствах достижения «владения морем», а еще точнее — выполнял ли бы свое назначение огромный английский флот, «владевший» океанами, при наличии четверного увеличения немцами количества подводных лодок в начале т. н. «беспощадной» подводной войны? В результате довольно-таки горячей дискуссии руко-

водитель кафедры признал, что с появлением на сцене новых средств войны на море (подводный и воздушный флот) «теория владения морем» получила некоторую трещину. Коль скоро официальная доктрина в глазах реалистически настроенных слушателей оказалась скомпрометированной, начались «поиски» новых теорий войны на море. Само собой разумеется, подобная теория не могла быть создана в короткий срок *, однако жизнь властно требовала ответа на основные вопросы нашей военно-морской действительности, особенно в связи с выявившейся угрозой со стороны английского империализма (нота Керзона в 1923 г.).

Актуальнейшим из основных военно-морских вопросов являлся (и является) вопрос о *характере строительства морской вооруженной силы СССР* **. Ответы на вопрос, какая военно-морская сила нужна СССР, ярко выявили три основных течения в нашей военно-морской среде, сущность которых мы и постараемся вкратце изложить.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ «СТАРОЙ ШКОЛЫ»

Опыт морских войн выявляет следующие цели войны на море: а) *перерыв неприятельских морских путей сообщения* (и защита своих), б) *захват неприятельского побережья* или *угроза последнему* (и обеспечение своего побережья).

Достижением обеих целей разрешаются *все* задачи, стоящие перед флотом той или иной стороны.

Перечисленные цели войны на море в полной мере и в кратчайший срок могут быть достигнуты лишь при условии абсолютного *«владения морем»*.

Основными способами для достижения «владения морем» (абсолютного) являются *уничтожение неприятельского флота в решительном бою или осада базы флота противника* (в некоторых войнах осада базы флота заменялась блокадой флота в базе).

Главное средство боя — *артиллерия*, а так как наиболее мощная артиллерия помещается на *линейных кораблях,* обладающих к тому же и наибольшей живучестью, то, очевидно, только линейный флот, являющийся *становым хребтом*

---

* Так, например, Мэхен на разработку своего труда «Naval Strategy» затратил 24 года упорной работы, а Штенцель подобный же труд, как известно, так и не закончил в продолжение своей жизни.

** Кратко излагая сущность различных взглядов по вопросу характера строительства Военно-морских сил СССР, мы считаем необходимым сделать следующие оговорки: 1) под «школой» понимается не собственное значение этого слова, а группа военно-морских работников, одинаково мыслящих по данному вопросу; 2) первую и вторую группировки, наиболее различающиеся, мы назвали «школами» в целях удобства и простоты изложения статьи, а прилагательное к «школе» ввели для отличия их.

всякого правильно организованного флота, в состоянии достигнуть вышеперечисленных целей в войне на море.

Принимая во внимание 1) протяженность береговой полосы нашего государства и ее значение в военное время; 2) все более и более увеличивающуюся нашу внешнюю торговлю, производимую через наши морские порты; 3) возглавление антисоветского блока государством, обладающим сильнейшим в мире линейным флотом — в случае нападения на СССР империалистических государств, задачи, вытекающие из проблемы обороны побережья и значения морских торговых путей для обеих сторон, могут быть разрешены такой военно-морской силой, которая в состоянии решить проблему «владения морем». Такой военно-морской силой до сих пор является правильно организованный флот, ядро которого — *линейные корабли*. Колебания и ошибки в деле создания линейного флота могут иметь чреватые последствия, судя по опытам Франции и России в последней четверти прошлого столетия *.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ «МОЛОДОЙ ШКОЛЫ»

В вопросе характера строительства морской вооруженной силы СССР «молодая школа» пришла к иным выводам на основании следующих основных соображений.

С момента захвата государственной власти пролетариатом внешнее и внутреннее положение нашей страны *в корне* изменилось. В частности, в военно-морской политике России, неразрывно связанной с общей политикой ее, произошли после Октябрьской революции коренные изменения, выразившиеся в том, что Советское правительство вынуждено иметь военно-морскую силу исключительно для защиты завоеваний Октября, а не с целью агрессивных намерений в отношении своих соседей, что распределение национального дохода в Советском государстве иное, чем в царской России, что Советское государство в числе своих вероятных противников имеет коалицию, возглавляемую государством, обладающим первоклассным надводным флотом, в то время как царская Россия, состоявшая в известных договорных отношениях с Францией и Англией (государства, обладающие вместе колоссальным флотом), готовилась к войне на море против турецкого флота и *части* германского флота, что Совет-

* Основные положения «старой школы» о сущности войны на море, а значит и по вопросу характера строительства морской вооруженной силы СССР нашли наиболее полное отражение в докладе проф. Военно-морской академии Б. В. Жерве «Флот морской и флот воздушный», прочитанном в аудитории В.-м. научного общества (В.-м. академии) в 1923 г., и в популярной брошюре того же автора «Значение морской силы для государства».

ское государство на одном из важнейших своих морских театров обладает лишь одним военно-морским портом, в то время как царская Россия на Балтийском море обладала несколькими более или менее оборудованными и в общем выгодно расположенными военно-морскими портами, что развитие методов и средств войны на море претерпело сильное изменение по сравнению с периодом, предшествовавшим мировой войне, и, наконец, что над царской Россией не висел «дамоклов меч» в виде интервенций, в то время как в Советском государстве проблема интервенции является злободневным вопросом.

Изменение обстановки в военно-морской политике нашей страны, очевидно, не может не отразиться на основном вопросе военно-морской действительности СССР — *характере нового строительства морской вооруженной силы пролетарского государства.*

В данном вопросе «молодая школа» в соответствии с изменившейся обстановкой пришла к следующим выводам.

Советское государство переживает период «мирной передышки». Антисоветский блок, возглавляемый Англией, принимает все более и более отчетливые формы. В случае войны судьбы Советского государства, а значит, и пролетарской революции будут решаться на сухопутном фронте войны, следовательно, морское направление по отношению к сухопутному явится лишь вспомогательным. Советское правительство, лихорадочно восстанавливая хозяйство страны (базис войны), не может уделить соответствующих средств на флот в таком размере, как это делало в свое время царское правительство. Ввиду огромной стоимости современных крупных кораблей наше государство не в состоянии в ближайший период времени построить мощный линейный флот, *постройкой же «малого (слабого) линейного флота» мы сыграем лишь на руку нашим вероятным противникам.* Мы должны найти *иные* пути и иные средства для борьбы на море с нашими вероятными противниками. Наиболее для нас приемлемым способом ведения войны с противником, обладающим сильным надводным флотом, является «Малая война», поэтому в соответствии с основной задачей нашей морской вооруженной силы (оборона важнейших направлений и объектов на нашем побережье) и условиями наших морских театров нам *целесообразно начать развитие морских вооруженных сил со средств «Малой войны» и береговой обороны* (в узком смысле слова). Из активных средств «малой войны» в *первую очередь* необходимо построить средства, не поддающиеся или мало поддающиеся блокаде (авиация, подлодки, торпедные катера и пр. быстроходные легкие силы надводного флота). В принципе «молодая школа» не отвергает линейный флот, но создание последнего считает целесо-

образным и возможным при развитии мощной материальной базы (т. е. когда будет создана мощная тяжелая индустрия, без которой мы не в состоянии *дешево*, а главное *быстро* строить крупные военные корабли) и прочих соответственно изменившихся условиях. В настоящее же время в вопросе крупного военного судостроения целесообразно ограничиться лишь теоретическими изысканиями и опытами (в широком масштабе).

Приверженцами «молодой школы» является наша «молодежь», получившая законченное военно-морское и (политическое) образование в Военно-морской академии, с одной стороны, и с другой — некоторые представители военно-сухопутных кругов, сталкивающиеся по тем или иным причинам с военно-морскими проблемами.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ПРОФЕССОРА М. А. ПЕТРОВА

Судя по последним выступлениям проф. М. А. Петрова в печати, на собраниях, а также на основании личных бесед автора настоящей статьи с М. А. Петровым, взгляд последнего по вопросу строительства и подготовки морской вооруженной силы РККА сводится к следующим основным положениям:

1. Коль скоро судьбы Советского государства в случае нападения на него империалистических государств будут решаться на сухопутном (главном) фронте войны, на морскую вооруженную силу СССР ложится вспомогательная задача.

2. Ввиду зависимости операций нашего флота от операций армии неопровержимая в принципе «теория владения морем» неприемлема для нашего «малого флота».

3. Несмотря на зависимость операций нашего «малого флота» от операций армии, боевая деятельность флота не дожна ограничиваться защитой каких-то «рубежей», иначе говоря нашему «малому флоту», хотя и связанному с армией единой стратегической задачей, должна быть предоставлена широкая инициатива в своей области.

4. Наш «малый флот» в случае войны вынужден вести «малую войну», широко используя условия обстановки на театре.

5. Ввиду того что во всякой боевой операции флота заложена идея боя, следовательно, «малый флот» должен обладать надлежащим средством для ведения боя и, само собой разумеется, должен отлично научиться им пользоваться. Во главе угла учебно-боевой подготовки — маневр.

6. Основным средством боя является артиллерия, а так как самая мощная артиллерия помещается на линейных кораблях, к тому же обладающих и наибольшей живучестью, то, очевидно, на линейный флот мы и должны главным образом обратить сугубое внимание.

7. Прочие боевые средства морской силы по отношению к линейному флоту, хотя бы и «малому», имеют вспомогательное значение и должны развиваться (строиться) не в ущерб *линейному флоту* — основному ядру морской силы.

ТЕОРИЯ «СТАРОЙ ШКОЛЫ» О ВОЙНЕ НА МОРЕ НЕПРИЕМЛЕМА В НАШИХ УСЛОВИЯХ

Нетрудно понять, что доктрина «старой школы» о ведении войны на море встретила жестокий отпор и не только со стороны нашей военно-морской «молодежи». «Теория владения морем» не встретила отклика не потому, что она не хороша, а потому, что она *механически* переносится в наши условия, отличные, как известно, от таковых великих морских держав. Весьма почтенные представители «старой школы», оторвавшись от условий нашей действительности, видят перед собой лишь идеал, от чего предостерегает не менее почтенный профессор Свечин, говоря: «Стратег и политик, которые будут считаться только с конечным идеалом и не учтут реальностей сегодняшнего дня, окажутся в положении крыловского метафизика». Изучение же условий нашей действительности привело представителей «молодой школы», а в последнее время, по-видимому, и проф. М. А. Петрова к выводу, что основная цель по «теории владения морем»: «разбитие и тесное заблокирование противника» — «при известном соотношении сил, становится столь трудно достижимой и столь отдаленной (а в иных случаях вовсе недостижимой), что ставить ее в край угла стратегии «малого флота» — не приходится, тем более, что она ему непосильна». Следует ли из вышеизложенного, что мы можем «отмахнуться» от неприемлемой для нас в настоящий период времени «теории владения морем»? Очевидно, не можем, ибо «теория владения морем», являющаяся «символом веры» наших вероятных противников, также тяготеет над нами, как над ними (нашими врагами) тяготеет, например, «призрак коммунизма». Какое значение приобретает для нас «теория владения морем»? А вот какое: *если мы будем вынуждены воевать с государством, обладающим мощным флотом, то мы для борьбы с ним на море должны строить: или линейный флот, не уступающий по силе противнику, или средства «малой войны», способные парализовать его флот*. Построить линейный флот, способный к единоборству с мощным флотом нашего вероятного противника, СССР еще долгое время будет не в состоянии, следовательно, *мы должны строить в первую очередь средства «малой войны»*. Третьего решения быть не может, ибо оно явится лишь на руку нашим вероятным противникам.

(«Морской сборник», 1928 г., № 9, стр. 44—49.)

УГРОЗА БАЗАМ ФЛОТА ПО ОПЫТУ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

Статья А. М. Якимычева «Угроза базам флота по опыту войны 1914—1918 гг.» была опубликована в 1932 г. в журнале «Морской сборник». В этой статье А. М. Якимычев обосновывал необходимость заблаговременного создания трех фронтов обороны военно-морских баз: со стороны моря, сухопутного и противовоздушного. Впервые в советской военно-морской литературе им был поставлен вопрос о конкретных мерах усиления круговой обороны военно-морских баз. В сборнике помещены наиболее важные положения из этой статьи.

Тема доклада является для нас весьма актуальной, ввиду того что СССР имеет военно-морские базы на четырех (из пяти) морских и двух речных практически изолированных друг от друга театрах. До войны 1914—1918 гг. вопросам базирования флота по военному времени надлежащего внимания не уделялось. Даже такие государства, как Англия, считали вопрос о базах флота вопросом второстепенным, и в результате те базы, которыми перед войной 1914—1918 гг. располагал английский флот, оказались не отвечающими требованиям для ведения войны с Германией. Вопрос базирования для Англии и других стран Антанты особенно усложнился после появления немецких подводных лодок, снабженных дизелями...

Следовательно, первый вывод из опыта войны 1914—1918 гг. тот, что строительство и оборудование баз флота не должно отставать от строительства самого флота. Флот должен в любой момент своего существования чувствовать себя во время пребывания в базе в полной безопасности.

Опасности, угрожающие базам флота, классифицируются в зависимости от свойств отдельных элементов вооруженной силы, действующих на суше, на воде или в воздухе.

I. ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ БАЗАМ ФЛОТА С СУШИ

Опыт морских войн эпохи парового флота показывает, что базы флота неизменно захватывались неприятелем с суши, например, Севастополь, Сант-Яго, Порт-Артур, во время империалистической войны: Циндао, Либава, Рига, Ревель, Гельсингфорс, анатолийские порты, австрийские порты южной Адриатики, Констанца и др., и, наконец, даже Вильгельмсгафену грозила участь быть взятым с суши при отступлении германских армий в 1918 г. ...

Основные требования, предъявляемые к сухопутному фронту современной базы-крепости, коей грозит опасность

захвата с суши, суть: 1) сухопутный фронт базы-крепости должен представлять собой систему укрепленного района и 2) база-крепость должна иметь гарнизон из полевых войск.

II. ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ БАЗАМ ФЛОТА С МОРЯ

Если флоту угрожает опасность как в самой базе, так и при выходах (и входах) из нее, то такую базу нужно признать не отвечающей своему назначению.

С моря базам и флоту, на них базирующемуся, угрожают: а) обстрел с моря корабельной артиллерией противника; б) закупорка активными минными заграждениями и брандерами; в) атака торпедным оружием (подлодки, торпедные катера).

Обстрел с моря. Обстрел с моря баз флота корабельной артиллерией имел место в войну 1914—1918 гг. на всех морских театрах. Операции обстрела можно классифицировать по двум основным признакам (категориям):

1) обстрел баз, защищенных артиллерией количественно, и в особенности качественно, более слабой, чем у кораблей, производящих обстрел;

2) обстрел баз, защищенных артиллерией, равноценной или более сильной, чем у кораблей, производящих обстрел...

Основные выводы:

1. При отсутствии достаточно сильного линейного флота наилучшей защитой баз от обстрелов с моря является комбинация артиллерийских, авиационных и минных средств.

2. Артиллерийские средства базы должны быть равноценны, а еще лучше более мощны по сравнению с наиболее мощной корабельной артиллерией противника. Дальность огня приобретает особенно большое значение.

3. Живучесть береговой артиллерии больше, нежели корабельной (одинаковых калибров).

4. В состав береговой обороны должна быть включена авиация, потому что стрельба на сверхдальних дистанциях стала немыслимой без воздушной корректировки.

Закупорка баз активными минными постановками. «Мина — оружие неподвижное, но она может иметь весьма наступательный характер»,— отмечает Дьюар в Британской энциклопедии. За время империалистической войны из 78 погибших линкоров и крейсеров от мин заграждения погибло 23%, из 120 эсминцев — 57%, из 170 подлодок — 27%. Использование мин заграждения в войну 1914—1918 гг. получило массовый характер. Так, например, центральными державами было выставлено около 50 000 мин, а Антантой — около 160 000. Что касается активных минных заграждений, то их, по опыту войны 1914—1918 гг., следует рассматривать в

качестве одного из основных активных средств ведения войны на море. Действительно, англичане, например, выставили в Гельголандской бухте свыше 20 000 мин, а в Канале и у берегов Фландрии — свыше 33 000. Россия в южной и средней Балтике выставила не менее 4000 мин и в Черном море — 6880 (из них против Босфора 6620 мин) и т. д. ...

Основные выводы:

1. Мины заграждения, поставленные на подходах к неприятельским базам по определенной системе и в массовом масштабе, представляют для флота весьма серьезную опасность.

2. Флот, в особенности относительно слабый, связываемый активными минными заграждениями, при базировании на одну имеющуюся на театре базу может во время войны быть поставлен в трудное положение.

3. Основными мероприятиями по парализованию минной опасности являются: а) инициативное ведение активных минных операций у баз противника, б) наличие нескольких оборудованных баз для своего флота, в) наличие большого количества тральщиков *.

Закупорка баз брандерами. Данный вид операций относится, как показал еще опыт русско-японской войны, к числу редких и трудно выполнимых. В империалистическую войну было произведено три операции по закупорке баз флота...

Основные выводы:

1. Операции по закупорке баз флота редки, трудно выполнимы, но возможны и впредь.

2. Затопленные на подходах к базе специально приспособленные для этой цели брандеры могут на продолжительное время закупорить в базе крупные корабли.

3. Мерами предупреждения опасности внезапной закупорки базы флота служат: а) непрерывная разведка баз и флота противника и б) непрерывный и достаточно сильный дозор перед своей базой...

III. ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ БАЗАМ ФЛОТА С ВОЗДУХА

Воздушные операции против морских баз и портов в войну 1914—1918 гг. имели место на всех главнейших театрах, но особо важную роль налеты авиации сыграли в Северном море и в Адриатике. Фактические данные о результатах воздушных бомбардировок баз флота носят, за некоторым исключением, довольно скудный характер, поэтому на основании приводимого здесь материала можно получить лишь приближенное представление о роли воздушных сил в атаках баз морских сил...

---

* В английском флоте в войну 1914—1918 гг. было до 3200 тральщиков, в германском — 555, а в русском Балтийском — 71.

Основные выводы:

1. Если в войну 1914—1918 гг. базы морских сил и даже небольшие города подвергались разрушению, то в будущую войну ввиду наблюдающейся крайней неравномерности развития бомбардировочной авиации и средств противовоздушной обороны вообще (баз флота, в частности) следует ожидать со стороны индустриально развитых стран еще более эффективных бомбардировок с воздуха.

2. Атак бомбардировочной авиации на базы морских сил следует ожидать и днем, и ночью, причем днем — характера сосредоточенного (массированного), а ночью — рассредоточенного, но, как правило, непрерывного.

3. Основной метод противовоздушной обороны баз морских сил — разумная репрессия средствами тяжелой бомбардировочной авиации, могущей действовать и днем, и ночью.

4. Наряду с репрессивными налетами на морские базы противника ни в коей мере не следует упускать из виду и средств базовой противовоздушной обороны, из которых истребительная авиация (дневного и ночного действия), зенитная артиллерия с ее вспомогательными средствами (прожекторы-искатели, звукоулавливатели и пр.), непосредственная пассивного характера защита боевых сил (железобетонные и иного рода укрытия), утопление хозяйственных помещений в землю, рассредоточение и дублирование ремонтных мастерских, электростанций и других обслуживающих морские силы в базе хозяйственных организаций имеют первостепенное значение.

Заканчивая, я должен еще раз подчеркнуть все значение проблемы базирования морских сил, проблемы, вставшей в результате опыта войны в новом освещении. На две самые важные, по моему мнению, опасности, угрожающие базе флота и флоту, находящемуся в ней, надо обратить главное внимание, а именно на активные минные заграждения, выставленные в массовом количестве перед базой, и массовые бомбардировки ее тяжелой авиацией. Эти методы и средства были наиболее опасными для баз флота и самого флота, находящегося в базе. Нужно помнить, что мин заграждения в империалистическую войну было выставлено более сотни тысяч, а ведь данному средству войны все морские державы, за исключением России, не придавали почти никакого значения. Не следует забывать и современного роста тяжелой бомбардировочной авиации, количественно, и в особенности качественно, растущей бурными темпами во всех странах мира. Следует также иметь в виду и то, что та из воюющих стран меньше всего понесет потерь, которая с самого начала войны захватит

инициативу ведения операций против морских и иных баз противника в свои руки.

(А. Якимычев. «Угроза базам флота по опыту войны 1914—1918 гг. «Морской сборник», 1932 г., № 3, стр. 27—38, 46—48.)

★ ★ ★

А. П. АЛЕКСАНДРОВ

Александр Петрович Александров *(1900—1945). Контр-адмирал, активный участник гражданской войны. В 1927 г. окончил Военно-морскую академию и курсы адъюнктов Ленинградского отделения Коммунистической академии. С 1928 по 1934 г. — начальник кафедры стратегии и оперативного искусства Военно-морской академии. В период Великой Отечественной войны камандовал флотилиями, был начальником штаба Краснознаменного Балтийского флота.*

Основные труды. *«Критика теории владения морем», 1932; «Операция подводных лодок» (совместно с И. С. Исаковым и В. А. Белли), 1933; «Противодесантная операция», 1933; «Операция на морских сообщениях», 1934.*

И. С. ИСАКОВ

Иван Степанович Исаков *(род. в 1894 г.). Член-корреспондент Академии наук СССР. Адмирал флота Советского Союза. Лауреат Государственной премии. На военно-морской службе с 1914 г. Активный участник гражданской войны. В 1929 г. окончил Высшие академические курсы Военно-морской академии. В 1933—1938 гг. — начальник штаба, затем командующий Балтийским флотом. С января 1938 г. — заместитель Народного комиссара Военно-Морского Флота СССР, начальник Военно-морской академии. В период Великой Отечественной войны был начальником Главного штаба Военно-морских сил, членом Военного совета Ленинградского, Северо-Кавказского направления и Закавказского фронта. Ответственный редактор «Морского атласа». С 1954 г. Заместитель министра Военно-Морского Флота СССР, ныне генеральный инспектор Министерства обороны СССР. Герой Советского Союза.*

Основные труды. *«Операции подводных лодок» (совместно с А. П. Александровым и В. А. Белли), 1933; «Десантная операция»; 1934; «Характер современной войны и операции на море», 1940.*

В. А. БЕЛЛИ

Владимир Александрович Белли *(род. в 1887 г.). Контр-адмирал в отставке. В 1906 г. окончил морской корпус, а затем минные и радиотелеграфные классы. В 1918 г. командовал эсминцем «Капитан Белли». В 1924 г.— начальник отдела Оперативного управления ВМС. С 1926 г.— Преподаватель. Начальник кафедры стратегии и оперативного искусства Военно-морской академии. Начальник командного факультета.*

Основные труды. *«Борьба за Тихий океан», 1929; «Операции на морских сообщениях», 1939; «Операции по уничтожению неприятельского флота на море», 1938; «Теоретические основы ведения операции», 1938; «Военно-морской международный справочник», кн. 1—2, 1939—1940.*

А. П. АЛЕКСАНДРОВ, И. С. ИСАКОВ, В. А. БЕЛЛИ

ВЫВОДЫ ИЗ ОПЕРАЦИЙ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК ПО ОПЫТУ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Особое место в развитии советского военно-морского искусства занимает вышедший в 1933 г. труд «Операции подводных лодок», подготовленный кафедрой стратегии и оперативного искусства Военно-морской академии А. П. Александровым, И. С. Исаковым и В. А. Белли.

В первом томе на основе глубокого анализа опыта использования подводных лодок в первой мировой войне 1914—1918 гг. авторы изложили ряд соображений о возможности применения подводных лодок в будущей войне с учетом возросшей роли авиации и подводных лодок.

Ниже приводятся выдержки из этого труда, касающиеся форм и способов использования подводных лодок в операциях.

1. Даже при том, еще не совершенном техническом состоянии подводных лодок, которое имело место во время мировой войны, и особенно в ее начальный период, при относительно ограниченном количестве действующих лодок на театрах они имели значительные успехи:

а) в борьбе с надводными боевыми кораблями;

б) в борьбе на морских сообщениях;

в) в разведывательных, заградительных и других операциях, чем изменили *характер и темп ведения операций на море*, заставив в значительной мере перестроиться на себя, т. е. для лодки и против лодки *все другие рода морских сил*.

2. *Лодки оказались грозным оружием против больших надводных кораблей*, затруднив свободу применения их в операциях и вызвав ряд оперативных, тактических и организационных мероприятий по их охранению и обороне при выходах из баз, возвращении в базу, при переходах в море и в бою.

3. Развитие подводного и воздушного оружия было самой существенной причиной, *окончательно дискредитировавшей оперативную сущность доктрины владения морем* и ее тактическое оформление — *генеральное сражение*, как решающее участь войны на море и определяющее исход войны в целом.

4. *Оперативное взаимодействие подлодок с надводными и воздушными силами не получило сколько-нибудь полного отражения в операциях мировой войны.* Немцами, шедшими в этом вопросе впереди других, были нащупаны только первоначальные примитивные формы комбинированных операций лодок с флотом и они хотя и пришли к выводам о необходимости более полного взаимодействия всех морских сил с подводными лодками, но проверить это на практике уже не успели.

Тактическое взаимодействие подлодок с другими силами

также не получило должного развития, ограничившись экспериментальными попытками, хотя обстановка и возможности подлодок объективно толкали на это. Немцы сразу же в начале войны отказались от методов, подготовленных еще в мирное время (тактическое наведение легкими силами), причем отказались преждевременно на основании мало проверенных и недостаточно проанализированных первых попыток, закончившихся неудачей. Англичане шли более последовательно от взаимодействия лодки с судном-ловушкой до эскадренной лодки включительно. Однако в силу противоречий этих исканий со всей системой подготовки, задачами и доктриной английского флота широкого развития эти методы не имели, и, таким образом, практическая эффективность их была незначительна.

5. Основной метод использования лодок во время мировой войны — позиционное применение, патрулирование или крейсерство одиночных лодок.

Маневренное и соединенное использование нескольких лодок было пока еще достаточно примитивным. Однако достигнутые при этом успехи указывают на большие оперативные возможности, открывающиеся при выработке методов маневренного использования подлодок для групповых и массовых атак при соответствующем их обеспечении.

6. Наибольший успех против боевых кораблей подлодки имели в тех случаях, когда противник был стеснен в своем маневрировании. Это положение сохраняет свою значимость и для современных условий ведения операций. Для наиболее эффективного использования подводного оружия нужно специально сковывать маневрирование противника, подчинив это сковывание маневрированию атакующих подлодок, откуда вытекает необходимость тактического взаимодействия нескольких лодок, а также подлодок с надводными и воздушными силами или комбинирование их с другими средствами, которые могут связать маневрирование противника. С другой стороны, в тех случаях, когда главный удар по условиям обстановки выгодно будет наносить другими средствами, например бомбардировочной авиацией или надводными силами, возможны комбинации, когда связывание главных сил ляжет на подводные лодки, что может быть ими выполнено в полной мере.

7. Лодка в качестве средства войсковой разведки оказала командованию сторон ряд существенных услуг, а в некоторых случаях была единственно применимым средством разведки. В будущем эта роль подлодки еще более возрастет, однако успех ее работы будет зависеть от четкости постановки задач, обеспечения именно раз-

ведывательной ее деятельности и степени взаимодействия лодок с авиацией и другими средствами в общей системе оперативной и тактической разведки.

8. В тех случаях, когда лодка действовала специально против подлодки в системе противолодочной борьбы и взаимодействуя с другими средствами, она была опасным оружием против неприятельских подлодок, встреченных в надводном положении. Наоборот, лодка, действующая против надводных сил, не обеспеченная от атак подлодок и не подготовленная к ним, была в более невыгодном положении, чем и объясняются значительные потери германских лодок от английских, до выяснения ими приемов противника.

9. Лодки были главным оружием в борьбе на морских сообщениях, особенно в условиях беспощадной подводной войны. Деятельность подводных лодок решающим образом влияла как на морскую торговлю, войсковые перевозки и снабжение армии морем, так и на экономику воюющих стран. С развитием средств и приемов противолодочной обороны материальный успех лодки был ограничен, но именно на морских путях, вдали от берегов противолодочная оборона органически не могла быть полной в такой мере, как вблизи баз; угроза же реальной атаки лодок сохранялась всегда, что ограничивало и стесняло морские сообщения. Конвой, оснащенный всеми противолодочными средствами (которые можно использовать на переходе), вместе с целым рядом организационных мер частично ограничил успех одиночной подлодки, атака которой не была достаточно обеспечена. Дальнейшее техническое совершенствование подводных лодок при условии маневренного использования нескольких лодок или совместного использования лодок с авиацией, целеустремленно взаимодействующих против определенных объектов (по конвоирам и конвоируемым), в большой степени нейтрализует преимущества конвоя.

10. Опыт транспортной работы больших подлодок и высадок диверсионных десантных партий с лодок малого тоннажа во время мировой войны показывает на большие перспективы этого рода деятельности подлодок. Следует считаться с возможностью такого рода операций капиталистических флотов и в современной войне (подводный десант), особенно при специальном оборудовании лодок и взаимодействии с десантами, высаживающимися с воздуха или с надводных судов.

11. Критическое изучение опыта мировой войны на всем ее протяжении приводит к выводу, что наиболее полная отдача и положительные результаты от деятельности подлодок были достигнуты в тех

случаях, когда лодкам ставились совершенно конкретные задачи, с четким разделением главной от второстепенных. Это относится как к сочетанию задач разведки и атаки, так и к действиям против боевых кораблей или торговых, или против подводных сил. Однако это положение не везде было установлено в категорической форме, так как относительная универсальность самой лодки и недостаточное их число для решения многих задач в большинстве случаев толкали командование на нагромождение нескольких задач одновременно. Как показал опыт, такое нагромождение нескольких задач значительно снижало эффективность боевой работы лодок, а в отдельных случаях прямо пагубно влияло на целеустремленность и успешность проведения операций.

12. Предоставленная самой себе в течение первых лет войны лодка последовательно заставила морское командование заниматься своим обеспечением, в конце концов вынудив только для выходов из баз прикрывать ее надводными силами и авиацией. Это естественное следствие того, что только лодка имела к этому времени относительную оперативную свободу, в то время как повседневная боевая деятельность больших флотов была ограничена пределами морских укрепленных районов. В частности, германский флот Открытого моря в конце войны почти целиком был использован для обеспечения деятельности подводных лодок.

В современных условиях борьбы на море лодка не может быть оставлена в одиночестве, и боевая ее деятельность должна быть всесторонне обеспечена (организационно, оперативно, тактически, материально-технически, гидрографической службой и т. д.). В случаях когда подлодки будут решать главную задачу, все остальные силы будут выполнять задачу, подчиненную главной задаче лодок.

13. Если до войны лодки строились как торпедные, т. е. для выполнения торпедных атак, без учета других возможностей, то в последующем с расширением задач к лодке стали предъявлять новые и расширенные оперативные и тактико-технические требования. Сначала это выразилось в переделках и приспособлении существующих лодок (усиление раций, приспособления для постановки мин), а позже в отказе от универсальной лодки и в изменении и дифференциации проектируемых и строящихся лодок в соответствии с театром операции и главной задачей.

В конечном итоге это привело не только к выработке различных типов лодок, но и к созданию дифференцированных классов подводных кораблей.

14. Мина показала себя в процессе войны весьма грозным оружием на морском театре, и в частности мина подводной лодки. Сочетание подводной лодки и мины при более совершенных и маневренных методах использования, естественно, должно привести к более успешному их применению и дать более значительные результаты (маневренные постановки мин в открытом море с последующей торпедной атакой связанного противника; операции подводных лодок в системе оборонительных и активных минных заграждений и т. п.).

В то же время лодка, предоставленная самой себе, осталась незащищенной от мины и потребовала специальных мер обеспечения своей боевой деятельности в борьбе с минной опасностью.

15. Повысившаяся живучесть больших кораблей в результате успешной деятельности подлодок заставила развиваться и торпедное оружие последних по линии увеличения количества торпед в залпе и усиления заряда (разрушительного свойства) торпед, что ярко отразилось на послевоенном подводном судостроении и конструкции торпед.

Наряду с этим есть тенденция оставления на лодках некоторого числа торпед с пониженными данными (старых типов) для действий против менее живучих объектов.

В дальнейшем с повышением живучести кораблей наряду с увеличением их боевой мощи и введением новой организации корабельных соединений, предусматривающей мощное оснащение средствами противолодочной защиты, разрешение проблемы *нанесения смертельного удара большим кораблям надо искать в ряде последовательных атак нескольких лодок или групп лодок и в комбинировании сил и оружия*, причем стержнем в этой комбинации на ближайшем этапе будут подлодки, *взаимодействующие с надводными и воздушными силами*, при использовании оружия в различных комбинациях — торпеды с бомбой, торпеды с миной, торпеды с артиллерией, а часто и в *полной его совокупности — торпеды, бомбы, мины и артиллерия*.

16. Артвооружение подлодок, хотя и осталось в общем случае дополнительным, а не главным их оружием, вместе с тем проделало эволюцию от пулемета до 305-мм пушки, причем там, где лодка была продуктом законченных и ясных оперативно-тактических требований, *дифференциация артвооружения соответствовала дифференциации классов и типов лодок* (*R* — совсем без артиллерии, *M* — с одной 305-мм, немецкие подводные крейсера по две 150-мм). Условия, созданные противолодочной обороной, затруднили использование артиллерии на подлодках, особенно в районах насыщения средств противолодочной

борьбы. Тем не менее до конца войны артиллерия лодок была с успехом использована как против торговых судов, даже вооруженных, или мелких боевых кораблей, так и против берега, если поставленные задачи соответствовали артиллерийским возможностям лодки и сложившейся обстановке. Это еще больше говорит о необходимости соответствия артвооружения данному классу и типу подлодок.

17. Разведывательная и крейсерская деятельность подлодок, необходимость боевого управления этими операциями лодок в ходе их проведения, с одной стороны, и попытки взаимодействия подлодок с надводным флотом, с другой, заставили пересмотреть средства связи подлодок по двум линиям:

а) соответствие средств связи театру операции (дальность приема и передачи);

б) возможность прямой связи с командованием маневренного соединения в операции.

Решение этой задачи шло не только по линии развития техники, связи, но главным образом по линии организации связи.

В дальнейшем уже в результате выводов из опыта мировой войны были предъявлены дополнительные требования как к средствам связи, так и к средствам наблюдения лодок. Они сводились:

а) к обеспечению связью оперативного и тактического взаимодействия лодок между собой и с надводными и воздушными силами;

б) к обеспечению средствами наблюдения, маневрирования и вообще боевой деятельности лодок при уклонении от средств противолодочной борьбы.

18. Свою успешную работу германские подлодки могли развить главным образом потому, что по мере расширения задач и района операций они обеспечивались последовательным развертыванием специальных баз, приближенных к тем районам театра, где протекала их боевая деятельность.

Ввиду того что подлодки в течение войны плавают больше других классов кораблей, по числу ходовых дней и пройденных миль (кроме сторожевых, дозорных и тральных судов), и так как их длительное плавание связано с необходимостью переборки и ремонта сложного комплекса многочисленных механизмов лодок, оперативная эффективность работы подлодок прямо пропорциональна развитию системы баз и их ремонтной мощности.

19. Как это показал опыт мировой войны, малые лодки можно перебрасывать по внутренним путям сообщения —

железнодорожным и водным — в готовом виде, а большие — в разобранном.

Это создает условия для использования следующих возможностей:

а) стратегического маневра в массировании подлодок на одном из театров за счет других;

б) развертывания судостроительной базы внутри страны, из которой возможно вести воспроизводство лодок на театрах, обеспечив эту базу от ударов и контроля противника.

20. Изменив всю картину войны на море непосредственным воздействием на боевые корабли и морские сообщения, а через них и на судостроительную промышленность, лодки, кроме того, привлекли для борьбы с собой колоссальные средства и тем самым вызвали новые виды напряжения всей экономической и военной мощи страны и при этом в огромном масштабе...

Таким образом, несмотря на односторонность опыта мировой войны в части использования подводных лодок (примененных главным образом против морских сообщений), лодки сумели создать в процессе войны 1914—1918 гг. свою оперативно-тактическую историю и, несмотря на неполноту опыта в некоторых областях применения, показали исключительное богатство оперативных и тактических комбинаций, особенно при наличии большого количества лодок.

Несмотря на колоссальное развитие средств противолодочной борьбы, подводная лодка осталась непобежденной в морских операциях мировой войны и дискредитировала возможность достижения победы однородной силой, нарушив законы числа в войне на море. Простое противопоставление большего числа кораблей меньшему само по себе еще не обеспечивает успеха. Ответ килем на киль в строительстве флота не поддерживает равновесия сил, так как подводная лодка в глазах противника вездесуща, одна подлодка может вывести из строя линкор и угрожать большим маневренным соединениям, а несколько лодок — стеснить действия целых флотов.

Наконец, нельзя противопоставить лодку лодке, так как лодка успешно действовала против лодки, в то время когда последняя была в крейсерском или позиционном положении, т. е. была надводным кораблем.

Первоначальные попытки найти более сложные формы и методы использования лодок (наведение надводными кораблями, маневрирующая завеса подлодок, взаимодействие между лодками и т. д.) и в последующем сделанные попытки нащупать взаимодействие их с маневренными соединениями и в составе флотов и эскадр не были достаточно развиты,

что прямо указывает на то, что лодка еще не выявила себя до конца и не все ее возможности были использованы.

Опыт мировой войны с несомненностью показывает, что лодка полную эффективность дает тогда, когда сама она полностью отвечает той главной задаче и театру, для которых построена, когда лодке четко ставится задача в соответствии с ее главными элементами, когда лодка не предоставлена самой себе, а используется во взаимодействии с другими силами и когда ее боевая деятельность должным образом обеспечена.

Наряду с этим необходимо считаться при использовании подлодок со следующими весьма существенными обстоятельствами:

а) сложность подготовки личного состава;

б) необходимость обеспечения специальными базами, приближенными к району операций;

в) малая ее обеспеченность для индивидуальной борьбы с миной заграждения;

г) значительный расход дорогостоящего и сложного в производстве оружия (торпеда), что должно соответственно учитываться при планировании как войны в целом, так и отдельных операций.

Развитие противолодочных средств по опыту мировой войны указывает на дальнейшие тенденции их значительного и всестороннего совершенствования, причем следует считаться в дальнейшем не только с количественным увеличением существующих средств противолодочной борьбы, появлением новых средств и улучшением боевых качеств этих средств и методов их использования, но и с увеличением боевой мощи и живучести каждого отдельного корабля и с изменившейся организацией и тактикой маневренных соединений военно-морских сил, предусматривающих противодействие лодкам.

Все эти условия диктуют необходимость дальнейшего значительного совершенствования техники лодок и их оружия, разработки более совершенных оперативных и тактических методов их боевого использования и, следовательно, определенной направленности боевой подготовки лодок, а также организации и системы строительства подводных сил на базе мощной и всесторонне развитой индустрии в соответствии с современными условиями ведения войны на море.

(А. П. Александров, И. С. Исаков, В. А. Белли. «Операции подводных лодок», том I, стр. 397—405, изд. Военно-морской академии РККА, Л., 1933 г.)

* * *

★ ★ ★

Ю. А. ПАНТЕЛЕЕВ

Юрий Александрович Пантелеев *(род. в 1901 г.). Адмирал. Окончил Военно-морскую академию. В годы Великой Отечественной войны был начальником штаба Балтийского флота, командующим Волжской флотилией. После войны командовал Тихоокеанским флотом. В настоящее время — начальник Военно-морской академии. Профессор.*

Основной труд. *«Вопросы боевого управления в операциях подводных лодок на морских сообщениях», 1939.*

ВОПРОСЫ БОЕВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОПЕРАЦИЯХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК НА МОРСКИХ СООБЩЕНИЯХ

В статье «Вопросы боевого управления в операциях подводных лодок на морских сообщениях» автор исследует основы боевого управления подводными лодками в операциях на морских сообщениях. В этой работе освещены также тактические вопросы: организация наблюдения за морем и воздухом, система радиосвязи и др. Значение статьи Ю. А. Пантелеева, появившейся в начале 1939 г., усиливалось в связи с тем, что на всех наших флотах вступали тогда в строй новые подводные лодки.

Использование подлодок в операциях на морских сообщениях является одним из значительных видов боевой деятельности этого оружия. Хорошо организованное и четко действующее боевое управление во многом решает успех операции.

В общем случае основой боевого управления следует считать: 1) разведку противника, сбор сведений об обстановке, ее оценку и принятие решения; 2) постановку задачи (составление оперативно-боевой документации); 3) доведение задач до исполнителя; 4) оперативный контроль исполнения; 5) информацию смежно-действующих частей; 6) донесение исполнителей; 7) работу связи и, наконец; 8) работу тыла по восстановлению боеспособности частей.

Рассмотрим теперь, какими особенностями будут отличаться перечисленные выше элементы боевого управления в операциях подлодок на морских сообщениях.

1. Характерной особенностью операций ПЛ на морских сообщениях явится прежде всего нахождение ПЛ в длительном по времени отрыве от своей базы и в значительном от нее

удалении. Район нахождения ПЛ в большей части будет находиться под контролем противника (охрана коммуникаций) — отсюда постоянная забота о скрытности пребывания лодки. Исходя из этого, подлодка прежде всего должна организовать разведку «на себя» для получения наибольших и самых последних данных обстановки, ибо очевидно, что скрытность пребывания на позиции (частые уходы на глубину) сократит радиосвязь с базой до минимума.

Данные обстановки, полученные при выходе ПЛ из базы, будут постепенно устаревать, так как обстановка на море меняется быстро.

Мы имеем в виду прежде всего организацию на лодке тщательного наблюдения за морем и воздухом как в надводном, так и в подводном положении (в перископ). Обнаруженный едва заметный на горизонте дымок парохода, а также самолеты, летающие в определенном районе, могут навести на след нового, еще неизвестного фарватера в минном поле или на район, освещаемый самолетами для ожидаемого движения каравана пароходов. Наконец, следует тщательно наблюдать и за поверхностью моря около лодки. Мы уже не говорим о плавающих минах, но даже отдельные предметы могут говорить о присутствии здесь ранее корабля или ПЛ (ветошь, консервные банки, остатки пищи, папиросные коробки и пр.). Если все это трудно обнаружить с мостика надводного корабля да еще на большом ходу, то с ПЛ — вполне возможно и необходимо. Тщательный анализ всех этих «мелочей» при их тем более повторяемости сплошь и рядом может дать ценные выводы и навести на след противника. Очевидно, что все наблюдения должны быть точно записаны с указанием времени, места и погоды (ветер, течение), дабы в нужное время все это можно было бы нанести на карту.

Пишущему эти строки известен факт обнаружения места прохода английских катеров в годы гражданской войны по ряду данных и в том числе по выловленным в разных местах пустой коробке спичек и этикетке от английских сигарет. Организация разведки «на себя» не может идти, конечно, в разрез с указаниями командования и нарушать принцип скрытности всей операции.

Совершенно необходимым требованием для подводников является четкое знание силуэтов не только боевых кораблей противника, но и торговых судов, совершающих рейсы на данном театре и обычный нормальный возимый ими груз. О марках пароходных компаний мы не говорим, ибо они могут быть всегда изменены. Наконец, четкое знание экономики театра, узлов коммуникаций всегда поможет командиру ПЛ разобраться в правдоподобности курса парохода и соответствии этому курсу обнаруженного груза. Следует также всячески использовать имеющуюся на лодке радиотехнику для

организации радиоразведки. Это мероприятие должно быть тщательно продумано и его результаты зависеть будут от насыщенности радиотехники на данной лодке.

Особо необходимо подчеркнуть большое значение получения всех проходящих радиограмм, их изучение дает значительное уточнение обстановки. Как бы ограниченна и сложна ни была связь со своей базой, штаб соединения обязан тщательно следить за движением своих ПЛ на коммуникациях и периодически сообщать им новые данные обстановки, имеющие отношение к району и задаче, выполняемой данной подлодкой. Немецкие подлодки, оперировавшие на морских путях, получали периодическую информацию со своих баз об обстановке и движении пароходов, что всегда облегчало поиск объектов атаки. Информация эта может исходить как от береговых станций, так и от своих кораблей или самолетов, находящихся в море и над морем. Развитие техники радиосвязи и особенно техники авиации даст в будущем возможность организовать связь с ПЛ, действующими в значительном удалении от базы, используя в некоторых случаях самолет как промежуточную репетичную станцию, если этого нельзя сделать по оперативной обстановке с помощью надводного корабля.

Наконец, укажем на простой, но надежный вид получения данных обстановки путем визуальной связи со специально организованными для ПЛ секретными постами связи. В некоторых случаях этот вид связи может потребовать ухода на время подлодки с позиции и сама организация с таких постов зависеть будет от географии театра, но тем не менее почти на всех театрах немцы в годы империалистической войны имели такие посты связи с ПЛ и организации их придавали большое оперативное значение. Насаждение таких постов обычно предшествовало появлению немецких ПЛ в дальнем районе...

Получаемая различными путями на лодке информация зачастую может быть по содержанию противоречивой. Чтобы быстро и правильно разобраться во всех данных обстановки, нужно уметь четко и наглядно вести оперативную карту. Сплошь и рядом ничего не говорящие на первый взгляд сведения в совокупности с другими, ранее нанесенными на карту, приводят к совершенно четким выводам.

Правильность принятия командиром ПЛ решения в процессе операции на морских сообщениях во многом будет зависеть также и от четкости и конкретности даваемых командиру ПЛ указаний на операцию. Указания эти особенно ответственны, ибо они всегда будут связаны с вопросами международно-правовых норм. Наконец, командир ПЛ должен уметь четко разбираться в подлинности предъявленных ему

судовых документов и соответствии этих документов назначению груза парохода.

2. Особенностью документации на рассматриваемую операцию является прежде всего длительность ее действия: задача будет для лодки оставаться прежней, обстановка же, указанная в документах, будет меняться быстро. В приказе на операцию особенно четко должна быть сформулирована задача и оговорены международно-правовые вопросы. Рекомендации же действий ПЛ в тактическом отношении должны найти свое отражение в специальном наставлении для действий ПЛ на морских сообщениях.

Штабы соединений ПЛ должны особое внимание обратить на краткость и малочисленность оперативно-боевой документации и ее наглядность за счет наибольшего использования графика. Необходимо помнить, в каких условиях приходится командиру ПЛ пользоваться документами. Заранее скажем по опыту, что самые хорошие документы, но бледно напечатанные на 12 листках тонкой бумаги будут скорее вредны, чем необходимы, ибо они могут создать возможности большой ошибки, особенно при наличии цифровых данных. Штабы поэтому должны своевременно составить наглядные схемы вероятных узлов коммуникаций с их характеристиками по грузам, схемы оборудования средствами ПЛО у противника и пр. Все это, повторяем, сократит литературное изложение до минимума, создаст больше удобств в использовании таких документов в течение длительного промежутка времени.

Таким образом, основными оперативно-боевыми документами на операцию будут боевой приказ, схема связи и частное наставление на данную операцию (если в том есть особая необходимость), а также схемы коммуникаций и оборудование района похода средствами ПЛО.

3. Доведение задачи до исполнителя при возможности личного общения с командиром ПЛ никаких трудностей не представляет, необходимо лишь штабам всех ступеней обеспечивать время для самостоятельного изучения командиром ПЛ всей полученной им документации по поставленной задаче. Этого особенно важно добиться, учитывая, что ПЛ длительно будет оторвана от базы и ее командир будет лично решать все вопросы, в море переспросить будет не у кого, штаба рядом не будет.

Сложнее обстоит вопрос, если лодка уже в море или вне базы. В данном случае в первую очередь, если позволяет время, следует использовать имеющуюся линейную береговую связь, вплоть до посылки специально командира штаба на ближайший пост связи для переговоров с ПЛ или какого-либо катера, или даже самолета в условное место рандеву. Некоторая задержка по времени при этом окупится скрытно-

стью и надежностью понимания командиром ПЛ своей задачи. К использованию прямой радиосвязи следует прибегать лишь в крайнем случае, при отсутствии всяких других возможностей. Радиопереговоры немцев, предшествовавшие всегда выходу ПЛ в операции, давали возможность англичанам знать время выхода ПЛ и районы намеченной операции.

В последние годы англичане в условиях мирного даже времени широко используют для связи самолеты, оставляя радиосвязь лишь как средство управления боем.

4. Контроль исполнения, этот важнейший фактор боевого управления, претерпевает в рассматриваемой операции некоторую ограниченность, подчиняясь основному требованию скрытности действий ПЛ. Очевидно, что командир ПЛ, получивший в море по радио задачу, далеко не всегда сможет ее репетовать. В данном случае на помощь могут придти те же посты связи с ПЛ, если они расположены в районе марш-маневра лодки. Наконец, и донесения об исполнении также могут быть ограничены оперативной обстановкой, поэтому решающим видом оперативного контроля явится прежде всего проверка штабом еще в базе или при вручении задания иным способом, рассмотренным нами выше, как понята командиром ПЛ задача, как обеспечена лодка в операции материально-технически.

Во время операции командир ПЛ должен соблюдать высокую дисциплину донесений, он обязан принять все меры, чтобы донести требуемое в точно указанные сроки назначенными для этого средствами, сообразуясь, конечно, с общей оперативной обстановкой. Донесения командира будут являться единственной возможностью осуществления контроля во время операции.

5. Информация об обстановке смежно действующих лодок имеет огромное боевое значение и может обеспечить нанесение противнику ряда последовательных ударов несколькими подлодками по всей глубине его движения...

6. Работа связи. О линиях связи мы говорили выше. Очевидно, что весь радиообмен будет осуществляться на базе высокой техники и большого мастерства работы радистов. Повторным запросам, длительным вызовам и пропускам не может быть места, ибо радиограммы будут весьма короткими с применением самой сложной формы секретности. Все это потребует высокой радиодисциплины, подкрепленной высоким мастерством радистов.

«Радиоболтливость» была бичом всех воюющих флотов в годы 1914—1918. Многие операции расшифровывались еще в период их организации и развертывания.

Так, англичане за несколько суток до Ютландского боя знали из немецких радиопереговоров о выходе из баз немецких подлодок.

Несколько слов о самих радиостанциях. В течение всей империалистической войны немцы придерживались принципа обеспечения связи с ПЛ в море путем организации на берегу или на плавучих базах специальных станций, обслуживавших только ПЛ в море и находившихся в ведении подводного начальника. Это мероприятие целиком себя оправдало.

7. Восстановление боеспособности лодок также является элементом боевого управления, будучи главнейшей функцией службы тыла. Об организации службы тыла должен заботиться прежде всего начальник штаба и его штаб. При возвращении лодок в свою базу задача решается просто.

Однако речь идет о восстановлении боеспособности лодок в кратчайший срок, поэтому командир ПЛ при первой оперативной возможности должен сообщить начальнику штаба, что ему нужно, и на основании этой заявки, полученной с моря, штаб обязан составить указания командиру базы, что, кому и в какой последовательности должно подаваться (если лодок много). Аппарат базы под контролем штаба должен подготовить все виды снабжения и ремонта вплоть до расстановки людей с тем, чтобы пришедшая с моря лодка не имела бы лишнего часа простоя.

Значительно сложнее обстоит вопрос с организацией маневренных баз для ПЛ. В тех случаях, когда главная база лодок удалена от района операций, возвращение ПЛ в базу для пополнения своих запасов всегда будет связано с нерациональной потерей времени, лишним расходом моторесурсов, лишним риском быть обнаруженной при входе или выходе из базы. Все это уменьшает коэффициент оперативного напряжения лодок, да и нахождение в базе далеко еще не обеспечивает отдых личному составу и беспрепятственность всех приемок, имея в виду значительную угрозу базам с воздуха. Приближение баз ПЛ к району операций и создание при этом скрытности базирования от противника явится в будущих войнах одной из основных задач организации службы тыла. Использование в указанных целях плавучих баз во многом разрешает вопрос, но все же плавучая база легко может быть обнаружена с воздуха и стать объектом нападения, ее передвижение возможно скрыть от противника лишь на небольшой отрезок времени...

Следует еще указать на случай снабжения ПЛ в море с транспортов в условном рандеву, но при современном развитии авиации скрыть присутствие в море транспорта трудно и такой вид снабжения возможен как частный случай, но не система. Немцы обычно для этого широко пользовались территориальными водами нейтральных государств. В условных местах ПЛ встречали транспорты с топливом и снабжением (см. переход ПЛ «U-21» из Северного моря в Средиземное и др.).

Нам не известны случаи снабжения ПЛ в море с само-

летов, но авиатехника в наши дни этот вопрос может разрешить без труда во всех капиталистических странах и в будущем с такой возможностью придется считаться.

8. Несколько слов о политическом обеспечении рассматриваемой операции. Чем дальше район операций ПЛ от своей базы, чем эта операция длительнее, тем насущнее будет необходимость в обеспечении лодок политической информацией. Информация эта явится не только видом политического обеспечения операции, но именно в операциях на морских сообщениях политическая информация послужит составным элементом для правильной оценки командиром ПЛ сложившейся обстановки и принятия решения. Вовремя полученная информация всегда поможет командиру ПЛ найти правильное решение и в вопросах международно-правовых норм.

Изложенное выше дает нам основание сделать следующие основные выводы:

1. Операции ПЛ на морских сообщениях в части организации боевого управления для правильной оценки обстановки требуют твердого знания экономики театра, умения организовать разведку «на себя», не пропуская никаких «мелочей».

2. Оперативно-боевая документация должна быть построена с расчетом на длительный срок ее действия, особое внимание должно быть уделено наглядному (графическому) отображению имеющихся данных обстановки и четкому формулированию задачи, особенно в части вопросов международно-правовых норм.

3. Схема связи должна быть продумана, особенно в части скрытности действия, дублирования средств, их надежности и минимального использования радиосвязи.

4. Оперативный контроль штаба центром своего внимания должен иметь проверку материально-технической и оперативной готовности лодки («как понята задача») еще до выхода лодки в операцию.

5. Информация смежно действующих ПЛ должна найти свое отражение в схеме и указаниях по связи.

6. Техника работы радистов должна быть на высоком уровне. Радиосвязь с ПЛ должна обеспечиваться специально выделенными для этого радиостанциями и личным составом.

7. Работа тыла должна быть ориентирована на создание возможности восстановления боеспособности ПЛ в ближайших к месту операций районах, при этом скрытно от противника.

8. Регулярная политинформация лодок должна быть обеспечена и предусмотрена схемой связи на операцию.

(Ю. А. Пантелеев. «Вопросы боевого управления в операциях подводных лодок». «Морской сборник», 1939, № 2, стр. 11—17. Военмориздат.)

* * *

***

В. А. БЕЛЛИ

ОСНОВЫ ВЕДЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ НА МОРЕ

В публикуемой статье В. А. Белли рассматриваются способы ведения операций на море, применяемые флотом средства и методы оперативного обеспечения действий Военно-Морского Флота.

...Задачи флота вытекают из общего стратегического плана действий всех вооруженных сил, и боевая деятельность флота развивается на основе стратегического, оперативного и тактического взаимодействия с наземными войсками.

Блокада неприятельского государства с целью сокрушения его экономической, а за нею и военной мощи, обеспечение своих берегов от глубоких ударов со стороны противника, от его попыток высадить стратегический десант, систематическое нарушение неприятельских войсковых перевозок или подвоза питания войны через море — все это примеры стратегического взаимодействия флота с сухопутным фронтом.

Систематическая поддержка фланга армии операциями на море и против берега, примером чего могут служить действия Батумского отряда русского Черноморского флота на фланге Кавказской армии во время мировой войны, является одним из видов оперативного взаимодействия флота с фронтом.

Наконец, тактическое взаимодействие находит свое выражение в совместных действиях наземных частей, кораблей и самолетов в боях при высадке и при отражении десанта, в огневой поддержке с моря фланговых сухопутных частей и т. д.

Общая основная задача Военно-Морского Флота СССР заключается в активной обороне морских границ Советского Союза.

На каждом театре флот имеет свои конкретные задачи, которые находятся в зависимости от военно-политической обстановки на данном театре, от соотношения сил на нем и от военно-географических условий театра, в частности от взаимного расположения с противником.

* * *

Если сделать обобщение возможных задач флота на различных театрах, понимая, что они конкретизируются только в определенной обстановке, то можно установить следующие главнейшие задачи флота.

1. Уничтожение неприятельского флота по частям.

2. Борьба за морские сообщения, т. е. защита своих военных и торговых коммуникаций и перерыв неприятельских коммуникаций.

3. Борьба за берега, т. е. обеспечение своих берегов от вторжения противника и перенос войны на неприятельскую территорию через море.

4. Поддержка флангов армий, выходящих на море, путем содействия их наступлению и их защиты от ударов противника с моря.

Для решения этих задач флот может выполнять операции самостоятельные и совместные с другими родами вооруженных сил.

СПОСОБЫ РЕШЕНИЯ ФЛОТОМ СТОЯЩИХ ПЕРЕД НИМ ЗАДАЧ

Полное сокрушение врага на данном театре, т. е. *достижение* на этом театре *конечной* (стратегической) *цели*, при современных условиях развития наступательных и оборонительных средств флота *редко бывает возможно одним ударом*. Флот решает свои задачи и достигает конечной цели на театре главным образом путем выполнения *ряда последовательных и параллельных операций, связанных между собой единством стратегической цели*...

Сущность современной войны на море заключается не в том, чтобы *обязательно* уничтожить *все* неприятельские боевые корабли и *все* самолеты, а в том, чтобы на каждом данном этапе войны быть способным *выполнить те задачи*, которые стоят перед флотом, и помешать противнику в выполнении его задач.

Для этого надо преодолевать неприятельские помехи, уничтожать силы противника по частям, собирая большой перевес в силах в решающем месте и в решающий момент. Надо стараться захватить врасплох противника внезапностью и стремительностью действий, надо добиваться постоянно хоть маленьких успехов, поддерживая во что бы то ни стало моральный перевес над противником, надо лишать его свободы маневра действиями на коммуникациях и минной войной, стесняя тем самым его боевую деятельность, вырывая из его рук оперативную инициативу, разрушая его планы, задержи-

вая и стесняя движение его кораблей, надо бить противника в его собственных базах.

Все это требует большого искусства планирования и ведения операций, тщательности оперативных и тактических расчетов, упорства в выполнении...

В современных условиях значение минной войны еще более возрастает. Происходит это по следующим причинам.

1. Увеличились скорости кораблей, которые могут ставить мины (заградители, крейсеры, миноносцы, катера), благодаря чему минно-заградительные операции могут быть более внезапными и скрытными, чем это было раньше.

2. Расширилась возможность постановки мин с подводных лодок, которые способны перенести минную угрозу к берегам противника на огромные расстояния.

3. Появилась возможность постановки мин с самолетов, которые способны перенести минную угрозу на неприятельские внутренние фарватеры, на рейды, в гавани, на реки и т. д.

4. Усовершенствовалась техника минного оружия. Наряду с этим выросли и техника и тактика траления, выросли методы борьбы с минно-заградительными операциями, в частности, воздушные силы затрудняют их скрытное выполнение. Поэтому еще больше, чем в предшествующих войнах, становится необходимым вести минную войну систематически; нужно охранять и защищать поставленные минные заграждения; надо обеспечивать с моря и с воздуха свои тральные работы.

Ведение минной войны требует достаточного количества кораблей, способных ставить мины, и большого количества тральщиков. В ряде случаев потребуется участие боевого ядра флота для прикрытия и защиты минно-заградительных и тральных операций.

Минная война создает большое напряжение для флота противника и стесняет свободу его маневра, но она требует в ряде случаев и значительного напряжения своих заградительных и тральных средств.

Опыт первой империалистической войны показывает, что операции против неприятельских баз и кораблей, в них находящихся, имеют большое значение в общей системе боевой деятельности флота.

Операции против баз могут иметь следующие цели:

1) ослабить противника путем уничтожения или захвата находящихся в базе его сил:

2) стеснить развертывание и боевую деятельность противника путем расстройства неприятельской системы базирования, лишением его данной базы или затруднением ее использования;

3) облегчить свободу своего маневра ослаблением сил противника в базе, стеснением его развертывания или приобретением новой базы.

Предпосылками для ведения операций против баз являются: мощное развитие техники и тактики авиации, возросшая возможность использования для этих целей торпедных катеров, подводных лодок и мин.

Операции против неприятельских баз приобретают наибольшее значение, когда они ведутся систематически, создавая в известных случаях для противника такую обстановку, при которой пребывание в базе может для него оказаться более опасным, чем нахождение в море.

Угроза базам с суши, с моря и особенно с воздуха предъявляет определенные требования к организации и к защите своего базирования. Система хорошо защищенных баз, позволяющая рассредоточить стоянку кораблей, обеспечить бесперебойное их питание и ремонт, а также и отдых личного состава, лучше всего решает этот вопрос.

Тесное переплетение экономических интересов капиталистических стран, все более и более нуждающихся во внешних связях, и напряжение во время войны народного хозяйства, особенно в государствах, не имеющих достаточных ресурсов сырья или техники, увеличивают значение морских коммуникаций. Из этого следует, что *операция на морских сообщениях* противника и защита своих морских путей приобретают еще большее значение, чем это имело место во время мировой войны. Возрастает также значение блокады.

Опыт военных действий в Абиссинии, в Испании и в Китае не только подтверждает опыт мировой войны, но и усиливает его в части важности для ведения войны обеспеченных морских коммуникаций.

Фашистская Италия не была бы в состоянии беспрепятственно перебрасывать свои войска и питание для них в Абиссинию, если бы ее коммуникации по Средиземному и Красному морям нарушались неприятелем. Развертывание британского флота в Средиземном море в это время создавало угрозу итальянским войсковым перевозкам и вынудило итальянских фашистов принимать меры дипломатического порядка в отношении Англии.

Перевес в силах на море у испанских мятежников и интервентов затруднял выполнение республиканским флотом главной его задачи — стратегического обеспечения тыла испанской армии путем защиты морских сообщений, по которым следует питание фронта.

Отсутствие помех на коммуникациях со стороны Китая позволяет японским империалистам беспрепятственно перебрасывать свои войска и их питание на материк, высаживать

десанты без сопротивления на море и блокировать обширное побережье Китая.

Важность обеспеченных коммуникаций легко проследить на борьбе в Средиземном море; итальянские фашисты захватили Балеарские острова и мечтают закрепиться на берегах Испании, угрожая коммуникациям Франции и Англии; германские фашисты для той же цели стараются «осесть» в Испании и в Марокко; англичане пока удерживают Гибралтар, Мальту, Кипр и имеют влияние в Египте и в Малой Азии и т. д.

Подводные лодки остаются главным средством операций на морских сообщениях, но развитие этих операций идет в сторону усиления значимости в них авиации и надводных кораблей в оперативном и тактическом взаимодействии с подводными лодками.

В связи с ростом техники и тактики подводных лодок, авиации и мин, а вместе с тем и средств борьбы с ними возрастает значение действий на коммуникациях боевых кораблей, значение блокады, защиты коммуникаций боевых кораблей и противоблокадных операций. Усиливаются возможности заблокирования подводных лодок, а также и необходимость оперативного обеспечения выхода их в операцию и возвращения в базу.

Современные скорости надводных кораблей облегчают ведение *набеговых операций* на неприятельское побережье с целью уничтожения определенных береговых объектов, а также на неприятельские противолодочные барражи, на конвои и т. д. Набег становится одной из наиболее выгодных форм действий.

Набеговые операции имели уже место в мировой войне: набеги германских крейсеров на Хартльпуль и на Лоуестофт, на Дуврский патруль; набеги австро-венгерских легких сил на побережье Италии с целью задержать развертывание итальянских войск по прибрежной железной дороге; набеги, на Отрантский барраж и т. д.

Для современных набеговых операций могут быть использованы крейсеры, миноносцы, торпедные катера, взаимодействующие с разведывательной, бомбардировочной авиацией и с подводными лодками. Основным методом набеговых операций должны быть стремительность и большая скрытность действий с использованием для развертывания и для отхода темного времени суток и плохой видимости.

Как уже было сказано, операции на море протекают во взаимодействии с операциями на суше. Опыт военных действий в Испании и в Китае показывает, что морские *десантные операции* продолжают играть крупную роль. Японцы высаживали десанты не только на морском театре войны —

у Шанхая, Кантона, на о. Хайнань и в другие пункты, но и на реке Янцзы.

В начале войны в Испании о. Майорка был занят десантом правительственных войск. Позднее Майорка и Менорка были захвачены десантами мятежников с помощью интервентов.

Современные морские десантные операции значительно усложнились из-за появления новых средств и способов противодействия. Надводные корабли, авиация, подводные лодки, позиционные и оборонительные средства в прибрежных водах и на берегу противодействуют десантным операциям. Вместе с тем авиация облегчает выполнение десантной операции разведкой, бомбардировочными действиями, высадкой воздушных десантов. Последние, как правило, не заменили больших морских десантов, но современная морская десантная операция может иметь своей неотъемлемой частью воздушный десант. Воздушные десанты, воздействуя с тыла на неприятельскую оборону, облегчают высадку морского десанта.

Надводные корабли и подводные лодки не только прикрывают и охраняют марш транспортов с десантом и высадку, но и сами в известных условиях могут перевозить десанты.

Десантная операция становится особенно трудной при хорошо организованной и планомерной борьбе с ней разнородными, оперативно и тактически взаимодействующими средствами. Поэтому противодесантная операция, состоящая из ряда последовательных ударов по неприятельским транспортам, которые наносятся, начиная с момента сосредоточения войск и транспортов к месту посадки и вплоть до главного сокрушительного удара, является одной из важнейших операций флота.

Не меньшее значение в современной войне имеют и систематические операции по огневому содействию флангу армии. Примерами их в мировую войну могут служить операции русского Батумского отряда на Черном море, операции русских кораблей в Рижском заливе, английские операции у Фландрского побережья, итальянские и австро-венгерские операции в глубине Адриатического моря и т. д.

Поддержка фланга, как правило, не обходится без противодействия противника на море, и иногда может случиться, что она даже перерастет в столкновение крупных сил.

Решение флотом стоящих перед ним задач не может обойтись без боев. Боем, как правило, достигается цель каждой данной операции.

В зависимости от поставленной задачи и слагающейся обстановки может произойти и столкновение ядра сил с обеих сторон, т. е. может возникнуть генеральное сражение, которое может быть выгодным только в том случае, когда уда-

лось организовать решительное превосходство в силах на главном направлении, сковать противника на второстепенных участках, достичь взаимодействия разнородных сил, действующих на одном направлении на всю глубину, и согласованности действий соединений и частей, действующих на разных направлениях. И если такого положения добиться удалось, то в известной обстановке может быть выгодным даже искать генерального сражения.

Неправильно было бы поэтому вовсе отрицать возможность и целесообразность генерального сражения и не готовиться к нему.

Неправильно было бы наряду с этим возводить генеральное сражение в основу всей боевой деятельности флота и, как уже было сказано, признавать его единственным и обязательным способом достижения конечной цели на театре.

Современное генеральное сражение отличается от сражений предшествующей эпохи не только по своим целям, но еще и по средствам и методам его ведения. Оно решается взаимодействующими различными родами морских сил, а не только надводными кораблями, как это было раньше до Ютландского боя включительно.

Во всех случаях боевых столкновений с противником надо стараться бить противника по частям, стремясь уничтожить все его силы. Однако в зависимости от цели операции и от соотношения сил в отдельных случаях может быть выгоднее ограничиваться уничтожением той части сил противника, которая мешает выполнению нашей операции. Если же не удалось организовать предпосылок для успешного завершения боя, то оперативной его целью может быть и выход из боя.

СРЕДСТВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ФЛОТОМ ЕГО ЗАДАЧ

Как уже говорилось, успех в операции и в бою достигается оперативным и тактическим взаимодействием различных родов морских сил.

Линейные корабли как носители наибольшей наступательной и оборонительной мощи, как способные решать все задачи во взаимодействии с другими классами кораблей и с другими родами морских сил и как способные к длительному боевому воздействию на противника играют крупную роль в составе современного большого морского и океанского флота.

Однако в каждой данной операции роль и значение того или иного класса кораблей или рода морских сил определяются поставленной задачей, соотношением сил своих и противника и военно-географическими условиями театра.

Решение главной задачи в конкретных условиях данной операции может быть возложено и на другие корабли.

Неправильно поэтому было бы противопоставлять различные классы кораблей один другому, а надо добиваться использования их во взаимодействии, понимая, что решающее значение будут иметь те из них, которые лучше всего могут решить данную задачу. И на каком-то этапе боевой деятельности флота количественный недостаток в одном классе кораблей может быть временно оперативно восполнен более интенсивным, массовым использованием других классов или родов морских сил.

Неправильна и вредна «концепция»... о якобы происходящем отмирании класса линейных кораблей под влиянием развития подводных лодок и авиации. Эта концепция «обосновывалась» фальсификацией опыта мировой войны и послевоенного строительства флотов капиталистических государств.

На самом деле можно говорить лишь о том, что во время мировой войны линейные корабли были использованы недостаточно активно; их берегли в ожидании генерального сражения и в качестве мощного кулака к моменту заключения мира; их берегли и для сохранения «равновесия» на морях в послевоенный период.

Вместе с тем известный успех германских подводных лодок на морских путях в мировую войну мог иметь место только потому, что деятельность лодок (выходы из баз и возвращение, траление фарватеров и т. д.) обеспечивалась надводным флотом. В равной мере борьба с подводной опасностью и блокада Германии странами Антанты были возможны благодаря поддержке, которую оказывали надводные корабли многочисленным мелким судам противолодочной обороны и кораблям, несшим повседневную блокадную службу.

Временное ослабление темпов в строительстве линейных кораблей в капиталистических государствах после войны определялось политическими, экономическими и военно-техническими причинами, а вовсе не знаменовало собой отказ от класса линейных кораблей.

На базе частичной стабилизации капитализма была достигнута временная договоренность капиталистических государств о количественном и качественном ограничении строительства линейных кораблей (Вашингтонское соглашение 1922 г., Лондонское соглашение 1930 г.), как наиболее дорогостоящих единиц, постройка которых была не под силу подорванной войной экономике воевавших государств. Новое обострение противоречий капитализма и переход фашизма к открытой агрессии вызвали новую гонку вооружений и форсированное строительство именно линейных кораблей.

Вместе с тем после мировой войны не сразу было закончено изучение ее опыта и не были еще найдены пути для

технического усовершенствования линейного корабля в новых условиях ведения войны на море, равно как не были еще найдены и новые методы его использования. Этим объясняется также некоторое «шатание мысли» у ряда буржуазных авторов в вопросе о роли и месте линейного корабля в войне будущего.

Признание крупной роли линейных кораблей в современных операциях отнюдь не умаляет значения подводных лодок и авиации, развитие техники и тактики которых значительно возросло после мировой войны. Опыт войны в Испании показывает, каких крупных успехов может достигнуть авиация в операциях против боевых кораблей и особенно против баз.

МЕТОДЫ БОЕВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОПЕРАЦИЙ

При выполнении намеченной операции необходимо принимать такие меры боевого обеспечения, которые затрудняли бы помехи противника нашим действиям. При этом условии более легко могут быть достигнуты преимущество в силах над противником на главном направлении и возможность сковывания неприятельских сил на второстепенных направлениях.

Боевое обеспечение операций состоит из мероприятий *по предварительному обеспечению* и из мероприятий *по непосредственному* (параллельному) *обеспечению*.

Мероприятия, относящиеся к предварительному обеспечению, составляют:

1) ослабление надводных сил и подводных лодок противника в его базах и на выходах из них ударами авиации, подводных лодок, надводных кораблей, минной войной, блокадой;

2) подавление неприятельской авиации на аэродромах и в воздухе с тем, чтобы добиться господства в воздухе к началу операции;

3) поиск и уничтожение неприятельских подводных лодок на театре и особенно в том его районе, где намечается выполнение операции;

4) введение противника в заблуждение относительно выбранного флотом главного операционного направления путем оперативной его маскировки;

5) перебазирование части своих сил специально для целей данной операции.

Мероприятия по непосредственному (параллельному) обеспечению операции сводятся в основном к следующему:

1) к сосредоточению ядра сил на главном операционном направлении и к прикрытию второстепенных направлений;

2) к ударам в глубину неприятельского расположения, движения и действий;

3) к обеспечению выхода своих сил из баз и их развертывания в операцию;

4) к продолжению подавления неприятельской авиации на аэродромах и в воздухе;

5) к продолжению поисков и уничтожению неприятельских подводных лодок.

Таким образом, непосредственное обеспечение является продолжением предварительного. Значимость каждого из них вытекает из конкретных условий данной операции. В одних случаях можно ограничиться только непосредственным обеспечением (в частности, такое положение может иметь место, когда есть опасения, что мероприятия по предварительному обеспечению могут демаскировать наши намерения, а соотношение сил в данной обстановке категорически не требует предварительного ослабления противника), а в других случаях необходимо применять оба вида обеспечения во взаимодействии (что относится главным образом к выполнению наиболее сложных операций, к участию в которых привлекаются значительные силы, или когда следует ожидать сильного сопротивления со стороны противника).

Наконец, в отдельных случаях лучшими способами обеспечения будут скрытность и внезапность операции, достигаемые стремительностью действий, использованием темного времени суток и плохой видимости, хорошей осведомленностью о дислокации и действиях противника.

Оперативная разведка является главнейшим элементом боевого обеспечения операций.

* * *

В заключение необходимо отметить, что повысившиеся скорости надводных кораблей, их современная мощь и живучесть, способность более длительного, чем раньше, пребывания в море в отрыве от своей базы, усовершенствование техники и тактики подводных лодок и противолодочных средств, авиации и противовоздушной обороны, минных и тральных средств — все это, вместе взятое, делает современную войну на море более насыщенной боевыми действиями, параллельно и последовательно развивающимися на различных участках театра.

Типовые операции флота сохраняют свое ведущее значение. Но вокруг современной типовой операции развертываются сопутствующие ей параллельные и последовательные операции и отдельные боевые действия.

Например, трудно себе представить, чтобы современная десантная операция не сопровождалась операциями против

неприятельских баз, минно-заградительными операциями, тральными операциями, в отдельных случаях блокадой, уничтожением или оттеснением неприятельских дозоров, нападением на аэродромы противника, поиском и уничтожением подводных лодок и т. д.

Организация взаимодействия разнородных сил усложняет их развертывание и требует большого искусства в боевом управлении в операции и в бою.

В этих условиях сложной и непрерывно изменяющейся обстановки никогда нельзя забывать об оборонительных задачах флота. Наступательный порыв не должен находиться в противоречии с хорошо организованной обороной.

Наряду с этим дерзкие, решительные и внезапные действия, обоснованные тщательными расчетами, всегда приведут к успеху.

(В. Белли. «Основы ведения операций на море». «Морской сборник», 1939 г., № 7, стр. 13—24, Военмориздат, Л., 1939 г.)

* * *

★ ★ ★

КРАТКИЙ ОБЗОР НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ СОВЕТСКИХ ТРУДОВ ПО ВОПРОСАМ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА ЗА 1917—1940 гг., НЕ ВОШЕДШИХ В СБОРНИК

Алкснис Ян Янович (1895—1938) — руководящий военный работник штаба РККА. Был начальником 9-го Управления штаба РККА, начальником кафедры организации и мобилизации войск Военной академии Генерального Штаба.

Основные труды. «Милиционное строительство», М., Госвоениздат, 1925; «О характере будущей мобилизации буржуазных армий», М., Госвоениздат, 1927; «Начальный период войны», «Война и революция» № 9 и 10, 1929; серия статей по мобилизации войск в сборниках «Войсковая мобилизация», М., изд. Штаба РККА, 1928—1934.

В этих работах автор обосновывал теорию общей и частичной мобилизации с учетом опыта минувших войн и милиционно-территориального строительства армии. Анализируя различные мероприятия по планомерному отмобилизованию частей и соединений, улучшению подготовки народного хозяйства страны к войне и методы сосредоточения Вооруженных Сил государства на театрах военных действий, Я. Я. Алкснис предлагал новые формы учетно-мобилизационных документов. Важное место он отводил полноценному использованию предмобилизационного периода с целью обеспечения своевременного стратегического развертывания войск и захвата стратегической инициативы и выдвигал ряд мероприятий в целях повышения мобилизационной готовности войсковых соединений и военных округов.

Берендс Константин Георгиевич (умер в 1935 г.) — офицер генерального штаба старой русской армии. С начала революции в Красной Армии на командных и штабных должностях, а затем на научно-педагогической работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды: «Стратегические вехи». М., 1925; «Полевые рекогносцировки». Пособие для штабных работников.

М.—Л., 1928; «Киевская операция поляков». (Совместно с Н. Какуриным), М.—Л., 1928; «КП комдива в наступательном бою». «Война и революция», 1932, М. № 2, стр. 15—23.

В своих работах К. Г. Берендс считал, что стратегия покоится на политическом базисе и поэтому стратегическое решение есть производная данная от политических условий обстановки в целом. Конечная военная цель есть производная данная от политической. Цель и обстановка — суть основы стратегического решения, база, на которой строится оперативный план.

Значительное внимание в своих работах он уделял вопросам организации управления войсками в бою и операции. Он писал, что расчет и риск не исключают друг друга, но предусмотрительность уменьшает влияние случайностей.

Бубнов Андрей Сергеевич (1883—1940) — видный партийный и государственный деятель. В период гражданской войны был членом Реввоенсовета армий и фронтов, после гражданской войны — начальником Политического управления РККА и членом Реввоенсовета СССР. С 1929 г. — Нарком просвещения РСФСР. Член ЦК ВКП (б).

Основные труды. «1924 год в военном строительстве», М., 1925; «Боевая подготовка и политическая работа», М., 1927; предисловие к первому тому «Истории гражданской войны», М., 1928; «Гражданская война, партия и военное дело», М., 1928.

В своих работах А. С. Бубнов широко освещал основные положения марксизма-ленинизма о войне и армии. Большое внимание он уделял раскрытию значения партийно-политической работы в Красной Армии для повышения ее боеспособности, подчеркивая, что история Коммунистической партии и ее славные революционные традиции являются могучим источником политического и воинского воспитания личного состава советских Вооруженных Сил.

В предисловии, написанном к трехтомной «Истории гражданской войны», и в ряде статей А. С. Бубнов остановился на особенностях военной стратегии Красной Армии и дал всестороннюю характеристику гражданской войны и Красной Армии. А. С. Бубнов уделял много внимания разработке разных вопросов советского военного строительства, боевой подготовки и воинского воспитания.

Величко Константин Иванович (1856—1927) — инженер-генерал старой русской армии, крупный специалист в области фортификации, профессор Военно-инженерной академии в дореволюционные годы и после Великой Октябрьской социалистической революции. Автор многих исследований по вопросам инженерного обеспечения боевых действий войск.

Основные труды: «Влияние навесного огня и бомб — торпед на фортификацию. (1888); «Исследование новейших

средств осады и обороны сухопутных крепостей». (1888); «Оборонительные средства крепостей против ускоренной атаки». (1892); «Инженерная оборона государства и устройство крепостей». (1903); «Маневренная крепость». (1914); «Укрепленные позиции и инженерная подготовка атаки». (1919); «Крепости до и после первой мировой войны». (1922); «Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну». (1926).

В своих трудах К. И. Величко исследовал эволюцию долговременной и полевой фортификации применительно к развитию средств и способов вооруженной борьбы. Будучи крупнейшим теоретиком в области фортификации, он дал решение многих проблем использования укреплений местности в интересах боевых операций сухопутных войск.

Голубев Александр Васильевич (р. 1900). Доцент, полковник в отставке, участник гражданской войны. Старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе. Накануне Великой Отечественной войны возглавлял кафедру оперативного искусства Высшей военной академии.

Основные труды. «Разгром врангельских десантов на Кубани», М., 1929; «М. В. Фрунзе о характере будущей войны», М., Госвоениздат, 1931; «Гражданская война 1918—1920 гг.», М., 1932; «Операции на охват и окружение в гражданской войне», журнал «Война и революция», январь — февраль 1933 г.; «Основы армейской наступательной операции», М., 1939; «Основы наступательной операции фронта», М., 1940.

В своих работах автор доказывал, что будущая война как по размаху вооруженной борьбы, так и по своему характеру будет резко отличаться от войн предшествовавших исторических эпох. Раскрывая взгляды М. В. Фрунзе на характер будущей войны и задачи советского военного строительства А. В. Голубев с большой наглядностью показал, что в современных условиях война между коалициями государств принимает характер длительного состязания, которое подвергает испытанию все экономические и политические устои воюющих государств. Характер наступательных операций будет решительный, темпы их проведения — высокие. А. В. Голубев придавал большое значение скрытности совершения перегруппировки перед началом операции, массированию сил и средств на решающем направлении и быстроте развития достигнутого успеха. При наличии массированной авиации и мотомеханизированных сил создаются благоприятные условия для параллельного преследования и оперативного окружения даже после исходной операции.

Готовцев Алексей Иванович (р. 1883 г.) — генерал-лейтенант в отставке, профессор, доктор военных наук. Офицер генерального штаба старой русской армии, в Красной Армии с 1920 г. После гражданской войны работал в Штабе РККА

и на научно-педагогической работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды: «Тактика. Летние прикладные занятия в поле. Действия стрелковой и кавалерийской дивизии с точки зрения управления войсками.» М., 1924; «Методика решения тактических задач. Оборонительные действия стрелковой дивизии». М., 1926; «Тактические занятия на местности». Практическое руководство для высшего и старшего комполитсостава. М., 1927; «Атака укрепленного района». «Военная мысль», 1939, № 8 и другие.

В своих работах автор разрабатывал методику принятия решения, планирования боевых действий войск и организации управления в наступательных и оборонительных боях. При этом А. И. Готовцев дал стройную систему всестороннего учета различных элементов боевой обстановки.

Грендаль Владимир Давидович (1883—1940) — генерал-лейтенант артиллерии. Офицер старой русской армии, в Красной Армии — с первых дней ее создания; активный участник гражданской войны. По окончании гражданской войны был начальником артиллерии военных округов, начальником артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления РККА, заместителем начальника Артиллерийского управления, начальником кафедры Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Огонь артиллерии», М., 1926; «Полевая служба артиллерийского командования и штабов», М., 1927; «Роль артиллерии в общевойсковом бою», М., 1937; «Артиллерия в позиционной войне», М., 1938; «Развитие артиллерийской техники», М., 1938; «Артиллерия во встречном, наступательном и оборонительном бою стрелкового корпуса и дивизии», М., 1938; «Артиллерия в основных видах боя», М., 1940.

В этих работах В. Д. Грендаль разрабатывал вопросы боевого применения артиллерии в бою и операции и ее взаимодействия с другими родами войск, выступал против артиллерийского тарана и многодневной артиллерийской подготовки как средства, не обеспечивающего преодоления глубоко эшелонированной обороны с выходом на оперативный простор.

Он считал, что артиллерия продолжает оставаться основным средством борьбы с танками противника, а также разрушения оборонительных сооружений, подавления и уничтожения системы его обороны. В своих трудах автор приводил расчеты по созданию необходимой оперативной и тактической плотности артиллерии в операциях, излагал способы достижения тактической внезапности и намечал пути повышения маневра артиллерии огнем и колесами.

В. Д. Грендаль доказывал необходимость быстрого наращивания артиллерийской плотности за счет артиллерии резерва Верховного Главного командования, полной моторизации артиллерии, сохранения непрерывности артиллерийской поддержки на всю глубину наступления.

Гусев Сергей Иванович (1874—1933) — видный партийный деятель, один из активных организаторов и строителей Красной Армии. В годы гражданской войны был членом Реввоенсовета армий и фронтов, членом Реввоенсовета Республики. После гражданской войны — начальник Политического управления Красной Армии.

Основные труды. «Реорганизация Красной Армии», М., 1921; «Гражданская война и Красная Армия», Госиздат, М.-Л., 1925 (переиздано в 1958 г.); «Наши разногласия в военном деле», М., изд. газеты «Красная звезда», 1925.

В своих работах С. И. Гусев освещал проблемы строительства Красной Армии и особенности гражданской войны как революционно-классовой. Политику и стратегию, человека и технику он рассматривал в неразрывной их взаимосвязи. В споре со взглядами Троцкого и его сторонников, отрицавших военную науку и ее роль в строительстве вооруженных сил, С. И. Гусев подробно осветил марксистские взгляды на военную науку и отдельные проблемы ведения войны и строительства армии.

Гутор Алексей Евгеньевич (1867) — генерал старой русской армии; командовал корпусом и армией в первую мировую войну. Член особого совещания при Главкоме в период советско-польской войны 1920 г. Старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. Лекции по стратегии, читанные в Военной академии РККА в 1922—1923 гг., М., ВАФ, 1923; «Оборона корпуса на широком фронте», М., Воениздат, 1939; «Фронтальный удар пехотной дивизии», М., Воениздат, 1936.

В своих лекциях по стратегии А. Е. Гутор излагал историю формирования основных принципов стратегии и показывал, как эти принципы отражали реальные экономические, морально-политические и военные возможности того или иного государства. Он считал, что принципы военной стратегии, принятые в государстве, являются исходными данными для строительства вооруженных сил, для их подготовки и использования в войне.

В начале тридцатых годов А. Е. Гутор предлагал разделить стратегию на три крупных раздела: учение об операциях, или высшую тактику (низшую стратегию); учение о ведении войны, или высшую стратегию; учение о подготовке к войне в широком смысле и составление плана войны (стратегия мирного времени). Под стратегией А. Е. Гутор понимал

некоторый законченный период действий и движений войск на театре военных действий.

Жигур Ян Матисович (1895—1937) ответственный работник штаба РККА, старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе, а затем Академии Генерального штаба. Заместитель начальника Военно-химического управления.

Основные труды. «Влияние современной военной техники на характер будущих войн», М., 1927; «Будущая война и задачи обороны СССР», М.-Л., 1928; «Размах будущей империалистической войны», М., 1930; «Химическое оружие в современной войне», М., 1933; «Прорыв оборонительной системы по опыту мировой войны», журнал «Война и революция», январь — февраль 1935; «Прорыв и его развитие», журнал «Военная мысль», № 5—6, 1937.

Анализируя размах операций будущей войны с применением массовых армий, Я. М. Жигур считал одним из важных условий ее успешного ведения организацию систематического восполнения потерь.

В работе «Прорыв и его развитие» автор проследил результаты всех важнейших прорывов, совершенных в ходе первой мировой войны, и показал важнейшие условия, при которых возможно развитие тактического прорыва в оперативный. Одним из главных условий для этого он считал сосредоточение большого количества танков, артиллерии и боевой авиации на участке прорыва и непрерывность наращивания усилий в ходе прорыва. Химическое оружие, по взглядам автора, может быть широко использовано не только в тактическом, но и в оперативном масштабе главным образом для борьбы с оперативными резервами противника и создания системы заграждений в обороне.

Зайончковский Андрей Медардович (1865—1926) — генерал старой русской армии, участник русско-японской и первой мировой войн. Окончил Академию генерального штаба старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г. По окончании гражданской войны — профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе, сначала по кафедре военной стратегии, а затем — по кафедре истории войн и военного искусства.

Основные труды. «Оборона Севастополя», СПб, 1899, «Восточная война 1853—1856 гг.», СПб, 1912—1913; «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.», М., 1923; «Лекции по стратегии, читанные на военно-академических курсах высшего комсостава в Военной академии РККА в 1922—1923 гг.», ч. I, II, ВАФ, М., 1923; «Мировая война 1914—1918 гг.», Общий стратегический очерк, М., 1924; «Подготовка России к мировой войне (планы сторон)», М., 1926; «Мировая война. Маневренный период 1914—1915 гг. на русском (европейском) театре», М., 1929; «Мировая война 1914—1918 гг.», т. I, Кампания 1914—1915 гг., М., Воениздат, 1938; «Мировая

война 1914—1918 гг.», т. II, Кампания 1916—1918 гг., М., Воениздат, 1938.

Во многих работах по истории первой мировой войны А. М. Зайончковский давал не только описание хода событий, но и всесторонний и глубокий анализ важнейших кампаний и сражений.

Большое внимание А. М. Зайончковский уделял вопросам разработки плана войны и их оценки, стратегического развертывания, планирования операций и кампаний, оценки результатов операций, подготовки и использования стратегических резервов и т. д. Описывая опыт применения в ходе первой мировой войны танков и авиации, автор утверждал, что значительный стратегический эффект может быть достигнут только при их массовом использовании в войнах будущего.

Игнатьев Алексей Александрович (р. 1895 г.) — генерал-майор танковых войск в отставке. Был преподавателем, а затем начальником кафедры в Военной академии бронетанковых и механизированных войск. После Великой Отечественной войны работал в инспекции Министерства обороны СССР.

Основные труды. «Наступательные действия мехсоединения», журнал «Механизация и моторизация РККА», № 10, 1932; «Действия мехчастей в зимних условиях», журнал «Механизация и моторизация РККА», № 11, 1932; «Рейд мехсоединения», журнал «Механизация и моторизация РККА», № 11, 1932; «Танковая группа дальнего действия (ДД)», журнал «Механизация и моторизация РККА», № 4, 1933; «Марш механизированных частей», журнал «Война и революция», ноябрь — декабрь 1934.

В своих работах автор анализировал различные вопросы боевого применения танковых и механизированных частей и соединений; значительное место он отводил их оперативному использованию.

Одной из форм боевого применения танковых соединений в современной войне А. А. Игнатьев считал рейды, которые должны служить целям дезорганизации армейского тыла противника, нарушения его системы управления и подавления резервов. Эти рейды должны осуществляться танковыми соединениями в тесном взаимодействии с боевой авиацией.

Ионов Петр Павлович (р. 1897) — генерал-лейтенант авиации в отставке. Старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе. Начальник Военно-воздушной Краснознаменной академии.

Основные труды. «Дирижабли и их военное применение», 1933; «Общая тактика ВВС», 1934; «Действия воздушных сил в Марокко», 1935; «Истребительная авиация», 1940.

П. П. Ионов в своих трудах разработал ряд основных

положений по оперативному применению Военно-воздушных сил, определил роль и задачи авиации в современной войне, основы применения оперативных соединений и понятие господства в воздухе и его основных видов.

Какурин Николай Евгеньевич (1883—1936) — полковник старой русской армии.

В Красной Армии с 1919 г., командовал дивизией, был помощником командующего фронтом. После гражданской войны — старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Стратегия пролетарского государства», М., 1921; «Стратегический очерк гражданской войны», М.-Л., 1926; «Как сражалась революция», т. 1, М., 1925, т. 2, М., 1926; «Общая тактика», М., 1931; «Операции на отдаленных и своеобразных театрах пустыни», М.-Л., 1930.

На большом историческом материале преимущественно из истории гражданской войны Н. Е. Какурин сделал ряд обобщений теоретического характера по вопросам стратегии и оперативного искусства.

Основным условием успеха наступательных операций он считал правильный выбор направления главного удара и умение наращивать силу удара из глубины боевого порядка наступающего. Оперативная оборона, подчеркивал он, может рассчитывать на успех только при условии ее активности. Главным содержанием операции Н. Е. Какурин считал сражение. Все прочие действия войск либо вырастают из результатов сражения, либо являются актами, непосредственно ему предшествующими.

Капустин Николай Яковлевич (р. 1878) — генерал старой русской армии. В годы первой мировой войны работал в ставке Верховного Главнокомандования. В Красной Армии с 1918 г., на научно-педагогической работе; был преподавателем Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Оперативное искусство в позиционной войне», М.-Л., Госиздат, 1927.

На основе изучения операций первой мировой войны автор вскрыл причины, обусловившие возникновение позиционных форм вооруженной борьбы. Автор рассматривал также организацию, подготовку и ведение армейской наступательной и оборонительной операций в условиях позиционной войны.

Карбышев Дмитрий Михайлович (1880—1945) — генерал-лейтенант инженерных войск, профессор Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук. Герой Советского Союза. На военной службе с 1898 г. В Красной Армии с 1918 г. После гражданской войны — на научно-педагогической работе в высших военно-учебных заведениях. Погиб смертью героя в 1945 г. в немецком концентрационном лагере Маутхаузен.

Основные труды. «Влияние условий борьбы на формы и принципы фортификации», журнал «Армия и революция», № 1, 2, 3, 4, 5 и 7, 1921; «Инженерная подготовка границ СССР», журнал «Военная мысль и революция», кн. 1, 1924; «Инженерная разведка», журнал «Война и революция», № 1, 1928; «Служба заграждений и ее боевое использование», журнал «Война и революция», кн. 8—9, 1930; «Краткий справочник по военно-инженерному делу», М., Воениздат, 1936; «Инженерное обеспечение оборонительной операции», изд. Академии Генерального штаба, М., 1938; «Инженерное обеспечение наступательной операции», изд. Академии Генерального штаба, 1939; «Инженерное обеспечение боевых действий стрелковых соединений», ч. I и II, изд. Академии Генерального штаба, 1939—1940.

Разрабатывая различные проблемы инженерного обеспечения в оборонительных и наступательных операциях наземных войск, Д. М. Карбышев дал детальные данные для производства их расчета. Много внимания в его трудах уделено вопросам инженерного обеспечения, оперативной маскировки, маневрирования в обороне, инженерного обеспечения прорыва и ввода в сражение подвижных групп развития успеха.

Кирпичников Алексей Владимирович (р. 1890) — профессор Военной академии Генерального штаба, доктор военных наук, генерал-лейтенант в отставке. Офицер старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г.

Основные труды. «Исторические примеры действий конницы при развитии прорыва», изд. Академии Генерального штаба РККА, М., 1939; «Конные массы в развитии прорыва», «Военно-исторический журнал», № 8, 1940; «Армейская наступательная операция на приморском направлении», М., 1938; «Конно-механизированная группа в развитии прорыва», М., 1940.

В этих работах автор подверг анализу оперативное использование конницы в некоторых операциях первой мировой и гражданской войн и на основе сделанного обобщения пришел к выводу, что крупные конные массы есть прежде всего средство фронтового командования, и показал их роль, место и задачи во фронтовых наступательных операциях в качестве эшелонов развития успеха. Оперативное предназначение этих масс — решение задач оперативно-стратегического масштаба во взаимодействии с другими армиями фронта.

Киселев Иван Андреевич (1902—1958) — генерал-майор. Окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск, работал в Управлении Генерального штаба Советской Армии.

Основные труды. «Моторизованно-механизированные соединения», журнал «Война и революция», № 5, 1930; «Противотанковая оборона марша», Харьков, изд. «На вартi», 1934.

Разрабатывая способы оперативного использования мотомеханизированных соединений, И. А. Киселев стремился доказать, что они могут найти применение в двух направлениях: будучи включенными в состав стрелковых корпусов или в виде самостоятельных крупных соединений. Структура таких мотомеханизированных соединений при их использовании в армейской и фронтовой операциях должна обеспечивать применительно к тому или иному театру военных действий достаточную маневренность и самостоятельность в огневом отношении. Анализируя возможности использования танков дальнего действия при прорыве оборонительной полосы противника, И. А. Киселев рассматривал различные вопросы обеспечения ввода их в сражение дальнобойной артиллерией и боевой авиацией.

Коленковский Александр Константинович (1880—1942) — генерал-лейтенант, доктор военных наук, профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе. Офицер Генерального штаба старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г. После гражданской войны работал в Оперативном управлении Генерального штаба, затем вел научно-исследовательскую и педагогическую работу в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «О наступательной операции армии, входящей в состав фронта», М., ВАФ, 1929; «Зимняя операция в Восточной Пруссии в 1915 г.», М., Воениздат, 1930; «Дарданелльская операция», М., Воениздат, 1930 (2-е изд., 1939 г.); «Маневренный период первой мировой империалистической войны», М., 1940.

Большое внимание в своих трудах по истории первой мировой войны 1914—1918 гг. автор уделял анализу предвоенной подготовки государств в войне, вопросам стратегического развертывания воюющих сторон и раскрытию особенностей начального периода войны.

При описании различных кампаний и операций автор затронул многие вопросы развития оперативного искусства: роль и место армии и фронта в операции; значение выбора направления главного удара; планирование и обеспечение операции; формы оперативного маневра; организация взаимодействия и использование резервов. Обобщая опыт применения новых для того времени боевых средств (танки, авиация, химия) в операциях первой мировой войны, автор приходил к выводу о том, что последующее развитие этих средств приведет к новым формам вооруженной борьбы.

Корсун Николай Георгиевич (1877—1958) — профессор, доктор военных наук, генерал-лейтенант. Офицер генерального штаба старой русской армии, начавший работать в Красной Армии с 1918 г. По окончании гражданской войны на научно-педагогической работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды: «Сарыкамышская операция». М., 1935; «Эрзерумская операция на Кавказском фронте в 1915—1916 гг». М., 1938; «Итало-абиссинская война 1935—1936 гг.». М., 1939; «Балканский фронт мировой войны 1914—1918 гг.». М., 1939 (2-е издание — 1941); «Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г.» М., 1940.

В своих трудах Н. Г. Корсун вскрыл особенности Кавказского театра военных действий, их влияние на оперативно-тактическую деятельность войск и особенности оперативного использования войск в условиях зимних действий в горах.

Космодемьянский Николай Павлович (1891—1953) — генерал-майор интендантской службы. В гражданскую войну был начальником штаба военного флота армии и округа, затем на руководящей работе в Управлении ВВС и на педагогической работе в Военно-воздушной академии.

Основные труды. «Тыл ВВС РККА». т. 1, 2, и 3, 1938; «Тыл иностранных армий», 1939.

В своих работах Н. П. Космодемьянский разработал основные положения по организации и работе авиационного тыла в тесном взаимодействии с общевойсковым армейским и фронтовым тылами. Особое внимание автором было уделено вопросам материального и технического обеспечения оперативно-стратегического применения авиации.

Меженинов Сергей Александрович (1890—1937). Офицер старой русской армии. Окончил Киевскую школу летчиков-наблюдателей, Академию генерального штаба. В Красной Армии с 1918 г. В гражданской войне командовал армиями. Затем был начальником штаба военных округов, начальником Штаба Военно-воздушных сил и с 1933 г. зам. начальника Штаба РККА.

Основные труды: «Вопросы применения и организации авиации». М., 1924; «Основные вопросы применения ВВС». М., 1926; «Воздушные силы в войне и операции». М.—Л., 1927.

В своих трудах С. А. Меженинов всесторонне разрабатывал вопросы боевого применения военно-воздушных сил, их взаимодействия с наземными войсками. Он был сторонником массирования военно-воздушных сил в операциях, считая, что это окажет большое влияние на темпы проведения операций и их исход.

Мовчин Николай Николаевич (1896—1938) — участник гражданской войны, видный работник штаба РККА. Окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Комплектование Красной Армии», М., 1926. «Последовательные операции по опыту Марны и Вислы», М.-Л., Госиздат, 1928.

Автор подчеркивает, что операции, построенные на пра-

вильном соотношении армейских и фронтовых операций и их логической последовательности, всегда имели и будут иметь преимущества перед операциями с ограниченными целями, ибо они позволяют последовательно переходить от одной цели к другой, сохраняя единство общей цели. В связи с этим автор особое значение придает вопросам планирования исходной операции. Каждая из последовательных операций должна служить ступенькой к другой. Между последовательными операциями не должно быть значительных пауз. Теория организации и ведения последовательных операций есть важнейшая составная часть оперативного искусства.

Незнамов Александр Александрович — генерал старой русской армии, профессор военной академии генерального штаба старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г. Был преподавателем Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Современная война. Действия полевой армии», СПб, 1912; «Стратегический очерк войны 1914—1918 гг.», М., 1920; «Современная война», ч. I, 1921, ч. II, 1922; «Основы современной стратегии», 1918; «Боевые действия соединенных родов войск», М., 1924;

А. А. Незнамов считал, что главная цель вооруженной борьбы в ходе войны — уничтожение армии противника, победа в сражении. Решающее значение в ходе вооруженной борьбы он придавал наступательным действиям и считал, что только невозможность наступления может заставить временно перейти к обороне. В его работах уделено много внимания раскрытию основного содержания плана войны и кампании, мероприятиям командования по планированию и руководству операциями, методам сосредоточения сил и средств, способам достижения внезапности и закрепления достигнутого успеха.

Новицкий Василий Федорович (1859—1929) — генерал-лейтенант старой русской армии, профессор Военной академии им. М. В. Фрунзе. В Красной Армии с 1918 г. Работал в Высшей военной инспекции. После гражданской войны — на научно-педагогической работе в высших военно-учебных заведениях.

Основные труды. «Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции», том I — «От начала войны до расположения сторон на Марне», Воениздат, М., 1928; «Мировая война 1914—1918 гг. Кампания 1914 года в Бельгии и Франции», том II — «От завязки сражения на Марне до установления позиционной войны», Госвоениздат, М., 1928.

В. Ф. Новицкий в своих работах дал оценку стратегической и оперативной деятельности командования, штабов и войск в кампании 1914 года на западно-европейском театре войны. По его мнению, маневренная война на Западе в полной мере подтвердила все тактические и стратегические пре-

имущества наступления, в связи с чем огромное значение для успеха действий получают инициатива и активные формы ведения войны и боя. Автор анализирует работу оперативных инстанций по управлению и использованию оперативных и стратегических резервов и ряд других проблем военного искусства маневренного периода первой мировой войны и делает на основе этого некоторые выводы.

Огородников Федор Евлампиевич (1867—1939) — генерал-лейтенант старой русской армии. Окончил военную академию генерального штаба старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г. По окончании гражданской войны — на научно-педагогической работе в военно-учебных заведениях.

Основные труды. «Удар по Колчаку», М., Госвоениздат, 1938; «Воздушная война по зарубежным взглядам», журнал «Война и революция», май — июнь 1934; «Вторжение мотомеханизированных сил и их отражение», журнал «Военная мысль», № 3—4, 1937; «Глубокая операция и ее тыл», журнал «Война и революция», № 1—2, 1933; «Крепости и пограничные укрепления в будущей войне», газета «Красная звезда», 8 февраля 1936; «Мотомехвойска в современной операции», газета «Красная звезда», 26 апреля 1935.

Большое внимание в работах Ф. Е. Огородникова уделено раскрытию взглядов зарубежных военных деятелей на характер будущей войны, методов и способов использования в ней различных родов войск и видов вооруженных сил. Автор на основе анализа зарубежных источников излагал особенности будущей войны и роль в ней авиации и мотомеханизированных сил. В работе «Удар по Колчаку» автор рассматривал операции и анализировал боевую деятельность командования и штабов в борьбе против Колчака.

Сергеев (Петров) Андрей Васильевич (1893—1933) — летчик, солдат в первую мировую войну. Был председателем Всероссийского авиасовета (1917—1918 гг.) и первым начальником Воздухофлота Республики, возглавляя авиацию во время гражданской войны. Начальник Трансавиации ГВФ. Член КПСС с 1911 г.

Основные труды. «Стратегия и тактика Красного Воздушного флота», 1925; «Пять лет строительства и борьбы Воздушного флота — 1917—1922 гг.», 1926.

Капитальный труд А. В. Сергеева «Стратегия и тактика Воздушного флота» был первой в советской военной печати работой по вопросам роли и значения авиации, ее организации и боевого применения. Автор решал в ней эти вопросы, исходя из имевшихся в то время реальных возможностей и перспектив ближайшего будущего.

Славин Иосиф Еремеевич (1893—1938) — видный политработник Советской Армии. Член Военного совета Ленинград-

ского округа. Заместитель начальника Политуправления Красной Армии.

Основные труды. «Вопросы военного дела в свете материалистической диалектики», Госвоениздат, М., 1935.

Работа посвящена изучению проблем марксизма-ленинизма в военном деле. Автор рассматривает внутренние закономерности развития вооруженных сил и оперативно-тактических форм их боевой деятельности, показывает, как в военном деле проявляются основные законы и категории материалистической диалектики. Используя большой исторический материал и показывая, как формы и методы вооруженной борьбы менялись в зависимости от изменения общественной формации, автор вскрывает причины этих изменений и учит применению диалектического метода в военном деле.

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865—1937) — генерал-лейтенант старой русской армии. В Красной Армии с мая 1918 г. Активный участник гражданской войны. С августа 1919 г. в течение двух лет был начальником Академии Генерального штаба, в последующем профессор и главрук по военной географии, статистике. Руководитель восточного факультета Академии и член Высшего военного редакционного совета. Герой труда.

Основные труды: «Североиндийский театр (военно-географическое описание)». (1903); «Индия, как главный фактор в среднеазиатском вопросе». (1906); «Военная география России. Часть общая». (1909); «Афганистан». (1921); «Введение в военную географию». (1924).

В своих работах А. Е. Снесарев, характеризуя некоторые театры военных действий, раскрыл их особенности и показал важность всестороннего изучения влияния различных военно-географических факторов на стратегию и оперативное искусство.

Сулейман Николай Александрович (1878—1938) — генерал старой русской армии. В Красной Армии с 1918 г., вел научно-педагогическую работу в военных академиях.

Основной труд. «Тыл и снабжение действующей армии», М.-Л., 1927.

В этом труде автор освещает основные положения по работе специальных служб обеспечения и снабжения войск действующей армии. Обобщив опыт мировой и гражданской войн в области службы тыла, Н. А. Сулейман детально анализирует различные проблемы службы стратегического и оперативного тыла.

Таленский Николай Александрович (р. 1901) — генерал-майор в отставке, доктор военных наук, начальник научно-исследовательского отдела Военной академии им. М. В. Фрунзе, начальник военно-исторического отдела Управления Гене-

рального штаба, ответственный редактор газеты «Красная звезда».

Основные труды. «Кампания 1917 года первой мировой империалистической войны», М., изд. Военной академии им. М. В. Фрунзе, 1938; «Некоторые выводы из опыта войны 1914—1918 гг.», «Военно-исторический журнал», № 8, 1940; «Две кампании на Западноевропейском театре, 1914 и 1940 годы», газета «Красная звезда» от 1 июня 1940 г.; «Маневр дробящих фронт ударов», газета «Красная звезда» от 13 июля.

Анализируя опыт первой мировой войны, Н. А. Таленский приходит к ряду выводов о методах подготовки и ведения наступательных операций при наличии новых по тому времени технических средств вооруженной борьбы. В наступательной операции русского Юго-Западного фронта в 1916 г. Н. А. Таленский видит процесс зарождения и развития новой формы оперативного маневра — маневра дробящих фронт ударов, заставляющего противника разбрасывать свои оперативные резервы. В своих работах автор анализирует причины, вследствие которых в ходе операций первой мировой войны не достигалось развития тактического прорыва в оперативный.

Фельдман Борис Миронович (1890—1937) — комкор, по окончании гражданской войны — начальник Главного управления кадров, начальник Главного управления РККА (ГУРККА).

Основные труды. «К характеристике новых тенденций в военном деле», Госвоениздат, М., 1931; «О будущей войне», журнал «Мировое хозяйство и мировая политика», № 11—12, 1933 (предисловие к книге Гектор Бастико, «Будущая война». Перев. с итал. М., Госвоениздат, 1934).

Исходя из возможного характера будущей войны и реального роста экономической базы СССР, автор высказывался за необходимость быстрейшего перевооружения армии новой боевой техникой, усиления моторизации и механизации армии и изменения ее организационной структуры. Анализируя соотношение между родами войск, сложившееся в ряде армий, Б. М. Фельдман определял цели советской военной стратегии, а также ближайшие задачи оперативной подготовки и общего усиления армии.

Фишман Яков Моисеевич (1887—1961) — участник гражданской войны. После гражданской войны был начальником Военно-химического управления РККА.

Основные труды. «Химическое оружие», М., 1924; «Газовая война», ч. 1, М., 1924; «Военно-химическое дело в современной войне», М., Воениздат, 1930; «Химическая оборона и задачи Осоавиахима», М., 1931.

В своих работах Я. М. Фишман рассмотрел состояние военно-химического оружия и высказал ряд рекомендаций от-

носительно его возможного использования в наступательных и оборонительных операциях, а также по вопросам организации противохимической защиты войск в ходе боевых действий. Перечисляя оперативные задачи, которые могут быть решены с помощью химических средств борьбы в армейской операции, автор показал, что химические средства могут применяться как в позиционной, так и в маневренной войне, при любом климате, в любых условиях театра военных действий и в любое время года и суток.

Шварц Николай Николаевич (1882—1936) — офицер старой русской армии. В годы гражданской войны был начальником штаба Западного фронта. После войны — на научно-педагогической работе в Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Устройство военного управления», М.-Л., 1927; «Подготовка и проведение командованием и штабом фронтовой и армейской операции», М., Воениздат, 1936; Конспект к лекциям по организации управления действующей армии, М., 1923; «Материальное обеспечение наступления Западного фронта в июле — августе 1920», М., 1936.

В этих работах Н. Н. Шварц излагал сущность оперативного руководства войсками в военное время. Обобщая опыт полевого управления действующей армии в годы мировой и гражданской войн, он рассмотрел те требования, которые война предъявляет к органам оперативного управления войсками, и высказал соображения о том, какие принципы должны быть положены в основу построения той или иной инстанции оперативного управления.

Эйдеман Роберт Петрович (1895—1937) — видный военный деятель. Командовал дивизией и армией в гражданской войне. После гражданской войны — командующий войсками Сибирского военного округа, начальник и военный комиссар Военной академии им. М. В. Фрунзе, председатель Центрального совета Осоавиахима, член редколлегии военных журналов, один из редакторов трехтомной Истории гражданской войны и Советской военной энциклопедии.

Основные труды. «Повстанчество и его роль в современной войне», журнал «Армия и революция», № 3—4, 1922; «М. В. Фрунзе и оборона СССР», журнал «Война и революция», № 10, 1926; «Вопросы военно-научной работы», газета «Красная звезда», от 23 февраля 1929; «Характер операций современных армий», газета «Красная звезда» от 1 января 1930; «К изучению истории гражданской войны», журнал «Война и революция», кн. 2, 1932; «К вопросу о характере начального периода войны», журнал «Война и революция», кн. 8, 1931.

Анализируя опыт военных операций гражданской войны, Р. П. Эйдеман много внимания уделял правильному взаимоотношению политики и стратегии в ходе вооруженной борьбы,

а также методам оперативного управления и всестороннего обеспечения проводимых операций. Разбирая различные вопросы развития военного искусства и характер первого периода будущей войны, он считал, что первые же часы после объявления войны ознаменуются открытием ожесточенной воздушной войны, направленной против жизненных центров противной стороны.

Эрнест Николай Андреевич (р. 1893) — генерал-майор в отставке. Работал в Управлении механизации и моторизации РККА, начальником кафедры бронетанковых и механизированных войск Военной академии им. М. В. Фрунзе.

Основные труды. «Современные танки в наступательной операции», журнал «Механизация и моторизация РККА», № 9, 1933; «Современные танки в обороне и наступлении», М., Воениздат, 1934.

Н. А. Эрнест считал, что механизированные соединения являются лучшим средством превращения тактического прорыва в глубокий оперативный прорыв. В целях сохранения максимума боеспособности механизированное соединение должно вводиться в бой только после завершения прорыва тактической зоны обороны.

Яцук Николай Александрович (1884—1930). Окончил Военно-морскую академию и Петербургский технологический институт. Участник русско-японской и первой мировой войн. В Красной Армии — с начала ее организации. Был командиром авиаотряда, помощником начальника Главвоздухфлота, затем — на преподавательской работе.

Основные труды. «Тактика воздушного флота», 1924; «Авиация и химия», 1925; «Помощь авиации действиям партизан», 1925.

Работа Н. А. Яцука по тактике воздушного флота, написанная еще в 1912 г., явилась первой в мировой военной литературе книгой на эту тему. В своих последующих работах автор обосновал взгляды на военно-воздушные силы как на один из видов вооруженных сил и считал главной задачей авиации «всемерное содействие своим армиям».

★ ★ ★

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]) Имеется в виду Германия второй половины XIX века.

[2]) Под Садовой (населенный пункт на территории Чехословакии) армия Пруссии 3 июля 1866 г. нанесла тяжелое поражение австрийской армии. Под Седаном (город в северо-восточной части Франции) прусские войска в конце августа 1870 г. окружили и пленили стотысячную армию французов.

[3]) Статья написана в 1921 г., когда наша страна сильно отставала в экономическом и техническом отношении от передовых капиталистических стран. М. В. Фрунзе, имея в виду возможность нападения на Советскую Республику в ближайшем будущем, считал, что капиталистические государства будут иметь в этом отношении преимущества перед нею.

[4]) Малая война — условное наименование способа ведения боевых действий небольшими отрядами, партизанскими действиями. В военной терминологии капиталистических стран под термином «малая война» подразумевают также военные действия на так называемых «малокультурных» театрах (в джунглях, пустынях и т. п.) против слабо вооруженных колониальных народов.

[5]) М. В. Фрунзе, исходя из опыта гражданской войны, в которой конница нашла широкое применение, в данном случае переоценивал ее роль в будущей войне. Появление в последующем и бурное развитие новых подвижных средств — мотомеханизированных войск — оттеснило конницу на второй план, а затем и вовсе вытеснило ее как род войск.

[6]) Милиционная система — система комплектования армии, при которой воинские части в мирное время имеют небольшой кадровый состав и приписанных по месту жительства военнообязанных, которые отбывают службу путем краткосрочных учебных сборов.

[7]) Наполеон (1769—1821) — французский император и полководец.

[8]) Керенский Александр Федорович (р. 1881). В 1917 г. — министр, а затем министр — председатель буржуазного Временного правительства.

[9]) Суворов Александр Васильевич (1730—1800) — русский полководец.

[10]) Германское юнкерство — класс германских помещиков; дворяне-землевладельцы в Восточной Пруссии.

[11]) М. В. Фрунзе исходил из тех условий, в которых находилась наша страна в середине двадцатых годов. Последующая индустриализация народного хозяйства и выполнение пятилетних планов коренным образом изменили эти условия.

[12]) М. В. Фрунзе взял в кавычки приведенную им выдержку из брошюры П. Каратыгина (начальника оперативного отдела штаба Южного фронта во время разгрома Врангеля) «Общие основы мобилизации промышленности для нужд войны».

[13]) Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал царской армии. В 1919—1920 гг. был главнокомандующим контрреволюционными вооруженными силами Юга России.

[14]) Русско-японская война 1904—1905 гг. — империалистическая война между Россией и Японией за господство на Дальнем Востоке. Война закончилась поражением русского царизма. 23 августа (5 сентября) 1905 г.

в Портсмуте был заключен мир. По условиям договора Япония получила Квантунский полуостров с Порт-Артуром и южную часть Сахалина.

[15]) Коалиция — политический или военный союз государств, действующих совместно против другого или других государств.

[16]) Ллойд-Джордж Давид (1863—1945). В 1916—1922 гг. — премьер-министр Англии.

[17]) «Беллона» — польский военный журнал, издававшийся в Варшаве в двадцатых и тридцатых годах.

[18]) Ровецкий С.— подполковник польской армии. Автор статьи о Полевом уставе 1925 г., помещенной в журнале «Беллона», 1926 г.

[19]) Фуллер Джон Чарлз (р. 1878) — английский военный писатель. Автор работ по вопросам применения наземных войск.

[20]) Лиддель Гарт — английский военный писатель XX в., автор работ, имеющих военно-теоретический и военно-исторический характер.

[21]) Шарль де Голль (р. 1890) — французский генерал, сейчас — президент Французской Республики.

[22]) Дуэ Джулио (1869—1930) — итальянский генерал, автор теории независимых воздушных сил, способных самостоятельно решить исход войны.

[23]) Война в Испании 1936—1939 гг. — национально-революционная война испанского народа против испанской контрреволюции и итало-германской военной интервенции. Закончилась победой контрреволюции.

[24]) Итало-абиссинская война 1935—1936 гг. — империалистическая война, которую фашистская Италия вела с целью захвата Абиссинии (Эфиопии). Закончилась оккупацией Эфиопии фашистской Италией.

[25]) Ульмская операция — операция, проведенная войсками французской армии Наполеона против австрийцев 17 октября 1805 г. у г. Ульм. Французская армия одержала победу.

[26]) Мольтке Гельмут Карл (старший) (1800—1891) — прусский фельдмаршал, создатель германского генерального штаба, военный писатель. Руководил военными операциями прусской армии в 1866 г. и германской армией в войне 1870—1871 гг.

[27]) Шлиффен Альфред (1833—1913) — немецкий генерал-фельдмаршал. С 1891 г. начальник германского генерального штаба.

[28]) «Бег к морю» — название операций, проведенных враждующими сторонами в сентябре — октябре 1914 г. в районе к западу от р. Уазы до Северного моря, в которых обе стороны безуспешно пытались обойти друг друга с севера.

[29]) Тюренн Анри (1611—1675) — французский полководец.

[30]) Мартовское наступление 1918 г. — наступление немцев в Пикардии с 21 марта по 4 апреля 1918 г. против 3-й и 5-й английских армий. Несмотря на продвижение немцев в глубину до 60—65 км, англо-французским войскам удалось своевременным вводом в сражение резервов приостановить наступление противника.

[31]) Шмен-де-Дам — дорога по плато между рр. Эн и Элетт.

[32]) Гельдерс —немецкий военный писатель, автор книги «Воздушная война 1936 года».

[33]) Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — генерал царской армии. В 1920 г. возглавлял контрреволюцию на юге России.

[34]) Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — вице-адмирал царской армии. В 1918—1920 гг. возглавлял белогвардейские армии на Востоке.

[35]) Мамонтов К. К. (1861—1919) — белогвардейский генерал, командир донского казачьего корпуса, руководивший рейдом по тылам Красной Армии в августе — сентябре 1919 г.

[36]) Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал царской армии. В 1919 г. во главе белогвардейских войск наступал из Эстонии на Петроград.

[37]) Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — член Коммунистической партии с 1914 г.; в годы гражданской войны командовал полком, бригадой и дивизией, а с ноября 1920 г.— корпусом червонного казачества.

[38]) Марнское сражение 1914 г. — крупное сражение между главными силами Франции и Германии в 1914 г., происшедшее во Франции на р. Марне; закончилось поражением немецких войск.

[39]) Виллер-Котре — населенный пункт на территории Франции, где происходили бои между германскими и французскими войсками во время сражений на р. Марне и р. Эн в 1914 г. и в 1917—1918 гг.

[40]) Англия, Америка, Франция и Япония.

[41]) Германия, Австрия и Россия.

[42]) Густав II, Адольф (1594—1632) — король Швеции в 1611—1632 гг.

[43]) «deus ex machina» — бог из машины — развязка вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства.

[44]) Японо-Китайская война — война, начатая Японией против Китая в целях утверждения японского контроля над Кореей и проникновения в Китай.

[45] Конрад фон Гетцендорф Франц (1852—1925) — австрийский генерал-фельдмаршал, начальник австрийского генерального штаба в первую мировую войну.

[46]) Клаузевиц Карл (1780—1831) — военный теоретик и историк. В 1818—1830 гг. — начальник военной академии в Берлине. Его работа «О войне» и другие переведены на русский язык.

[47]) Габсбурги — династия, правившая многие годы (с 1273 г. по 1918 г.) в Испании, Австро-Венгрии и других европейских странах. Была свергнута в октябре 1918 г.

[48]) Блиох Иван Станиславович (1836—1902) — русский военный писатель конца XVIII в.

[49]) Программа Гинденбурга — программа, рассчитанная на усиленную деятельность в области милитаризации Германии и укрепления экономической базы германского империализма; была выдвинута президентом Германии Гинденбургом.

[50]) Лебедев Павел Павлович (1872—1933) — генерал русской армии, перешедший в 1917 г. в Красную Армию. В годы гражданской войны был начальником полевого штаба Реввоенсовета Республики, с 1921—1924 гг. — Начальник Штаба РККА.

[51]) Бисмарк Отто (1815—1898) — первый рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890 гг.

[52]) Мольтке Гельмут Иоганн (младший) (1848—1916) — немецкий генерал-полковник. В 1906—1914 гг. — начальник германского генерального штаба. Племянник Мольтке-старшего.

[53]) План Шлиффена — стратегический план наступления немецких войск в первую мировую войну. В последнем своем варианте план намечал главными силами немцев нанести охватывающий сокрушительный удар через Бельгию в обход французских укреплений и левого крыла французской армии, затем, обойдя Париж с севера, окружить и разгромить французскую армию. В Лотарингии намечалось ограниченными силами сковать возможно бо́льшую часть французской армии. На востоке против России предполагалось до исхода борьбы с Францией вести совместно с Австро-Венгрией оборону.

[54]) Берхтольд А. (1863—1942) — граф, министр иностранных дел и председатель австро-венгерского совета министров.

[55]) Жоффр Жозеф (1852—1931) — французский маршал, в 1911—1914 гг. — начальник генерального штаба, с начала первой мировой войны — главнокомандующий французской армией.

[56]) Французский план № 17. По этому плану французские армии должны были развернуться с таким расчетом, чтобы держать упорную оборону на левом крыле фронта и вести наступательные действия в Эльзас-Лотарингии.

[57]) Русский план войны 1914 г. — план развертывания русских армий на случай войны, предусматривавший два варианта нанесения главного удара — против Австро-Венгрии либо против Германии с целью отвлечь силы немцев с Западного театра на Восточный.

[58]) Нивель Р.— французский генерал, под руководством которого в апреле — мае 1917 г. англо-французские войска пытались прорвать немецкие позиции на фронте от Арраса до Реймса.

[59]) Людендорф Эрих (1865—1937) — немецкий генерал. С 1916 г. до конца войны совместно с Гинденбургом руководил военными действиями германской армии в первой мировой войне. Автор работ по 1-й мировой войне и по теории тотальной войны.

[60]) Смит Адам (1723—1790) — видный английский экономист, один из создателей буржуазной классической политической экономии.

[61]) Ллойд Генрих (1729—1783) — английский военный писатель, находился на русской службе во время войны с Турцией 1768—1774 гг. Автор работ «Философия войны», «История Семилетней войны» и др.

[62]) Семилетняя война 1756—1763 гг. — война, в которой Пруссия и Англия вели борьбу против коалиции Австрии, Франции, Швеции, России, Саксонии за передел Средней Европы и за колонии.

[63]) Виллизен (1790—1879) — прусский генерал, военный писатель XIX в.

[64]) Блюме Вильгельм (1835—1919) — прусский генерал, военный писатель. Сочинения: «Стратегия», «Армия и Французская революция 1789—1793 гг.», «Инициатива полководца на войне» и др.

[65]) Кант Иммануил (1724—1804) — философ, родоначальник немецкого идеализма второй половины XVIII в. и начала XIX в.

[66]) Леер Генрих Антонович (1829—1904) — генерал русской армии, профессор и начальник военной академии; военный писатель и теоретик.

[67]) Жомини Генрих (1779—1869) — генерал французской, позднее русской службы, военный теоретик и историк. Его «Очерки военного искусства» переведены на русский язык.

[68]) Гамбетта Леон (1838—1882) — министр внутренних дел правительства «Национальной обороны» во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[69]) Мориц Саксонский (1696—1750) — французский маршал. Автор мемуаров о военном искусстве.

[70]) Фридрих Великий (1712—1786) — прусский король в 1740—1786 гг.

[71]) Альба герцог (1507—1582) — испанский полководец и государственный деятель.

[72]) Нарочская операция 1916 г. — операция войск русской армии Западного фронта, проведенная в районе озера Нарочь в марте 1916 г. В ходе операции русские понесли большие потери, но отвлекли на себя значительное количество немецких резервов и тем облегчили положение французов под Верденом.

[73]) Цусима — группа островов в Корейском проливе, площадью 700 кв. км. В мае 1905 г. у этих островов произошло морское сражение между 2-й русской Тихоокеанской эскадрой (командующий — вице-адмирал Рождественский) и японским флотом (командующий — адмирал Того). Закончилось поражением русской эскадры.

[74]) Кинбурн — населенный пункт на Кинбурнской косе, вблизи которого турки построили крепость. Крепость Кинбурн дважды занимали русские войска: в июне 1736 г. и в русско-турецкую войну в 1768—1774 гг. В русско-турецкой войне 1787—1791 гг. Суворов разгромил крупный турецкий десант у Кинбурна; участвуя в рукопашной схватке, он сам был дважды ранен.

[75]) Шамиль (р. ок. 1798—ум. 1871) — руководитель национально-освободительного движения горцев Дагестана и Чечни.

[76]) Вильгельм II (1859—1941) — император Германии, король Пруссии (1888—1918)

[77]) Коалиционная война — война, которая ведется вооруженными силами нескольких государств, связанных договором и имеющих общие интересы.

[78]) Седан — город на северо-востоке Франции в департаменте Арденн; в районе Седана в 1870 г. во время франко-прусской войны была

разгромлена и пленена французская армия, которой командовал маршал Мак-Магон.

[79]) Жилинский Яков Григорьевич (1853—1918) — генерал старой русской армии, начальник русского генерального штаба в 1911—1914 гг. Во время первой мировой войны (1914 г.) — главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта.

[80]) Самсонов Александр Васильевич (1859—1914) — генерал русской армии. В 1914 г. командовал 2-й русской армией.

[81]) Ренненкампф Павел Карлович (1854—1918) — генерал русской армии. В 1914 г. командовал 1-й русской армией.

[82]) Аустерлицкое сражение — сражение между русско-австрийской и французской армиями, происшедшее в конце 1805 г.; закончилось победой войск Наполеона.

[83]) Сталюпенен — город в Восточной Пруссии, в районе которого 4(17) августа 1914 г. произошло сражение между частью сил 1-й русской армии и 1-м корпусом 8-й германской армии.

[84]) Петен Анри (1856—1951) — маршал Франции с 1918 г. В 1916 г. руководил обороной Вердена. В 1940—1944 гг. был главой профашистского правительства Виши во Франции.

[85]) Фош Фердинанд (1851—1929) — маршал Франции. С мая 1917 г.— начальник генерального штаба французской армии, с ноября 1917 г.— член Верховного совета стран Антанты, а затем его председатель. С апреля 1918 г. Фош был верховным главнокомандующим союзными войсками.

[86]) Фалькенгайн Эрик (1861—1922) — немецкий генерал, был военным министром и начальником генерального штаба (главнокомандующим). Автор работы «Верховное командование 1914—1918 гг. в его важнейших решениях».

[87]) Канны — селение в юго-восточной Италии, около которого в 216 г. до н. э. (во время второй Пунической войны) произошло сражение между римскими и карфагенскими войсками. Римляне были окружены и почти полностью уничтожены. «Канны» стали классическим примером окружения противника.

[88]) Гинденбург Пауль (1847—1934) — германский фельдмаршал, президент Германии в 1925—1934 гг. В 1914 г. командовал 8-й германской армией, с 1916 г.— начальник германского генерального штаба.

[89]) Шлихтинг (1829—1909) — немецкий генерал, военный писатель.

[90]) Мозер Отто — немецкий военный историк, автор книги «Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 гг.», переведенной на русский язык, и других работ.

[91]) Болдырев Василий Георгиевич — преподаватель Николаевской военной академии, автор работ по военной истории и тактике, главнокомандующий контрреволюционной Уфимской директории в 1918 г.

[92]) Сражение под Вафангоу — сражение, происшедшее между русскими и японскими войсками в начале июля 1904 г. в районе железнодорожной станции Вафангоу. Оно кончилось неудачно для русских войск.

[93]) Эрр Фредерик Жорж (1855—1933) — французский артиллерист, генерал. В 1916 г. командовал 6-м армейским корпусом, оборонявшим укрепленный район под Верденом. Автор работы «Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем» (1923).

[94]) Кюльман Ф. — полковник французской армии, автор работ «Стратегия», «Общая тактика» и других, переведенных на русский язык.

[95]) Жлоба Дмитрий Петрович (1887—1939) — член Коммунистической партии с 1917 г. В гражданскую войну командовал кавалерийской бригадой, дивизией и корпусом. После гражданской войны был на руководящей партийной и хозяйственной работе.

[96]) Шварте М. — военный писатель, автор труда «Техника в мировой войне», 1-е изд.— 1921, 2-е изд.— 1927.

[97]) Сражение под Камбре — наступательная операция англичан против немцев в ноябре 1917 г., в которой была применена внезапная атака (без артиллерийской подготовки) пехоты и танков. Танки по 9—12 ма-

шин были распределены между пехотными батальонами и на рассвете 20 ноября 1917 г. под прикрытием огневого вала атаковали позиции немцев. К полудню им удалось прорвать немецкие позиции на глубину 8—10 км. Развить тактический прорыв в оперативный не удалось.

[98]) Пилсудский Юзеф (1867—1935) — маршал Польши в 1926—1935 гг. Один из организаторов нападения буржуазной Польши на Советское государство в 1920 г.

[99]) Путна Витовт Казимирович (1893—1937) — член Коммунистической партии с 1917 г. В годы гражданской войны командовал полком, бригадой и дивизией. После гражданской войны — на руководящей военной и военно-дипломатической работе.

[100]) Франко-прусская война 1870—1871 гг.— война между Францией и Пруссией совместно с остальными государствами Северогерманского союза. Кончилась падением Второй империи во Франции и завершением объединения Германии под главенством Пруссии.

[101]) Луцкий прорыв 1916 г. — наступательная операция 8-й русской армии на главном направлении прорыва войск Юго-Западного фронта (22 мая — 2 июня 1916 г.); завершилась поражением 4-й австрийской армии и овладением русскими г. Луцк.

[102]) Кенигрец — населенный пункт на территории бывшей Австро-Венгрии, в районе которого в ходе австро-прусской войны 1866 г. произошло решающее сражение; австрийские войска понесли здесь крупное поражение.

[103]) Сект Г. — военный министр Германии, сторонник малых мотомеханизированных армий. Автор работ по использованию мотомеханизированных сил и авиации в тотальной войне.

[104]) Марнский выступ — участок местности, занятый германскими войсками на территории Франции в районе р. Марна, который был оставлен немцами в результате контрнаступления французов в 1918 г. в районе Виллер-Котте.

[105]) Суассон — город округа Эн на р. Эн, в районе которого происходили сражения первой мировой войны в 1915 г.

[106]) Шато-Тьерри — город округа Эн на р. Марне, где происходили бои первой мировой войны во время сражения на р. Эн и Марне.

[107]) Рупрехт Баварский (1869—1955) — генерал-фельдмаршал германской армии. В 1914—1916 гг. командовал 6-й армией, в 1916—1918 гг. — группой армий.

[108]) Вильгельм Прусский (1797—1888) — прусский король в 1861—1888 г. и германский император в 1871—1888 гг.

[109]) Верденская операция 1916 г. — операция, проведенная с целью овладения верденским укрепленным районом. Немцы потеряли около 600 тыс. человек, а французы — свыше 350 тыс. человек. Операция успеха немцам не дала.

[110]) Сражение на Сомме — наступательная операция англо-французских войск в июле — ноябре 1916 г., в которой впервые были применены в небольшом количестве танки.

[111]) Амьенская операция 1918 г.— операция, проведенная англо-французскими армиями в августе 1918 г., в результате которой был ликвидирован «амьенский выступ» линии фронта германских войск (у г. Амьен). Германские войска отошли на старые позиции, а в последующем начали общий отход с территории Франции.

[112]) Денинг — английский военный писатель, автор статей по моторизации и механизации армии.

[113]) Камон — французский генерал, автор книги «Воздушная армия и противовоздушная оборона страны» (1935).

[114]) Аллео — французский военный писатель, автор книги «Воздушная мощь и сухопутные вооруженные силы» (1936).

[115]) Мартель — английский военный писатель, автор книги «Первые пятнадцать лет механизации британской армии» (1931).

[116]) Автор подразумевал период начала сороковых годов — до нападения фашистских армий на Советский Союз.

[117]) Автор имеет в виду условия, создавшиеся к 1940 г.

[118]) Война 1870—1871 гг. — война между Пруссией и Францией, закончившаяся поражением Франции.

[119]) Гамелен Морис — французский генерал, начальник французского генерального штаба, главнокомандующий французской армии.

[120]) Шалеа — французский генерал, командовавший армией в войне 1914—1918 гг.

[121]) Луазо — генерал французской армии. С 1935 г.— заместитель начальника французского генерального штаба.

[122]) Зольдан — немецкий военный писатель, проповедовал теорию перехода к малым профессиональным армиям.

[123]) Мецш — немецкий военный теоретик второй половины XIX в.

[124]) Фужерон — французский военный деятель, автор статей по стратегии и оперативному искусству.

[125]) Шмитхеннер Пауль — немецкий военный писатель, автор работ по военной истории.

[126]) Рулев П. П. — советский военный деятель, автор нескольких работ по боевому использованию бронетанковых и механизированных войск.

[127]) Вольский Василий Тимофеевич (1897—1948) — гвардии генерал-полковник танковых войск; автор нескольких работ по боевому использованию бронетанковых и механизированных войск.

[128]) Первые два элемента — механизация и авиация — действительно получили большое развитие и имели огромное значение во второй мировой войне 1939—1945 гг. Что касается химии, то воюющие стороны воздержались от применения этого оружия.

[129]) Последующий опыт строительства бронетанковых войск Советской Армии подтвердил это принципиально важное теоретическое положение. Удельный вес танков резерва Главного командования составлял 80—90% от общего количества танков, имевшихся на вооружении Советской Армии.

[130]) В то время механизированные соединения были вооружены танками МС-1, имевшими низкие тактико-технические данные. В последующем, когда на вооружение поступили более совершенные боевые машины, возможности механизированных соединений значительно возросли.

[131]) Впервые предложенный автором метод анализа боевых свойств механизированных соединений получил в последующем широкое применение.

[132]) Возможности механизированных соединений были явно занижены. В операциях Великой Отечественной войны танковые части и соединения, имевшие весьма ограниченное количество пехоты, оказались способными удерживать захваченные районы и рубежи.

[133]) Эти принципы были положены в основу организации механизированных соединений Советской Армии.

[134]) До 1930 г. имевшиеся в нашей армии танковые, механизированные, а также бронепоездные части, которые официально именовались в то время броневыми силами, являлись родом оружия в составе сухопутных войск. Но уже к началу тридцатых годов были созданы необходимые предпосылки для перерастания броневых сил из рода оружия в самостоятельный, четвертый род войск.

[135]) Прогнозы автора о возможном влиянии механизированных и моторизованных частей и соединений на характер будущих сражений оказались правильными и полностью подтвердились во второй мировой войне.

[136]) Боевой опыт подтвердил целесообразность организационного слияния моторизованной пехоты с танковыми частями. На практике это нашло отражение в создании механизированных бригад и механизированных корпусов.

[137]) Весьма осторожный подход в определении задач мотомеханизированных соединений обусловливался низким качеством бронетанковой

техники того периода (танки МС-1, бронеавтомобили БА-27). С повышением боевых свойств бронетанковой техники возросли и боевые возможности механизированных соединений.

[138]) Такая форма оперативного использования мотомеханизированных соединений имела место во второй мировой войне на второстепенных театрах военных действий, где не было сплошных фронтов (например, в Северной Африке).

[139]) Идея использования механизированных соединений в рейдах имела большое значение для разработки теории глубокой операции и изыскания форм оперативного применения в ней механизированных соединений. Действиями механизированных соединений по тылам противника рассчитывалось ослабить его сопротивление с фронта и придать наступательной операции более глубокий и маневренный характер. Однако дальнейшее развитие средств вооруженной борьбы во второй половине тридцатых годов заставило пересмотреть вопрос о возможностях применения механизированных соединений в рейде. Было признано, что в изменившихся условиях наибольший оперативный эффект применения крупных механизированных соединений может быть достигнут не в рейдах по тылу противника с последующим возвращением в расположение своих войск, а в случае применения их в качестве передового эшелона наступающих войск армии и фронта при непрерывном оперативном взаимодействии с авиацией и воздушными десантами.

[140]) В ходе Великой Отечественной войны, особенно в операциях 1941—1942 гг., танковые и механизированные соединения довольно широко применялись для обеспечения выхода из боя и отхода своих войск.

[141]) Эти требования к организации соединений бронетанковых войск не утратили своего значения и для современных условий.

[142]) Боевой опыт не подтвердил этого положения. Несмотря на ограниченные возможности, танковые части и соединения в Великую Отечественную и вторую мировую войну самостоятельно форсировали водные преграды и вели оборонительные действия.

[143]) Во многих операциях Великой Отечественной войны широко применялись совместные действия механизированных (танковых) и кавалерийских соединений, объединенных общим командованием в конно-механизированные (конно-танковые) группы.

[144]) Опыт боевых действий, которые пришлось вести Советской Армии в конце тридцатых годов, заставил пересмотреть схему использования танков в наступательном бою, связанном с прорывом обороны противника. Возросшая плотность противотанковых средств не позволяла танкам ДД и ДПП самостоятельно действовать в глубине вражеской обороны. Они несли неоправданные потери и не выполняли своих задач. Поэтому в Великой Отечественной войне для совместных действий с пехотой создавались только группы танков НПП.

[145]) Теоретический расчет нормы насыщения танками НПП подтвердился практикой Великой Отечественной войны.

[146]) В операциях Великой Отечественной войны редко удавалось вводить механизированные и танковые соединения подвижной группы в так называемый «чистый прорыв». Как правило, выход подвижных групп в оперативную глубину был связан с необходимостью завершать прорыв тактической зоны обороны противника.

[147]) Сергеев А. В. — советский военный деятель, участник гражданской войны, автор книги «Стратегия и тактика Красного воздушного флота» (1925 г.).

[148]) Меженинов С. А. (1890—1937) — советский военный деятель, автор книги «Воздушные силы в войне и операции» (1927).

[149]) Космодемьянский Николай Павлович (1891—1958) — советский военный деятель, преподаватель Военно-воздушной академии.

[150]) Взаимодействие родов авиации не ограничивается только задачами обеспечения. Наибольшее значение имеет взаимодействие при одновременном выполнении несколькими родами авиации тактических или

оперативных задач в бою или операции сухопутных войск или ВМФ, а также при самостоятельных действиях ВВС.

[151]) Автор дал два понятия — «господство в воздухе» и «превосходство в воздухе», понимая под первым абсолютное и под вторым — временное и местное. Такое деление не нашло применения в авиационной литературе.

Превосходство является одним из необходимых условий для достижения господства в воздухе (превосходство в количестве и качестве материальной части, в тактике, в подготовке летного состава, в вооружении и т. п.).

В авиационной литературе в зависимости от значения установились три вида господства в воздухе: тактическое, оперативное и стратегическое.

[152]) Приводимая автором терминология видов боевых действий авиации («независимые», «самостоятельные», «обслуживающие») не получили распространения в авиационной литературе. Вместо этого установились понятия: стратегическое, оперативное, тактическое применение авиации.

[153]) Точнее — воздушная армия является не крупным воздушным соединением, а авиационным оперативным объединением.

[154]) С этим утверждением автора полностью согласиться нельзя. Фланги, а вместе с ними и «соседи» в авиации существуют, но в ином понимании. Соседи определяются не совместным расположением на земле (базированием), а совместным расположением в боевом порядке или в оперативном построении на флангах данного авиационного соединения или объединения, выполняющего тактическую или оперативную задачу.

[155]) Мэхен — американский военно-морской деятель, автор многочисленных работ о значении военно-морского флота в войне.

[156]) Коломб (1831—1899) — английский вице-адмирал. В своих трудах обосновывал теорию «господства на море».

[157]) Петров Михаил Александрович (1885—1938) — военный деятель СССР, профессор Военно-морской академии СССР, автор работ по тактике и истории военно-морского флота.

[158]) Шталь Виктор Александрович (1865—1950) — профессор Военно-морской академии СССР. Автор работ по оперативным и тактическим вопросам.

[159]) Томашевич Анатолий Владиславович (1895—1960) — доктор военно-морских наук, профессор Военно-морской академии. Начальник кафедры Военно-морской академии. Автор работ по использованию подводных лодок.

[160]) Пантелеев Юрий Александрович (р. 1901 г.) — военный деятель СССР, начальник штаба флота, командующий флотом, начальник Военно-морской академии. Профессор. Адмирал.

[161]) Ставицкий Сергей Петрович (1886—1953) — начальник кафедры тактики Военно-морской академии. Автор работ по тактике военно-морского флота, вице-адмирал.

[162]) Петровский Владимир Алексеевич (1900—1950) — военный деятель СССР, начальник Военно-морской академии. Автор работ по оперативному искусству военно-морского флота.

[163]) Павлович Николай Брониславович (р. 1897) — начальник кафедры тактики Военно-морской академии. Автор работ по тактике военно-морских сил, контрадмирал в отставке.

[164]) Шведе Евгений Евгеньевич (р. 1890) — начальник кафедры истории и географии Военно-морской академии, доктор военно-морских наук, Заслуженный деятель науки РСФСР, автор работ по военно-морским вопросам, контрадмирал.

[165]) Боголепов Виктор Платонович (р. 1898) — военный деятель СССР. Начальник штаба флота; автор работ по оперативным вопросам военно-морского флота, контрадмирал в отставке.

[166]) Преображенский Евгений Николаевич (1909—1963) — генерал-полковник авиации, командующий авиацией Военно-Морского Флота СССР.

[167]) Столярский Станислав Эдуардович (1894—1919) — начальник кафедры авиации Военно-морской академии СССР.

[168]) Шугинин Александр Михайлович (р. 1901) — начальник штаба военно-воздушных сил Военно-Морского Флота СССР, генерал-лейтенант в отставке.

[169]) Рамишвили Семен Спиридонович (р. 1903) — военный деятель СССР, начальник Военно-морского училища. Автор работ по оперативному искусству и тактике Военно-морских сил, контрадмирал в отставке.

[170]) Орлов Владимир Митрофанович (1895—1937) — военный деятель СССР, командующий флотом, начальник Военно-морских сил.

[171]) Кожанов Иван Кузьмич (1897—1938) — военный деятель СССР. Командующий флотом.

[172]) Викторов Михаил Викторович (1892—1938) — военный деятель СССР; командующий флотом.

[173]) Галлер Лев Михайлович (1893—1950) — военный деятель СССР. Командующий флотом, начальник Главного штаба Военно-морских сил СССР; заместитель Наркома Военно-Морского Флота. Адмирал.

[174]) Левченко Гордей Иванович (р. 1897) — военный деятель СССР; командующий флотом; заместитель Наркома Военно-Морского Флота; заместитель Главкома Военно-морских сил СССР, адмирал в отставке.

[175]) Кузнецов Николай Герасимович (р. 1902) — военный деятель СССР, министр Военно-Морского Флота, Главнокомандующий Военно-Морским Флотом, вице-адмирал в отставке.

[176]) Трибуц Владимир Филиппович (р. 1900) — военный деятель СССР. Командующий Балтийским флотом; начальник кафедры Высшей военной академии, адмирал в отставке.

[177]) Головко Арсений Григорьевич (1906—1963) — военный деятель СССР. С ноября 1956 г. первый заместитель Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР. Адмирал.

[178]) Октябрьский Филипп Сергеевич (р. 1899) — военный деятель СССР, командующий флотом, адмирал.

[179]) Алафузов Владимир Антонович (р. 1901) — военный деятель СССР, начальник Главного штаба Военно-Морского Флота, начальник Военно-морской академии. Профессор. Автор трудов по оперативному искусству военно-морского флота, адмирал.

★ ★ ★

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

С. С. КАМЕНЕВ

И. П. УБОРЕВИЧ

И. И. ВАЦЕТИС

Б. М. ШАПОШНИКОВ

А. А. СВЕЧИН

А. И. ВЕРХОВСКИЙ

В. К. ТРИАНДАФИЛЛОВ

С. М. БЕЛИЦКИЙ

А. М. ВОЛЬПЕ

А. И. ЕГОРОВ

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИИ И ОПЕРАТИВНОГО ИСКУССТВА
В СОВЕТСКИХ ВОЕННЫХ ТРУДАХ
(1917—1940 гг.)

М. Воениздат, 1965 г. 768 стр.

Редактор *Синяев А. Д.*
Технический редактор *Красавина А. М.*
Корректоры *Пономарева Н. И., Хорькова Т. Д.*

Сдано в набор 12.12.64 г. Г-20360 Подписано к печати 13.7.65 г.
Формат бумаги 60×90 1/16 — 48 печ. л. — 48 усл. печ. л. — 48,712 уч.-изд. л.
Изд. № 5/5312 Тираж 6500 ТП65 г. № 111 Зак. 1539

2-я типография Военного издательства Министерства обороны СССР
Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

Цена 2 руб. 64 коп.